

Минченков А. В., Елпидифоров Н. Б.

СТРУКТУРНАЯ ПСИХОСОМАТИКА

Санкт-Петербург 2000 г.

Минченков А. В., Елпидифоров Н. Б.
**СТРУКТУРНАЯ
ПСИХОСОМАТИКА**

© *LappinWork*

Санкт-Петербург 2000 г.

НЕЛИНЕЙНОСТЬ И ТЕКСТ (Вместо предисловия)

Современная цивилизация сосредоточила все свои усилия на постижении и описании тех явлений реальности, которые мы можем назвать линейными процессами или цепочечными взаимодействиями. Отчасти она научилась и управлять ими – в той мере и в тех пределах, где не требуется принципиально нелинейного подхода. Речь идет о тех ситуациях, когда, в силу простоты, явление может быть сведено к некоторой функции или системе функций, или когда нет необходимости переходить к глубинным причинам происходящего и поэтому легко можно ограничиться лишь периферической динамикой.

Рассматриваем ли мы известную школьную задачу о двух трубах и бассейне, изучаем ли фазы развития насекомого, рассчитываем ли упругость пружины, приводящей в действие механические часы, составляем ли алгоритм компьютерной программы – всюду наличию именно линейности как выбранного произвольным образом участка реальности, так и применяемых подхода, инструментария и средств воздействия.

В этих случаях можно пренебречь массой «второстепенных» факторов, относящихся к области «слабых» и «сверхслабых» взаимодействий. Однако, сразу назовем важнейшую область знания, где линейные формы анализа и линейные средства воздействия явно указывают на свою бессильность, а слабое и сверхслабое становится важнейшим предметом внимания, – это антропология. Здесь и дальше под этим термином понимается весь корпус философских, научных и практических знаний о человеке.

Действительно, какую бы конкретную задачу антропологии мы не взяли, попытка решить её теми же методологическими средствами, какие мы применяем, проектируя и ремонтируя часы, оборачивается провалом.

Как только мы сталкиваемся с тяжелыми многофакторными страданиями, такими, например, как онкология, сахарный диабет, эпилепсия, то, попадая в зоны принципиальной нелинейности, понимаем, что справится с ними действуя линейно, процессуально невозможно в принципе. Предмет нашего исследования может лежать и в другой области – экономики, конфликтологии, педагогики. И тут линейные методы анализа и коррекции ситуации оказываются неэффективны. И дело не в том, хороши или плохи линейные технологии, а в том, что они произвольны, обращены на анализ периферической динамики и воздействие на нее. Когда же центр тяжести переносится вглубь, в сферы нелинейности, то действуют либо на основе произвольных и общих рассуждений, либо методом подбора управляющих факторов, который в принципе не может дать устойчивого

и повторяемого успеха. Причина – отсутствие средств работы в области нелинейности.

Нелинейность подстерегает нас всякий раз, когда мы имеем дело с одним из двух практически весьма распространенных случаев. Первый – множественности взаимообусловленных процессов, определяющих течение некоторого явления. Если каждый такой процесс мы представим в виде некоторой направленной линии (будем называть такую линию вектором вне зависимости от того, прямая это линия или нет), то два процесса могут быть описаны только некоторой поверхностью, три – пространством, а множество – гиперпространством, если же параметры процессов взаимообусловлены, то мы имеем дело уже с множеством пространственных представлений, принципиальной нелинейностью. Таким образом увязана, например, совокупность периферических признаков состояния человеческого организма – скажем, температура тела, пульс, артериальное давление, характеристики дыхания и т.д. Или – показатели биржевой активности, валовой продукт различных отраслей хозяйства, стоимость рабочей силы, покупательная способность валюты и т.д. Второй случай – перенесение центра нашего внимания из зоны периферической динамики в зону определяющих ее балансов и структур, которые за внешней активностью кажутся как будто бы и несуществующими. Так, наблюдая обыденные проявления погоды, бытовое сознание не задумывается ни о годовой термодинамике Мирового Океана, ни о высотных атмосферных процессах, ни о состоянии бразильской сельвы, ни о прочих, вынесенных за пределы конкретного ненастья, факторах.

Структурная психосоматика, возникшая в качестве универсальной методологии антропологии (но, как будет видно из дальнейшего, не ограничившаяся последней), по самой своей сути оказалась с самого начала вовлечена в анализ нелинейностей, которые возникают уже в ближайших к периферии слоях человеческого существа, социальных институтов, общественных и культурных феноменов и т.д.

Здесь, однако, возникает определенная трудность, усугубляющаяся тем обстоятельством, что любая развернутая концепция неизбежно включает в себя четыре составляющие: базовую философию, методологию, технологию и рецептурную часть. Эта трудность в том, что текст, представляющийся по неизбежности линейным феноменом, призван в данном случае повествовать о предмете, по сути своей, нелинейном.

Но всегда ли линеен текст? Скорее, линейно его обыденное потребительское восприятие, нацеленное по школьной привычке

на усвоение, в первую очередь, конкретных фактов и операционных схем, т.е. предметов, связанных с линейными процессами и их видимыми результатами. Приступая к данной книге, мы, прежде всего, хотим всячески предостеречь от подобного отношения к ней. Да, она содержит в себе и факты, и операционные схемы, «инструкции» в чистом виде, но не сообщение их составляет ее цель – она иная: передача определенного метода мышления и феноменов реальности; того самого метода, который и получил несколько неудачное название «структурной психосоматики». Более того, ориентация на факты и операционные схемы, которая может возникнуть у части читателей, в данном случае бесполезна и даже вредна.

Если бы можно было, изучив несколько массажных приемов, исцелять каждого конкретного человека, если бы всякий, усвоивший технику медитаций, становился новым Буддой или Рамакришной, наша цивилизация не оказалась бы на грани того всеобъемлющего структурного кризиса, который очевиден сегодня для всякого непредвзятого наблюдателя (здесь сознательно в отношении термина «цивилизация» не употребляются определения типа «западная», «технологическая» и т.д., поскольку точно такой же кризис характерен и для индийской, китайской и любой другой модели человеческого общества, доступной обозрению). Этот кризис обусловлен, с одной стороны, исчерпанностью возможностей технологий, прежде всего, социальных, терапевтических, психологических, базирующихся на линейных периферических процессах, и, с другой стороны, накоплением сверх «предела прочности» массы структурных напряжений, лежащих в области принципиальных нелинейностей и, вместе с тем, требующих незамедлительной адекватной коррекции. Готовые операционные схемы, которые вы найдете в этой книге, окажутся полностью бесполезными, если одновременно и даже в первую очередь не будут переняты нелинейные формы анализа, только на базе которых могут осуществляться какие-либо технологические и исследовательские операции в области принципиальных нели-

нейностей. Новая методология, новые формы мышления – вот посыл этого повествования, а фактография и рецептурная часть – лишь иллюстративный материал.

И все же, насколько текст приспособлен к поставленным задачам, линеен ли он по природе? Ясно, что способ передачи именно образа мыслей, принятый в традиционных культурах и, скажем, на санскрите именуемый «шитья-гуру парампара» («передача от учителя к ученику»), а в нашем обществе нашедший свое выражение в семинарских занятиях, более приспособлен для достижения обозначенной цели. Но и письменный текст может быть надежным носителем такого рода знания, если только читатель ориентирован должным образом.

Путь, предполагающий не попытку определить, но попытку дать понять, ближе всего к тому, который будет применяться в этой книге. Разумеется, он требует от читателя существенных собственных усилий, но иначе и нельзя. Будут использоваться примеры и демонстрации, освещение одного и того же с разных позиций и точек зрения, математические и графические представления, параллели из области традиционных концепций. Передаче смыслов будет следовать и синтаксис и, в особенности, метасинтаксис изложения, которые и в любом тексте по природе нелинейны. При таком подходе неизбежны повторы и мнимые лакуны, которые будут восполняться иными средствами и в ином месте.

Конкретной реализацией сказанного будет проводимый нами принцип «последовательного приближения». Одни и те же базовые принципы, концепции, схемы будут даны несколько раз последовательно от описательного уровня изложения к строго математическому и структурному. В силу нашего опыта мы будем рассматривать основные принципы и методы структурной психосоматики в основном на базе практики работы с различными проблемами и паталогичми в терминах психологии. Понятно, что излагаемые взгляды могут быть обобщены на базе иной понятийно – семантической системы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Базовые понятия.

Методологические и философские основы подхода.

Глава 1

Предмет и доктрина структурной психосоматики

Одним из заблуждений антропологии является ставшее уже культуральным штампом разделение нерасчлененного единства человеческого существа на ряд якобы независимых слоев, которым в разных традициях приписываются несколько разные свойства и названия типа «дух», «душа» и «тело», «пневма», «псюше» и «сома», «грубое» и «тонкие» тела и т.д.; у некоторых авторов число подобных сущностей, полагаемых независимыми, превышает десяток. Соответственно, дробится и взгляд на предмет исследования, что поражает множество «независимых» или трудносовместимых дисциплин со своими языками описания, методами анализа и коррекции – таких, как физиология, психология, оккультные («тайные») науки и т.д. Подход, положивший начало структурной психосоматике в качестве самостоятельного теоретического и практического направления, основан на прямо противоположном утверждении.

Феномены, относящиеся к разным вертикальным уровням организации человеческого существа, в процессуальном и структурном смыслах суть одно и то же

Назовем это высказывание психосоматическим постулатом. Как будет ясно из дальнейшего, подобная формулировка носит «мягкий» или «предварительный» характер, но уже она, вкуче с последовательным структурным анализом, дает очень хорошие результаты, которые могут быть распространены на самые различные области антропологии – от клинической физиологии до теории искусства. Но интересно, что уже на этом этапе исследований возникают важные мировоззренческие, математические и естественно-научные следствия. Этому можно дать объяснение как в рамках сугубо линейных представлений, так и с точки зрения принципиально нелинейной совокупной картины Мироздания; частью её является и Активное Сознание, проявляющееся, в том числе, и в форме человеческого существа.

Линейное мышление обнаруживает, что Активное Сознание принципиально не имеет иного инструмента познания, кроме собственного существа. Даже, когда речь идет о приборных методах исследования, все сводится, в конечном счете, все к той же работе аппарата перцепции в совокупности с центральными механизмами анализа и обобщения. Это же касается и абстрактных областей знания – так математика, по-существу, целиком сводится к выявлению и формализации внутренних механизмов мышления.

Следствием сказанного является тот внешне простой, но на самом деле нетривиальный вывод, что исследователь всегда имеет дело с некоторой неразрывной системой, неизменно включающей в себя и его самого. Таким образом, любой акт познания,

даже такой простой, как измерение листа бумаги линейкой, предстает перед нами, как процесс, на одном полюсе которого расположен определенный факт, а на другом – «внутренняя проекция», образ этого факта; связующим звеном является само измерение и его дальнейшее абстрагирование. В некоторых культурах указанный феномен осознавался значительно четче – и, скажем, в древнеиндийской, мы находим, что самый язык её (санскрит) допускает передачу отображаемого объекта, процесса отражения и образа отраженного объекта одним и тем же словом (например, зримого предмета, феномена зрения, зрительного образа. Разные науки сосредотачивают внимание на разных участках этого процесса (физика – на свойствах «внешнего» мира, психология на «внутренних» образах, психофизика – на механизмах перцепции – таким образом, возникает иллюзия изолированности разных областей знания и формируется по неизбежности фрагментарная картина Мира, которая и выдается за истинную. Кстати именно явление, связанное с процессом зрения-цвет – может служить здесь хорошим примером. Действительно мы имеем физическую теорию цвета, восходящую к Ньютону, и психофизическую теорию цветовосприятия, восходящую к Гёте. И там, и там мы имеем законы смешения цветов, но они разные, поскольку разной является точка отсчета. Нам надо знать и те, и другие законы, и совершенно неправильно разбирать, какие из них «более истинны» – это непродуктивная постановка вопроса.

Но, если какие-либо абстрактные, скажем, математические, построения оказываются на деле применимы к реальным феноменам Вселенной, то это свидетельствует как раз о единстве Мироздания, общности его структуры и законов и принадлежности процессов отражения этих законов Активным сознанием к тому же классу естественных природных процессов. Об этом же свидетельствует и возможность изложения наблюдаемых фактов средствами моделирования, созданными Активным Сознанием – будь то бытовая речь, образный язык искусства, формальные построения математики или какая-нибудь аналоговая процессуальная модель.

Таким образом, Активное Сознание для самого себя, а для нас, людей, человек действительно оказывается мерой всех вещей и не потому, что является центром Вселенной или чем-то избранным, исключительным в ряду других вселенских феноменов, но потому, что только этой мерой мы и располагаем. Поэтому изучение человеческого существа как единства среды, процессов отражения – отреагирования, механизмов анализа, обобщения и деятельности, как единства тела, души и духа во всех их проявлениях от физиологии до культуры, чем, собственно, неизбежно дает ключ

к многим «внешним» процессам и проявлениям. Иными словами, структура и законы внешней и внутренней деятельности человеческого существа оказываются верным отражением структуры и законов Мироздания постольку, поскольку Мироздание едино. Повторимся, что эти доводы отражают линейный подход к феномену, связанным с Активным Сознанием, его деятельностью и позиционированием среди других универсальных феноменов.

Зададимся, однако, вопросом, едва ли не бессмысленным в рамках линейных представлений, в каком смысле и каким образом, иными словами, почему Мироздание едино? И действительно, ведь масштабы Вселенной таковы, что исключают любые выравнивающие цепочечные взаимодействия, любой обмен веществом и энергией и даже всякий обмен управляющими сигналами, которые могли бы нивелировать условия и параметры далеко отстоящих друг от друга областей. (Конечно, если эти сигналы несут характер обычных линейных процессов, распространяющихся с конечной скоростью – пусть даже это скорость света). Однако, наблюдая разные точки неба, мы тем не менее, всюду находим полную анизотропию проявлений и свойств. Это может означать только одно: Вселенная едина в смысле происхождения от единого образующего центра и реализованной в соответствии с его базовой матрицей структуры; Вселенная самоподобна или фрактальна, причем ее базовая матрица на разных уровнях организации всякий раз повторяет саму себя – разумеется применительно к конкретным условиям своей манифестации. Именно образовавшаяся структура обеспечивает, с одной стороны, универсальное постоянство законов и свойств, а, с другой стороны, строгую иерархичность уровней организации. Активное сознание, в том числе и человеческое существо как форма его реализации – и часть этой единой структуры, и полноценный носитель его фрактального развертывания. Иными словами, Микрокосм, т.е. человек, действительно является подобием Макрокосма, т.е. Вселенной.

Начальная точка разворота фрактальной структуры Мироздания, и базовая матрица в зависимости от мировоззрения, культуральных традиций, религиозной ориентации и языка описания может интерпретироваться как Первопричина, Большой Взрыв (Big Bang), Абсолют, Ади-Будда, Творец, Бог, Абсолютный ноль и т.д. Мы будем использовать некоторые из этих наименований, не ставя вопроса об истинной сущности этой начальной точки. Для нас важно другое: Первопричина в свернутом виде содержит в себе всю информацию о проявленном Космосе и его структуре, отдельные же феномены подчиненных уровней не могут иметь свойства и качеств, не присущих структуре в целом или ее базовой матрице. Сказанное означает, что и Абсолютный ноль, и его полная манифестация – Вселенная в целом – должны быть, среди прочего, и носителями Активного Сознания, хотя, разумеется, качество этого феномена, реализованного на разных уровнях структурной организации, различно. Тем не менее, человеческое существо, обитающее, в определенном смысле, на периферии вселенского развертывания, не уникально в качестве формы проявления Активного Сознания (или, выражаясь более распространенным языком, в качестве носителя разума).

Итак,

Основным принципом организации Вселенной в целом, а также всех ее проявлений и феноменов является фрактальность разворота структуры от некоторой начальной точки, базовой матрицы.

С другой стороны,

Все феномены и проявления Вселенной являются фрактальным подобием ее универсальной структуры и начальной точки развертывания, базовой матрицы, – качество такого подобия обусловлено позиционированием соответствующего феномена или проявления.

И, наконец,

Активное Сознание является одним из фундаментальных свойств, присущих Вселенной в целом, начальной точке развертывания ее структуры – базовой матрице – и различным фрактальным элементам структуры, обладающим минимально достаточной степенью сложности.

Ниже мы подробно разберем вопросы фрактального развертывания структуры, потери ее качества на разных уровнях организации, условий, необходимых для проявления на соответствующем уровне Активного Сознания и т.п. – сейчас для нас важно подчеркнуть другое: изучая структуру, функционирование и позиционирование человеческого существа, все его качества и все проявления его активности, т.е. те вопросы которые ставит перед собой антропология, мы неизбежно вторгаемся в области, связанные с фундаментальными вопросами строения и функционирования в целом. Или, что тоже самое, для того, чтобы разрешить коренные вопросы антропологии, мы должны разобрататься в структурном устройстве Мироздания, принципах трансляции его базовой матрицы, законах ее эволюции и т.д.

Таким образом, структурная психосоматика, ставящая перед собой такие вопросы, представляет собой попытку реализации последовательной психо-физики, если понимать под этим названием концепцию, исследующую те качества и свойства Мироздания и человека, в отношении которых «психо» = «физика», причем с точки зрения структуры Активного сознания, которое понимается в ракурсе психосоматического единства.

Это не значит, что структурная психосоматика пытается подменить собой физику, химию или по крайней мере биологию – ее предмет имену антропология, в центре ее внимания именно человек, но она не отрывает человека ни от внешней реальности, ни от плодов его деятельности, ни от поражаемой им социальной среды – как в плане общего процесса отражения-отреагирования, так и в плане происхождение в процессе развертывания структуры Вселенной, общих закономерностей этой структуры и ее эволюции. Если такого рода исследование, а это неизбежно, выходит за узкие рамки суждений собственно о человеческом существе или даже собственно об Активном Сознании, проникая в области математики, космологии, физики и т.д., то эти побочные результаты являются, как мы видим, следствием, во-первых, того факта, что человек по сути своей универсальная машина познания, устроенная и действующая в полном соответствии с этой своей глобальной задачей, а во-вторых, фрактального подобия Активного Сознания множеству иных Космических феноменов и Космосу в целом. Таким образом, структурная психосоматика возрождает старый тезис дельфийского храма: «Познай самого себя», – дополняя его словами: «...и ты познаешь устройство Вселенной». Речь, по большому счету идет о призыве перенести центр тяжести исследовательской активности с изучения «внешней» реальности в область человекознания и на этой основе строить дальнейшие познавательные конструкции. Конечно, никто не предвидит, что современная цивилизация свернет свою естественно-научную и технологическую активность. В этом нет и особой необходимости. Но такая активность должна быть дополнена активностью другого рода, открывающей путь, как к управлению самим собой, так и к новым универсальным технологиям, позволяющим через самого себя познавать окружающий мир и действовать в нем.

При этом структурная психосоматика вовсе не сводится к глобальным построениям и общим рассуждениям мировоззренческого и космографического плана. Это только один ее пласт. Возникшая как прикладная дисциплина, включающая техники индивидуальной терапии (совмещающей в себе в единое целое работу с телом и «психотерапевтическую» работу, а, точнее, работу с личностью и ее структурными элементами) и групповые практики, направленные на повышение «жизненной» и деловой эффективности участников, она во многом таковой и осталась, но по неизбежности обратилась к прояснению собственных основ и приложению выработанных методов в смежных областях.

Как уже говорилось, любая последовательная и самостоятельная концепция должна включать базовую философию, методологию, технологию и результирующую часть, т.е., собственно, технику.

Мировоззренческая основа структурной психосоматики в первом приближении обозначена достаточно ясно. Она включает в себя представления о единстве Вселенной, включающей в себя как составной и универсальный элемент Активное Сознание, фрактальном принципе ее организации и развертывание от базовой матрицы, содержащей в себе в латентном виде все ее свойства и качества. Важнейшим утверждением структурной психосоматики на уровне доктрины является структурный постулат:

Универсум в целом, а также любой ее выбранный locus могут быть и исчерпывающим образом описаны лишь через совокупность множества составляющих элементов и множества структурных соотношений между ними (собственной структуры), сопоставленные со структурными отношениями как по вертикали (иерархия структуры), так и по горизонтали (смежная структура), возникающими в отношении других locus, причем именно структурные свойства Универсума в целом, а также

ГЛАВА I Ч. 1

любого его выбранного locus определяют их наиболее фундаментальные свойства и качества.¹

¹Мы будем использовать термин «Универсум», имея в виду структурное и элементное единство всей проявленной явленности, а «locus» — в отношении любой её выделенной составляющей — объекта, феномена, процесса и т.д.

Структурный анализ человеческого существа и составляет основу методологии структурной психосоматики, которой посвящена существенная часть настоящей книги. Важной особенностью такого подхода является принципиальная неразличимость «внешней» и «внутренней» деятельности, точнее, осознание того факта, что любая деятельность имеет «внешнюю» и «внутреннюю» составляющую, что человек участвует в каждом акте своего существования не отдельным элементом своей структуры, а ее целокупностью — идет ли речь о вертикали «тело-душа-дух» или об оси отражения-отреагирования. То же касается и иных объектов рассмотрения структурной психосоматики — человеческого общества, малых групп, культурных феноменов и т.д. Это означает, скажем, что в том или ином жесте участвует не только совершающая его рука, но и все структурные уровни и элементы человека, и такой жест для исследователя несет информацию о их состоянии и взаимной упорядоченности. Точно также любая внутренняя деятельность проявляется, в том числе, и в виде «внешних» проявлений, например, невербальных реакций, служящих маркерами, по которым такая внутренняя деятельность может быть отслежена и проанализирована.

В области технологии сказанное выражается в том, что структурная психосоматика отвергает изолированную работу с отдельными структурными составляющими человеческого существа, противопоставляя ей комплексный и при этом сугубо индивидуальный подход, адресующийся одновременно к телесному уровню, психике и высшим интегративным функциям Я человека. Эти технологии частью восходят к традиционным, частью основываются на практике НЛП и различных телесно — ориентированных терапевтических школ, однако претерпевают в лоне новой концепции полное переосмысление и радикальный пересмотр в области стратегии и тактики, показаний, анализа результатов и, собственно, техник. В частности, своеобразие психосоматического подхода выражается в отношении к т.н. «измененным состояниям сознания» в области которых, в основном, и ведется работа. Анализ показывает, что «измененные состояния» — это вовсе не «психологическая экзотика» а, напротив, основа деятельности человеческого существа и лишь самая периферия его структуры оказывается в зоне «обычных состояний», традиционно полагаемых базовыми. Отсюда особый интерес к состоянию транса и таким сопровождающим его феноменам, как раппорт, присоединение, эмпатия и т.д.

Таким образом, структурная психосоматика предстает перед нами в следующих аспектах:

* как теоретическая дисциплина, исследующая психосоматическое единство человеческого существа, его структуру и взаимодействие в рамках общей структуры Универсума;

* как методология антропологии, поставляющая ее отраслям аналитический инструментарий и средства коррекции обнаруживающихся изъянов структуры;

* как практическая технология терапии и анализа в разных областях наук о человеке от медицины до педагогики и культурологии;

* наконец, как индивидуальный путь самопознания и самосовершенствования.

Последнее требует дополнительного пояснения.

Структурная психосоматика и в целом, во всех своих аспектах, проявляет особый интерес к методам мышления, присущим глубоким логическим уровням или же сквозным по своей природе, но также обладающим повышенной эффективностью по сравнению с общераспространенными. Эти методы принципиально нелинейны и основаны на иерархии уровней организации Активного Сознания. Речь идет о таких приемах, как снятие полярности, экскурсивное мышление, третья позиция, объемное моделирование и т.д. — они будут подробно изложены в соответствующих местах настоящей книги.

С другой стороны, технологии работы, применяемые в структурной психосоматике в отношении любых ее форм, считают нормальными те ситуации, в которых человек не менее активен, чем работающий с ним терапевт или оператор. В любом случае, результат достигается работой самого пациента или участника семинара, внутренней перестройкой его структуры на основах, более соответствующих его собственным природным возможностям и задаткам. Естественно, что уже изложение концепции и практики структурной психосоматики, проведенное таким образом, чтобы вызвать трансовые состояния и переместить центр осознания воспринимающего на глубинные уровни сознания, вызывает такую работу и такую перестройку, и может считаться одной из приемлемых техник.

Наконец, весь пафос и весь посыл структурной психосоматики направлен именно на мобилизацию собственной активности человека на пути его структурного развития, нормализации и коррекции этой структуры, ее пересоздания на основах базовой матрицы индивида и, в конечном счете, базовой матрицы Универсума. Иной путь и в принципе невозможен.

Структурная психосоматика предлагает средства и техники самопознания и развития, обозначает ориентиры и способствует возникновению условий, в которых самопознание и развитие только и могут происходить. Ставя, в конечном счете, цели индивидуальной и коллективной эволюции, она апеллирует к личности, без участия которой никакая подлинная эволюция невозможна — она должна быть полностью сознательна и полностью осознана.

В этом смысле следует понимать и настоящую книгу, цель которой — это, прежде всего, побуждение к действию, к целенаправленной работе с самим собой; более того, мы рассматриваем самое чтение и осознание изложенных в ней концепций, технологий, фактов в качестве такой работы, а книгу в целом — как некоторый инструмент рассчитанного воздействия на читателя, как одну из сознательно реализуемых техник структурной психосоматики.

1. ВЕРТИКАЛЬНЫЕ УРОВНИ ОРГАНИЗАЦИИ

Источником большинства современных спекуляций на эту тему являются каббалистические и древнеиндийские представления. Их краткий анализ имеет существенное значение для дальнейшего изложения.

Каббалла, мистическое учение древних евреев, вычленяет внутри человеческого существа три основных уровня (рис. 1):

* материальное тело, тварное по своей природе, или низшую субстанцию — Нефет;

* божественную искру или дух, нетварный, но исходящий от Бога, или высшую субстанцию — Нешама;

* душу или жизнь, посредника между телом и духом — Руах.

Они различаются между собой как конкретное (тело), частное (душа), главное (дух). Тело пассивно и взаимодействует с внешним миром; дух активен и связан с Богом, душа, которой присущи качества и тела, и духа, посредничает между ними. Кроме того, внутри этих основных уровней, выделяется по три дополнительных:

* конкретное в конкретном;

* частное в конкретном;

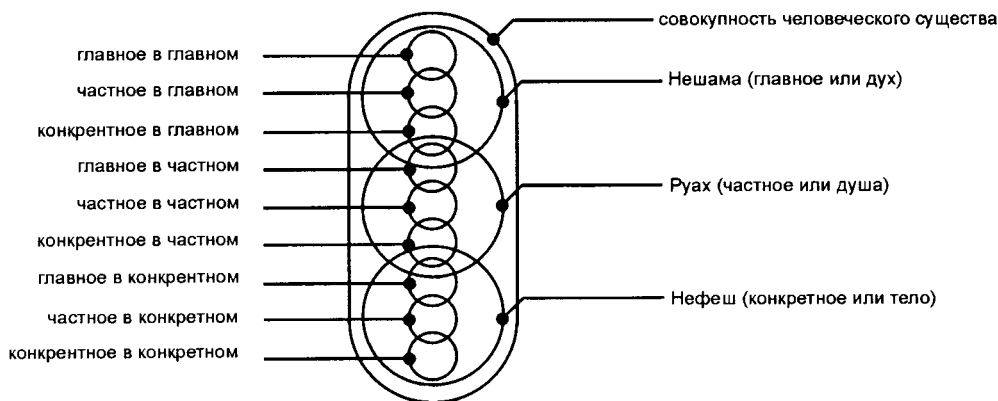

Рис. 1 Схема строения человека по Каббале

- * главное в конкретном;
- * конкретное в частном;
- * частное в частном;
- * главное в частном;
- * конкретное в главном;
- * частное в главном;
- * главное в главном.

Конкретное мыслится как субстанция, частное – как движущая сила, главное – как принцип.

Слияние всех девяти частей в человеческом существе дает единицу – то, что древние называли «телесным духом» Адамом, призванным объединить небо и землю.

Обратим внимание, что уровни и подуровни не разорваны, проникают друг в друга, и вся схема строится по фрактальному принципу.

Некоторые современные оккультные писатели (и даже некоторые каббалисты) говорят о пяти уровнях: кроме Нефеш, Руах и Нешама упоминаются (в порядке движения «вверх») Хайя («живая») и Йехида («единственная»). Здесь налицо явное недоразумение: Хайя и Йехида – название двух верхних подуровней уровня Нешама, которым в мистической практике придается особое значение. Кабалистика говорит о пяти уровнях ещё и потому, что соотносит их с пятью книгами Торы (Пятикнижью Моисея): Йехиду – с книгой «Левит», Руах – с книгой «Числа», Нефеш – с книгой «Второзаконие».

Христианская традиция, всегда достаточно равнодушная к формальным представлениям, ограничивается разграничением тела, души и духа, причем душа и дух всегда разграничиваются как самостоятельные сущности: «душа согрешившая умрет», но «дух возвратится к Богу». О том же сказано, что «тленному сему подлежит облечься в нетленное, и смертному сему – облечься в бессмертие» (1 Кор., 15,53), т.е. тело должно измениться, но не отмениться.

Другая традиция, восходящая, в том числе и к ветхозаветному монотеизму, суфизм, мистическое течение мусульманского Востока, различает:

- * человеческую природу, насут;
- * духовную сущность или Сердце, калб;
- * божественную природу, лахут.

Калб – это промежуточный уровень между насут (телом) и лахут (духом), между Землей и Небом; его называют еще и ангельским миром (алам ал-малакут), Небесной Землей и, вслед за Кораном (25;55/53), препроной (барзах) между двумя морями. Значение калба – Сердца столь велико, что в одном из хадисов сказано: «Не вместят меня ни Моя Земля, ни Мои Небеса, но вместит Сердце слуги моего покорного». Только Сердце способно отразить в себе Лохут, Душу Души. Великий персидский суфий Фарид-ад-дин

Аттар (XIII в) пишет: «Душа скрыта в теле, а Ты скрыт в Душе. О, Душа Души, Ты более велика, чем все сущее, и Ты предстоишь всему сущему. Через тебя видно все, и Ты видна во всем». Лохут – это, по словам других авторов, Святой Дух (рух ал-косб), Возлюбленный, Высший Разум и т.д. Лохут – это божественное в человеке, это упомянутый в Коране (55;27) лик Господа, скрывающий божественную Суть (лахут).

Казалось бы, бесконечно далекие культурно и исторически, мыслители Древнего Китая высказывают сходные мысли: человек состоит из физического тела (цзин), духа (шэнь) и посредничающей между ними «энергии» (используем пока этот термин, не разбирая вопроса о «энергетической сущности» человеческого существа) ци. Порозня они не существуют и, точно так же, как в процессе разветвления Мироздания из Единого возникает множественное (Дао рождает Одно. Одно рождает два. Два рождает три, три рождает все вещи, – сказано в «Даодэцине») в процессе духовного становления множественное возвращается к Единому.

«У неба три драгоценности, – говорит древнекитайское изречение, – солнце, луна, звезды. У человека три драгоценности – цзин, ци, шэнь». Цзин – это тонкая сущность телесной материи человека. Это слово переводят как «семя», «эссенция», «сперма». В «Хуайнань-цзи» («Философы из Хуайнани», трактат составлен около 180-122 гг. до н.э.) сказано: «В природе из цзин состоят солнце, луна и звезды, гром и молния, ветер и дождь, а в человеке – «пять плотных органов»², через которые цзин проникает также в органы восприятия». Термин «ци» переводят по-разному – «воздух», «дыхание», «прана», «эфир», «жизненная энергия»; все же перевести адекватно это слово не удастся, и в литературе все чаще используется принцип: переводить ци как ци. Однако беспристрастный анализ показывает, что ци в определенном смысле есть аналог Руах, калб, ведической праны и христианской «души живой», что ставит под сомнение укоренившееся отечественное толкование ее в качестве «энергии».

²Т.е., сердце, легкие, селезенка, печень, почки

С точки зрения китайской натурфилософии, ци порождает мир (это и есть «три» Даодэцина); все космические явления происходят вследствие его движения и изменения. Так и человек существует постольку, поскольку в нем действует ци, и, как говорит великий мыслитель древности Чжуан-цзи: «Рождение человека – это скопление ци. Соберется ци – образуется жизнь, рассеится – образуется смерть».

Третья субстанция – шэнь – мыслится как «тонкая материя», образующая дух Космоса и человека, в этом она аналогична Нешама, лахут, пневме.

Таким образом, шэнь и цзин представляют собой основы соответственно духовной и телесной деятельности человека, а ци обеспечивает их разветвление и функционирование. «Ци, находящееся в человеке, также движется в теле по кругу, то поднимаясь, то опускаясь, а шэнь и цзин, оседлав его, то входят, то выходят. Шэнь и цзин, если ци покидает тело, рассеивается, подобно тому, как рыба «гибнет, оказавшись без воды», – говорится в «Тайнин цзин». И далее: «Ци – это корень неба, Земли и человека. Что

касается шэнь, то его получают от Неба, что касается цзин, то его получают от Срединной Гармонии: взаимно соединяясь они становятся единым Дао-путем. По этой причине шэнь движется, оседлав ци, а цзин также пребывает в нем. Что касается этих трех, то вместе они помогают друг другу достичь упорядоченности. По этой причине, если человек хочет достичь долголетия, то он должен беречь ци, почитать шэнь, высоко ценить цзин».

ГЛАВА I Ч. 1

Отношения между цзин, ци и шэнь не могут быть сведены к линейной зависимости. Вот так трактует их взаимосвязь глава школы Чжун Юань Цигун г-н Сюй Минган (в личной беседе): «Цзин, ци и шэнь – это «тонкие» составляющие физического тела человека, его жизненной силы и духа, их субстанции. В соответствие с нашей системой и используя для наглядности метод координат, мы можем изобразить Человека и Космос в виде воображаемого пространства, где по одной оси будем откладывать цзин, т.е. материю, по другой – ци, по третьей – шэнь, т.е. дух (рис. 2). Каждая точка в нашем воображаемом пространстве – это отдельный космический мир или отдельный человек, наделённые своей мерой цзин, ци и шэнь».

Древняя индоевропейская традиция представляется в этом вопросе более запутанной, но эта путаница внесена, главным образом, поздней теософской и оккультной литературой, опиравшейся на неточное прочтение Вед.

Действительно, скажем, в «Тайттирия упанишаде» (раздел «О блаженстве Брахмана») говорится о пяти «кошах» (буквально «корзинах», т.е. «оболочках» или «телах» человека):

- * Аппамайя-коша, оболочка пищи (аппа);
- * Пранамайя-коша, оболочка праны;
- * Маномайя-коша, оболочка ума (манаса);
- * Виджнянамайя-коша, оболочка чистого знания (виджняна);
- * Анаидамайя-коша, оболочка блаженства (анаида).

К ним часто добавляют еще две «коши», часто по недоразумению – итог получается семь, что в традиционном оккультном переложении дает:

- * физическое («грубое») тело;
- * астральное тело;
- * эфирное тело («эфирный двойник»);
- * ментальное тело;
- * причинное (каузальное или кармическое) тело;
- * буддхическое тело;
- * атмическое тело.

Запомним пока это число «семь», как и число «девять» каббалистической традиции, но обратим внимание, что все многообразие «кош» размещается учителями веданты и йоги по трем уровням строения:

- * стула шарира («грубое» или материальное тело);
- * сукшма шарира («тонкое или астральное тело»);
- * карана шарира (тело «семени», т.е. «причинное»).

Пять кош «Тайттиририя упанишады» распределяются между шарира следующим образом: «грубое» тело (стула шарира) состоит из оболочки пищи (Анамайя-коша), «тонкое» тело (сукшма шарира) – из оболочек праны (Пранамайя-коша), ума (Манамайя-коша) и чистого знания (Анаидамайя-коша). О телах же, такой авторитет, как Свами Шивананда говорит: «Физическое тело подобно льду, «тонкое» тело подобно воде, а тело «семени» подобно пару».

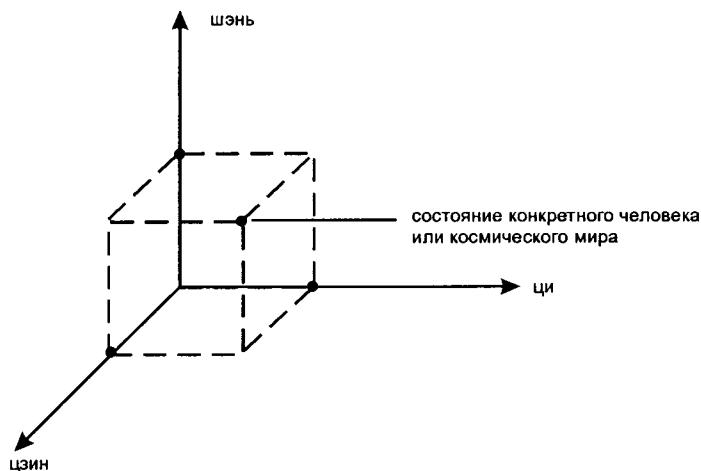

Рис. 2 Взаимосвязь между цзин, ци и шэнь по учению школы Чжун Юань Цигун

Другие традиции, имеющие своим основанием индоевропейские корни, подтверждают, что все вещи состоят из трех субстанций, причем Вселенная в целом суть совокупность Высочайшего мира, Высшего мира и Низшего мира, поскольку же Человек (Микрокосм) во всем подобен Вселенной (Макрокосму), он также трехчастен и состоит из высочайшего (дух), высшего (душа) и низшего (тело); мистическая традиция древних германцев, скрытая в рунах, говорит о реализации в человеке Верховного божества, Одина, который триедин в своих воплощениях – это Один (творческая воля, т.е. дух), Вилли (разум, т.е. душа) и Ве (т.е. физическое тело); согласно со сказанным и древнеславянская традиция, мы подробно её рассмотрим ниже.

Из всего сказанного нельзя пока сделать окончательных выводов, поскольку ясно, что разные традиции несут в себе много общего, но содержат и определенные разночтения. И общее, и разночтение в равной мере обусловлены одним и тем же обстоятельством: знание, переданное через письменные источники различных традиций, представляет собой лишь отдельные элементы единой концепции, к тому же выраженные в разных языках описания, различающихся и словарно, и синтаксически; к содержанию этой единой концепции мы еще вернемся. Пока же отметим следующее:

- * всегда рассматриваются три основных уровня, которые чаще всего образуют линейную вертикаль «тело-душа-дух» (Таб. 1);
- * очевиден фрактальный принцип организации этих уровней, когда, с одной стороны, человеческое существо отражает строение Космоса (этот вопрос будет подробно рассматриваться ниже), а, с другой стороны, подуровни представляют собой проекцию основных уровней;
- * уровни в любом случае представляют собой некоторое единство, которое распадается при исключении одного из них.

Важно теперь сопоставить феномены, изучаемые современной антропологией, с вертикальными уровнями традиции. В первом приближении этот вопрос решается следующим образом:

- ◆ к вертикальному уровню тела относится вся сумма физиологических процессов;
- ◆ к вертикальному уровню души – вся сумма психологических проявлений, кроме чувства собственного Я, исходящих от него волевых импульсов (волений) и самоидентификации; действительно, ведическая традиция считает подчиненными все эмоциональные и мыслительные функции, включая сюда не только разум (манаса), но и высший разум (буддхи), связанный с Виджнямамайя-кошей – всё это «индрия», то есть «органы», отличные от внешних органов действия (конечности, органы психофизической перцепции) лишь «тонкостью» своей субстанции;

* Согласно древнеегипетской традиции Ах («блаженный», «просветлённый») – это же самое тело, но преображенное, посмертное, в нём человек пребывает в загробном мире; Ка – это жизненная сила и, одновременно, потусторонний

Таблица 1. Вертикальные уровни организации человеческого существа

Уровни организации	Каббала	Раннее христианствѳ	Суфизм	Древний Китай	Ведическая традиция	Древний Египет ³	Современные представления
Тело	Нефет	Сома	Насут	Цзин	Стула Шарира	Ах	Физиологические процессы
Душа	Руах	Псюше	Калб	Ци	Сукшма Шарира	Ка	Психические процессы
Дух	Нешама	Пневма	Лажут	Шэнь	Карана Шарира	Ба	Воления, самоидентификация

двойник, «второе Я», которое и при жизни и после смерти функционирует в неразрывном единстве с телом (со свойствами Ка связана также судьба человека; Ка осуществляет и связь с предками, прежде всего, с отцом); Ба — это «дух» (так перевел этот термин на коптский ещё египетский автор VI в. Гораллолон, известный трактатом об иероглифах).

♦ к вертикальному уровню духа относятся чувство собственного Я, воления и способность к самоидентификации.

Важно отметить следующее: все традиционные схемы, по крайней мере, в том изложении, которое дается здесь на основании ряда письменных источников, представляют собой линейные цепочечные структуры. (Особняком стоит концепция школы Чжун Юань Цигун, развертывающая структуру «тело-душа-дух» в пространстве — она послужит нам отправной точкой некоторых дальнейших рассуждений). Однако, как подчеркивалось, человеческое существо представляет собой принципиально нелинейное образование. Первым шагом, который делает структурная психосоматика, формулируя психосоматический постулат, является переход от линейных представлений к плоскостным (рис. 3): выясняется, что «фронт взаимодействия» человеческого существа с Космосом ориентирован «поперек» вертикали «тело-душа-дух». Иными словами, сигнал извне приходит одновременно во все «этажи», отреагирование также формируется на всех вертикальных уровнях одновременно, не существует таких процессов и проявлений, которые затрагивали бы лишь тело, душу или дух — есть лишь телесные, душевные и духовные аспекты единых процессов и проявлений. На данном этапе мы лишь декларируем это утверждение, оставляя выяснение механизмов такого одновременного отражения-отреагирования на потом.

Поскольку в дальнейшем мы будем рассматривать «тонкую» структуру процесса отражения-отреагирования, имеющую свои уровни организации, дадим следующее определение:

вертикальными уровнями организации или вертикально называются любые структурные градации по вектору «тело-душа-дух», а также любые подуровни, выявляемые при его подробном анализе

2. ЛОГИЧЕСКИЕ УРОВНИ СОЗНАНИЯ

Мы можем свести всю совокупность внешней и внутренней деятельности к процессам отражения-отреагирования (в данном случае термин «процесс» не носит узкого линейно-цепочечного характера), анализ которого и связанных с ним телесных и психических проявлений позволяет вычлениить т.н. логические уровни сознания, «перпендикулярные» вертикали тело-душа-дух. Может показаться, что процедура такого вычленения в известном смысле произвольна, однако, это не так — фрактальный принцип организации человеческого существа порождает вполне определенный структурный каркас, имеющий сложные топологические свойства. На этом этапе мы не будем рассматривать их досконально, ограничившись обзором, основанном на т.н. когнитивных (т.е. познавательных) вопросах, присущих каждому уровню и указывающих на соответствующий ему способ познания реальности. Отслеживание когнитивных вопросов в совокупности с суммой наблюдаемых вербальных и невербальных реакций позволяет легче всего идентифицировать в процессе общения или самонаблюдения, на каком логическом уровне пребывает в данный момент сознание.

Начнем с необходимых определений и замечаний

будем называть логическими уровнями сознания любые градации по вектору процесса отражения-отреагирования, т.е. взаимодействия человеческого существа с внешней реальностью или внутренней деятельности

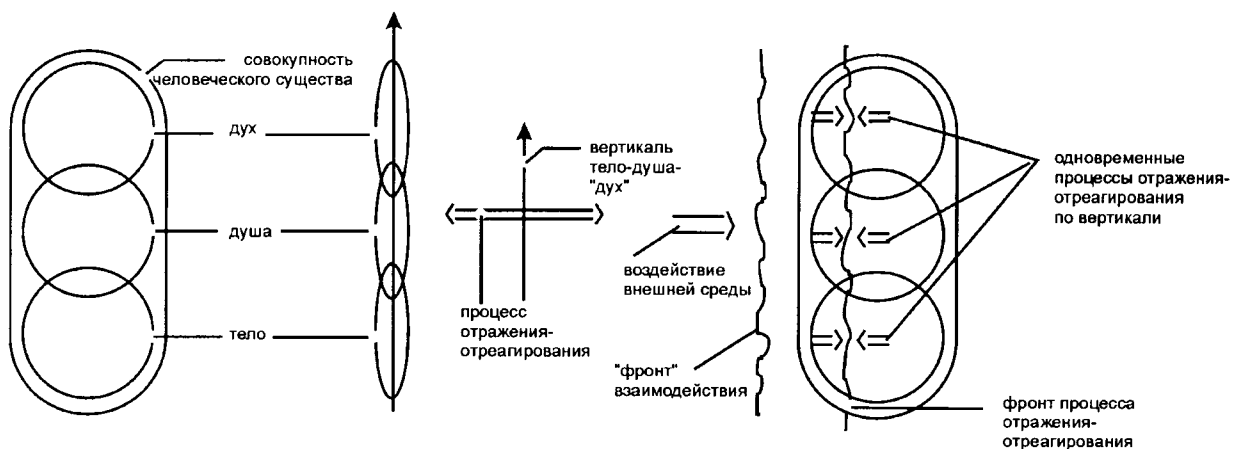

Рис. 3 Вертикальная структура и процесс отражения-отреагирования

Таких уровней удается вычлениить семь, причем они могут быть сведены к трем более крупным структурным слоям – проявлений личности, личности и ядра личности. Хотя, как будет показано при разборе топологических свойств уровней, сами логические уровни вполне четко очерчены в смысле структуры и принципов внутренней организации, психосоматически они едины и между ними всегда можно выделить некоторые переходные зоны, границы. Наибольшее значение имеют

ГЛАВА I Ч. 1

переходные зоны между вторым и третьим и пятым и шестым логическими уровнями сознания, которые мы назовем барьерными мембранами. Впервые понятие «логических уровней сознания» было выдвинуто американским мастером НЛП Робертом Дилтцем в 1982 г. К сожалению, схема Дилтца плоскостная (другие её недостатки станут очевидны из дальнейшего обсуждения). Очевидно, для Дилтца понятие ядра является всего лишь метафорой. Но попробуем перейти к объёму, и мы увидим, что треугольник – это сектор, т.е. часть круга, а тот, в свою очередь – часть сферы. Теперь очевидно, что движение по логическим уровням плоской модели «вверх» есть в объёме движение «вглубь», к ядру (рисунок в конце главы).

Каждое человеческое существо наделено всеми логическими уровнями, но далеко не каждый в одинаковой мере представлен в деятельности конкретного человека. Введем понятие центра осознания, т.е. «точки», в которой в данный момент сознание пребывает относительно структуры логических уровней. Будем также называть доступными логическими уровнями те, на которые данный конкретный человек способен свободно оперировать по собственному желанию. Выясняется, что для большинства людей доступны лишь два – три, иногда четыре из семи логических уровней, а точка осознания многих, как правило, пребывает лишь на внешних логических уровнях, имеющих отношение к проявлениям личности, а не собственно к личности и, тем более, не к ядру. Если оперирование на данном уровне привычно и свободно, то такой уровень проработан, он становится столь же доступен, как, скажем, умение плавать или играть на музыкальном инструменте. Если уровень недоступен, он является достоянием бессознательной сферы и мыслительные, психические и психофизические возможности человека (вплоть до способностей владеть своим телом) сильно ограничены.

На данном этапе важно иметь в виду также следующие особенности структуры логических уровней:

- * фрактальность, т.е. самоподобие организации;
- * иерархичность, т.е. подчиненность предыдущего уровня последующему;
- * возможность обозрения и описания каждого выделенного уровня лишь с позиции последующего;
- * психосоматическое единство психических и соматических проявлений на каждом выделенном уровне и при их сквозном обозрении;
- * взаимобусловленность способов отражения и отражения на каждом выделенном уровне;
- * изоморфизм, т.е. взаимное однозначное соответствие на каждом логическом уровне когнитивных вопросов и комплексов телесных проявлений.)

Первый логический уровень. Уровень окружения.

Когнитивные вопросы: «Что?», «Где?», «Когда?»

Это уровень восприятия фактов, на котором человек не вычлениет себя из окружающей реальности. Вектор внимания направлен исключительно вовне и, поскольку это внешний уровень, не «просвечивают» никакие собственные структуры, таким образом внутренняя деятельность не осознается. Внимание в каждый момент фиксируется на отдельной точке, отдельном эпизоде реальности, воспринимаемом статично и вне связи с другими точками и эпизодами. Сознание фрагментарно, личность как таковая не представлена.

Характерны констатирующие высказывания о разнообразных факторах: «Это огонь», «Это вода», «Это цена пачки чая». Темп

речи сравнительно ускоренный, тембр сравнительно высокий, речь летящая, как бы помимо говорящего и ее смысл может не осознаваться. Поскольку внимание направлено вовне, ощущения в теле невыражены и не осознаются; перцептивное поле восприятия ограничено аудиальной и визуальной составляющими. Тело и сознание пусты. Это пустота отсутствия – в сознании не представлены ни воспоминания, ни конструкты, тело вне зоны осознания. О таком состоянии говорят: «пустота в голове», «отсутствие мыслей», «мысли блуждают». Разумеется, это не полное отсутствие сознания, мыслей или внутреннего диалога, но отсутствие приемственности и связности потока сознания, когда в каждый отдельный момент сознание точноно. Эти точки не связаны между собой ни причинно-следственно, ни ассоциативно, если же такая связь существует, она не осознается.

Таким образом, способ отражения созерцателен и статичен: происходит простая регистрация феноменов реальности без осознания их динамики, позиционирования по отношению друг к другу и привязки к универсальным пространственно-временным и причинно-следственным картам. Отреагирование на фиксируемые факты не связывается с собственной активностью, поскольку формируется вне зоны осознания и воспринимается в качестве дополнительных феноменов реальности, неотличимых от прочих.

Это уровень восприятия как такового.

Второй логический уровень. Уровень поведения.

Когнитивные вопросы: «Что происходит?», «Что делать?».

Это уровень фиксации внешней динамики и чисто динамической активности. Вектор внимания направлен исключительно вовне, хотя и «просвечивает» первый логический уровень, впрочем, «почти прозрачный». Отдельные точечные феномены связываются в динамические реальности и цепочечные взаимодействия, на которые распадается реальность; эти процессы впрочем, не увязываются между собой. Сознание фрагментарно, личность по-прежнему не представлена, собственная активность сводится к симтоматическому оперированию, направленному на стимулирование или торможение внешних процессов.

Невербальные реакции очень близки к характерным для первого логического уровня. Обычны высказывания типа: «Огонь горит, он может быть разожжен (потушен)», «вода течет, течение можно направить», «цена возросла, она может возрасти (или снизиться)». Телесные ощущения представлены почти исключительно зоной тактильного контакта с предметами непосредственного оперирования.

С точки зрения опережения реальности здесь происходит выстраивание точечных фактов в некоторые последовательные цепочки и их привязка к пространственно-временным маркерам, но причинно-следственные связи не устанавливаются (мышление действует по принципу: А происходит вслед за В, значит вследствие В), опыт регистрируется, но не обобщается. Отреагирование сводится к включению в наблюдаемые динамические процессы некоторых дополнительных точечных факторов, субъективно воспринимаемых как составляющая часть этих же самых процессов и никак не соотносимых с их источником, то есть самим собой. Линейность сознания и точечность телесных ощущений вырывается в фактическую точечность этого уровня, однако, отдельные точки внешней и внутренней реальности организуются в связанные преемственные цепочки; в моменты же переключения внимания такие цепочки рвутся, прошлого как бы нет.

Это уровень наблюдаемого опыта и отреагирования как такового.⁴

⁴Хорошими культурными примерами первого и второго логических уровней являются «вечные» вопросы русской интеллигенции «Кто виноват?» (первый уровень) и «Что делать?» (второй уровень). Они потому и не находят ответа, что формируются на самой периферии структуры.

Третий логический уровень. Уровень навыков и способностей.

Переходная зона между вторым и третьим логическими уровнями имеет наибольшее значение; это барьерная мембрана, отделяющая проявления от личности собственно. Перенесение центра осознания на третий уровень с периферии сопровождается рядом

изменений состояний сознания и зримых телесных проявлений, которые для практика служат маркером такого перехода. С точки зрения психики, возникают первые признаки разделения внимания, когда вектор его направлен одновременно вовне, причем «сквозь» два периферических уровня, феномены которых осознаются и вовнутрь, к собственным глубинным слоям, которые пока не осознаются, но существование которых начинает осознаваться; таким образом, осознается присутствие некой основы своей психосоматической организации, которая, действуя вне зоны осознания, «выносит» на третий логический уровень некоторые готовые решения, желания, побуждения. Эта основа трактуется как бессознательное, интуиция и т.д. С точки зрения телесных проявлений, впервые фиксируются признаки транса – замедленное дыхание, замирание мимики, жестикуляции, глазодвигательной активности, гиперемия лица и т.д.

Когнитивные вопросы: «Как?», «Каким образом?»

Третий уровень – это уровень операций. Сознание начинает проявлять свойства нелинейности, что связано с выбором способов отреагирования, предполагающих учет собственной личности и «вычерчивание» некоторой линейной траектории действия, для чего необходим анализ по крайней мере, плоскостных моделей. Пока эти модели не осознаются, но их присутствие в зоне бессознательного предполагается.

Человек начинает рассуждать о себе, о своих возможностях и умениях. Характерны высказывания типа: «Я знаю такие-то способы разжечь (погасить) огонь», «я могу запрудить реку и остановить течение», «я могу пойти в другой магазин и найти цену дешевле». Сильно изменяется физиология: дыхание становится глубже, темп речи замедляется, в голосе появляется больше низких тонов, уменьшается жестикуляция. Появляются вполне определенные, линейные по своей сути телесные ощущения – это понятно, поскольку любые операции, связанные с феноменами реальности, в том числе и внутренняя деятельность, неизбежно выражаются в конкретных психосоматических актах. Состояние неглубокого транса, в которое погружается человек, порождает комплекс проявлений, которые часто и неточно называют «внутренней энергией».

Реальность оппозиционируется по принципу «я» – «не я», причем первое воспринимается как активная, а второе – как пассивная сторона. Отреагирование, выступающее в виде навыка, складывается на последовательность операций, связанных с конкретным вмешательством в ход внешних процессов; каждая такая операция может быть по отдельности изучена, описана и оценена. Эти линейно-цепочечные программы или навыки, состоящие как из осознаваемых, так и из бессознательных шагов, могут быть формализованы в виде стратегий.⁵

⁵Понятие стратегии было сформулировано в НЛП: каждый навык представим, с точки зрения этой концепции, в виде определенной бессознательной программы с четкой последовательностью шагов – визуальных, аудиальных, кинестетических. Это и есть стратегия. Ее можно сравнить со сжатым, ускоренным в сотни раз фильмом, длительность которого не превышает несколько секунд. Каждый кадр такого фильма – конкретная картинка, звук, ощущение, которые человек представляет совершенно определенным, стереотипным образом. Каждый такой шаг имеет свои параметры или субмодальности: форму, размер, четкость, яркость, освещенность и т.д.; если речь идет о звуке, то он обязательно имеет определенную громкость, высоту тона, тембр, мелодичность и т.д.; каждое ощущение надлено собственной локализацией в теле, интенсивностью, может быть подвижным или статичным... Человеком осознаются только конечные, кинестетические шаги таких стратегий, а визуальные и аудиальные – находятся вне зоны его осознания.

Структурная психосоматика несколько видоизменяет эти представления: во-первых, оказывается, что аудиальные и визуальные шаги при определенных условиях и с позиций определенного уровня могут быть, как это будет показано ниже, полностью осознаны; во-вторых, именно стратегия связывает личность и её проявления. Эти строго линейные образования формируются на базе карт четвертого логического уровня и развиваются от навыка (третий уровень) к динамической активности (второй уровень) и далее к точечному воздействию, констатации фактата (первый уровень).

В расширительном смысле этот термин используется также в отношении всякого линейного отреагирования, всякой цепочечной программы, состоящей как из осознанных, так и бессознательных шагов.

Кроме того, структурная психосоматика, вообще не проводящая принципиальной границы между внутренней и внешней деятельностью и утверждающая психосоматическое единство человеческого существа, обнаруживает, что стратегии на каждом шагу выражаются серией телесных проявлений, которые могут быть зафиксированы и истолкованы.

Отражение реальности происходит через призму человеческой деятельности и процессуально смыкается с отреагированием; отреа-

гирование само становится предметом отражения – таким образом, отреагирование впервые осознается в качестве субъективного процесса и инструмента воздействия на реальность. Причинно-следственные связи прослеживаются, но лишь в пределах операционных цепочек; реальность воспринимается как некая совокупность объектов манипулирования. Возникающие телесные ощущения закономерно следуют из осознания самого себя активным участником некоторого процесса. Нелинейность мышления ограничивается плоскостью событий, в рамках которой выстраивается заданная и обусловленная навыками процессуальной линейности; плоскость мышления образует парой процессуальных цепочек, пересекающихся между собой, а операционное воздействие, по сути, сводится к «переключению», к дилемме выбора.

Это уровень рецептурного обобщения опыта.

Четвертый логический уровень.

Уровень верований, ценностей, убеждений.

Когнитивные вопросы: «Почему?», «Зачем?»

Это уровень установления закономерностей и целеполагания. На этом уровне феномены разделения внимания наиболее явственны: во-первых, в окружающей реальности вычлняются целые сектора, совокупные контексты, т.е. целостные жизненные ситуации, что само по себе невозможно без привлечения прошлого опыта и модельного конструирования, во-вторых, феномены реальности воспринимаются сквозь призму собственной линейной активности третьего уровня. При этом происходит привязка текущих событий к совокупному внутреннему состоянию.

Характерны высказывания типа: «если можно зажечь сосновое полено и согреться, то с тем же успехом и теми же средствами можно зажечь, чтобы согреться, и березовое полено», «я могу запрудить реку, чтобы установить колесо водяной мельницы и молоть муку», «чтобы сэкономить деньги, я должен походить по магазинам и поискать цены пониже, но, если я хочу сэкономить время, я сделаю покупку в ближайшем.» Телесные проявления характеризуются дальнейшим углублением дыхания, замедлением темпа речи, уменьшением или полным прекращением жестикуляции. Телесные ощущения весьма глубоки, причем в поле перцепции начинает преобладать именно кинестетическая составляющая. Нарастает состояние транса.

На этом уровне происходит картирование реальности по принципу установления пространственно-временных и причинно-следственных связей в пределах выделенных контекстов, т.е. выработка убеждений. Важно понять, что карты принципиальным образом отличаются от линейных операционных схем третьего уровня. Это не расширение таковых, а принципиально иной способ отражения, полностью нелинейный. Карта характеризуется тем, что она полностью охватывает выбранный контекст, хотя может и не быть достаточно детализирована (по существу, абсолютно полная детализация принципиально невозможна) – в любом случае это модель конкретной жизненной ситуации или целого комплекса ситуаций. Карта обязывает включать конкретные пространственно-временные и причинно-следственные маркеры, от которых производиться отсчет. Они в совокупности позволяют идентифицировать контекст и выбрать правила игры. В рамках одной и той же карты могут формироваться разные цепочки действий, т.е. разные навыки, разные стратегии; более того, они могут не только перениматься, но конструироваться с заданной целью, т.е. в дополнение к механизмам научения задействуются механизмы творчества. Говоря метафорически, карта позволяет, определив исходную (оценка ситуации) и конечную (целеполагание) точки пути, вычислить траекторию движения, спланировать маршрут и отобрать необходимые для его прохождения средства (формирование стратегии). Правила игры – принципы, по которым в рамках одной и той же карты бракуются или одобряются различные варианты стратегий; разумеется, таких систем отбора в рамках одной и той же карты может быть несколько, но то, что мы называем картами, очерчено лишь контекстуально, поэтому правила игры – это тоже карта, только целиком ориентированная на внутреннюю деятельность. Ситуация выглядит следующим образом: человек оперирует в определенном контексте (к примеру, это контекст дружеской беседы) – такой контекст связан с внешней деятельностью. Но на четвертом логическом уровне внешняя и внутренняя деятельность параллельны. Таким образом, одновременно присутствует и контекст выбора правил игры. На четвертом уровне увяз-

ка карт между собой не осознается, и, соответственно, контекст выбора правил игры также остается за рамками осознания – правила игры являются «как бог из машины» и чаще всего, также, в свою очередь, четко не осознаются.

Карты одновременно привязаны к пространственно-временным и причинно-следственным системам координат и топологически в первом приближении представляют собой упорядоченные пакеты плоскостей, реализуемых в некотором многомерном пространстве. Правила игры, как дополнительная карта, управляющая внутренней деятельностью, позволяет из таких пакетов отбирать приемлемые плоскости, на которых и строится конкретная стратегия.

ГЛАВА I Ч. 1

Ясно, что каждое человеческое существо пользуется неограниченным множеством карт, поскольку и контактов существует неограниченное множество. Рост и «прорисовка» конкретных карт происходит в течение всей человеческой жизни.

Здесь неизбежно встают вопросы о точности картирования, т.е. о соответствия карты реальности – если такое соответствие отсутствует, карта неизбежно порождает ошибочные стратегии, ведущие к плачевным результатам, – о точности идентификации контекста – неверное разделение контекстов также приводит к сбоям отреагирования, – наконец, о выборе правил игры. В процессе восприятия карты действуют подобно специфическим фильтрам – включенные в них маркеры позволяют классифицировать новый опыт, помещать его в уже существующую ситуационную модель. Опять-таки, если карта, выступающая как фильтр в процессе отражения, дефектна, новая информация может восприниматься неверно или просто не находить себе места – и целые секторы реальности как бы не замечаться, выпадать из зоны осознания. Будем называть неверные карты ложными, неверное определение контекстов – смещением таковых.

Таким образом, оценку системы убеждений можно вывести за пределы пустого резонанства и морализаторства. Можно вовсе не обсуждать их идеологическое содержание, сосредоточившись на проблемах аутентичности достоверности.

Важно понимать, что на четвертом логическом уровне не происходит позиционирование карт относительно друг друга, а личность распадается на ряд контекстуальных масок. Это уровень обобщения опыта, локального моделирования реальности и творческого конструирования.

Пятый логический уровень. Уровень парадигмы и мировоззрения.

Когнитивные вопросы: «Каков мир?», «Каково мое место в мире?»

Это уровень вашей интеграции опыта.

На пятом логическом уровне внимание еще распределено между внешним и внутренним пространством, но более обращено вовнутрь, к скрытому пока, но уже ощущаемому ядру личности. Внешнее же воспринимается через внутреннее, через целостные представления карты. На базе близкого ядра или подлинного Я происходит синтез всех карт в целостное представление о мире, в целостное мировоззрение, которое неизбежно включает и позиционирование самого себя среди прочих феноменов Вселенной.

Вербальная активность весьма затруднена, поскольку структура языка уже плохо обслуживает топологию этого уровня – многомерность, погруженную в некое универсальное беконечномерное пространство, которое мы будем, не вдаваясь пока в математические подробности, называть Универсальным объемом. Характерны высказывания, связывающие внешние феномены, воспринимаемые как универсальные категории, с внутренними структурными ощущениями: «огненный шар, сформировавшийся в нижней части моего живота, поднимается вверх и имеет окраску – сначала он как закатное солнце, затем как солнце в полдень, и, наконец, как солнце на рассвете», «я чувствую, как нечто струится во мне, от макушки вниз – это похоже на родник, согретый летним полднем», «я знаю, какую цену плачу за это состояние гармонии и покоя» и т.д. Телесное состояние характеризуется признаками глубокого трансa, все внешние проявления замирают; тело воспринимается как единая цельная структура, почти кристаллическая, полностью связанная и взаимозависимая – на этом фоне становятся видны все ее изъяны, разрывы, асимметрии.

Единые и доселе несвязные карты объединяются в единую картину, которая позволяет сортировать, оценивать и синтезировать новые карты. Если космограмма проработана, мы говорим: «Это цельный человек», «У этого человека целостное мировоззрение». Отражение и отреагирование предельно сближаются, превращаются практически в единое целое, база их взаимодействия – это почти исключительно внутренняя деятельность. Внешние действия сдержаны, но точны и быстры. Это уровень абстрагирования и обобщения.

Шестой логический уровень. Уровень самоидентификации.

Переход от пятого к шестому логическому уровню – еще одна барьерная мембрана – это переход от собственно личности к ядру личности. В этой зоне всегда почти можно наблюдать характерные телесные и психические феномены, которые опять-таки маркируют такой переход. Это определенные непроизвольные движения, в сумме создающие впечатления пересборки, пересоздания всей совокупности телесной организации. Важно понимать, что такая пересборка действительно происходит, а, если ее нет, нет и самого перехода. Выясняется, что метафора «внутренний стержень» основана на систематически наблюдаемых фактах. Параллельно активизируются воспоминания, связанные в т.ч. с ранним детством и основанные на таких воспоминаниях сны; фиксируются и осознаются глубокие трансформации, происходящие с телом. Эти ощущения могут быть неприятны и пугающи – они слишком необычны и, кроме того, прежняя структура «сопротивляется» им. Иногда в самый момент перехода, когда пересборка начинает осознаваться, возникает спонтанное противодействие такому процессу – вплоть до агрессии по отношению к терапевту, или иному лицу, инициировавшему такой переход.

Очень интересен и обратный переход с шестого уровня на пятый – окружающая реальность воспринимается какое-то время как плоский и тусклый макет подлинного Космоса; вместе с тем, в ее плоти одновременно и параллельно различимы мельчайшие подробности – восприятие предельно четко. Пересборка, происшедшая при переходе на шестой уровень, сохраняется и фиксируются новые оси симметрии, становясь привычными и базовыми для организации на всех подчиненных логических уровнях.

Когнитивные вопросы: «Кто я такой?», «Что есть все?», «В чем смысл жизни?»

Вектор внимания полностью направлен вовнутрь себя, и через себя воспринимается вся реальность. Это именно то состояние, о котором Упанишады говорят: «Та tvam asi» – «Ты есть то». Все воспринимается как совокупное и неразделимое целое, с которым неразрывно связано и собственное Я.

Вербальная активность крайне затруднена, наиболее точными становятся высказывания типа: «Это как огонь, но не обычный огонь», «Это как течение воды, но не обычное течение», «я плачу мою цену, но это не плата, а будто бы я сам получаю плату» и т.д. Телесное состояние характеризуется глубоким «медитативным» трансом – тем, что в разных традициях называется «благодарью», «просветлением», «сагори», «самди», «самадхи» и т.д. Это состояние характеризуется, кроме того, «пустотой», «отсутствием» мысли, прекращением внутреннего диалога, «пустотой», «молчанием» всего тела. На этом следует остановиться особо. Это не та пустота, что свойственна первому логическому уровню – не пустота отсутствия, но, напротив, полное присутствие, наполненность. Такая «пустота» тождественна абсолютной «полноте», в ней нет полюсов, нет незаполненных мест, нет динамики, нет разделения и противопоставления, нет изъяна, позволяющего провести какую-либо классификацию. Там все абсолютно плотно. Там нет ничего, потому что есть все.

Здесь уместно вспомнить близкие по смыслу традиционные представления. В буддизме махаяна категория шуньяты – «пустотности», которой характеризуется состояние нирваны, предполагает именно такую пустотность абсолютной наполненности. То же подразумевает концепция Божественного мрака ранних отцов церкви, – Дионисий Ареопагит пишет: «Божественный мрак – это тот неприступный Свет, в котором, как сказано в Писании (1 Тим, 6.16) пребывает Бог. А поскольку невидим он и неприступен по причине своего необыкновенно яркого сверхъестественного сияния, достичь его может только тот, кто, удостоившись боговеде-

ния и боговидения, погружается во Мрак, воистину привходящий ведение и видение, и, познав неведением и невидением, что Бог запрещен всему чувственно воспринимаемому и умопостижаемому бытию, восклицает вместе с пророком: «Дивно для меня ведение Твое, не могу постигнуть его» (Пс., 138,6)

В современной науке аналогом может являться концепция Поля Дирака – т.н. «море Дирака»: абсолютный вакуум в ней оказывается абсолютно плотным («исполненным») образованием, которое потому и воспринимается как пустота, что полностью структурировано и не имеет изъяна. Вынесение из такой плотности элементарной частицы, которая при этом приобретает энергию, поражает в структуре вакуума «дырку», которая воспринимается как античастица, обладающая равной частице энергией. Здесь мы, кажется, впервые сталкиваемся с представлениями о том, что энергия как таковая – это всего лишь разрушение структуры, потеря информационной насыщенности системы. Далее мы подробно разберём этот вопрос.

На этом уровне космограмма синтезируется с чувством подлинного Я в некое единство, снимающее оппозицию «я» – «не я», но, вместе с тем, не отменяющее Я как таковое. Отреагирование и отражение здесь не представлены – их действие ограничено зонами проявлений личности и собственно личности; ядро, напротив, – это зона высших анализа, интеграции и воления, зона, где центростремительные сигналы процесса отражения преломляются в центробежные импульсы отреагирования.⁶

⁶Мы уже вскользь упоминали о процессе отражения – отреагирования. Это одно из важнейших и универсальных явлений Мироздания, всегда имеющее три звена: центростремительную ветвь поступления внешнего сигнала (отражение), центробежную ветвь реакции на сигнал (отреагирование) и центральный механизм, преобразующий сигнал во встречный ответ.

Это уровень самопознания.

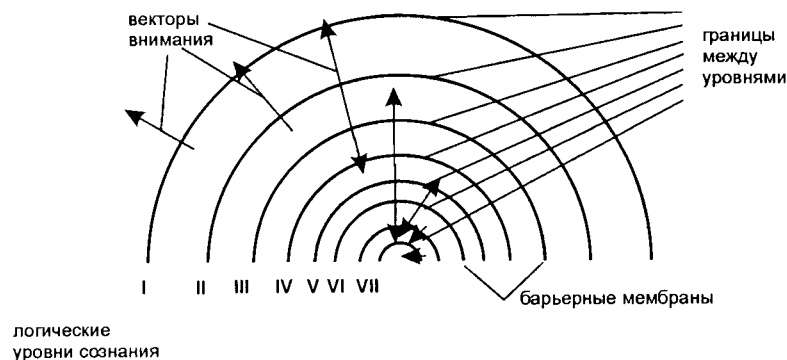

Рис. 4 Направление вектора внимания

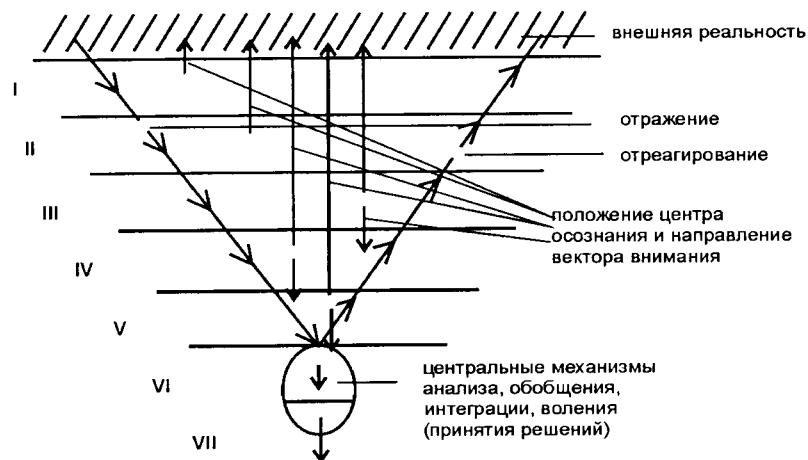

Рис. 5 Процесс отражения–отреагирования

Седьмой логический уровень. Уровень проекции абсолюта.

Напомним, что любой выделенный логический уровень доступен обозрению и описанию только в позиции последующего. По этой причине в рамках выбранного описательного подхода мы ничего не можем сказать о седьмом логическом уровне. Добавим лишь, что это абсолютная самоидентификация и абсолютное осознание, которому доступны все элементы структуры, весь инструментарий периферических уровней. Это также состояние самадхи, но несколько иного рода, чем присущее шестому логическому уровню сознания.

Традиция всегда говорит о нескольких видах самадхи («просветления»), которые могут быть разнесены по двум существенно различным группам: «самадхи с семенем» и «самадхи без семени», т.е. то, при котором Я все – таки неполностью интегрировано в общую воспринимаемую картину Мироздания в такое, при котором Я интегрировано полностью, все представления сняты (абсолютно реализуется принцип «Ta tvam asi» – «Ты есть То»). Мы отождествляем «самадхи с семенем» с шестым, а «самадхи без семени» с седьмым логическим уровнем сознания. Следует понимать, что абсолютная интеграция Я в ткань Мироздания не означает, тем не менее, его отмену. Так предельная исполненность абсолютно плотной пустоты содержит в себе в непроявленном виде все полюса и противопоставления.

Рассмотрим некоторые промежуточные итоги.

Нами введено понятие вектора внимания. Это важный элемент модели, позволяющий, в том числе, разделить логические уровни на три большие зоны – проявлений личности (первый и второй уровни), собственно личности (третий – пятый уровни), ядра личности (шестой и седьмой уровни), – разделенные барьерными мембранами (рис. 4): на первом и втором уровнях этот вектор направлен вовне, на третьем – пятом распределен между направлениями вовне и внутри, на шестом и седьмом направлен внутрь.

Считая объем внимания постоянным, мы можем следующим образом формально описать поведение вектора внимания:

$$\begin{aligned} \text{I уровень:} & \quad V + = 1(0) \\ & \quad V - = 0 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{II уровень:} & \quad V + = 1(1) \\ & \quad V - = 0 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{III уровень:} & \quad V + = 2/3 (1, 2) \\ & \quad V - = 1/3 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{IV уровень:} & \quad V + = 1/2 (1, 2, 3) \\ & \quad V - = 1/2 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{V уровень:} & \quad V + = 1/3 (1, 2, 3, 4) \\ & \quad V - = 2/3 \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{VI уровень:} & \quad V + = 0 \\ & \quad V - = 1 (7) \end{aligned}$$

$$\begin{aligned} \text{VII уровень:} & \quad V + = 0 \\ & \quad V - = 1 (0) \end{aligned}$$

где $V +$ – составляющая вектора внимания, направленная вовне, $V -$ – составляющая вектора внимания, направленная вовнутрь, – знак, в данном случае указывающий на уровни, которые «просвечивает» внешняя составляющая вектора внимания (например, 1 – «пересекается» или «просвечивается» внешний первый уровень и т.д.).

Интересно также рассмотреть поведение отражения-отреагирования при разном положении центра осознания (рис. 5): первоначально две ветви этого процесса совершенно разнесены – информация, поступающая извне, «проваливается в никуда»,

управляющие сигналы (побуждения, желания, мотивы) «возникают из ниоткуда» (первый и второй логический уровни), затем отражение и отреагирование постепенно сближаются, нарастает осознание того, что невидимая часть процесса принятия решений покоится в глубинах собственной личности (третий – пятый уровни), наконец, центр осознания совпадает с центром высшего анализа, интеграции, воления, весь процесс отражения-отреагирования становится ясен и доступен обозрению, управляем (шестой и седьмой уровни).

ГЛАВА I Ч. 1

Следует помнить, что на каждом логическом уровне равно представлены все составляющие вертикали «тело-душа-дух», они действуют связно и неразделимо с точки зрения процесса отражения-отреагирования. В рамках плоской модели это может быть графически выражено в соответствии с рис. 6. Мы не будем вводить пока иного представления – нам важно подчеркнуть психосоматическое единство существа.

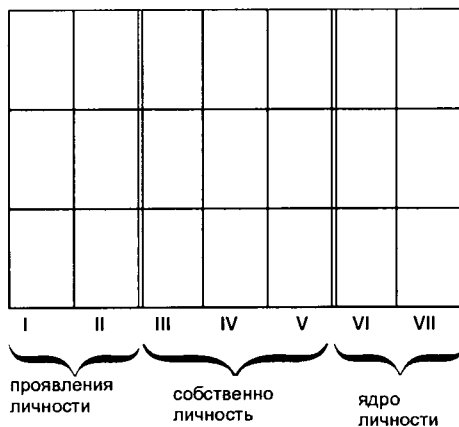
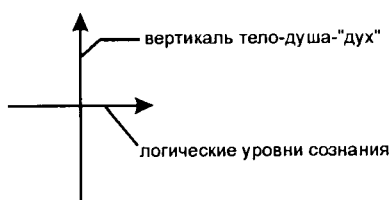

Рис. 6 Плоская модель, объединяющая вертикаль «тело-душа-дух» и логические уровни сознания

Логические уровни сознания не изолированы друг от друга, но иерархически соподчинены, высший уровень содержит в себе все предыдущие в качестве инструментария отражения и отреагирования, они доступны. Обратное неверно: находясь на низшем логическом уровне невозможно осознанно пользоваться механизмами, присущими высшим уровням, они оказываются в области бессознательного. Таким образом, бессознательное оказывается не абсолютной, а относительной категорией. Конечно, ряд процессов и феноменов оказывается в области бессознательного всегда – это область чистой психофизики, такой, как низшая суммарная деятельность перцептивных анализаторов (зрительного, слухового и т.д.), но и они становятся доступны с точки зрения управляемости. В свете сказанного становится понятно, почему люди, овладевшие высшими логическими уровнями, например, адепты различных систем т.н. духовной практики (например, йоги, даосы, адепты секты дзен), способны сознательно регулировать глубинные физиологические процессы (сердечный ритм, дыхание, перистальтику кишечника и т.д.).

Неверно ставить вопрос о какой-либо субстанциональной локализации логических уровней сознания – они вычлениаются по принципу иерархии управления и никак иначе. Последнее объясняет тот внешне загадочный и необъяснимый в рамках других подходов факт, что в границах любого анатомического субстрата – например, на стопе или на поверхности головы – одновременно представлена не одна, а несколько проекционных систем внутренних органов. Здесь нет никакой ошибки – просто разные системы соотносятся с разными логическими уровнями в качестве элементов их телесных проявлений.

Из сказанного ясно, что концептуальная база любой познавательной или операционной системы должна лежать на уровне, высшем по отношению к её рабочему инструментарию. База современной официальной медицины и таких направлений психологии, как НЛП, относится к четвертому логическому уровню – поэтому их практика «застывает» на уровне навыков, не подни-

маясь до причин; отсюда принципиальная невозможность сколько-нибудь содержательно описать пятый логический уровень, не говоря уже о ядре. Это зона либо вовсе игнорируется, либо относится к непрозрачному для наблюдения бессознательному, о котором могут строиться самые туманные и произвольные предположения. Далее мы подробно разберём это утверждение с позиций современной математики и структурной психосоматики.

3. О ФЕНОМЕНЕ ВРЕМЕНИ

Описание ряда психосоматических проявлений, характеризующих пребывание центра осознания на каждом из логических уровней, будет существенно неполным, если не рассмотрим такой важный аспект, каким является феномен времени.⁷

⁷Именно установление зависимости отражения времени от логического уровня сознания, на котором в данный момент находится человек (сегодня мы говорим: центр осознания), послужило отправной точкой психосоматических исследований (эта закономерность была выявлена в ходе семинаров, посвященных формированию стратегий эффективности, которые проводились в начале 90-х гг. А. Минченковым и Е. Диновым).

Сперва определим, о каком именно времени идет речь в каждом конкретном случае.

В рамках линейного подхода, расчлняющего отражение на элементы цепочки «объект отражения» – «процесс отражения» – «отраженный образ», можно говорить о:

* времени «объективном» («внешних часах»), которое определяется относительно некоторых «внешних» регулярных процессов (колебаний маятника, движения небесных тел и т.д.);

* времени «субъективном» («внутренних часах»), соответствующем субъективной оценке продолжительности того или иного временного «промежутка»;

* скорости прохождения ощущений, т.е. времени, необходимом для формирования образа отражаемого объекта и выработки отреагирования на такой сигнал.

Этот подход на первых порах представляется удовлетворительным – далее будет показано, как на базе некоторой математической модели линейность описания феномена времени может быть решительным образом преодолена.

Может показаться, что «субъективное время» всегда задается вечно изменчивой и в первом приближении правильно периодической «внешней» реальностью – сменой темного и светлого времени суток, суточными колебаниями температуры и т.д. Это не так. Многочисленные эксперименты, проводившиеся в условиях полной изоляции от внешних раздражителей, показали, что психосоматическое единство человеческого существа само по себе задает некоторый ритм его активности, служащий «внутренним» эталоном восприятия времени. Так и должно быть, ведь все проявления человеческого существа – начиная с субклеточных – пронизаны собственными циклическими процессами, имеющими свою элементарную продолжительность. Это очевидный факт. Интересно и важно другое – «внутренние часы» работают неравномерно: иногда секунды тянутся, как часы, а иногда часы проносятся, как мгновения. Как это связано с логическими уровнями сознания?

Для дальнейшего обсуждения особенно интересны эксперименты, проведенные французским ученым Мишелем Сефиром. Он использовал лещеры Приморских Альп глубиной более одного километра, куда на длительный срок опускались исследователи, не имевшие в своём распоряжении никаких «внешних» эталонов времени. На такой глубине не ощущаются не только колебания освещенности, но и температурные перепады суток – всегда со-

храняются одни и те же климатические условия. Тем не менее, добровольцы жили в суточном ритме активности – вот только продолжительность этих суток не совпала с принятой на поверхности и обусловленной движением Земли.

Определимся качественно. «Субъективно» время «замирает» явственнее всего в состояниях долгого ожидания или скуки. Они легко могут быть отождествлены с пребыванием центра осознания на первом логическом уровне. На глубинных уровнях (например, в состояниях увлеченной работы, сосредоточенного размышления или медитативного транса) время «субъективно» летит стремительно. Где-то между этими крайностями ход «внутренних» и «внешних» часов совпадает.

Опираясь на многочисленные наблюдения, проведенные в ходе семинаров и индивидуальной работы, можно выстроить следующую детальную картину.

Пусть $tвр1$ – «объективное» время (число n периодов процесса T), $t0$ – скорость прохождения ощущений, $tвр2$ – «субъективное» время;

♦ на первом логическом уровне сознания (когнитивные вопросы: «Что?», «Где?», «Когда?», вектор внимания направлен вовне:

$$V + = 1(0)$$

$$V - = 0$$

восприятие и сознание точечны и фрагментарны), «субъективное» время «запаздывает» по сравнению с объективным:

$$tвр2 > tвр1;$$

что легко объяснимо, поскольку этот уровень не фиксирует динамику реальности, восприятие «застревает» на отдельных точечных, не связанных между собой ощущениях (фактах);

♦ на втором логическом уровне сознания (когнитивные вопросы: «Что происходит?», «Что делать?») мы сталкиваемся с тем, что можно назвать обыденным восприятием времени – «внутренние часы» работают в том же ритме, что и «внешние». Это и понятно: во-первых, здесь начинает восприниматься именно динамическая составляющая реальности, как раз на динамике и сосредоточено внимание человека, который, во-вторых, не воспринимая самого себя как отдельную реальность, становится как бы частью этой динамики, сливаясь с ней; вектор внимания по-прежнему направлен исключительно вовне, хотя и сквозь внешний уровень хаотических точечных ощущений:

$$V + = 1(1)$$

$$V - = 0$$

это уровень принципиально линейной процессуальности, линейности как таковой, где естественным образом

$$tвр2 = tвр1;$$

♦ на третьем логическом уровне сознания, что внешне отслеживается по возникновению первых признаков транса и перенесении темы вербальных высказываний на себя, свои возможности и умения (когнитивные вопросы: «Как?», «Каким образом?», вектор внимания разделяется:

$$V + = 2/3 (1, 2)$$

$$V - = 1/3 ,$$

возникают первые признаки нелинейности), «внутренние часы» начинают «замедляться» относительно «внешних»:

$$tвр2 < tвр1 -$$

«кажется», что прошло полчаса, а «на самом деле» – час и т.п. Явления нелинейности сознания, выражающиеся здесь в рамках составления векторно-линейных по своей природе навыков, ветвящихся на базе некоторых псевдоплоскостей, «искажают» строго линейный процесс «физического» времени – мы впервые сталкива-

емся с тем, что можно назвать временем «психологическим» (или, точнее, «психосоматическим»);

♦ далее, на четвертом (когнитивные вопросы: «Почему?», «Зачем?», характеристики вектора внимания:

$$V + = 1/2 (1, 2, 3)$$

$$V - = 1/2$$

♦ и пятом (когнитивные вопросы: «Каков мир?», «Каково мое место в мире?», характеристики вектора внимания:

$$V + = 1/3 (1, 2, 3, 4)$$

$$V - = 2/3$$

рассогласование «внутренних» и «внешних часов» стремительно нарастает:

$$tвр2 \ll tвр1:$$

«Как быстро бежит время?» – восклицаем мы.

♦ в глубоких же трансных состояниях, на шестом и седьмом логических уровнях сознания происходит качественный скачок⁸ – «субъективное» время будто бы исчезает, теряет свой привычный смысл.

⁸По существу, это уже второй качественный скачок – первый наблюдается при переходе на третий логический уровень сознания, когда мы начинаем наблюдать «психосоматическое» течение времени. Отметим, что оба скачка связаны с преодолением барьерных мембран, разделяющих проявления личности, личность и ядро личности.

Когда задается вопрос, сколько времени прошло во «внешнем» пространстве, человек не знает, что и ответить: может быть несколько часов, а может быть, и несколько секунд. Он будет говорить о некоторых состояниях и даже о какой-то динамике, но эта динамика не происходит во времени, она никак не соотносена с «внешней» временной шкалой. И это тоже понятно – вектор времени полностью направлен вовнутрь собственного существа – на шестом логическом уровне:

$$V + = 0$$

$$V - = 1 (7)$$

и на седьмом логическом уровне:

$$V + = 0$$

$$V - = 1 (0)$$

Таким образом, на первых порах мы не можем здесь соотнести «внешнее» и «внутреннее» время:

$$tвр2 = ?$$

Теперь представляется возможным средствами элементарной математики описать изменение восприятия человеческого времени в разных состояниях его существа, т.е. на разных логических уровнях сознания. Пусть $tвр1$ – «объективное» время, т.е., говоря более строго, скорость течения времени в соответствии с «внешними» природными маркерами, а $tвр2$ – «субъективное» время, т.е. ощущение продолжительности тех же временных промежутков в соответствии с «внутренними часами», тогда отношение:

$$K = tвр1 / tвр2$$

будет показывать, во сколько раз фиксация продолжительности некоторого временного интервала, предпринятая при помощи разных способов отсчета, отличается между собой. Примем для удобства продолжительность такого интервала, зарегистрированного по «внешним часам», равной единице:

$$tвр2 = 1^9,$$

Следует отметить, что какие-либо неравномерности потока «объективного» времени на этом этапе изложения могут не рассматриваться. Это могут быть колебания «плотности» глобальных природных процессов, связанные с цикличностью универсального уровня, а также релятивистские эффекты — и те, и другие действуют равно на «объективное» и «субъективное» время как некий регулярный фактор.

тогда

$$K=1/t_{\text{вр}2}$$

ГЛАВА I Ч. 1

Изобразим полученную зависимость графически — перед нами хорошо известная гипербола (рис. 7).

Окрестности точки со значением

$$k = 1, t_{\text{вр}2} = t_{\text{вр}1}$$

соответствуют «субъективному восприятию времени на втором логическом уровне; при значениях

$$k < 1, t_{\text{вр}2} > t_{\text{вр}1}$$

мы оказываемся в зоне первого логического уровня сознания; при

$$k > 1, t_{\text{вр}2} < t_{\text{вр}1} -$$

последовательно в зонах третьего, четвертого и пятого уровней; при

$$k \gg 1, \text{ или, что тоже самое}$$

$$k, t_{\text{вр}2} \ll t_{\text{вр}1}$$

точка осознания пребывает на шестом и седьмом уровнях, в зоне глубокого медитативного транса, где «внутреннего» течения времени практически нет — говоря языком эзотерики мы можем сказать, что на смену времени приходит вечность.

В экспериментах Мишеля Сефира добровольцы жили в суточном режиме, но то, что они считали сутками, на поверхности соответствовало 36 – 72 часам. Теперь мы можем объяснить, почему так происходило: лишённые внешних раздражителей, находясь в состоянии постоянного «сенсорного голода», они погружались в глубь собственного существа, на те логические уровни сознания (третий и четвёртый), где субъективное время замедляется.

Как же с этим описанием связана третья составляющая линейного представления процесса отражения времени — скорость прохождения ощущений? Для того чтобы ответить на этот вопрос, вдумаясь в психосоматический смысл величины k — коэффициента пропорциональности между скоростями течения времени «вне» и «внутри» человеческого существа. Это и есть скорость прохождения ощущений, точнее:

$t_0 = n k$, где n — некоторый постоянный коэффициент, зависящий от размерности выбранных единиц измерения и не представляющий поэтому принципиального интереса.

Иными словами, на более глубоких логических уровнях сознания скорость прохождения ощущений возрастает.

Подчеркнем, что говоря о скорости прохождения ощущений, мы имеем в виду не скорость распространения нервных импульсов и не иные периферические процессы, изолированные от центральных механизмов анализа и обобщения — речь идет о времени, которое занимает сумма собственно отражения, дальнейшей переработки отраженных образов, оценки ситуации, целеполагания, определения средств достижения цели, и, наконец, действие. Ничего не меняется от того, что вследствие пребывания центра осознания на внешних логических уровнях, в подавляющем большинстве случаев это происходит в существенной степени бессознательно — все равно работа не глубинных логических уровнях происходит, но она не подконтрольна организующему влиянию сознания. Теперь представим, что центр осознания перенесен вглубь, ветви отражения и отреагирования сомкнулись, инструментарий уровней выработки решений и высшей интеграции мобилизован и, кроме того, хорошо структурирован — мы получим одну картину; другая же будет, если центр осознания находится на внешних уровнях, но вынужден (через «слепые» бессознательные механизмы) задействовать инструментарий глубинных уровней (здесь должно

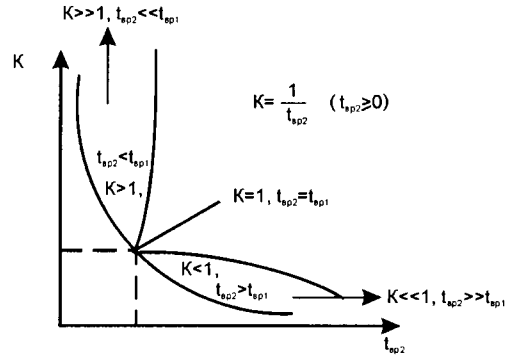

Рис. 7 График зависимости $K=1/t_{\text{вр}}^2$

произойти отождествление контекста, соотнесение с ним соответствующей карты, увязка через космограмму этой карты со смежными, выбор «правил игры» и построение на этом базисе цепочки действий — стратегии) — на это и затрачивается дополнительное время.

Все мы знаем, как «застывает» физиология во время стресса, — человек буквально «каменеет». Это и понятно, ведь все его внимание направлено вовне, на раздражающий фактор. Но стресс — явление неспецифическое, и в состоянии глубокого стресса (например, в минуту смертельной опасности), когда все внимание направлено на себя самого, на сохранение целостности своего Я (это Я может включать и окружение — например, на глазах матери гибнет ее ребенок) мы наблюдаем противоположную картину — человек действует стремительно, как распрямившаяся пружина. Тут важно, чтобы он был готов к такому действию, умел, пусть и неосознанно, включать глубинные логические уровни сознания, привлек находиться на них.

Следует разобраться, о каком сознании мы говорим, когда речь идет о пребывании центра осознания на том или ином логическом уровне сознания. Всё происходящее воспринимается на глубинных уровнях целостно, в виде совокупных, так сказать, голографических отпечатков внешней реальности, сцепленных с глобальными телесными метафорами целокупного ощущения собственного тела. Этапы формирования и обработки отраженных образов, оценки ситуации, целеполагание и определение средств достижения цели вплетены в такое интегральное восприятие, смыкаются с ним и, кроме того, разворачиваются нелинейно — здесь нет никакой последовательности шагов, свойственной обычному дискурсивному мышлению третьего логического уровня. Поэтому такое осознание, выступающее в виде «картинок» и телесных метафор¹⁰, где «начало» сомкнуто с «концом» очень затруднительно поддается вербализации и анализу post factum средствами линейного мышления.

¹⁰Мы называем телесной метафорой целокупный образ, в который интегрируется ряд теолесных ощущений — например, «ватные» ноги или «налитая свинцом» голова; глобальная телесная метафора интегрирует в себе все ощущения психосоматического единства — например, можно услышать: «Тело такое лёгкое — будто крылья выросли, взял бы да полетел». Ниже на примерах мы увидим, что телесные метафоры поражают своим разнообразием и выразительной силой (это буквально «поэзия тела»).

Следует также отметить, что в глобальную телесную метафору мастера, в зону его осознания обязательно входят и его оружие, и обстоятельства места и времени боя, и даже противник (одному из авторов довелось услышать такое высказывание экс-чемпиона Вооружённых Сил по рукопашному бою: «Чтобы победить соперника, надо его полюбить», — здесь речь идёт, разумеется, об интеграции противника в собственную космограмму в качестве элемента собственной зоны осознания, о постижении его).

Человек стремительно проживает целую серию интегральных, суммарных, нерасчленимых состояний, под влиянием которых и действует, а потом не может ни проанализировать, ни описать их — так невозможно измерить линейкой кривизну сложной пространственной поверхности и описать при помощи функции первого порядка многомерное пространство.

Введем понятие зоны осознания. Эта та часть окружения (объекты, одушевлённые и неодушевлённые, явления, процессы и т.д.) человеческого существа, которая субъективно воспринимается им как собственная неотъемлемая часть, — так художник вос-

принимает в момент творчества кисть, музыкант – скрипку и льющую музыку, мать – дитя, всадник – коня и т.д. Все части зоны осознания включаются в психосоматическое единство человека, в сложные телесные метафоры и с точки зрения всех субъективных проявлений, а также возникающей структуры, неотличимы от органической присущей ему (самый простой пример – одежда и макияж: будучи явно «сторонними» по отношению к природной данности человека, они всегда осознаются как слитые с ней).

Практика восточных боевых искусств может служить прекрасной иллюстрацией сказанному. Как мы знаем, мастер во время боя должен находиться в состоянии глубокой медитации (сатори, если пользоваться японской терминологией), т.е. на пятом и более глубоких уровнях сознания. Тогда он получает несомненное преимущество над противником, пусть тот и знаком с техникой боя. У мастера существенно выше скорость прохождения ощущений, что проявляется не только в скорости реакции и в скорости нанесения ударов, но и в восприятии картины боя в целом, в умении стремительно оценивать ситуацию и выбирать тактику и стратегию боя применительно к общему видению происходящего. Бой для такого мастера может превратиться в нечто совершенно неожиданное, – он реагирует «по вдохновению», а это и есть форма описания состояния на глубинных логических уровнях.

Здесь мы на время прервемся, сформулировав некоторые промежуточные выводы и вопросы:

- * процесс отражения феномена времени человеческим существом может быть корректным образом описан в рамках элементарной математической модели;
- * понятие логических уровней сознания может быть введено через особенности восприятия времени человеком в разных состояниях его существа;
- * скорость прохождения ощущений и «субъективное» восприятие времени оказываются увязаны между собой обратно пропорциональной зависимостью;
- * интерес представляет прояснение психосоматического смысла крайних значений установленной функциональной зависимости
(зон k, $\text{вр}2\ 0$; k 0, $\text{вр}2$);
- * следует установить, в каком именно смысле мы используем определение «объективное» время, «субъективное» время, т.е. найти путь к снятию линейности описания; это будет сделано в ходе дальнейшего изложения.

4. МАКРОКОСМ – МИСТЕРИЯ ПОДОБНОГО В ПОДОБНОМ

В данной работе мы уже обращались к т.н. «эзотерической традиции». Проясним причины, по которым разные варианты этой традиции столь подробно разбираются в настоящем исследовании.

Мы несклонны следовать самодовольному заблуждению постньютоновского западного сознания (в особенности обыденного сознания), будто бы наши предки (или т.н. «примитивные народы») глупее нас. Здесь необоснованно ставится знак равенства между образованием (причем, образованием только западного типа так что, образованный лама, шестнадцать лет обучавшийся в монастыре почитается «дикарем») и развитием. Но очевидно, что например, индеец из какого-нибудь амазонского племени знает свойствах растений сельвы много больше лобшо профессора ботаники, а эскимос (в языке эскимосов только названий различных типов снега более двухсот) о свойствах снега и льда – более ученого гляциолога.

Путь развития, избранный западной мыслью после Ньютона и энциклопедистов, – это путь «технологической» цивилизации, сосредоточенной на изучении законов «внешней» природы (в рамках, главным образом, линейных направлений, только «новая» физика – квантовая механика и релятивистская теория, – а также дисциплины, основанные на ней, отчасти вышли за рамки этого ограничения) и механического управления, точнее, манипулирования, ими. Здесь успехи действительно впечатляют. Хотя оборотная сторона этих успехов – риск всемирной войны на уничтоже-

ние и глобальные структурные кризисы – «экологический, топливный (точнее, ресурсный), продовольственный и, что ещё важнее, мировоззренческий, кризис смысла жизни – заставляет серьезно усомниться в плодотворности чисто «технологических» перспектив в развитии человечества.

Успехи в других областях куда более скромны. Ниже, подробно разбирая способы мышления, присущие логическим уровням сознания, мы детально проанализируем парадигму современной медицины и покажем, что многие её успехи – например, победа острых инфекций – на самом деле двусмысленны: они неизбежно порождают сдвиг популяции в сторону других, не менее грозных недугов – аллергических, раковых, диабетических и пр. страданий, которые действительно терзают «просвещенный» Запад. На данном этапе мы ограничимся констатацией факта, что в ряде областей такие, например, цивилизации, как тибетская, древнекитайская или древнеиндийская достигли значительно больших результатов и, соответственно, значительно более глубокой степени постижения. Это касается и медицины (широко известны успехи акупунктуры, Аюрведы и т.п. систем) и, в особенности, психологии или, точнее, психотехнических аспектов традиционных духовных практик (таких как цигун, йога, дзен – буддизм и т.д.).

Массовое западное сознание, приученное следовать за успехом, начиная с конца прошлого века, послушно обратилось к «восточным тайнам», воспринимая их сначала как некую «вкусовую» добавку к пресной пище рационального существования, что-то вроде специй времён каравелл, затем как панацею и путь к спасению, альтернативный дурно понятому прописному христианству, и, наконец как элемент массовой культуры, «карма – колу», по меткому выражению одного из наших современников. С большим отставанием и неохотно, но вслед за массовым сознанием («на Восток» отправилась и наука, но обрела там немного и в виде чисто фрагментарных инструментов, которые годятся «по случаю» как добавка к машине – типа техник аутотренинга и рецептов фитотерапии. Это произошло потому, что попытки механически перевести в рамках господствующей научной парадигмы такие, например, тонкие и обладающие глубокой собственной философией системы, как буддистская «психология», обречены на неуспех изначально – нельзя отбросить как ненужную шелуху мировоззрение и методологию и воспринять лишь технологию – так рождаются только поиски «материального субстрата» акупунктуры, бессмысленные сточки зрения китайской чжэньцзы – терапии и бесплодные в рамках западных анатомических и физиологических подходов (такой субстрат всё равно не будет найден, что в глазах строгих приверженцев западной медицины является лишь основанием для сомнений в серьёзности акупунктуры как таковой).

Оккультистские и теософские «симфонии», пытающиеся механически объединить всё со всем относятся к концепциям того же рода. Их слабость – в изначально неверных посылах, основанных на западной «механистической» или, в последнее время, «полевой» научной парадигме и, одновременно – в принципиальной «анти – научной» направленности.

Наш подход иной: мы относимся к эзотерическим и медицинским традициям (причём, не только «восточным», но менее известным «западным» – таким как каббала, алхимия, древнеславянская, древнегерманская и т.д. традиции) как к форме фиксации подлинного опыта познания объективной реальности, как к знанию, требующему к себе соответствующего уважительного подхода, но знанию, обладающему рядом структурных особенностей, оформленному средствами своеобразного языка изложения. Мало перевести словарь такого языка – необходимо разобраться в его синтаксисе и метасинтаксисе. Мало выплеснуть на поверхность западного сознания фактографию и сумму технологических инструкций – необходимо проникнуться строем (методологией) и духом (философией) традиционных систем.

Не говоря уже о несомненной эффективности традиционных концепций в таких, например, сферах, как терапия, психотехника, воспитание и дисциплина духа, мы должны отметить другой аспект их бытования, чрезвычайно ценный для структурной психосоматики как современного «западного» подхода к антропологическим сферам знания. «Лозная самого себя», – было написано над входом в дельфийский храм. Эзотерические и медицинские традиции и были всегда результатом такого познания. Они зафик-

сировали в себе многотысячелетний опыт изучения именно «внутренней реальности», через которую строилось познание и реальности «внешней».

Структурная психосоматика, будучи наукой о человеке, обращается к материалу традиций именно как к материалу, фиксирующему опыт изучения «внутреннего космоса», причём подвергнутому глубокому обобщению, осмыслению и систематизации. В этом смысле для нас содержание традиций столь же ценно и подлежит такого же рода анализу, как, например результаты специально

поставленных экспериментов, наблюдений и фактические данные, накопленные в ходе специально спланированных исследовательских программ, семинаров и терапевтической практики.

Однако, и это вполне понятно, «в старые мехи не вливают молодое вино» – возможно только обратное: налить «старое вино» в «новую посуду». Мы вовсе не аммерены совершать некоторые открытия путем архивных изысканий и анализа текстов или оживлять представления, созданные века назад и соответствовавшие современному им состоянию человечества и Космоса. Мы используем традицию в трех других направлениях:

ГЛАВА I
Ч. 1

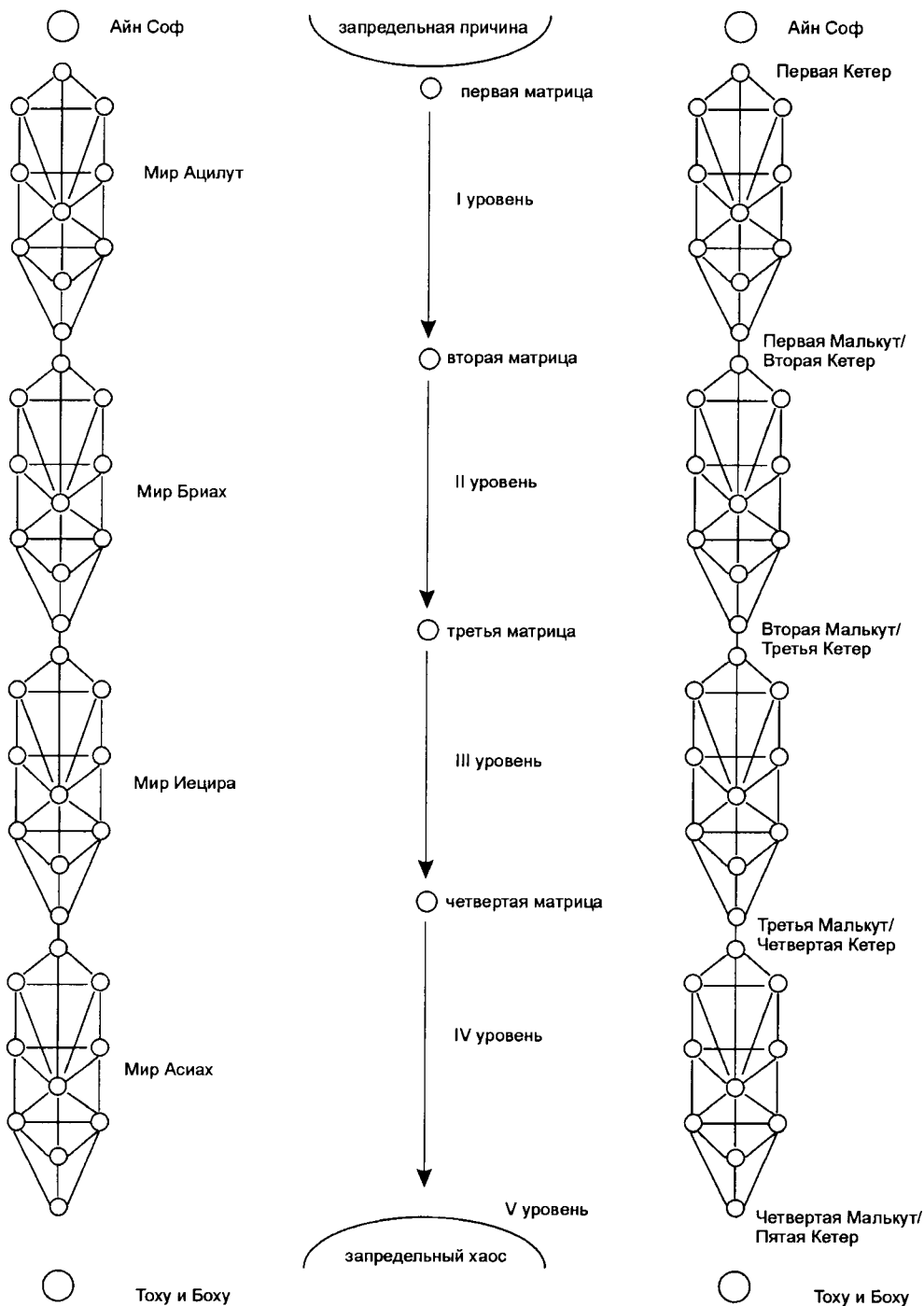

Рис. 8 Развертывание Творения в соответствии с каббалистической традицией

- ◆ как строительный материал в рамках вполне современной и имеющей очевидные современные корни концепции, строительный материал, повторяем, равный по ценности, но не более того (т.е. не самоценный), другим фактам, способным дать информацию о строении человека, его функционировании и месте среди иных феноменов объективной реальности;
- ◆ как параллельную иллюстрацию высказываемых взглядов и полученных результатов;
- ◆ как своеобразный дидактический материал, позволяющий, продемонстрировав непривычную точку зрения, продвинуть понимание читателя в целом.

В связи со сказанным, в настоящей книге не содержится исчерпывающего или последовательного изложения традиционных систем – такая задача не ставилась; из них берутся отдельные необходимые для демонстрации положений структурной психосоматики факты, положения, аспекты, однако эти выбранные элементы излагаются и оцениваются, во-первых, по возможности в соответствии с буквой и духом первоисточников (никогда не через посредничество сторонних толкователей) и, во-вторых, в общем ключе сравнительного анализа и трансляции синтаксиса и метасинтаксиса языка описания, в котором, по нашему глубокому убеждению, только и возможно разговаривать о подобных вещах.

Особый интерес для структурной психосоматики представляет анализ каббалистической традиции – как в силу её проработанности и глубины, так и по причине выраженности и чёткости её структурных представлений.

Повествуя о «механизме» Творения, каббалистическая традиция говорит о Господе как о Непостижимом или Неизреченном (Айн Соф). В «книге Зогар» («Книге Блеска») читаем: «Когда сокрытое Сокрытого желает раскрыть Себя, Оно сначала производит единственную точку». От этой точки, которая является по-разному, но чаще всего Первой Кетер, последовательно разворачиваются четыре мира, организованные в четыре Древа Сиферот.

В каббалистической «Сефир Иецира» («книга творения») читаем: «Десять сефирот невещественных; у них десять свойств невещественных; у них десять свойств бесконечных: глубина начала, глубина конца, глубина добра и глубина зла, глубина вершины, глубина глубина, глубина востока и глубина запада, Глубина севера и глубина юга, Один Господь Бог, Царь верный, властвует над всеми в святой обители Своей вовеки». Древнесврейское «Сефир» можно передать как «сосуд», «область», «сфера», «число», «Божественное орудие» (келим), «канал (цинарот), по которому распространяется Божественная Воля и т.п.». Собственно, в единственном числе, применяется форма «сефир», «сефирот» – это множественное число, но мы используем его и в единственном числе, следуя укоренившейся в русской литературе практике словоупотребления.

Дерево Сефирот – это зримое воплощение о десяти сосудах, в которых проявляется и через которые осуществляется Божественная воля. Это схема мироустройства, «конструкция» Макрокосма, т.е. Вселенной, и, одновременно, Микрокосма, т.е. человека. Считается, что Дереву Сефирот соответствует и то дерево райского сада, о котором мы традиционно говорим, как о дереве познания добра и зла. Здесь переводчики, демонстрируя дуализм или линейность своего мышления, впадают в явное противоречие. Бог не сотворил зла, оно привносится в мир лишь грехопадением как нарушением установленного Богом порядка. Более глубокий анализ еврейского («тов ве-ра») позволяет перевести его как «познание света и тьмы» или, ещё точнее «света и пока не света». Здесь тьма («пока не свет»), ка и всё, сотворённое Богом, не содержит в себе никакого зла – это лишь скопление некоторых энергий, воспринимаемых линейным мышлением в качестве полярных свету, а «на самом деле» составляющих с ним единое целое. Эти энергии тьмы, ночи, называют ещё применительно к Адаму или человеку, «женским началом». Это определение лишено здесь какого-либо сексуально-физиологического смысла и говорит лишь о существовании в человеке, и мужчине, и женщине, и света, и тьмы. Мы ещё вернёмся к этой антиномии и убедимся, что она может быть снята в чётких структурных формах.

Миры творения можно интерпретировать так:

- * первый мир – Ауилут – как мир Божественных Имен или Архитипов;
- * второй – Бриах – как мир небесных Архангелов или Творений;
- * третий – Иецира – как мир небесных созданий (ангелов и человека) или Образований;
- * четвертый – Асиях – как мир материальной Вселенной или ощущений.

На самом краю космического развертывания мы снова находим точку – первозданный (или, точнее, предсознанный) Хаос – Тоху и Боху (рис. 8, а).

С точки зрения современного языка описания, приведенная схема представляет собой фрактальное развертывание базовой матрицы – Первой Кетер, центра формообразования.¹¹

¹¹Мы приводим линейную схему, но не менее популярна и другая, где миры и образующие их сефирот изображаются в виде концентрических окружностей и точечным центром – Айн Соф.

Каждый уровень подобен всем остальным, но при этом, по мере удаления от начальной точки, снижается «качество» воплощения, пока на самой периферии оно не вырождается в противоположность изначального порядка – хаос. Каждый уровень венчает своя матрица, Корона-Кетер, повторяющая базовую в «сниженном» варианте. Всего таких уровней – пять, причем Первопричина-Творец (Айн Соф) за пределами миру, а пятый уровень (Хаос) уже полностью деструктурирован. Несколько ниже мы увидим, что такой – пятиуровневый – разворот базовой матрицы находит подтверждение в новейших исследованиях (рис. 8, б).

Верхняя точка каждого уровня, его базовая матрица (Корона-Кетер) отражается в самой нижней точке (Малькут-Царство), и вся схема преобразуется таким образом, что Малькут высшего уровня является, одновременно Кетер низшего (рис. 8, в). Таким образом, Базовая матрица, проходя ряд трансформаций и теряя часть своего качества, становится в основании уровня базовой матрицы уровня подчиненного.

Рассмотрим теперь подробнее структуру отдельного уровня – Дерево Сефирот¹² (рис. 9).

¹²Структурно Дерево Сефирот имеет и «поперечное» и «продольное» членение. Здесь мы подробно останавливаемся только на первом и заметим лишь, что «три колонны» (как говорят каббалисты) продольного членения воплощают собой «тьму» и «света», «покой» и «движение», «женское» и «мужское» начала (боковые «колонны»), интегрирующиеся в единство (центральная «колонна»).

В ней мы найдем уже знакомые нам структурные числа и некоторые новые, которые – те и другие – понадобятся нам в дальнейшем изложении.

Каждый уровень связан с высшим по отношению к нему (определяющим его) – с Малькут высшего уровня (или непосредственно Айн Соф) – и с низшим (обусловленным им) – с Кетер низшего уровня (или Хаосом). Кроме того, десять сефирот располагаются по семи слоям; иногда такой слой образован одним сефиротом, иногда – связной парой. Образующиеся таким образом девять уровней сопоставляются с известной там троичной схемой «конкретное-частное-главное», причем, строго говоря, низший уровень («конкретное в конкретном») и высший («главное в главном») не принадлежат собственно Дереву Сефирот, за пределами ему. Итак, девять – это число уровней внутренней организации Древа Сефирот при включении определяющего и обусловленного нерахических уровней развертывания структуры; семь – число уровней организации, собственно принадлежащих ему; число пять – это число миров воплощения или нисходящих манифестаций базовой структурной матрицы; три – укрупненное «этажирование» структуры Древа по принципу – «конкретное-частное-главное». Числа десять и двенадцать проявляются при ошибках трансляции структуры – ее линейно-спиральном разрушении.

Пятерка здесь играет роль общего ритма формообразования, отмечая этапы мутации матрицы вплоть до ее полного структурного вырождения.

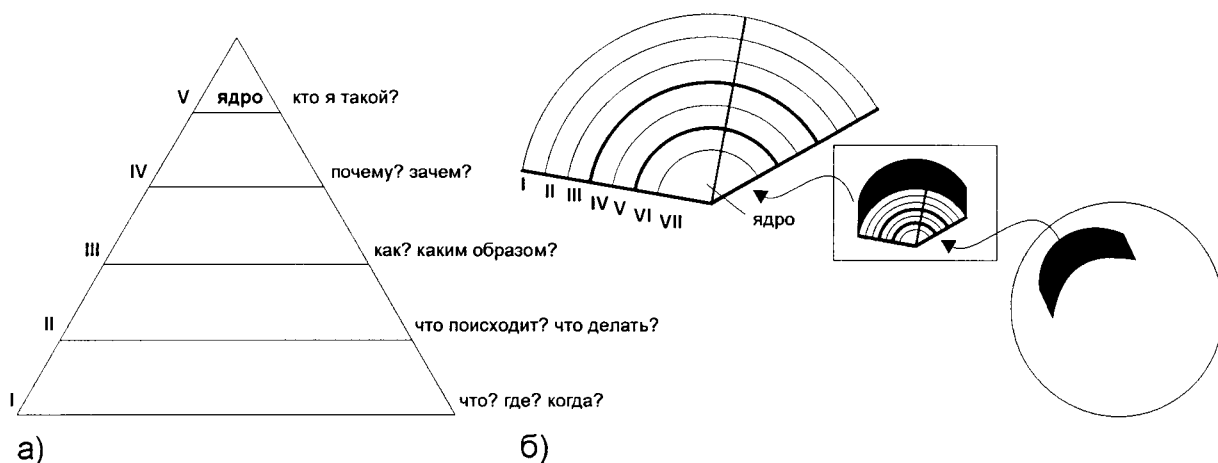
С другой стороны (а это является результатом фрактальности разворота базовой матрицы), земной человек (Адам) повторяет Вселенского Человека (Адама Кадмона), т.е. структура Микрокосма (человеческого существа) повторит на своем уровне структуру Вселенной (Макрокосма)¹⁴, и, следовательно, все установленные нами структурные числа проявляются в ней.

¹⁴Как уже говорилось, мысль о подобии Микрокосма (человека) Макрокосму (Вселенной) принадлежит Пифагору, но она является одним из наиболее устойчивых элементов эзотерической традиции в целом, нашедшей к тому же отражение в мифах, которые всегда служат внешней (экзотерической) оболочкой Внутренних (эзотерических) доктрин. Дочтаточно вспомнить о «космическом человеке» Пурше, о создании мира из частей тела Брахмы или о «большом человеке» Адаме Кадмоне.

Они не соотносены с каким-то одним лишь элементом структуры, но воплощают, сквозные принципы ее организации. Это касается и вертикали «тело-душа-дух» и оси отражения-отреагирования, и других аспектов, о которых речь впереди.

Семь логических уровней сознания полностью укладываются в семиступенчатую структуру Древа Сефирот. Но, кроме того, человеческое существо взаимодействует с внешней средой — неодушевленной природой — это низший по отношению к нему уровень (будем обозначать обозначать его «-0»), — и обусловлено внешней по отношению к нему причиной — это высший уровень (будем обозначать обозначать его «+0»). Точно так же высшая и низшая точки вертикали «тело-душа-дух» не относятся собственно к человеку — это трансцендентальная (т.е. запредельная) базовая матрица, «главное в главном» (уровень «+0») и внешняя неодушевленная природа, «конкретное в конкретном» (уровень «-0»). Так проявляются структурные числа семь и девять, и, подобно им, но на базе более общего членения — три и пять (Рис. 10). Необходимо прояснить ещё один вопрос. Авторы настоящей книги придерживаются идеалистических взглядов и могут назвать себя верующими и при этом веротерпимыми людьми. Кроме того, они считают неуместным обсуждение вопросов веры в рамках научного и даже философского сочинения, считая их делом совести каждого конкретного человека, а в профессиональном плане — достоянием теологов. Учитывая сказанное, технологические реминесценции и отсылки, содержащиеся в настоящей книге, всегда носят характер необходимого комментария, проясняющего смысл сказанного, и никогда не демонстрируют конфессиональные предпочтения авторов.

Схема строения логических уровней в структурной психосоматике в сравнении со схемой Дилтса.

На рис.: Логические уровни сознания: Модель Р. Дилтса (слева) и психосоматическая объемная модель

Глава 2

Структура и сущность. Ядерная зона.

Во многих направлениях современной психологии, например, в телесно-ориентированном психоанализе или НЛП, используется понятие ядра личности. Однако, нигде не разъясняется внутреннее устройство этого ядра, а также концептуальная необходимость введения в понятийный аппарат теории подобной категории. Еще хуже тот факт, что лирические отступления, рассуждения из арсенала религиозного проповедника, беллетристики не лучшего толка и даже отдельные попытки псевдоматематического подхода – все, что мы можем найти на эту тему в литературе, никак не увязывается с другими концепциями и, что еще важнее, не находит выражения в практической работе.

Прежде всего определим, что,

с точки зрения структурной психосоматики, личность – это индивидуальный способ отражения-отреагирования, базирующийся на вертикали «тело-душа-дух» и структурно организованный в виде логических уровней сознания.

Таким образом, личность – это совокупность определенных фазовых состояний вертикали, каждое из которых определяется своей собственной топологией структурной организации, своим состоянием сознания (следует иметь в виду, что такое состояние предполагает и осознаваемое и бессознательное, и духовные, и психические, и телесные феномены). Выше было показано, что понятие «ядро личности» может быть соотнесено с глубинными структурными механизмами отражения-отреагирования. Глубинным же образованием вертикали «тело-душа-дух» мы должны считать зону духа, «главного» или, может, «частного в главном» (Атман) – Я, самоидентификации и волений. Существует, однако, и еще один аспект.

Основой человека, как активной биологической единицы, следует полагать сумму наследственных свойств и качеств, образующих геном человеческого существа и ряд образующихся в его рамках генотипов. Реализованные на базе ряда информационных носителей, генотипы являются конкретными отправными точками, от которых в процессе роста и развития развертывается все психосоматическое единство человеческого существа, его вертикаль и ортогональная по отношению к ней ось отражения-отреагирования, определяющая состояние личности.

Генотип, таким образом, представляет собой читаемый или проявленный участок генома, который, транслируясь, что неизбежно порождает те или иные ошибки, и под воздействием природной среды, также оказывающей травмирующее влияние, вы-

ражается в виде фенотипа. На базе последнего формируется вертикаль «тело-душа-дух». В процессе отражения-отреагирования эти вертикальные структуры проявляют себя как личность.

Итак, геном, ограниченный рамками генотипа, реализуется в искаженном виде в конкретном человеческом существе как фенотип, развертывающийся в вертикаль; взаимодействие последней с «внешней» реальностью и порождает личность.

Введем понятие сущности.

Сущность – это безошибочное развертывание генотипа в вертикаль «тело-душа-дух». Совокупность способов отражения-отреагирования, формирующихся на базе сущности представляет собой сущностную личность.

Таким образом, на этом этапе описания мы можем выделить следующие структурные составляющие человеческого существа:

- * *геном* и его читаемые *зоны-генотипы*;
- * *сущность* – идеальное (безошибочное) развертывание генотипов в вертикаль; если такое развертывание происходит на базе целостного генома, будем говорить о полностью реализованной сущности;
- * *сущностную личность*, возникающую как индивидуальный способ отражения-отреагирования во взаимодействии сущности с «внешней» реальностью; если при этом центр осознания расположен на седьмом логическом уровне будем говорить о реализованной сущностной личности; если в этом случае мы имеем дело с полностью реализованной сущностью, то перед нами полностью реализованная сущностная личность;
- * *фенотип* – трансляцию генотипа в конкретную форму человеческого существа; если основой такой трансляции является целостный геном, будем говорить о полностью реализованном фенотипе;
- * *вертикаль «тело-душа-дух»*, разворачивающаяся на основе фенотипа; если основой такого развертывания служит полностью реализованный фенотип, будем говорить о полностью реализованной вертикали;
- * *личность*, представляющую собой совокупность индивидуальных способов отражения-отреагирования во взаимо-

действию с «внешней» реальностью; если центр осознания личности расположен на седьмом логическом уровне сознания, будем говорить о реализованной личности; если при этом такая личность возникает на базе полностью реализованной вертикали – это полностью реализованная личность (Рис. 11).

Геном – сущность – сущностная личность и фенотип – вертикаль – личность представляют собой как бы две независимые триады, первая из которых мыслится, на первый взгляд, лишь как потенция, некоторый идеальный образ. Это не так.

Необходимо решительным образом обозначить, что

сущностная триада (геном-сущность-сущностная личность) реально присутствуют в структуре человеческого существа наряду с текущей триадой (фенотип-вертикаль-личность).

Наличие (реальное, а не потенциальное) генома в этой структуре не подлежит сомнению. Причем именно он и является той базовой матрицей, на основании которого происходит фрактальное развертывание психосоматического единства в целом. Анализируя его, мы должны констатировать наличие ядерной зоны-

ядерная зона – это совокупность глубинного слоя организации генома человеческого существа (уровне Адама) и развернутых на его основе сущности (уровень ядра сущности – сущностного духа) и сущностной личности (ядро сущностной личности)

Геном в целом, и прежде всего, зона Адама, в течение всей жизни человека является источником управляющих, нормализующих и организующих импульсов, которые, преломляясь через вертикаль и личность, выражаются в виде воли. Их можно описать как некоторые вибрации, излучения, пронизывающие кри-

сталл – ему может быть уподоблено структурное единство человеческого существа. Отсюда следует, во-первых, что геном постоянно стремится превратить текущую триаду в сущностную, и, во-вторых, что некая возможность для любого человеческого существа всегда реально наличествует (рис. 12, 13). Иными словами, каждый может стать полностью реализованной личностью. Наконец, эти вибрации, даже если они не приводят к коррекции на сущностных основах, даже если в ходе жизни структура человеческого существа разрушается (а так обычно и происходит), реально порождают сущностную структуру.

Данный факт может быть представлен при помощи аналогии. В физике описывается следующее явление, наблюдаемое при росте монокристаллов из насыщенного раствора: мы всегда можем обозначить границы роста, далее которой собственно кристаллическая решетка еще не сформирована, однако приборными методами обнаруживаются некоторые пространственные аномалии в точках, где узлов кристалла еще нет, но они должны образоваться в процессе дальнейшего роста. Поскольку геном является постоянным генератором нормализующих импульсов, реальное в структурном смысле присутствие сущности и сущностной личности становится неизбежным. Оно может быть зафиксировано и фиксируется в наблюдении.

Структурно сущность и сущностная личность организуются подобно геному – как монокристалл. Если структуры текущей триады все более уподоблены структуре триады сущностной, тем самым и она принадлежит к монокристаллическому идеалу. Ясно, что на практике искажения генома многочисленны – в рамках рассматриваемой модели они могут быть описаны как нарушения кристаллической решетки сущности – всякого рода дислокации, дефекты, включения и асимметрии, вплоть до распада монокристалла на поликристаллический конгломерат.

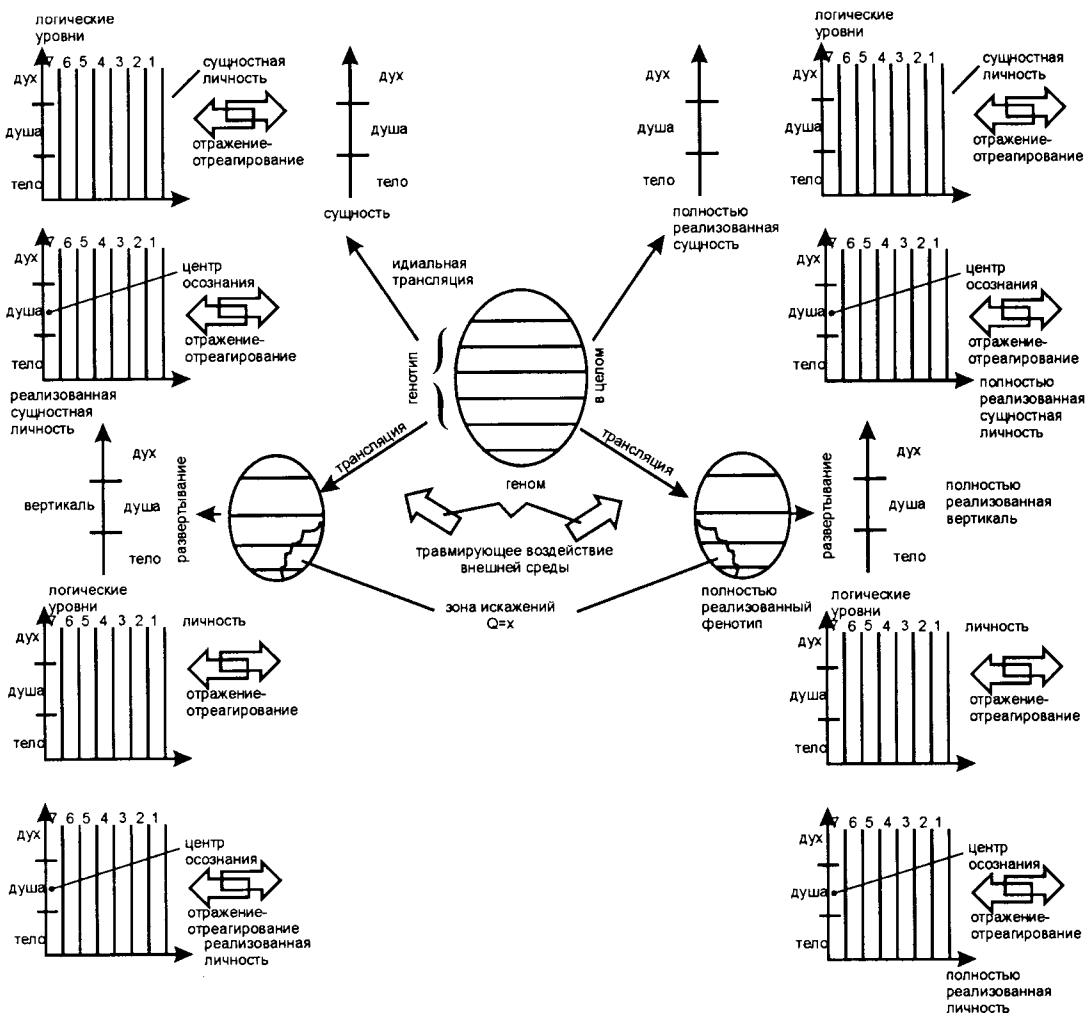

Рис. 11 Схема развертывания структуры человеческого существа

Итак, ядерная зона, «видимая сквозь призму» ядерной зоны текущей триады (аналогичной первой по своему составу) может быть соотносена с Я человека, с Я, очищенным от эго, т. е. от совокупности социально и культурально обусловленных отношений индивида к другим индивидам и проявлениям реальности, а истекающие от ядерной зоны вибрации – с волением «Я хочу!», или, точнее, «Я хочу быть», понимаемым как метафоры всей совокупности его структурных потенций.

ГЛАВА II
Ч. 1

В тех случаях, когда текущая триада сильно искажена по сравнению с сущностной, наличествующие в ней дефекты становятся источниками организующих сигналов, соотносимых с волением «Надо!». По существу, это управляющие импульсы внедренных в структуру сторонних программ, которые мы иначе называем социальными, культуральными и т. п. стереотипами. Это феномен ложного центра.

Подлинная управляющая структурой активность присуща только геному. Это значит, что не имеющие собственной активности нарушения структуры подпитываются постоянной активностью ядерной зоны, но, вместо того, чтобы транслировать фрактальный эквивалент воспринятой вибрации, они продуцируют собственный импульс. Этот импульс неизбежно содержит часть изначального сигнала, но в искаженном виде и с присоединением изоморфных своему источнику команд. Хорошей метафорой описываемого явления может служить феномен переизлучения: так рубиновый лазер изначален не сам по себе, но лишь под воздействием лампы накачки – далее его атомы генерируют собственное излучение, соответствующее конфигурации их электронных орбиталей.

Из сказанного ясно, какие именно состояния характеризуются терминами «ресурсное» и «нересурсное»¹⁵.

¹⁵Примером ресурсного состояния можно считать вдохновение, примером нересурсного – скуку.

Первые связаны с функционированием элементов человеческого существа, в наибольшей степени структурно совпадающих с соответствующими элементами сущностной триады, наиболее прозрачных для вибраций ядерной зоны; вторые – с делительностью наименее сущностных элементов, замедляющих воление зоны Адама. Как будет показано, и первым, и вторым соответствуют вполне определенные психосоматические феномены.

Таким же прозрачным становится и понятие внутренних конфликтов, которые могут быть разделены на сущностные и периферические. Первые связаны с одновременным присутствием двух структур – структуры сущностной триады и триады текущей, с напряжениями между ними. Вторые – это конфликты между элементами человеческого существа, каждый из которых несущестен; ясно, что они не могут быть структурно согласованы между собой. Заметим, что наличие периферических конфликтов обязательно свидетельствует и о наличии сущностных.

Кроме того, становятся ясными и такие понятия, как неполное развитие и неполная реализация. Неполное развитие – это формирование фенотипа на базе генотипа, не тождественного целостному геному, а неполная реализация – неумение перемещать центр осознания в зону ядра личности (рис. 13).

Заметим – и это будет показано – что практически любые нарушения структуры могут быть скорректированы. Более того, такая цель – и есть путь истинного развития личности, подлинная жизненная цель. Естественно, такая коррекция требует существенных волевых усилий и определенных технических действий, общие черты которых будут нами освещены.

Очевидно, что зоной наименьших искажений является ядерная зона текущей триады – здесь человеческое существо, разделенное на сущностную и инесущностную части как бы смыкаются с самим собой. Точнее, почти смыкаются в самом себе, что позволит предложить нам новую модель описания (рис. 14). Здесь две триады изображены в виде двух ортогональных осей координат¹⁶.

¹⁶Не следует забывать, что структура фрактальна. Наша модель тоже фрактальна.

Первую триаду образуют оси вертикали «дух-душа-тело», ось отражения-отреагирования (личности) с уровнями, соответствующими логическим уровням сознания, и ось развития (фенотипа). Вторую триаду – ось сущности (зеркально симметричная вертикали), ось отражения-отреагирования (сущностной личности) с соответствующими сущностными логическими уровнями сознания (она зеркально симметрична оси личности), и ось развития (генотипа) (она зеркально симметрична оси фенотипа). В дальнейшем для нас будет представлять особый интерес точки центра симметрии и плоскость раздела (плоскость симметрии). Сейчас же мы отметим, что именно в этой точке в потенции смыкаются структуры полностью реализованной сущностной личности, путь к которой можно представить как встречное движение трехмерных ортогональных триад. (Мы выделяем личность именно потому, что именно через нее и ее состояние раскрывается структура человеческого существа – ведь и познание, в т. ч. и человека, и самосознание – это тоже процессы отражения-отреагирования.)

В традициях очень часто первую триаду (сущностную) называют собственно человеком, а вторую (текущую) – тенью.

1. ПРЕЖНЕЕ И БУДУЩЕЕ НЕБО

Вернемся к рисунку 2 и комментарию г-на Сюй Минтана: «Каж-дую из осей – цзин, ци и шэнь – мы можем разделить на три части (рис. 15). Первая зона – это зона инь (инь цзин, инь ци, инь шэнь), вторая – зона юань (юань цзин, юань ци, юань, шэнь), третья зона – ян (ян цзин, ян ци, ян шэнь). В данном случае «инь» означает «темный», а «ян» – «светлый», точнее, «просветленный». Базовым является понятие «юань» – оно означает «изначальный»; это такое со-

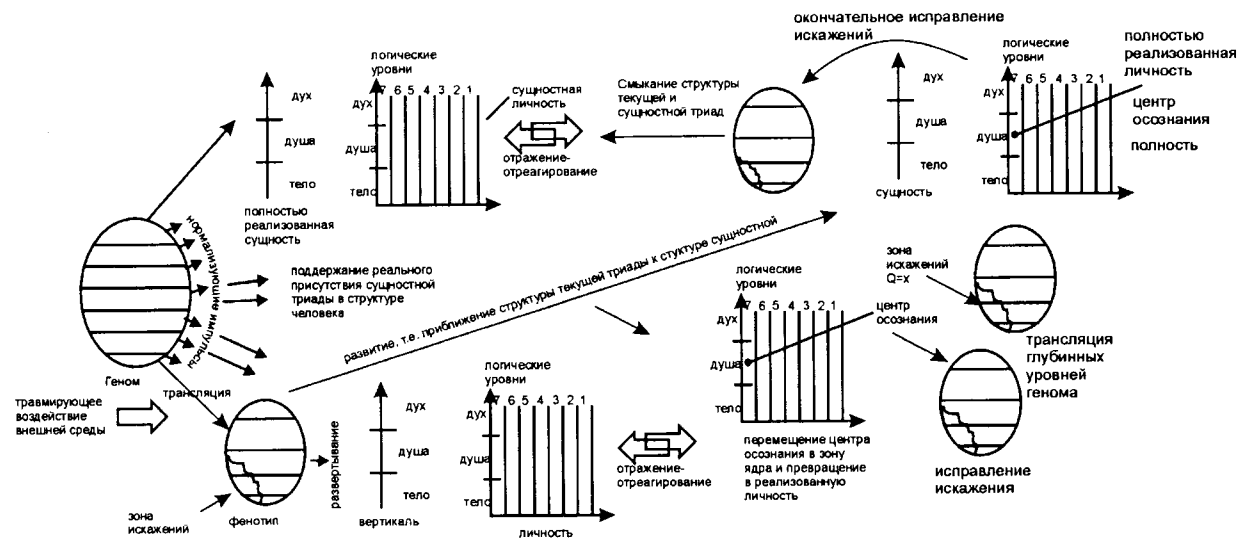

Рис. 12 Развитие структуры человеческого существа

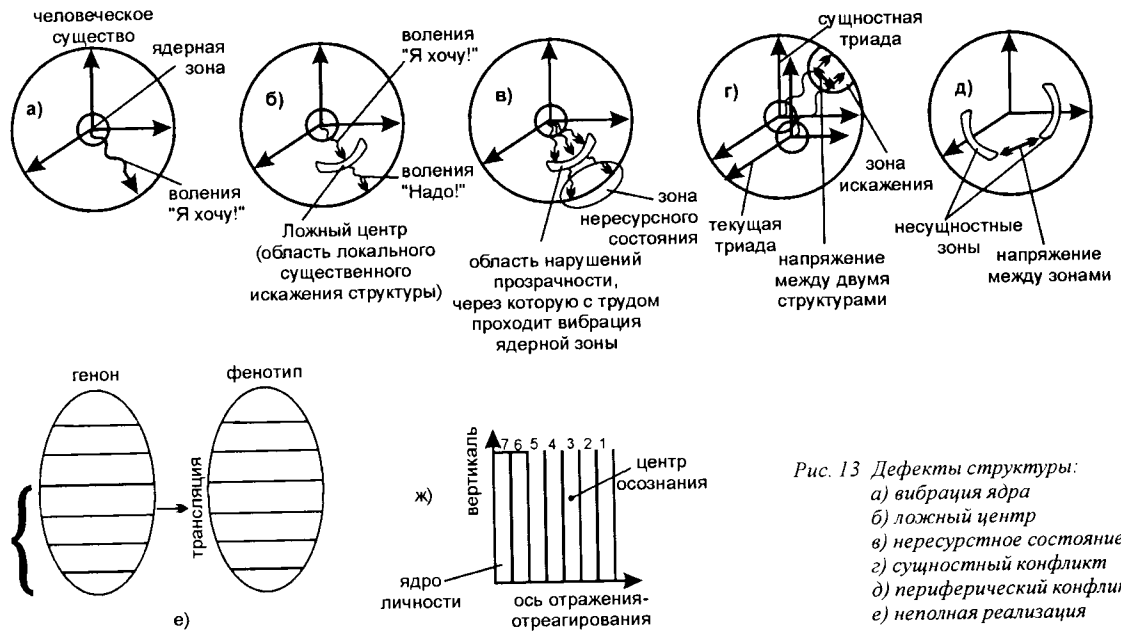

Рис. 13 Дефекты структуры:
 а) вибрация ядра
 б) ложный центр
 в) нересурсное состояние
 г) сущностный конфликт
 д) периферический конфликт
 е) неполная реализация

стояние цзин, ци и шэнь (тела, души и духа), которое дано нам в потенции как унаследованная от родителей потребность.»

Каким же образом это связано с геномом, генотипами и фенотипом?

Учителя цигуна различают состояние «прежнего» и «будущего» неба. Они составные и подразделяются на ряд одновременно присутствующих слоев, но для нас важно сейчас, что «прежнее небо» базисом своим имеет «изначальное» (юань); его называют также «истинным», «сущностным» и т. д. Оно относится к тому, что «человеческое существо получает от родителей на самой ранней стадии внутриутробного развития, в процессе формирования эмбриона». Другая часть структуры «прежнего

неба» уже производная от юань – она составляет тот «строительный материал и движущую силу, которые обеспечивают физиологическое функционирование тканей и органов тела. За время эмбрионального развития она также успевает сформироваться».¹⁷

¹⁷Zhang Mingwu, Sun Xingyan "Chinese qigong therapy", Jinan, 85

Вот что пишет великий философ древности Ван Чун: «Когда женщина рождает ребенка, то он наполняется ци прежнего неба и появляется на свет. Эта ци прежнего неба есть тончайшая сущность неба и земли». Таким образом, речь идет о пренатальном (предшествующем рождению) состоянии, но не только о нем.

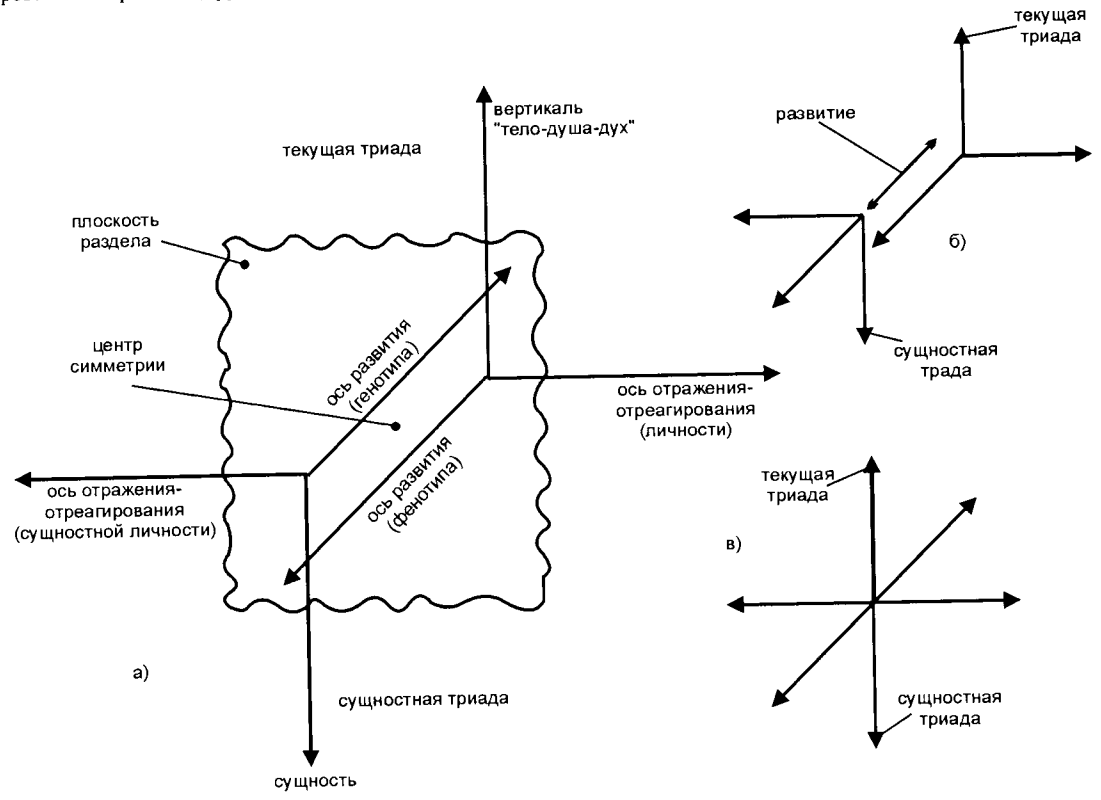

Рис. 14 Модель структуры человеческого существа:
 а) две триады и плоскость раздела
 б) развитие
 в) модель полностью реализованной сущности

Состояние «будущего неба» формируется как следствие состояния «прежнего неба» из материала, потребляемого человеческим существом извне. Таким образом, мы можем отождествить юань и с некоторой фазой разворота фенотипа человека, и с генетической основой такого разворота.

Действительно, состояние «юань цзин, юань ци, юань шэнь» всегда присутствует в человеке. В «Бао-цзюане о познании Буддой Пу-мином конечного смысла недеяния» сказано: «Совершенство, необходимо собирать прежнее небо, тогда множество цзин и ци проникает в священную совокупность сокровенного. Соединены четыре формы в едином теле, в истинном огне пяти первоэлементов плавится золотая пилюля». Именно это – выплавление внутри тела «золотой» пилюли (иначе «внутренней» или «киноварной») пэй-дань путем актуализации структуры «прежнего неба», структуры юань, достижение «бессмертия» или состояния «просветленного» (сянь), состояния «саньмэй»¹⁸

ГЛАВА II Ч. 1

¹⁸Саньмэй или саньмоди – китайская транслитерация санскритского «самадхи».

(какие бы термины ни применялись разными школами) – было всегда подлинной целью «даосской алхимии» и практики цигуна, а не золото как таковое, или легендарные «шесть чудесных дарований» (лю шэнь тун), достижимые в зоне ян. То, что на западе принято называть «даосской алхимией», сильно напоминает и внешне, и внутренне знакомую нам арабскую или средневековую европейскую. Здесь тоже речь идет о «плавке золота» и «энергии бессмертия». Но опять-таки, как и в алхимии западной, мы имеем дело с чисто «внешней» трактовкой – на самом деле речь идет о «внутренних» действиях, т. е. пути самосовершенствования с использованием определенных психофизических практик и техник. Тиглями для плавки «пилюли бессмертия» («киновари») на самом деле должны были стать дантяни («киноварные поля») – энергетические центры человеческого существа, аналогичные чакрам индусов, а пламенем – «истинный пламень сердца, т. е. воля».

Шесть качеств, которые, как утверждает традиция, приобретает со временем (в зоне ян) практикующий цигун: «небесное зрение» (тяньяньтун) – способность видеть далекие и мельчайшие предметы, а также проникать взглядом внутрь тел; «небесный слух» (тяньэртуи) – способность слышать слабые и отдаленные звуки; «чудесная стопа» (шэньцзутун) – способность к чрезвычайно быстрому бегу; «проникновение в чужое сердце» (тасиньтун) – способность к телепатии; «постижение судьбы» (суминьтун) – знание прошлого и предвидение будущего; «проникновение за пределы» (люцзиньтун) – способность к достижению «пустоты», т. е. «высших», «нечеловеческих» миров за пределами этой зоны бы-

тия (по трактату «Цзюй мэ лунь», где о «шести чудесных дарованиях» говорили впервые).

Сюй Минтан поясняет: «Развитие цзин, ци и шэнь большинства людей соответствует зоне инь. Работая над собой, одновременно совершенствуя цзин, ци и шэнь, можно перейти в зону юань. Это область множества возможностей. Совершенствуясь дальше. Мы можем перейти в зону ян. Она соответствует состоянию просветления, состоянию сянь».

О чем идет речь? Итак, двигаясь из зоны инь, которая, с одной стороны, соответствует «будущему небу», т. е. постнатальному периоду, а, с другой стороны, «темному» состоянию человеческого существа, неразвитой или испорченной его природе (если сравнивать с «изначальным» состоянием), мы, путем развития и совершенствования, «собирая прежнее небо», вступаем в зону юань, т. е. в состояние... эмбриона? Нет. Речь идет о том, что изначальная данность наследственной природы человека со временем искажается – на стадии эмбриона она еще соответствует юань, к моменту рождения приобретенные наслоения формируют полностью «прежнее небо», а в ходе жизни мы можем отождествить его только с инь. Двигаясь же к собственным основам, к «юаньскому» состоянию наследственной информации, к «юаньскому» генотипу, мы и собственный «текущий» фенотип можем усовершенствовать до юаня, исправить накопившиеся искажения. А дальше? Дальше мы вступаем в зону ян. Но проследим вектор такого движения: от искаженного фенотипа, сформированного на базе «испорченной» наследственной информации зоны инь – к «изначальному» генотипу юань, разворачивающемуся в ранний период утробного развития – и далее в зону ян, т. е. только к наиболее глубинным и неискаженным частям генома, на базе которых возможно формирование фенотипа «бессмертного» – сянь. Это вполне очевидно, а некоторая неясность возникает лишь из-за того, что китайские мыслители не разделяют наследственное и его проявления, генотип и фенотип (Рис. 16).

Далее традиция говорит, что зоны инь, юань и ян каждая делится на три участка. Нижний уровень инь – это воплощение, которое вообще нельзя назвать человеческим¹⁹,

¹⁹«Это жизнь животного, растения или даже камня», – говорит г-н Сюй Минтан.

а высший уровень ян тоже уже собственно нечеловеческий – достигшие его сянь обретают «бессмертие», чтобы стать учениками в «Садах небожителей»²⁰, т. е. начать новый виток развития в «высшем», по отношению к «человеческому», мире. Это уровни соответственно -0 и +0 оси развития – назовем ее так, оси генотипа.

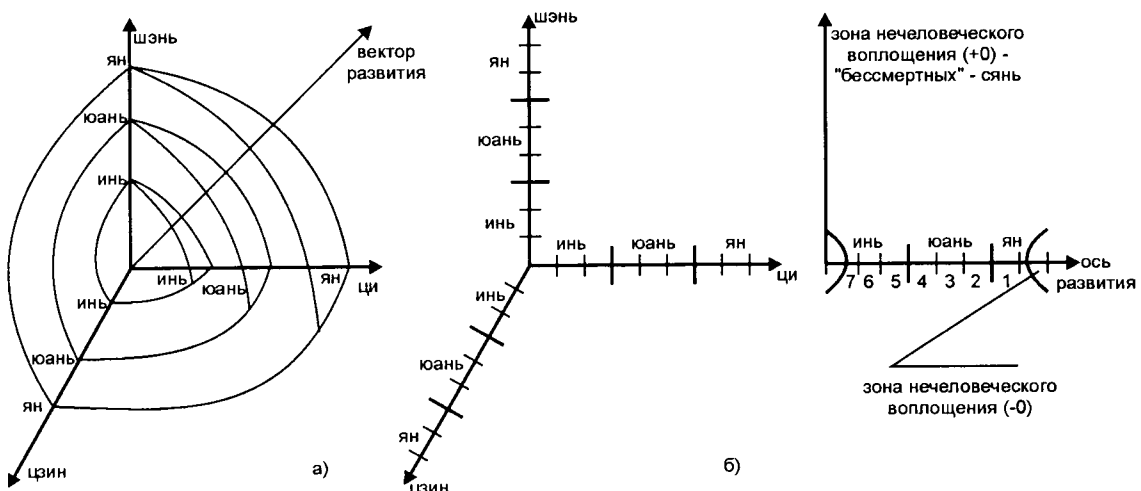

Рис. 15 Инь, юань, ян.

а) по традиции школы Чжун Юань Цигун

б) Схема оси развития, модифицированная в соответствии с представлениями структурной психосоматики – глубинные зоны перенесены к началу координат

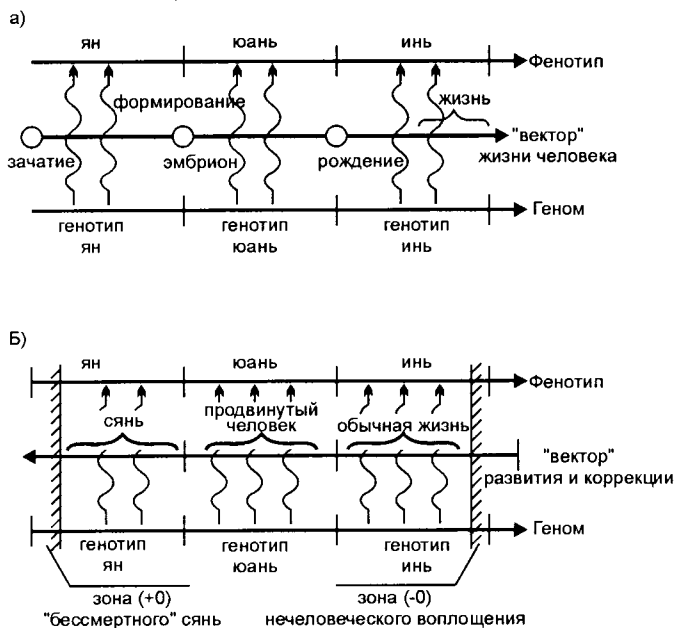

Рис. 16 Развертывание генома

²⁰Все традиции имеют экзотерическое («внешнее», «профаническое») и эзотерическое («внутреннее», доступное посвященным) учения. Речи о «бессмертии» и «Садах небожителей» носят экзотерический характер, т. е. предназначены для профанов — адепты же понимают, что говорится о следующей стадии развития Активного Сознания, которая лежит за пределами человеческой формы организации.

2. СТРУКТУРА ГЕНОМА

Не секрет, что наука, как и любая область человеческой культуры, в огромной степени держится на мифах, т. е. устойчивых стереотипах сознания, когда спорные по своей сути и требующие доказательства положения принимаются массовым сознанием (в науке тоже есть массовое сознание) за аксиомы. Можно привести множество подобных мифов. В биологии одним из них является мнение, будто бы нам вполне ясен механизм наследственности и, что еще прискорбнее, будто бы нам ясен механизм развертывания наследственной информации в целостный организм.

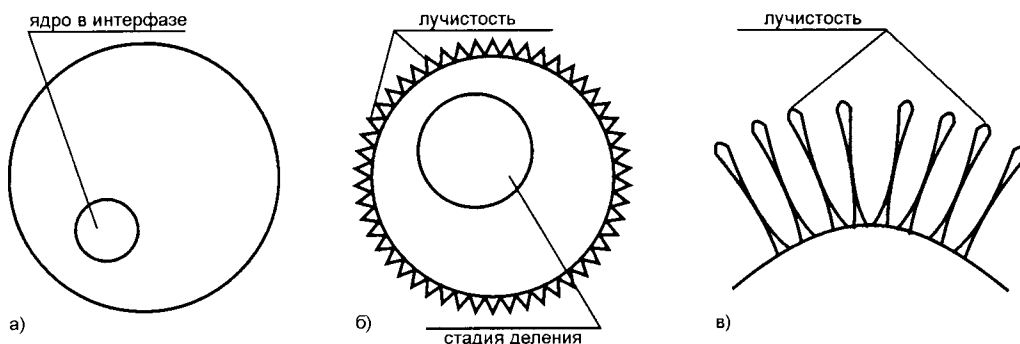

Рис. 17 «Лучи Гурвича»

а) клетка в интерфазе

б) «лучистость» — микроворсинки на поверхности клеточной мембраны

в) структура микроворсинок

Считается, что с открытием двуспиральной структуры ДНК и нуклеотидного кода здесь не осталось загадок. Но ведь геном человека состоит не из одной молекулы ДНК и даже не из серии молекул, расположенных внутри хромосом (к этому вопросу мы еще вернемся). Кроме того, существует морфогенетическая проблема — одна из главных проблем биологии в целом.

Суть ее в следующем: каким образом генетический код, записанный в т. ч. и в ядерных ДНК, развертывается в целостный организм? Действительно, нигде вы не найдете толкового объяснения, каким именно образом информация, записанная в хромосомах, реализуется в виде организованного ансамбля миллионов клеток, имеющих вполне определенную и устойчивую структуру. А ведь уже на ранних стадиях эмбрионального морфогенеза происходит специализация клеток, зародыш имеет определенную пространственную структуру и т. д.

С одной стороны, все клетки нашего организма — и нейроны мозга, и клетки печени, и клетки слизистой оболочки желудка — имеют одинаковый наследственный аппарат и возникли из одной единственной клетки — оплодотворенной материнской яйцеклетки, но насколько они внешне несхожи и насколько структурно несхожи образованные ими органы! Более того, специализированные клетки разных живых существ более структурно схожи между собой, чем клетки одного и того же существа, но составляющие разные ткани.

С другой стороны, неясно, каким образом яйцеклетка, а в дальнейшем клетки зародыша и взрослого организма, «узнают» структуру будущего слона или, скажем, бабочки, т. е. почему клетки изменяются нужным образом и в нужном месте, и почему они единственно правильным образом располагаются в пространстве.

Впервые плодотворный подход к решению этой проблемы был предложен в 1920-е годы А. Г. Гурвичем, а в 1947 г. вышла в свет его книга «Теория биологического поля»²¹, породившая, как это часто бывает с работами революционного характера, массу полуграмотных спекуляций — в данном случае, вокруг понятия «биополе» (сам термин и был предложен Гурвичем).

²¹Так вышло, что именно концепция Гурвича породила многочисленные современные спекуляции на тему «биополя», хотя большинство их авторов не знают ни имени Гурвича, ни сути его взглядов, ни даже о существовании «митогенетических лучей». К сожалению, профанация и термина, и самой идеи биологических полей и излучений отнюдь не способствовала продвижению подобных взглядов в научный обиход — ведь шарлатаны пропагандировали (и пропагандируют) то, о чем сами имеют смутное представление.

Еще на заре своей научной карьеры Гурвич открыл феномен, который назвал «митогенетическим излучением» («лучами Гурвича»). Любопытно, что такая трактовка, как показали дальнейшие исследования, была в корне неверной, а вот сама концепция, созданная на ее основе, весьма продуктивной.

«Лучи Гурвича» возникают во время митоза и видны как своеобразные «протуберанцы», покрывающие клеточную мембрану. В интерфазе подобные явления не наблюдаются (рис. 17).

А. Г. Гурвич отождествил их с излучением электромагнитного характера, в т. ч. и в области видимого света. Несвершенство приборных методов исследования способствовало такой ошибке. В частности, исследования проф. А. Н. Мосолова (Медицинский ин-т, Новосибирск), к которым мы еще обратимся, показали, что «митогенетическое излучение» не светится в темноте и не воздействует на фотопленку.²²

²²Излагая результаты проф. А. Н. Мосолова, мы пользуемся, главным образом, его докладом на 1 Международном конгрессе «Слабые и сверхслабые поля и излучения в биологии и медицине» (С.-Петербург, 1997 г.), а также частными беседами в кулуарах конгресса и представленными А. Н. Мосоловым материалами.

Однако именно Гурвич впервые в науке поставил вопрос о необходимости существования силового поля (биополя) сложной конфигурации, которое возникает в момент оплодотворения и существует в течение всей жизни организма, определяя структуру его среды. Делящиеся клетки подхватываются силовыми линиями, подобно тому, как это происходит с железными опилками в магнитном поле в известном школьном опыте. При этом геометрия поле реализуется в виде структуры организма, его органов и тканей, а, проникая внутрь клеток, определяет их специализацию, т. е. «включение» тех или иных участков генома. Гурвич предполагал электромагнитную природу этого поля, а «митогенетические лучи» полагал его частным случаем.

Группа А. Н. Мосолова определила, что «лучистость Гурвича» на самом деле представляет собой густую сеть цитоплазматических выростов типа микроворсинок (был предложен рабочий термин «пляшущие человечки»). Какова их природа? Удалось установить, что их порождает мощное акустическое поле. Далее удалось смоделировать данный процесс на вибростенде, подвергая механическим колебаниям поверхность вязкой жидкости (а именно такой и является цитоплазма и межклеточная среда).

Механизмы, определяющие функционирование и свойства акустических полей, достаточно сложны и разнообразны. Так, например, гидродинамический закон Бьеркнеса гласит, что два вибрирующих в газе или жидкости тела могут взаимно притягиваться или отталкиваться, в зависимости от их фазовых состояний.

Итак, существование мощных акустических полей в живом несомненно, их возможность структурировать среду таким образом, чтобы сделать деление клеток пространственно и хронарно не случайным, тоже (рис. 18). Но какие структуры связаны с этими вибрациями, и каким образом здесь задействован генетический аппарат?

Согласно распространенному заблуждению, генетический аппарат многоклеточных существует в двух формах: в виде клеточного ядра (в интерфазе) и в виде отдельных свободных хромосом (во время деления). Такое мнение сложилось потому, что в методах исследования внутриклеточных структур превалирует деструктивный подход. Тому способствуют фиксация, разрезание и раздавливание клеток при их микроскопировании. Таким образом, изучаются уже разрозненные обломки первоначальной структуры. Группа Мосолова поставила перед собой задачу изучение структуры именно живого, неповрежденного объекта. Были использованы методы фазово-контрастной и интерференционной микроскопии. Удалось установить, что:

* источником микроскопического акустического поля является именно геном;

* таковой образует сложную пространственную структуру, по отношению к которой и отдельные хромосомы, и, тем более, хромосомное ДНК, представляют собой уже образование низшего порядка организации, отдельные детали общего механизма;

* автоколебательные физико-химические процессы, происходящие в недрах генетического аппарата, порождают автоколебательные акустические поля; таким образом, морфогенез – это, фактически, реализация сложной акустической голограммы.

В результате почти 30-летних исследований было установлено, что генетический аппарат – структурно единая, но пространственно динамическая система, в основе которой – многоуровне-

вый сферотороидальный принцип организации. В интерфазе генетический аппарат принимает конфигурацию асимметричной сферы (это и есть клеточное ядро). Тела хромосом, укрепленные на внутренней мембране сферы ядра, располагаются меридианально. При этом все центромеры (кинетохоры²³) хромосом расположены у одного из полюсов, соединяясь в единую структуру – центромерное кольцо.

²³Определим некоторые используемые термины:

Интерфаза (лат. inter – «между» + греч. phasis – «проявление») – период жизненного цикла клетки между двумя митогенетическими делениями, в течение которого синтезируются вещества, необходимые для существования и последующего деления клетки, а также возникают специальные структуры, в зависимости от ее функциональных особенностей; структурное поле проявлено слабо.

Митоз (греч. mitos – «нить») – основная форма клеточного деления, сущность которой заключается в удвоении числа хромосом и дальнейшем их равномерном распределении между дочерними клетками.

Морфогенез (греч. morphē – «вид», «форма» + греч. genes – «порождающий») – совокупность процессов развития оплодотворенной яйцеклетки, приводящих к формированию органов и систем зародыша (морфогенез эмбриональный), а затем органов и систем организма.

Теломер (греч. telos – «конец» + греч. meros – «часть») – концевой участок хромосомы.

Хроматин (греч. chroma – «кожа», «цвет кожи») – вещество клеточного ядра, состоящее из ДНК, которая является носителем генетической информации, и небольшого количества РНК, а также белков; хорошо окрашивается основными красителями (отсюда название); в интерфазе, по представлениям официальной науки, рассеян в клеточном ядре, в период клеточного деления сконцентрирован в хромосоме. Исследования А. Н. Мосолова показывают, что и в интерфазе хроматин составляет вещество хромосом.

Хромосомы (греч. chroma – «кожа», «цвет кожи» + греч. soma – «тело») – структурный элемент клеточного ядра, содержащий ДНК, различимый, с точки зрения официальной науки, в виде образований определенного размера и формы только во время деления клетки, самоустройство и закономерное распределение хромосом по дочерним клеткам обеспечивает передачу наследственной информации. По данным Мосолова, отдельно хромосомы не существуют – они образуют сложную пространственную форму, которая сохраняется и в интерфазе.

Центромера (лат. centrum – «центр круга» + греч. meros – «часть») – участок хромосомы в области ее первичной перетяжки.

Хвостовые участки хромосом (теломеры) сходятся у противоположного полюса ядра. Можно утверждать, что в естественном (неповрежденном) состоянии центромеры не существуют – это обрывки центромерного кольца. Точно так же не существуют и отдельные хромосомы. Такой подход позволяет разрешить и еще одну загадку биологии развития – механизм точного по количеству и качеству расхождения хромосом по дочерним клеткам.

Каждый вид живых существ имеет строго определенное количество хромосом. У человека их 46 (23 пары). Каждая хромосома имеет свою долю генетической информации и в этом смысле уникальна. При делении клетки происходит копирование генети-

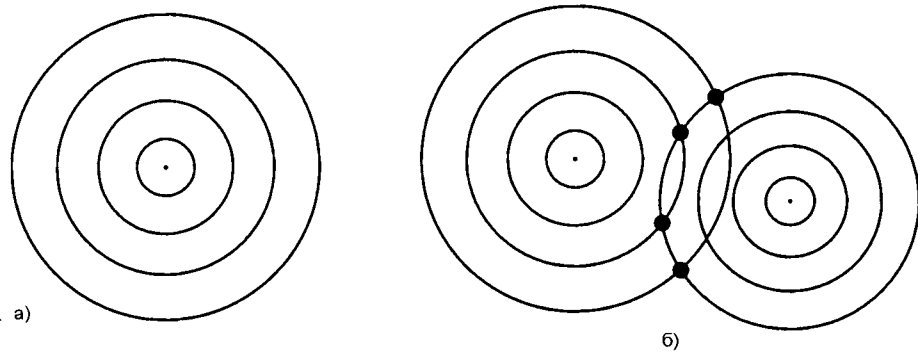

Рис. 18 Поле точечных акустических источников
а) для одиночного источника
б) для двух точечных источников

ческого материала (репликация) и, следовательно, удвоение числа хромосом. Но каким образом хромосомы, если они никак не организованы, точно распределяются между дочерними клетками так, чтобы в каждой из этих клеток оказалось необходимое количество хромосом, и, при этом, их полный набор? Современная биология не знает ответа. Но если, как показывают исследования проф. Мосолова, все хромосомы представляют собой единую сис-

тому, то механизм их точного удвоения, а затем распределения между дочерними клетками под действием мощного акустического поля предстает простым и понятным (рис. 19).

Итак, организация генетического материала внутри ядра в пространственном отношении весьма сложна (рис. 20).

Но дело не только в этом. Мы должны признать, что, строго говоря, жизнь не ведаёт смерти. Действительно, рассмотрим внимательно ранние стадии развития многоклеточного живого существа, а именно, человека (рис. 21).

Первый этап связан с оплодотворением материнской клетки сперматозоидом. Далее происходит дробление зиготы – сперва вдвое, затем еще раз вдвое, затем – постоянное накопление клеточной массы без клеточной дифференциации. Следующий этап – перемещение цитологических масс, когда образуются три зародышевых листка – эктодерм, мезодерм и энтодерм. Далее происходит т. н. Первичный органогеenez и формируется комплекс осевых органов: нервная трубка, кишечная трубка и хорда. Затем формируются собственно органы и, наконец, наступает момент рождения. Человек живет, умирает, но если он успевает породить потомство, то передает ему часть себя в виде цитоплазмы материнской клетки и прочих ее клеточных органелл.

Таким образом, геном передается не одним лишь клеточным (внутриядерным) ДНК, он состоит из:

- * суммарного генетического материала отца и матери, сформированного сложным пространственным образом;
- * акустического поля, возникающего как результат вибрации ядра, окруженного цитоплазмой и мембраной;
- * клеточной цитоплазмой и другими составляющими оплодотворенной яйцеклетки, чью преемственность, в принципе, мы можем проследить вплоть до первого человека.

По мере зародышевого развития влияние наиболее глубинных структур размывается, а влияние собственно геномной информации возрастает.

Мы можем проследить следующие принципиальные этапы:

- ◆ этап непосредственно перед оплодотворением, когда вся совокупность будущего генома сосредоточена в двух половых клетках – отцовской и материнской;
- ◆ этап оплодотворенной материнской яйцеклетки, в которой проявлен весь геном и все его информационные носители (и, соответственно, составляющие) задействованы одновременно – и родительская цитоплазма, и акустическое поле, и генерирующий его и обладающий изначальной структурой ядерный генетический аппарат;
- ◆ этап дробления зиготы, когда в трансляции генома задействованы все три информационных носителя, клетки не дифференцированы и постепенно происходит падение значения родительской цитоплазмы; акустическое поле материнской клетки заменяется совокупным полем бластомеров, к концу этого этапа деление становится асинхронным;
- ◆ этап зародышевых листков, когда ситуация принципиально меняется – такой носитель, как родительская цитоплазма, уже не имеет никакого значения, клетки начинают дифференцироваться, таковой управляет конфигурация совокупного акустического поля, структурно весьма далекого от поля родительской клетки;
- ◆ этап первичного органогеenezа, когда происходит дальнейшая дифференциация клеток, структура управляющего поля меняется, но оно еще носит, отчасти, единый общеорганизменный характер;

- ◆ этап зародышевого развития в форму, присущую человеческому существу, происходит пренатальная закладка всех органов и систем, единство акустического поля утрачивается;

- ◆ этап постпренатального роста и развития, созревания человеческого существа во взрослый организм, который начинается рождением, т. е. индивидуализацией человеческого существа, т. е. отделением его от материнского организма; он заканчивается половым созреванием;

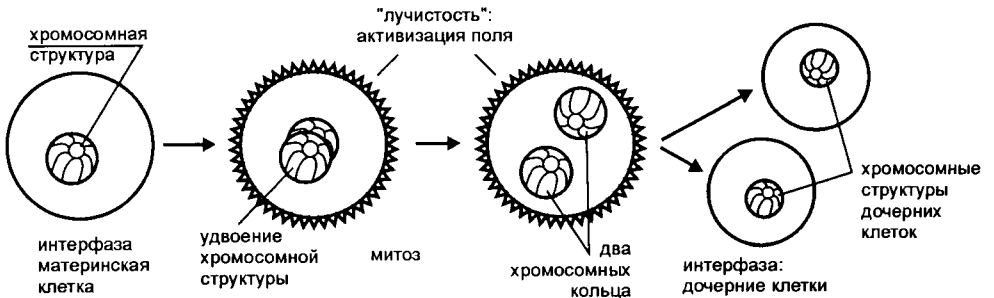

Рис. 19 Механизм удвоения и распределения генетического материала по А. Н. Мосолову

- ◆ этап возмужания и старения; на этом этапе происходит «сброс» целостного генома в виде родительских половых клеток; трансляция собственного генома путем репликации ядерного генетического материала постепенно ухудшается – ошибки трансляции и приводят к смерти;

- ◆ этап умирания, деструкции генома в форму, не позволяющую поддерживать вертикальное единство человеческого существа.

Вновь мы видим, во-первых, выделенность девяти зон или уровней, из которых, во-вторых, лишь семь принадлежат собственно человеческому существу, а высшая (+0) лежит за пределами его пренатальной истории, низшая же (-0, смерть) знаменует собой полный распад единства. Все указанные зоны или уровни могут быть расположены вдоль оси развития, причем в двух «рядах» – генома и фенотипа, из которых второй – проявление первого.

Поскольку объем читаемой информации генома со временем уменьшается, определим генотип как читаемую часть генома и рассмотрим участки оси развития, учитывая, во-первых, ее двойственное проявление в виде серии генотипов и реализованных на их базе фенотипов, а, во-вторых, различие между зонами (уровнями оси) и участками читаемого генома, представляющими собой сумму низлежащих зон:

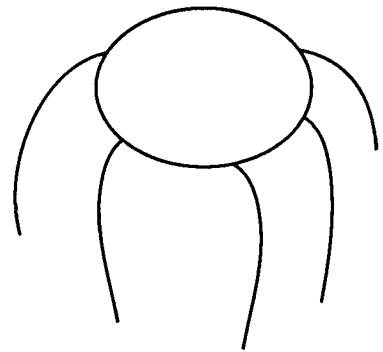

Рис. 20 Пространственная организация генетического ядерного аппарата по данным А. Н. Мосолова

- * уровень (зона) 7 – зона Адама; ей соответствует целостный геном и полностью реализованный фенотип (назовем их иначе планетарными);

- * уровень (зона) 6 – зона патриархов; ей соответствуют генотип и фенотип Номо;

✱ уровень (зона) 5 – зона пращуров; ей соответствуют генотип и фенотип этноса;

✱ уровень (зона) 4 – зона предков; ей соответствуют генотип и фенотип рода;

✱ уровень (зона) 3 – зона родителей; ей соответствуют генотип и фенотип семьи;

✱ уровень (зона) 2 – зона индивида; ей соответствуют генотип и фенотип индивида;

✱ уровень (зона) 1 – зона особи; ей соответствуют генотип и фенотип особи.

НЕ принадлежат собственно человеческому существу зоны:

✱ уровень (зона) + 0 – зона сянью («бессмертного»);

✱ уровень (зона) – 0 – зона смерти.

Уровни + 0, 7, 6 образуют участок янь, с 5 по 3 – участок юань, 2, 1, – 0 – участок инь.

Если рассматривать личную историю человеческого существа, то, начиная примерно с периода полового созревания и до существенного разрушения данных структур зоны особи, у него есть потенциальная возможность, включая путем соответствующей работы нечитаемые участки генома (ведь целостный геном всегда потенциально доступен), осуществить личную эволюцию из состояния инь – в состояние янь – и далее, к состоянию сянью, знаменующего начальную точку нового этапа развития Активного Сознания, в иной, «нечеловеческой» форме реализации. С этапами такой эволюции и связаны, главным образом, используемые нами (условные) названия зон и типов оси развития. Впрочем, как мы увидим в дальнейшем, они не произвольны, а отражают конкретные реалии, обусловленные структурными феноменами и фрагментарностью организации, в т. ч. и «человеческого» мира.

На данном этапе изложения для пояснения сказанного мы можем изобразить развитие конкретного человека от базового архитипического «типа Адама» в виде следующей условной схемы (рис. 23).

Эволюция с подключением «спящих» информационных зон генома представляет собой, как мы видим, в определенном смысле, «возврат к Адаму»²⁴ или «обретение подобия».

²⁴Исследования митохондриального РНК (митохондрии, «энергетические станции» клетки имеют собственный генетический аппарат) показывают, что можно утверждать: все люди произошли от одного предка (по крайней мере, от одной матери). Так что точнее было бы говорить о «типе Евы».

Она идет, прежде всего, через восстановление целостного биополя, через зону юань и обретение «общечеловеческих качеств», не отрицающих, тем не менее, индивидуальности, которая лежит в основе витка «личной эволюции», в определенном смысле обратного витку «реализации начального фенотипа» (рис. 24).

3. ОБРАЗ И ПОДОБИЕ

Вопрос эволюции человеческого существа от «почти животного» состояния к ангельскому во все времена ставился в рамках христианской антропологии. «Бог сотворил человека животным, получившим повеление стать Богом,» – вот как формулирует эту проблему св. Василий Великий (в передаче св. Григория Богослова).

Человек создан по образу и подобию Божию, но, если образ дан ему изначально, то подобие должно быть завоевано, обретоно путем сознательного делания, сопряженного с рядом трудностей и разделенного на определенные этапы.

Вот что пишет об этом современный православный богослов Анник де Сюзенель²⁵: «Ясно, что блудный сын, перед тем, как начать свое возвращение в Дом Отца, т. е. Единого, породившего его, познает и голод, и одиночество в пустыне (Лк. 15:11 – 32).

²⁵«L' Simbol de Corpe Humain», «Символизм человеческого тела» – трактат современного православного богослова и математика Анник де Сюзенель (француженки по национальности), соединившей в своих трудах традицию раннего богословия Восточной Церкви и мистическую ветхозаветную традицию (каббалистику).

Другими словами, лишь на дне пропасти, на пределе абсурда, в самом сердце отчаяния всей нашей неясной матрицы, способен человек открыть семя рождения и, более того, становления своей «Божьей размерности». Дорога, которую он выбирает, предполагает уже в себе подобные трудные роды. От матрицы к матрице совершается и завершается «Труд Великий»... Путь этот весьма труден, отмечен и светом, и тенью, победами и падениями, но все время поддерживается проводниками невидимыми, сменяющимися друг друга от этапа к этапу».

А вот отрывок из «Мистического богословия» известного православного богослова и философа В. Н. Лосского: «Св. Максим Исповедник с несравненной силой и полнотой обрисовал миссию, возложенную на человека. Последовательным разделением, из которых состояло творение, соответствуют в его описании «соединения», или синтезы, совершаемые человеком благодаря «синергии» свободы и благодати»²⁶.

²⁶В этом «сотрудничестве» (синергии) свобода – атрибут человека (который создан свободным и одинаково волен идти как к жизни вечной, так и к смерти), а благодать – атрибут Бога, дарующего человеку «новую» природу в ответ на его стремление к ней.

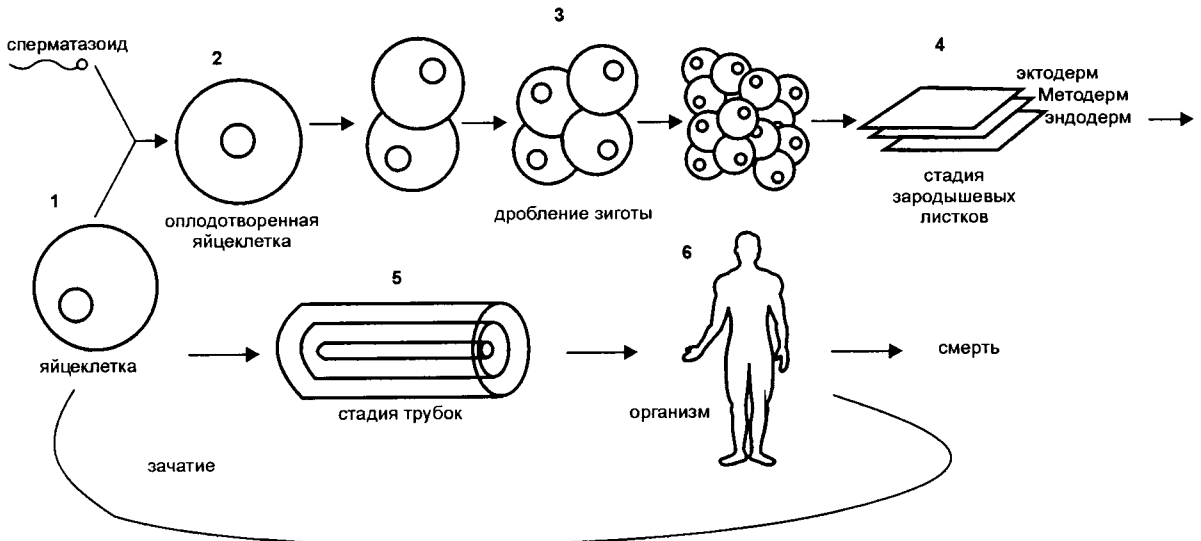

Рис. 21 Развитие человеческого существа

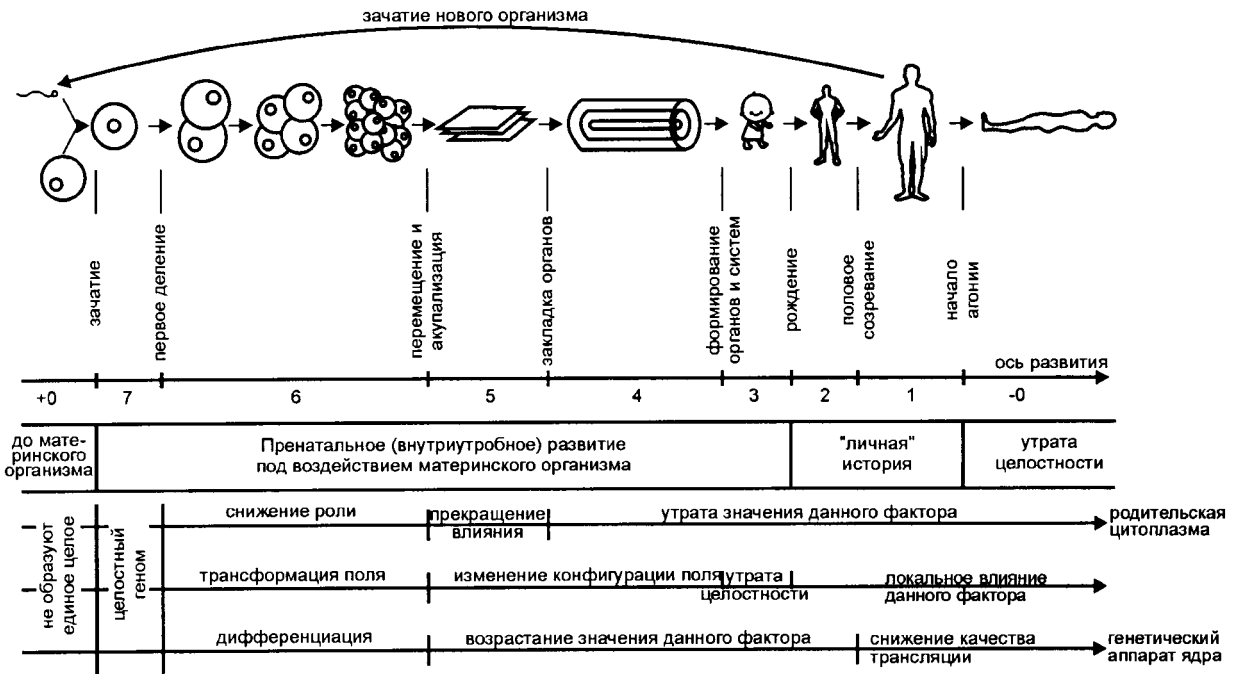

Рис. 22 Этапы формирования, роста и умирания человеческого существа

Основное разделение, в котором коренится вся реальность тварного бытия, это противопоставление Бога совокупности тварного мира, разделенного на тварное и нетварное. Затем тварная природа разделяется на небесную и земную, на умоглядное и чувственное. В мире чувственном небо отделяется от земли. На ее поверхности выделен рай. Наконец, обитающий в раю человек разделяется на два пола: мужской и женский.

Адам должен был превзойти это разделение сознательным действием, соединить в себе всю совокупность тварного космоса и, вместе с тем, достигнуть обожения. Прежде всего, он должен был чистой жизнью, союзом более абсолютным, нежели внешнее соединение полов, преодолеть их разделение в таком целомудрии, которое стало бы целостностью. На втором этапе он должен был любовью к Богу, от всего его отрешающей и, в то же время, всеобъемлющей, соединить рай с остальным земным космосом: нося рай всегда в себе, он превратил бы в рай всю землю. В-третьих, его дух и само его тело восторжествовали бы над пространством, соединив всю совокупность чувственного мира: землю с небес-

ной его твердью. На следующем этапе он должен был проникнуть в небесный космос, жить жизнью ангелов, усвоить их разумение и соединить в себе мир умоглядный с миром чувственным. И, наконец, космический Адам, безвозвратно отдав всего себя Богу, передал бы Ему все Его творение и получил бы от Него во взаимности любви – по благодати – все, чем Бог обладает по природе, так в преодолении первичного разделения на тварное и нетварное свершилось бы обожение человека и через него – всего космоса».

«Тварь покорилась суете не добровольно, – пишет св. Ап. Павел, – но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободе славы детей Божиих» (Рим., 8:19 – 21). В. Н. Лосский поясняет: «Тварь, по вине человека покорившаяся беспорядку и смерти, от него же, ставшего по благодати сыном Божиим, – ждет своего избавления».

Мир следует за человеком, потому что он есть как бы природа Человека; его можно было бы назвать антропосферой. И эта антропокосмическая связь осуществляется тогда, когда осуществляется связь образа человека с его Первообразом – Богом; ибо чело-

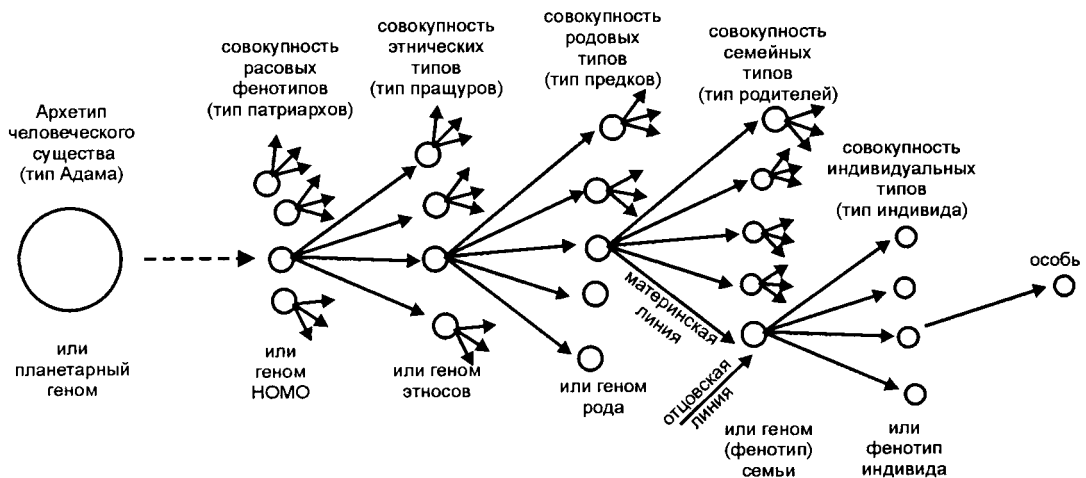

Рис. 23 Развертывание типа конкретного человека от базового архетипа Адама

веческая личность не может, не подвергнувшись распаду, претендовать на обладание своей природой, т. е. именно своим качеством микрокосма в мире, но она обретает свою полноту, когда отдает эту свою природу, когда принимает в себя вселенную и приносит ее в дар Богу.

Итак, мы ответственны за мир. Мы – то слово, тот логос, в котором он высказывается, и только от нас зависит, богохульствует он или молится. Только через нас космос, как продолжение нашего тела, может воспринять благодать».

ГЛАВА II Ч. 1

Оставим в стороне конкретные образы, в которых богословы высказывают свои коренные идеи, не будем пока касаться тех способов и средств, которые они считают возможными для завоевания Подобия, т. е. для «личной эволюции» к высшему состоянию. Нам важно пока отметить тот факт, что, во-первых, такая эволюция для каждой конкретной личности всегда возможна, и, во-вторых, она направлена «навстречу потоку дифференциации, раздроб-

Одним из центральных образов этой мистерии почитается образ «риз кожаных», в которые Бог облачает человека после грехопадения: «И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их...» (Быт., 3:21). В. Н. Лосский поясняет: «Здесь выступает в силу идущее от Филона толкование «кожаных риз»...: «ризы» – это нынешняя наша природа, наше грубое биологическое состояние, столь отличное от прозрачной райской телесности».

«Что же представляют собой эти «ризы кожаные», – рассуждает Анник де Сюзенель, привлекая традицию мистической ветхозаветной каббалистики, – которыми Господь покрывает Адама? Само слово «риза кожаная» (древнееврейское «аор») есть не что иное как слово «ве'ра», «не свет», буквы которого переставлены. Посмотрите, как связаны между собой «не свет» (ве'ра) и «риза кожаная (аор)! Ведь, другими словами, человек отождествляется с «не светом еще».

Произносимое как «ивер», то же слово обозначает «слепой». Человек... не знает более своей глубинной сущности. Он не пони-

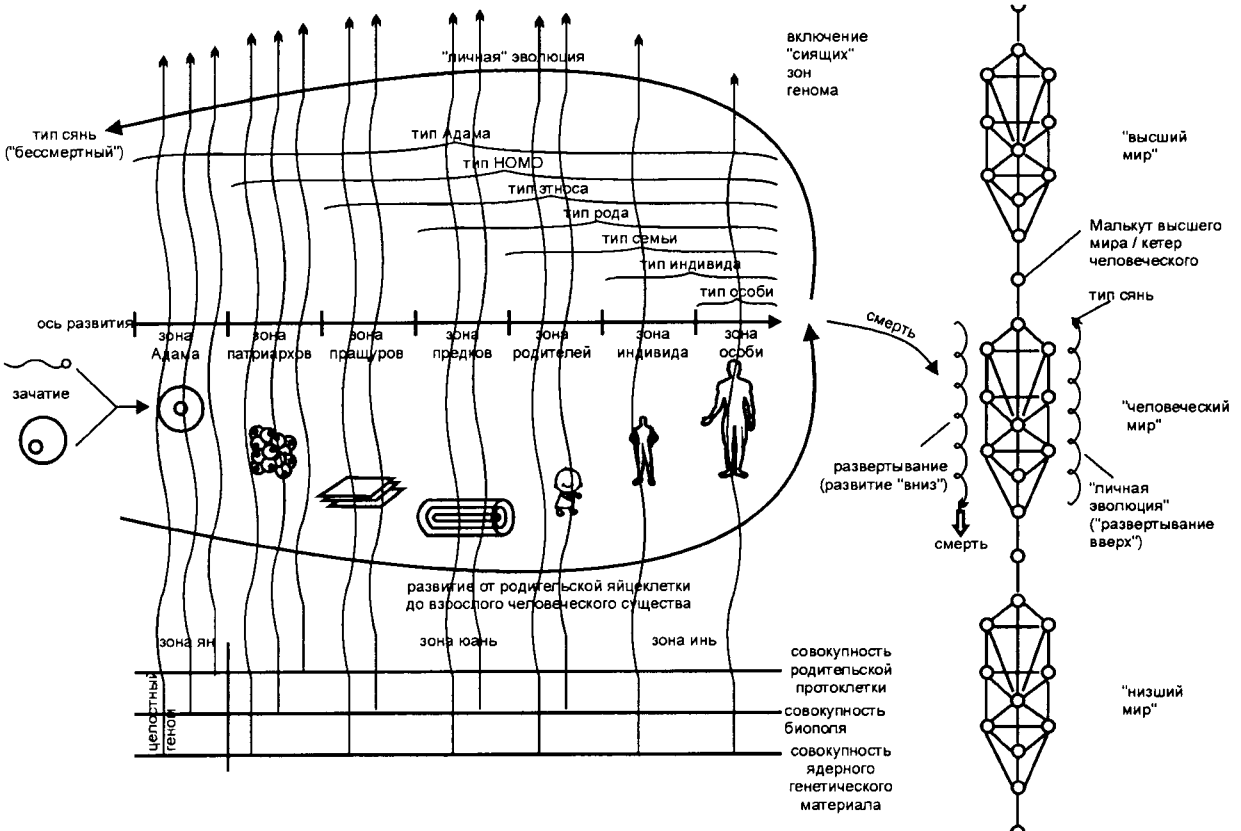

Рис. 24 Развитие от родительской яйцеклетки и личная история

ления первичной базовой матрицы и состоит в «собирании», синтезе разделенного, в обретении утраченной целостности.

Уместно вспомнить здесь каббалистическую схему древа Си-ферот, где путь «вниз» – это дифференциация творения, а путь «вверх» – синтез обожения.

Используя понятие Нетварных энергий Божества, мы можем сказать то же самое: они распространяются от Бога к периферии творения, постепенно «затухая» в тварной материи (т. е., разумеется, сами эти энергии не затухают, но их присутствие все менее ощутимо: ближайший к точке начала творения мир целиком соткан из них, затем доля тварного все больше и больше, пока на другом полюсе бытия не возникает лишь неодушевленная, «мертвая» тварь, материя, Хаос, Тоху и Боху). Возвращение к Богу – это обратный и сознательный путь, который ведет к Преображению собственного существа, к пересозданию всей вертикали «тело-душа-дух» в соответствии с подобием Божиим, к «подражанию Христу».

По словам св. Франциска Асизского, «цель подражания Христу» (другие известные образы – «сораспятые с Христом», «крестный путь» и т. п.) – Преображение, обретение «новой» плоти.

мает, не умеет назвать энергии, оплетающие его, а равно и тварей разных, обитающих в его онтологических²⁷ структурах.

²⁷Сама де Сюзенель так поясняет этот термин в подстрочном комментарии: «Онтологически здесь означает «природно». Далее я различаю онтологию или первую натуру человека и «ризы кожаные» – его вторую натуру, наложенную на первую после грехопадения».

Он вновь низводится до непонимания своего «женского», своего энергетического потенциала, являющегося «животным» («звериным»).

«Кожа» – это и его непроницаемость для всякого истинного сознания.

И далее: «Человек, втиснутый законами своей экзистенции в царство животных, покрытый «ризой кожаной», лишенный осознания своего «светлого» полюса²⁸, просто существует (бывший в бытии – вне бытия) и идет к своей смерти».

²⁸В данном случае, определение «светлый» и «темный» лишены каких-либо моральных оценок. Они означают лишь полюсность мира, нетварное и тварное в нем.

Вновь же открывшийся этому осознанию, движущийся к этому полюсу, к завоеванию «одежд из света», вступает он в Бытие свое, идет к жизни. Это шествие к смерти можно остановить».

Повторимся, нам нет сейчас дела до разбора богословских вопросов и тонкостей каббалистики. В соответствии с заявленным, мы относимся к традиции, прежде всего, как к наблюдаемому факту человеческой деятельности, к продукту его самопознания.

4. ЧЕЛОВЕК И ТЕНЬ

Древнерусская эзотерическая традиция²⁹ представляла себе Мир трехчастным и разделенным на мир «небесных» богов – правь, земной мир людей – явь и мир подземных хтонических сил – навь.

²⁹Источники по древнерусской эзотерической традиции достаточно смутны. Можно упомянуть «Велесову книгу» и фольклорные сюжеты, часто очень глубо-

ства в обыденном представлении нет, нет и времени – его заменяет вечность. Затем «яйцо» растягивается, образуются «небесный» и «подземный» полюса – они сепарируют «живую силу», которая становится «светлой» и «темной» и начинает взаимодействовать. Наконец, «яйцо» рвется, полярная энергия начинает бурно взаимодействовать и создает третий мир, мир людей, в котором рождаются все вещи, пространство и время. Таким образом, явь, а также человек, квинтэссенция яви, – это результат распада изначальной «живой силы» и дальнейшей ее модификации. Потoki «света» «сверху-вниз» и «тьмы» «снизу-вверх» балансируют Мироздание, обеспечивают его единство и должны быть строго согласованы. Полюса же противоположны лишь для линейного мышления – «на самом деле», они по-прежнему едины, как един изначальный образ и его отражение, т. е. «небесный» Абсолют Световит и «подземный» Абсолют Волос в своей совокупности суть одно – предначальный Абсолют Род.³⁰

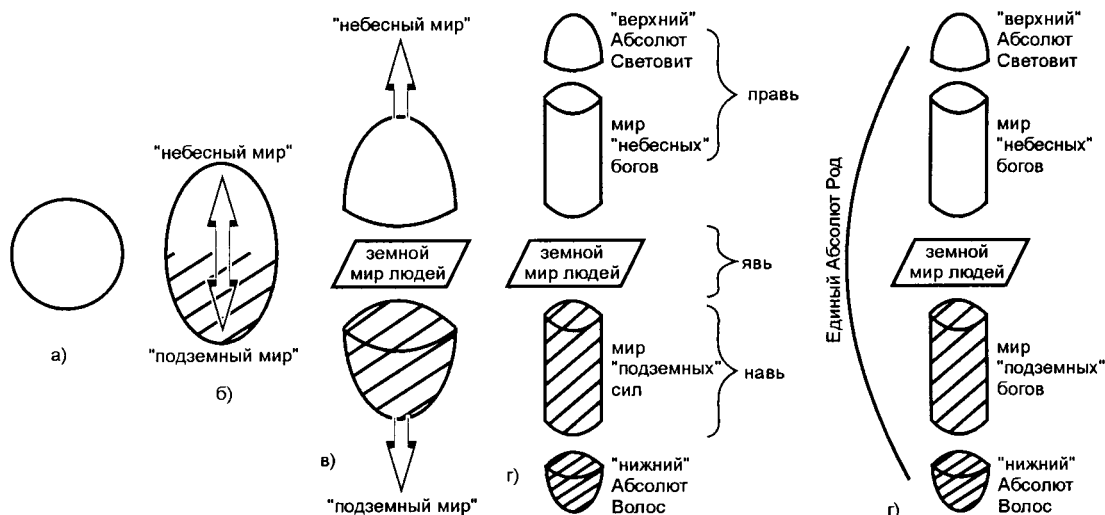

Рис. 25 Эволюция мирового яйца

кие и сохранившие весьма архаичные пласты. Мы используем их анализ и непосредственную устную передачу традиции, которая, несмотря на все перипетии отечественной истории, все еще существует.

Все эти миры, однако, происходили от некой единой перво-причины или «первовещи» – «мирового яйца» (рис. 25).

Едиными они, по сути своей, и оставались, поскольку, во-первых, сообщались друг с другом, были доступны для посвященных и проницаемы для природных сил, а, во-вторых, находили свое выражение в единой природе человеческого существа (рис. 26).

Едины они и потому, что «верхний» Абсолют (Световит) и «нижний» Абсолют (Волос) представляют собой единое божество, которое имело разные имена, но чаще всего именовалось Родом.

Связующим звеном между мирами служила «живая сила», олицетворявшаяся в образе небесного вестника, Симаргла (его изображали в виде крылатого барса).

Интересно проследить эволюцию «живой силы» и связанных с нею пространства и времени в ходе разделения «мирового яйца». Сперва Мир един и целостен – едина и целостна и заключенная в нем сила – она не знает противопоставлений и полюсов, простран-

³⁰Утверждение о бытовании среди славян в языческие времена единобожия может показаться излишне смелым, однако оно основано на анализе многочисленных источников, в частности, Збручского идола (см., например, Б. Рыбаков «Язычество древней Руси»).

Человек рисовался существом исключительным – он объединял в себе три мира, точнее, имел от каждого из них частицу, «начало» – т. е., как бы мы сказали сегодня, был фрактальным образом Мироздания в целом. Его проявленная («светлая») сторона устремлялась от земли, дарующей тело, через мир эманаций «верхнего» полюса (мир «небесных» богов), дарующий душу, к Световиту, источнику духа. Человек имел и «тень», непроявленную часть, устремленную к Волосу, где дух смыкался воедино в едином Роде.

Бытовала и следующая схема, дополняющая изложенную (рис. 27): когда «мировое яйцо» было единым, оно представляло собой как бы два сжатых зеркала, между которыми был заключен «вечный свет»; затем зеркала начали расходиться, и свет отразился в них; в фокусе зеркала присутствует изображение всего, что присуще и самим зеркалам, и пространству между ними; этот фокус и есть человек.

Рисунки к главе II:

ГЛАВА II
Ч. 1

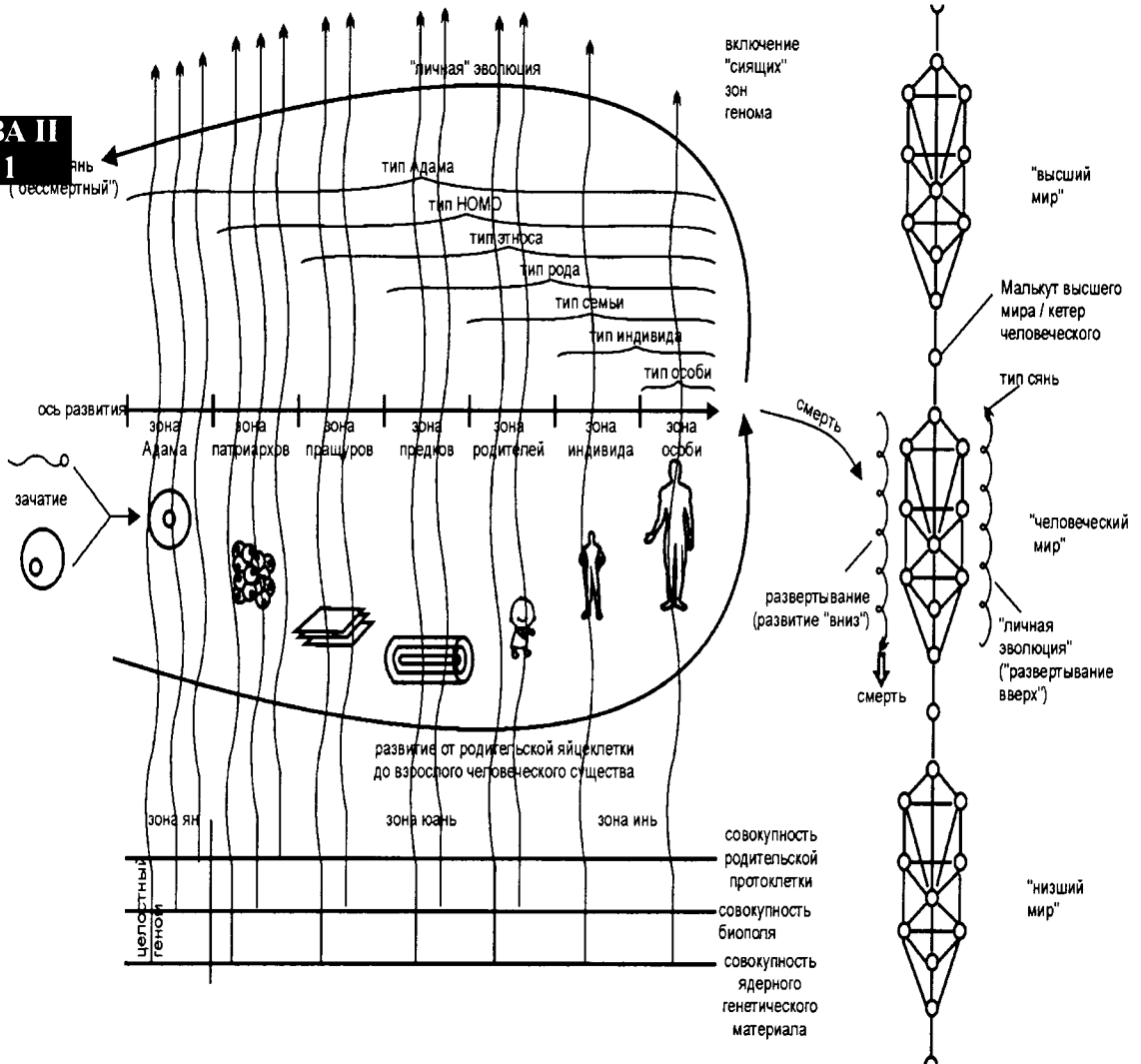

Рис. 26 Человек как междумир

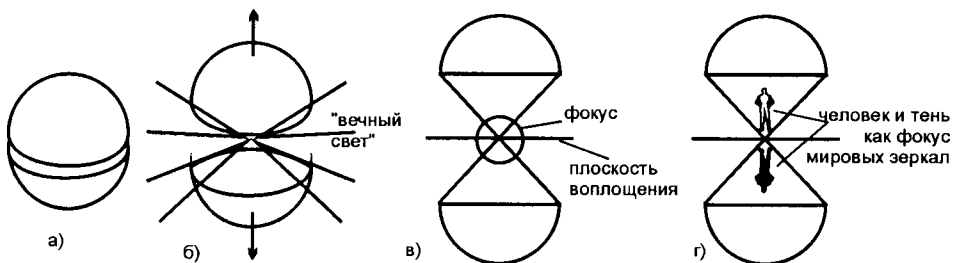

Рис. 27 Человек как фокус зеркал «верхнего» и «нижнего» полюсов

Глава 3 Глобальное взаимодействие

Возвращаясь к рассмотрению феномена времени, поставим вопрос о смысле области отрицательных значений функции (Рис. 28).

$$k = 1/t_{вр2}$$

Действительно, любой упорядоченной паре

$$\begin{cases} t_{вр2} = x_i \\ k_i = y_i \end{cases}$$

соответствует симметричная относительно начала координат пара

$$\begin{cases} \overline{t_{вр2}} = -x_i \\ \overline{k_i} = -y_i \end{cases}$$

Однако, в рамках линейного мышления, вторая пара не может быть интерпретирована осмысленным образом. Между тем, переход от линейности к нелинейности означает также переход от языка к метаязыку и от низшего логического уровня сознания к более глубокому.

Таким метаязыком в нашем случае будет язык описания глобального взаимодействия. От космограммы, сведенной воедино

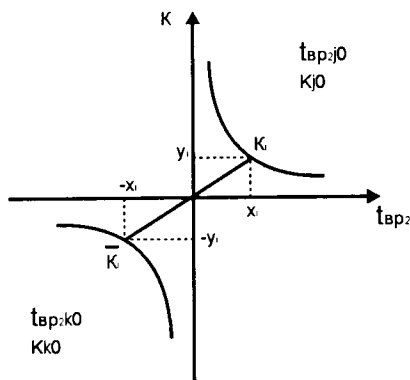

Рис. 28 Область положительных и отрицательных значений функции $K=1/t_{вр2}$

совокупности карт, оно отличается, прежде всего, установлением принципиального единства Универсума в эволюционном, структурном и причинно-следственном смысле, единства, в своем предельном выражении сводящегося, как уже отмечалось, к известной формуле Упанишад: «Та tvam asi» – «Ты есть То». Такое определение может показаться слишком расплывчатым – оно не может быть иным, поскольку знание о феноменах, относящихся к ядру личности, легче «передать» («дать почувствовать» и т. д.), чем высказать. Это принципиальная трудность, связанная с предельно возможным для человеческого существа уровнем метаязыка описания. Тем не менее, мы попытаемся достаточно подробно разобрать, что именно понимается под глобальным взаимодействием; более того – одной из целей написания настоящей книги, если не главной целью, была изначально именно такая попытка, без которой, с одной стороны, психосоматические построения лишаются своего подлинного основания, а, с другой стороны, не имеют логического завершения.

Вместе с тем, высказать однозначно и кратко всю совокупность сопровождающих глобальное взаимодействие представлений технически невозможно. Как увидит читатель, мы начали это делать едва ли не с первых страниц и, скорее всего, завершим последними. Поэтому еще раз призываем читателя к терпению и добросовестному вниманию – мы же постараемся дать как можно больше разных точек зрения именно потому, что хотя бы одна из них может вызвать цепную реакцию понимания, которое назовем также пересозданием структуры. Осуществить такую подачу с разных точек зрения тем более «просто» и тем более имеет смысл, что на уровне глобального взаимодействия (шестом логическом уровне сознания) становится ясно, что различные космограммы, целостные описания устройства Вселенной, как бы они внешне ни отличались друг от друга, зачастую сводятся к одному и тому же (парадоксальной оказывается «истинность» разных космограмм, что, впрочем, не означает, что не существует космограмм ложных – их более чем достаточно). Как мы увидим, проблема истинности замещается проблемой объективности или, точнее, степенью приближения процесса отражения-отреагирования к восприятию Объективной Реальности.

Итак, отталкиваясь именно от этого понятия – Объективная Реальность – мы намерены, во-первых, приступить к описанию собственного глобального взаимодействия, а, во-вторых, продемонстрировать, что, несмотря на кажущуюся отвлеченность, наши построения имеют несомненную практическую значимость.

Как мы знаем, отражение-отреагирование связывает «внешний» объект и образ объекта (объект «внутренний»). Мы можем поставить в соответствие определенному классу первых определенных классов вторых в зависимости от того, на каком логическом уровне (сознания) пребывает центр осознания человеческого существа (рис. 29). Тут необходимо сделать ряд замечаний:

* на первом, втором и на шестом, седьмом логических уровнях «внешние» и «внутренние» объекты как бы смыкаются, что и понятно, если мы вспомним ориентацию вектора внимания: на уровнях проявлений личности первые и вторые как бы неотличимы между собой, поскольку личность не представлена, не осознается человеком; на уровнях ядра личности собственное Я становится объектом отражения, и лишь в его зеркале воспринимается все остальное (рис. 30);

* говоря о стратегиях, мы, во-первых, имеем в виду специфические «внутренние» объекты, присущие третьему логическому уровню сознания, а, во-вторых, связанный с ними сквозной инструмент, объединяющий личность и проявления личности в некотором операционном единстве (рис. 31), во втором смысле

стратегии – это некоторые программы, базирующиеся на картах четвертого логического уровня и представляющие собой определенную последовательность шагов – аудиальных, визуальных и кинестетических; стратегии проецируются в зону проявлений личности в виде конкретных действий и «точечных» ощущений, сопровождающих их, причем в обычном состоянии сознания, а также в состоянии неглубокого транса осознаются только кинестетические шаги.

Визуальные и аудиальные шаги стратегий относятся к определяющим их картам и, соответственно, не осознаются, когда вектор внимания направлен вовне, на действия. Даже и в том случае, если центр осознания находится на четвертом и высших логических уровнях, конкретные стратегии могут полностью не осознаваться, поскольку привычным образом находятся «за скобками» восприятия – в области автоматической деятельности. Тем не менее, они могут быть полностью осознаны при помощи особых техник, связанных с погружением в достаточно глубокие трансовые состояния – такого рода работа будет рассмотрена нами подробно.

* под глобальным контекстом мы понимаем максимально общий доступный человеческому существу контекст (типа «я как человеческое существо во Вселенной»), отражающийся в виде космограммы и включающий в себя все прочие доступные контексты.

Другой тонкий момент: когда мы говорим о погружении по логическим уровням сознания к ядру личности, это лишь до некоторой степени и до некоторого момента «движение извне-вовнутрь». Как мы помним, «за» седьмым логическим уровнем расположена зона, не принадлежащая собственно человеческому существу, точнее, не относящаяся к его миру – этот мир в дальнейшем мы будем называть антропосферой. Зададимся вопросом: «где» расположен этот высший – по отношению к ядру личности – структурный слой?

Иногда высший уровень организации ищут в области микромира – на уровне «точечных» кварков и элементарных пространственно-временных отрезков (точнее, в их недрах).

Действительно, анализ уравнений Общей теории относительности Эйнштейна показывает, что при определенных значениях

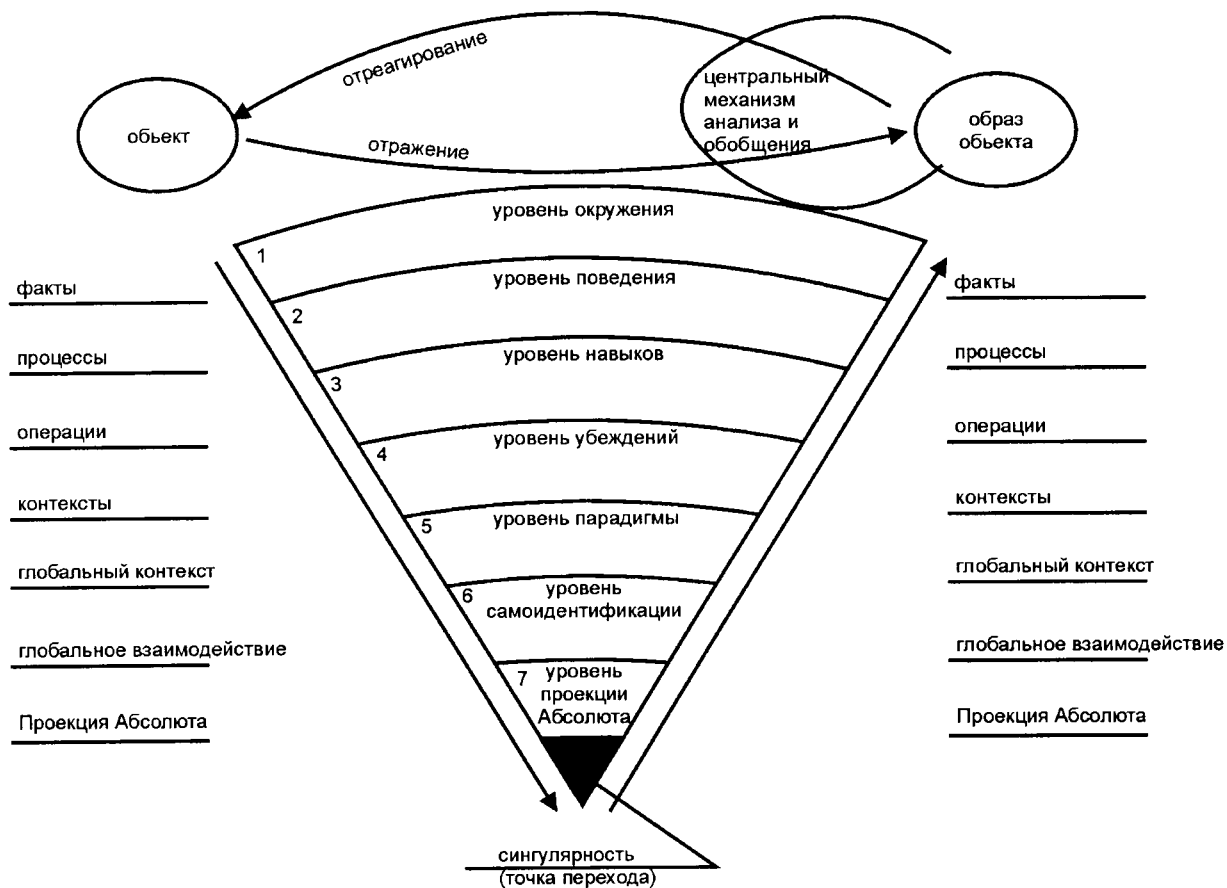

Рис. 29 Отражение-отреагирование на разных логических уровнях сознания

плотности вещества, выше некоторых предельных, гравитирующие массы коллапсируют, погружаются «ниже» т. н. радиуса Шверцшильда, т. е., становится ненаблюдаемыми извне. Если же сфера Шверцшильда имеет некоторый изгиб, она может наблюдаться как «элементарная» частица, даже если «на самом деле» скрывает в себе вселенную, подобную нашей. Такие частицы получили название фридмонов (мы не будем вдаваться в физику вопроса, разбирать условия, при которых коллапсирующая масса «отчасти наблюдаема», и строить предположения о том, существуют фридмоны в реальности или нет – они могут существовать, и этого достаточно). Переход через поверхность Шверцшильда – это преодоление сингулярности. Весь вопрос в том, в каком направлении это будет переход «+0», а в каком – «-0».

ГЛАВА III Ч. 1

В области нашего мира число гипотетических фридмонов ничем не ограничено. В принципе, ими могут оказаться все элементарные частицы, образующие «нашу» Вселенную. Из самых общих методологических соображений ясно, что «высший» уровень организации не может дробиться и быть множественным – напротив, «низшие», обусловленные «нашим» уровни вполне могут быть таковыми. Более того, естественно ожидать (учитывая, в частности, фрактальный характер развертывания Универсума), что подчиненных миров будет неопределенно большое множество.

Таким образом, можно выстроить последовательность: множество обусловленных миров (фридмонов) – «наш мир» – «высший мир», в котором антропосфера также представляется фридмоном. Множество «низших» миров также «находится» как бы за пределами, по ту сторону Хаоса, в «недрах» рассеянных точечных объектов «элементарного» (для нас) характера. «Высший» мир – за пределами сингулярности, «окружающей» антропосферу. Но где граница такого «окружения»? Никак не в области периферии в школьно-геометрическом смысле этого слова – для бесконечного замкнутого пространства, каким является фридмон, такой периферии просто нет. Здесь хорошо «работает» такое образное определение Вселенной, данное Паскалем: «сфера, чей центр везде, а окружность – нигде.» Этот центр «везде» и есть переход через сингулярность «вверх», к уровню «+0». Дело не в расположении такого центра, а в способе перехода. Он доступен лишь Активному Сознанию на глубинных логических уровнях. (Вспомним, между прочим, что все религии призывают искать Бога, Абсолют в своем сердце, т. е. буквально в середине собственного существа – обратите внимание на этимологию этих слов: «сердце» и «середина».)

Мы должны констатировать, что это «где» находится принципиальным образом вне антропосферы – в ином «структурном пространстве», расположенном на «высшем» по отношению к человеческому существу структурном уровне организации. Это «где» трансцендентально антропосфере – в том смысле этого слова, который ему придают богословы, и может быть отождествлено с Первопричиной, Абсолютом, Богом и т. д. В некоторой степени Его творческой эманации (т. е. мы должны понимать, что «выше» этого «высшего» уровня существуют другие, и в самом «центре» – Абсолютный Ноль, Базовая Матрица всего проявленного Универсума). С точки зрения познания или отражения-отреагирования это запредельное «трансцендентальное где» и есть Объективная Реальность. С другой стороны, «низший» по отношению к человеку мир является Субъективизированной Реальностью. Зоны перехода от одного мира к другому включают собственно точку перехода (сингулярность), которая может быть интерпретирована как развертывание уровня +0 в «обусловленный» мир или трансляцию базовой матрицы «высшего» уровня (Малькут «высшего» уровня) в ее проекцию на этом уровне (7 уровень, Кетер), являющуюся начальной точкой разворота фрактальной структуры, а также Малькут «высшего» уровня (уровень +0) и Кетер уровня реализации (7 уровень). Если мы будем рассматривать отношение «высшего» уровня к «низшему», то, соответственно, зона перехода будет представлена уровнем 1 (Малькут, базовой матрицей для «низшего» уровня), сингулярностью и уровнем -0 (Кетер «низшего» уровня, проекция базовой матрицы «низшего» уровня). Иными словами, для данного мира, скажем, антропосферы, 7 структурный уровень (включающий в этом конкретном случае, по оси развития – зону Адама по вертикали – Атман, по оси отражения-отреагирования – уровень проекции Абсолюта) представляет собой субсингулярную зону, далее следует сингулярность и транс-сингулярный структурный уровень «высшего» мира; точно так же 1 структурный уровень (включающий в этом конкретном случае, по оси развития – зону особи, по вертикали – физическое тело, по оси отражения-отреагирования – уровень окружения) тоже представляет собой субсингулярную зону, но по «направлению» к «низшему» миру, далее следует сингулярность и транссингулярный структурный уровень «низшего» мира.

Таким образом, на уровне каждого мира, скажем, на уровне антропосферы, мы имеем дело с двумя типами сингулярности и двумя типами трансцендентальности (рис. 32).

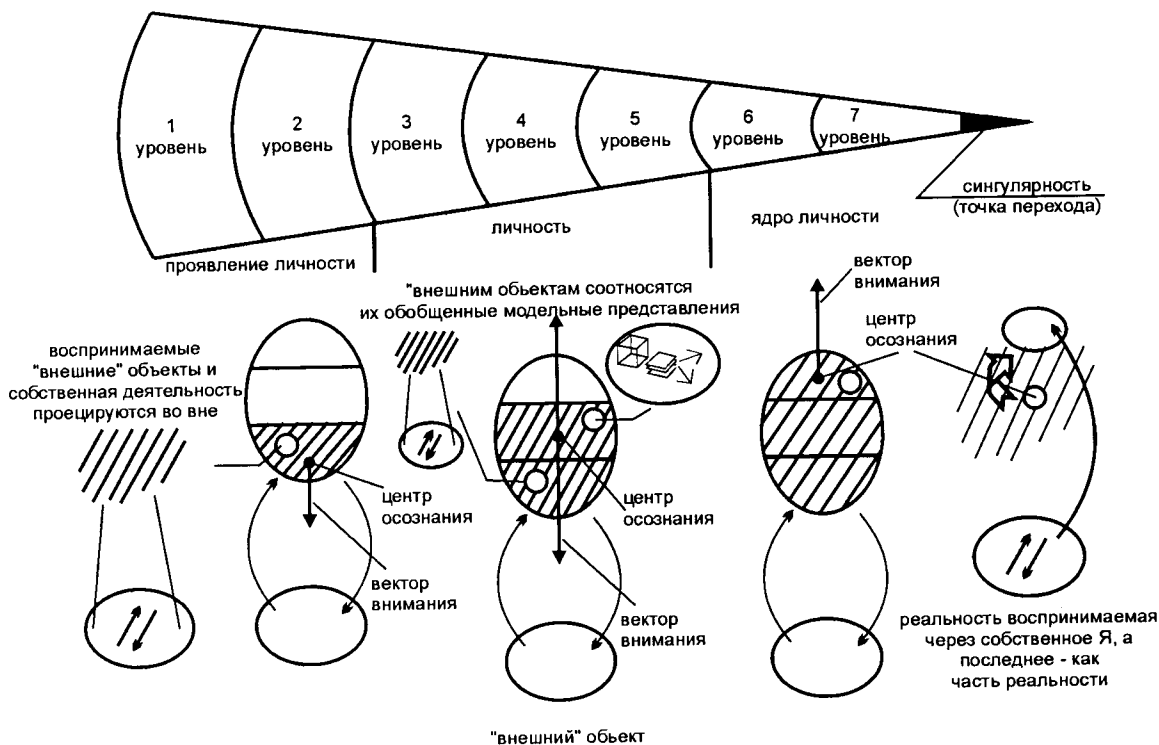

Рис. 30 Особенности отражения-отреагирования, присущие проявлениям личности и ядру личности

Назовем первый тип – сингулярностью «+0» и трансцендентальностью «+0», а второй тип, соответственно, сингулярностью «-0» и трансцендентальностью «-0».

Трансцендентальность «+0» – это и есть Объективная Реальность, а сингулярность «+0» – «путь» к ней. Трансцендентальность «-0» – это Субъективизированная Реальность, а сингулярность «-0», – соответственно, «путь» к ней. Теперь неизбежными, хотя и неожиданными, оказываются следующие два вывода:

* Объективная Реальность едина и единственная для всех носителей Активного Сознания данного структурного уровня организации (данного мира);³¹

Субъективизированная Реальность распадается на ряд псевдоточечных феноменов, объединенных, во-первых, общей базовой матрицей, что обеспечивает единство законов «мертвой» природы, а, во-вторых, отражением-отреагированием, основанным на единой базовой матрице высшего порядка, что обеспечивает верность обобщения и анализа.

³¹Здесь, между прочим, мы напрямую сталкиваемся с «коллективным бессознательным» Юнга – бессознательным, впрочем, лишь для сознания, пребывающего на внешних, по отношению к ядру личности, уровнях сознания.

Отметим, прежде всего, что человеческое существо занято почти исключительно познанием Субъективизированной Реальности и обращается к Объективной Реальности лишь обращаясь к самому себе. Отметим, во-вторых, что позиция агностицизма в отношении Субъективизированной Реальности представляет собой логический нонсенс. Что же касается познания Объективной Реальности, то единственный путь к нему – путь индивидуальной эволюции. Таким образом, мы видим три разновидности познания и три следствия из выбранного пути:

◆ познание Субъективизированной Реальности. Это всегда заведомая фактография без надежды на установление глубинных законов организации реальности (поскольку определяющая матрица оказывается вне поля зрения); следствием являются линейные технологии;

◆ познание того структурного уровня, который является определяющим для уровня Субъективизированной Реальности, т. е. в нашем конкретном случае – антропосферы; это даст возможность исчерпывающим образом раскрыть законы «мертвой» природы и выйти к универсальным технологиям. Поскольку эти законы представляют собой «динамическую периферию» антро-

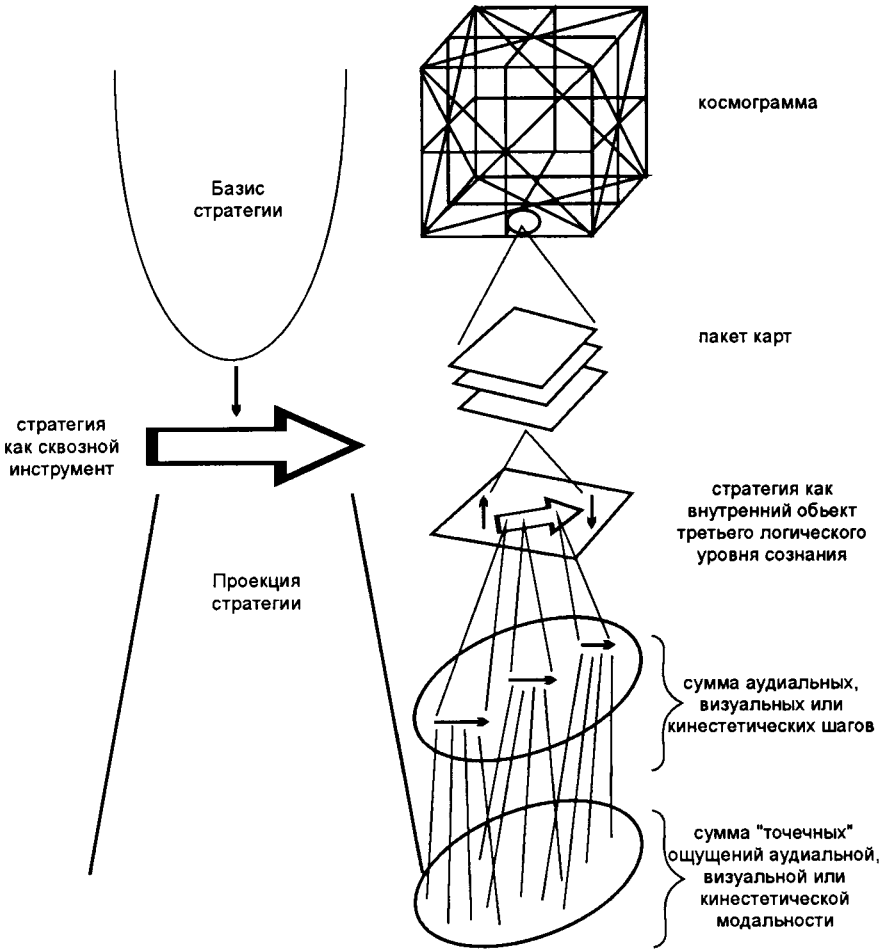

Рис. 31 Стратегия как «внутренний» объект третьего логического уровня и сквозной инструмент отражения-отреагирования

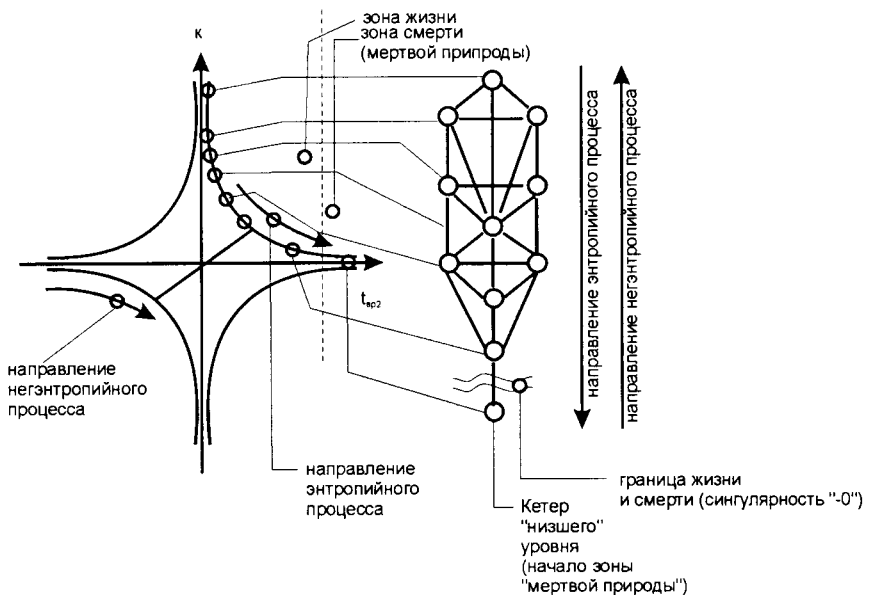

Рис. 32 Зона жизни и зона смерти

посферы и являются частным случаем законов высших структурных уровней – уровней личности и ядра личности.

◆ познание Объективной Реальности как базиса антропосферы, этот путь позволяет раскрыть все закономерности данного структурного мира.

ГЛАВА III Ч. 1

Дальнейшее потребует от нас обратиться к закономерностям фрактального развертывания базовой матрицы и сформулировать еще один основополагающий принцип структурной психосоматики – постулат иерархии:

фрактальное развертывание базовой матрицы, во-первых, сопровождается последовательной потерей качества трансляции, во-вторых, фрактальным подобием каждого уровня всей структуры в целом. Таким образом, мы фиксируем структуру 1-го порядка, 2-го порядка и т. д. Или, что то же самое, иерархию 1-го порядка, 2-го порядка и т. д.

По отношению друг к другу структурные уровни организации подобны соседним числовым классам: они сами по себе бесконечны, но имеют разную мощность множества.

Рассмотренные нами проблемы, связанные с отражением-отражением, законами перехода и иерархичностью организации структуры, имеют прямое отношение к глобальному взаимодействию – это его отдельные аспекты. Не будет большой ошибки, если мы поставим знак равенства между глобальным взаимодействием и Мироустройством, если под последним мы будем понимать, во-первых, совокупность представлений о структурной организации Универсума от точки Абсолютного Нуля (базовой матрицы) к периферии, во-вторых, закономерности отражения-отражения, в-третьих, законы вырождения качества трансляции базовой матрицы.

Рассмотрим теперь некоторую модель, которая позволит до некоторой степени представить себе отношение Активного Сознания и Объективной Реальности: locus Активного Сознания погружен в поверхностные слои сферы, центральная часть которой отождествляется с Объективной Реальностью, эта сфера погружена в пространство Субъективизированной Реальности. Последнюю можно отождествить с $1 \div 2$ структурными уровнями; внешние слои сферы, соответственно, отождествимы с зоной $3 \div 5$ уровней и $6 \div 7$ уровней. Перемещение данного локуса (строго говоря, locus Активного Сознания в данной модели соответствует зоне осознания) в сторону центра сферы соответствует погружению центра осознания на глубокие логические уровни сознания, т. е. приближение к Объективной Реальности. Мы можем модифицировать описываемую модель в иную, включающую сингулярный переход от одного мира к другому (такая модель принципиально нелинейна).

Вернемся к феномену времени в глубоких трансовых состояниях, когда «внутреннее» время как бы останавливается; мы сталкиваемся с явлением, которое можно интерпретировать как «смыкание личной истории». Анализируя этот феномен, мы приходим к выводу, что отрицательные значения параметров k и t_{np2} относятся к зоне будущего, в то время, как положительные – к зоне прошлого.

С другой стороны, время – не что иное, как мера энтропии системы. Иными словами, чем больше времени проходит, тем больше структура приходит, разрушаясь, в состояние хаоса, средних значений. Отсюда очевидным становится вывод: параметр k в зоне отрицательных значений определяет степень упорядоченности системы, негэнтропию.³²

³²Понятие негэнтропии (\mathcal{S}) было введено основателем синэргетики Львом Пригожиным для описания характера ряда систем, в т. ч. и живых, имеющих свойство со временем сохранять неизменным или даже усложнять степень организации собственной структуры, т. е. действовать против направления энтропийного процесса разрушения структуры.

Разумеется, значения k и \bar{k} , t_{np2} и t_{np2} не возникают отдельно друг от друга – мы можем сказать, что полное описание состояния системы определяется матрицей,³³ имеющей форму:

$$\begin{matrix} |k t| \\ \sqrt{=} |k t_{np2}| \end{matrix}$$

³³Матрицей называется любое семейство элементов a_{ij} , где i пробегает множество $1, 2, \dots, p$, а j – множество $1, 2, \dots, n$:

$$|a_{11} a_{12} \dots a_{1n}|$$

$$A = ||a_{ij}|| = |a_{21} a_{22} \dots a_{2n}|$$

$$| \dots \dots \dots |$$

$$|a_{p1} a_{p2} \dots a_{pn}|$$

Строки матрицы соответствуют векторам некоторого n -мерного пространства, а сама она описывает это пространство.

Рассматриваемая нами модель плоская, поэтому мы и получаем матрицу второго порядка. Но такая плоскость – это упрощение. В дальнейшем возможен переход к описанию многоконтекстного гиперпространства, образованного, в предельном случае, бесконечным числом осей k и t_{np2} . Матрица, отвечающая такому описанию, связана с этим гиперпространством.

Обратим внимание на то обстоятельство, что до сих пор в нашем изложении мы имели в виду лишь структуру личности. Однако, сказанное можно распространить и на другие составляющие нашей модели человеческого существа: геном (Н), сущность (S), сущностную личность ('S), фенотип (F), вертикаль (V), и за скобками подразумевая, что глобальное взаимодействие затрагивает человеческое существо в целом.

Итак, более высокому логическому уровню сознания соответствует большая степень организации структуры, область

$$k \rightarrow \infty$$

область $+0$ – это совершенная структура, Абсолют,

$$k \rightarrow 0,$$

область -0 – это зона мертвой природы, Хаоса.

Таким образом, мы лишний раз убеждаемся, что движение вглубь по логическим уровням – это и движение к собственной сущностной структуре, к Тому, Кто обитает в нас, обратное же движение – это саморазрушение в чистом виде. Такое саморазрушение и есть смерть, противоположность ей – «жизнь вечная» всех религий.

В наших рассуждениях особое значение приобретает точка или, точнее, зона (в разных модельных представлениях она может иметь разное выражение) настоящего, которую мы можем определить как некоторый фронт взаимодействия, «движущийся» вдоль временной оси из прошлого в будущее, что выражается в разрушении структуры захваченных таким взаимодействием locusов или, что то же самое, в трансформации негэнтропийного процесса в энтропийный. Мы можем сказать иначе: процесс воссоздания структуры Универсума достигает в некоторой зоне своего максимума, затем структура начинает разрушаться. Зона воссоздания структуры воспринимается как будущее, зона ее разрушения – как прошлое, а фронт взаимодействия, сингулярный переход «негэнтропия – энтропия» – как настоящее. Описанная здесь нелинейная трансмутация Универсума носит универсальный характер и представляет собой «динамическую» компоненту глобального взаимодействия.

Что же такое «истинное» настоящее? Это фронт глобального взаимодействия, имеющий некоторую протяженность вдоль оси t_{np2} , а именно заполняющий седьмой логический уровень, зону проекции базовой матрицы антропосферы и касающийся границы шестого логического уровня. Поскольку вектор внимания на шестом логическом уровне направлен к ядру личности, к сингулярности « $+0$ », глобальное взаимодействие до некоторой степени обзримо из центра осознания, пребывающего на данном логическом уровне – оттого оно и является его содержанием. На низших логических уровнях обзору уже доступны зоны прошлого, зоны в той или иной степени разрушенной базовой структуры. Естественно, что качество отражения-отражения тем выше, чем ближе к зоне «истинного» настоящего расположен центр осознания – здесь Активное Сознание имеет дело с самими событиями, а в прочих случаях – с той или иной фазой их последовательного деструктурирования в хаос. Таким образом, из зоны седьмого логического уровня, в принципе, управляемо и прошлое. Точнее, здесь мы приобретаем способность влиять на сами события, а не купировать их последствия.

Из зоны «мнимого» настоящего «истинное» настоящее видится как будущее. Даже, когда центр осознания находится на низ-

ших по отношению к шестому логическим уровням, они все задействованы, но бессознательно – этим фактом и объясняется явление «интуитивных» прозрений. На шестом логическом уровне, в зоне глубокого транс, интуиция сменяется непосредственным осознанием знанием. Впрочем, для «обычного» человека «подсказки» высших уровней (интуиция) в большинстве случаев бесполезны – чтобы ими воспользоваться, необходимы соответствующий опыт, достаточная структурированность и заполнение четвертого уровня существенными истинными картами, только в терминах которых осуществима адекватная интерпретация полученной информации.

Вернемся к началу данной главы. Теперь мы уверенно можем утверждать: нет «вне человеческого существа» ни прошлого, ни будущего – в объективной реальности существует лишь настоящее, находящееся в вечном становлении. Это настоящее несколько «размазано» в зоне фронта глобального взаимодействия вдоль оси «возможное будущее – истинное настоящее – реальное прошлое», но далее такой зоны «нет ничего». Масштабные путешествия во времени невозможны именно потому, что путешествовать просто некуда. С другой стороны, Активное Сознание все время путешествует во времени в пределах «возможного будущего – истинного настоящего – реального прошлого».

Кроме того, будущее постоянно творится и одновременно Активным Сознанием. Сказанное легче всего выразить в терминах индийской традиции – карма и дхарма, которые, в противоположность укоренившемуся в обыденном сознании мнению, лишь в совокупности определяют судьбу.

Итак, дхарма – это должное, закон поведения, имеющий иерархичную структуру: должное для данного конкретного человека как индивидуальности, должное для человека, как члена рода и т. д. Вплоть до должного для человека как носителя Активного Сознания. Карма же – следствие конкретного выбора в конкретной точке коррекции. Отсюда следствие – любое действие (даже недействие) порождает карму. Если такое действие соответствует дхарме, карма благая, если не соответствует – неблагоприятная. Йога указывает путь выхода за пределы кармы – по существу и в терминах нашей модели – это путь погружения на глубокие логические уровни, сужение зоны «размытости» настоящего по оси «возможное будущее – истинное настоящее – реальное прошлое» до «плоскости» истинного настоящего, которое мы смело можем отождествить с Объективной реальностью.

1. ТЕОРЕМА ГЕДЕЛЯ

Одним из наиболее глубоких результатов математики XX века является т. н. теорема Геделя, которую можно сформулировать для наших целей следующим образом:

Не существует в рамках данной логической системы такой совокупности аксиом, которая была бы одновременно полна и непротиворечива.

Это означает, во-первых, что на уровне данного языка описания, принадлежащего некоторой логической системе и опираясь только на базовые высказывания (аксиомы), невозможно сформулировать (или вывести) все производные истинные высказывания (теоремы) – для этого неизбежно необходим некоторый метаязык, – а, во-вторых, концепция любой системы базируется на высшем по отношению к инструментарию логическом уровне. Это касается и любой научной концепции – так инструментарий НЛП относится к третьему логическому уровню (стратегии), а концепция – к четвертому. Здесь возможно лишь «горизонтальное» развитие – «вертикальная» эволюция требует перехода к новому концептуальному базису. То же можно сказать и о современной официальной медицине, имеющей инструментарий не выше третьего логического уровня («как?», «каким образом?»), но, главным образом, на втором логическом уровне («что происходит?», «что делать?», исключение личности врача из процесса лечения), а концептуальный базис – отчасти, на четвертом логическом уровне («почему?», но очень редко «зачем?»), отчасти, на третьем.

Доказательство теоремы Геделя требует глубоких знаний в области математики и метаматематики и находится за пределами рассматриваемых нами проблем, поэтому мы ограничимся некоторыми примерами и пояснениями и далее укажем, каким образом она связана с концепцией логических уровней сознания

и методами нелинейного мышления, используемыми в структурной психосоматике.

Смысл теоремы Геделя вкратце сводится к следующему: если в рамках некоторой логической системы известны правила вывода, то мы можем установить и определенные базовые высказывания (аксиомы), на основании которых строить производные высказывания (теоремы). Оказывается, однако, что если используемый нами набор аксиом непротиворечив (т. е. может порождать только истинные теоремы), всегда существует множество других истинных теорем, которые никаким логическим путем из указанных аксиом выведены быть не могут, но, тем не менее, будут истинными. Если же мы добавим такие аксиомы, которые позволяют вывести эти истинные теоремы, то набор аксиом становится противоречивым.

Простейшим примером может служить геометрия. Аксиомы Эвклида непротиворечивы, но они неполны. Спорной аксиомой является аксиома параллельных – через точку, лежащую вне данной прямой, можно провести одну и только одну прямую, параллельную данной, т. е. такую, которая не имеет с данной прямой ни одной общей точки. В XIX веке усилиями Лобачевского, Бояи и Римана были высказаны две альтернативные аксиомы: 1) через точку, лежащую вне данной прямой, можно провести более одной прямой, параллельной данной, и 2) через точку, лежащую вне данной прямой, нельзя провести ни одной прямой, параллельной данной.

Было очевидно, что, во-первых, аксиома Эвклида³⁴ резко ограничивает возможности вывода истинных теорем геометрии, но, во-вторых, неевклидовы аксиомы параллельных противоречат ей. Противоречие было снято в рамках метатеории, которая включала в себя геометрию Эвклида и неевклидовы геометрии как частные случаи.

³⁴Аксиома параллельных (точнее, ее формулировка) оказывается зависимой от кривизны пространства – евклидова геометрия соответствует нулевой кривизне, неевклидова – отрицательной (гиперболической) и положительной (сферической) кривизне.

То же можно сказать о ньютоновой механике и Специальной теории относительности Эйнштейна – последняя является по отношению к первой метатеорией, поскольку релятивистские эффекты становятся пренебрежимо малы при относительных скоростях наблюдателя и наблюдаемого тела много меньших скорости света (т. е. при $d \ll c$ СТО «превращается» в ньютонову механику).

На основании сказанного мы упрощенно можем представить себе ситуацию следующим образом (рис. 33): некоторые наборы аксиом (a_1, a_2, a_3, a_4) порождают области выводимых из них теорем, причем некоторые теоремы оказываются в области противоречий (для наборов a_1, a_2 и a_3), а некоторые – невыводимы из противоречивого набора a_4 ; метасистема (метатеория) со своим метаязыком позволяет вывести все истинные теоремы и различить системы аксиом (a_1, a_2, a_3, a_4), которые являются ее частными случаями.

При этом следует помнить, что сама метатеория, располагающаяся на следующем (высшем) уровне описания по отношению к

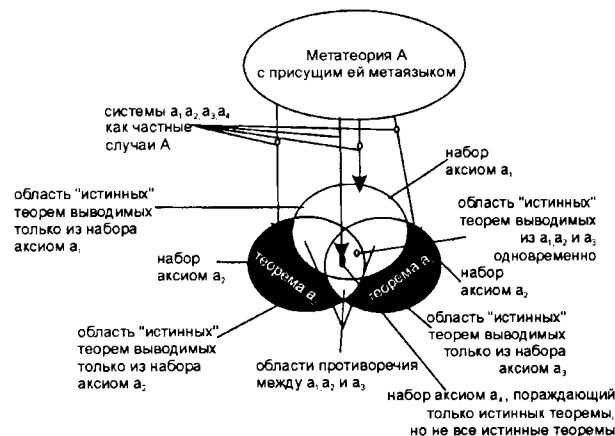

Рис. 33 Метаязыки как инструментарий логических уровней сознания

теории не может обладать собственной одновременно полной и непротиворечивой системой аксиом – для создания такой необходима мета-метатеория с мета-метаязыком и т. д. (рис. 34). Таким образом, метатеория является обобщением теории, а метаязык – обобщением языка.

Сказанное имеет прямое отношение к понятию логических уровней сознания. Действительно, если мы рассматриваем некоторый контекст (жизненную ситуацию) на первом логическом уровне, то в поле нашего внимания оказываются только точечные проявления (факты), причем не все, поскольку от нас скрыта динамика происходящего, относящаяся к способу отражения второго логического уровня; точно так же на втором логическом уровне нам недоступна динамика, связанная с нашей собственной личностью и т. д.

ГЛАВА III Ч. 1

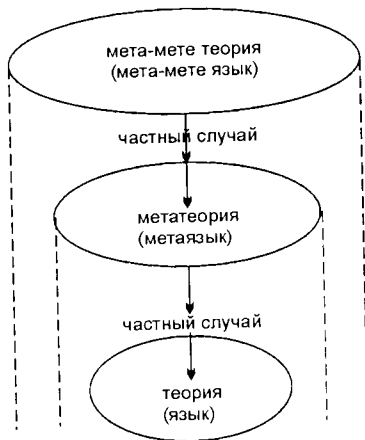

Рис. 34. Метатеории как обобщение

Таким образом, мы можем ввести еще один способ определения логического уровня сознания – это

некоторая операционная система отражения-отражения, наделенная собственным языком описания; она является частным случаем (следствием) некоторой метасистемы, наделенной собственным метаязыком, и может порождать подчиненную систему, наделенную субязыком, как собственное следствие (частный случай). Языком первого логического уровня являются факты, второго – процессы, третьего – стратегии, четвертого – карты, пятого – космограмма, шестого – глобальное взаимодействие. О языке седьмого логического уровня мы не можем составить вербализованного представления, поскольку не имеем необходимого для этого метаязыка.

Напомним, что инструментарий каждого следующего уровня содержит в качестве подчиненного инструментарий всех предыдущих уровней (рис. 35).

Проведем теперь беглый обзор методов и приемов мышления, рассматриваемых структурной психосоматикой, как методологией теории познания, в качестве самостоятельных классификационных единиц.

Линейное мышление может быть представлено как способ установления некоторой цепочечной последовательности в рамках логической системы, установление взаимного расположения в причинно-следственном «пространстве» рассматриваемых инструментальных структур – фактов, процессов, карт и т. д. Нелинейное мышление, напротив, рассматривает структуру более высокого порядка и совокупность всех включенных в нее подчиненных феноменов – процесс как совокупность фактов, карту как базис стратегий и т. д. Таким образом, нелинейное мышление, по сути своей, многофакторно.

Дискурсивное мышление рассматривает полные проявления реальности и далее занимается анализом их особенностей. Экскурсивное мышление стремится снять полноту и обозреть противоположности с единой точки зрения. (Так выявляются –

дискурсивно – магнитные полюса и на их базе строится геодезическая сеть Земли, далее – экскурсивно – выясняется, что эти полюса есть проявления единого магнитного поля и т. п.)

Очевидно, что инструментарий высших логических уровней экскурсивен и нелинеен по отношению к инструментарию подчиненных; однако он и сам содержит дискурсивные и линейные черты по отношению к собственному метауровню и т. д. (рис. 36).

Далее мы увидим, что следует различать обобщение в рамках одного и того же способа отражения-отражения (переход от магнитных полюсов к магнитному полю и т. д.) и принципиальную нелинейность (переход от стратегий к картам и т. д.).

2. ФРАКТАЛЬНЫЕ БАЗЫ³⁵

³⁵Здесь и далее мы используем элементы концепций и инструментария технологии В. Е. Р. (Bio-Energetic Programming – «Био-Энергетическое Программирование», изложенной в работах И. Серова). Наше изложение в этой части по необходимости неполно – читатель самостоятельно может ознакомиться с тонкостями В. Е. Р. по публикациям на web-сайте www.aies.spb.ru, в частности, по книге И. Серова «Аналитическое программирование информационно-обменных процессов активных биологических форм» (готовится печатное издание).

В качестве универсального принципа организации Вселенной может быть выдвинут принцип информационно-обменных процессов и взаимодействий. Прочие феномены, в частности, энергетические, могут в таком случае рассматриваться в качестве производных и вырожденных форм.³⁶

³⁶Ниже мы подробно рассмотрим феномен энергии.

Если мы будем рассматривать каждый из множества информационно-обменных процессов, в которые вовлечен любой локус и Универсум в целом, в качестве вектора или связанной с парой векторов плоскости, то «построение устойчивой структурной организации произвольного типа... сводится к следующему: сумма взаимосвязей по векторам или плоскостным моделям, при любом количестве этих формирований, должна быть равна нулю»³⁷, т. е.:

$$xn + yn + zn + \dots + nn = 0$$

³⁷Здесь и далее в этом разделе в кавычках даны цитаты из «Аналитического программирования информационно-обменных процессов активных биологических форм» И. Серова.

«Данное базисное положение определяется тем, что уровень противоречий внутри любой информационной системы, при необходимости получить устойчивую и жизнеспособную конструкцию, должен стремиться к нулю. Даже самые незначительные внутренние напряжения рано или поздно приведут к сбою функционального режима в конкретных отделах или сегментах рабочей схемы. И если своевременно не будут введены дополнительные информационные корректировки с периферии или из Центра, то данная модель, как активно проявляющая себя форма, погибнет».

Это касается любых локусов, в т. ч. активных биологических форм и человеческого существа.

Как нами было уже постулировано, способом формирования всего проявленного многообразия Универсума является фрактальное разветвление базовой матрицы, точки Абсолютного Нуля. Анализ показывает, что лишь пять форм организации структуры могут служить фрактальными базами, удовлетворяющими условию сформулированного выше абсолютного баланса информационно-обменных характеристик системы произвольной природы. Это:

1. Сферы или универсальный объем.

Здесь термин «сфера» используется в специальном смысле, как сферическое образование в бесконечномерном пространстве, измерения которого представлены диаграмми: оно образует форму «в виде краткого дублирования себя вовне и вовнутрь по всем имеющимся в наличии радиусам стремящегося к бесконечности натурального числового ряда». Далее автор подчеркивает, что лишь построенный на принципе такого фрактального клонирования объект, является Универсальным Объемом – прочие, даже ограниченные сферической поверхностью, «являются псевдо-объемными модификациями». Мы предпочитаем использовать термин «универсальный объем».

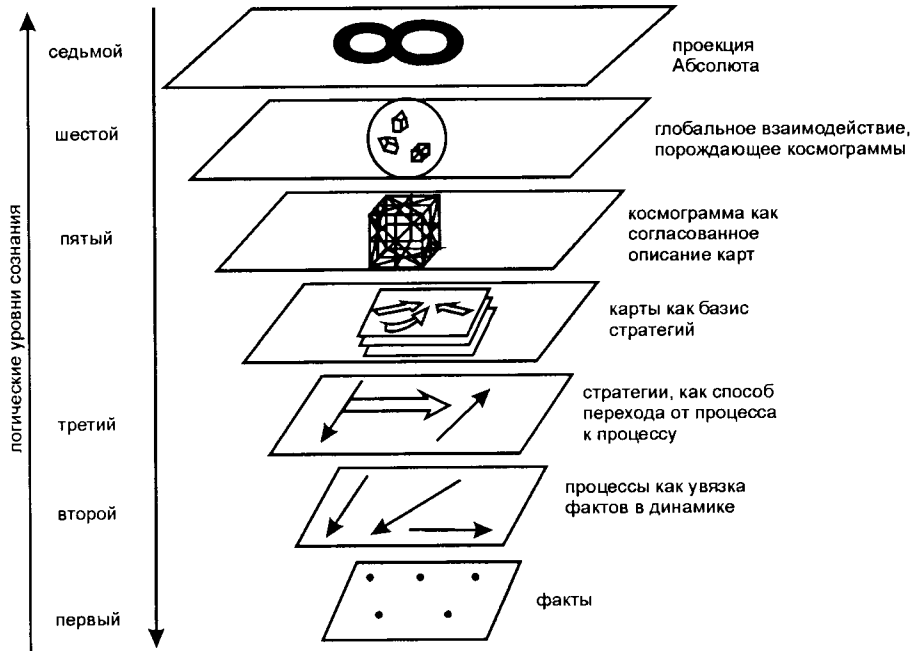

Рис. 35 Метаязыки как инструментарий логических уровней сознания

В данном случае мы имеем дело с единственной формой, способной полностью передать информационный потенциал базовой матрицы.

Малейшие искажения, а таковые неизбежно возникают при множественном фрактальном дублировании, приводят к вырождению этой формы в более примитивные пространственные модификации.

2. Многомерные модели или гиперпространство.

В данном случае речь идет именно о многомерности, сечение которой трехмерным пространством дает описанную кубическую решетку. Мы предпочитаем использовать термин «гиперпространство».

В основе данной формы лежат три взаимно-перпендикулярные плоскости. Далее фрактальный разворот «формирует 13 аналогичных осевых» образований «и соответствующую многомерно-пространственную решетку в виде взаимосодержащих кубов, образуя т. н. Общее Поле Вселенной», – добавляет автор. Речь идет о едином информационном поле Универсума, – к этому понятию мы еще вернемся в дальнейшем изложении.

Деградация этой фрактальной базы, возникающей как следствие спонтанного уплотнения или, напротив, образование пустот, «приводит к «схлопыванию» разворачиваемой пространственной матрицы в плоскостную модификацию».

3. Плоскость или пакет плоскостей.

Автор подчеркивает, что существование плоскостных матриц возможно только в виде общности, образующей «пакет» строго ориентированных тождественных единиц». В дальнейшем мы используем термин «пакет плоскостей», при этом имея в виду, что «на самом деле» данное образование представляет собой комплекс более чем двумерных псевдоплоских структур.

Эта база крайне неустойчива и «малейшие несоответствия на момент программного разворота приводит к тому, что происходит спонтанная спирализация объекта с получением простейшего вектора».

4. Вектор или спирализованный вектор.³⁸

³⁸Мы используем термин «спирализованный вектор».

«Эта база фрактальной зависимости может производить только спиральные конструкции, имеющие соответствующую тенденцию к сжатию или расширению собственных производных аналогов. Следовательно, любая информационно-насыщенная модель, охарактеризованная этим стремлением, склонна к последовательному «размыванию» и дезинтеграции.»

5. Точечное образование или скопление точек.³⁹

³⁹Мы используем термин «скопление точек».

«Если данная единица каким либо образом не структурирована внутри себя, то фрактальный разворот системы ее аналогов формирует только Хаос с множественной бессистемной динамикой, вызванной постоянно происходящей дезинтеграцией такого объекта, стремящегося к дезинтеграции.»

Развертывание базовой матрицы Универсума и происходит путем последовательного перехода от одной фрактальной базы к

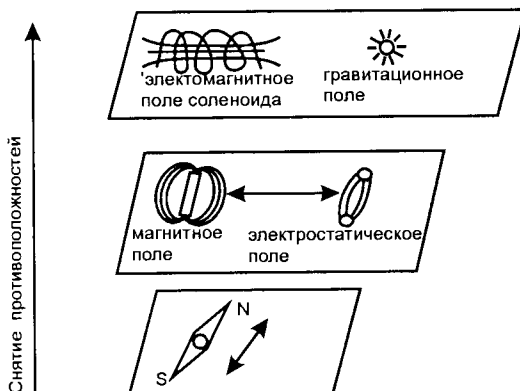

Рис. 36 Снятие полярностей (обобщение)

другой и формирования на их основе соответствующих конструкций и алгоритмов, «постепенно теряющих качественную стабильность и последовательно трансформирующихся в более примитивные категории переходящих друг в друга фрактальных объектов». Таким образом, указанный переход осуществляется в следующем порядке: Универсальный Объем – гиперпространство – пакет плоскостей – спирализованный вектор – скопление точек (рис. 37).

ГЛАВА III Ч. 1

Говоря о базах фрактала, мы имеем в виду развертывание на их основе конкретных алгоритмических и геометрических форм, которые могут быть модельно представлены в виде числовых рядов, графических представлений и т. д. Примерами подобных построений могут служить натуральный звукояд (базис – спирализованный вектор).

А В С D E F G А,
ля си до ре ми фа соль ля

Автор отмечает, что такая семиступенчатая конструкция неустойчива и противопоставляет ей девятиступенчатую, добавляя, что «это можно рассматривать как присоединение к целой единице еще двух сегментов соседнего звена». С нашей точки зрения это расширение уровня структурной организации за счет элементов «+0» и «-0», базовой матрицы, Малькут «высшего» уровня, и базовой матрицы, Кетер «низшего» уровня;

Числовая последовательность (тот же базис):

1; 3(1+2); 6(1+2+3); 10(1+2+3+4); 15(1+2+3+4+5); 21(1+2+3+4+5+6); 28(1+2+3+4+5+6+7) или последовательность вписанных квадратов (рис.38) (фрактальный базис – плоскость).

3. СМЫКАНИЕ «ЛИЧНОЙ ИСТОРИИ»

Время неразрывно связано с историей, этим «пространством времени». На шестом логическом уровне сознания, где течения времени практически нет, и, отчасти, на более внешнем, пятом уровне, т. е. возле барьерной мембраны, наблюдается феномен, который может быть назван «смыканием личной истории». Это то самое состояние, которое в некоторых современных (не очень глубоких) системах психотренинга и психотерапии описывается как «возвращение в детство», «возвращение в утробу матери», «возрастная регрессия» и т. д. Выражается оно в том, что вся личная история человека воспринимается неразрывно и целокупно – не ощущается разница между происшедшим вчера и сорок лет назад, эти события находятся рядом. Точнее, они существуют в одном и том же «месте», для которого мы не можем использовать термины типа «одновременно», «одномоментно» и т. д.

Это то самое состояние, которое испытывает порой человек в минуту смертельной опасности, когда перед его глазами «проносится вся жизнь»; на самом деле жизнь не проносится – она видится вместе и неразрывно. Ощущение временного «кино» возникает уже тогда, когда это пережитое состояние вспоминается ретроспективно. Первое объяснение указанному явлению может быть дано в терминах качественного описания логических уровней сознания; действительно, пятый логический уровень сознания – это уровень космограммы, а шестой – уровень глобального взаимодействия единой картины мира, приобретаемой, прежде всего, через собственный опыт.

Строго говоря, шестой логический уровень находится столь близко к базовой матрице человеческого существа (или антропосферы), что структурный «костяк» здесь прочерчивается достаточно четко и ясно, однако, он как бы «бесплотен» – таким образом, опыт, личная история – это плоть высших логических уровней.

Но очень важно, что в этой точке «абсолютного настоящего», где время не движется, где и прошлое – часть настоящего, будущее тоже становится доступно нашему обзору. Рассмотрим следующую модель. В многомерном пространстве космограммы, образованном пространственно-временными и причинно-следственными системами координат, одновременно фиксируется огромное множество событий, явлений и процессов, имеющих отношение как к «внешней» реальности, так и к реальности «внутренней». Эта фиксация осуществляется не в виде статических точек, привязанных к определенным пространственным и причинно-следственным областям, и даже не в виде некоторых траекторий, но в виде особых многомерных описаний, включающих пространственно-временные и причинно-следственные взаимосвязи и привязки, а также объединяющих данный «участок» космограммы с другими. Будем называть такое описание геодезическими линиями событий, помня при этом, что они не являются собственно линиями, но многомерны, принципиально нелинейны, но как бы распределены вдоль некоторой линии, «оси истории».

Выход на следующий уровень, шестой, уровень глобального взаимодействия, позволяет «увидеть» продолжения геодезических линий, уходящие за «горизонт событий», т. е. в будущее, или, иными словами, экстраполировать их. Это и есть феномен оракула, предчувствие или предвидение будущего. Расскажем одну семейную историю. Однажды во время блокады дед одного из авторов лежал на своем любимом диване в неотапливаемой комнате старой квартиры на Петроградской. Бомбили, но дед, воювавший в Порт-Артуре, по обыкновению, в бомбоубежище не пошел (так тогда поступали многие ленинградцы). Время было позднее, да и не та обстановка, чтобы вставать и что-то делать: однако, он и не спал – был погружен в собственные мысли и воспоминания (недавно пришла похоронка на сына). Внезапно он испытал необъяснимую потребность встать и выйти в коридор. Впоследствии он никогда не мог объяснить, чем было вызвано это желание, но оно было настолько сильным, что дед действительно поднялся и сделал уже шаг в сторону двери – в этот момент во дворе разорвалась бомба, и влетевший в окно осколок ударил в то самое место, где он только что лежал. Этот осколок, пробивший матрац и вонзившийся в паркет, до сих пор хранится среди других семейных реликвий – дед был уверен, что его спасло только чудо, необъяснимое предчувствие. Любопытно, что он, человек очень трезвого и практического мышления, всегда говорил, что ему показалось, будто бы само время изменило свой ход.

Отметим, что речь идет отнюдь не об интуиции, но о том, что мистики прошлого называли «непосредственным знанием».⁴⁰

⁴⁰Отличие знания и непосредственного знания имелось ввиду, например, в учении махаянистской школы йогеров о двух формах сознания – скандхавиджняне и алаявджняне.

Скандхавиджняна – это индивидуальное сознание, следствие кармы, порождающее мир эмпирических вещей, нереальных по своей природе. В противоположность этому, алаявджняна представляет собой постоянно действующую непрерывную духовную «энергию», пронизывающую все.

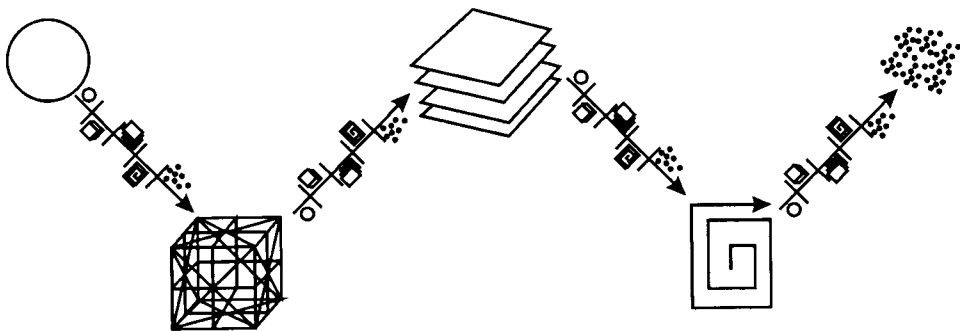

Рис. 37. Линейный ряд фрактального разворота точки нуля

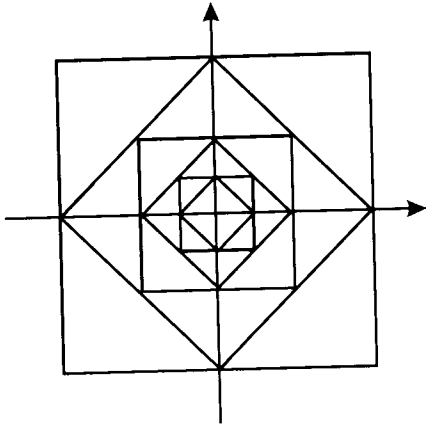

Рис. 38 Фрактальное развертывание квадрата

В терминах структурной психосоматики можно сказать, что скандинавская — это сознание низших логических уровней, обращенное к Субъективизированной Реальности, алаявиджняна — сознание ядра личности, стремящееся к Объективной Реальности; приближение к последней — это постепенное отождествление виджняны в целом (она для человека всегда состоит из скандхи и алаи), т. е. сознания в целом, с алаявиджняной (или, иными словами, приближение к запе перехода «+0»).

Оно является человеку в определенных образах, соответствующих особенностям структуры его космограммы, в виде очень сильных, непреодолимых желаний типа «я хочу...» или «я не хочу...», в виде властных побуждений сделать что-то или, напротив, не делать чего-то. Ясность подобного знания, доступность его для конкретного человека обусловлены рядом предпосылок: умением погружаться в себя, работать на глубоких логических уровнях, сущностностью всей его структуры, завершенностью и проработанностью космограммы. Очень часто человек, испытавший опыт непосредственного знания будущего, не может описать свои переживания и даже нечетко понимает, что же именно он пережил. Последнее связано с отсутствием соответствующих карт, т. е. невозможностью в данном случае ответить на вопросы «почему?» и «зачем?». Но даже если механизм непосредственного знания человеку достаточно ясен, вербализовать он такое не может принципиально — обычный язык не приспособлен для описания феноменов метаязыка. Передать свой опыт другому здесь можно лишь через определенные метафоры — художественные, философские, религиозные, математические, т. е. используя нелинейные приемы. В том случае, когда собственная космограмма не проработана, зыбка, незрела, несущностна, человек не может воспользоваться адекватным образом полученной информацией. Он будет «видеть» или «чувствовать» что-то, но это «видение» и «чувствование» окажутся существенно искажены — речь будет идти о «непонятном беспокойстве», «гнетущем чувстве», «дурном предчувствии» и т. д. Отреагирование такого человека тоже будет заблокировано несущностными картами — ложными или имплантированными (т. е. воспитанными социальными или культурными стереотипами): «Глупо доверять предчувствиям» или: «Я должен действовать наперекор собственной слабости» и т. д. Воления «Я

хочу!» искажены здесь волениями «Надо!» — человек поступает наперекор самому себе, попадает в беду, но после даже гордится силой своей воли («не поддался панике»), а в бедах винит судьбу.

Сейчас так много говорят о карме. Вот очень грубая, но точная сентенция, взятая из традиционного индуистского текста: «Наступив на собачье дерьмо, не говори, что это карма — смотри лучше под ноги».

Приведем пример. Один из авторов в аэропорту Новокузнецка, когда объявили посадку, вдруг ощутил, что не хочет и не будет садиться в этот самолет, он четко и ясно понял, что этот самолет, стоящий на взлетной полосе не может лететь. Вскоре было объявлено, что занявших свои места просят покинуть салон — будет подана другая машина. Человек, с которым произошла эта история, ясно видел отличия неисправного самолета от других — на уровне мельчайших субмодальностей, но описать свое знание может лишь метафорически: «Этот самолет выглядел как плоский картонный предмет среди настоящих, объемных, а картонные самолеты не летают». Будущее пластично. В нем нет никакой жесткой заданности, никакого непреодолимого фатума, рока древних греков или провидения кальвинистов; геологические линии — это отнюдь не заданные траектории, а всякий раз некоторая совокупность возможностей, которые актуализируются лишь благодаря нашему собственному выбору и нашей собственной воле поступать согласно внутреннему знанию или вопреки ему. Недаром Отцы Восточной Церкви говорили, что человек не просто свободен, но обязан быть свободным.

Перейдем, однако, к более строгому описанию. Разумеется, в каждый данный момент человеку доступны далеко не все возможные продолжения событий, причем некоторые из возможных более вероятны, чем другие. Можно сказать, что в каждый момент настоящего человеческое существо находится в точке, где сходятся вершинами два конуса — конус реального прошлого и конус возможных событий (рис. 39, а). Внутри такого конуса расположены все возможные продолжения, причем наиболее вероятные находятся на оси симметрии, однако любое продолжение внутри конуса доступно и целиком зависит от нашего решения действовать так или иначе. Поэтому точку настоящего мы можем назвать еще точкой коррекции.

Пока лишь постулируем тот факт, что конусы возможного будущего могут отличаться друг от друга величиной угла при вершине, не разбирая причины такого отличия.

Рассмотрим два конуса такие, что (рис. 39, б)

$$\langle \alpha \rangle < \langle \beta \rangle$$

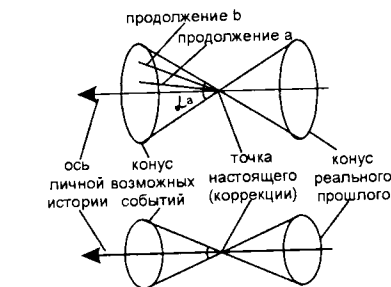
Очевидно, что в первом случае возможных продолжений событий больше, чем во втором, при этом вероятность каждого из них меньше.

Известно, что полная вероятность равна 1:

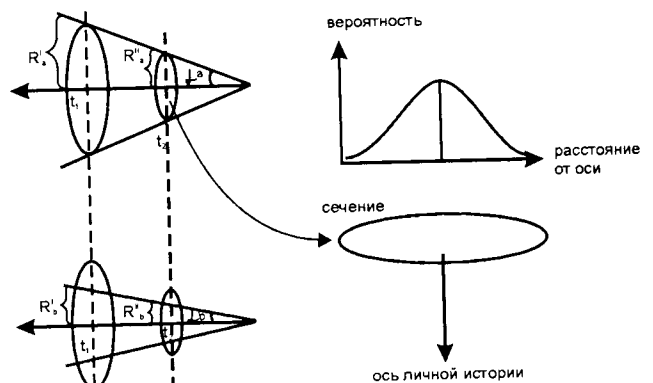
$$P_a = P_b = 1$$

С другой стороны, полная вероятность графически соответствует площади круглого сечения, проведенного через шу или иную временную точку. Таким образом, мы можем ввести понятие средней плотности вероятности, которая оказывается зависима от угла α :

$$\rho_p = \frac{1}{\pi R^2}$$

а)

б)

в)

Рис. 39 Конус возможных событий

где ρ_p – средняя плотность вероятности, а R – радиус соответствующего круглого сечения.

С другой стороны

$$R = t \cdot \text{ctg} \alpha, \text{ откуда}$$

$$\rho_p = \frac{1}{\pi \cdot (t \cdot \text{ctg} \alpha)^2}.$$

ГЛАВА III
Ч. 1

Таким образом, средняя плотность вероятности зависит от двух переменных – угла α при вершине конуса возможных событий, – и временной точки t .

То есть:

$$\angle \alpha_a > \angle \alpha_b \Rightarrow \rho_{pa} > \rho_{pb} \quad (t_a = t_b)$$

и

$$t_1 > t_2 \Rightarrow \rho_{p1} > \rho_{p2} \quad (\alpha_1 = \alpha_2)$$

Заметим, что распределение вероятности возможных событий по плоскости сечения соответствует нормальному распределению (рис. 39, в)

Смысл угла α становится вполне ясен, если мы вновь вернемся к рассмотрению зависимости:

$$K = \frac{1}{t_{\text{сп}2}}$$

Выясняется, что оси $t_{\text{сп}2}$ может быть сопоставлена противоположнонаправленная ось личной истории, а началу координат – точка настоящего (точка коррекции). Таким образом, угол α при вершине конуса возможных событий (и конуса реального прошлого) – это угол между осью $t_{\text{сп}2}$ и радиус-вектором, соединяющим точку начала координат и текущее значение коэффициента K . Последний, как мы помним, показывает положение центра осознания, т. е. значение угла α может быть показателем логического уровня сознания, на котором такой центр находится. Мы также обнаруживаем, что плотность вероятности ρ_p зависит напрямую от коэффициента K . Нас, прежде всего, будет интересовать та плотность вероятности, которая возникает при значении $t = t_{\text{сп}2}$

Действительно, в таком случае $R = K$ и:

$$\rho_p = \frac{1}{\pi K^2},$$

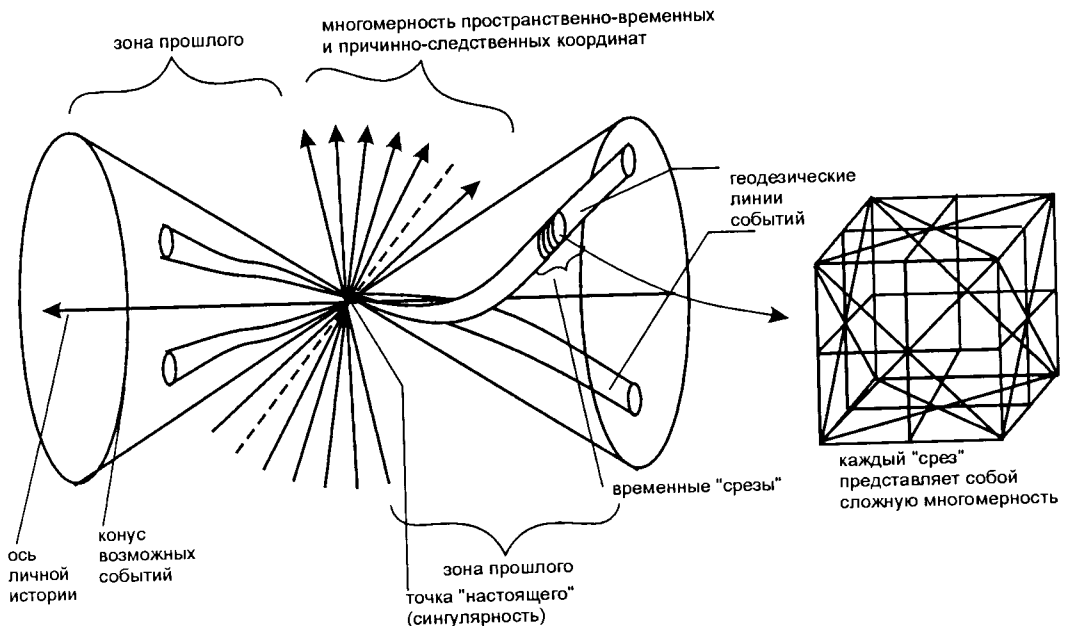

Рис.: Геодезические линии событий (дополнение к иллюстрации-

$$K = \sqrt{\frac{1}{\pi \rho_p}}$$

Таким образом, логический уровень сознания может быть охарактеризован через величину средней плотности вероятности по сечению $t_{\text{сп}2}$ – назовем некую величину характеристической и будем обозначать $\rho_p(t_{\text{сп}2})$.

Очевидно, что:

$$K \rightarrow 0 \Rightarrow \rho_p(t_{\text{сп}2}) \rightarrow \infty,$$

$$K \rightarrow \infty \Rightarrow \rho_p(t_{\text{сп}2}) \rightarrow 0,$$

и, если мы рассмотрим два случая такие, что:

$$K_1 < K_2$$

из этого следует:

$$\angle \alpha_1 < \angle \alpha_2$$

и

$$\rho_p(t_{\text{сп}2}1) > \rho_p(t_{\text{сп}2}2)$$

То есть:

* более глубокому логическому уровню соответствует больший конус возможных событий, т. е. большая свобода выбора;

* более глубокому логическому уровню соответствует меньшая характеристическая плотность вероятности, т. е. поведение человеческого существа, чей центр озарения пребывает на низком уровне, менее обусловлено. конусов реального прошлого

Теперь мы видим, что смыкание личной истории – это буквально смыкание поверхностей конусов реального прошлого и возможных событий при

$$\angle \alpha \rightarrow 90^\circ \text{ или, что то же самое при: } K \rightarrow \infty;$$

Тогда они образуют два полупространства, разделенные мембраной настоящего. С другой стороны, при:

$$\angle \alpha \rightarrow 0 \text{ или, что то же самое при: } K \rightarrow 0,$$

конусы вырождаются в прямую линию. Первый предельный случай – это зона Абсолюта, о которой мы можем сказать, что пребывающее в ней Активное Сознание абсолютно свободно; второй

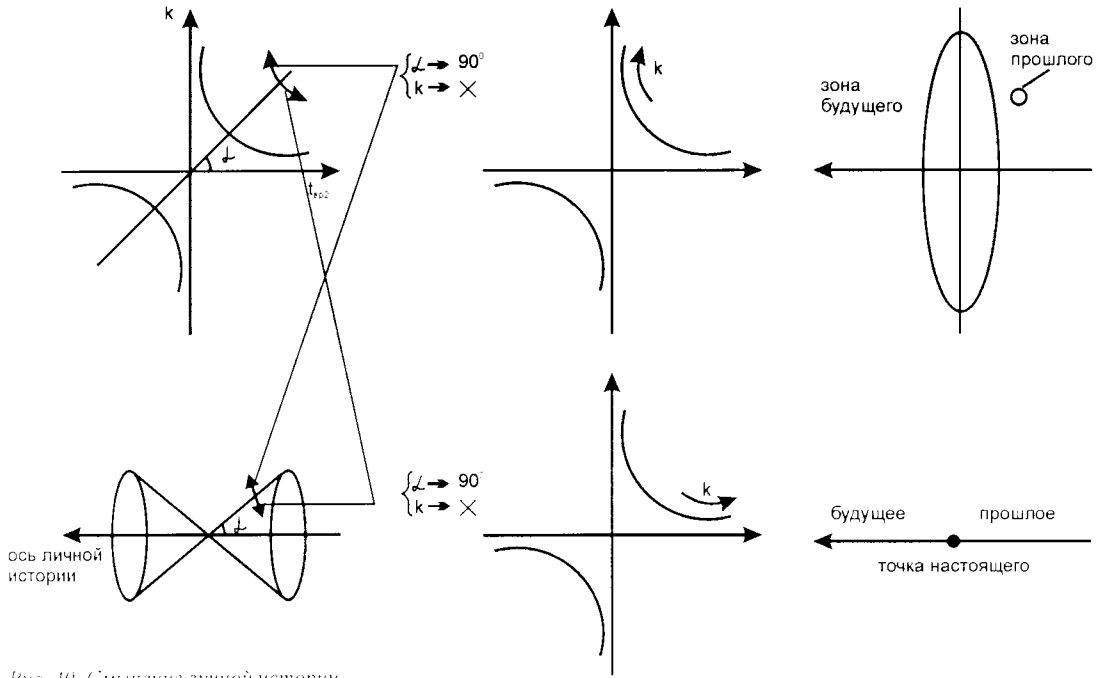

Рис. 40 Смыкание личной истории

предельный случай – это зона «мертвой» природы, которая полностью обусловлена (рис. 40).

Ясно, что полное смыкание прошлого и настоящего для человеческого существа недостижимо, но, тем не менее, мы можем выделить некоторую область значений

$$K \gg 1$$

где прошлое, настоящее и будущее вступают в прямое взаимодействие. Мы можем здесь говорить о предельной свободе Божества, о Его пребывании в вечности, где равнодоступны прошлое и будущее, и о предельной обусловленности, принципиальной линейности твари (какие бы термины не использовались – Яхве, Ады-Буфта, Вишну и т. д. и творение, сансара, пракрити и т. д.).

4. КОНУСОБРАЗНЫЙ СПИРАЛИЗОВАННЫЙ ВЕКТОР

Фрактальным базисом нашего мира (антропосферы) является спирализованный вектор.⁴²

⁴²Напомним, что это касается иерархии I-го порядка – иерархий II-го порядка вновь дает последовательную смену семи фрактальных баз.

Если мы, учитывая принцип построения фрактального подобия, определим некоторым коэффициентом соответствия, зададимся целью построить числовой ряд, моделирующий семиуровневый разворот базовой матрицы, то получим следующую последовательность:

$$0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8$$

уровни: +0 I II III IV V VI VII –0

Здесь число «ноль» символизирует Малькут «высшего» уровня (+0), а «восемь» – Кетер «нижнего» уровня (-0). Данная последовательность может быть представлена как своеобразная «спектрограмма» (рис. 41).

Данная последовательность может модельно представлена множеством способов, из которых для дальнейшего и сложения нам интересны следующие:

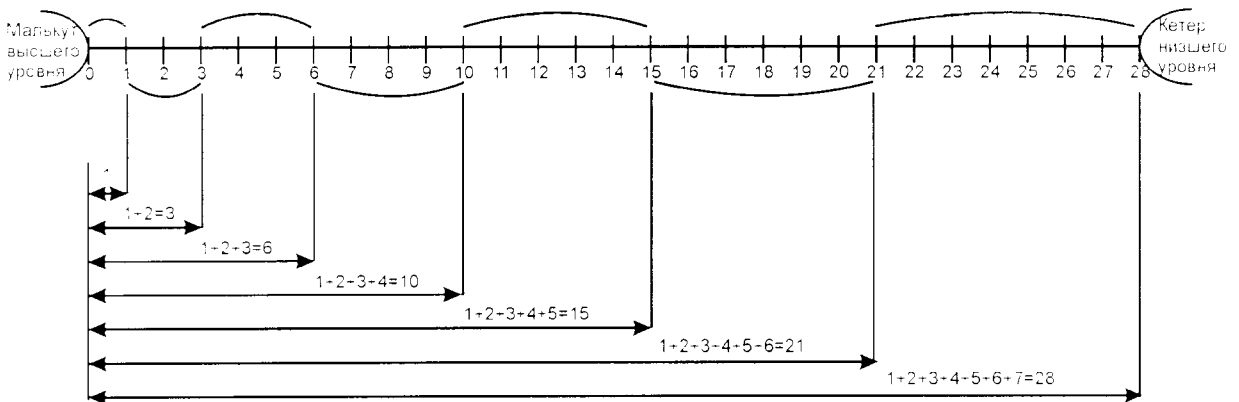

Рис. 41 Семиуровневый базовый разворот матрицы по принципу линейного спирально-векторного фрактала

- ♦ в виде конусообразного семивиткового спирализованного вектора (рис. 42);
- ♦ в виде развернутой матричной формы (рис. 43);
- ♦ в виде волновой функции, имеющей две модификации – информационно-насыщенную и энергетическую; здесь просматриваются следующие зависимости: информационная насыщенность волновой функции тем меньше, чем больше длина волны; энергетическая насыщенность, напротив, тем выше, чем длина волны больше.

ГЛАВА III
Ч. 1

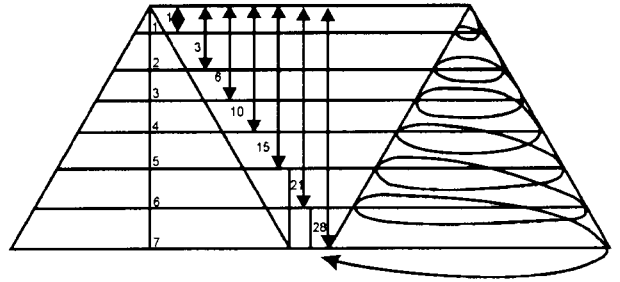

Рис. 42 Семивитковый спирализованный конусообразный вектор

Таким образом, мы можем установить две зависимости:

$$H \sim \frac{1}{\lambda}$$

и

$$E \sim \lambda,$$

где H – информационная насыщенность, E – энергетическая насыщенность, λ – длина волны волновой функции, или:

$$H \sim \frac{1}{E},$$

что выражается следующей таблицей (**) (размерность условная). То есть, если

$$\lambda \sim \frac{1}{N},$$

где N – номер уровня структурной организации, то:

$$H \sim N$$

и

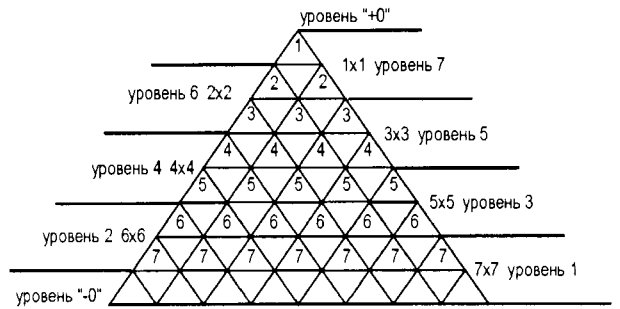

Рис. 44 Развернутая матричная форма семивиткового линейного фрактала

Мы можем обнаружить также, что спирализованный семивитковый вектор образуется за счет семи фаз поворота «абсолютного треугольника» – устойчивого плоскостного образования (рис. 45), являющегося, в свою очередь, элементом многомерного кубического сечения. Причем очевидно, что первый («низший») уровень повторяет седьмой («высший»), что, скажем, в каббале подчерки-

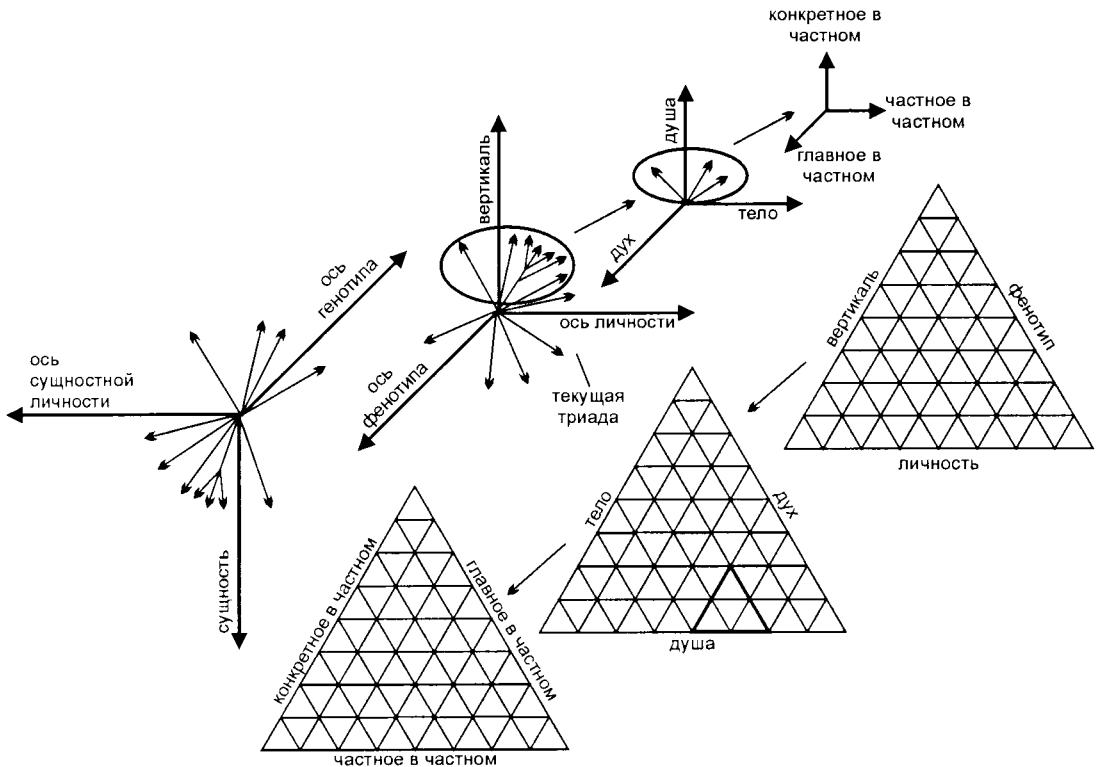

Рис. 44 Фрактальность разворота структуры человека: пространственная модель (вверху), плоская модель (внизу)

валось утверждением: Малькут есть вторая Кетер; точно так же ведическая традиция утверждает определенное тождество и смы- кание высшей и низшей чакр – Сахасрары и Муладхары. Можно

сказать, что первый уровень есть отображение седьмого с поте- рей качества, равной данному миру воплощения:

$$N_1 \rightarrow N_7.$$

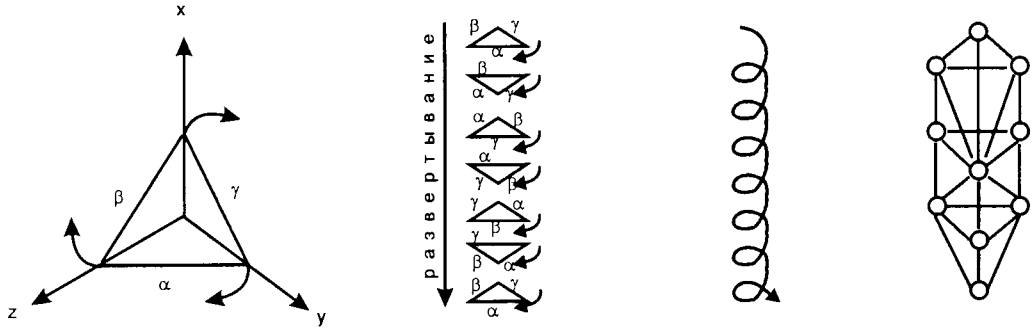

Рис. 45 Спирализованный семиуровневый вектор как результат семи поворотов «абсолютного треугольника»

Таблица (**):

уровень структурной организации	(N)	7	6	5	4	3	2	1
длина волны	(λ)	1	2	3	4	5	6	7
информационная насыщенность	(H)	7	6	5	4	3	2	1
энергетическая насыщенность	(E)	1	2	3	4	5	6	7

Глава 4 Интеграторная система

Несомненно вывод, что, коль скоро человеческое существо принципиально нерасчленимо по вертикали «тело-душа-дух» относительно отражения-отреагирования, то должна существовать единая интеграторная система, связанная со всеми уровнями структурной организации и объединяющая их в единое целое. Такая система должна топологически соответствовать общей формулировке фрактального развертывания антропосферы; с ней напрямую должны быть связаны «личная история» и «личная эволюция» индивида; в ней, наконец, в первую очередь, должны сказываться всевозможные дефекты структуры и ее внутренние конфликты.

Такая система в традиции известна давно, она описывается с некоторыми объяснимыми вариациями и под разными названиями, из которых для дальнейшего изложения удобнее всего использовать наиболее известное на Западе – «система чакр». В рамках структурной психосоматики огромный теоретический и практический интерес представляет уже один только параллельный анализ указаний различных традиций, касающихся этой темы, а также близких вопросов – «внутренней энергетики», ритмики и цикличности.

Здесь мы должны решительным образом подчеркнуть, что переложение традиционных терминов «ци», «прана», «пневма», «Ка», «сила» и т. д. словом «энергия» считаем не только неудачным, ограничивающим возможности дальнейших теоретических построений, неточным и произвольным, но даже вредным, поскольку тем самым чисто периферический феномен энергии распространяется в априорно неизменном виде на все структурные уровни организации, привнося в их описание ложный акцент со всеми вытекающими концептуальными, методологическими и практическими последствиями.

Употребление термина «энергия» в отношении феномена «ци» (или «праны») сложилось под влиянием лидировавшей в первой половине XX века науки – физики, переживавшей последние фазы смены господствовавшей в эпоху «классических теорий» парадигмы Ньютона (ее еще иногда называют «естественно-научной») на парадигму поля, базисную для таких направлений, как квантовая механика, общая теория относительности, теория элементарных частиц и т. д. Именно тогда термин «энергия», утратив свою четкость, стал достоянием массового сознания, распространявшись на любые взаимодействия, где непосредственный агент или передаточный механизм может быть представлен лишь в виде некоторой (пусть и фиксируемой в опыте, но не осязательной «на ощупь») эманации.

Между тем, речь идет, прежде всего, об информации, сопровождающейся, особенно на внешних организационных уровнях, энергетическими потоками и нерасчленимой с субстратом-носителем – будь то поле любой природы (в той или иной степени материальное), вдыхаемый воздух или даже потребляемая пища.

В китайской традиции «посленебное» ци, т. е. ци, потребляемое из окружающей среды уже в течении жизни, делилось на «небесное» и ци «воды и злаков» (иначе «земное») – потребление первого связывалось с дыханием, а второго – с питанием, причем преимущественно информационный характер ощущался достаточно четко (отсутствие самого термина «информация» здесь роли не играет – говорилось о передаче «закона» или «структуры», а в даосских текстах – «дао» и «дэ»).

Любопытно также учение о «пище и лекарстве», составляющее одну из существенных частей древней греко-арабо-персидской традиции (такое сложно-составное название связано с историей этой школы: она восходит к греческим врачам, проникшим в Среднюю Азию вместе с войсками Александра Македонского; затем традиция, повсеместно исчезнувшая в средние века, сохранилась именно в ирано-персидской среде, дав миру такие имена, как Абу Али-Ибн-Сина (Авиценна) или придворный врач первого из Великих Моголов, Бабура – Юсуф ибни Юсуфи Табиб, автор другого, наряду с «Каноном» Ибн-Сины, авторитетнейшего труда традиции – т. н. «Юсуфовой медицины»; в настоящий момент школа сохранилась именно в Индии, где, в отличие от Аюрведы, носит название «греческой»): считается, что «пища» и «лекарство» – это не две противоположные или независимые категории, а целый ряд состояний различных продуктов, в которых «питательная» и «лекарственная» сторона выражены в большей или меньшей степени. «Пища» служит материалом для построения организма, преобразуется в его жидкости и дает энергию, «лекарство» влияет своими свойствами. Такое влияние нельзя интерпретировать иначе, чем информационное. При этом любой продукт питания имеет и «лекарственное» действие, т. е. передает не только «питательные» вещества, но и «свойства», информацию.

Напомним, что:

$$\begin{cases} H \sim \frac{1}{E} \\ H \sim N, \end{cases}$$

где H – информация, E – энергия, N – номер структурного уровня.

Иными словами, чем с более глубокими структурными уровнями мы имеем дело, тем в большей степени информационные феномены преобладают над энергетическими, т. е. энергия – это не более, чем «побочный продукт» разрушения структуры в ходе деградации Базовой матрицы от Универсального Объема к Хаосу.

Итак, «внутренняя энергетика» обращившаяся иерархически организованным многоярусным информационно-обменным взаимодействием, вне которого, если подходить к вопросу последовательно и строго, объяснение единству, постоянству структуры и возможностям эволюции всякого активного биологического объекта найдено быть не может.

Опыт показывает, что эти процессы всегда управляются совокупностью ритмов и циклов – от микроритмов химических реакций и квантовых взаимодействий, до глобальных ритмов, связанных с собственным вращением Галактики (с ними, в частности, коррелируют циклы «глобальное потепление – ледниковый период», столь важные для живых организмов). Здесь возникает некоторая иллюзорное противоречие: если временная ось представляет собой лишь модель, продукт нашего сознания, если прошлое и будущее в реальности не существуют, то где же и каким образом, в каком субстрате развертываются ритмы и циклы, о которых идет речь? Между тем, ответ очевиден – они являются периодическими характеристиками самой структуры, подобными наслоениям антарктического льда или узлам кристаллической решетки (если сквозь такую решетку пролетает элементарная частица, то она и будет испытывать циклически меняющиеся нагрузки, связанные с неоднородностями полей, обусловленными периодической структурой кристалла). Отметим, что и традиция всегда описывает циклы и ритмы как феномены именно структурной организации, следствие внутренних отношений между элементами структуры; точно так же как некий атрибут структурной организации Универсума, традиция рассматривает и циклы «личной истории» человека, тесно связанной с функционированием чакровой системы.

Здесь возникает один неизбежный вопрос: если время «на самом деле» – всего лишь способ описания структурных закономерностей, то оправдано ли использование самой этой категории, иными словами, как и относительно чего мы можем мерить все независимые от времени величины, такие, как скорость, ускорение и т. д.? Ответ на этот вопрос оказывается очень простым: протекающие, с точки зрения «обычных» представлений процессы, «на самом деле» протекают относительно циклически меняющейся структуры Мироздания. Эти структурные ритмы не связаны с направлениями физического пространства антропосферы, поскольку развиваются вдоль координат, принадлежащих миру «высшего», по отношению к нашему, уровня. Точно так же относительно координат антропосферы протекают структурные циклы «нижнего» мира. Следовательно, категория времени оказывается удобным способом описания всех периферических процессов и явлений, относящихся к первому-третьему структурным уровням организации – таковы все феномены, которые исследует физика, химия и другие сходные дисциплины, за исключением ряда тонких областей, относящихся к полевым явлениям, эволюционным и структурным вопросам. Когда же мы переходим к вопросам устройства Мироздания, «слабых и сверхслабых полей» функционирования и развития живых организмов и, в особенности, к феномену Активного Сознания, а также к другим проблемам, требующим анализа четвертого и более глубоких структурных уровней, использование категории «время», так же как и категории «энергия» возможно лишь при ясном сознании истинной природы этих феноменов, вытекающей из общих структурных представлений. Таким образом, мы вовсе не призываем отказываться от употребления понятий «время» или «энергия», мы и сами пользуемся ими там, где это оправдано и не вносит путаницы, а в тех случаях, где это необходимо, специально оговариваем рамки и смысл используемой терминологии. Исследование тонких особенностей феномена «время» важно для нас именно потому, что является своеобразным ключом как к структурным представлениям, так и к проблемам человеческого существа – его личности, деятельности, «личной истории» и «личной эволюции», а также всевозможных нарушений развертывания его структуры, ее дефектов, которые могут проявляться и как патологии разного рода, и как социальные, душевные и духовные изъяны.

Перейдем к более подробному анализу чакровой системы.

Чакры, как универсальные интеграторы структуры человеческого существа, связаны со всеми уровнями его организации. Их структура – спирализованный конический вектор – является фрактальным подобием базовой матричности антропосферы. Семь раз повторяясь, эта структура повторяет семиуровневое «воплощение» (в прямом смысле данного слова – «реализацию во плоти») базового принципа от «верхней» Кетер (Сахасра) до «нижней» Малькут (Муладхара). Связь любой из чакр не означает, что они при этом не имеют собственных «предпочтений», не отменяет сказанное и выделенной роли той или иной чакры в том или ином аспекте человеческого бытия. Эта особенность становится яснее, если представить себе, что чакры играют, во-первых, роль коммуникативных центров, ориентированных на те или иные структуры человеческого существа (эта сторона связана с универсальностью чакр – все они связаны с теми или иными телесными, духовными, душевными феноменами, с теми или иными зонами фенотипа, с теми или иными уровнями отражения-отреагирования), а, во-вторых, своеобразных «реле», открывающих доступ к той или иной структуре на собственном «уровне ответственности» (специфическая роль чакр – так, доступ к высшим духовным способностям открывает лишь Аджна, несмотря на то, что некоторые из них связаны, например, с Муладхарой; с другой стороны, ущербность Муладхары невозможно, когда речь идет о физических способностях). Таким образом, среди чакр нет более или менее важных, однако нормальное развитие как в процессе «личной истории», так и в процессе «личной эволюции» связано с последовательным и гармоничным «подключением» «высших» центров к уже «действующим». Важнейший вывод из всего сказанного сводится к тому, что первейшее значение имеет именно гармоническое, согласованное развитие и действия всех структур человеческого существа, а не какие-либо экстраординарные способности и навыки в той или иной зоне – или, говоря в терминах структурной психосоматики, сущностность и проработанность структурных уровней организации.

Проясним еще некоторые важные моменты.

На базе целостного генома могут быть оттранслированы различные фенотипы (соответствующие тем или иным зонам генома или генотипа) и, соответственно, развернуты качественно различные текущие и сущностные триады, при этом:

* вертикаль полностью формируется на базе любого жизнеспособного фенотипа, присущего человеческому существу, в т. ч. и простейшего фенотипа особи; иными словами, любой человек безусловно наделен телом, душой и духом, обеспечивающими совокупности его деятельность в отражении-отреагировании, которую мы в том или ином смысле можем характеризовать как «человеческую»;

* в отражении-отреагировании участвуют всегда все семь логических уровней, однако это не значит, что все эти уровни в достаточной мере структурированы или проработаны, или, что то же самое, это не значит, что центр сознания всегда может устойчиво пребывать на любом, сколь угодно глубоком логическом уровне; эти три формулировки – структурированность логического уровня, его проработанность и устойчивость пребывания на нем центра сознания – суть синонимы; последняя предполагает, что такое пребывание, во-первых, управляемо, во-вторых, может быть отслежено и, в-третьих, может осуществляться по желанию, а не как результат некоторых экстраординарных обстоятельств – стресса, психотропных средств⁴² и т. п.

⁴²Еще древним было известно, что, например, употребление наркотиков порождает состояния, тождественные раскрытию «высших» чакр. Об этом же, по сути, пишет и Карлос Кастанеда, однако традиция всегда утверждала, что такой суррогат развития не только бесполезен (ведь сознание «заброшенное» в зоны, которые ему не подвластны, абсолютно беспомощно – оно подобно пещерному человеку за пультом управления космического корабля – на корабль проще попасть, чем научиться им управлять), но и опасен, причем не только в физическом, но и в психологическом плане, закрывая для использующей искусственные стимуляторы личности путь к глубинным уровням сознания.

Возникает вопрос, на базе любого ли фенотипа достижимо устойчивое пребывание центра сознания на глубинных логических уровнях?

Следует, прежде всего, уточнить, что отражение-отреагирование, с точки зрения своих качеств, механизмов и «внутренней» деятельности, контекстуально зависимо. Иными словами, мы не можем всегда говорить о проработанности тех или иных логических уровней для всех возможных жизненных контекстов. Такие контексты, в том числе, могут быть классифицированы от наиболее простых и конкретных до наиболее сложных

ГЛАВА IV
Ч. 1

и обших (итогом этого изложения и обобщения и является Глобальный Контекст, объект отражения на пятом логическом уровне, соответствующий «внутреннему» образу этого уровня – космограмме).

Даже самый общий структурный анализ, а, тем более, привлечение фактического материала, заставляют сделать вывод: структурирование глубинных логических уровней контекстуально зависимо, причем, возможность устойчивого пребывания центра осознания на том или ином уровне зависит от качества оттранслированного фенотипа. Иными словами, каждый фенотип, начиная от фенотипа особи и кончая планетарным фенотипом, открывают доступ к новой группе контекстов, являющейся расширением и обобщением всех предыдущих. Таким образом, мы можем классифицировать контексты соответственно фенотипам (Рис. 46) – очень грубо круг жизненных ситуаций, которые относятся к той или иной группе контекстов, можно определить по принципу «Я и...»⁴³, т. е. исходя из того, сколь широко распространяет конкретный человек свое поле осознания: позиция «Только Я» соответствует контекстам особи;

⁴³Насколько известно авторам, впервые такой способ классификации развития человеческого существа был предложен Альбертом Эйнштейном.

позиция «Я и самые близкие» – индивидуальным контекстам; позиция «Я и моя семья» – семейным; «Я и те, кто со мной»⁴⁴ – родовым; «Я и мой народ»⁴⁵ – этническим; «Я и человечество» – человеческим; «Я и весь мир» – планетарным. Термин «мир» означает здесь «ойкумену», т. е. обозримую для индивида в соответствии с социально-историческими особенностями бытия, населенную людьми или важную для людей часть Вселенной (всю – Вселенную в целом). «Глобальный контекст» отличается тем, что ориентирован на Универсум, исчерпывающее «все» этого мира безотносительно к человеческому существу как таковому; под Глобальным Взаимодействием, в свою очередь, мы понимаем целокупность проявленной Вселенной, ее причины, развития и структурных законов.

⁴⁴В «примитивном» обществе такая формула тождественна понятию «рода», а в наше время может быть определением лиц «близкого круга общения», в отношении которых индивид испытывает некоторое чувство общности, единства (общее дело, единая цель и т. д.).

⁴⁵Так же «Я и моя нация», «Я и моя страна», «Я и моя раса» и т. п.

Очевидно, что разные люди, пребывающие в одной и той же ситуации, могут, тем не менее, находиться в разных контекстах; очевидно, что для людей, чей фенотип существенно усечен, не доступны не только многие грани реальности, но целые группы контекстов, а, значит, целые зоны Универсума.

Из всего сказанного очевидно, что:

* на базе фенотипов особи и индивида могут быть хорошо проработаны первый и второй логические уровни сознания, достаточно хорошо – третий, сформированы некоторые, в т. ч. и весьма важные, карты, однако только фенотип индивида обеспечивает более или менее устойчивое пребывание на третьем логическом уровне;

* на базе фенотипов семьи, рода и этноса происходит структурирование третьего, четвертого и пятого логических уровней, причем полное формирование космограммы возможно лишь для тех, кому доступны контексты с позиции «Я и мой народ»;

Для синтеза космограммы необходимо, чтобы достаточное количество карт было хорошо структурировано, однако, разумеется, не все – это и в принципе невозможно. Если хорошо структурированы карты родовых контекстов (и всех более узких групп контекстов), то синтез космограммы уже возможен; тем более это касается проработки карт этнических контекстов.

* устойчивое пребывание центра осознания в ядре личности доступно лишь на базе человеческого и планетарного фенотипов.

Таким образом, развитие в процессе «личной эволюции» ступенчато и связано с «подключением» («молчащих») зон генома и «коррекцией» всех уже «включенных» (рис. 47). Эта коррекция заслуживает отдельного разговора.

А) доступность до центра осознания различных логических уровней на базе тех или иных фенотипов

Б) ступенчатое развитие (условная схема)

Напомним, что под геномом мы понимаем всю совокупность наследственных свойств и качеств человеческого существа, кото-

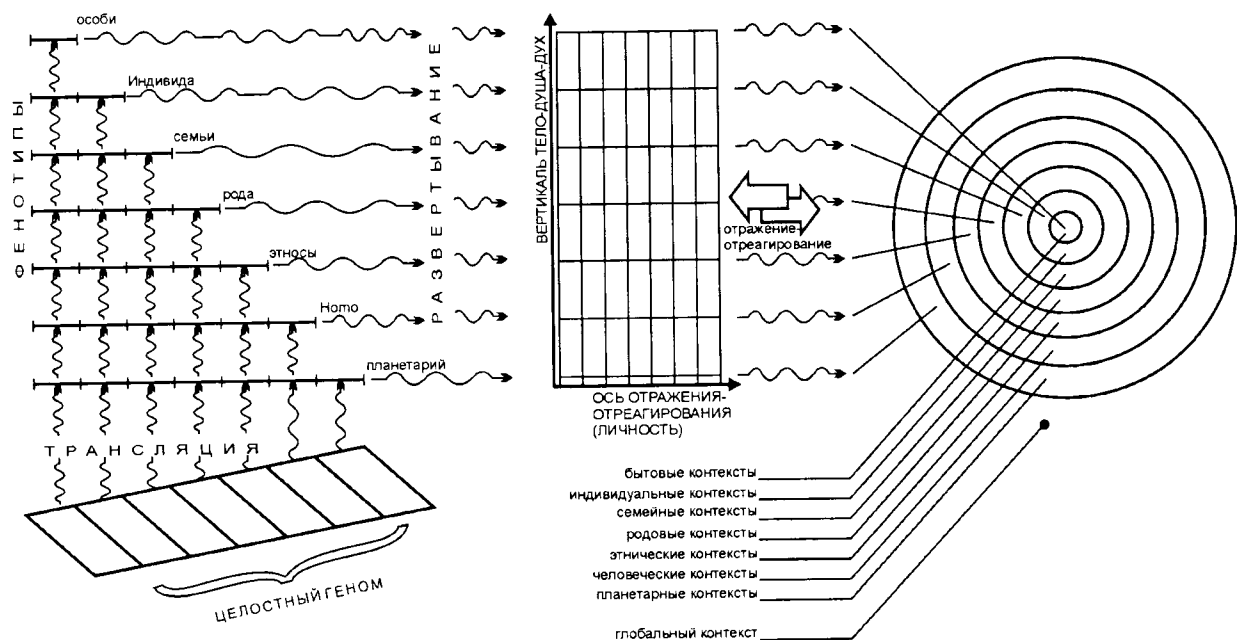

Рис. 46 Геном, фенотипы, контексты

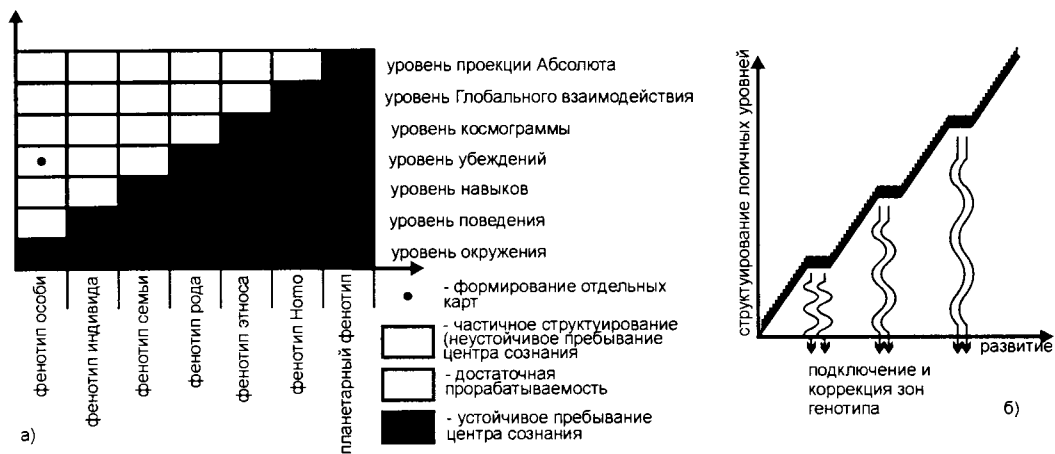

Рис. 47 Ступенчатое развитие:

а) доступность для центра осознания различных логических уровней на базе тех или иных фенотипов
б) ступенчатое развитие (условная схема)

рые сосредоточены отнюдь не только в одном ядерном ДНК и не только в виде последовательности кодонов дезоксирибонуклеиновой кислоты. Не вдаваясь в подробности, заметим, что наследственная информация содержится, во-первых, в ядерных нуклеиновых кислотах, во-вторых, в структурной организации хромосомного аппарата, в-третьих, в клеточных органеллах (например, в нуклеиновых кислотах митохондрий), в-четвертых, в протоплазме и структурной организации материнской клетки в целом. Клетка, как основа земной органической жизни, бессмертна в том смысле, что любая клетка наследует от материнской, в том числе, и часть протоплазмы; в свою очередь, разделившись (если, конечно, она делится), она передает свою протоплазму дочерним клеткам. Какая бы космограмма ни соответствовала вашему мировоззрению, такого рода бессмертияе налицо: если вы верите в эволюцию «по Дарвину» — от «первичного бульона», раствора аминокислот в мировом океане, до человека, то, значит, в любой вашей клетке сохранился отпечаток этой первичной среды, если же, напротив, вы верите в Божественное Творение, то вы должны признать, что ваша плоть — в буквальном смысле плоть от плоти праматери — Евы.

Поскольку жизнь, даже земная жизнь, далеко не равнозначна «способу существования белковых тел»⁶, совершенно неверно и сводить геном, его хранение и трансляцию к одной единственной молекуле ДНК. Опять-таки, не вдаваясь в подробности, хранение и развертывание генной информации можно представить себе следующим образом — рис. 48.

⁶По известному определению Ф. Энгельса.

Адекватная трансляция такой многоярусной информационной системы сопряжена с множественными ошибками. Ошибочно оттранслированный фенотип, соответственно, может являться причиной неверного развития. Если такая ошибка произошла в зоне «личной истории» конкретного человека (или даже в зоне его внутриутробного развития), коррекция сравнительно не сложна, хотя требует определенных усилий (прежде всего, воление «вдоль вектора» личной эволюции). Однако, возможно, что ошибка произошла еще на уровне генома родителей (или много поколений назад) и закрепились в нем¹⁷ — в этом случае коррекция много сложнее и требует специальных техник.

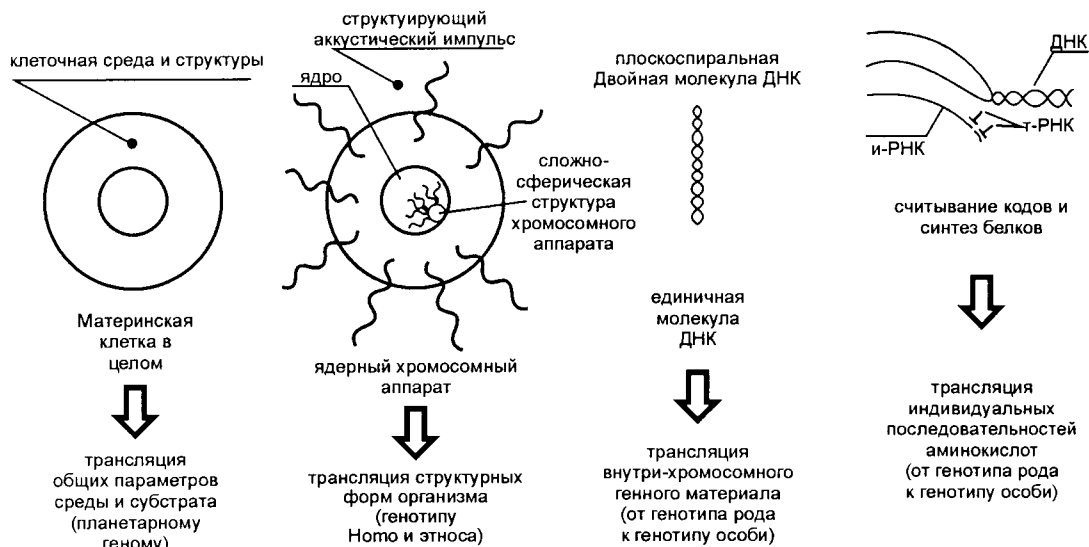

Рис. 48 Ярусы организации генома

⁴⁸Сейчас много разговоров о «родовой карме» и т. д. — большинство из них, по меткому выражению одной современной индусской религиозной писательницы, относятся к разряду «карма-колы», поп-культурного суррогата по мотивам восточной эзотерики. То, о чем мы говорим здесь, тем не менее, можно интерпретировать именно как некий аналог «кармы рода», «родового проклятия» и т. п., изложенный в рамках современной парадигмы. В этом смысле такая «карма» требует определенной «отработки» в процессе целенаправленной «личной эволюции».

ГЛАВА IV Ч. 1

Все же, она возможна, поскольку, во-первых, геном представляет собой единую целостную структуру, наделенную мощными механизмами адаптации и автокоррекции, которые необходимо лишь подключить, а, во-вторых, всегда возможно прибегнуть к внешнему нормализующему воздействию — в качестве такового может выступать как деятельность высокорезализованных носителей Активного Сознания, так и комплексное воздействие среды — социальной, культурной, природной, — или, наконец, Единое Информационное поле Вселенной.

Одним из традиционных способов «включения» и «коррекции» фенотипа является работа с чакрами. Дело в том, что их «раскрытие» может быть соотносено со ступенчатым развитием человеческого существа, связанным, во-первых, с углублением центра осознания, во-вторых, с расширением наследственной базы генотипа и ликвидацией ошибок трансляции, в-третьих, с дальнейшим углублением центра осознания и т. д. Именно в этом аспекте — аспекте «личной истории» и «личной эволюции» роль чакровой системы как интеграторной системы человеческого существа наиболее показательна. Мы не считаем своей целью давать какие-либо конкретные указания по поводу работы с чакрами. В мире существует множество подобных техник, разработанных разными школами йоги, цигуна и буддизма ваджраяны — желающие могут обратиться к соответствующим источникам. Отметим лишь, что традиционные техники, в любом случае, не предназначены для работы самостоятельно, на основе одних только книг. Такие практики могут быть даже опасны. Они изначально были ориентированы на изустную передачу традиции и требуют контроля опытного наставника.

Структурная психосоматика располагает другими методами. Они ориентированы не прямо на чакры, а на такие структуры, как логические уровни сознания, телесные зажимы и т. д., однако, чакры играют и здесь существенную роль — феномены, связанные с их активизацией, могут служить надежными маркерами происходящего, знание закономерностей «личной истории» и чакр, связанных с отдельными ее этапами, позволяет надежнее диагностировать психотравмы и связанные с ними соматические расстройства и т. д. Об этом мы подробно расскажем в разделах, посвященных соответствующим техникам.

1. СТРУКТУРНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В ДРЕВНЕВОСТОЧНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ И ЭЗОТЕРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Центры «тонкого» тела человеческого существа, получившие в индийской традиции название «чакр» (санскр. «колесо») были известны еще в древнем Египте. В Китае они изучались как «даньтяни» («киноварные поля»), а в каббале сопоставляются с древом сиферот. С другой стороны, связанные с даньтянями акупунктурные каналы цзин-ло и акупунктурные точки задолго до Китая изучались в индоарийской традиции — в частности, в Индии они были, соответственно, известны под названиями «нади» и «мапра»⁴⁸ (известны они были также и в традиции древнеславянской).

⁴⁸Древнейший китайский трактат, упоминающий о каналах и точках и дающий развернутую концепцию лечения методом акупунктуры (чженьцзяо) относится к III веку до нашей эры. Это «Хуанди Найцзинь». Вместе с тем входящий в корпус источников Аюрведы индийский трактат «Искусство иглоукалывания» относится примерно к XI-X вв. до н. э.

Указания традиций весьма схожи между собой, однако между ними существуют различия, анализ которых сам по себе интересен и, кроме того, представляет для нас несомненную ценность. Исходя из этого, мы сравним наиболее разработанные древнекитайскую и древнеиндийскую систему и дополним, в заключение, наш анализ представлениями каббалы, едва ли в достаточной мере знакомыми отечественному читателю.

Индийская традиция представлена двумя ветвями, весьма близкими в своих указаниях по данному вопросу между собой — йогической и тантрической. Китайская более разнородна: на первый взгляд, каждая школа цигуна имеет собственную концепцию; кроме того, медицинская традиция и традиция цигуна расходятся в деталях по вопросам акупунктурных каналов и точек.

Согласно индийским источникам, чакр семь; они представляют собой вихревые конические образования нематериального характера, широким основанием выходящие на переднюю поверхность тела, а вершиной «падмой» (т. е. «лотосом») укорененные в позвоночнике. Падмы являются управляющими центрами чакр. Каждой чакре присущи свои вибрационно-ритмические характеристики — цвет, звук, стихия и т. д.; они изображаются в виде кругов с определенным числом лепестков, символизирующих «тонкие энергии». Кроме того, чакрам приписывается определенный «знак», «солнечная» или «лунная» природа или, что то же самое, принадлежность к «женской» силе «йони» или «мужской» силе «линга».

С чакрами связаны каналы «нади» и активные точки — «мапра». Нади известно несколько сот тысяч (по другим данным, 64 тысячи) — часть из них совпадает с китайскими цзин-ло и май (китайская традиция рассматривает 20 каналов — другие нади ею игнорируются). Важнейшие нади — Ида, Пингала и Сушумна связаны с чакрами и участвуют в их интегративной деятельности как своеобразные волноводы; другие нади связаны с органами и частями тела и активными точками.

Таким образом, мы имеем систему, которая легко «читается» с точки зрения представлений структурной психосоматики (рис. 49): действительно спирализованный конусообразный вектор представляет собой фрактальную базу антропоферы; с другой стороны, семь поворотов этого вектора образуют семь уровней развертывания.

Чакры связаны с каналами (нади) — через предпоследний уровень развертывания (второй структурный уровень), поскольку каналы — это линейно-векторные образования, и с активными точками мапра, а также анатомическим субстратом (непосредственно чакры связаны с позвоночником, нервными сплетениями и железами внутренней секреции, а через каналы — с другими органами и тканями тела) — через последний уровень (первый структурный уровень) — уровень точечных образований. Показательно и направление ориентации первой и седьмой чакр — седьмая чакра (Сахасрара) не принадлежит собственно человеческому существу, она расположена над головой и проецируется в макушку; первая чакра падмой расположена на основании позвоночника и так же направлена основанием вниз (рис. 50). Помимо семи главных чакр существует множество дополнительных, например, в центре ладоней, в центре стоп и т. д., которые производны по отношению к главным и являются проекциями более глубоких уровней.

Среди множества нади три имеют центральное значение. Это Сушумна, проходящая внутри позвоночного столба, соприкасающаяся с падмой каждой из чакр, а также Ида и Пингала, начинающиеся на уровне первой чакры и двойной спиралью обвивающие Сушумну. Они сходятся на уровне Аджны с Сушумной, причем Ида, начинающаяся слева и воплощающая женское начало, противопоставлена Пингале, начинающейся справа и воплощающей начало мужское.

Но наиболее значение имеют психофизические и «тонкие» свойства чакр, а также знаки присущих им «энергий». Прежде, чем разобрав этот вопрос, а также следующие за ним вопросы соотношения чакровой системы с уровнями структурной организации, вернемся к китайской традиции. Здесь, повторяем, господствует видимая пестрота и разноречие свидетельств — разные школы цигуна (и даже разные ответвления школ) говорят о разном числе даньтяней и разном их расположении. Приведем конкретные примеры.

Школа медицинского цигуна⁴⁹ в передаче Чжан Минъю и Сунь Синьюаня⁵¹ утверждает, что существует три даньтяня:

- ◆ нижний в точке хуэйинь,
- ◆ средний в точке цхай,
- ◆ верхний в точке иньтан.

⁴⁹При видимом множестве систем и методик все практики цигуна относятся к пяти школам: Даосской, Буддистской, Конфуцианской, Медицинской и Школе бокса.

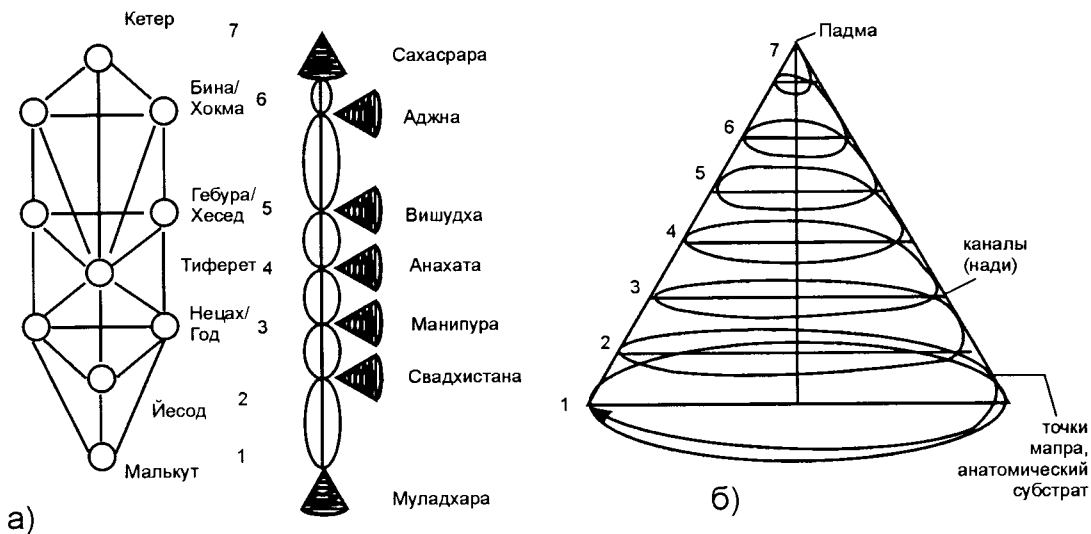

Рис. 49 Структура чакры и система семи чакр
 а) система из семи чакр
 б) структура чакры

Даосская школа, изотерическую ветвь которой представляет собой часто упоминаемое нами система Чжун Юань Цигун, свою главную цель видит в укреплении «равно как тела, так и души». Здесь медитативные практики и техники работы с ци и телом равнозначны, лозунг школы: «культивировать как жизнь, так и природу».

Техника Буддистской школы сосредоточена на области ментального (или психического), телесные практики малозначительны — девиз школы: «делать акцент на успокоение ума» (под термином «ум» понимается сумма психических процессов, проявлений и феноменов, за исключением собственно сознания).

Медицинская школа сосредоточена на использовании цигуна в целях лечения и регуляции здоровья.

Школа бокса (т. е. Тайцзицюань) отдает предпочтение воспитанию навыков психической защиты и атаки, «энергетическим» методам единоборства.

Техники Конфуцианской школы лежат в области «регуляции ума», достижения «человечности» (жэнь), «культирования моральных качеств и честности». Ее цель — достижение состояния «отдыха, умиротворенности и стабильности»⁵⁰.

⁵⁰Zhang Mingwu, Sun Xingyuan, «Chinese Qigong Therapy», Jinan, 1985. Техники, описанные Чжан Миньву и Сунь Синьюанем восходят также к Даосской и Буддистской школам.

В системе Тайцзи цзюю юнь дань чун, восходящей к линии У дан Даосской школы в передаче Хэ Цзяньсиня⁵¹ говорится также о трех дантянях, но они иные:

◆ нижний в точке хуэйинь,

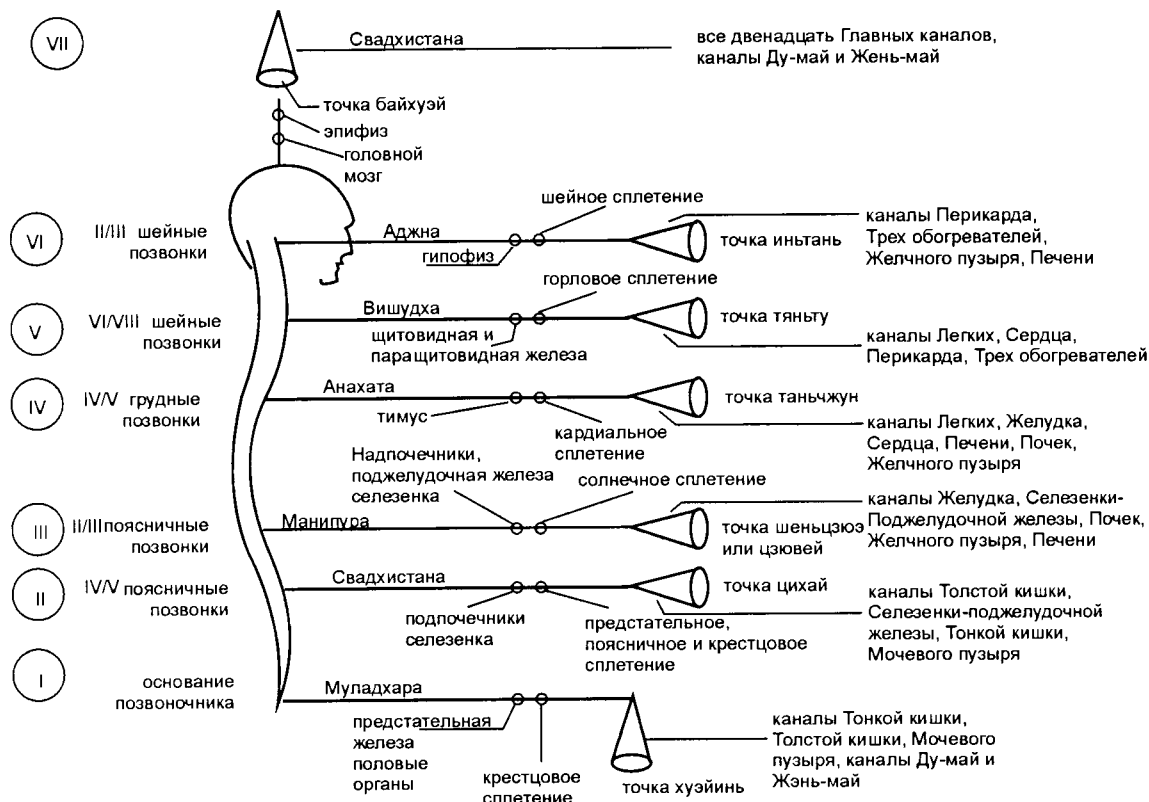

Рис. 50 Периферические связи чакр

- ♦ средний в точке цихай,
- ♦ верхний в точке таньчжун.

⁵¹Журнал «Цигун и спорт», № 1, 1991.

ГЛАВА IV Ч. 1

Другой известный мастер, чья практика восходит к медицинской и даосской школам, Лю Хаошень, излагал методику тяньжусской системы цигуна⁵², говорит о следующих трех даньтянях:

- ♦ нижнем в точке цихай,
- ♦ средним в точке таньчжун,
- ♦ верхнем в точке иньтан.

⁵²Журнал «Цигун и спорт», № 2, 1991.

Два других мастера, восходящих к разным школам – глава школы Чжун Юань Цигун, Суй Миньтан⁵³ и вышедший из Буддистской школы врач У Вэйсинь⁵⁴ говорят о пяти даньтянях:

- ♦ в точке хуэйинь,
- ♦ в точке цихай,
- ♦ в точке цзювэй,
- ♦ в точке таньчжун
- ♦ в точке иньтан,

⁵³В личной беседе.

⁵⁴В личной беседе, см. также книгу «Источники информации», СПб, 1994.

Причем Суй Миньтан говорит, что эта система скрытая, внутренняя, а У Вэйсинь уточняет, что «на самом деле даньтянь в точке цзювэй расположен между почек а указанная точка представляет собой лишь его проекцию на внешней поверхности тела».

Добавим к этому, что мастера говорят и о выделенности и важности точек тяньту и байхуэй и попробуем свести сказанное (а также данные других источников, о которых мы не упоминаем) в

единую схему – таблица 1. Получается, что в разных системах цигун говорится об одних и тех же даньтянях, которые совпадают с чакрами⁵⁵, однако не все они упоминаются одновременно.

⁵⁵Даньтяни, подобно чакрам, рассматриваются как станции накопления, трансформации и распределения ци (аналога праны).

Такая разница между китайской и индийской традициями легко объяснима – ее причины в разных целях, которые ставятся перед адептами. Цели индийских школ – духовное совершенствование и медитативные практики; цели школ китайских – укрепление здоровья, развитие психофизических качеств, а уже затем (и как следствие) – духовное развитие. Поэтому в описаниях даже духовных практик (такой, например, является упомянутая система Тайцзицзыюнь дань гун) упоминаются не все даньтяни, а лишь те, с которыми непосредственно должен работать адепт. Полная система из пяти даньтяней давалась лишь при глубоком посвящении и составляла эзотерическую часть учения. При этом, с разными даньтянями связывались особые разновидности ци. Не вдаваясь в тонкости терминологии (в целом, достаточно разноречивой)⁵⁶, приведем, основываясь на указаниях Суй Миньтана и У Вэйсиня, общую схему:

⁵⁶Сам термин «цигун» стал использоваться в отношении всех родственных школ практик лишь в 1956 году.

- ♦ точка хуэйинь – родительская ци (т. е. сексуальная);
- ♦ точка цихай – питательная ци
- ♦ точка шэньцзюэ или цзювэй – наследственная ци (или изначальная ци – юань ци);
- ♦ точка таньчжун – духовная ци;
- ♦ точка иньтан – космическая ци.

К внутренним знаниям относились и сведения о Сахасраре – тысяччелестковом лотосе. Так, в эзотерической системе буддистской школы таймигун подробно описывается «развитие» и «построение» вихревого конуса над макушкой, центр которого проецируется в точку байхуэй.

Резюмируя, можно сказать, что китайская традиция говорит о тех же самых сущностях, что и индийская, но в индийской, в силу

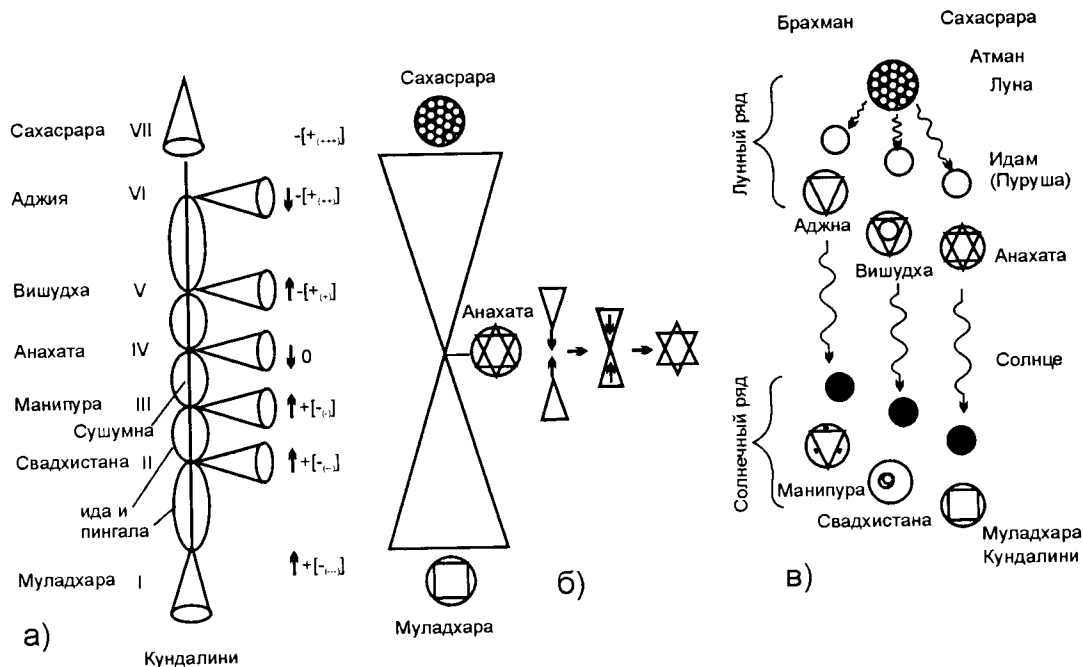

Рис. 5L Структурные особенности чакровой системы по традиционным индийским источникам:

а) знаки чакр

б) Сахасрара и Муладхара как отражение друг друга

в) солнечный и лунный ряды

специфики ведической, а далее индуистской культуры, этот вопрос оказался разработан более подробно и более подробно освещен. Напротив, вопросы, связанные с периферическими образованиями, подчиненными чакрам-даньтянями, каналами и акупунктурными точками оказались более подробно разработаны в китайской традиции – также вследствие ее большей прагматичности и прикладной направленности. В Индии использовалось не более половины известных уже в достаточно ранних трудах китайских медиков (например, в написанном в 1026 г. «Тун жэньшу огоэ ижэньцзю» – «Атласа точек бронзового человека», – где впервые корпоральные точки распределены по 12 каналам).

Отдельно следует разобрать вопрос о разночтениях при определении локализации Манипуры. Во-первых, относительно расположения пады этой чакры между II и III поясничными позвонками источники не расходятся. Китайская версия о локализации этого даньтяня между почками также совпадает с индийской традицией. Что же касается локализации основания конуса – в пупке или солнечном сплетении, то такой разницей связан с тонкостями медитативной практики разных школ. Более ранние источники (и вообще большинство источников) говорят о пупке, поздние – часто и о солнечном сплетении. Но, во-первых, основание чакрового конуса имеет далеко не точечные размеры, а, во-вторых, здесь речь идет о практике концентрации на одном из подчиненных Манипуре анатомических образований – солнечном сплетении.

Итак, вернемся к вопросу об «энергетике» чакр. Рассмотрим структурные свойства системы чакр, связанные с «лепестками», «знаками» и другими известными в традиции закономерностями (рис. 51). Здесь следует иметь в виду следующие моменты:

* знак чакры (плюс или минус) означает направления вибрационного потока. В этом смысле верхняя чakra представляет собой «вход» человеческого существа, направленный к Космосу или Абсолюту (Брахман), нижняя чakra – «выход», направленный к Земле или «мертвой природе» (Пракрити). Именно поэтому обычно верхние три чакры отмечают знаком «минус» – «впитывание» высших вибраций, а нижние три – знаком «плюс» – «подпитка» низших по отношению к человеку вибраций. Такое определение знака дается «извне» человеческого существа. При взгляде «изнутри» три верхние чакры помечаются знаком «плюс» как максимально «наполненные» высшими вибрациями, а три нижние – знаком «минус» как преимущественно «грубовибрационные» (такая интерпретация тоже встречается – на рис. 51 она дана в квадратных скобках). В любом существе (она и связана с «сердцем»), местопребывание личной проекции Бога (идама или Пуруши);

* триада Сахасрара («высший» по отношению к человеку уровень) – Анахата (отражение Сахасрары в «центре» человеческого существа, местопребывания Пуруши) – Муладхара (второе отражение Сахасрары, базовая матрица «низшего» по отношению к человеческому существу мира) имеет первенствующее и выделенное значение;

* могут быть выделены чакры Муладхара – Свадхистана (сексуальные вибрации), Манипура – Анахата (вибрации дживы-души) и Вишудха – Аджна («духовные» вибрации);

* ряд Солнечных чакр на низшем уровне повторяет Лунный ряд (так, Анахата так же связана с сексуальностью, как и Муладхара, но на «очищенном» уровне).

Все отмеченные особенности вполне объяснимы и ожидаемы в рамках представлений структурной психосоматики, точно так же как и «вибрационные» ряды, свойственные чакрам – цветовой:

- ◆ Муладхара – красный цвет;
- ◆ Свадхистана – оранжевый цвет;
- ◆ Манипура – желтый цвет;
- ◆ Анахата – зеленый цвет;
- ◆ Вишудха – голубой цвет;
- ◆ Аджна – синий цвет;
- ◆ Сахасрара – фиолетовой цвет;

и звуковой:

- ◆ Муладхара – ля;
- ◆ Свадхистана – си;
- ◆ Манипура – до;
- ◆ Анахата – ре;
- ◆ Вишудха – ми;
- ◆ Аджна – фа;
- ◆ Сахасрара – соль и т. д. – во всех случаях наблюдается фрактальное сокращение длины волны.

ЧАКРЫ

III	III	IV	I	II	III	IV	I	III	I	V	V
IV	IV	V	II	III	IV	V	II	IV	II	VI	VI
VI	VI	VII	VII	VII	VII	VII	VII	VII	VII	VII	VII
VII	VII										

ГЛАВНЫЕ КАНАЛЫ (ОРГАНЫ ТЕЛА)

ПЕЧЕНЬ	ЖЕЛЧНЫЙ ПУЗЫРЬ	СЕРДЦЕ	ТОНКАЯ КИШКА	СЕЛЕЗЕНКА, ПОДЖЕЛУДОЧНАЯ ЖЕЛЕЗА	ЖЕЛУДОК	ЛЕГКИЕ	ТОЛСТАЯ КИШКА	ПОЧКИ	ТРИ ОБОГРЕВАТЕЛЯ	ПЕРИКАРД	МОЧЕВОЙ ПУЗЫРЬ
--------	----------------	--------	--------------	------------------------------------	---------	--------	---------------	-------	------------------	----------	----------------

ТКАНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ТЕЛА

связки, суставы	сосуды	мышцы	кожа	кости волосы
--------------------	--------	-------	------	-----------------

Здесь, однако, мы сталкиваемся с определенной трудностью, которую, отмечает, например, И. Серов⁵⁷, делая, однако, не совсем верные выводы: «Ни разу ни в одном издании положение «чакр», в котором они описываются, не соответствовало действительности».

⁵⁷И. Серов «Аналитическое программирование информационно-обменных процессов активных биологических форм», www.aires.spb.ru

ГЛАВА IV Ч. 1

Очевидно, что форма должна разворачиваться в соответствии с натуральным рядом:

1, 2, 3, 4, 5, 6, 7.

«Отсюда элементарно, зная фиксированные точки базиса двух любых фазовых центров (чакр), например, Аджны (гипофизальный отдел) и Вишудхи (яремная впадина), построить полную форму со всеми оставшимися ярусами». Опираясь на данные китайских источников, в которых хорошо изучены пропорции тела в «пропорциональных цунях»⁵⁸, мы можем определить расстояние между падами чакр – в результате неожиданная последовательность:

⁵⁸Пропорциональный цунь является индивидуальной мерой длины. Он равен расстоянию между складками на первом суставе полусогнутого указательного пальца руки (левого – у мужчин, правого – у женщин). В 1950-е годы для удобства практиков чжэньцзю каждая часть тела была поделена на стандартное количество равных отрезков, каждый из которых и составляет пропорциональный цунь. Для практического применения этой системы используются специальные поправочные коэффициенты, учитывающие индивидуальные особенности телосложения и специальные линейки из гибкой резины.

5(?), 5, 5, 13, 4, 7 (если считать от Сахасрары к Муладхаре).

Такую же «рваную» последовательность мы получим, если сравним расстояния между точками проекций оснований чакровых конусов. Между тем, в индийской традиции известны представления о зонах чакр, магистралях свободной праны и индикаторных точках, используемых для диагностики состояния чакр – их пропорции вполне соответствуют натуральному фрактальному ряду, причем все чакры, кроме Муладхары, попадают в свои зоны (рис. 52)⁵⁹.

⁵⁹Муладхара и является своеобразной проекцией стоп, «нижнего полюса» тела.

Рассмотрим теперь указания каббалистической традиции. Здесь Древо Сиферот соотносится со структурой человеческого существа (рис. 53)⁶⁰.

⁶⁰Указания каббалистической традиции приводятся в соответствии с разъяснениями хасидского ребе Файлы Соловья (личные беседы), а также по книге современного православного богослова, психотерапевта, математика и специалиста по каббале Анник де Сюзенель «Символизм человеческого тела» и традиционным источникам.

Связи внутри Древа Сиферот многочисленны и сложны. Для нас интересно выделить некоторые из них:

- * горизонтальные унарные или бинарные уровни, которые можно соотнести с чакрами;
- * три треугольника – Разума, Красоты, Основания;
- * три колонны – Правосудия, Милосердия, Красоты.

Пары сиферотов бинарных уровней, по сути, составляют единое целое – как полюса магнита. Это и есть полюса, образующие три колонны, соотносимые – левая, т. е. соответствующая правой стороне тела (колонна Правосудия), с мужским или «принципом», и правая т. е. соответствующая левой стороне тела (колонна Милосердия), с женским или «силой»; третья, центральная (колонна Красоты), есть синтез первых двух по принципу:

колонна Правосудия

колонна Красоты

колонна Милосердия

и

колонна Правосудия + колонна Милосердия = колонна Красоты.

Эти боковые колонны соотносятся также с колоннами у входа в Иерусалимский Храм – Бохаз и Йецзин, – а центральная – с входом в Храм.

Три треугольника представляют собой как бы локальные циклы: анализ – синтез – синтез.

Нижний сиферот, Малькут, как бы «размазан» от половых органов до стоп (рис. 54).

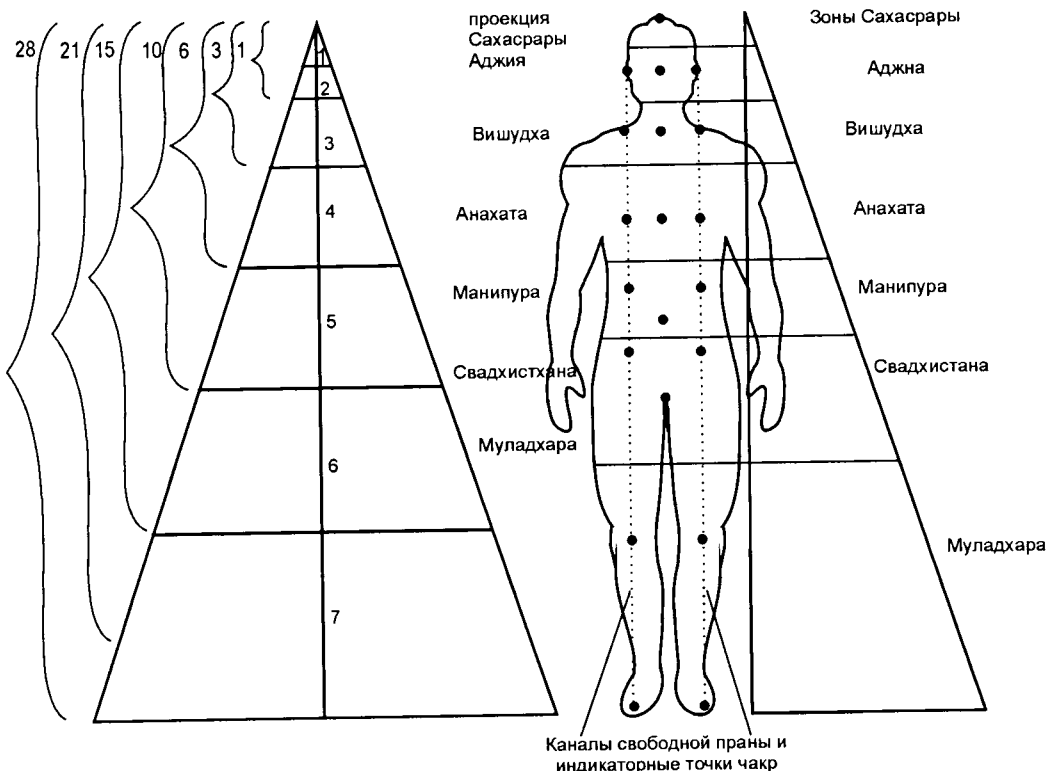

Рис. 52 Индикаторные точки и зоны чакр

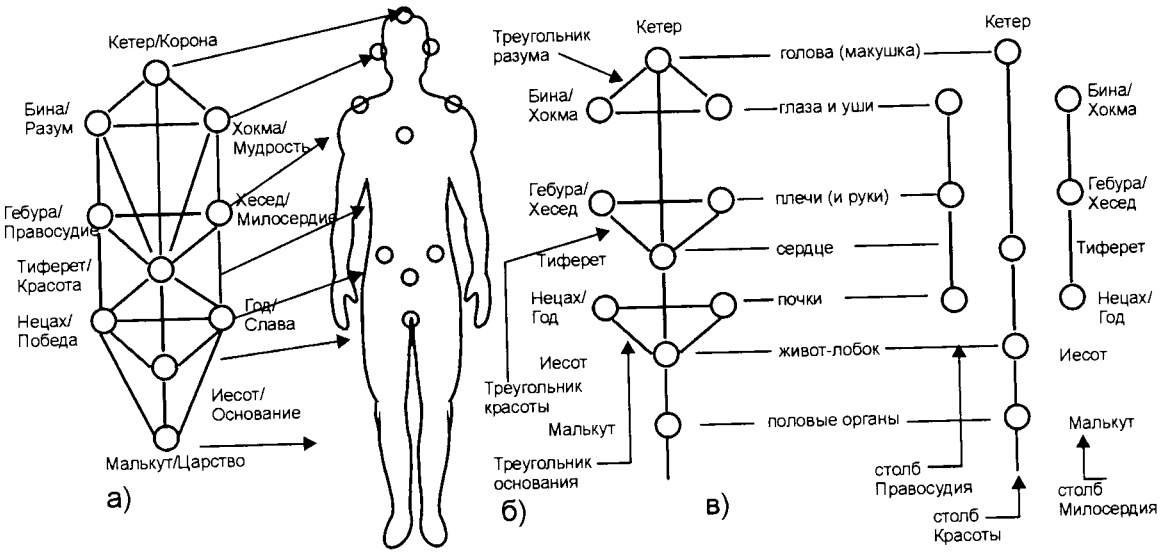

Рис. 53 Человек как Древо Сефирот
а) общая схема
б) треугольник
в) три колонны

Кроме связей первого уровня (между соседними уровнями и по горизонтали) в Древе Сефирот выявляются и вторичные связи (через уровень). Без комментариев мы укажем их на (рис. 55). Обратим внимание, что и здесь особое положение занимает сердце (Тиферет – Красота или Анахата), что находит дальнейшее развитие и в православной практике «умного делания»⁶¹.

Суть ее заключается в том, что в зоне приборного наблюдения мы можем фиксировать определенные частицы, наделенные некоторой энергией. Поскольку, во-первых, энергия квантована, а, во-вторых, в соответствии с т. н. статистикой Ферми, в одном и том же состоянии (т. е. место + набор квантовых чисел, определяющих энергию, заряд, спин и т. д.) может находиться только одна частица, мы можем распределить все частицы по энергетическим уровням, кратным постоянной Планка, начиная от уровня энергии $E=0$. В связи с тем, что средняя термодинамическая температура в разных областях различна, что происходит постоянный обмен энергией между различными областями (т. е. энтропия не

⁶¹ Малоизвестная практика психофизического тренинга, включающая в себя приемы концентрации, дыхательные техники и т. п. Один из приемов – постоянное мысленное чтение Иисусовой молитвы («Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешного...»), сопровождаемого концентрацией на области центра сердца, которое представляется местопребыванием Бога.

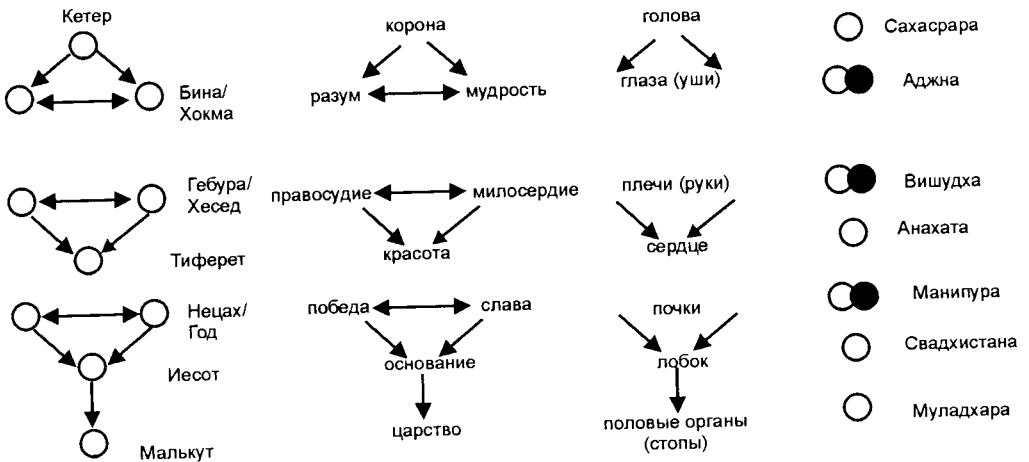

Рис. 54 Основные структурные связи Древа Сефирот

2. О ФЕНОМЕНЕ ЭНЕРГИИ

Мы утверждали, что энергетические и информационные феномены, относящиеся к разным структурным уровням организации, находятся в обратной пропорциональной зависимости, причем насыщенность информационных потоков прямо пропорциональна номеру структурного уровня. Следует пояснить, в каком именно смысле сделано это утверждение.

нулевая или, иными словами, термодинамическая «смерть» Вселенной не наступила, эти уровни, включая самый нижний (будем называть его «1», а более «высокие» – «2», «3», ... «n» ... и т.д.), никогда не будут заполнены полностью или равномерно. Существуют ли какие-либо уровни ниже «нулевого»?

Рассмотрим уже упомянутую нами модель – «море Дирака» (рис. 56).

На первый взгляд, вопрос кажется абсурдным, поскольку таким уровням должна соответствовать энергия со значениями $E < 0$. Дирака, предложившего рассматриваемую модель, однако, занимал другой вопрос: откуда в экспериментах берутся пары «частица-античастица», возникающие в результате приложения некоторой порции энергии как бы из «ничего» по схеме:

$E \rightarrow x + \bar{x}$, где E – порция энергии, x – частица, \bar{x} – античастица?

Он предположил, что вакуум, «пустота», на самом деле, представляет собой абсолютно плотное образование с энергетическими уровнями $E < 0$ (назовем их «-1», «-2», «-3», ..., «n» ... и т. д.), они «неэнергичны» и никаким образом не воздействуют на иные предметы и процессы. Такой вакуум получил название «физического», а сама модель – «море Дирака».

ГЛАВА IV
Ч. 1

Энергетическое воздействие «вырывает» частицу из состояния, присущего «физическому вакууму» – на ее месте оказывается «дырка» – структурный изъян, который воспринимается нами как античастица. Эта пара наделена в равной пропорции тем самым количеством энергии, которое было израсходовано на ее «рождение» по известной формуле Эйнштейна:

$E=mc^2$.

Теперь нас будут интересовать некоторые следствия из описанной схемы, которая, изменившись лишь терминологически и в смысле математического аппарата, принята современной физикой.

Первое. Структурирован ли «физический вакуум»? Мы должны констатировать, что он абсолютно структурирован, т. е., в отличие от прочего Космоса, все его энергетические уровни заполнены, и заполнены полностью – ведь изъяны в этой структуре воспринимаются как античастицы и собственно вакууму уже не принадлежат.

Второе. Что значит утверждение: «частица наделена энергией» или, что то же самое, «частица не наделена энергией»? Энергия – это способность участвовать в некоторых силовых взаимодействиях, воздействовать на то или иное поле при помощи присущего частице заряда – будь то электрический, магнитный, гравитационный и т. д. заряд. С этой точки зрения, масса – это тоже определенного рода заряд, действующий на гравитационное поле, причем, заряд особого рода, поскольку именно ему пропорциональна энергия в формуле Эйнштейна. Все остальные заряды могут быть сведены к массе еще и потому, что любое поле обладает некоторой массой (кванты любого поля вещественны).

Таким образом, частица, обладающая энергией, обладает зарядами и, прежде всего, массой, которые делают ее различимы относительно физических полей; частица, лишенная энергии, не обладает зарядами и массой. Но это не значит, что ее не существует, что она – просто «ничто».

Мы говорили о материи, в ходе гравитационного коллапса сжавшейся за пределы «сферы Шварцшильда». Если такое сжатие происходило без каких-либо аномалий, «частица» (мы применяем этот термин в данном случае условно, поскольку коллапсирующая область в

материальном плане может быть соразмерной всей наблюдаемой Вселенной) не будет обладать никаким наблюдаемым зарядом и в т. ч. массой, не будет участвовать в силовых взаимодействиях, ее энергия окажется нулевой, т. е. она скроется в «море Дирака».

Итак, мы видим, что наделенные энергией частицы – не что иное, как изъяны в структуре абсолютно плотного «физического вакуума», образования абсолютно структурированного и ненаблюдаемого лишь в результате своей энергетической индифферентности – оборотной стороны структурного совершенства.

Рассмотрим другую схему, затрагивающую иную сторону рассматриваемой нами проблемы – переход вещества из одного агрегатного состояния в другое. Ограничимся твердым, жидким, газообразными состояниями и плазмой, оставив за рамками такие случаи, как «вырождение» состояния, например, «нейтронный» кристалл, и различные подразделения плазменного состояния.

Различные агрегатные состояния вещества характеризуются, помимо прочего, количеством степеней свободы, присущих составляющим их элементам (атомам, молекулам, субъядерным частицам). «Вырожденные» состояния – это такие, у которых мы можем зафиксировать максимальное количество или полное отсутствие степеней свободы. «Нейтронным кристаллом» принято называть такое состояние вещества, когда под действием огромного давления все электроны и протоны атомов превратились в нейтроны; в таком состоянии нет атомов (поскольку нет электронных орбит вокруг ядер), нет и ядер, – по сути дела, весь «массив» нейтронного кристалла представляет собой одно, чудовищных размеров, ядро. В состоянии «нейтронного кристалла», в

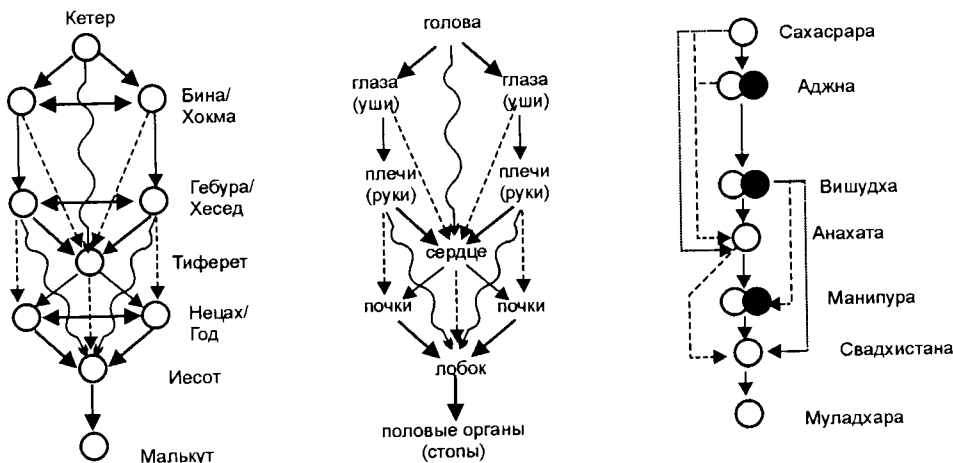

Рис. 55 Первичные, вторичные и третичные связи Древа Сефирот

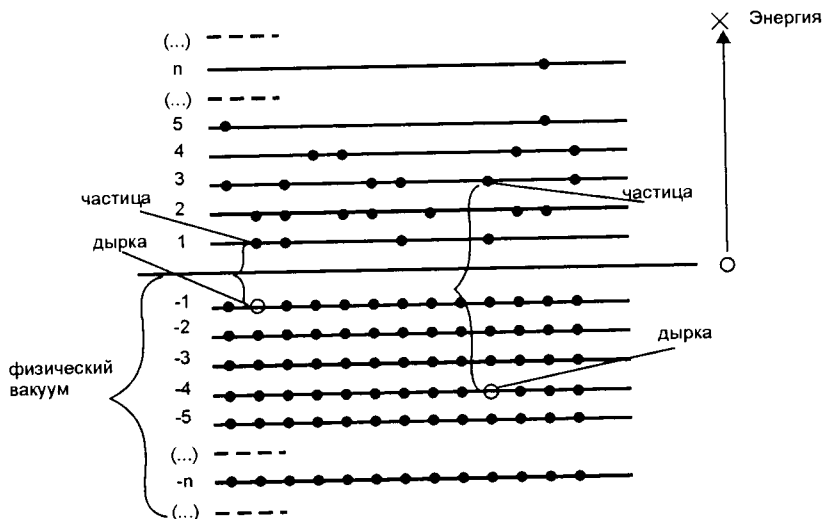

Рис. 56 «Море Дирака»

соответствии с представлениями современной астрофизики, находится вещество нейтронных звезд, масса этих образований – порядка солнечной или превышает ее. «Нейтронный кристалл» чрезвычайно строго структурирован – нейтроны подчиняются статистике Ферми, а плотность этого образования делает почти невозможным незаполненность каких-либо «квантовых ячеек» (т. е. состояний, характеризующихся, как указывалось, координатами и набором квантовых чисел). Другие примеры «вырожденных» состояний – сверхтекучий гелий и сверхпроводники (см. ниже).

Среди перечисленных, твердое состояние обладает наименьшей средней термодинамической температурой и наибольшей степенью структурной организации – кристаллической решеткой (обладающей и «дальним», и «ближним» порядком). Если мы добавим такой системе энергии извне, то до определенного момента ее средняя термодинамическая температура будет плавно расти, и структурная организация в определенных пределах сохранится; затем наступит качественный скачок, который поглотит некоторую внешнюю энергию – теплоту плавления – вещество перейдет в иное агрегатное состояние, жидкое. Жидкое состояние обладает более высокой средней термодинамической температурой и качественно более низкой степенью структурной упорядоченности – «ближним» порядком. Энергетическое воздействие повышает температуру системы вплоть до следующего скачка – кипения, – поглощающего определенную порцию энергии – теплоту кипения. Газ не обладает структурной организацией или, точнее, относительно составляющих его атомов или молекул, обладает структурой хаоса. Дальнейшее энергетическое воздействие на него влечет сперва разогрев, а затем – ионизацию – образование плазмы, где частично или полностью разрушены уже электронные оболочки атомов, т. е. нарушена структура следующего, атомарного уровня.

Таким образом, возрастание энергетической насыщенности рассмотренной нами системы неизменно влечет за собой разрушение (упрощение) ее структуры, причем разные степени организации (структуры (разные уровни) разделены качественными скачками.

Рассмотрим еще один пример – выделение энергии при разрушении сложной структуры: мы видим, что при переходе от надмолекулярного уровня к молекулярному, ядерному и субъядерному (уровню элементарных частиц) количество выделенной энергии возрастает; при этом, степень организации структуры, подвергшейся разрушению, также возрастает соответствующим образом, причем, во всех случаях необходимо преодолеть некоторый потенциальный барьер, «столкнуть» структуру на более низкий уровень (кроме тех случаев, когда распад происходит «самопроизвольно»). Такая «самопроизвольность» – кажущаяся, она связана со структурами, изначально (с момента своего образования) неустойчивыми и представляющими как бы «промежуточное звено» между структурами устойчивыми. Таковы нестабильные (радиоактивные) изотопы, нестабильные элементарные частицы, возбужденное состояние «тела» квантового генератора, перегретый пар и т. д.

Вернемся несколько назад и рассмотрим вопрос о природе возникновения заряда любого рода, а, соответственно, о природе энергии, как таковой. Анализ показывает, что, во-первых, любые силовые взаимодействия зарядов между собой носят центрально-векторную природу, во-вторых, они подчиняются закону обратных квадратов, т. е. зависят от расстояния:

$$F = k \frac{q_1 q_2}{R^2},$$

где F – сила взаимодействия, q_1, q_2 – величины зарядов, R – расстояние между ними, а k – некоторый зависящий от размерности, коэффициент пропорциональности.

Если мы далее перейдем к полевым представлениям, то обнаружим, что энергетическая составляющая поля неразрывным образом связана с разностью потенциалов между некоторыми выбранными точками.

Для того, чтобы сделать следующий шаг в наших рассуждениях, нам необходимо перейти от чистой физики к области метафизических рассуждений (в данном случае, под «метафизикой» мы понимаем не философию и не определенную, т. н. «метафизическую» методологию научного мышления, а метатеорию физики, «высшую» по отношению к «обычной» физической теории).

С этой точки зрения становится очевидно, что заряд – результат

поляризации некоторой изначально обшности, точно так же, как разные по своей природе силы – результат разделения некоторой единой силы. Эти взгляды в настоящее время нашли свое теоретическое оформление на уровне «обычной» физики в виде теории Великого Объединения⁶² и новейших космографических концепций⁶³).

⁶²Теория Великого Объединения является дальнейшим обобщением теории электро-слабого взаимодействия. Современная физика классифицирует все силы по следующему принципу: гравитационные силы, магнитные, электростатические, сильные и слабые (два последних класса относятся к ядерным и субъядерным процессам и явлениям – в их природу здесь мы не будем углубляться). Еще во времена Максвелла удалось в единых теоретических формах описать магнетизм и электричество в иде электромагнитного взаимодействия и показать, что это разные стороны одного явления. После Второй Мировой войны удалось объединить теорию слабого и электромагнитного взаимодействий, а в самое последнее время создать теорию Великого Объединения, которая с общих позиций, в качестве «разновидностей» одной и той же силы описывает все классы сил природы.

⁶³Новейшая космогония (отрасль астрофизики, трактующая теорию возникновения и эволюции Вселенной) утверждает, что в первые мгновения после Большого Взрыва, точки «пуска» процессов проявленной Вселенной, произошло последовательное выделение квантов и полей разных сил, которые, таким образом, генетически едины, что и позволяет описать их единообразно в теории Великого Объединения.

Таким образом, мы можем представить себе эволюцию проявленной Вселенной в виде следующей схемы: некоторое бесполое единство – выделение первоначальных полюсов (зарядов) – разделение изначально единых полюсных сил на ряд сил разной природы – энергетическая динамика силовых взаимодействий современной Вселенной. Возникает вопрос: сохранятся ли и сегодня в этом динамическом, пронизанном энергией и полюсным мире бесполое зоны изначальной «плотной» высокоориентированной структуры? На два типа таких зон мы можем указать сразу же – это коллапсировавшие под сферу Шварцшильда сингулярности и физический вакуум. Важно при этом, что первые – следствие самой эволюции Универсума, а второй – «остаточная часть» изначального бесполого единства. Эти утверждения мы можем переформулировать в более радикальной и явной форме:

* полнотность сил, зарждаы полей разной природы, энергетические силовые взаимодействия, вся динамика и все феномены проявленной Вселенной – изьяны первичной по отношению к ним структуры физического вакуума;

* энтропийный процесс рассеяния энергии имеет в качестве своей противоположности неэнтропийный процесс эволюции структуры, который уже во время динамической фазы существования проявленной Вселенной приводит к возникновению наделенных сложной структурой локусов.

Здесь же мы должны прояснить и еще один вопрос. При всем при том, что физический вакуум является достаточно «древним» образованием, от которого в ходе разрушения его структуры происходит вся проявленная Вселенная, он не первичен, а является результатом развертывания первичной сингулярности или, в наших терминах, Базовой Матрицы Универсума, Точки Абсолютного Нуля. Таким образом, физический вакуум представляет собой не что иное как упомянутое выше единое информационное поле Вселенной.

Теперь нас будет интересовать вопрос, в каких отношениях находятся информация с энергией, силовыми динамическими процессами и структурой. Очевидно (это не оспаривалось и марксистско-ленинской теорией), что категория информации нематериальна. Одна и та же информация может быть связана с разными носителями и передана разными сигналами. Например, информация, содержащаяся в последовательности:

0, 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7

может быть передана также двоичным кодом:

000,001,010,011,100,101,110,111

при помощи расположенной в неканоническом порядке последовательности триграммы.

При помощи любых материальных объектов и процессов, любых знаков и символов, любых идей и абстрактных категорий, образующих в совокупности структуру, тождественную структуре передаваемой информации⁶⁴.

⁶⁴Строго говоря, такая система обычно несет и другую информацию – важно, что ее структура в качестве составной части включает и передаваемую информационную структуру (так, смысловое или информационное содержание приведенных нами в качестве примера знаковых рядов – триграмм, последовательности чакр – выходит за рамки числового ряда от нуля до семи). Мы не будем здесь углубляться в этот вопрос, который заставил бы нас разбираться в тонких проблемах «количества» и «качества» информации, которые ставятся в современной кибернетике и смежных науках.

ГЛАВА IV Ч. 1

В этом и заключается суть дела: информация связана со структурой и безразлична к способу фиксации, передачи или хранения, к веществу или энергетическим феноменам, связанным с понятиями «носитель информации» или «информационный сигнал».

Более сложная структура всегда способна передать большее количество информации, более информационно насыщена (рис. 57).

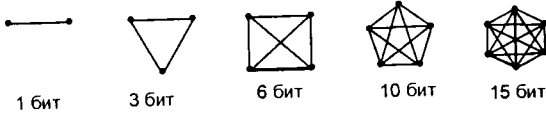

Рис. 57 Количество информации, которая может быть передана при помощи связей между N точками (по принципу: одна связь – один бит)

В случае качественного изменения сложности организации структуры мы сталкиваемся с качественным изменением плотности информации или информационной насыщенности, причем каждому уровню сложности мы можем соотнести одну из пяти фрактальных баз.

Информационно-обменное взаимодействие всегда связано с информационным сигналом, поэтому нас должен интересовать вопрос о зависимости такого сигнала от энергетического потока. Очевидно, что одна и та же информация может быть передана сигналом любой интенсивности. Именно малые и сверхмалые сигналы характерны для объектов, обладающих очевидно наиболее сложной структурой. Таковы, например, биологические объекты и человек. В связи с этим, сегодня явно обозначился интерес научных кругов к этой зоне явлений, прежде оставшихся вне их

поля зрения. Это сказывается, как и во всех подобных случаях, и на уровне языка. Так, наименование до недавних пор передовой научной дисциплины чаще бытовало в форме «физики высоких энергий», нежели «физики элементарных частиц», хотя первое название более связано с инструментарием, а второе – с предметом изысканий. Общий структурный кризис, поразивший западную цивилизацию на рубеже 1970-80-х годов нашего века принято называть «энергетическим» кризисом, и многие даже ограничивают его именно кругом энергетических проблем, оставляя «за кадром» иные составляющие – экологическую, популяционную, культурологическую, социально-политическую (например, проблему «Север – Юг» или «развитые страны – третий мир», которая, несомненно, скажется, и уже сказывается, в самом близком будущем) и др. Мы говорим об «энерговооруженности», «энерго-сберегающих технологиях» и т. д.

В настоящий момент отношение к проблеме меняется – главным образом, как следствие растущей распространенности компьютерных технологий, для которых проблемы собственно энергии оказываются несущественными.

На I Международном Конгрессе «Малые и сверхмалые поля и взаимодействия в биологии и медицине» (СПб, 1997) итоговая дискуссия была посвящена теме «Существуют ли пороговые значения?» Иными словами, существует ли такая минимальная интенсивность сигнала, ниже которой биологический объект не воспринимал бы его. Итог дискуссии, парадоксальный для одних участников и тривиальный для других⁶⁵, был, тем не менее, однозначным: пороговых значений не существует, т. е. для биологических объектов нет таких минимальных интенсивностей информационного сигнала, ниже которых информация перестает передаваться или восприниматься.

⁶⁵Новым он оказался для ученых, имеющих, по преимуществу, опыт в традиционно считающихся «научными» областях знания, и тривиальным для тех, кто работал с «паранормальными» явлениями, в области восточной и народной медицины или просто на практике, как врач или экспериментатор, мог наблюдать живые биологические объекты без априорных, обусловленных господствующей парадигмой, схем. Действительно, если, например, эффект от воздействия аллопатических лекарств зависит от их дозы, то в гомеопатии это не так – она использует, зачастую, необнаружимые аналитическими методами концентрации. Но, между прочим, такие воздействия, вошедшие в практику «официальной» медицины, как вакцинация, тоже зиждятся на «гомеопатических» принципах. А каково энергетическое воздействие психотерапии?

№	Название чакры	Название точки	Перевод названия	Канал	Индекс	Локализация
I	Муладхара	Хуэйинь	Половая точка	Жэнь-май	VC1	Между половыми органами и анальным отверстием
II	Свадхистхана	Цихай	Море энергии	Жэнь-май	VC6	На полтора цуня ниже пупка
III	Манипура	Шэньцзюэ Цзюээй	Божеств. граница Хвост голубя	Жэнь-май Жэнь-май	VC8 VC15	В центре пупка На полцуня ниже мечевидного отростка грудины
IV	Анахага	Таньчжун	Середина груди	Жэнь-май	VC17	На груди посередине линии, проведенной между со сками на уровне 4-го межреберья
V	Вишудха	Тяньгу	Небесный проход	Жэнь-май	VC22	На 0,7 см выше верхнего края яремной вырезки грудины
VI	Аджнан	Иньган	Линия лба	Внемерид.	PC3	В центре площадки между началами бровей над переносьем
VII	Сахасрара	Байхуэй	Стокр. сборщик	Ду-май	VG20	На 4,5 цуня кзади от передней границы начала волосистой части головы, посередине между вершинами ушных раковин

Одновременно, опираясь на предыдущие рассуждения, мы можем сказать, что именно зона слабых и сверхслабых полей указывает на высокую организацию структуры их источника, близость формуле:

$$\mathcal{F}^n + \mathcal{J}^n + \mathcal{Z}^n + \dots + \mathcal{H}^n = 0,$$

выражающей сбалансированность всех динамических проявлений и возможность сохранения гомеостатической стабильности структуры⁶⁶, характерной для живых организмов.

⁶⁶Гомеостазис – это основной принцип существования биологических объектов. Он представляет собой способность сохранять динамическое равновесие и постоянство внутренней среды и всех протекающих в ней реакций в широких пределах колебаний внешней среды силами самого организма.

Сделаем, однако, еще один логический шаг и зададимся вопросом, возможно ли информационно-обменное взаимодействие, которое протекает вообще без каких-либо энергообменных процессов, вне какой-либо силовой динамики?

Из области физики легко привести, по крайней мере, два примера взаимодействий такого рода, причем оба они показательны с точки зрения проводимого нами подхода. Мы имеем в виду явления сверхтекучести и сверхпроводимости, которые проявляются в зоне, близкой к абсолютному нулю температур, т. е. минимальной энергетической интенсивности, и относятся к вырожденному состоянию вещества. Эффект сверхтекучести, т. е. отсутствия вязкости (внутреннего трения) в жидком гелии вблизи точки абсолютного нуля температур, объясняется образованием между далеко (на десятки межмолекулярных дистанций) отстоящими друг от друга парами атомов гелия связей, проявляющихся далее таким образом, что в квантовомеханическом смысле эти пары действуют как единое целое. Эти связи образуются без какого-либо энергетического обмена, но предполагают информационно-обменное взаимодействие, поскольку члены пар «знают» о координатах и состоянии друг друга. Аналогичные ансамбли образуют электроны в сверхпроводнике, что и объясняет падение до нуля сопротивления электрическому току при охлаждении полупроводника ниже некоторого порогового значения.

Повышение средней термодинамической температуры сверхтекучего гелия или сверхпроводника выше пороговой точки приводит к возникновению паразитных температурных движений, разрушающих соответствующую структуру, т. е. бессистемная динамическая активность и в этом случае оказывается причиной падения сложности степени организации структуры.

Представляется очевидным или, по крайней мере, весьма вероятным, что многие т. н. «паранормальные», «экстрасенсорные» или «парапсихологические» феномены могут быть объяснены информационно-обменным взаимодействием, не сопровождающимся каким-либо энергетическим процессом. Мы будем называть такое взаимодействие структурным резонансом и отметим, что именно он поддерживает единство структуры Универсума и трансляцию Базовой Матрицы в ходе ее развертывания.

Структурный резонанс всегда обеспечивается за счет структуры более высокого уровня, чем та, внутри которой происходит информационный обмен. В рамках Универсума «посредником» структурного резонанса, его средой является информационное поле Вселенной (физический вакуум⁶⁷).

⁶⁷ Действительно, из самых общих соображений, ясно, что даже любое энергетическое воздействие на физический вакуум влечет за собой всю его внутреннюю перестройку: рождение пары «частица-дырка» побуждает заполнить образовавшуюся вакансию.

До сих пор мы рассматривали феномен энергии, оставаясь в рамках общепризнанных концептуальных схем, однако для нас более важно описать его в терминах Глобального взаимодействия и относительно общих структурных представлений.

Мы можем сделать вывод, что этапы структурной эволюции Универсума – это всего лишь наблюдаемые в разных состояниях сознания фазы «вечного» развертывания Базовой Матрицы, Абсолютного Нуля от структуры Универсального Объема к структуре Хаоса. На заключительных этапах, отнесенных в зону «реального прошлого», т. е. уже совершившегося, мы наблюдаем преобладание энергетических феноменов, на ранних этапах – информационных.

Иными словами, отнесение Большого Взрыва, точки начального образования проявленной Вселенной из бесполого единства, к некоторому «далекому прошлому» кажется нам принципиально неверным. «Пусковой момент» всех процессов и проявлений Универсума «действительно», в определенном смысле, происходит не «здесь и сейчас», но только в том смысле, что он происходит «всегда», причем обычно для наблюдателя этот процесс большей своей частью неуловим, скрыт в «будущем», а фиксации поддаются только его периферические проявления – динамические процессы, связанные с силами разной природы, и их результаты – и те, и другие, «погруженные» в море излученной энергии, энергонасыщенные и малоинформационные по своей сути. Прочее почти неразличимо по нескольким причинам: направленности вектора внимания «не в ту сторону» – к «прошлому», динамическому хаосу, а не к «будущему», структурному совершенству; неумения работать на глубоких (5 – 6-м) логических уровнях сознания и адекватно интерпретировать приобретенный на этих уровнях опыт, концептуальной ориентации всех воззрений современной западной культуры на энергию и ее количество как критерий значимости наблюдаемого и происходящего – при такой ориентации «слабые» и «сверхслабые» взаимодействия, а, тем более, «безэнергетические» феномены представляются либо незначительными и не заслуживающими внимания, либо вовсе несуществующими (поскольку их приборная фиксация затруднена или вообще невозможна принципиальным образом, переход же к представлениям о человеке как мере всех вещей невозможен для радикальной машинной цивилизации западного типа). Используемые нами приборы сами являются феноменами проявленной Вселенной – их действие основано на энергетических принципах и не может быть основано на иных, поэтому зона сверхмалых полей и, тем более, безэнергетического взаимодействия – структурного резонанса – оказывается вне зоны их фиксации. Вместе с тем, погружение сознания на 5-7-й логические уровни, где становится доступным, обозримым (на пятом уровне – «в перспективе», на шестом и седьмом – непосредственно) Единое Информационное поле Вселенной (физический вакуум или гиперпространство), делает доступной любую информацию, рассредоточенную в динамической части проявленной Вселенной. Такая доступность и объясняет феномены «непосредственного знания», «ясновидения», «дальновидения» и им подобные.

Заряды любой природы, порождающие энергетические силовые процессы, связаны с векторной структурой организации; они существуют в псевдоплоских полях и являются причиной хаоса статистически распределенных точечных фактов. Исходя из этого и всего вышеизложенного, мы видим, что Универсальному Объему феномен энергии не присущ – эта структура совершенна и не имеет в себе никаких динамических проявлений; энергия, как возможность, возникает лишь в структуре гиперпространства (физический вакуум структурирован относительно энергетических уровней), начинает излучаться и действовать на уровне структур, топологически соответствующих фрактальной базе плоскости, а точечные и точечные образования энергетичны по преимуществу. И, напротив, Универсальный Объем абсолютно информативен, далее плотность информации падает вплоть до Хаоса, где информационные феномены, по сравнению с энергетическими, исчезающе малозначимы.

Осмысленный сигнал всегда предполагает некоторую организационно-векторную направленность, таким образом, Хаосу (точечному образованию) соответствует неорганизованная (в антропологических терминах – «бессмысленная») информация – информационный шум.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Методология и техника работы.
Анализ терапевтических случаев.

Глава 1 Стратегии и карты. Психотравмы

Сделаем некоторые промежуточные выводы. Итак:

* человеческое существо едино по вертикали «телодуша-дух» относительно оси отражения-отреагирования, т. е. относительно любой внешней и внутренней деятельности.

* оно структурировано в соответствии с общими законами Универсума, фрактальным локусом которого является;

* оно подчинено структурно-ритмическим закономерностям, определяющим «личную историю» и «личную эволюцию»;

* оно вовлечено в Глобальное взаимодействие относительно которого определяются все параметры и качества человеческого бытия, в том числе и такие, как успешность и неуспешность, здоровье и патология, жизнь и смерть.

Рассматривая эти важнейшие категории, мы должны, прежде всего, учитывать тройственность отражения-отреагирования (объект отражения/объект отреагирования – инструмент отражения-отреагирования – внутренний образ)/ механизм анализа и принятия решений) и двойную направленность связанных с ним психосоматических процессов («извне» – «вовнутрь» и «изнутри» – «вовне»).

С точки зрения человеческого Я, ядра личности, ветвь отражения отслеживает общие энтропийные тенденции Универсума, разрушающие базовую структуру вплоть до бессистемного хаоса «мертвой» природы (это «разрушение», впрочем, может быть интерпретировано и как «развертывание», без которого просто невозможно материальное многообразие проявленной Вселенной; эти тенденции постоянно «сносят» и всякую биологически активную форму из зоны жизни в зону смерти. Ветвь отреагирования обеспечивает собственную неэнтропийную активность человеческого существа, позволяющую ему развиваться (в сторону Объективной Реальности) или хотя бы сохранять позицию «выше» хаоса и смерти.

Источником такой неэнтропийной активности, являются глубинные воления ядра. Они, являясь подлинными источниками любой активности человеческого существа, вместе с тем, несут в себе только нормализующие, чисто структурные импульсы; отбор конкретных механизмов отреагирования определяется конкретной жизненной ситуацией, контекстом, который моделируется одной из карт специфических структур четвертого логического уровня. Карты базируются на космограмме, осознанной или находящейся в подсознании (неструктурированной и непроработан-

ной), и, в свою очередь, являются базисом для стратегии, организующих ответ. Таким образом, на одном «полюсе» мы встречаем безличный, но несущий в себе явный отпечаток закономерной структурной цикличности энтропийный пресс (его наше сознание интерпретирует, в зависимости от культуральных пристрастий, т. е. той или иной космограммы, в терминах «судьба», «рок», «фагум» и т. д.), а на другом – волю, связующим звеном выступит совокупность структур текущей триады, базирующихся на том или ином генотипе и выступающих в отражении-отреагировании как феномены логических уровней сознания... Текущая триада, в зависимости от положения центра осознания (значение коэффициента К) может позиционироваться на различном расстоянии от сущностной (разумеется, в терминах рассмотренной нами модели), т. е. обладать той или иной степенью сущностности, что определит, в конечном итоге, истинность механизмов отражения-отреагирования (рис. 58).

Так или иначе, реакция всегда зависит от совокупности условий своего проявления, как «внешних» контекстуальных, так и «внутренних», структурных. Это, в частности, означает, что человек не бывает «всегда эффективен» или «всегда неэффективен», «всегда болен» или «всегда здоров» и т. д. – «неэффективность», «болезнь», «отклонение» отклонение того или иного рода есть проявления сущностных и периферических конфликтов и процессуально выражается в определенных патологических стратегиях, действующих в рамках конкретных контекстов.

Мы утверждаем, что не существует принципиальной разницы между различными видами структурных психосоматических отклонений – любой неистинный или несущностный навык, будь то неумение знакомиться с представителями противоположного пола или тяжелая органическая патология, структурно устроен сходным образом – это именно то, что мы называем патологической стратегией. Точно так же отсутствие навыка, свидетельствующее о дефекте «высшего», четвертого логического уровня, каким бы этот навык не был, предполагает одинаковые в структурном плане нарушения космограммы и синтезированных в ней карт.

Рассмотрим крайние проявления патологических стратегий – болезнь – и рассмотрим ее на данном этапе в разрезе третьего логического уровня. Суммируя сказанное о природе стратегий, их устройстве и позиционировании в отражении-отреагировании, мы можем изобразить центростремительную ветвь этого процесса в виде следующей формулы:

→S→P

C'

где W?5 – воление ядра, преломленные структурами шестого и пятого логических уровней сознания, C – карта четвертого логического уровня, на базе которого формируется стратегия, P – периферические по отношению к стратегии феномены второго и первого логических уровней, ΣC'' – смежные карты, отражающие смежные контексты, ΣK? – контексты, порождающие данную карту, ΣK?'' – контексты, порождающие смежные карты.

Упрощая эту схему и учитывая, что стратегия представляет собой цепочку шагов разной модальности, мы можем записать:

$$W?s \rightarrow C' \rightarrow V1 \rightarrow A1 \rightarrow \dots \rightarrow Vn \rightarrow An \rightarrow \dots \rightarrow Ktop1 \rightarrow Ktopn \rightarrow R,$$

где A1 ; V1 ; Ktop – соответствующие аудальные, визуальные и кинестетические шаги стратегии.

Что собой представляет периферия третьего логического уровня? Это определенные процессы (второй логический уровень) и отдельные фазы, параметры, звенья этих процессов, отдельные их точечные или фактические следствия (первый логический уровень).

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть важнейшее обстоятельство – психосоматическое единство человеческого существа относительно отражения-отреагирования. Это значит, что когда мы говорим о любом из феноменов логических уровней сознания, мы не имеем в виду духовные, психические или соматические свойства, качества, процессы, параметры, функции и т. д., но всякий

раз только их неразрывное психосоматическое единство. Всякий акт, всякий факт, всякая структура человеческого существа вдоль структурной оси отражения-отреагирования (т. е. описываемые в терминах логических уровней сознания) одновременно и нераздельно и духовны, и телесны, и психичны.

Как ни странно, но для западного массового (и не только массового) сознания, при всем декларируемом им материализме, труднее представить себе участие тела в любом духовном движении, нежели присутствие духа во всяком соматическом акте. Указанный парадокс порождает т. н. «проблему телесности», имеющую ряд важных для нас аспектов и связанную именно с тем, что подчеркивание материальности мира, отрыв в парадигме духа от материи ведет к их ложному линейному противопоставлению; к вырождению самой категории «материя» (тождественной в плане человеческого существа категории «сома», «тело») в некоторую абстракцию, в нечто всегда данное и потому всегда остающееся за скобками как несущественное. Духовный порыв высок – телесное проявление низко. После такой формулировки невозможно неподвзято и совокупно исследовать как нечто единое жизненную позицию, психический процесс и физическое здоровье, невозможно видеть человеческое существо таким, каково оно есть. Между тем, последовательный психосоматический подход открывает совершенно иные возможности анализа, синтеза и коррекции.

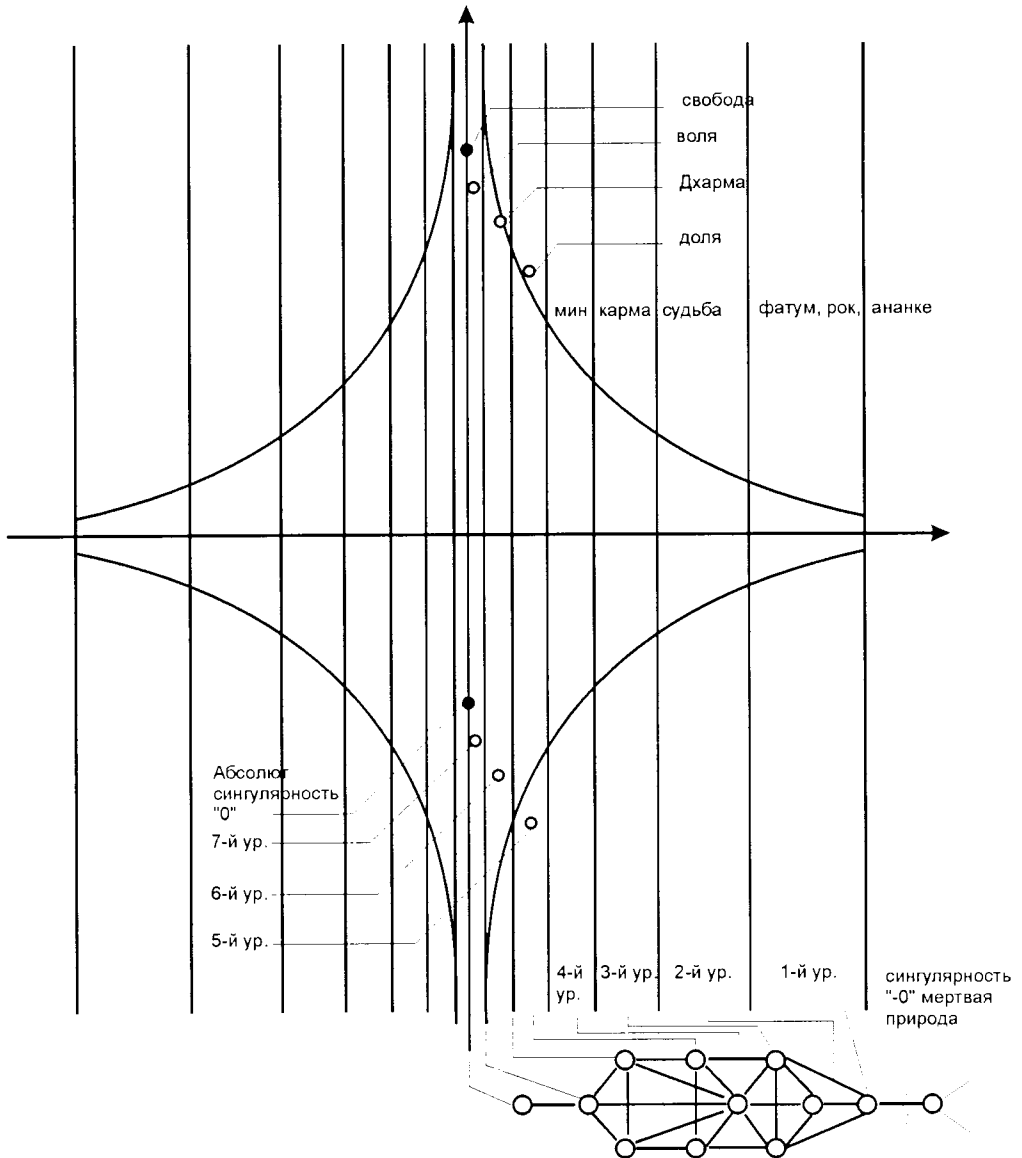

Рис. 58 Фатум и свобода в Глобальном взаимодействии и уровнях Древа Сефирот

Очевидно, что в рамках такого подхода болезни можно пред- ставить как результат определенных патологических стратегий. Конечно, кинестетические шаги этих стратегий хорошо изучены и описаны в виде различных нозологических форм и заболеваний, их периферия воспринимается как соответствующие болезненные признаки, симптомы и синдромы. Именно с ними имеет дело современная официальная медицина, которая, в соответствии с собственной механистической парадигмой и линейными способами мышления, лечит в большинстве случаев болезнь, а не человека, снимает симптоматику, т. е. следствие, а не причину, т. е. «внутреннее» структурное нарушение.

ГЛАВА I Ч. 2

Если же рассматривать болезнь (а также любое другое отклонение) с точки зрения структурной психосоматики, то на первом этапе анализа нас должны интересовать три вопроса:

- * какие именно «внешние» причины порождают серьезные искажения трансляций волевого ядра, приводящие, в конечном итоге, к построению ложных операционных цепочек патологических стратегий?
- * какие «внутренние» структурные дефекты при этом возникают?
- * как организован механизм патологических стратегий (иными словами каким образом может быть произведена коррекция структурных нарушений на третьем-четвертом логических уровнях)?

Рассматривая проблему в разрезе поставленных вопросов, мы должны помнить, что выделенные нами три аспекта соответствуют трем звеньям отражения-отреагирования – «внешний» объект – механизм отражения-отреагирования – «внутренний» образ – и должны быть в дальнейшем объединены в некотором конечном синтезе. Постановка вопросов именно в той формулировке, которая приводится выше, не может считаться окончательной, поскольку соответствует мышлению на третьем логическом уровне сознания (когнитивные вопросы «Как? Каким образом?»). Психосоматическая работа никогда не сводится к какой-либо одной изолированной технике и редко ограничивается коррекцией какого-либо типа структурных дефектов. Поэтому мы по необходимости будем возвращаться к этим и тем же случаям многократно, излагая разные уровни анализа и работы. Это позволит проследить в целом отдельные аспекты работы, синтезировать их в единое действие и тем самым составить представление о практике специалиста, использующего методы структурной психосоматики.

Перейдем к конкретным примерам.

Трехлетний мальчик (назовем его М.) захотел на берегу моря побегать по волнам. Ядро личности, исполненное кинестетических ощущений, которые мы можем охарактеризовать метафорой «полнота ощущений», начинает резонировать на определенные «картинки», «звук» и т. д., ожидаемые на более низких уровнях; центр сознания погружен достаточно глубоко – в зону четвертого-пятого уровней. В этот момент разъяренный отец хватается за плечи и кричит на него. Происходит резкое торможение в том участке тела, куда направлен вектор внимания.

Ребенком подобная ситуация воспринимается как сильный удар, в том месте, куда был ориентирован вектор внимания, возникает сильнейший мышечный спазм, зажим.

Спустя много лет на одном из семинаров М. предьявил проблему такого рода: «Почему-то в те моменты, когда мне особенно хорошо, вдруг возникает крайне неприятный холодный комок внизу живота. Мне сразу же становится очень плохо. Я не знаю, откуда взялся этот комок, и что с ним делать.». Разумеется, о происшедшем на берегу моря многие годы назад М. не помнил, ситуация забылась, но осталась психосоматическая память о ней. Глубинная часть этого следа оказалась вне зоны сознания, периферия же приняла характер телесного страдания, провоцируемого рядом жизненных ситуаций и сказывающегося на всем психосоциальном статусе М., на модели его повседневного поведения, успешности целого ряда аспектов и т. д. Со временем конкретный эпизод генерализовался на очень многие контексты, мешая получать удовольствие в самых различных случаях. Можно сказать, что у М. выработались патологические навыки отреагирования в целом классе ситуаций, связанных с удовольствием, радостью, наслаждением, гедоническими эмоциями и т. п. Это мы и называем пато-

логической стратегией. Периферически такая стратегия проявляется в целом ряде феноменов. Наиболее очевидны телесные – в данном случае, первичный спазм, в конце концов, превратился в мощнейший зажим на животе, к которому практически невозможно было прикоснуться. У М., по существу, было только два варианта: либо получать удовольствие, а потом испытывать боль, либо запретить себе вовсе испытывать удовольствие. Что он, в основном, и делал. Таким образом, М. был вынужден существовать в тесных рамках самоограничений поведенческого, эмоционального, социального и т. д. характера – это также было следствием сформировавшейся патологической стратегии, следствием способа избежания ее болезненного развертывания.

На данном этапе анализа все представляется достаточно ясно. Речь идет о психотравме, подробно описанном и детально изученном явлении, которое со времен Фрейда успело стать «общим местом» психологической науки и даже массового сознания – о травматическом опыте. Уже упомянутый нами Р. Дилтс называет опыт такого рода «импринтом» (т. е. «запечатлением») – термин восходит к классическим работам Конрада Лоренца (по посвященному поведению животных). В его формулировке это – значительное событие из прошлого, на основе которого основано убеждение или ряд убеждений. Подобный детский опыт, как правило, забывается (вытесняется), но, одновременно, генерализуется (обобщается) на сходные контексты.

С позиций структурной психосоматики мы можем добавить, что, во-первых, забывание или вытеснение детского травматического опыта сопровождается невозможностью устойчивого пребывания центра осознания в зоне ниже третьего логического уровня – в тех картах и области космограммы, которые соответствуют травматическому контексту; это вытеснение носит, на первых порах, защитный характер, ограждая психику от тяжелых переживаний, далее же оно приводит к тому, что целый ряд карт оказывается не проработан и недоступен для сознательного структурирования (это смежные карты, связанные со сходными контекстами), образуется своеобразное «слепое пятно», которое, во-вторых, резко снижает эффективность отражения-отреагирования в определенной зоне реальности; подобная нечеткость в сочетании с недоступностью, в данном случае, глубинных логических уровней и близостью уже сформированной патологической стратегии и приводит, в-третьих, к генерализации вокруг нее множества контекстов, подобных первичному травматическому контексту. Структурирование целой области космограммы происходит вокруг несущественного дефектного образования и по его подобию, что при запущенности процесса и жизненной важности затронутых карт может привести к образованию «ложного центра» и очень тяжелым последствиям. Такой процесс подобен разрастанию микротрещин к толще кристалла вокруг первичного нарушения, что может привести к полному распаду монолита.

Сказанное позволяет нам лучше понять связь вытеснения и генерализации, но пока что не выходит за рамки традиционных описаний. Рассмотрим, однако, еще один пример, который позволит нам сформулировать первый из целого ряда неудобных вопросов.

С. Н. перенес сходную психотравму в чуть более позднем возрасте, нежели М.: во время отдыха на юге ребенку захотелось на прогулке мороженого. По каким-то причинам мать отказала ему, ребенок начал капризничать – тогда мать, накричав на него, сказала: «Ты плохой. Я ухожу и оставляю тебя. А ты оставайся и плачь сколько хочешь. Ты мне такой не нужен.» – она сделала вид, что уходит, а ребенок, в полной уверенности, что она его на самом деле бросила, впал в истерику. В этот момент он испытывал чувство крушения самых основ своего мира, суть которых в этом возрасте составляют родители и отношения с ними. Он бросился искать маму и, как назло, совершенно в другую сторону. Тут он потерялся уже всерьез и был найден только через несколько часов (дело происходило на городском рынке).

«Воспитательное» воздействие в данном случае сказалось в виде мощнейшего зажима в области верхней части живота. Когда, в дальнейшем С. Н. попал в ситуации, связанные с возможным конфликтом на межличностном уровне, когда, как ему представлялось, кто-то посягал или мог посягнуть на его «жизненные» интересы (конфликт мог только назревать или даже просто у С. Н. могло сложиться впечатление, что такой конфликт возможен), он начинал испытывать очень неприятные ощущения в области подберья, солнечного сплетения, желудка, диафрагмы – такие ощущения затем превращались в боль, подобную характерной для

межреберной невралгии, которая могла продолжаться в течение четырех-пяти суток. В возрасте примерно 15 лет С. Н. обнаружил, что если в такой предконфликтной ситуации поведет себя резко агрессивно в отношении лица, от которого ждет неприятностей, болезненные последствия не наступят. Естественно, он стал поступать соответствующим образом, что не могло не сказаться в социальном плане. Можно сказать, что таким образом проблема была перенесена из телесной сферы в сферу поведенческой патологии. Любопытно и очень характерно, что С. Н., не помнивший обстоятельства психотравмы (при этом, у него оставалось смутное и тягостное ощущение, что «что-то было», которое, кроме всего прочего, сказывалось на его отношениях с матерью), обосновывал свою агрессивность целым рядом «мировоззренческих» причин типа: «надо проявлять силу», «не ты его, так он тебя» и т. д.

Итак:

* психотравма М. телесно выразилась в виде зажима в области низа живота, а психотравма С. Н. – в виде зажима в области солнечного сплетения – диафрагмы;

* в случае М. загранутой оказалась сфера получения удовольствий, а в случае С. Н. – сфера «раздела жизненных интересов», сфера бытовых конфликтов;

* М. нашел способ избежания болезненных последствий в виде уклонения от определенных действий и эмоциональных состояний (или совершая сознательное действие с ожиданием грядущего «возмездия»), а С. Н. – в виде агрессии в адрес человека, с которым был связан травматический конфликт (т. е. в виде преобразования травматического контекста в нетравматический).

Почему возникли такие особенности? Можно, разумеется, ответить, что, именно потому, что М. и С. Н. – разные личности. Но переведем наш вопрос в иную плоскость: почему у данного конкретного человека, пережившего данный конкретный травматический опыт, нарушения структуры выражаются в конкретных «внутренних» дефектах (конкретные ложные карты, несущественные зоны космограммы и т. д.), конкретных телесных зажимов (в той или иной зоне), конкретных механизмах развития патологий и компенсации ее?

Прежде чем ответить на этот вопрос, зададимся еще одним, также сформулированным на четвертом логическом уровне (когнитивный вопрос «почему?»): все мы в течение жизни неоднократно сталкиваемся с событиями, подобными описанным выше (на кого не кричали родители?), – почему же только некоторые из них приводят к структурным дефектам, порождающим патологические стратегии и далее – соответствующие поведенческие отношения, телесные страдания и т. д.? Почему одни зоны космограммы оказываются подвержены искажению в результате конкретной психотравмы, а другие – нет? Почему конкретный опыт для одного человека становится травматическим, а для другого – нет?

Рассмотрим еще один практический пример. В девятнадцатилетнем возрасте У. Подверглась сексуальному насилию, причем это был ее первый сексуальный опыт. Однако никакой психотравмы не произошло. Более того, спустя многие годы во время индивидуальной работы У. Так сформулировала собственную проблему: «Я знала, что для меня это должно быть чрезвычайно тяжелым переживанием, но ничего подобного не ощущала. Никаких препятствий в общении с мужчинами у меня не возникло – я даже стала думать: неужели я такая испорченная? Разумеется, со временем эти мысли исчезли, но тень какого-то недоумения осталась.»

Отметим, что некоторые неочевидные последствия на глубинных уровнях сознания это событие все-таки имело, но к анализу этих последствий, не связанных с патологическими стратегиями, мы вернемся в другом месте. Теперь же детально рассмотрим всю совокупность составляющих психотравмы и ответим на поставленные выше вопросы.

Итак:

* «внешне» к психотравме приводит некоторая последовательность событий, развертывающихся в рамках вполне безобидного контекста; эта последовательность и превращает контекст в травматический; однако, далеко не всякий контекст в разрезе конкретной личности способен даже в потенции привести к психотравме;

* «внутренне» психотравма проявляется как нарушение определенной карты (распространяющееся в дальнейшем на группу смежных карт), приводящее к возникновению патологической стратегии; такое структурное нарушение сказывается в виде мышечных зажимов, эмоциональных, социально-поведенческих и т. п. аномалий; важно, что далеко не каждая карта может быть в данный момент, у данного человека подвергнута деформации, а только определенная, связанная с определенной зоной космограммы;

* «устройство» патологической стратегии таково, что во-первых, возникает неадекватное отреагирование на некоторые стереотипные раздражения (мышечный спазм как результат переживания гелдонической эмоции и т. д.), во-вторых, «спусковые механизмы» такого ложного навыка могут быть заблокированы каким-то встречным действием (агрессия предотвращает развитие мышечного зажима и т. д.).

Из сказанного можно вывести, что психотравма возникает как следствие совокупности «внешних» и «внутренних» причин. «Внешние» причины – это возникновение травматической цепочки событий в потенциально травматическом контексте. «Внутренние» – уязвимость определенных карт. Такая уязвимость связана с этапами «личной истории».

Действительно, рождение человека является лишь отправной точкой дальнейшего развития и созревания структур текущей триады. На четвертом логическом уровне это связано с формированием определенных карт, соответствующих определенным зонам реальности. Формирование карт, в свою очередь, связано с развертыванием чакровой системы и вполне определенными телесными зонами. Таким образом, механизм возникновения психотравмы предстает перед нами в следующем виде:

* психотравма может быть генетически предопределена, то. е. развиваться в зоне сущностного напряжения структуры, связанного с предысторией данного человека (ошибками трансляции гено типа в прежних поколениях); эта предрасположенность может быть описана как соответствующая психосоматическая конституция;

* психотравма всегда приурочена к той зоне структуры, которая в соответствии с «личной историей» находится в стадии формирования;

* событие, вызывающее психотравму, содержит в себе некоторые обстоятельства, которые, отразившись в виде определенных параметров «внутреннего образа», становятся в дальнейшем «спусковыми крючками» патологической стратегии.

Продолжим анализ практических примеров в свете высказанных предположений.

Период раннего детства характеризуется высокой динамикой процессов развертывания базовой матричности. В социальном плане в это время личность полностью ориентирована на родителей, которые и являются основным источником психотравм. Так произошло и с М., и с С. Н. Однако, последствия психотравмы были для них разными, поскольку дети переживали различные этапы «личной истории».⁶⁸

⁶⁸В первой части книги мы лишь бегло затронули вопросы, связанные с проблемами цикличности и этапами личной эволюции – объем издания не позволяет это сделать. Это тема большой отдельной публикации. Тем не менее, при анализе конкретных случаев мы будем пользоваться полученными нами результатами исследований. Это, в первую очередь, относится к вопросам «развертывания» чакровой системы и связанными с ним этапами личной эволюции.

М. в момент психотравмы было около трех лет, С. Н. около четырех. Рассмотрим чакры, связанные с этими возрастными категориями, учитывая, что чакры, во-первых, выступают структурными категориями человеческого существа, указывают на определенные свойства, качества, телесные зоны и т. д. и, во-вторых, зоны их «созревания», «активизации» и т. д. несколько «размазаны» вдоль временной оси. Проанализировав основные закономерности, мы можем сделать следующие выводы:

* психотравма М. связана с чакровым узлом Свадхистаны (в два года происходит переход этой чакры из состояния «включения» в состояние «активности»);

* психотравма С. Н. связана с чакровым узлом Манипуры (в четыре года происходит переход этой чакры из состояния «включение» в состояние «активность»);

* зоны зажимов и «психологической» проблемы, сопровождающие их, соответствует выделенным чакрам.

Изложим это в терминах структурной психосоматики.

ГЛАВА I Ч. 2

В свое время создатели НЛП Гриндер и Бендлер выдвинули концепцию репрезентативных систем. Эта классификация типов личности по структурному признаку – предпочтительному способу получения и внутренней обработки информации. Были выделены три основные репрезентативные системы – аудиальная, визуальная и кинестетическая; соответственно, описывались и три типа личности.

Ясно, что любая схема, особенно такая простая, имеет множество натяжек. Это понимали уже ее создатели, которые предпочитали считать свою классификацию рабочей моделью для практической работы. Впоследствии эта тенденция укоренилась, и появились представления о существовании неких «смешанных» типов – «визуально кинестетиков», «кинестетичных аудиалов» и т. д. Анализ показывает, что подобное «расширение» ничего не дает. Это тот случай, когда классификация теряет свой смысл.

Большинство современных специалистов НЛП считает, что никаких смешанных типов не существует, но важна конгруэнтность⁶⁹ внутри человеческого существа в каждый конкретный момент времени. Это значит, что сумма невербальных реакций должна соответствовать смыслу высказываний.

⁶⁹Понятия «конгруэнтности» и «неконгруэнтности» (структурного соответствия и несоответствия отдельных частей, проявлений, реакций и т. д.) являются одними из центральных в структурной психосоматике. Они в какой-то мере связаны генетически с теорией НЛП, но имеют совершенно другую окраску и значение. Мы посвятим разбор неконгруэнтностей отдельную главу.

Скажем, даже для индивида с ведущей визуальной системой при рассказе о кинестетическом опыте конгруэнтны расслабленная поза, нижнее дыхание, кинестетические глазодвигательные реакции и т. д. В противном случае мы наблюдаем неконгруэнтность, которая, по большому счету, свидетельствует о деструктивных убеждениях, о том, что внутреннее состояние не соответствует содержанию высказывания.

Подобный подход, в некоторых случаях оправдывающий себя⁷⁰, в целом представляется непродуктивным.

⁷⁰Например, при калибровке истинности высказывания, т. е. в области практической, скажем, деловой психологии. Ориентация на такие сферы практики характерна для американской психологии в целом. Это вовсе не является упреком, однако, практическая направленность методики может трансформироваться в узкопрактическую, что сказывается и на теоретической части учения. Структурная психосоматика возникла как практическая концепция, но разработка теоретических вопросов на базе несколько иной фактографии сразу же продемонстрировала ограниченность интерпретаций НЛП. В дальнейшем полученные теоретические результаты были опробованы в области семинаров повышения деловой эффективности, при работе с разного рода деловыми и психосоциальными проблемами и подтвердили свою жизненность.

Это логичная постановка вопроса. Очевидно, что любой человек имеет дело с визуальными, аудиальными и кинестетическими ощущениями. Преобладание тех или иных, безусловно, определяется генетически, в соответствии с психосоматической конституцией, т. е. зависимо от ядра и «личной истории»⁷¹.

⁷¹В процессе «личной истории» психосоматическая конституция может меняться. Так было с участником двух учебных семинаров. И., который до определенного возраста склонялся к аудиальному типу, а затем «преобразовался» – в типичного кинестетика. Этот случай сопровождался рядом характерных феноменов и был подвергнут анализу, который будет нами рассмотрен ниже.

Это «одна сторона медали». Но сами модальности внутреннего опыта, прежде всего, привязаны к соответствующим логическим уровням сознания, определяются направлением вектора внимания. Это означает, что при движении точки осознания от периферии к ядру постепенно затухают аудиальные ощущения и нарастают кинестетические. Разумеется, и аудиальная, и визуальная составляющие остаются, но из области непосредственного

(«внешнего») отражения они перемещаются в область воспоминаний и конструктов при определяющем значении кинестетики. Это представляется очевидным выводом, если иметь в виду, что внимание переносится «извне вовнутрь».

Анализ конкретных случаев показывает, что в базисе патологических стратегий присутствуют особые образования – визуально-аудиальные «склейки» (рис. 59). Декларируя присутствие этих структурных дефектов мы несколько забегаем вперед – они были обнаружены в ходе практической работы с патологическими стратегиями; рассказывая о техниках таковой, мы подробно разберем и устройство этих образований. Вообще, построение концепций здесь происходило следующим образом: от предположения о существовании патологических стратегий, объясняющих отклонения разного рода, – к разбору их устройства. Патологические стратегии были также первыми структурными дефектами, которые оказались в зоне внимания одного из авторов еще до оформления базовых положений структурной психосоматики, как самостоятельной теоретической и практической концепции.

Сегодня мы можем утверждать, что обнаружение такой склейки является явным маркером неблагоприятия. С процессуальной точки зрения, мы наблюдаем здесь явный структурный дефект, противоречие между «спусковым механизмом» стратегии (аудиально-визуальный конструкт) и кинестетическим отреагированием:

$$Vy/A_1 \rightarrow V1 \rightarrow A1 \rightarrow \dots \rightarrow Vn \rightarrow An \rightarrow \dots \rightarrow Ktop1 \rightarrow \dots \rightarrow Ktopn \rightarrow \text{мышечный зажим,}$$

где Vy/A_1 – визуально-аудиальная склейка.

Ложность такой карты (или убеждения, в других терминах) по своей природе структурна – здесь мы видим своеобразное структурное «смешение слоев», смешение карт. Дело в том, что первые шаги любой сущностной стратегии, относящиеся к ее базису, кинестетичны – они связаны с желаемыми и ожидаемыми внутренними ощущениями, с сущностной необходимостью получения этих ощущений («сытости», «полноты жизни», «удовольствия» и т. д.). Разумеется, эти первые побудительные кинестетические шаги связаны с аудиальными и визуальными ощущениями периферических уровней, а также с принадлежащими карте визуальными и аудиальными воспоминаниями и конструктами, но не так, как в случае патологии, когда визуально-аудиальная склейка внедряется в результате психотравмы в структуру карты, искажая ее.

В чем же разница?

В момент психотравмы травмируемая карта не оформлена, находится в стадии структурирования (рис. 60). Это значит, что она еще не представляет собой какой-либо стабильной модели потенциально травматического контекста. Карта соседствует с другими, смежными в разных смыслах – как в плане схожести контекста, так и в плане ассоциации, совместности контекстов, операционного взаимодействия карт и т. д.⁷².

⁷²Мы уже говорили о том, что человек одновременно существует в самых разных контекстах. Кроме того, в разные моменты «личной истории» возникают тематически схожие жизненные ситуации, контексты. Наконец, операционное взаимодействие карт возникает в тех случаях, когда для решения задач, лежащих в «зоне ответственности» одной карты, привлекается опыт, связанный с другой картой. Существуют и другие причины смежности карт. Эффективное взаимодействие карт возможно лишь на базе структурированной космограммы.

Психотравма «сдвигает» в травмируемой зоне отражение-отреагирование, в результате чего формирующаяся карта «захватывает» чуждую ей визуально-аудиальную склейку – так возникает патологическая стратегия, развивающаяся на базе смешения карт, неполноценная или несущностная по отношению к любой из сущностных карт, которые должны были возникнуть в случае нормального, не искаженного травматическим опытом развития.

Иными словами, патологическая стратегия базируется на некоторой химерической карте, причем ветвь отражения развивается в лоне одной из карт, а отреагирование – в лоне другой; «переключателем» выступает аудиально-визуальная склейка. Ясно, что такое образование должно быть изначально жизненно важным, выделенным для индивидуума – ниже, разбирая работу с патологическими стратегиями, мы подробно обозначим особенности такой выделенности.

Развитие травматической реакции, патологической стратегии происходит по схеме: отражение в зоне одной карты (группы карт) – аудиально-визуальная склейка, переклечение-отреагирование в зоне

другой карты (группы карт). Структурное противоречие, конфликт между отражением и отреагированием приводит к тому или иному отклонению (зажим, болезнь, поведенческая аномалия и т. д.).

Когда личность замечает болезненные последствия психотравмы некоторым другим отреагированием (избегание тех или иных действий – как в случае М., агрессия – как в случае С. Н. и т. д.), это не восстанавливает нарушенную структуру, а просто направляет патологическую стратегию по новому руслу, т. е., в конечном сче-

тась чакровая зона Анахаты, связанная с межличностными отношениями, зоной диафрагмы – она соседствует и тематически, и телесно с Манипурой – и соотносится с возрастом около 18 лет).

Итак:

- ♦ аудиально-визуальная склейка первоначально принадлежит травмирующему контексту;

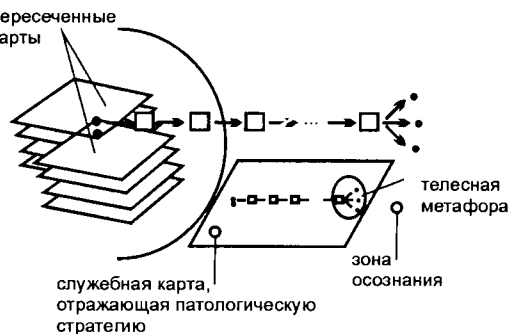
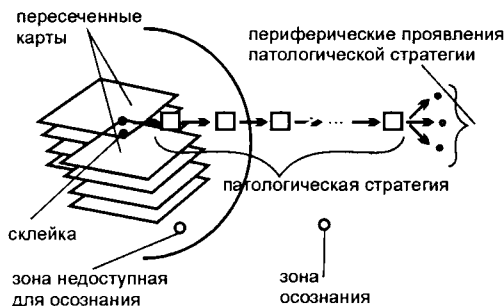

Рис. 59 Патологическая стратегия от центра к периферии

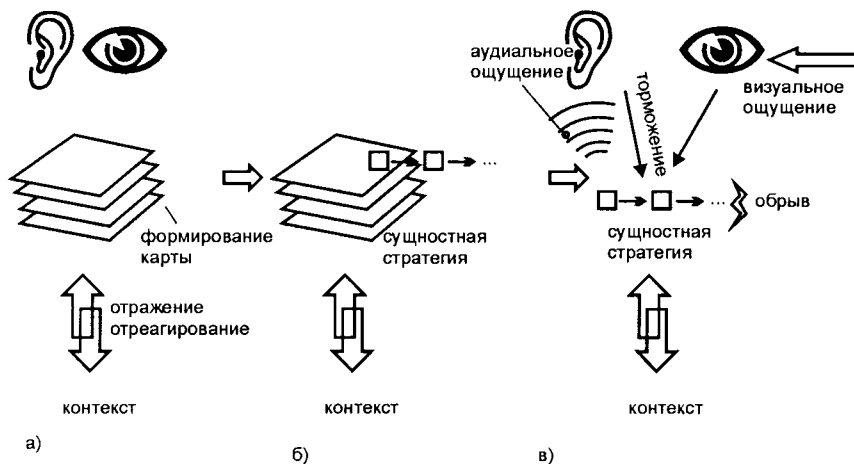
те, структурное нарушение усугубляется, захватывает новые зоны космограммы, новые группы карт.

«Переключающий» патологическую стратегию в новую зону триггер принадлежит глубинным зонам психики. Он, как и замещающая карта возникает не случайно, а тоже в ходе «личной истории» – такая карта «захватывается» в зону патологий по смежности в момент собственного формирования (для С. Н. зоной захвата оказ-

- ♦ далее она захватывается формирующейся картой и приводит к смещению карт;

- ♦ после этого абсолютно безобидный контекст становится травматическим;

- ♦ одновременно происходит «сброс» центра осознания на периферию, в дальнейшем перепутанность карт не позволяет самостоятельно осознать зону структурного дефекта и ликвидировать повреждение.

М. переживал момент глубокого обобщения опыта, синтеза фактов «внешней» (аудиальные и визуальные ощущения – «берег моря») и «внутренней» (кинестетические ощущения – «полнота жизни») реальности на базе новой и чрезвычайно важной карты, входящей в группу «карт удовольствия», в соответствии с «личной историей» структурировавшихся в этот период его жизни. Центр осознания М. пребывал, при этом, на пятом-шестом логических уровнях сознания, а деятельность разворачивалась от подчиненного четвертого уровня к периферии. В этот момент и произошло травмирующее воздействие, которое включало визуально-аудиальную склейку («картинка» места действия плюс грубый окрик). Развитие сущностной стратегии было прервано (получение удовольствия) и замещено через склейку другой цепочкой реакций, приводящих к болезненному спазму. Искаженная смешанная карта стала использоваться во всех подобных контекстах, связанных с получением удовольствия и ожиданием гедонических эмоций – ведь она изначально и предназначалась для выработки стратегии в этих контекстах. Искажение карты привело к искажению целого сегмента текущей триады и к невозможности эффективной деятельности во множестве жизненно важных контекстов.

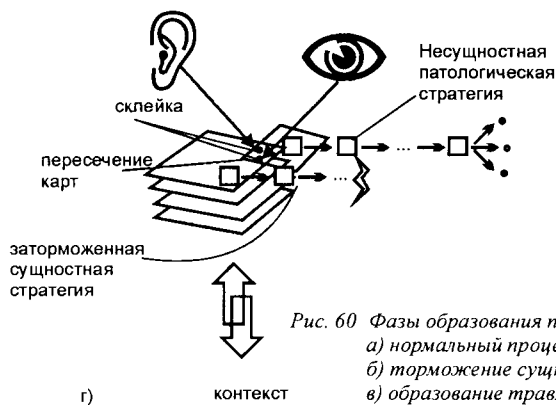

Рис. 60 Фазы образования патологической стратегии:
а) нормальный процесс формирования новой карты
б) торможение сущностной стратегии
в) образование травматической склейки

Подобное произошло и с С. Н. – только искаженные карты оказались отнесены к другой группе карт, что было связано с иным этапом «личной истории», соответствовавшим возрасту С. Н. Уклонение от болезненных последствий в обоих случаях привело к дальнейшему искажению структуры, сказавшемуся на социально-поведенческом уровне.

На этих примерах удобно продемонстрировать и некоторые тонкие моменты, связанные со структурами сущностной и текущей триад. Действительно, «карта удовольствия» (будем говорить так для простоты, понимая, что на самом

ГЛАВА I Ч. 2

деле это группа тематически смежных карт) как таковая, сущностно и тесным образом связана с волением ядра. То же можно сказать о группе «конфликтных» карт. Сформированные искаженные (смешанные) карты оказались носителями несущественных программ и элементов (аудиально-визуальные склейки, патологические стратегии, триггеры, переключающие развитие патологических стратегий в зону сторонних карт) и составили неотъемлемую часть текущей триады. Конфликт между потенциально истинными картами (карты сущностной триады) и искаженными картами триады текущей внешне фиксировался в виде различных неконгруэнтностей. Он ощущался и самими М. и С. Н., которые осознавали неблагоприятное в некоторой зоне своего существа, но не могли разобраться в причинах, характере и устройстве несомненного дефекта. Так, С. Н. постоянно пытался вспомнить что-то, происшедшее с ним во время отдыха на море; он знал, что это «что-то» очень важно для него и как-то связано с его матерью, но никаких подробностей, тем не менее, вспомнить не мог, более того, он никак не связывал это, тяготившее его, «забытое» воспоминание ни с болями в области живота, ни с собственной повышенной агрессивностью. Последнюю он вообще считал нормальной и свидетельствующей о том, что его натура более сильная, здоровая и т. д., чем у других людей, он не осознавал даже, что эта агрессивность останавливает развитие болезненного спазма – все эти детали проявились только в ходе терапевтической работы с ним.

Случай с У. совершенно иной: к моменту насилия у нее уже были сформированы собственные сущностные карты, связанные с контекстами отношений полов, семьи и т. д. (как показало психотерапевтическая работа на глубоких уровнях, это было связано с благотворным влиянием отца в период «личной истории», когда формировались именно эти карты). То внутреннее неудобство, которое она испытывала («Как же так? Для всех подобный опыт – трагедия, а для меня – нет! Может быть, что-то не в порядке со мной?»), а это свидетельство некоторой осознаваемой неконгруэнтности, объясняется общей непроработанностью космограммы, присутствием в структуре имплантированных карт, социальных и культуральных стереотипов – о нарушениях подобного рода речь впереди.

Рассмотрим еще один пример.

В процессе работы с пациентом А. в технике знаковых систем, о которой речь впереди, сейчас же отметим, что на первом этапе она сводилась к раздельному выявлению вербальных конструкций и связанных с ними телесных ощущений и образных представлений, с последующим предьявлением выявленных неконгруэнтностей, – была выявлена глубокая неконгруэнтность между образными и словесными представлениями некоторых карт четвертого логического уровня. Эта неконгруэнтность прослеживалась вплоть до уровня самоидентификации (шестой логический уровень). Своими реакциями А., находившийся в состоянии глубокого транса, позволил связать эти проблемы с нарушениями в области шейного отдела позвоночника (зоны чакры Вишудха) и расстройствами слухового и зрительного анализаторов (зона чакры Аджна), присущими ему с раннего детства. Выяснилось, что А. был нежеланным ребенком. Это в самом раннем возрасте, в начальный период «личной истории» посредством самой структуры семейных отношений, привело к образованию у А. целого набора ложных несущественных карт, на базе которых потом возникло несколько патологических стратегий, проявившихся в теле. Как следствие, А. не мог приобрести сущностно необходимые навыки в целой группе контекстов, патологические же стратегии, заменившие их, выразились различными отклонениями в области слуха, зрения, подвижности шейного отдела позвоночника. Ложные карты нуждались, как это всегда бывает, в обосновании и вербализации посредством серии идеологических конструкций, убеждений. Однако ощущения, возникавшие в тех

же контекстах, и, в особенности, образы, которые А. предлагалось изобразить графически, демонстрировали иную структуру карт – как показал анализ, в этом плане они отражали сущностную структуру. Дж. Перракос и его последователи говорили бы здесь об «оторванности головы от тела»⁷³, нам же необходимо отметить несколько важных моментов:

⁷³Это хорошая метафора – с одной стороны, конфликт лежит в зоне раздела рационального (головы) и иррационального (тела), рассудочного и чувственного и т. д., с другой стороны, он и телесно проявляется соответствующим образом.

* неконгруэнтность между сущностной и текущей триадами в искаженной зоне, что само по себе не должно нас никоим образом удивлять, коль скоро искажения имеют место;

* неконгруэнтность внутри самих карт, когда разным образом ориентированное отражение-отреагирование (в области абстрактного (вербализация) и образного (рисунки) мышления) давало в одной и той же зоне разную реакцию – в некоторых случаях аудиально-визуальная склейка оказывалась задействованной, а в других – нет;

* локализацию телесных проявлений неконгруэнтностей не только в области шеи и головы, а также их поведенческую распространенность на очень широкий класс жизненных ситуаций, весьма далеких от выявленных патологических стратегий.

Такие результаты позволяют сформулировать следующую проблему: всегда ли отклонения – телесные, поведенческие и т. д. – являются следствием патологических стратегий? Во всех ли случаях дефект структуры сводится к визуально-аудиальной склейке?

Отметим сразу, что это не так. В данном случае, работа с А. показала, что патологические стратегии связаны с незначительной частью его проблем. Эти проблемы никоим образом не могут быть описаны в терминах визуально-аудиальных склеек и психотравм – здесь травматический опыт приобретает совершенно другой характер, да и сами дефекты структуры коренятся в зонах карт, космограмм и самоидентификации, т. е. стратегии могут сами по себе носить вполне «правильный» характер – их ложность возникает из ложности базиса – несущественных карт и глубинных уровней структуры. Анализу таких дефектов мы посвятим следующие главы.

Тем не менее, патологические стратегии, включающие аудиально-визуальную склейку, являющиеся следствием психотравм разного рода, составляют большой класс структурных дефектов – мы обсудили здесь случай с А. лишь для того, чтобы сразу ограничить класс таких дефектов. Прежде чем описать методику работы с травматическими склейками, обозначим несколько важных моментов.

Следует учитывать, что карты не имеют четких границ и, даже в случае достаточно проработанной космограммы, в принципе, не могут покрывать все мыслимые контексты. Сами карты также могут быть в разной степени проработанными и «жесткими». Важно при этом, что степень детализации и структурированности карты никоим образом не говорит о ее истинности или ложности. Широко известны чрезвычайно разработанные карты, на базе которых у разных людей возникает множество патологических стратегий. Такие жесткие идеологии – такие, как марксизм-ленинизм или определенные религиозные системы. Здесь мы не говорим о содержательной стороне этих карт, тем более не касаемся таких институтов, как социалистическая модель общества или церковь – мы просто констатируем, что дефект структуры типа патологической стратегии может базироваться и на таких картах, а в других случаях они вполне работоспособны. Таким образом, следует четко различать проработанность карты, безразлично, истинной или ложной, и базирующиеся на ее основе стратегии. Разумеется, если карта безкоризненна, она не включает визуально-аудиальную склейку, но, во-первых, несущественная карта также может быть свободна от подобного дефекта, а, во-вторых, расширяя и детализируя, карта может быть искажена, хотя большая структурированность предполагает большую устойчивость к искажениям.

Другой случай – когда карты пересекаются, наполняют друг друга. Разумеется, это свидетельствует о несформированности космограммы. Как мы видели, такие искажения могут быть связаны с аудиально-визуальной склейкой. Но встречаются и другие случаи: в некоторых контекстах такие наложения могут проявлять-

ся в виде весьма характерных феноменов. В теле наблюдаются противоположные проявления: расширение и спазм, ощущение легкости в одной части тела и тяжести – в другой и т. д. Это объясняется параллельной инициацией нескольких несбалансированных программ, разных стратегий. Хорошей иллюстрацией может служить такой пример: вы случайно встречаете человека, которого когда-то любили, но потом произошел болезненный разрыв, причем этот опыт не был внутренне структурирован («воспоминания еще слишком остры») – радость и болевой шок здесь перемешиваются между собой, налицо «смятение чувств».

Наконец, возможна миграция аудиально-визуальной склейки из одной группы карт в другую. Этот феномен может быть описан при помощи следующей метафоры: в физике твердого тела описано свойство дислокаций (линейных нарушений идеального расположения элементов кристаллической решетки) передвигаться по кристаллу и взаимодействовать с точечными дефектами, присутствующими в ней посторонними включениями. Точно так же аудиально-визуальные склейки могут перемещаться в зоны разных карт, проявляясь в разных контекстах, что, помимо всего прочего, приводит к известному феномену «смена симптома» (когда периферическое лечение одного заболевания приводит к возникновению другого).

1. ФАТУМ И ВОЛЯ

Словарный состав языка суть такой же показательный феномен познания, как и любой другой продукт культурной деятельности. Когда же речь идет о наиболее общих категориях, анализ передающих эти категории слов, нюансов, смысла и бытования этих слов в качестве технических терминов той или иной традиции особенно интересен.

Рассмотрим следующую словарную цепь:

«Рок» – «фатум» – «судьба» – «доля» – «воля» – «свобода».

Первые два слова заимствованы, но могут быть так или иначе соотнесены с русским словом «судьба». Мы уже говорили, что санскритский термин «карма» также близок к нему, а вот «дхарма» ближе к русскому слову «доля», оно же может быть соотнесено с китайским термином «мин». Если мы теперь расположим все эти слова вдоль обозначенной нами цепочки «энтропийный пресс» – «инструментарий отражения-отреагирования» – «ядро личности», то можем констатировать следующую картину – рис. 61. Разумеется, такое расположение в достаточной степени условно, поскольку язык не ограничивает точно пределы использования того или иного слова, мы же не предполагаем придавать им характер технических терминов доктрины. Все же определим, что термины «рок», «фатум», а также «динамика» означают судьбу – неизбежность, жесткое предопределение будущего хода событий. Термин «карма», обозначающий судьбу – неизбежность, воздаяние, на первый взгляд, схож с предыдущими, но имеет существенные смысловые различия. «Рок» как бы независим от человека, определяется внешними, по отношению к нему, причинами. Тогда как «кар-

ма» – результат собственных, благих или неблагих, поступков (совершенных, в соответствии с ведической или буддистской, традицией, может быть, и в прежних рождениях). Китайский термин «мин» тем и схож с русским «доля», что обозначает возможность будущего хода событий, которая, тем не менее, может быть упущена (если такой ход благоприятен, а необходимые действия не совершены), либо предотвращена (если существует опасность, которую удалось предотвратить). «Дхарма» – это судьба – долг, казалось бы, обусловленность, но обусловленность морально-мировоззренческого характера. В древнеиндийской традиции «дхарма» непосредственно связана с «кармой» – поступки, совершаемые против дхармы, оборачиваются неблагоприятными кармическими последствиями; карма выступает своеобразным «эхом» деятельности, преломляющейся по дхармическим закономерностям. В «Бхагавадгите» завязка сюжета построена на глубочайшем разборе «должного» и «недолжного» поступка, причем напроочь отвергается возможность классификации по этому признаку для любого человека «вообще» и для любой ситуации «вообще». Лишь конкретный человек с его конкретной дхармой, существующий «здесь и теперь», может быть точкой отсчета морально-этической шкалы. Человек может поступать «должно» или «недолжно», но не относительно других, а относительно самого себя, собственной дхармы. На поле Куруншетра, где должно состояться сражение между армиями пандавов (центральных героев всей «Махабхараты», частью которой и является «Бхагавадгита») и их двоюродных братьев, кауравов, битва, занимающая центральное место в эпосе, и по своим масштабам, значению и последствиям, в глазах индусов, сравнимая, может быть, только с христианским Армагеддоном, царевич Арджуна вдруг отказывается сражаться на том основании, что, во-первых, он будет вынужден убивать своих близких родственников, друзей и учителей, а, во-вторых, убийство живого существа само по себе запрещено, противно одному из базовых принципов поведения индуса, ахимсы («ненасилию», «неубийству»); нарушение ахимсы отягощает карму и, тем более, неприемлемо для последователя йоги, каковым Арджуна является. В спор с ним вступает его друг и колесничий Кришна (инкарнация бога Вишну) и вся «Бхагавадгита», справедливо почитаемая одним из авторитетнейших религиозно-философских текстов индуизма и главным «философским», «парадигмальным» текстом йоги, представляет собой, во-первых, обоснование, почему Арджуна должен сражаться, и, во-вторых, изложение философских и поведенческих основ йоги, базирующихся на тонком разборе таких категорий, как «истинное Я» (Атман), «деяние» и «недеяние», «дхарма», «карма» и т. д. Вот первый аргумент Кришны, самый простой, бытовой по своему содержанию, но интересующий нас в данном случае больше других (он дается до обращения к аргументам из философии йоги): ты, Арджуна, – кшатрий (т. е. принадлежишь к варне воинов), а значит, твоя дхарма – сражаться, не приписывая себе дхарму другой варны, брахманов (жрецов); если воин отказывается сражаться за правое дело или правитель отказывается покарать преступника, ссылаясь на ахимсу, он, тем са-

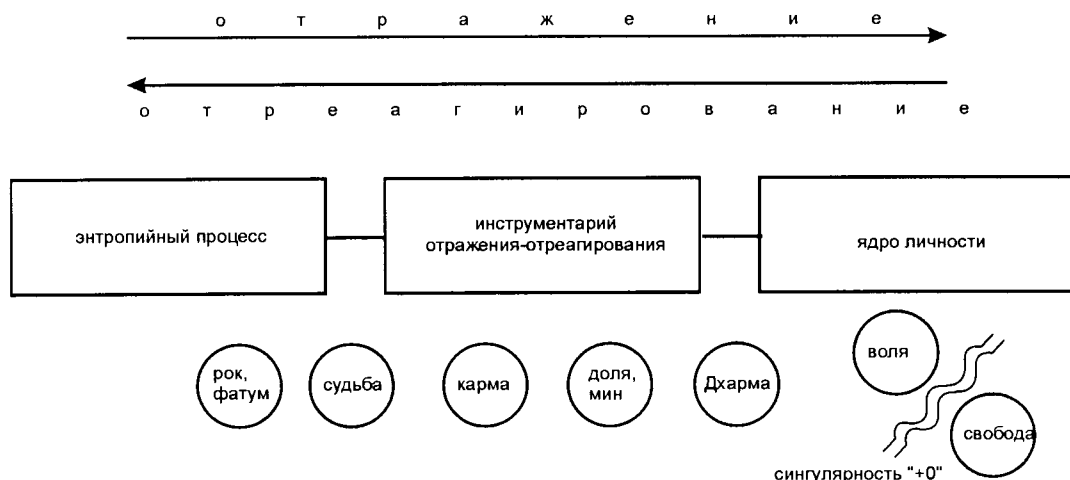

Рис. 61 Фатум и воля

мым, нарушает собственную дхарму, отягощает свою карму и, более того, практически нарушает принцип ахимсы (зло, которое не остановлено, и дальше будет порождать зло). Таким образом, судьба и воля в категории кармы означают сознательное волевое усилие, вытекающее, во-первых, из четкой самоидентификации (определение своей «варны», своего места, долга и призвания),

ГЛАВА I Ч. 2

а, во-вторых, из структурированной космограммы (определение «правого» и «неправового», последствий и взаимосвязи действий, поступков и событий). Нет, видимо, необходимости уточнять значение термина «воля» — подчеркнем лишь его близость термину «свобода» — в этом смысле словосочетание «свободная воля» является, в некоторой степени, тавтологией.

Наконец, мы можем соотнести использованные нами термины с зонами Глобального взаимодействия и структурой Древа Сиферот. Такое соотнесение, конечно, будет, по уже упомянутой причине нечеткости словоупотребления, достаточно условно, но, вместе с тем, весьма показательным в плане модели, образа и базы для дальнейших построений — рис. 62.

Русское слово «воля» недаром имеет двойной смысл — некоего духовного феномена (воления) и необусловленности (свободы). Именно воля — духовный феномен и глубинный источник структурирующей негэнтропийной активности — является необходимым

и достаточным условием необусловленности (свободы). На этом не стоит останавливаться подробно, поскольку ранее уже было показано, как возрастание значения коэффициента K (большая структурированность, а значит, и большее соответствие глубинным волениям ядра) ведет к расширению конуса возможных событий, т. е. к практическому возрастанию необусловленности — свободы. На рис. 61 мы помещаем «свободу» за сингулярностью «+0» — это, так сказать, «свобода в пределе», необусловленность Абсолюта, присущая сознанию «высшего» по отношению к антропосфере мира. (Отметим, что такая «абсолютная» свобода абсолютна лишь по отношению к «нашему» миру — точно так же как любой человек «абсолютно» свободен по отношению к «мертвой» природе.)

Однако, и сама категория «воля» имеет определенные смысловые градации, небезразличные для анализа методами структурной психосоматики. Средневековые философы Европы выделяли три разновидности воли:

- * фацера — воля к действию;
- * нон-фацера — воля к не-действию;
- * вати — отстаивание позиции, даже при вынужденном отступлении, подобное упругому сжатию пружины — это качество может быть передано русским термином «стойкость» или финским «сиссу». Имеется в виду, как будет ясно из дальнейшего, не-

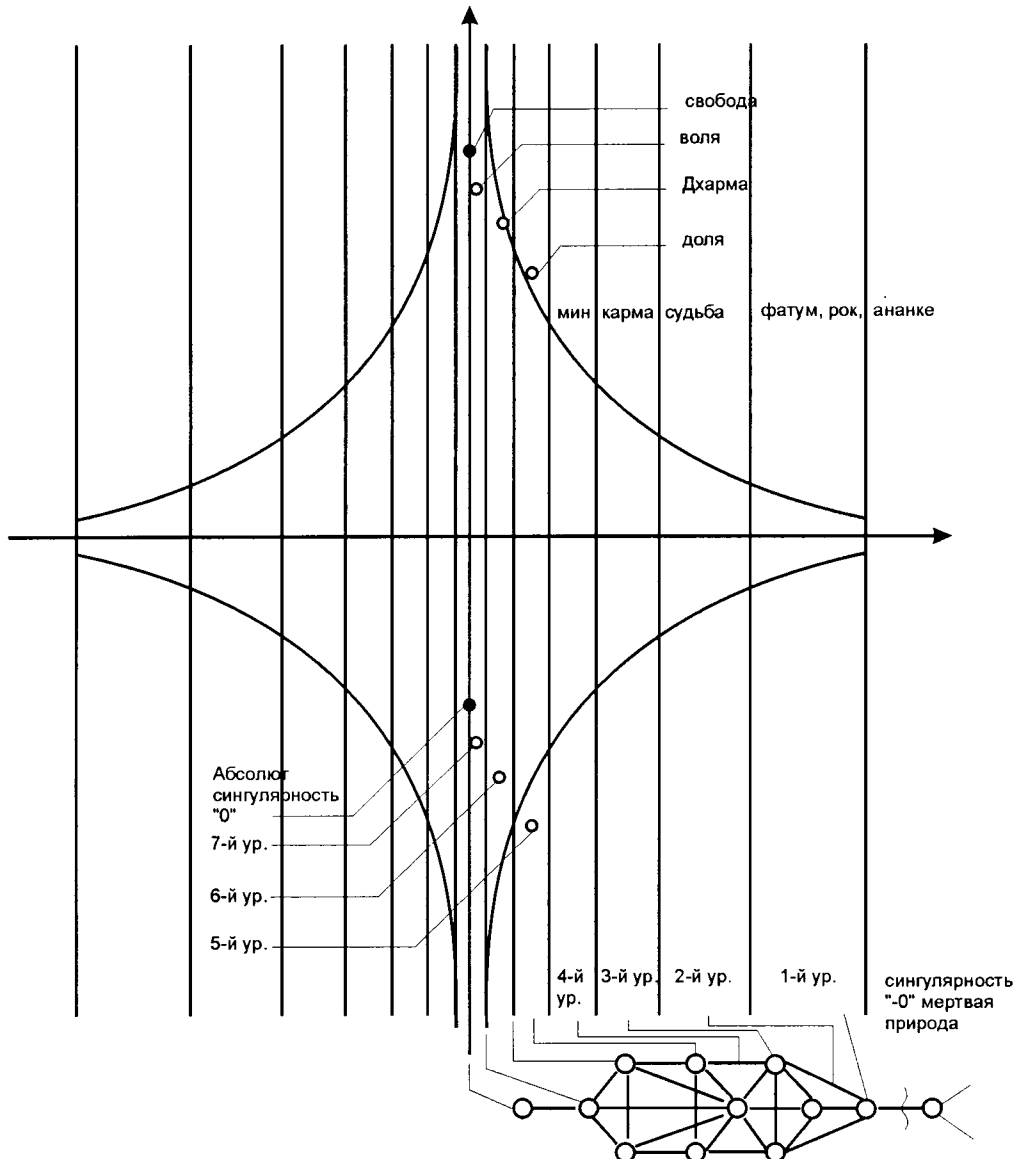

Рис. 62 Фатум и свобода в Глобальном взаимодействии и уровнях Древа Сефирот

которая («упругая стойкость», «динамичное терпение»), связанные, во-первых, с активным противодействием энтропийному прессу, но, во-вторых, способных и на отступление с тем, чтобы затем вернуться на уступленную позицию. Показательным примером воли в модуляции «вати» является история Отечественной войны 1812 года – отступление русских войск вплоть до Москвы и затем наступление вплоть до Парижа. Поскольку все рассматриваемые нами феномены могут быть интерпретированы и в личном, и в коллективном плане, «вати» можно рассматривать как суть массовой психологии русской армии в этой кампании, кульминацией, максимальным напряжением «динамичного терпения» мы можем считать события от Бородинского боя и сдачи Москвы до босов за Малый Ярославец, вынудивших Наполеона отступить по Старой Смоленской дороге. Персонализацией вати народа выступает здесь личность Кутузова, продемонстрировавшего, таким образом, волевые качества в их предельном выражении.

Очевидно, что не-действие, воздержание от поступка, «недеяние» часто сложное действия, внешне активного поступка, деяния. Не будем углубляться в эту, достаточно обширную, тему – приведем лишь одну параллель из традиции. Восьмиричный путь йоги Патанджали в качестве первых двух ступеней называет Яму и Нияму – предписанные и запретные действия. Таким образом, во-первых, сознательное волевое усилие полагается первым условием пути совершенствования йога – без такого усилия выполнение предписаний и запретов просто невозможно, а, во-вторых, воздержание от недолжного полагается более сложным, нежели исполнение должного. Но еще сложнее следование волеяния «вати», а ведь именно о них говорит Лао-цзи: мягкая и податливая ветка крепче сухой и жесткой – скажем, под грузом снега первая прогнется, но затем распрямится, а вторая просто сломается.

Между тем, источник всех разновидностей воли один – глубинное воление «Я хочу», или, точнее, «Я хочу быть». Это воление зарождается на уровне проекции Абсолюта (седьмой логический уровень сознания). Окраску «фацера», «нон-фацера» или «вати» оно приобретает уже в зоне шестого логического уровня, уровня самоидентификации, Глобального взаимодействия.

Возможно ли, что, покидая ядро, волевой импульс уже несет в себе искажения? Да, возможно – ведь самоидентификация безошибочна лишь в том случае, если в ходе «личной истории» развития индивида прошло без существенных искажений; безупречна же самоидентификация лишь в том случае, если «личная эволюция» отработана до шестого логического уровня сознания, а значит, реализован, как минимум, феномен этноса. Во всех прочих случаях волевые импульсы ядра личности изначально искажены, поскольку неструктурированный, непроработанный шестой логический уровень («преломляет» в своих дефектах изначально «Я хочу» (восходящее, отметим в скобках, уже вовсе безымянному волевому импульсу сингулярности «+0»), о котором в Евангелии сказано: «Вначале было Слово...») ⁷⁴.

⁷⁴Библейская традиция указывает на Божественную волю как на первоисточник акта Творения. Далее, созданный по образу и подобию Божию, человек наделен свободной волей – свободной до такой степени, что Бог добровольно «умалется» в отношении нее, допускает человеку поступать соответственно собственным волеям, равно и добрым, и злым (это «умаление» известно как «кенозис» в богословствовании Отцов Восточной Церкви).

Цель свободы, – объясняет св. Григорий Богослов, – в том, чтобы добро действительно принадлежало тому, кто его избирает. Бог не хочет оставаться собственником созданного им добра. Он ждет от человека большего, чем чисто природной слепой причастности. Он хочет, чтобы человек сознательно воспринял свою природу, чтобы он владел ею – как даром – свободно, чтобы он с благодарностью принимал жизнь и вселенную как дары Божественной любви.

Замечательно, что в один ряд здесь ставится свобода, ответственность и любовь. Они действительно не существуют раздельно. Соответственно, неразделимы судьба и воля.

Таким образом, мы можем сказать, что формулировка первичного воления творящего Бога: «Да будет!» – соответствует человеческому: «Я хочу быть!» Их примиряет лишь любовь, объединяющая начальное Слово и слово человеческого устремления к жизни и совершенству.

Сказанное не значит, что у человека, чей шестой логический уровень не проработан, воление, покидающее ядро личности, всегда искажено, но оно неустойчиво и по-разному проявляется в разных «тематических» группах контекстов.

Далее воление пронизывает личность и при ее плохой структурированности также претерпевает различные искажения.

Все это, в совокупности, воспринимается нами как «паралич воли», «дефекты воли», «безволие» или, напротив, «агрессия», «эгоизм» и т. д.

В зоне второй барьерной мембраны, перехода от ядра личности к личности собственно, воля приобретает окраску дхармы – судьбы-долга, осознанного волевого импульса, согласующегося с парадигмой, в которой существует личность (пятый логический уровень, уровень космограммы). На уровне карт и контекстов она приобретает окраску судьбы-возможности, доли или мин (четвертый логический уровень, уровень убеждений).

В терминах «карма» и собственно «судьба» мы можем определить характер волевого импульса в зоне стратегий и перехода личности к проявлениям личности (третий логический уровень, уровень навыков – первая барьерная мембрана – второй логический уровень, уровень поведения). Здесь пресс энтропийных тенденций уже заметно преобладает и даже собственно действия и поступки воспринимаются обусловленными, вынужденными, принадлежностью, скорее, «внешнего» мира, чем «внутренних» побуждений. Есть большой соблазн при этом посчитать, будто бы такие действия и поступки вообще лишены какой-либо свободы выбора, но зависят от собственного выбора, но уже погружение центра осознания на шаг, а тем более, на два шага вглубь – на четвертый логический уровень (доля или судьба-возможность), где основная задача деятельности приобретает характер выбора, и на пятый логический уровень, где выбор следует из общей картины мироздания и определения своего места в нем, – открывает картину с иной точки зрения: участие собственной воли в происходящем становится очевидным.

Наконец, на самом краю обозримого «внутреннего» пространства антропосферы мы встречаем такие категории, как «фатум», «ананке», «рок», судьба – неизбежность. Трудно осознать в них в т. ч. собственную волю, результат собственной деятельности, тем более, что и на самом деле в этой зоне пресс энтропийных тенденций оказывается определяющим, но, стоит с глубокого логического уровня проследить всю цепочку превращений, модификаций волевого импульса – через зону самоидентификации, космограммы, карт, стратегий, процессов – вплоть до единичного точечного факта («знака» или «удара» судьбы, «веления» рока и т. д.), как становится очевидным присутствие изначально, образующей всю ветвь отреагирования воли и здесь.

Описанные нами модификации воли от уровня к уровню нормальны и закономерны, но если уже на уровне самоидентификации (шестой логический уровень) возможны те или иные искажения, то, тем более, они возможны там, где изначально воление «Я хочу» как бы размазано, ослаблено и скрывается за масками долга, судьбы и предопределения. Это воление чаще всего приобретает ложную формулировку «Надо» или уже вовсе лишнюю всякого активного начала «Так вышло», «Так происходит», «Так случилось» – воля уходит в песок и оборачивается самой настоящей неволей.

Восприятие собственного действия, собственного волевого акта в качестве чего-то абсолютно внешнего, абсолютно обусловленного тем острее, чем больше модуляция ядерного волевого импульса складывается от формулировки «фацера» к формулировке «нон-фацера» и далее – к «вати». Искусство «не-действия», и, тем более, искусство «гибкой стойкости» – это качество зрелого, хорошо структурированного сознания, оперирующего категориями космограммы и уровня самоидентификации.

Итак, мы видим, что, разделенные непреодолимым барьером с точки зрения линейного мышления, в терминах принципиальной нелинейности «фатум» и «воля» оказываются модификациями единого нераздельного отражения-отреагирования, разными этапами единого акта Активного Сознания, вовлеченного в Глобальное взаимодействие и существующего только в этой неизбежной вовлеченности. Фатум и воля и все их промежуточные формулировки, все названные и не названные нами лики уравновешиваются в зоне четвертого логического уровня, в зоне карт, комплексно моделирующих конкретные жизненные контексты. Таким образом, карты, а также синтезирующая их космограмма и построенные на их базе стратегии играют центральную роль во всем механизме отражения-отреагирования человеческого существа, определяют его эффективность или, точнее, как предпочитает формулировать структурная психосоматика, истинность и сущность. Для нас важно подчеркнуть при этом, что неуспешность, неистинность, несущность-

ность любой человеческой деятельности, тем более, патология любого типа⁷⁵ суть следствие нарушений структурной организации соответствующих логических уровней сознания, их собственной истинности и несущности.

⁷⁵Говоря здесь о патологии, мы имеем в виду не только болезнь в медицинском смысле слова (хотя именно такого рода отклонения, в первую очередь), но и всевозможные социальные и социально-психологические отклонения, которые, во-первых, не позволяют человеку быть успешным в культуре, социальной и природной среде, а, во-вторых, не позволяют совершиться «личной эволюции» индивида.

ГЛАВА I Ч. 2

Давая подобное, достаточно нечеткое определение, мы должны иметь в виду два обстоятельства: понятия «успешность» и «неуспешность» весьма относительно, и человек может представляться вполне успешным по меркам окружающих и того социального слоя, к которому принадлежит, но при этом являться «патологической» личностью. Успешность должна здесь пониматься с точки зрения реализации задач ядра личности (дхармы) и, в какой-то степени, может ассоциироваться с категориями «гармонии», «смысла жизни» и «счастья». Второе: мы должны констатировать, что часто «неполноценные» по меркам бытовой морали люди, например, инвалиды, вполне «успешны» в том смысле слова, который мы очертили. Они часто успешны и по житейским меркам. Примером может служить выдающийся психолог и психотерапевт Эриксон, тяжелый инвалид с детства. Другой, менее явный пример – Лаплас, у которого, вследствие перенесенного в детстве менингита, нормально функционировало только одно полушарие.

Эти дефекты могут быть выявлены, проанализированы и скорректированы – в этом, в частности, структурная психосоматика и видит свою задачу как специальная дисциплина, обладающая собственной концепцией, методологией и техниками воздействия. Проблема «воли» предстает перед нами еще в одной своей важной плоскости – «мотивации» – когда мы говорим о терапии и ее успешности. Наличие у пациента «воли к жизни», «воли к выздоровлению» – важнейшее условие успешности любого лечения. Это хорошо понимали медики традиционных школ. Вот что, например, говорит И. И. Сипягин, знахарь в восьмом поколении: «... Но самое главное и самое сложное – знахарь, применяя, в том числе, и ряд специальных приемов (темп и характер речи, эмоциональную окрашенность слов и т. д.), старался пробудить и освободить волю больного, направить ее в русло выздоровления и отстранить затуманенный схематическим восприятием жизни разум. Здесь он следовал принципу: «тело знает, а разум не дает», т. е. любая терапия рассматривалась как помощь, минимальная коррекция, толчок, а исцеление совершалось самим больным, причем через внутреннюю духовную работу.» (И. Сипягин, Н. Борисов «Подвижное равновесие. Очерки русской знахарской традиции» – «Целительные силы», № 3, 1997). Структурная психосоматика в своей практике всегда учитывает момент мотивации, стремится опираться на таковую и ориентирует свои техники на мобилизацию собственной воли пациента, высвобождение волевого ядра, разделение сущностных волевого и их искажений, вызванных сущностными нарушениями структуры. Заметим в заключение, что «личная эволюция» личности вообще возможна лишь при условии сильной и устойчивой мотивации к развитию.

2. ПРОБЛЕМЫ ТЕЛЕСНОСТИ – КУЛЬТУРАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Проблема телесности представляет собой одну из коренных проблем современной западной цивилизации. Такая постановка вопроса может показаться парадоксальной или даже сомнительной. Приходится постоянно слышать о «проблемах духовности», о «духовном кризисе общества», о «бездуховности молодого поколения» и т. д. Средства массовой информации и общественное сознание буквально зашкварены на обсуждении и смаковании различных аспектов плоти и ее материальной «обертки» – эротике, моде, бодибилдинге, вопросах питания и т. д., ставших опознавательным знаком эпохи. Однако именно эти внешние признаки телесной ориентации массовой культуры служат хорошим свидетельством структурного кризиса.

Дело в том, что «смелость» и «откровенность» масс-медиа, ориентация «среднего человека» на потребление материальных составляющих культуры, определенный «культ плоти», проявляющийся и в росте всевозможных «оздоровительных движений», и в кинематографе, и в массе других крупных и мелких феноменов «западного образа жизни» – все это говорит о фатальном разделении тела и духа, о непримиримом полном противопоставлении одного другому.

Шаблоны массового мышления утверждают, что путь развития – это путь «духовного совершенствования», что «духовность» (сочетающаяся с пренебрежением к плоти) элитарна. С другой же стороны, «чистая телесность» – материальна, присуща тем лицам, которые «смело бросили вызов» и выставили на показ свою плотскую компоненту взамен духовной. Мы видим, что плоть в такой трактовке – это, в той или иной степени, «животная плоть», а дух вообще не имеет ничего общего со здоровым человеческим духом, поскольку считается атрибутом существа, абсолютно пренебрегшего собственной «телесной оболочкой».

Корни этой проблемы имеют историческую почву. Западная цивилизация, частью которой в этом случае является и цивилизация нашей родины, покоится, как на фундаменте, на ряде древних культур. Одному из авторов довелось видеть в Праге дома, окружающие Старо Мьясте – у них романские полуподвалы, готические первые этажи, надстройки, появившиеся во времена Ренессанса и в XIX веке. Когда-то эти дома, разумеется, строились как единое целое, но превратности истории привели к некой «слоистости» их современной структуры – войны, нашествия и другие бедствия разрушали город, но не до основания – что-то всегда оставалось.

Такая же «слоистость» присуща и культуре. В основании западной цивилизации покоятся индоарийские, древнеегипетские, кельтские, древнеславянские, древнегерманские и другие элементы, среди которых особое место занимают античные, восходящие к Элладе и Риму. Мы говорим «античность», не осознавая, что Греция и Рим – это, по существу, совершенно разные цивилизации. Более того, классическая Греция, до Пелопонесских войн и Македонской экспансии, и поздняя эллинистическая цивилизация являются носителями родственных, но все же существенно различных культур. Та модель вертикали «тело-душа-дух», то отношение к телесности, которое мы здесь называем «античным» присуще периоду классической Греции – в более позднем времени они претерпели постепенную деграляцию и извращение вплоть до вырождения в собственную противоположность в ряде важных моментов.

Античность имела совершенно иную, отличную от нашей, модель восприятия вертикали «тело-душа-дух». Эти сущности представляли в психосоматическом единстве. Лучшим выражением такого восприятия служит определение необразованности, бытовавшее в Древней Греции: «Он не умеет ни читать, ни плавать», – духовное и телесное совершенство не разделялось и не противопоставлялось. Об этом же свидетельствует и практика Олимпийских (и также других общегреческих) игр, чемпионами которых становились и очень «продвнутые» люди, подобные Пифагору и Платону.

Подобные же взгляды характерны и для других традиционных обществ – древнеиндийского, древнекитайского и т. д. Огромное внимание работе с физическим телом уделялось и в практических разделах Каббалы – древнего мистического учения Израиля.

Тело человека рассматривалось как модель Вселенной, а каждый конкретный человек и человечество в целом – как клетки единого гигантского организма, построенного по принципу подобия. Представления о соотношении тела и духа были разными – иногда тело представлялось сосудом души, а в других системах они были неразделимы⁷⁶, однако всегда подчеркивалась необходимость соответствия между разными составляющими человеческого существа, методы совершенствования в равной степени ориентировались и на тело, и на душу, и на дух⁷⁷, были разработаны специальные техники телесной работы – массажные, релаксационные, исследованы психоэмоциональные зоны на теле, связанные с глубокими психологическими и духовными проблемами.

⁷⁶Тело представлялось сосудом души в некоторых ближневосточных и средиземноморских религиозно-философских системах. Напротив, учение даосов, ведические и буддистские концепции видели психосоматическое единство в разрезе его принципиальной нерасчлененности. Так, дхармы, первоосновы всего сущего в школах ваджраяны, являются и физическими, и душевными, и духовными сущностями, они принципиально психофизичны – принципиально психофизичны и образованный ими проявленный мир, и человек, составляющий часть этого мира.

⁷⁷Неоднократно упомянутый нами восьмеричный путь йоги Патанджали состоит из ступеней яма, нияма (морально-поведенческие предписания и запреты), хатха, пранаяма (телесные практики – первая ориентирована собственно на тело, а вторая – «дыхательная гимнастика»), и только далее следуют ступени раджа йоги, причем и они сперва носят психофизический характер (контроль над чувствами и техники концентрации), а лишь затем ориентируются на медитативную работу с «духовными» уровнями вертикали (дхьяна).

Эти технологии были достоянием очень узкого круга людей – жрецов, членов эзотерических обществ и семейных медицинских кланов. До нас дошли лишь фрагменты этих знаний. Многие утеряно безвозвратно, но и то, что удалось собрать, сохранить, открыть заново, – не может не вызывать восхищения. Вместе с тем, практика повседневной жизни обязательно включала и индивидуальные телесные практики, и регулярное обращение к специалистам по телесной работе – в той же античной Греции массаж был повседневной гигиенической процедурой, столь же обычной, как ванна или макияж.

Важно при этом, что разрыва, фатального противоречия между духовной и телесной сферами не ощущалось. Тело низким образом не относилось к «запретному», «сомнительному», дух признавался господствующим, но лишь в смысле первенства, а не в смысле альтернативы.

Мы вовсе не утверждаем, что античное (в широком смысле слова) отношение к телесности было совершенным, мы не сторонники мифа о Золотом Веке. Индивидуальность в традиционном обществе понималась в значительно более узком смысле, чем сегодня, и то состояние личной свободы, которое хотя бы в принципе присуще т. н. «демократическому обществу», для античного человека, в буквальном смысле слова, представлялось немислимым (другое дело, что эта личная свобода влечет за собой массу экстремальных издержек – все же она позволяет, в потенции, развиваться в значительно более широком плане, нежели прежде). Важно другое: в традиционном обществе человеческое существо представлялось фактической данностью, все его, в том числе и телесные, составляющие – естественными и неизбежными. Для современного общественного сознания, напротив, человек в своем «наивном» состоянии представляется чем-то грубым, «недоделанным», едва ли не неприличным. Это «дикарь», «животное», «исходный продукт» и т. д., подлежащий цивилизаторской перделке.

Причем, речь идет не о развитии. Модель совершенствования человека в традиционном обществе соответствует схеме: «искаженное состояние» (инь) – «природное состояние» (юань) – «просветленное состояние» (ян). В современном западном обществе все иначе: «природное состояние» – «цивилизованное состояние». Второе вовсе не предполагает ни культуры тела (именно культуры, а не культа), ни культуры духа. «Цивилизованность», в конечном счете, оборачивается «механизацией».

Популярная культура всегда очень чутко реагирует на тенденции массового сознания, вскрывает их – это и не удивительно, ведь продукт популярной культуры – это, прежде всего, товар, который должен продаваться, а значит, пользоваться спросом. Неудивительно в свете сказанного появление стиля «техно-поп», сперва в литературе, а затем и в кинематографе. Будущее состояние человека рисуется здесь как его «киборгизация» при помощи различных мозговых и мышечных имплантантов и широкого применения психохимии.

Современная медицина действует в том же русле, предлагая человечеству все новые и новые протезы – фармакологические, электронные и даже психотерапевтические (именно в сторону «протезности» мигрировала практика психоанализа и НЛП). Принятая (главным образом, в Америке) практика работы с личным психоаналитиком, а также всевозможные «семинары деловой эффективности» по своей сути именно таковы: первая предполагает, что проблемы личности будут решены некоторым сторонним специалистом, вторые ориентированы на обучение некоторым заинтересованным «стратегиям эффективности» (эти стратегии, по большому счету, не могут быть сущностными, поскольку строятся не от собственной структуры, а имплантируются извне).

Неприятно современным западным человеком своего тела (да и всей своей психосоматической совокупности) в его природной данности, своих желаний, естественных проявлений и т. д. – проблема даже более важная, нежели экономические, экологические, политические и другие глобальные проблемы, так как все они – структурное отражение внутренних противоречий и конфликтов каждого отдельного человека и всего общества в целом.

Важнейшим аспектом означенного противоречия является глубокий конфликт между желаниями тела, которые, если структура индивидуума сущностна, представляют собой лишь периферическое выражение глубинных волеиных ядер, и системой запретов и ограничений, наложенных на них обществом.

Вот характерный пример: на одном из семинаров по НЛП американский психолог Джудит Делаژه рассказала интересную историю.

Она, будучи известным психологом, профессионально занимается также культурологией и этнографией (в сфере ее интересов традиционные культуры, особенно африканская).

В одном из племен Конго живет ее друг – колдун и шаман Мамбе. Когда она приезжает, они подолгу беседуют о жизни и смерти, времени и пространстве... Мамбе считается мудрецом, и к нему обращаются за советом самые разные люди из самых разных племен. Во время одной из бесед Мамбе спросил: «Джудит, скажи, пожалуйста, чем, по большому счету, отличается культура Европы и Америки от нашей культуры?»

И она, глубоко понимая это различие, сказала: «Понимаешь, в вашей, традиционной, культуре люди делают то, что они хотят делать. По этому принципу построены и ваши законы. В нашей культуре иначе. Чаще всего, человек хочет одного, а делает совершенно другое. И наши законы запрещают многие вещи».

Мамбе очень удивился и попросил рассказать подробнее. Джудит стала приводить различные примеры из многих сфер жизни. Например, человек с детства мечтает стать артистом, а учится на инженера. Женщина любит одного мужчину, а выходит замуж за другого.

Удивление Мамбе нарастало, и через некоторое время он сказал: «Стоп, Джудит, я, кажется, понял, о чем ты говоришь. Отче мне рассказывал, что лет пятьдесят назад в соседнем племени жил такой человек,» – потом Мамбе внимательно посмотрел на Делаژه и с тревогой воскликнул: «Только ты, Джудит, так никогда не делай! Болеть будешь!»

Действительно, чего представитель традиционной культуры понять не мог – это как можно не следовать своим естественным желаниям. А человеку нашей культуры так же трудно следовать своим желаниям и ощущениям. Ведь это требует одного – умения слушать и понимать язык своего тела, своей физиологии.

Но дело в том, что вся система западного образования, воспитания, вся идеология направлены на то, чтобы человек успешно функционировал в «цивилизованном» обществе, был послушен и подконтролен ему. Для этого, говоря образно, достаточно иметь одну голову, а тело выполняет своеобразную роль «подставки для головы» – и не более того.

Этот тип мышления, преобладающий в нашей культуре, носит название «дигитального» (логического, причинно-следственного). Его можно узнать по следующим модальностям высказываний: «надо», «необходимо», «потому что», «вследствие того», «известно» и т. д. Запретной же оказывается модальность «хочу».

Вместе с тем, в некоторых контекстах дигитальное мышление вполне успешно. Оно не может обеспечить и в них («гениальных прозрений», однако прекрасно обслуживает средний уровень профессиональной деятельности, скажем, в юриспруденции. В большинстве же жизненных контекстов, особенно касающихся межличностных отношений, а также принятия решений в многофакторных ситуациях, дигитальное мышление непродуктивно. Говоря в терминах психосоматики, это один из вариантов линейного мышления, причем далеко не самый изощренный вариант. Дигитальное мышление соответствует первому и второму логическим уровням сознания. Зона различных типов линейного мышления затрагивает и третий логический уровень. Соотнесенность дигитального мышления с зоной проявлений личности приводит к тому, что оно исключает человека, антигуманно, в прямом смысле слова (ведь в зоне проявлений личности человек не осознает самого себя, выводит самого себя за скобки происходящего). Беда не в дигитальном способе мышления как таковом – он вполне возможен (и даже необходим) в определенных ситуациях. Проблема состоит в генерализации этого способа мышления на огромное количество контекстов, где он крайне неэффективен. А это все ситуации, связанные с принципиальной нелинейностью, где причинно-следственные, линейные мыслительные программы «не работают».

Безусловно, огромную роль в формировании дигитального способа мышления внес протестантизм. Попытка жестко, рационально толковать тексты Священного Писания, снизить их логический уровень, привести в соответствие с узкопрагматическими интересами сама по себе дигитальна. Разумеется, стремительное распространение протестантских идей в Европе было в т. ч. связа-

но и с кризисом официального католицизма, глубокими структурными противоречиями внутри этого течения христианства. В этом смысле, ситуация в какой-то мере напоминала борьбу набравшего силу христианства в поздней Римской Империи с язычеством. Не вдаваясь в подробный анализ, можно отметить, что этот период (середина XVI века) стал второй зоной «искажения трансляции» первоначальных христианских идей и ценностей (разумеется, речь идет, в первую очередь, о бытовом сознании, но и не только о нем) в сторону принципиальной линейности, упрощенности, «дигитальности». Именно протестантизм стал мировоззренческой, философской основой той базы, на которой покоится «дигитальное» общество.

ГЛАВА I Ч. 2

Парадокс заключается в том, что до определенного этапа развития западного общества дигитальное мышление прекрасно обслуживало его суммарные социальные вопросы. Именно воспитанные в его русле люди и требовались для нормального функционирования государственных, экономических, социальных и культурных институтов. Нестандартное мышление вносило элемент нестабильности, а для осуществления прогресса и исполнения социальных ролей типа «свободный художник», «исследователь» или «создатель империи» (такие роли требуют принципиально нелинейного мышления) всегда хватало личностей, так или иначе «уклонившихся» от заданного стандарта. Сегодня ситуация коренным образом изменилась. Техника, всегда способствовавшая усреднению личностных показателей, вдруг обернулась к концу XX века новой гранью — с одной стороны, она чрезвычайно насытила быт именно многофакторными динамичными ситуациями, не допускающими формально-логического подхода (эта сторона представляет собой своеобразный техногенный пресс на сознание любого современного человека), а с другой стороны, возможности техники требуют значительно более высокого мыслительного потенциала, чем до сих пор. Если разобраться в ситуации непредвзято, западная цивилизация находится в структурном тупике еще и потому, что выработанный ею тип личности не справляется с требованиями нового этапа. При этом, прежние средства воспитания и социализации не способны воспитать личность нового типа. Отсюда и мечты о киборгизации — дальнейшее развитие видится все в том же русле технократической экспансии, только теперь областью этой экспансии становится человеческая природа.

Важно, что киборгизация, в принципе, не является невозможной. Но этот путь — явно тупиковый. Дело не только в том, что здесь мы можем потерять человека как такового, заменить его и не существом, и не механизмом, а чем-то средним, уязвимым в обоих планах — в принципе, с точки зрения Активного Сознания, материальное воплощение такового не имеет значения. Дело, прежде всего, в другом: киборг останется дигитальным, если его воспитание и социализация по-прежнему будут базироваться на старых принципах. Существует важное практическое правило, известное любому инженеру-телемеханику: нельзя автоматизировать беспорядок. Если структура человеческого существа во всей ее совокупности не станет объектом целенаправленной работы, если принципы «личной эволюции» не будут распространяться в широком бытовом плане, никакие компьютерные имплантанты не помогут.

Какова альтернатива? Поворот к самому себе. Это, в частности, означает смену ведущих мотивирующих модальностей поведения от «Надо» к «Хочу», обращение к «голосу тела». Такой поворот может показаться асоциальным (Как же возможно построить сколько-нибудь стабильные социальные отношения на базе раскрепощения личных желаний?). Но дело в том, что мы говорим о сущностных волениях ядра личности, а вовсе не о прихотях и эгоистических побуждениях в русле тенденции «все дозволено». Сущностные воления никоим образом не могут вступать в конфликт с общественными интересами, поскольку существование стабильного и гармонично устроенного общества является одной из важнейших жизненных потребностей личности. В сфере социальной сущностные воления «Хочу» неизбежно приводят к плюрализму, консерватизму и эволюционизму поведения и мышления⁷⁸.

всей суммой опыта человечества (консерватизм), неприятие революционных путей развития (эволюционизм). Все эти тенденции неизбежно ведут к стабилизации, однако не имеют с застоем ничего общего. Эволюционизм, в частности, предполагает возможность развития, но только консервативными методами и при обязательном плюралистическом отношении к элементам системы, которые «отстают» или «опережают» средний градиент эволюционных перемен.

Другое дело, что сущностность периферических желаний и обусловленных ими действий требует глубокой структурализации личности, целенаправленного образования. Проблема телесности выступает здесь важным маркером.

Достаточно внимательно разобрав, каким образом античная модель вертикали «тело-душа-дух» трансформировалась в современное полное противопоставление «низкой» плоти и «высокого» духа.

На первый взгляд кажется, что виной всему христианизация западного общества. Безусловно, христианство, в своей сниженной бытовой трактовке, внесло здесь немалую лепту, но мы беремся доказать, что христианский идеал никоим образом не ведет к отрицанию плоти как таковой — богословские аргументы частью уже приводились нами ранее. Можно резюмировать, что, в соответствии с учением Церкви, человек был создан телесным существом, причем эта первоначальная телесность «Адама в Раю» не содержала изъянов. Болезни и смерть, не сотворенные, как и всякое зло, Богом, были привнесены в мир грехопадением — они не имеют ничего общего ни с Божественным замыслом, ни с человеческой природой в ее истинности. Так же и Воскресение христианство, в отличие от восточных религий, трактует телесно (точнее, целокупно): все мы восстанем из мертвых не только в душе и духе, но и в физическом теле, претерпевшем преобразование, подобное преобразению Господа на горе Фаворской. В этом суть христианской мистерии, об этом говорят и Отцы Церкви; само воплощение Логоса в телесном облике человека, рожденного смертной женщиной, его плотская жизнь, плотские страдания и плотская смерть свидетельствуют об этом⁷⁹.

⁷⁸Телесной символике отведено большое место в библейских текстах: Ева ранена в ятку, Иаков ранен в бедро в таинственной ночной битве с ангелом, сила Самсона коренится в его волосах. «Песня Песней» и «Книга Иова» обращаются к телу как к символу счастья и страдания, тончайшей мистикой тела — а не только духа — исполнены все Евангелия...

Почему Священное Писание говорит постоянно о теле и его отдельных частях? Или (только на первый взгляд этот вопрос не имеет отношения к предыдущему, на самом деле это тот же самый вопрос) почему нас преследуют те или иные телесные недуги?

С точки зрения глубинной ветхозаветной и раннехристианской традиции ответ прост: человек — Образ Божий. Секрет этого образа — ядро, Божественный зародыш — находится в глубинах человеческого существа. Человеческое тело — проявление этой сути, отражение живого Бога. Здесь заключена программа нашей дальнейшей эволюции. Вот почему каждый орган и каждая часть тела несет, помимо физиологической функции еще и духовную — для того, чтобы мы могли воплотить в себе Образ Божий и, преобразившись, стать подобием Божию.

Если мы не выполняем эту программу, то предназначенные для ее осуществления силы, содержащиеся в том или ином органе или части тела, блокируются. Они не могут найти своего воплощения — и возникает болезнь. Таким образом, болезнь — это язык, посредством которого с нами говорит тело, повествуя о духе. Иногда наша болезнь прямо указывает нам путь, по которому мы должны идти. Если мы лечим внешние проявления болезни, то, таким образом, отвергаем послание Бога, которое Он хочет нам передать через тот или иной телесный недуг.

Однако, одним богословствованием жизнь Церкви, а тем более жизнь вовлеченных в той или иной степени в русле церковной истории людей, не исчерпывалась и исчерпываться не могла. Два момента здесь сыграли ведущую роль — воспитательные задачи Церкви, действовавшей в условиях поздней Римской Империи, и религиозно-политическая борьба с язычеством. Надо учитывать, что общество периода после Нерона и Тиберия во всех отношениях отличалось от классической античности. Падение нравов и общий структурный кризис сознания достигли ужасающих размеров — ситуация во многом напоминала сегодняшнюю, приходящую современной евро-американской цивилизации. Изменилось и отношение к плоти, которое потеряло гармоническую соразмерность. В этих условиях носители новой, христианской, идеологии повели борьбу не с причинами, а со следствиями происходящего. Осуждение «разгула плоти» стало приобретать черты осуждения плоти как таковой. Но, как видим, все это было лишь следствием, а не причиной. Борьба с идолами и, прежде всего, богами плодородия, теснейшим образом связанными с телесными практиками, усугубила дело. А довершило его крушение Римской Империи, поглощенной волнами варваров. Принято считать, что после этого

⁷⁹Мы понимаем под этими терминами следующие тенденции: терпимость к иным идеологиям и убеждениям, признание множественности истины, или, точнее, множественности возможных способов описания реальности (плюрализм), ориентацию на традицию и признание, что достижения сегодняшнего дня обусловлены

наступил хаос, «темные века» раннего средневековья. К этому заблуждению мы еще вернемся, а сейчас отметим, что бедствия, постигшие культуру Европы, в которых обвиняют именно христианство, лишь развернулись на фоне его утверждения в качестве господствующей идеологии. Их корни глубже. Можно высказать даже более решительно: «бытовое христианство» испытало влияние поздней античности и именно у нее позаимствовало черты сознания, характеризующегося, в частности, полюсным противопоставлением тела и духа.

Удивительная культура телесности, созданная в древней Элладе, была повержена и уничтожена еще во времена междоусобных Пелопоннесских войн и римских завоеваний. В синкретическом культуральном котле Империи она была разжижена и извращена различными иноземными влияниями (такие влияния и заимствования всегда поверхностны и ориентированы, как и сегодня, на экзотику и новизну). Разрушение храмов и библиотек, прекращение, а далее и запрещение, Олимпийских Игр и других спортивных состязаний – все это сопровождало еще период заката классической Греции, а далее – времена римской экспансии, гражданских войн, становления Империи и ее вырождения, и дальнейшего крушения. Можно сказать, что «безграмотным монахам»⁸⁰ достались лишь обломки былого величия. Наступило средневековье.

⁸⁰Именно монахи, в особенности, монахи-бенедиктинцы ирландских и северо-итальянских монастырей сохранили для нас те античные тексты, которые ныне находятся в нашем распоряжении, и, отчасти, самый дух античной учености. Сохранение и переписка книг были важнейшими целями ордена. Возникший позднее францисканский орден также знаменит утонченной ученостью многих своих членов. Францисканцами были и Роджер Бекон, и Оккам.

Любопытно, что мы представляем себе средние века лишь по историческим романам, отражающим, главным образом, черты Европы и Возрождения позднего средневековья.

Раннее средневековье было иным. Оно, в качестве неотъемлемого элемента собственной идеологии, неизбежно включало и соотвествующие телесно-ориентированные элементы. Юг Европы находится под влиянием арабской культуры, сохранившей сильные черты античности. Прованс, с его утонченной куртуазностью, предстает сегодня перед нами удивительным оазисом высокой цивилизации – к сожалению, альбигойские войны пресекли эту ветвь эволюции, хотя ее отголоски питают Запад и сегодня. На Севере Европы смешивались бретонская (кельтско-римская по своей сути⁸¹), германская и славянская (эти две сохраняли еще явные черты индоарийской древности) культуры.

⁸¹Еще двумя оазисами античной учености были арабский мир и британские земли (Англия, Корнуэлл, континентальная Бретань и Уэльс). Университеты Магриба и мавританской Испании, монастыри и правящая элита Бретани, Прованс, Лангедок и Оверн, позаимствовавшие многое от арабов, в частности, поэзию в духе трубадуров, и, кроме того, расположенные вблизи античных колоний, основанных еще греками (таков Марсель – древняя Марсала), не испытали такого «слома» эпох, как прочие области Старого Света. Бретань представляет собой особую зону – здесь очень сильное влияние Рима смешалось с местными глубокими и интересными кельтскими традициями – они ощущаются в ткани европейской культуры и сегодня (достаточно вспомнить Кружный Стол и короля Артура, фей, магов и друидов – все это кельтские элементы).

Их активность и «молодость», сочетавшиеся с наследием более древних народов, способствовали сохранению вполне существенных моделей вертикали – иначе и быть не могло в обществе, в значительной степени ориентированном на военное сословие. Мы очень мало знаем о культуре кельтов, древних германцев и славян – она осталась вне зоны внимания школьных курсов истории. Однако, если подвергнуть анализу дошедшие до нас саги, былины и т. д., назвать эти культуры лишенными «телесности», причем в «высоком» смысле этого слова, невозможно. Можно, к примеру, вспомнить известное нам по ирландским сагам воспитание героев феями или полные глубокой телесной символики былины о смерти Святогогора и исцеление Ильи Муромца. На Востоке континента господствовала Византийская Империя, унаследовавшая многие черты позднего Рима, преломленные идеологией Православия.

Если подходить непредвзято, то мы видим, что культура раннего средневековья демонстрирует преобладание здоровых черт, которые могли бы, при удачном стечении обстоятельств, привести к новому расцвету. К сожалению, все погубило в пламени междоусобиц и войн – новых нашествий с Востока, а затем и религиозных войн периода Реформации.

Именно переход к новому средневековью, веку пышному и «гнилому», и далее – к Возрождению знаменует переход к новой эпохе развития западной цивилизации. Закату этой эпохи мы и являемся свидетелями. Вместе с новой эпохой пришел и новый человек. Мощный атлет-философ или воин-поэт (средний рост эллинов в период античности составлял около 182 см) уступил место непропорциональному карлику (около 150 см на рубеже XIV и XV вв.).

Мы привыкли считать, что Возрождение было движением за возрождение античных идеалов и античного мирозерцания, а Просвещение – веком освобождения человека от иррациональной мистики Средневековья, мракобесия и клерикальных запретов. Это не так. Это не могло быть так.

Мы не будем подробно разбирать этот вопрос, отсылая читателей к специальной литературе, например, к замечательной работе Лосева «Эстетика Возрождения», отметим лишь, что именно возрожденческое «новое обращение» к вопросам телесности поставило эти вопросы в зону гротеска, извращения и излишества разного рода – достаточно вспомнить один из манифестов возрожденческого сознания «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле. Здесь обращение к плоти приобретает черты вседозволенности, разгула, гипертрофии и гротеска. Чего стоят сами образы великанов (плоти, а не духа) Гаргантюа и его отца Грангуэзе («гигантская глотка»), описание пиров и снеди (например, в эпизоде битвы Поста и Масленицы или острова Колбас) или изощренное перечисление синонимов слова «кал». Разумеется, это не могло не вызвать ответной реакции. Знаменателен тот факт, что и инквизиция появилась лишь в эпоху Возрождения.

Итак, Возрождение поставило вопросы телесности в зону моральных запретов, придало плоти привкус запретного и сомнительного. Именно в эту эпоху (середина – конец XVI века) мы наблюдаем начало искусственного разделения вертикали «тело-душа-дух» на «высокий дух» и «грешную плоть». Идеалы Высокого Возрождения, охватывающего в Италии не более 50 лет (приблизительно 1480-1530 гг.), были повержены. Но именно на этот короткий период приходится наивысший расцвет философии, науки, архитектуры, изобразительного искусства. Он напрямую связан с огромным интересом к античному наследию: именно на это время приходится наибольшее количество публикаций античных рукописей и манускриптов, наибольшее количество археологических находок. Интересна позиция и официальной католической церкви в это время – античная культура никоим образом не противопоставлялась христианской идее, более того, именно христианская культура признавалась полноправной правопреемницей античного наследия. Свидетельством тому являлись и лучшие античные скульптуры, открыто выставленные в специально созданном для их демонстрации Ватиканском Бельведере. Соседство обнаженных античных героев и изобразжений христианских подвижников никого не смущало – напротив, оно только подчеркивало преемственность культур (например, в стансах Рафаэля в Ватикане). К сожалению, с началом контрреформации эти тенденции не только не получили развития, но и оказались под жестким запретом. Наглядной иллюстрацией этого являются печально известные распоряжения Павла VI, вступившего в 1536 г. на папский престол – вынести из Бельведера и спрятать все античные скульптуры и задрапировать обнаженные фигуры на фреске «Страшный Суд», выполненной Микеланджело для Сикстинской капеллы.

Именно на этот период (середина 1520-х-1560-х годов) приходится расцвет такого широкого движения, не только в изобразительном искусстве, но и в философии, как маньеризм. Болезненная изломанность и чрезмерная утонченность, даже жеманность образов, сложная система символов и аллегорий, принципиальная установка на «избранность», элитарность, герметизм – вот основные характерные черты этого стиля. Конечно, все это свидетельствует о глубоком духовном и мировоззренческом кризисе общества, имевшем в т. ч. и глубокие объективные причины. Другое дело, что предвестники этого кризиса были заметны значительно раньше. Например, мы можем явственно увидеть их в картинах позднего Леонардо («Иоанн Креститель», «Вах», Париж, Лувр) и, особенно, позднего Рафаэля («Преображение», Рим, музеи Ватикана). Но повторимся – мировоззрение Высокого Возрождения было, безусловно, иным. Именно итальянская гуманизм – Пикоделла Мирандола и Марсилино Фичино возродили знаменитый принцип: «человек есть мера всех вещей» – но не потому, что он находится в центре мироздания, а потому, что создан по образу и подобию Божию.

Поэтому, говоря о начале глубокого культурального разделения «духа» и «плоти», авторы имеют в виду, в первую очередь, позднее Возрождение. Просвещение довершило этот процесс, выпячивая рационализм и науку, технику и порядок на первый план. Отныне тело стало сомнительным и малопочтенным, «низким» в противовес «высокому» разуму и «творческому гению». Достаточно вспомнить, что Просвещение наградило нас механистической парадигмой и дигитальным мышлением.

ГЛАВА I Ч. 2

Так или иначе, проблема остра. Одна ее постановка уже бросает вызов человеческому сознанию. Еще важнее четкое понимание сути проблемы – идеологического расчленения составляющих вертикали «тело-душа-дух» с дальнейшим противопоставлением «верх» и «низ». Важно также осознать исторические истоки такой полноты и ее укорененность в таких общественных институтах как школа, массовая культура, философия и наука. Противопоставить всему этому мы можем лишь последовательно психосоматический подход, базирующийся на нем принципы «личной эволюции» и овладение методами принципиально нелинейного мышления, требующего от нас внимательно прислушиваться к «голосу тела». В конечном счете, все это призывает нас к личному действию – иначе не может и быть, ведь структурная работа – это всегда процесс высвобождения индивидуальных личностных волеи, дело сугубо «частное», но именно потому и «общее». Переход к новой парадигме, к более сущностной модели мира и человека может происходить только единственным образом – через личные усилия отдельных людей к трансформации базовых социальных и культуральных институтов, ответственных, прежде всего, за воспитание, охрану здоровья и формирование массового сознания. Такой переход жизненно необходим – альтернативой ему может быть только углубление структурного кризиса западного человека и западного общества и его последующий слом. Перемены наступят так или иначе. Весь вопрос, какие это будут перемены. Повторятся ли ситуации, сопровождавшие гибель античной культуры, крушение Римской Империи и общества раннего средневековья, или нам удастся выйти на новый виток развития, не утратив ничего истинно ценного и обретя новые качества.

3. РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЕ СИСТЕМЫ И КАЛИБРОВКА

Концепция «репрезентативных систем», являющаяся одним из главных достижений НЛП, интересует нас с нескольких точек зрения:

* как практическая система, необходимая и принятая в техниках структурной психосоматики;

* как теоретическая модель, позволяющая продемонстрировать некоторые тонкие моменты последовательного психосоматического подхода;

* как дидактический материал для прояснения смысла таких непростых понятий как «калибровка», «присоединение» и «ведение».

Как уже отмечалось, в классическом определении «репрезентативная система» – это тот или иной способ получения и внутренней обработки информации. Классификация проводится по психофизическому признаку – преобладание того или иного сенсорного анализатора – визуального, аудиального или кинестетического. Само по себе подобное деление не имело бы особого значения, если бы не были разработаны простые и доступные методы калибровки – определения по внешним вербальным и невербальным реакциям, в какой именно модальности внутреннего опыта протекает психическая деятельность конкретного человека, и к какому типу модальности эта деятельность обычно склоняется.

Таким образом, основанная на принципах определения репрезентативной системы, калибровка преследует на практике две цели:

* определение генетической предрасположенности личности к предпочтительной обработке информации в формате того или иного сенсорного анализатора;

* определение, какой именно анализатор предпочтительно используется в том или ином контексте для решения той или

иной задачи отражения-отреагирования, и каким образом, при этом, такая деятельность вербализуется.

Дальнейшее сопоставление полученных данных позволит делать различные выводы о внутренних конфликтах, истинности и неистинности высказываний и т. д.

Возможность определения модальности внутреннего опыта по внешним признакам не должна нас удивлять. С точки зрения психосоматики она представляется естественным фактом. Действительно, человеческое существо, как мы знаем, едино по вертикали «тело-душа-дух», ориентация же техники калибровки на психофизическую, т. е. центральную, часть отражения-отреагирования, ее механизм, оказывается наиболее продуктивной – здесь естественным образом одинаково доступными оказываются и периферические феномены (вербальные и невербальные реакции), и «внутренние» образы.

Калибровку можно производить по целому ряду признаков (исторически первым таким признаком были глазодвигательные реакции, роль которых была выявлена еще Эриксоном) – мы выделили ведущие, расположив их в порядке уменьшения зависимости от базового генотипа человеческого существа.

1. Конституция, тип сложения. Классификаций конституционных типов существует великое множество. В НЛП (структурная психосоматика следует тому же принципу) выделяются эндоморфный тип (склонный к полноте), эктоморфный (сухоощавый) и мезоморфный (среднее сложение). Таким образом, за основу принимаются индивидуальные особенности процессов ассимиляции питательных веществ, внутреннего метаболизма, тонких глубинных тенденций физиологических процессов, которые находят свое выражение в периферических особенностях телосложения. Очень часто бывает так, что конституционный тип конкретного человека сам по себе противоречив – у него, скажем, торс эндоморфа, а ноги эктоморфа и т. д. Такое обстоятельство следует учитывать как признак очень глубокой неконгруэнтности, чаще всего связанной с нарушениями трансляции генотипа в его глубоких зонах.

2. Тип дыхания. Этот признак относится к наиболее глубинным и, несомненно, зависит от конституционного строения. Выделяются верхний тип дыхания (грудной), нижний (животом) и средний (диафрагменное дыхание). С другой стороны, Йога и цигун давно выявили тесную взаимосвязь дыхания и типов дыхания с тонкими психическими и духовными процессами и функциями человеческого существа. Как уже отмечалось, пранаяма представляет собой четвертую ступень Патанджали – Йоги, а даоинь дыхания, наряду с даоинем положения и ментальным даоинем, составляет неотъемлемый элемент любого комплекса цигуна. Таким образом, каждому упражнению в этих традиционных системах (в том числе, и упражнениях хатха-йоги) соответствует свой предписанный тип дыхания, глубина, ритм и т. д. То же можно сказать и о других видах энергетических гимнастик (тибетских, восходящих к индейцам, как, например, тансегрити и т. д.) и таких малоизвестных практиках как православное «умное делание». Вообще, дыхание оказывает глубочайшее воздействие на всех уровнях вертикали – физиологическом, эмоциональном, духовном. Любопытно, что особенное (по сравнению с прозой) воздействие поэтического слова может быть объяснено именно сильнейшим психологическим воздействием дыхания. Оно передается через ритмическую организацию стиха, причем, не только через метр, но и при помощи более тонких нюансов – цезур, дополнительных ударных и безударных слогов и т. д. (недаром так сильно воздействуют на эмоции те стихотворения, где ритмическая структура наиболее приближена к циклической организации дыхания). Этот феномен весьма интересен для пристального анализа средствами структурной психосоматики: «внутреннее» состояние поэта, сумма его психосоматических реакций закрепляется через ритм дыхания в ритмической организации стиха, а затем через нее, воздействуя опять-таки на дыхание (речь непосредственно связана с дыханием, и прочтение какого-либо текста даже «про себя» непосредственно воздействует на него), порождает подобное состояние у читателя – подобное, но не тождественное, ведь структура текста воспринимается через собственную структуру читающего его человека. Отсюда «любовь» или «нелюбовь» к тем или иным поэтам, а также индивидуальность прочтения даже вошедших в хрестоматию и, казалось бы, «вычитанных до последней

буквы» стихов, отсюда же необычайная трудность перевода поэтического слова, который в лучших образцах должен быть не переводом и не переложением, а воссозданием.

3. Привычная поза (поза комфорта), которую человек принимает, не задумываясь о производимом впечатлении и вне какой-либо «дисциплинирующей» социальной ситуации (не «на плацу»). Ясно, что такая поза также является производной от конституции. Она может быть расслабленная (опущенные плечи, несколько сутулая спина), выпрямленная или промежуточная.

4. Темп речи – быстрый, средний, медленный. Темп речи обусловлен динамикой «внутренней» деятельности и степенью вербализации внутреннего опыта в момент таковой. При строгом подходе выясняется, что этот показатель неспецифичен – один и тот же человек в разные моменты, когда центр осознания находится на разных логических уровнях, склонен к разному темпу речи. На глубоких уровнях сознания вербализация внутреннего опыта затруднена, что сказывается и на темпе речи, в ткани которой возникают паузы-разрывы – человек начинает говорить, как бы подбирая слова. Между прочим, быстрый и «бойкий» ответ на вопрос, заведомо адресованный глубинным уровням сознания, свидетельствует о неискренности отвечающего – вместо того, чтобы вербализовать процесс некоторой «внутренней» деятельности, он выдает заранее заготовленный ответ т. н. «дигитальная» болтовня – пустое бытовое резонирование также сопровождается быстрым темпом речи и бывает характерно для тех жизненных контекстов, когда люди говорят между собой, не имея подлинного интереса к общению, не желая на самом деле чего-либо высказать и что-либо узнать. Дигитальная болтовня проявляется также и в тех случаях, когда личность под влиянием своих несущественных структур стремится как бы отдалиться от процесса общения – такое наблюдается, например, на терапевтических сеансах, когда «разоблачение» ложного «я» личности становится неизбежным.

Более точно будет говорить о среднем сравнительном темпе, который естественен для данного индивида (при определении генетической предрасположенности к той или иной сенсорной системе обработки информации) и при отклонениях от него (при калибровке текущей модальности внутреннего опыта).

5. Тембр голоса. Этот показатель весьма специфичен и связан с конституционным типом. Тем не менее, нередко мы наблюдаем, что в каких-то контекстах тембр голоса конкретного человека резко меняется (мы говорим, что «голос срывается») или «садится»). Для опытного терапевта это очень важные маркеры, отличающие существенные моменты внутренней деятельности – эмоциональные пики, внутренние конфликты и т. д. Различают высокий, средний и низкий тембр.

6. Преобладающая жестикуляция. Она может проявляться ниже, выше или на уровне диафрагмы. Жестикуляция связана с конституционным типом и, отчасти, типом дыхания, но в очень большой степени она зависит от текущей модальности внутреннего опыта. Следует учитывать также глубину транса и ряд «внешних» факторов – присущие данному конкретному человеку культуральные, социальные, национальные и т. п. особенности. Влияние национальных особенностей и особенностей, связанных с воспитанием, очевидно. Однако, подобное воздействие может быть и более тонким. К примеру, известного советского актера и режиссера И. Владимиров, который, кроме того, вел курс в Театральном институте, раздражала жестикуляция общающихся с ним людей. Неудивительно, что в его присутствии зависимые от него в социальном отношении люди стремились вовсе избежать жестов. Специалист должен всегда учитывать подобные особенности текущих контекстов, в которых проводится калибровка.

7. Используемые в речи предикаты, т. е. ключевые, оценочные слова, качественно характеризующие ситуацию или ее важные аспекты, в целом и применяемые в качестве постоянной вербальной конструкции. Например, в сознании кинестетика нейтральными словам «думать», «решать» синонимичны слова «чувствовать», «ощущать», они и будут употребляться чаще всего. Для визуала синонимы иные – «смотреть», «видеть», а для аудиала – «слушать внутренний голос». Нейтральная фраза: «Давайте обдумаем ситуацию и примем решение.» – в этих трех случаях может приобрести следующие формы:

«Давайте прочувствуем ситуацию и сделаем правильные шаги.» – кинестетик.

«Давайте рассмотрим ситуацию и определим дальнейшие перспективы.» – визуал.

«Давайте прислушаемся, что подсказывает нам внутренний голос по поводу ситуации и необходимых действий.» – аудиал. В литературе описан случай, когда при деловом общении предложение, высказанное одному солидному бизнесмену, было безоговорочно отвергнуто. Авторы забракованного проекта были знакомы с базовыми техниками НЛП и, поразмыслив, убедились, что обращались к кинестетику, используя аудиальные предикаты – они повторили свое предложение буквально через пятнадцать минут, используя кинестетические предикаты, – и оно было принято. «Что же вы сразу толком не объяснили!» – воскликнул бизнесмен. Таким образом, находясь в одной модальности внутреннего опыта, он просто не воспринял смысл сообщения, сформулированного в другой модальности, и отверг не его суть, а чуждую собственной структуре форму. Таких примеров можно привести множество.

8. Глазодвигательные реакции. Это важнейший признак при калибровке текущей модальности внутреннего опыта. Установлено, что не контролируемое сознательно направление взгляда является отражением определенных, развивающихся в данный момент, стратегий: для врожденного правши⁸² взгляд вправо-вниз (по отношению к наблюдателю) означает кинестетическое ощущение, влево-вниз – внутренний диалог, по средней линии вправо – аудиальное конструирование, по средней линии влево – аудиальное воспоминание, вправо-вверх – визуальное конструирование, влево-вверх – визуальное воспоминание (рис. 63).

⁸²У врожденных левшей, соответственно, глазодвигательные реакции зеркально симметричны. Эта закономерность носит универсальный характер с одним исключением: установлено, что у врожденных правшей-басков они соответствуют реакциям врожденных левшей других национальностей, и наоборот. Причина такой аномалии остается загадкой.

Таким образом, по верхней линии представлены визуальные «внутренние действия», по средней – аудиальные, по нижней – кинестетические, направления влево связаны с воспоминаниями, а вправо – с конструктами⁸³.

⁸³Таким образом, кинестетические ощущения оказываются подобными конструктам, а «внутренний диалог» – воспоминаниям других модальностей, что, в частности, говорит о не меньшей сложности организации «телесного чувства» (ощущение в этой модальности оказывается аналогией конструирования, т. е. несет в себе черты не просто регистрации «внутренних» параметров, а сложной деятельности, связанной, в т. ч. с построением моделей, экстраполируемых в будущее или в фантазийный контекст) и родства «внутреннего диалога» с кинестетическими ощущениями (в обоих случаях активной составляющей выступает существо человека, на которого и направлен «вектор внимания»).

В соответствии с указанными маркерами, определяется тот или иной тип.

1. Кинестетический тип:

- ◆ эндоморфный тип сложения;
- ◆ нижний тип дыхания;
- ◆ расслабленная поза;
- ◆ медленный темп речи;
- ◆ низкий тембр голоса;
- ◆ жестикуляция на уровне живота;
- ◆ предикаты типа «ощущать», «чувствовать», «тяжелый», «легкий», «горячий», «холодный», «движение», «простой» и т. п.;
- ◆ преимущественно нижние глазодвигательные реакции.

2. Визуальный тип:

- ◆ эктоморфный тип сложения;
- ◆ верхний тип дыхания;

- ◆ выпрямленная поза;
 - ◆ быстрый темп речи;
 - ◆ высокий тембр голоса;
 - ◆ жестикуляция выше уровня диафрагмы;
- ГЛАВА 1** ◆ предикаты типа «видеть», «ясный», «точка зрения», «перспективы», «темный», «светлый», «обзор» и т. п.;

Ч. 2

- ◆ преимущественно верхние глазодвигательные реакции.

3. Аудиальный тип:

- ◆ мезоморфный тип сложения;
- ◆ средний тип дыхания;
- ◆ поза ближе к расслабленной, часто с наклоном головы в сторону собеседника (как бы прислушиваясь);
- ◆ средний темп речи;
- ◆ средний тембр голоса;
- ◆ жестикуляция на уровне диафрагмы;
- ◆ предикаты типа «слышать», «тихий», «громкий», «глухой», «гармоничный», «ритмичный», «созвучие» и т. п.;
- ◆ глазодвигательные реакции преимущественно на среднем уровне.

Существуют ли выделенные типы в чистом виде? Очевидно, что нет, но для нас с практической точки зрения и не представляется важным точная классификация типов. Значительно важнее другое: выявление текущей динамики модальностей внутреннего опыта, выявление неконгруэнтностей (об этой важнейшей категории мы поговорим подробнее ниже), определение модальности, необходимой для присоединения и т. д. Все это требует, прежде всего, быстрой и уверенной калибровки.

Научиться калибровать может каждый. Разумеется, личности, обладающие хорошей врожденной эмпатией, справляются с этим лучше, однако, калибровка уже потому доступна для всех, что все мы, в той или иной степени, пользуемся ею в повседневной жизни, причем вполне бессознательно⁶⁴.

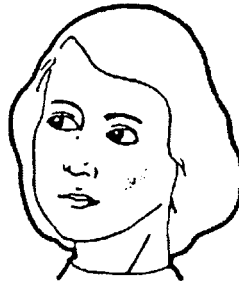
⁶⁴Преобладание в общении людей второй сигнальной системы (по Павлову) не отменяет важной роли первой. Не впадая в зооморфизм, интересно, тем не менее, вспомнить речь невербальных сигналов в поведении животных (позы, движения, сигнальные действия и т. д.). Прекрасными калибровщиками оказываются домашние животные и маленькие дети, понимающие без слов. Но и в жизни каждого человека бессознательная калибровка играет огромную роль — именно ей мы обязаны впечатлениями от того или иного человека в целом, которые вербализуются примерно следующим образом: «Не знаю, почему, но мне этот человек симпатичен». Или: «Он ничего не сделал плохого, даже ничего не сказал, но, тем не менее, я ему не доверяю.» и т. д.

Ориентация, в том числе и на невербальные каналы передачи информации, является необходимым условием умения общаться, улавливать нюансы и тенденции поведения других людей и т. д. Но бессознательная калибровка недостаточна для целенаправленной работы в техниках структурной психосоматики. Следовательно, необходимо не столько даже обучиться ей, сколько структурировать соответствующие карты, добиться устойчивого пребывания центра осознания в данной зоне во время работы.

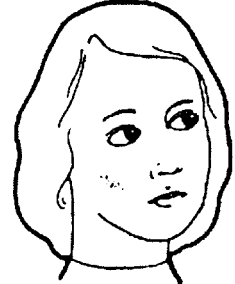
Сразу же отметим, что ни один опытный специалист не калибрует «по опроснику», т. е. никто и никогда не определяет последовательно тип сложения, дыхания и т. д. — оценка производится сразу и «обзорно». Когда потом такого оператора спрашиваешь, по каким призна-

ком он произвел классификацию, когда сам пытаешься описать процесс калибровки, единое действие начинает распадаться на фазы — да, действительно, глазодвигательные реакции такие-то, предикаты такие-то, все правильно, но явно ощущается, что нечто важное ускользает, не поддается вербализации. Дело в том, что, во-первых, калибровка осуществляется по «совокупному впечатлению», это скорее мастерство в смысле искусства, нежели отработанная пооперационная процедура, во-вторых, оператор находится на глубинных уровнях сознания — не ниже четвертого, на которых вербализация принципиально затруднена.

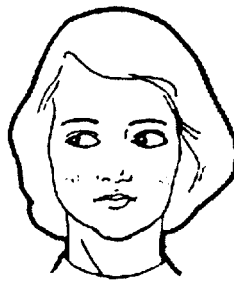
Вместе с тем, научиться калибровке, осознать собственные калибровочные стратегии невозможно иным способом, нежели через простейшие упражнения по определению отдельных калибровочных признаков. Очень полезно заниматься в тройках, где один из учеников выполняет роль оператора, другой пациента, третий — наблюдателя. Затем роли меняются. Ставятся очень простые задачи: определить тип дыхания, телосложения и т. д. Далее учебная

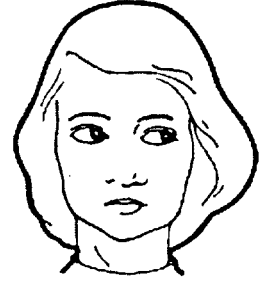
Взгляд вверх и вправо: конструирование образов

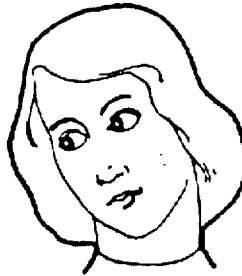
Взгляд вверх и влево: вспоминание образов

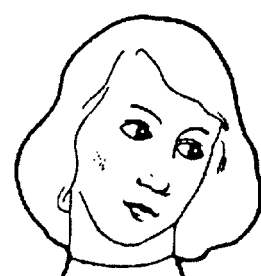
Взгляд по горизонтали и вправо: конструирование речи

Взгляд по горизонтали и влево: вспоминание звуков

Взгляд вниз и направо: чувства (ощущения)

Взгляд вниз и влево: внутренний диалог

ситуация несколько усложняется — перед «пациентом» могут ставиться предварительные задачи типа: представить себе состояние отдыха на море или рассказать что-либо (здесь уже можно дополнительно оговорить втайне от «оператора», правду или ложь будет говорить «пациент» — такое упражнение прекрасно развивает способность к определению неконгруэнтности). Все эти упражнения достаточно просты и не требуют дополнительных разъяснений — очень скоро у практикующих их вырабатываются индивидуальные приемы калибровки, и далее она производится «автоматически», без разделения на этапы, но при этом вполне осознанно, как закреплённый профессиональный навык:

Уверенная калибровка необходима и для успешного исполнения присоединения и ведения — базовых этапов любых суггестивных техник. Суть присоединения заключается в том, чтобы согласовать свои невербальные реакции с реакциями пациентов. Этим достигается вхождение в его зону осознания, что, во-первых, позволяет установить более тесный сенсорный контакт, чувствовать как он, видеть как он, слышать как он, а затем, во-вторых, перейти к ведению — осторожному направлению «внутренней» деятельности пациента в нужную сторону при помощи сигналов той же модальности, что и присущая в данный момент его мышлению. Может показаться, что ведение сродни манипуляции — это не так. После присоединения говорить о какой-либо манипуляции просто невозможно — объединение полей осознания взаимно, и оператор в такой же степени участвует в совместном процессе, как и пациент⁸⁵.

⁸⁵Манипулированию и директивным методам структурная психосоматика противопоставляет т. н. «экологичный» подход. Суть этого термина (подробнее он будет разобран в главе о методах мышления) заключается в том, что результат и путь достижения результата должны быть всегда одинаково «удобны» и полезны как для оператора, так и для пациента. Термины типа «борьба с недугом», «перековка», «перелом сознания» недопустимы. В отличие от директивных, экологичные методы предполагают совместность усилий, определение зоны совпадения мотиваций, волеий, целей и действий в этих зонах, сложение векторов, а не подавление одного и замещение его другим. Вообще, при структурной психосоматической работе оператор оказывается точно в таких же условиях, что и пациент — он также погружается в транс, также переструктурируется и т. д. Здесь не может быть ведущего и ведомого в директивном смысле слова, манипулятора и объекта манипуляции — успех является следствием совместных действий, в которых особенность роли оператора — в его больших знаниях, опыте и третьей позиции по отношению к проблемам пациента.

На практике присоединение осуществляется через «уравнивание» какого-либо признака с соответствующим признаком пациента. Например, присоединяясь «по дыханию», оператор сперва определяет его тип, а затем начинает дышать точно так же. Присоединение, подобно калибровке, — это сознательный, но «автоматический» навык. Опытный специалист не задумывается, по какому именно признаку он присоединяется к пациенту. Более того, очень часто для стороннего наблюдателя такое присоединение незаметно и неочевидно. Свидетели работы Эриксона рассказывают, что даже ближайшим ученикам часто было непонятно, за счет чего мастер присоединяется и далее осуществляет ведение — вроде бы ни поза, ни дыхание его не меняются, однако...⁸⁶

⁸⁶Присоединение и ведение, подобно калибровке, на несознательном уровне широко используются людьми в процессе повседневного общения. «Я чувствовал ситуацию», — говорим мы. Или: «Я сразу понял, что он хочет сделать». Говоря более определенно, без присоединения невозможна никакая подлинная общность между людьми, именно оно объединяет хорошо спяющие малые коллективы, составляет психосоматическую суть «чувство локтя» и т. д. (показательно, что и метафоры, использующиеся для определения таких феноменов включают соответствующие понятия из рода категорий телесности, психофизики и общения поля осознания) — противоположностью, полным отсутствием присоединения характеризуются случаи обособленности, разобщенности, «одиночества в толпе», «белой вороны» в семье или коллективе, неуспешной деятельности по принципу «лебедь, рак и щука», когда люди могут иметь и общую цель, и даже объединяться общим чувством, но не способны к общему действию, общему бытию (последний случай мы наблюдаем часто в семьях, где супруги, казалась бы, вступили в брак по любви, но семьи не возникает). Что препятствует присоединению? Как мы видим, оно требует согласования структур на всех уровнях — от духовного до базовой физиологии. Часто мы просто не хотим этого делать, а иногда, по внутренним структурным причинам, и не можем.

Простые, но эффективные упражнения по овладению навыками присоединения и ведения разработаны в НЛП. Распределенные ролей тоже, что и при обучении калибровке. Перед оператором ставится задача определить тип дыхания, позы и т. д. и далее присоединиться по тому или иному признаку (сперва по одному, затем по нескольким). Обучение ведению проще всего начинать

через дыхание: ставится задача определить его тип, осуществить присоединение и далее, когда по мнению оператора оно надежно установилось, медленно и постепенно менять собственное дыхание, постараться повести за собой пациента, сдвинуть его тип дыхания в желательную сторону. Научиться ведению сложнее, чем предыдущим элементам техники, но после некоторого периода тренинга происходит качественный сдвиг — и сложное прежде становится простым «автоматическим» навыком.⁸⁷

⁸⁷Внимательный разбор техники калибровки, присоединение и ведение еще не показывали, что о манипуляции здесь не может быть и речи. Действительно, прежде, чем вести, человек должен присоединиться, т. е. приобрести в той или иной степени черты личности своего партнера, проникнуться, в буквальном смысле слова, его чувствами, перевоплотиться в него. Дальнейшая работа осуществляется с этих позиций, т. е. в какой-то степени от лица ведомого и, уж во всяком случае, внутри его поля сознания. Таким образом, оператор должен первым сделать шаг навстречу, чтобы и пациент мог сделать свой шаг. Очень важно здесь еще одно обстоятельство — разделение внимания, строгое сохранение в процессе работы третьей позиции — только она способна обеспечить после присоединения, после вступления в поле осознания пациента целенаправленные действия оператора, который, с одной стороны добровольно сливает свою личность с личностью партнера, а с другой стороны, должен сохранять отстраненный анализирующий и целеполагающий взгляд специалиста.

Описанные элементы являются базовыми — без овладения ими невозможно применение каких-либо техник, овладение же ими — это первый шаг к профессиональной деятельности. Но не только — овладение калибровкой, присоединением и ведением на осознанном уровне чрезвычайно полезно и в широком круге обыденных житейских контекстов, оно позволяет осуществлять межличностные контакты на совершенно ином уровне эффективности.

Прекрасными примерами успешной калибровки, присоединения и ведения являются отношения «мать-дитя» и в тех партнерских парах, о которых говорят, что они живут «душа в душу». Вообще, отношения между половыми партнерами могут рассматриваться как самый очевидный случай близких отношений на невербальном уровне — здесь чисто телесные проявления значат «больше слов» и зачастую делают слова излишними.

Другой пример хорошего контакта на уровне присоединения и ведения — случай менее очевидный, но классический (с него, в частности, начинались исследования в области психологии малых групп) — это т. н. «слетанные» пары летчиков-истребителей. Действительно, хорошие пилоты далеко не всегда могут образовывать удачные пары. В свое время случай подсказал, что совместности может быть спрогнозирована заранее: в душевой одного из авиационных подразделений система подвода горячей воды была устроена таким образом, что изменение потока в одной из соседних кабин влияло на температуру воды в обеих. Один из врачей обратил внимание, что некоторые соседи, не видя друг друга и не согласуя своих действий, легко и быстро добиваются комфортной для обоих регулировки, а у других это не получается. Первые пары были удачными партнерами и в воздухе.

Этот пример показателен в нескольких отношениях:

* как видим, присоединение и ведение (а анализ показал, что в успешных парах всегда устанавливались отношения «ведущий-ведомый») может основываться на самых периферических феноменах в таких условиях, когда калибровка по глазодвигательным реакциям, типу дыхания и т. д. просто невозможна;

* отношения «ведущий-ведомый» успешны лишь тогда, когда они экологичны для обоих участников.

В настоящей книге мы не ставили задачу подробно раскрыть эту тему — калибровка, присоединение и ведение относятся к первичным навыкам психотерапии, которым посвящены специальные учебные пособия и семинары. Проблема, между тем, далеко не так проста, и навыки далеко не так элементарны, как может показаться на первый взгляд. Участвуя в многочисленных семинарах по НЛП и эриксоновской терапии, один из авторов с удивлением обнаружил, что значительное число участников тренинга (40-50 %) испытывает серьезные затруднения, а иногда и невозможность выполнить эти упражнения. Эти затруднения, как правило, игнорируются преподавателем, и группа переходит к более сложным упражнениям. Но т. к. выполнить их, не владея базовыми навыками, невозможно, то в результате человек учится имитации работы — он выполняет формальные техники без

присоединения к партнеру и не умея калибровать, не понимая смысла невербальных ответов партнера.

Авторам неоднократно приходилось наблюдать и следствия такого рода непроработанности базовых навыков, например, такие:

* женщина-психолог, кандидат психологических наук, специалист по бизнес-консультированию, в разговоре с одним из авторов сказала: «У меня большие сомнения в том, что к партнеру надо присоединяться. В теории все хорошо, я сама учу на семинарах присоединяться по позе, дыханию, невербальным реакциям и т. д. Но на практике, во время консультирования и деловых переговоров эффект от присоединения был противоположным – партнер вдруг становился агрессивным, входил в нересурсное состояние и отношения становились натянутыми. Я прекратила это делать.»

ГЛАВА 1 Ч. 2

* известный в городе врач-психотерапевт на одном из своих семинаров полностью игнорировал невербальные реакции своих пациентов, работал исключительно с вербальным содержанием их ответов. Когда одним из авторов был задан вопрос, почему он не учитывает невербальные реакции – стал агрессивен, сказал, что «это было бы грубой интерпретацией, с этими НЛП-штучками можно далеко зайти».

Таких примеров много. Все дело в том, что подлинное овладение этими базовыми навыками (а не их имитацией) возможно лишь в случае глубокой структурной проработанности терапевта (по крайней мере – на четвертом логическом уровне сознания).

Проработанность уровня карт необходима хотя бы потому, что с убеждениями типа «присоединяться к человеку опасно, можно взять его проблему (болезнь) на себя», «нельзя быть открытым, необходимо защищаться от вредных воздействий», «мир и окружающие – это агрессивная среда, очень опасное место» и т. д. – совершенно невозможно научиться присоединению и раппорту.⁸⁸

⁸⁸Раппорт – это и есть связь в отношениях «присоединение-ведение», используемая во всех суггестивных техниках. Термин пошел от классического директивного гипноза, и поэтому мы ввели его лишь после того, как в достаточной степени проявились суть «мягкого» экологичного подхода к психотерапевтической работе.

О непроработанности космограммы, пересечении и ложности карт и стратегий говорят вопросы типа «как защититься, когда я присоединен» и т. д. Очевидно, что и раппорту, и калибровке невозможно научиться без выработанной третьей позиции (особенно в значимых контекстах «терапевт-пациент», «партнер-партнер», «учитель-ученик»). Становится совершенно ясным, что обучение

базовым навыкам присоединения, ведения, калибровки невозможно только в рамках линейного обучения «step by step», «шаг за шагом». В рамках линейного, последовательного обучения эти навыки либо не формируются, либо, зачастую, имитируются нарочито, в форме «обезьянничанья», что, естественно, приводит к противоположным результатам.

Именно поэтому в рамках единого психосоматического подхода обучение этим навыкам проходит иначе. Мы не отказались совсем от формальных упражнений такого типа, но на всех этапах обучения, в процессе обучения конкретным технологиям работы акцентируем внимание учащихся на вопросах присоединения и калибровки, тщательно разбирая эти моменты при анализе терапии в группе.

Можно привести пример, казалось бы, совершенно иного рода, но очень близкий по структуре. Замечательный русский актер Михаил Чехов, создавая свою актерскую школу и систему, отказался от повсеместно господствовавшего тогда принципа обучения: «Сначала – никакой игры, никаких ролей. Только формальные навыки, техники, выполнение этюдов. А вот уж потом...». Чехов смело нарушил эту линейную систему обучения, дав возможность студиям сразу играть, но в реальных ситуациях актерской игры, давая конкретные техники вхождения в различные состояния, присоединения к партнеру, умения видеть себя на сцене со стороны (третья позиция!) и т. д. Этот путь оказался необыкновенно плодотворным и открыл принципиально новую страницу истории и театра, и актерского обучения.

Посему мы сочли необходимым коснуться этого вопроса, так как предполагаем, что среди читателей до статочное количество людей, не владеющих описанными навыками. Практика описанных нами тренингов необходима для приобретения начальных навыков, а также для дальнейшего перехода к собственно техникам структурной психосоматики, хотя, разумеется, все нюансы метода удастся передать лишь при непосредственном обучении в ходе семинаров.

Калибровка, присоединение и ведение в техниках структурной психосоматики, в целом, принципиально не отличается от принятых в НЛП, телесно-ориентированной терапии и родственных направлениях, однако существует и некоторое отличие: структурная психосоматика принципиально сочетает телесную и психотерапевтическую работу, поэтому очень часто присоединение и ведение может осуществляться через непосредственный телесный контакт, а затем переходить в вербальную зону или, напротив, раппорт, установленный в ходе вербальной работы или работы со знаковыми системами, затем переносится в телесную зону. Мы будем отмечать это при описании соответствующих техник, но уже на этом этапе изложения обращаем внимание читателя на это, весьма важное в практическом смысле, обстоятельство.

Глава 2

Работа с патологическими стратегиями

Рассмотренная нами универсальная схема возникновения и устройства патологических стратегий указывает на их укорененность в области карт четвертого логического уровня сознания, где, в результате психотравмы, полученной человеком в определенный период личной истории, возникает специфический структурный дефект – визуально-аудиальная склейка (ее можно рассматривать также как пересечение определенных карт, что вызывает аномальное отреагирование в некоторых, связанных с травматическим опытом, контекстах). Обстоятельства психотравмы, склейка и связанные с ней карты оказываются вне зоны осознания, а периферические проявления принимают характер всевозможных телесных, поведенческих, психоэмоциональных отклонений, которые обычно описываются в виде различных симптомов, синдромов, нозологических форм, пороков поведения, акцентуаций и т. д.

Таким образом, задача терапевта при работе с патологическими стратегиями сводится, во-первых, к выявлению травматической склейки и обстоятельств ее возникновения и, во-вторых, к исправлению этого дефекта и связанных с ним периферических феноменов. Для этого используются специальные психотерапевтические и телесные техники, которые мы и рассмотрим в этой главе.

Прежде всего, следует иметь в виду следующее:

* патологические проявления рассматриваемого дефекта сказываются одновременно в разных областях периферии – болезнь сопровождается зажимом или группой зажимов, определенными психо-эмоциональными и поведенческими отклонениями⁹⁹, связанными как с нарушением в группе жизненно важных карт, так и с попытками личности избежать травматических контекстов или переключить патологическую цепочку в менее болезненную зону;

⁹⁹Эти отклонения могут быть и единственным видимым нарушением – следствием патологической стратегии.

* развитие патологической стратегии только до определенного шага остается вне зоны осознания, ее конечные шаги осознаются и фиксируются в памяти; зона искаженных карт недоступна для центра осознания потому, что спутанность карт не позволяет в соответствующих контекстах проследить путь отражения-отреагирования (контек-

стам соответствуют одни карты, а патологическому отреагированию – другие; склейка же принадлежит обоим группам, представляя при этом несущественный структурный элемент);

* лишь некоторые, четко определенные контексты, вызывают срабатывание «спускового механизма» патологической стратегии – аудиально-визуальной склейки; эти контексты, во-первых, абсолютно безобидны с точки зрения любого стороннего наблюдателя и, во-вторых, относятся обычно к числу рядовых житейских ситуаций;

* человеческое существо едино в психосоматическом смысле, и поэтому психологические (аудиально-визуальные склейки), поведенческие и соматические (болезни, телесные зажимы) составляющие структурного дефекта не могут быть обособлены друг от друга.

Работа с патологической стратегией может быть разделена на несколько этапов (рис. 64).

На первом этапе мы должны подойти к той грани, где осознаваемая часть патологической стратегии предваряется неосознаваемой. Любое патологическое состояние характеризуется периодами обострений. Таковы гипертонический криз, стенокардический или астматический приступы и т. д. Таковы же поведенческие отклонения – например, депрессия или приступ ярости. К этому же классу явлений относятся частые привычные заболевания, которые традиционно не считают хроническими, т. е. рассматривают как обособленные факты – например, простудные заболевания, ангины и т. д., – привычные травмы, нервные срывы и подобные явления, на первый взгляд, никак не связанные с определенным структурным нарушением. Скажем, И. преследовала одна и та же травма в области правого плечевого сустава. И., тренер по бодибилдингу, прекрасно владел методикой тренировок. Кроме того, травма проявлялась во время вполне шадящих нагрузок. Было рассмотрено, когда она возникла впервые. Это произошло за несколько лет до работы с И., во время тренировок в спортзале. И. выполнял становую тягу и контролировал свои движения в зеркале. В этот момент кто-то вошел в зал и отразился в зеркале – И. на мгновение потерял контроль над снарядом и получил травму. Он не помнил, кто тогда вошел в зал и вообще не хотел обсуждать этот вопрос. Однако, терапевт обратил внимание на приуроченность травм И., которым он был свидетелем и которые пролечивал в массажных техниках, к определенным выделенным моментам – в эти дни И. получал письма

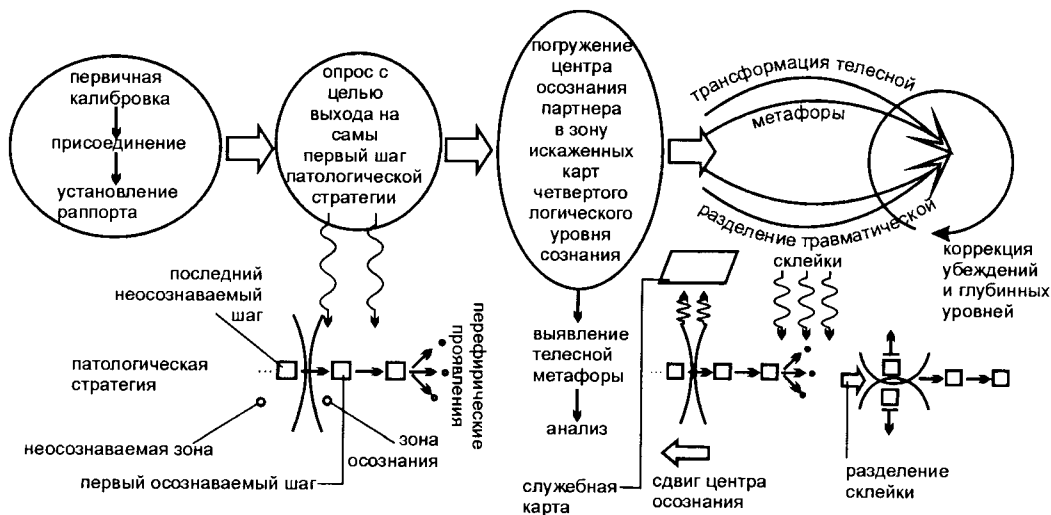

Рис. 64 Этапы работы с патологической стратегией

от жены, с которой находился в разлуке. Характерно, что в ходе семинаров И. предъявлял, как самую значимую для себя, проблему именно семейных отношений. Целенаправленная работа с И. в технике, близкой к описанной в данной главе, помогла И. вспомнить, что в момент первой травмы в спортзал вошла именно его жена, с которой он в тот момент находился в конфликте. Таким образом, его привычная травма была связана с направлением мыслей в сторону семейных проблем, что и подтвердилось в дальнейшей работе. Каждый из нас по себе знает, что подобные привычные состояния преобразуются вполне определенными телесными ощущениями. Такие ощущения-предвестники могут быть самыми разными – например, у У. они приобретали характер сильного запаха (иногда приятного, а иногда неприятного). У П., работу с которым мы подробно рассмотрим в следующих главах, пропадала тактильная чувствительность в зонах бицепсов и т. д. Эти ощущения могут приобретать характер болей или неприятных ощущений в разных телесных зонах (боли в области живота, першение в горле, тяжесть в ногах, ощущение давления в глазах и т. д.) – важно, что это всегда определенные кинестетические феномены, которые фиксируются сознанием и могут быть выявлены.

Работа начинается с первичной калибровки – определения основных и текущих модальностей партнера, присоединения и установления надежного раппорта. Затем, в ходе опроса выявляется упомянутый кинестетический маркер, всегда предшествующий обострению патологии. С точки зрения структурной психосоматики, этот кинестетический феномен и представляет собой самый первый осознаваемый шаг патологической стратегии, предшествующие ему шаги находятся вне зоны осознания.

Зафиксировав в сознании пациента кинестетическое ощущение-маркер, терапевт направляет центр осознания с первого на четвертый логический уровень, в зону интересующего нас пересечения карт. Это достигается в ходе примерно такого диалога: «Вашему недугу предшествует определенное ощущение. А что вы ощущаете? На что похожи ваши ощущения?». Необходимо последовательно выявить все субмодальности и точную локализацию телесных феноменов. Подобные расспросы относятся еще к первому-второму логическим уровням (когнитивные вопросы: что? что происходит?), но уже они концентрируют партнера на собственном существе, что позволяет плавно перейти к трансовым состояниям. В конце концов, мы получаем ответ типа: «Как будто что-то сжимает голову». Далее: «А что именно сжимает голову?» – «Будто бы железная каска...» – «А какая это каска? Опишите ее...» – и т. д. Происходит постепенное углубление центра осознания, переход на третий логический уровень (в данном случае, он формулируется в виде когнитивных вопросов: как? каким образом формируется выделенное кинестетическое ощущение?). Продолжая расспросы, мы должны получить совершенно определенный образ комплекса телесных ощущений, непосредственно предшествующих обострению, сформулированный на четвертом логическом уровне сознания. Это телесная метафора. Переход к четвертому логическому уровню осу-

ществляется за счет вопросов типа: «Это неприятное ощущение, которое вы описываете – имеет ли оно связь с какими-то другими ощущениями, которые одновременно возникают в других частях тела?». В результате, в сознании партнера возникает (как в нашем примере) совершенно четкий образ тяжелой, ржавой железной каски, имеющей целый ряд креплений в теле (например, ремнями, охватывающими плечи и т. п.).

Ощущения, образующие телесную метафору, никогда не бывают изолированно локализованы только в одной части тела – скажем, тяжесть в области головы всегда сопровождается какими-то иными феноменами – например, «ватными» ногами. Или больной говорит: «У меня сжимает голову и давит в груди.» – но при этом до поры до времени он разъединяет в сознании эти проявления. Мы же должны отметить, что такой разнобой в ощущениях связан именно с перенесением центра осознания в область пересеченных травматической склейкой ногам. Этот разнобой может быть интерпретирован также в терминах Глобального взаимодействия как расхождение в скорости прохождения ощущений в разных частях тела.

Здесь мы должны сделать несколько важных замечаний.

Оказывается, что перемещение центра осознания на тот или иной логический уровень не означает включение в зону осознания всего уровня в целом – по крайней мере (остановимся пока именно на такой формулировке), осознание на четвертом логическом уровне в каждом случае ограничивается областью определенных родственных и смежных карт (но ведь и синтез карт в единую картину – космограмму – происходит только на пятом логическом уровне).

Для сознания, формулирующего целостный образ системы телесных зажимов, телесную метафору, сами искаженные карты доступны лишь отчасти. Здесь уместна метафора: эти карты деформированы настолько, что сам дефект оказывается как бы «за горизонтом» и подойти к нему без посторонней помощи просто невозможно.

Травматическая склейка и соответствующая телесная метафора, обобщающая и формулирующая в виде образного ряда систему телесных зажимов, «на самом деле» – суть одно и то же, точнее, мы можем утверждать, что телесные зажимы, травматическая склейка и прочие периферические проявления патологической стратегии представляют собой разные стороны одного и того же структурного дефекта или разные его описания (рис. 65 а, б). Что касается телесной метафоры, то до момента, когда терапевт формирует возникновение в сознании пациента этого образа, она «не существует», т. е. разрозненные, связанные с травматической склейкой ощущения не синтезируются, не обобщаются, не служат «объектом» отражения-отреагирования, порождающим «внутренний образ» на четвертом логическом уровне.

Что же, в таком случае, представляет собой телесная метафора? Мы уже бегло упоминали ранее, что «внутренняя» деятельность также может служить объектом отражения-отреагирования, в процессе которого будут формироваться соответствующие кар-

ты – назовем их «служебными» (хотя их роль далеко выходит за рамки «обслуживания» карт, отражающих «внешние» контексты). В работе с патологическими стратегиями мы сталкиваемся со следующей проблемой: карты, связанные с травматическими контекстами, искажены и недоступны для осознания, однако их проявления вполне осознаются. Чтобы обойти препятствие, связанное со структурным дефектом, терапевт направляет вектор внимания пациента на периферические проявления патологической стратегии таким образом, чтобы была сформирована новая служебная карта, отражающая их совокупность на четвертом логическом уровне – телесная метафора. Эта карта не искажена, и, опираясь на нее, мы можем проникнуть в ранее недоступную область – область травматической склейки – подвергнув отражению-отреагированию все шаги патологической стратегии, вплоть до зоны пересеченных карт (рис. 66). Таким образом, мы будем оперировать в «поврежденной» зоне из вновь образованной неискаженной, которая отражает само это повреждение. Дальнейшая работа терапевта сводится к возможно более полному отражению дефекта в сознании пациента, а затем – к корректровке его на всех уровнях «вертикали».

ГЛАВА II Ч. 2

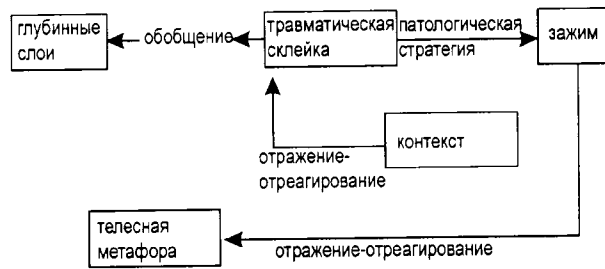

Рис. 65(а) Структурный дефект

Важно понимать, что любая патологическая стратегия, с чем бы она ни была связана и какие бы ее периферические проявления ни выходили на первый план – будь то соматическая или психическая болезнь, поведенческое отклонение, психоэмоциональная акцентуация и т. д.⁹⁰, всегда сопровождается, в том числе, и рядом телесных зажимов, образующих вполне определенную систему – телесная метафора может быть вычленена и осознана всегда.

⁹⁰Под последними мы понимаем выраженный сдвиг в психоэмоциональной сфере, отклонение от нормы, которое, вместе с тем, не может рассматриваться как психическая болезнь и одновременно сказывается на успешности человека, т. е. выходит за рамки простой черты характера.

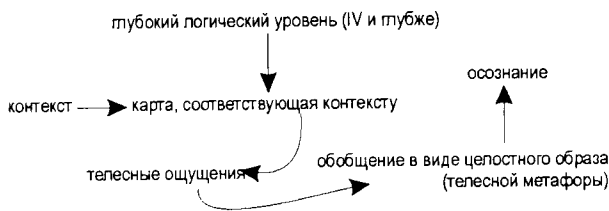

Рис. 65(б) Осознание телесной метафоры

Ее формулировка может быть очень разной – это зависит от особенностей структурной организации человека, в том числе, от доминирующей модальности его внутреннего опыта – однако уже на этом этапе терапевт может проанализировать доступный ему материал и сделать важные промежуточные выводы.

Так, С. Н. вербализовал свои ощущения следующим образом: «Что-то вроде пенькового каната, натянутого под диафрагмой. При этом почему-то возникает тяжесть в груди и какие-то неприятные ощущения в горле». После ряда дополнительных вопросов последние он смог определить как «першение или, скорее, неприятный привкус в носоглотке – вроде привкуса канцелярского клея». В этот момент он сделал паузу и внезапно добавил: «Знаете, а ведь это ощущение всегда предшествует у меня ангине, я часто болею ангиной.»

Работа с С. Н. была начата с болезненных зажимов в области верхней части живота, причем для терапевта было ясно, что эти ощущения как-то связаны и с повышенной агрессивностью С. Н., и с мучительным для него желанием вспомнить событие детства, связанное с матерью, которое все время «ускользало» от него. Что же касается частых заболеваний ангиной, которые, как выяснилось, входили в единый «патологический комплекс», речь об этом возникла только при переходе к телесной метафоре.

Локализация болезненных ощущений в данном случае в зонах «верх живота-диафрагма», «грудь-область сердца», «горло-носоглотка» позволило связать их с чакрами Манипура, Анахата и Вишудха, соответственно, и определенной тематикой травмированных карт, а также периодами «личной истории». Тематическая выделенность соответствующих чакровых зон – Манипура, проблемы индивидуализации; Анахата, проблемы межличностных отношений; Вишудха, проблемы высшей интеграции элементов вертикали «тело-душа-дух» – и определяющая роль этих чакр в период, когда произошла психотравма, весьма показательны. Проявившиеся «внезапно» в период взросления отклонения в поведении С. Н. (повышенная агрессивность) также оказываются связанными с тематикой телесной ориентации и выделенностью в «личной истории» Манипура, Анахаты и Вишудхи.

В данном случае работа начиналась с телесного зажима. Могут быть и другие отправные точки. Так, в случае У. телесный зажим был обнаружен далеко не сразу. Он вербализовался в виде следующей телесной метафоры: «Каменный стержень, пронизывающий тело от плеча до плеча» (постоянный зажим в области верхней части спины и стыка между грудными и шейными отделами позвоночника). В ходе дальнейших расспросов последовало уточнение: «похоже на теплый пористый кусок пемзы». В данном случае, как и в случае С. Н., работа велась в других техниках, чем описываемые в этой главе, но соотнесение зажима с зоной Вишудхи имело большое терапевтическое значение (в тематическом плане и в плане «личной истории»).

На этом этапе очень важно как можно четче сформировать образ телесной метафоры, проработать все ее детали и субмодальности – она должна быть и для терапевта, и для пациента «реальным внутренним объектом», удобным для манипулирования, оценки, отслеживания трансформаций и т. д. Огромное значение имеет текущая калибровка состояния партнера – необходимо по вербальным реакциям отслеживать модальность возникающих ощущений, фазы и глубину транса и т. д. Также чрезвычайно важно надежное присоединение, хороший раппорт – необходимо не просто слышать высказывания партнера по поводу его ощущений, а буквально чувствовать их, погружаться во внутренний опыт, становиться соучастником «внутренней» деятельности пациента.

Дальше можно двигаться в двух направлениях – трансформируя телесную метафору при помощи соответствующих телесных техник и, возвращаясь вспять по шагам патологической цепочки, подойти к аудиально-визуальной склейке и разрушить ее. Как мы увидим, необходимо провести соответствующие терапевтические мероприятия в обоих направлениях. Их очередность диктуется условиями работы и состоянием пациента, однако, только полный цикл – телесная работа с зажимом и психотерапевтическая работа с искаженными картами – обеспечивает успех.

Стоит подробнее остановиться на некоторых тонких моментах работы с патологическими стратегиями.

Перед терапевтом возникает ряд важных вопросов:

* как наиболее быстро и эффективно добраться до «центра кристаллизации» патологической стратегии – аудиально-визуальной склейки?

* что является надежным критерием того, что терапевт обнаружил именно ее, а не один из промежуточных шагов стратегий?

* каким образом наиболее эффективно отключать «дигитальные голоса» в сознании пациента, что вообще означает нарастающая во время работы дигитальность?

Действительно, наиболее удачной является метафора медлен-но, по кадрам прокручивающегося назад фильма, где каждый кадр – визуальный, аудиальный или кинестетический шаг стратегии.

Задавая вопросы типа: «Что предшествовало этому едва ощутимому покалыванию в груди? Откуда оно «знало», что следует

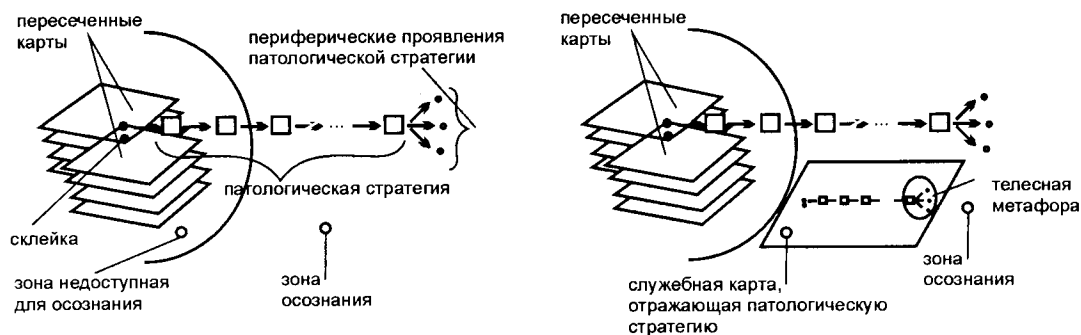

Рис. 66 Телесная метафора как служебная карта, отражающая патологическую стратегию

появиться?» – терапевт должен очень внимательно отслеживать глазодвигательные реакции пациента. Например, если реакцией на заданный вопрос является движение глаз партнера в зону визуального воспоминания, то следует незамедлительный вопрос: «Что за картинку вы сейчас вспомнили? Что промелькнуло перед глазами?» Конечно, при выполнении такой процессуальной техники большие требования предъявляются к умению терапевта устанавливать надежный раппорт и уверенно калибровать. Терапевта в большей степени интересуют субмодальности картинки или звука, а не их содержание. Очень важно с самого начала формирование 3-й позиции⁹¹ у пациента, его максимальная диссоциация от происходящего.

⁹¹Под «третьей» позицией (термин восходит к практике НЛП) будем понимать нейтральное, отстраненное, безэмоциональное отношение или восприятие процесса. Этому важнейшему инструменту анализа и терапии посвящена специальная глава книги.

Для этого служат и подчеркнута нейтральный, «безразличный», даже ленивый тон терапевта, различные метафоры «чисто научного эксперимента», «академического интереса» не к содержанию травматического опыта, а к его структурному устройству. Необходимо использовать весь терапевтический инструментарий, чтобы «обмануть» механизмы психологической защиты, отключить дигитальную болтовню в голове. Главным инструментом на этом этапе является идентификация и возможность осознания пациентом «дигитального голоса».

Как это происходит на практике?

Например, пациент на вопрос терапевта: «А что вызывает этот тихий звук?», неожиданно отвечает: «Да ничего там нет! Я не знаю, о чем вы меня спрашиваете, не понимаю, чего вы от меня хотите!» и т. д.

При этом ответ *всегда* имеет ряд характерных особенностей:

- * он очень быстрый, как будто говорит не сам человек, а кто-то быстро включает в нем внутреннюю «магнитофонную запись»;
- * голос практически лишен интонационной окраски, он безликий;
- * темп речи, тембр голоса, интонации очень сильно отличаются от тех, которые присущи человеку в обычном состоянии и от того, как он говорил только что, до этого;
- * этот ответ сопровождается резким и очень быстрым, почти мгновенным усилением неконгруэнтностей, ярко выраженной «рассинхронизацией» всех вербальных и невербальных ответов партнера.

Именно в этот момент терапевту очень важно «отзеркалить» реакции партнера, дать ему возможность осознать сам факт существования дигитального голоса, выявить его субмодальности, в т. ч. и его локализацию в теле, ощущения, возникающие во время

его прослушивания и т. д. Принципиальным моментом является достаточно жесткое отделение «дигитального» голоса от подлинного голоса человека. Только тогда появляется возможность «выключить», хотя бы на время, дигитальную болтовню.

Таким образом, удастся преодолеть сопротивление клиента или, если быть более точным, его «дигитальной» части, неразрывно связанной с ложным, несуществующим центром. (Следует отметить, что именно избыточная дигитальность, как сетка, наброшенная и вплетенная во все элементы структуры, и является главным маркером существования ложного центра.)

Инструментами отключения «дигитальной болтовни» являются и использование различных метафор, и применение не директивных (а иногда и директивных) гипнотических техник. Очень важно все время помнить о конечной цели, напоминать пациенту о результате, который он хочет получить.

Тем не менее, даже при удачном преодолении «дигитального сопротивления» общая неконгруэнтность пациента нарастает. Это и не удивительно – ведь мы вступаем в зону значительных структурных дефектов. Именно усиление общей неконгруэнтности и свидетельствует о движении в верном направлении, в сторону аудиально-визуальной склейки.

На одном из «кадров» фильма состояние пациента вдруг становится резко нересурсным. Он, можно сказать, резко «сваливается» в нересурсное состояние. Чаше всего это проявляется в резком застывании всей физиологии, остановке дыхания, сильной асимметрии мимических мышц лица.

Со стороны это похоже на реакцию на резкий и сильный удар или звук. Для терапевта это является маркером, что, вероятнее всего, обнаружена визуально-аудиальная склейка, запускающая всю патологическую стратегию. Терапевту важно максимально быстро «выдернуть» пациента из нересурсного состояния, добиться резкой диссоциации от травматического опыта. Это достигается путем быстрой смены визуальных субмодальностей – можно отодвинуть картинку, уменьшить ее размер и т. д. Хорошо работают метафоры кинотеатра или видеопросмотра.

Но как убедиться в том, что мы действительно добрались до аудиально-визуальной склейки? Для этого необходимо провести ряд тестов. Вернув пациента в нейтральное состояние, переключив его внимание на какое-то приятное воспоминание и убедившись, по невербальным реакциям, что партнер действительно находится в ресурсном состоянии, – попросите его еще раз представить неприятную картинку со звуком. Если это действительно аудиально-визуальная склейка, то произойдет быстрое вхождение в нересурсное состояние, аналогичное по калибровочным признакам вышеописанному. Если же этого не произойдет, значит, был выявлен один из первых шагов патологической стратегии, близкий к аудиально-визуальной склейке, и работа должна быть продолжена.

Важно, что звук – это почти всегда либо высокий и быстрый женский голос, либо низкий и медленный мужской. Он обязательно имеет некоторое смысловое содержание, жизненно важное для перенесшего психотравму человека – как правило, это слова типа:

«Да как ты мог! Да я тебя за это!.. Тебя убить мало!..» – и т. д. Всегда такой смысл касается либо самооценки личности («Ты – негодяй! Ты – ублюдок!» и т. п.), либо подрывает ее основы существования («Я тебя приблю! Я тебя брошу!» и т. п.), несовместимых с ситуацией раннего детства, когда ребенок целиком зависит от родителей. Если психотравма возникает в другом возрасте, то и тогда смысловое содержание тормозящего звука прямо связано с самооценкой (унижает личность), либо угрожает основам существования человека (пускай такая угроза и существует лишь на словах и не может быть осуществлена

ГЛАВА II Ч. 2

в принципе – личность, находящаяся в стадии формирования карт, соответствующих контексту, в котором произносится угроза, еще неспособна адекватно оценить ситуацию)⁹².

⁹²В разные периоды «личной истории» человек зависит от разных зон окружения – от родителей, сверстников, узкого круга близких, всего общества. В каждый период угрозы со стороны такого окружения для человека жизненно важны. Когда отношения на каждом из таких уровней еще только формируются, личность не способна оценить степень и серьезность такой угрозы, точнее, любая угроза, высказанная в соответствующей форме, воспринимается всерьез.

Если вспомнить, с какими контекстами связан травматический опыт, и в какие карты он включается, сказанное становится совершенно понятным.

«Картинка» для любого другого человека не представляет собой ничего особенного, она крайне проста и обладает следующими характеристиками: статичностью, черно-белой гаммой (обычно) и, в ста процентах случаев, ассоциированностью (т. е. человек себя в этой картинке никогда не видит, что говорит о смещении логических уровней). Этот визуальный образ чаще всего очень размыт и неконкретен: он может принимать форму какого-то черного или цветного пятна, с которым приходится дополнительно в дальнейшем работать, выявляя его содержание. Отметим, что это содержание может показаться любому постороннему человеку совершенно нелепым или даже смешным, но для больного такая «пустяковина» страшнее любого монстра из фильма ужасов.

Так, у пациента К. пусковая склейка представляла собой «картинку» черной ложки, сопровождаемую звуком окрика. Оказалось, что в раннем детстве он получил удар ложкой по голове, что привело к формированию патологической стратегии: черная ложка – окрик – «искры из глаз» – звук удара... На конечной же стадии это выразилось тяжелой гормонозависимой бронхиальной астмой.

Здесь важно отметить два обстоятельства:

* предъявление любой части склейки – картинке или звука – моментально вызывает у человека мощнейшее нересурсное состояние вплоть до слез, острейших телесных реакций и т. д.; такая реакция не зависит от того, как себя чувствует человек непосредственно перед срабатыванием травматического «триггера» – произошло перемещение центра осознания из области одной (сущностной) карты в область другой (несущностной), со всеми вытекающими последствиями;

* предъявление одной части склейки порождает возникновение другой ее части, звук вызывает зри-

тельный образ, картинка – звуковой, склейка, смешивающая карты, увязывает между собой отдельные элементы опыта.

Можно предположить, что именно звук, несущий неприемлемое для личности смысловое содержание, тормозит развитие нормальной стратегии. Картинка же запечатлевается в момент такого слома и перехода стратегии в русло аномального отреагирования. Таким образом, звук как бы отключает одну карту, а картинка включает другую. Впрочем, образование тесной склейки приводит к тому, что и аудиальное, и визуальное ощущения начинают действовать сходным образом – они нераздельны и выступают в виде единого дефекта, срабатывающего во всех контекстах, сходных с контекстами, в ходе которых возникли – таким образом, оказываются затронутыми и карты по ситуационному признаку, и карты по тематическому признаку (скажем, ситуации межличностного конфликта и контексты, связанные с обстоятельствами психотравмы) (рис. 67).

Итак, в ходе работы мы вступили в зону травматической склейки. Это сопровождается всплеском неприятных ощущений, эмоциями, нервным срывом. Все эти проявления необходимо купировать, не допуская «сваливания» пациента в неконтролируемое состояние развития патологической стратегии. Здесь важен очень тонкий момент: пациент должен оставаться в пределах новой служебной карты, отражающей «внутренний объект» – патологическую стратегию, а не перемещаться в область искаженных карт.

Теперь мы должны осторожно «рассмотреть» составляющие склейку элементы и далее приступить к ее разделению. Таким образом, мы, по сути дела, начинаем разрушать ложную карту – некую химерическую карту, представляющую собой пересечение

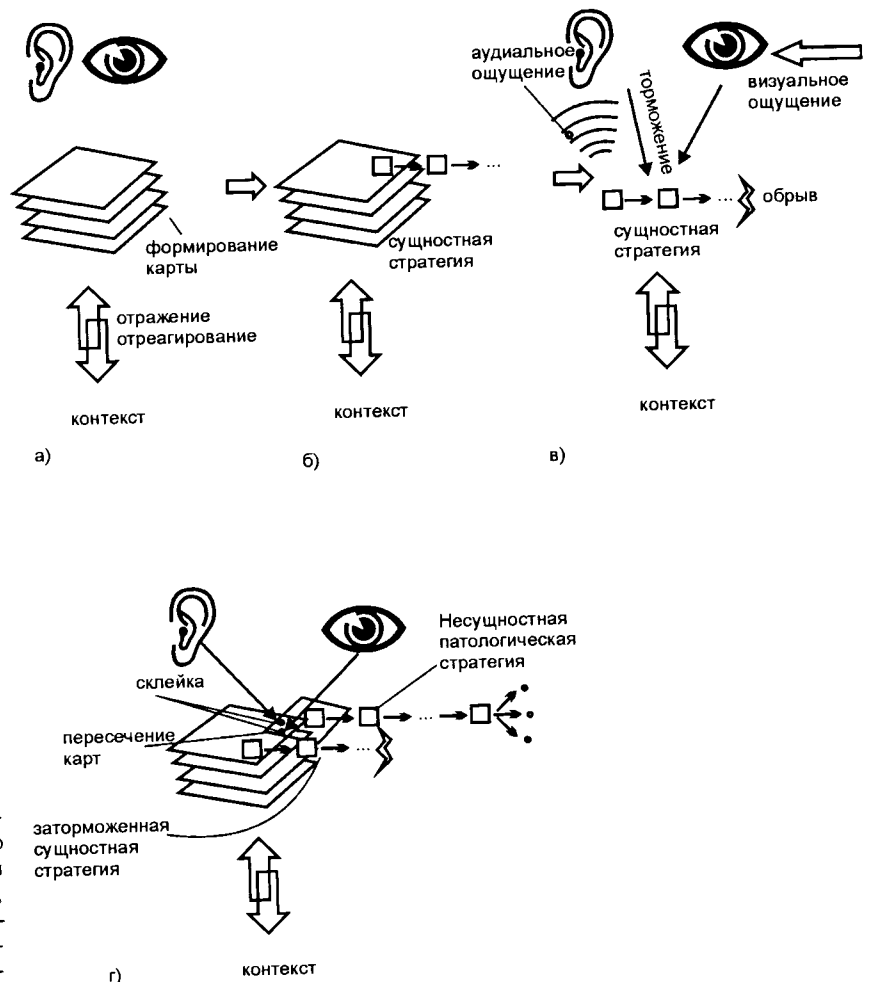

Рис. 67 Фазы образования патологической стратегии
а) нормальный процесс формирования новой карты
б) торможение сущностной стратегии
в) образование травматической склейки

потенциально сущностных карт в зоне аудиально-визуальной склейки. Мы должны организовать работу таким образом, чтобы склейка перестала существовать как единый структурный дефект и «представить» сознанию ее составляющие обособленно – тогда несущность искаженных карт автоматически приведет к их уничтожению, произойдет то, что мы называем структурной перестройкой или пересозданием структуры. Так происходит потому, что дефект не представляет собой фрактальной копии «высшего» уровня организации, он существует как некий замкнутый цикл, вихрь, питаемый волевыми ядра, но способный сохраниться в структуре лишь постольку и до тех пор, пока сохраняет некоторую организованную целостность или, если говорить в терминах предложенной метафоры, форму вихря. Как только она будет нарушена, исчезнет и способность вихря паразитировать на волеях «Я хочу!».³³

³³Эта форма представляет собой как бы некоторую замкнутую несущность структуру, обладающую собственным квазигомеостазом (потому что он, все-таки, зависит от подлинного гомеостаза человеческого существа, с гибелью которого «погибнет» и «паразит мозга») и даже способностью к фрактальному развертыванию. Именно поэтому, если подобное образование окрепнет, оно становится «ложным центром» или «ложным я».

Форма, которая необходима для поддержания автоматического существования травматической склейки в области пересеченных карт, – это, во-первых, сцепленность аудиального и визуального ощущений, «настроения» на группу сходных в тематическом и сущностном планах контекстов, а, во-вторых, единство телесных (зажим, соматическая патология), психических (склейки), духовных (идеологическое «подкрепление»), поведенческая аномалия) составляющих.

Остановимся более подробно на технологии разделения аудиально-визуальной склейки.

Еще раз напомним, что главной ее структурной особенностью является максимальная жесткость, которая выражается в невозможности пациента самостоятельно представить картинку или звук как-то иначе, в других субмодальностях.

Второй особенностью является связанность, сцепленность визуальных и аудиальных составляющих травматического опыта.

Предъявление картинки вызывает «тормозящий» ощущения звук, прослушивание звука мгновенно вызывает в сознании картинку.

Поэтому работу по разделению аудиально-визуальной склейки можно условно разбить на четыре этапа:

1. Первоначальное разделение визуальных и аудиальных составляющих склейки;
2. «Раскачивание» и изменение визуальных субмодальностей склейки;
3. Изменение аудиальных субмодальностей;
4. Разрушение всей травматической склейки.

Остановимся на каждом из этапов подробнее.

1. На первом этапе необходимо максимально тщательно выявить субмодальности «травматической картинки», добываясь от пациента отстраненного, «третьепозиционного» к ней отношения. Очень хорошо работает метафора кинотеатра, где на экране можно увидеть изображение, но пропал звук. Как только «включается внутренний голос», можно попросить пациента «выключить» его на несколько секунд. Очень важно перенести центр осознания партнера на четвертый логический уровень, помочь ему взять на себя ответственность за свое состояние и результат терапии (хотя бы на короткое время). Здесь от терапевта требуется большое количество внутренних бессознательных выборов, умения резко изменять собственное состояние и внутренние ритмы. Хорошо работает метафора воображаемого пульта, при нажатии кнопок на котором можно «настраивать» воображаемый телевизор – включать и выключать звук, ускорять или замедлять скорость звучания, изменять визуальные субмодальности – размер картинки, цветность, яркость, контраст, объем, движение, ассоциированность-диссоциированность (возможность наблюдать «изнутри» или видеть себя в ситуации со стороны) и т. д.

2. Если терапевту удалось «выключить» на время аудиальные составляющие травматической склейки, то его важнейшей задачей на

этом этапе работы является выявление ключевых визуальных субмодальностей, т. е. тех составляющих визуального опыта, которые особенно сильно вызывают нересурсное состояние пациента. Обычно ключевыми субмодальностями в подобных случаях являются:

- а – размер и расстояние до картинки,
- б – ассоциированность-диссоциированность,
- в – контрастность,
- г – цветность, освещенность,
- д – присутствие или отсутствие движения в картинке.

Далее терапевт приступает к технике «раскачивания» визуальных субмодальностей. Это производится следующим образом. Выявив ключевые субмодальности по невербальным реакциям партнера (например, в картинке особенно неприятно отсутствие движения и очень контрастное, выступающее из фона лицо матери), терапевт усиливает эти субмодальности так, чтобы состояние пациента стало еще более нересурсным, почти непереносимым.

Для чего это делается? Вокруг такого рода травматической склейки, сформированных на ее основе ложных карт и патологических реакций формируются и дополнительные карты отношения к этому опыту, создается ряд поведенческих стереотипов и культуральных ожиданий. Например, больной всячески пытается и самостоятельно сгладить болезненные проявления, и, безусловно, ждет этого и от терапевта. Но как только терапевт пытается ослабить или убрать нересурсное состояние (например, прося пациента уменьшить контрастность лица матери или сделать картинку подвижной) – тут же включается аудиальная составляющая склейки – цифровой голос. Это и не удивительно – его включение связано, в том числе, и с массой вторичных выгод, сформировавшихся вокруг патологической стратегии (см. ниже). Поэтому странная, на первый взгляд, тактика терапевта: «Я не хочу улучшать ваше состояние, напротив – я хочу его сделать невыносимым, таким, чтобы вы сознание потеряли,» – в данном случае совершенно оправдана. Ведь его задача – «раскачать» субмодальности восприятия, дать пациенту множество внутренних выборов – воспринять картинку маленькой или большой, цветной или черно-белой, неподвижной или движущейся.

Поэтому усиление «нересурсных» субмодальностей преследует две основные цели:

- ◆ резкое изменение стереотипов пациента, исключение цифровой болтовни;
- ◆ это подобно сжатию пружины или раскачиванию качелей – чем мощнее терапевту удастся усилить нересурсное состояние, тем ближе к нейтральной будет конечная реакция, тем больше «амплитуда» внутреннего выбора.

В какой-то момент (упражнение необходимо сделать не менее 10-15 раз, максимально быстро усиливая нересурсные субмодальности, с каждым разом увеличивая амплитуду подобных «раскачиваний») пациент говорит: «Я уже не могу усиливать нересурсное состояние. Я даже не могу в него войти. Картинка выглядит теперь совсем по-другому – она стала более размытой, маленькой, а лицо матери не выделяется резко из фона.» и т. д.

3. После этого можно перейти к важнейшей части работы – к изменению аудиальных субмодальностей склейки. Почему эта часть работы так важна? Дело в том, что аудиальная составляющая склейки несет в себе не только чисто структурные элементы (определенный тембр, громкость, интонационная окраска голоса), но и важнейшие содержательные моменты, которые являются своеобразным строительным материалом или, точнее говоря, «раствором», связующим элементом, идеологическим обоснованием ложных карт четвертого логического уровня сознания.

Поэтому работа с цифральным голосом неизбежно подразумевает и работу со всей искаженной зоной карт.

Как это происходит на практике? Выше мы уже касались содержательной стороны «цифральных» высказываний, напомним лишь, что они, как правило, задевают и искажают уровни самоидентификации. Поэтому терапевту на начальном этапе работы с аудиальной составляющей склейки необычайно важно выделить сначала

ла не содержательные, а структурные компоненты – субмодальности дигитального голоса.

Терапевт тщательно выясняет темп речи, тембр, интонационную и ритмическую окраску, громкость, расстояние до источника звука, смысловые акценты и т. д., тщательно калибруя состояние клиента и усиливая ключевые субмодальности – особенно интонационные особенности речи и слова, на которые делается акцент. Такая работа очень эффективна в группе, к которой и обращены третьепозиционные, эмоционально не окрашенные комментарии терапевта. Здесь необычайно важна

ГЛАВА II Ч. 2

работа на контрастах – то быстро «погружая» пациента в нересурсное состояние, то мгновенно «вытаскивая» его оттуда, формируя к происходящему третью позицию, давая возможность осознать, рассмотреть ранее недоступную зону искаженных карт. Для этого задаются «риторические» вопросы, которые и не подразумевают немедленного ответа или ответа вообще – что стояло за действиями взрослого, соответствует ли им способ их реализации и т. д. Очень важно, чтобы в этих дигитальных, тормозящих ощущения интонациях, пациент узнал собственный дигитальный голос, посмотрел и послушал его в состоянии «объективного исследователя».

Именно в этой части работы используется большое количество метафор, исторических, культуральных примеров и т. д.

Когда у пациента к «тормозящему» голосу и собственным нересурсным состояниям выработана третья позиция, внимание его разделено – можно переходить к изменению аудиальных субмодальностей. Лучше всего работает метафора ускоренной магнитной записи или раскрученной пластинки.

Если удастся действительно изменить субмодальности, то возникает, зачастую, смеховой эффект – содержание высказываний ведь остается тем же: «Вечно у тебя так! Ты идиот, ты мне не нужен!» и т. д., а интонация, все аудиальные субмодальности резко неконгруэнтны содержанию. Появляется возможность еще больше углубить третью позицию по отношению к травматическому опыту, действительно изменить к нему отношение.

4. На последнем этапе работы терапевт проводит экологическую проверку терапии: он просит пациента вновь вспомнить травмирующую ситуацию. Если работа выполнена успешно, у пациента возникают специфические невербальные реакции – он вспоминает картинку и звук с уже измененными субмодальностями, на какое-то мгновение физиология застывает – ведь человек ожидает быстрого наступления нересурсного состояния, «память тела» еще сохраняется – и... ничего не происходит, состояние остается нейтральным. Это похоже на состояние после снятия гипса после травмы – рука или нога уже не болит, но есть еще ожидание боли.

После этого, в течение всего семинара терапевт просит пациента вспоминать и другие контексты, генерализованные вокруг аудиально-визуальной склейки и также вызывавшие патологическое отреагирование и нересурсное состояние. При правильно выполненной работе никаких проявлений патологической стратегии не наблюдается. Так постепенно «пересобирается» на более существенной основе искаженный участок структуры.

На практике, однако, все не так просто. Структурный дефект может вернуться, поскольку сильный телесный зажим, уплотненные мышцы и т. д. со временем восстановит всю патологическую стратегию, включая ее начальные шаги, т. е. аудиально-визуальную склейку – форма дефекта еще не разрушена. Это понятно, поскольку вертикаль принципиально неразделима относительно отражения-отреагирования. Поэтому психотерапевтическую работу необходимо дополнить телесной, ориентированной на трансформацию телесных метафор. С другой стороны, если работать только с телесным следом стратегии, не затрагивая ее «триггер», такая работа также дает лишь временное облегчение – мы не затронем пересечение карт четвертого логического уровня.⁹⁴

с этой системой убежденческие конструкции – все это в целом и является картой четвертого логического уровня. В чем ее отличие от периферической телесности? Именно в том, что в своем месте было определено как состояние информационно-и энергетической насыщенности структурного уровня. Энергетика здесь тождественна, в некотором смысле, степени материальности. В таком разрезе можно принять даже – в качестве метафоры – схему оккультистов о «грубых» и «тонких» энергиях – чем глубже уровень, тем энергия «тоньше». В терминах структурной психосоматики это означает, что периферия преимущественно энергетична (т. е. материальна), ядро – преимущественно информационно (т. е. структурно). Переход от периферии к ядру – это переход от элементов структуры к структуре как таковой, в которой последовательно «включаются» все более общие связи и планы. Можно сказать, что на смену «веществу» приходит «существо».

В этом случае, привычный зажим может и не вернуться – патологическая цепочка может найти другой выход, произойдет смена симптома, но исцеление (т. е. восстановление целостности) не наступит. Именно поэтому для эффективного лечения мы должны воздействовать на оба конца патологической цепочки: психотерапевтически – на травматическую склейку, с помощью телесно-ориентированных практик – на мышечный зажим.

Сколько времени занимает такая работа? Иногда несколько часов, иногда – значительно больше. Однако, следует понимать, что разделение аудиально-визуальной склейки и коррекция пересеченных карт, с одной стороны, и ликвидация при помощи телесных техник зажимов, с другой стороны, «на самом деле» не является завершением терапии. Два указанных мероприятия затрагивают уровень «психуше» («души») и «сомы» («тела»), но духовные проблемы не снимают. Эти проблемы уже не подпитываются телесными и психологическими сбоями. Очень часто самопроизвольно наступает сдвиг и в этой области, но, во-первых, такой сдвиг может переживаться очень болезненно, едва ли не как крушение жизненных устоев, и, во-вторых, он может и не происходить – и тогда дефекты структуры все равно будут сказываться в самых разных аспектах жизни человека.

Речь идет, прежде всего, о поведенческих отклонениях и мировоззренческих схемах, возникших для обслуживания патологической стратегии (или, в других терминах, как их обобщение). Человеческое сознание не способно перенести иррациональности собственного поведения. Для обоснования аномалий изобретается масса причин, которые приобретают, в первую очередь, вид карт четвертого логического уровня, убеждений, благо, что их и изобретать-то не надо – обобщество имеет массу социальных, культуральных и т. п. стереотипов на все случаи жизни. Если таких убеждений, сформированных вокруг стратегии, много, они естественным образом влияют и на уровень космограммы (даже если космограмма не структурирована, она все равно есть, пятый логический уровень так или иначе существует) и даже не уровень самоидентификации.

Так в случае с С. Н. патологические стратегии породили явные поведенческие отклонения – повышенную агрессивность, которая была очевидна для самого С. Н. Он объяснял ее с «идеологических» позиций, как нечто осознанное, присущее ему по убеждению и строил по этому поводу целую философию (уровень карт), сквозь призму этой философии он рассматривал и других людей, различные жизненные ситуации, выносил оценки, т. е. вокруг несущественных убежденческих схем, затронувших важнейшие в социальном плане области карт, связанные с индивидуализацией и межличностными отношениями, начинала формироваться космограмма; наконец, и самоидентификация С. Н. стала складываться под тем же воздействием – позиционирование собственного Я относительно других феноменов Мира осуществлялись им в терминах: «я – сильная личность», «я – одиночка», «каждый за себя – один Бог за всех», «я не понял» и т. д. Подобные искажения (подчеркнем, что мы не даем моральной оценки особенностям мировоззрения С. Н. – дело в их сущности) приводит С. Н. к множеству неприятных и опасных ситуаций, которые он толковал не как следствие собственного поведения, а как еще одно подтверждение собственных взглядов (обычным уровнем мышления С. Н. был второй-третий логический уровень, где «я» не представлено или слабо выражено, т. е. человек отделяет свои поступки и их последствия от самого себя). Обычно сильные искажения структуры требуют компенсации в другой области – такая компенсация как бы «противоположна по знаку» искажению и также несущественна. В случае С. Н. повышенная агрессивность компенсировалась наркоманией.

Близок к описанному еще один феномен. Травматический комплекс генерализуется, т. е. любая патологическая склейка со временем «обрастает» множеством контекстов, казалось бы, далеких тематически и ситуационно от исходного. Это происходит из-за

⁹⁴Здесь мы постоянно употребляем термины «карты», «логический уровень» применительно лишь к психологическим феноменам, чтобы как-то выделить их. При этом следует помнить, что «на самом деле» любой логический уровень, в том числе и уровень карт, имеет свои телесные, душевные и духовные составляющие, принципиально неразделимые относительно отражения-отреагирования. Иными словами, и группа телесных зажимов, осознаваемая как телесная метафора, и некоторая система узавязанных между собой в псевдоплоскости феноменов, пространственно-временных и причинно-следственных связей, и связанные

нечеткости карт, их развития, взаимодействия, по причине дрейфа склейки-дислокации внутри структуры четвертого логического уровня. Здесь подходит такая метафора: компьютерный вирус, включенный в какую-либо программу, может «заражать» (т. е. копироваться) все другие, с которыми зараженная программа взаимодействует. Похожим образом расширяется и зона влияния на структуру человеческого существа травматической склейки. Рано или поздно, в зону пересечения попадают жизненно важные для человека карты, например, связанные с получением удовольствия – так возникают так называемые «вторичные выгоды». В жизненном пространстве человека (неважно, относится ли это к его внутреннему миру или к области социальных, культуральных и т. д. отношений) происходит нечто, запускающее патологическую стратегию, но карты смешаны – одновременно запускаются и другие стратегии: человек получает удовольствие. Складывается, на первый взгляд, парадоксальная ситуация: плохо, но ... хорошо.

Когда вовлеченных в зону искажения карт слишком много, т. е. когда для личности слишком много вторичных выгод от собственного недуга, это говорит о существенных дефектах космограммы. Наконец, встречаются больные, которые отказываются от лечения не потому, что достигнуты плохие результаты, а именно потому, что они «слишком» хорошие – налицо патология самоидентификации. Человек предпочитает болеть или даже умереть, но не меняться.

Вторичные выгоды постоянно встречаются в практике структурной психосоматики. Разумеется, с ними имеет дело и любой врач, однако часто этому аспекту не уделяется достаточного внимания. Здесь важны два момента:

- ◆ если не учитывать вторичные выгоды, во многих случаях лечение просто невозможно – их механизм развивается вглубь структуры, вплоть до уровня самоидентификации, и все терапевтические мероприятия будут просто отторгаться, либо патологические цепочки перестроятся, но не исчезнут;

- ◆ вторичные выгоды носят адаптационный характер – их наличие свидетельствует о глубинных дефектах структуры (только в таком случае «хорошо» отождествляется с «плохо») либо, что чаще, о «внешних» по отношению к человеческому существу конфликтах – вторичные выгоды оказываются реакцией, способом адаптации в ненормальных семейных, социальных и т. п. условиях. Ясно, что это ложный, несущественный способ адаптации, однако, разрушая вторичную выгоду, терапевт должен быть готов предложить пациенту что-то взамен – это невозможно без глубинной структурной работы, а иногда требует и воздействия на окружение больного.

Часто (особенно это касается детских болезней) коррекцию нужно начинать с близких пациента, а не с него самого. Приходится констатировать, что в ряде случаев, терапевт просто бессильен здесь предпринять что-либо кардинальное (это особенно касается тех случаев, когда речь идет не о семейных, а о социальных реалиях, например, о культуральных стереотипах восприятия обществом инвалидов и т. д.). Может показаться, что это бессилие абсолютно, однако глубокое структурирование личности позволяет ей самой открыть истинные и экологичные схемы жизненного поведения и правил игры, которые позволяют отказать от вторичных выгод патологии. В конечном счете, «плохо» никогда не может быть «хорошо». Иногда терапевту все же приходится оставаться перед барьером вторичных выгод. Дело в том, что именно в этом случае важна мотивация пациента – если он не хочет меняться (и дело идет о взрослом, отвечающем за себя и создающим последствия своего выбора, человеке), то вряд ли стоит заставлять его это делать. Однако, для такой личности абсолютно закрыты какие-либо перспективы «личной эволюции».

Поясним сказанное на нескольких случаях из практики Д. Атланова (анализ случаев проведен авторами настоящей книги). Они показательны потому, что раскрывают разные аспекты возникновения вторичных выгод и, кроме того, обстоятельства, в которых оказывается столкнувшийся с ними терапевт.

Больная Х. Примерно с пятилетнего возраста страдала тяжелой формой суставной патологии (боли в суставах, которые затем перешли в суставную неподвижность и тяжелую инвалидность – Х. была прикована к инвалидной коляске и не могла самостоятельно выполнять самые элементарные действия: есть, удерживать руками даже легкие предметы и т. д.; болезнь интерпретировалась официальной медициной как тяжелый полиартрит). В поле

зрения терапевта Х. оказалась в возрасте девятнадцати лет, и он, проанализировав анамнез, убедился, что патология не может носить органического характера – до ее появления Х. Не перенесла никаких серьезных инфекций, травм и т. д. Анализ подтвердил это предположение. Дальнейшая работа в психотерапевтических и телесных техниках показала, что недуг Х. – типичный случай периферического проявления патологической стратегии, коренящейся в психотравме. Перед тем, как девочка заболела, из семьи ушел отец. Ее недуг так повлиял на дальнейшие события, что отец посчитал своим долгом вернуться – патологическая стратегия получила социальное подкрепление. Создалась ситуация порочного круга: уход отца породил психотравму, психотравма вызвала недуг, недуг вернул отца в семью – глубинные уровни структуры Х. были искажены вторичной выгодой ситуации, которую можно сформулировать упрощенно следующим образом: следует болеть для того, чтобы в семье все было хорошо. Она и болела, даже тогда, когда со временем эта формула потеряла актуальность. Дело в том, что ее заменила другая. Но об этом чуть позже.

Исходя из своего понимания причин патологии Х., терапевт спланировал и лечение – и за несколько сеансов добился отличных результатов: Х. стала вставать, двигаться, научилась самостоятельно есть, набирать номер телефона и выполнять другие простые действия, но после этого, неожиданно для терапевта состоялся такой разговор. Х. сказала: «Я понимаю, что могу полностью исцелиться, стать нормальным человеком, но я этого не хочу. Я боюсь большого мира, в который должна буду выйти, и предпочитаю оставаться инвалидом.». На это лечение прекратилось.

Структурная психосоматика могла бы полностью обойтись без понятия «вторичная выгода». Мы используем его по традиции и для некоторого терминологического разнообразия. Так, в случае Х., вначале травматический контекст «уход отца» генерализовался, по воле обстоятельств, на всю сумму семейных контекстов в целом. Парадоксальным образом, «возвращение отца» также стало травматическим контекстом, запускающим патологическую цепочку. Далее разрастание дефекта вглубь приняло такой тотальный характер, что затронуло уровень самоидентификации, исказив само позиционирование личности в обществе и Вселенной (в данном случае такой пафос оправдан), сущностная формулировка: «я – человек, активная и ответственная личность» заместилась иной: «я – инвалид, о котором заботятся». Для Х. травматическим стал весь глобальный контекст человеческого бытия, ее космограмма была сформирована таким образом, что естественным состоянием Х. оказывалось состояние глубокой инвалидности. Эти глубинные конструкции допустили терапевтическое воздействие в том объеме, который не требовал коррекции космограммы и самоидентификации – Х. стало легче жить, но большего она и не хотела, поскольку полное исцеление вынудило бы ее к огромным новым усилиям. Терапия прекратилась за неизменением достаточной мотивации как со стороны больной, так и со стороны терапевта.

Мы видим, таким образом, что вторичная выгода – это не какой-то отдельный феномен, а разрастание дефекта вишир (генерализация контекста) и вглубь (искажение космограммы и уровня самоидентификации). Его выделенность определяется лишь ситуационной спецификой.

В случае Ж. М. терапевт был приглашен к больной, страдавшей в течение двадцати лет недугом, который определялся официальной медициной как «рассеянный склероз». При этом, все эти годы диагноз ставили «под вопросом», что само по себе представляет удивительный факт. Дело в том, что все симптомы были налицо, но болезнь не прогрессировала, и основной, гистологический признак – декальцинацию нервных окончаний – обнаружить не удавалось. Но симптоматика, повторяем, была характерной. Ж. М. активно лечилась – и у официальных медиков, и у экстрасенсов и т. д., были перепробованы все возможные школы и методики терапии – бесполезно. Терапевт обратил внимание на два обстоятельства – возникновение болезни и семейные отношения, сложившиеся между Ж. М. и ее мужем.

Недуг возник, когда Ж. М. было девятнадцать лет, и она была замужем меньше года. Вместе со своим мужем она попала в аварию и на какое-то время оказалась в больнице. Симптоматика «рассеянного склероза» стала проявляться сразу же после выписки из больницы и все эти годы оставалась на одном уровне. Недуг не помешал Ж. М. стать матерью двоих детей, нормально работать и

вести во всех отношениях нормальный образ жизни – с некоторыми очень важными оттенками.

Муж Ж. М., профессиональный военный, летчик (к моменту работы с Ж. М. – в отставке), представлял собой тип т. н. «сильной» личности, склонной к директивному, авторитарному стилю общения, диктату в отношении своих близких. Он окружал свою жену заботой и такой степенью опеки, которая представлялась естественной лишь в контексте ее «тяжелого недуга» – каждый день провожал ее на работу, встречал, сам совершал все покупки, никуда не отпускал жену одну из дома и т. д. Ее это вполне устраивало – она представляла собой тип личности «слабой» и социально не активной, не склонной к каким-либо самостоятельным действиям или принятым решениям.

Первый же сеанс с Ж. М. позволил терапевту сделать вывод, что ее недуг не имеет ничего общего с настоящим рассеянным склерозом, и корни его лежат в семейных отношениях Ж. М., в той модели опеки и подчинения «по необходимости», которая установилась между ними.

Были проведены три сеанса структурной работы в психотерапевтических и телесных техниках – и сразу же был зафиксирован сдвиг в лучшую сторону. Интересно, что это для Ж. М. субъективно сопровождалось появлением очень ярких многокрасочных сновидений, в которых она действовала, уже полностью излечившись, – возникали ситуации, которые до сих пор представлялись невозможными: вот она одна ходит по магазинам, приобретает какие-то новые вещи по собственному выбору (до сих пор выбор всегда был за мужем) и т. д. Изменился ее социально-поведенческий статус – Ж. М. стала общительнее, «добрее», много рассуждала о планах на будущее и т. д.

Неожиданно, перед четвертым сеансом к терапевту пришел супруг Ж. М. и, ссылаясь на нее, сообщил, что она полностью отказывается от лечения, отказывается даже встретиться с терапевтом. По телефону она подтвердила это свое желание, но очень кратко, неразвернуто и немотивированно. Муж Ж. М. был явно смущен и предлагал даже оплатить не проведенные терапевтом сеансы. При этом было ясно, что он прекрасно понимает, что же произошло на самом деле – именно поэтому он и испытывал такую неловкость.

Ситуация, между тем, представляется очевидной. Авария произошла в тот момент, когда отношения в семье Ж. М. только складывались. Они могли установиться в любой модели, допустимой, если принять в расчет личности супругов, но именно в больнице проявилась та форма отношений, которая устраивала обоих – ее, вследствие ее глубокого социально-поведенческого инфантилизма, устраивал «вынужденный» отказ от собственной воли и, одновременно, подчеркнутая забота со стороны супруга; его, вследствие собственных карт семейных отношений, ориентированных на лидирование мужа, возможность решать за жену и проявлять заботу. Вполне возможно, что иные отношения и не могли бы сделать их семью стабильной, но они требовали определенного ситуационного обоснования. Так, вслед за травмой, следствием объективных причин, возник субъективно обусловленный недуг. Ясно, что он не мог возникнуть «на пустом месте», но о причинах структурного порядка мы можем только догадываться, поскольку работа в этом направлении терапевтом проведена не была. Предположительно, у Ж. М. был некоторый детский травматический опыт, исказивший карты социального поведения и являвшийся причиной ее инфантилизма в этой зоне четвертого логического уровня. Наверняка, если такое искажение имело место, существовала и соответствующая патологическая стратегия. Во время болезни искажение генерализовалось на контексты ее отношений с мужем (видимо, и изначально оно было связано именно с контекстами семейных отношений) – патологическая цепочка развилась на периферию в виде хронического недуга, достаточного для обоснования структуры семейных отношений, поддерживающих искажение, но не опасного – установился «порочный круг», в котором оказались завязаны оба супруга. Вмешательство терапевта в такой ситуации оказалось «неудобным», поскольку грозило нежелательными для обоих переменами.

Здесь мы должны сделать несколько замечаний:

* искажение, распространившееся от исходного пункта, травматической склейки, действительно ведет себя подобно некоторой «личности», реагируя на все попытки коррекции и стремясь

к поддержанию собственного существования – образно говоря, оно тоже «хочет быть», но для «подлинной» личности, для сущности это «хочу» оборачивается в «надо»; есть ли разница между «я хочу быть» ядра и «хочу быть» ложного центра, развившегося из искажения структуры? Есть и существенное: следование «хочу быть» дефекта всегда приводит к отклонению, к патологии – иначе быть и не может, ведь оно несущественно, чуждо человеческому существу; во-вторых, оно закрывает путь к «личной эволюции», поскольку всякий сдвиг в сторону сущности отнимает у ложного центра часть его «жизненного пространства»; конечно, так тоже можно жить, причем иногда очень счастливо, особенно если отождествить себя с ложным центром, однако такая жизнь во всех отношениях ограничена по сравнению с возможной «сущностной» жизнью – выбор, впрочем, за самим человеком;

* при рассмотрении структуры человеческого существа, ее дефектов и связанных с ними проблем мы не можем ограничиваться «поверхностью кожи» – необходимо исследовать всю зону осознания, которая включает в себя других людей, семейные отношения и т. д. Структура искажения, его форма может оказываться целостной только при таком комплексном рассмотрении. Скажем, в случае Ж. М. каждый из супругов владел, так сказать, половиной структурного дефекта, который оказывался устойчивым образованием только из-за такой дополненности. Особенно часто подобное явление наблюдается у детей, чьи недуги вообще не могут быть поняты в отрыве от семейных отношений, отношений со сверстниками, учителями и т. д.;

* структурная психосоматика (мы уже писали об этом) не делает принципиальной разницы между структурными закономерностями организации человеческого существа и малых групп, разного рода социальных общностей и т. д. Мы можем рассматривать случаи, подобные случаю Ж. М., с самых разных позиций – как ее личную проблему, как проблему ее супруга, как проблему их семьи, проводя соответствующий анализ. Во всех случаях принципы и инструментарий этого анализа будут одними и теми же, выводы – также, разниться будет лишь промежуточное описание вовлеченных в конфликт структур. Ниже мы продемонстрируем некоторые конкретные примеры структурно-психосоматического анализа надындивидуальных – групповых, социальных, культуральных – феноменов.

Выясняется, что болезнь и любое другое отклонение не являются чем-то внешним по отношению к человеку, а точнее, по отношению к текущей триаде, напротив, они составляют часть таковой, а, следовательно, излечение – это всегда изменение, структурная перестройка в сторону большего соответствия сущности. Часто мы встречаем такое развитие сюжета: проходит болезнь – и человек меняется вплоть до, казалось бы, не связанных с патологией убеждений, вплоть до космограммы и самоидентификации, что проявляется внешне как полная смена модели социального поведения. Это может произойти «без видимой причины» – ведь и разделение патологической склейки или «массажная» работа с телесным зажимом напрямую никак не связаны с убеждениями, мировоззрением и позиционированием в Глобальном взаимодействии. В том же случае, когда подобный самопроизвольный сдвиг, пересоздание структуры не происходит, это свидетельствует о наличии глубинного сущностного конфликта, который требует других техник работы, ориентированных на уровень космограммы и ядро личности.

Именно исходя из этого, мы и формулируем задачи терапии, какими они предстают с точки зрения структурной психосоматики: они не в том, чтобы «победить недуг», а в том, чтобы помочь конкретному человеку стать сущностнее, предоставить, в конечном счете, ему возможность большей свободы внутреннего выбора (если мы вспомним, что представляет собой свобода с точки зрения Глобального взаимодействия). Значительно важнее поставить внутри самого человека какие-то вопросы, чем навязать со стороны их решение. Именно в этом терапия смыкается с искусством и практической философией, становится «искусством жизни», чуждым, однако, мессианству и морализаторству. Терапия становится зеркалом, в котором человек должен увидеть себя, и в соответствии с увиденным, привести в порядок свое лицо. Такое зеркало может быть только абсолютно нейтральным, абсолютно беспристрастным, но, вместе с тем, и лишенным дефектов. В этом

и заключается самая большая сложность. Речь идет, разумеется, не о безупречности терапевта, но о безупречности терапии, хотя нам известны случаи, когда серьезные личные проблемы самого оператора делали его работу односторонней и неэффективной. В общем случае, терапевт должен быть хорошо структурирован, по крайней мере, до уровня космограммы, и не останавливаться в развитии, т. е. быть открытым для необходимых изменений стиля собственной работы. Но мы хотели подчеркнуть другой момент: работа в техниках структурной психосоматики никогда не бывает односторонним процессом — если терапевт представляет собой зеркало для пациента, то и пациент, точнее, работа с ним, воздействует на терапевта. Продолжая нашу метафору, можно сказать, что, во-первых, структурная работа представляет собой полупрозрачное зеркало между пациентом и терапевтом (терапевт наблюдает, будучи сам невидимым), во-вторых, терапевт сам является таким зеркалом (создает условия безупречной терапии), в-третьих, пациент является «зеркальным мастером» (формирует терапию и терапевта постановкой проблемы и требованиями к тактике и стратегии лечения).

Рассмотрим несколько конкретных примеров.

Пациент К. страдал тяжелой формой гормонозависимой бронхиальной астмой. Он лежал под капельницей три месяца, и у врачей сложилось мнение, что он не жилец. С ним никто никогда не работал телесными методами, и первые ощущения терапевта во время сеанса были очень странные: тело как будто железобетонное: сильнейший зажим в области живота от мезивидного отростка до паха, до лобковой кости, и целая система зажимов на шее, на голове.

Разбирая локализацию этих зажимов, мы можем констатировать их соотношенность с чакровыми зонами Свадхистаны и Манипуры (живот; наиболее сильные зажимы), Вишудхи и Аджны (шея, голова).

После установления телесного раппорта, была использована техника работы с этими зажимами как с телесными метафорами: проминались области их локализации с одновременным предъявлением вопросов: «Что происходит? Как трансформируются ощущения?». К. воспринимал эти спазмированные участки своего тела сначала как какие-то инородные «железные предметы», которые затем превращались в «деревянные», потом в «текущие», и, наконец, эта «жидкость» начинала растворяться в теле, циркулировать в нем, спускаясь вниз, отдавая тепло — и становилось легче дышать. Это сопровождалось вопросами терапевта: «Куда направляется тепло? Что дальше происходит с «деревом?» и т. п.

Сеанс длился два часа — в результате, в течение последующих двух месяцев у К. никаких астматических проявлений не наблюдалось. Затем что-то вернулось, но в значительно более легкой форме. Однако остался очень глубокий зажим в области живота, с которым продолжалась работа на дальнейших сеансах. На уровне телесных ощущений терапевтом этот феномен воспринимался как какая-то твердая колонна, стальной канат. Понятно, что с таким образованием ничего нельзя было сделать на уровне чисто вербальной работы, и тактическая задача терапевта состояла в том, чтобы, устанавливая с К. каждый раз как можно более глубокий раппорт, постепенно и с осторожностью разминать спазмированный участок, сопровождая эти действия вопросами: «Что происходит? Какне возникают ощущения?». Выяснилось, что К. действительно воспринимал зажим как какой-то канат, который постепенно будто бы истаявал, от давая тепло — и это тепло шло в ноги, в руки, в голову.

Затем с К. произошел острейший кризис. Это было во время семинара в Москве в мае 1995 года. Стояла жара, и К., который к этому времени уже полтора года обходился без гормонов, оказался в реанимации. Дежурный врач сказал: «А зачем ему капельницу ставить? Все равно уже ничего не поможет». Но К. решил, что будет жить — и он выкарабкался и пришел на последний день семинара.

Тогда-то и удалось, при помощи структурного подхода, разворачивая «обратный фильм», добраться до патологической склейки («черная ложка», удар по голове, крик — об этом сказано выше) и разрушить ее. После этого К. излечился полностью, астма больше не возвращалась. По временам у него только возникали какие-то неприятные ощущения в области живота. Дальнейшая работа, однако, показала, что группа ложных карт (об их существовании говорили, к примеру, противоположные кинестетические ощущения, выявленные в ходе сеансов), связанных с патологической стратегией, не была полностью перестроена.

В сентябре 1996 года К. предъявил следующую проблему: «Я понимаю, что я здоров, но что-то во мне еще сидит, что-то еще мне мешает, я хочу разобраться в этом...». Предыдущая терапия разрушила у К. ощущение ложного ядра — это и привело к активизации сущности и субъективному вычленению несущественных участков структуры в качестве чужеродных образований. Дальнейшая работа шла уже в других техниках и была направлена на более глубокие логические уровни — о ней мы расскажем в соответствующем месте, а сейчас разберем ту часть терапии, которая непосредственно связана с работой с патологическими стратегиями. Скажем лишь, что была выявлена еще одна психотравма.

Этот случай показателен во многих планах. Работа с К. началась тогда, когда многие базовые положения структурной психосоматики еще только формулировались. В результате, были допущены и ошибки, а некоторые результаты казались неожиданными. Так, в ходе работы изменилась сама личность К., вплоть до уровня самоидентификации (например, были изжиты культуральные стереотипы типа: деятель искусства должен быть нищим, он не может быть успешным человеком в социальном плане и т. д.). Изменилась самая жизнь К., хотя специальной работы в этом направлении не проводилось.

С точки зрения сегодняшнего опыта и концепции структурной психосоматики, история болезни К. представляется достаточно ясной: в детстве в разное время он перенес две психотравмы, затронувшие разные группы карт. Генерализация травматического опыта привела к разрастанию зоны структурных искажений, переплетению дефектов в неразделимый клубок, что привело к мощным телесным аномалиям в виде системы зажимов и бронхиальной астмы, отклонениям в поведении, ложным картам идеологического типа, «оправдывающим» их, проблемам в области самоидентификации и т. д.

Первоначальный выбор терапевта в пользу телесной работы был на первом этапе абсолютно правильным и даже вынужденным — вряд ли удалось бы добиться какого-то результата, применяя психотерапевтические техники на фоне тяжелейших зажимов и сложной соматической патологии, однако переход к разделению травматической склейки запоздал — это и вызвало приступ в мае 1995 года: зона пересеченных карт, не затронутая в ходе трансформации телесных метафор, спровоцировала новое разветвление патологической стратегии на периферию. Однако, телесная сторона дефекта была уже проработана, и, когда на семинаре удалось подойти к травматической склейке и разрушить ее, автоматически наступило улучшение.

На этом этапе были допущены две неточности:

- ◆ проблемы К. были очень серьезны, и следовало ожидать определенных последствий дефекта на глубинных уровнях и проработать их;

- ◆ пристальный анализ зон локализации зажимов должен был навести на мысль о множественности психотравм, перенесенных К.

Однако, дело в том, что в 1995-96 годах такие аспекты структурной работы были еще не изучены.

На примере К. мы видим также, что травматическая склейка, зародившись в области карт четвертого логического уровня, разветвляется и на периферии (травматическая склейка — патологическая стратегия — соматический недуг, телесные зажимы), и в «плюскости» уровня убеждений (идеологическое «обоснование» аномалии, генерализация контекстов), и к ядру личности (нарушение космограммы и самоидентификации), образуя как бы структурную (несущую) в существо, согласно собственной матрице. На практике нам почти всегда приходится иметь дело с подобными запущенными случаями, когда только работа в технике разделения травматических склеек и трансформации телесных метафор оказывается недостаточной — возникает настоятельная потребность в иной структурной работе. Мы говорили, что такая работа следует за работой с патологическими стратегиями. Это верно, но только в смысле причинно-следственной связи, а не последовательности терапевтических мероприятий. Глубинная структурная работа может завершать периферическую, а может и предшествовать ей.

Так было с С. Здесь все развивалось на фоне тяжелых наследственных недугов: последствий ДЦП и врожденного порока серд-

ца. В результате, С. Свыкся с массой неизбежных, как ему казалось социальных ограничений; от него можно было постоянно слышать: «Ведь я этого не могу, это не для меня.». Весьма успешный в профессиональном плане человек (врач-кардиолог), в других контекстах он был очень неэффективен и слабо социализирован. Здесь приходится констатировать глубокую инфантильность в некоторых существенных секторах структуры, имплантацию множественных ложных карт, проявившихся в целой серии контекстов в виде несущности стратегий.

ГЛАВА II Ч. 2

Когда в его жизни произошла трагедия – умерла мать, к которой С. Был очень сильно привязан, – он оказался в состоянии глубочайшей депрессии, которая сопровождалась массой периферических телесных проявлений, в частности, очень тяжелыми утренними приступами стенокардии (в связи с чем врачи делали весьма пессимистические прогнозы). С. пытался лечиться, провел три месяца в клинике неврозов с нулевыми результатами. Там к нему применяли методы разъяснительной психотерапии, медикаментозное лечение, что ввергло его в еще худшее состояние. Такое развитие событий закономерно – в случае С. мы можем наглядно проследить связь между нарушениями нормального формирования структуры в процессе «личной истории», имплантацией несущности карт и возникновением патологических склеек, инициирующих соответствующие стратегии.

Ясно, что в раннем детстве С. была перенесена психотравма, затормозившая формирование очень важных карт. Все последующее структурирование в этой зоне оказалось заторможенным, что и может быть охарактеризовано как инфантилизм. Важно, что в других зонах развитие шло нормально – непроработанность структуры в некотором, даже очень важном, секторе, не мешала структурированию в других секторах. Это типично. Очень часто мы можем встретить, например, прекрасных специалистов, абсолютно беспомощных в простейших жизненных ситуациях. Как тут не вспомнить Козьму Прутова: «Специалист подобен флюсу – полнота его односторонняя.». Однако, структура не терпит абсолютных пустот, хотя бы уже потому, что личность вынуждена действовать, в том числе, и в тех контекстах, относительно которых у нее не сформированы сущностные карты. Так происходит имплантация сторонних карт, социальных и культуральных стереотипов. В случае С. именно мать для него, инвалида с детства, являлась источником постоянного культурального пресса, от нее шла имплантация ложных, с точки зрения сущности С., карт, социальных стереотипов. Смерть матери явилась для С. повторной психотравмой, тематически связанной с зоной, искаженной ранним травматическим опытом. Ясно,

что речь идет о картах, определяющих отношение к смерти. Они являются одними из важнейших на самом раннем этапе «личной истории», во время первичной индивидуализации, когда личность впервые осознает свою собственную смертность, а вместе с этим, и собственную жизнь как нечто противоположное смерти. Действительно, одно невозможно без другого. Можно выразиться даже более определенно: именно постановка проблемы смерти, ощущение конечности собственного бытия в этом мире и означает индивидуализацию личности, вычленение ее из аморфного «всего» в качестве отдельного элемента. Дальнейшее отражение этой проблемы вновь приводит личность к интеграции во «все», но уже на новой основе – личного бессмертия (остановимся на этом, чтобы не переводить разговор в плоскость религиозно-философских и конфессиональных споров). С точки зрения чакровых зон, ответственными за эту группу карт являются Муладхара и Сахасрара, первая и седьмая чакры, как бы замыкающие человеческое существо в кольцо. Раскрытие Муладхары завершается к 35 годам (в норме), но уже в первые два года эти чакры играют решающую роль. Как личность, С. остался «большим ребенком», полностью зависимым от матери. Далее смерть матери, во-первых, лишила его такой опоры, заменявшей, до поры до времени, отсутствие собственных социальных карт (вспомним социальную неэффективность и инфантильность С.), во-вторых, вновь активизировала нерешенную проблему жизни и смерти, в-третьих, освободила сущностные участки структуры С. (также достаточно мощные – ведь в профессиональном плане С. был вполне успешен), все это привело к мощнейшим внутренним конфликтам и срабатыванию патологической стратегии. Прежде она не развивалась, поскольку С. просто заслонялся матерью от всех травматических контекстов, теперь же это стало невозможным. Можно предположить далее, что в данном случае патологическая стратегия имела более сложную форму, включающую две патологические склейки (рис. 68) – первая возникла в раннем детстве, но тормозилась материнской опекой, вторая возникла в период смерти матери и перебарывала патологическую цепочку в таком направлении, что итогом оказывались сердечные проблемы. Добавим к сказанному, что врожденные болезни С. свидетельствуют о существенных искажениях транслации генотипа уже в пренатальный период.

Работа с С. строилась со стороны стратегий. Первый этап ее был очевиден, поскольку смысловое содержание повторной психотравмы было известно. Терапевт целенаправленно убрал травматическую склейку, связанную с похоронами. После трехчасовой работы, в ходе которой затрагивались также карты, связанные с личностными и культуральными убеждениями (например, об-

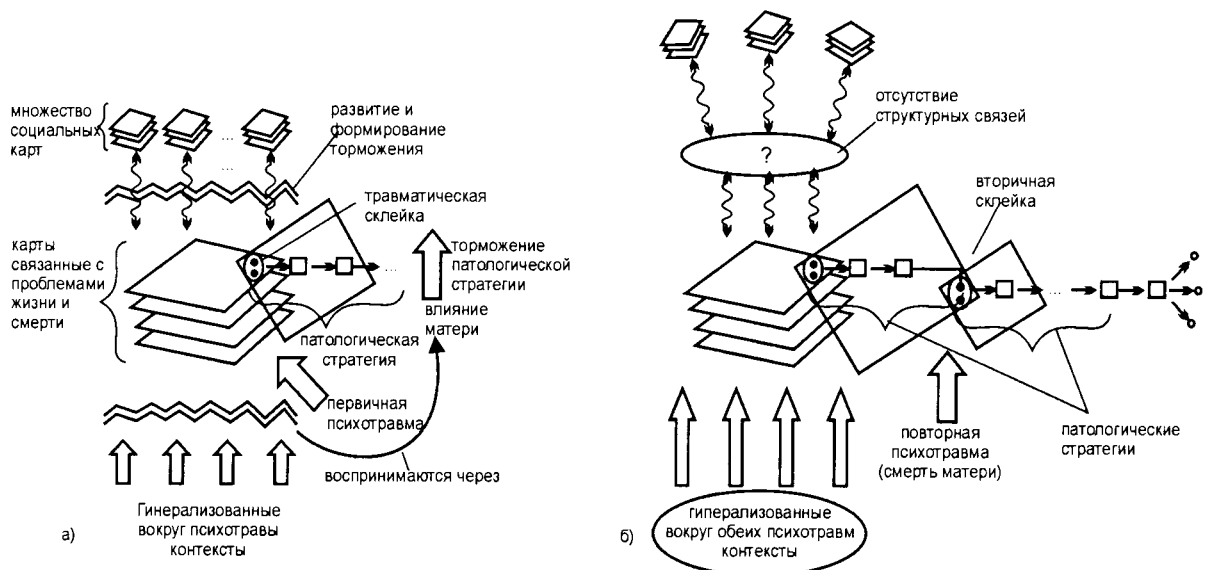

Рис. 68 Развитие патологической стратегии в случае с С.

а) первичная психотравма

б) повторная психотравма

суждалось отношение к смерти и сам похоронный обряд в разных культурах и огромное различие между общественным и личным взглядом на сам факт смерти человека), удалось добиться того, что С. мог безболезненно внутренне просматривать «фильм» похорон матери. Далее его отношение к самой смерти изменилось, соответствующая группа карт начала формироваться, причем существенным образом. При этом исчезли все периферические проявления, в том числе, и утренние приступы стенокардии.

Однако, первичная травматическая цепочка сохранилась – о ней свидетельствовали и остаточные телесные проявления (тяжесть в сердце, слабость и т. д.). Кроме того, осталась заблокированной и связь с множеством все еще не структурированных социальных карт. С целью коррекции этих дефектов, на следующих сеансах проводилось погружение в детский травматический опыт, его сканирование, т. е., по существу, отслеживание отдельных карт. Здесь, наконец, удалось выявить первичную психотравму и соответствующую ей травматическую склейку – она относилась к возрасту примерно двух с половиной лет, когда С. впервые оказался в больнице, и ему была проведена операция на сердце. Очевидно, что этот контекст напрямую связан с проблематикой жизни и смерти; временная привязка травматического опыта так же соответствует активности ответственных чакровых зон. Кроме того, в это время важную роль играет Свадхистана (проблемы индивидуализации, смежные с проблемами жизни и смерти) – с нею были связаны телесные зажимы в нижней части живота. После проработки зоны первичного дефекта с С. произошли не только телесные, но и личностные, и социально-поведенческие изменения: он начал знакомиться с женщинами, стал более успешен в плане карьеры и т. д.

Только затем был совершен переход к телесной работе. Это были три или четыре сеанса, абсолютно безмолвных, когда в состоянии глубокого раппорта прорабатывались различные точки и зоны, особенно тщательно живот – зона подавленных эмоций. Терапевт оперировал через кинестетику, фактически, он создавал фон, условия, а основная работа (с самим собой) проводилась самим С. После этих процедур с ним происходили удивительные, но, с точки зрения структурной психосоматики, закономерные феномены: в сознании всплывала масса воспоминаний, образов, снов, он вдруг «беспричинно» плакал и т. д., т. е. шло постепенное структурирование жизненного опыта на более существенной базе, шло формирование социальных карт, связь с которыми была восстановлена после разрушения первичной травматической склейки и вытеснения имплантированных карт. Важно, что процесс переосмысления (переживания) жизненного опыта продолжался спонтанно и между сеансами – даже в таких «неподходящих» местах, как общественный транспорт.

Сказанное очень важно для понимания метода структурной психосоматики, в целом. Что такое разрушение травматической склейки? «На самом деле» это погружение человека в один раз уже пережитый опыт, но таким образом, чтобы травматическое переживание заменилось нетравматическим, произошло новое отражение – с третьей позиции. Это принципиально важно. Даже когда терапевт обсуждает в содержательном плане какие-то убежденческие, космографические или связанные с самоидентификацией конструкции пациента, он, во-первых, не имеет права навязывать что-то и «от себя» давать какие-то оценки, во-вторых, обязан строго соблюдать третью позицию и, в-третьих, должен превести в третью позицию относительно обсуждаемого самого пациента. Недопустима директивность, учительство, тон проповедника – возможна лишь демонстрация (с использованием, по возможности, более широкого социального и культурального по материала) и отзеркаливание «внутренних» структур партнера – далее должно работать, переструктурироваться его собственное существо. Иными словами, структура должна быть результатом личного переживания, личного опыта, «личной истории» – неважно, что иногда к каким-то ее эпизодам приходится возвращаться или проходить за считанные дни путь, который в норме требует трех с лишним десятков лет.

Последний (кажется, это был шестой) сеанс был посвящен решению профессиональных и карьерных проблем С., т. е. проблем

IV-й социализации, которые состояли в том, что, под влиянием остаточных имплантированных карт, он не мог внутренне принять некоторые «правила игры», испытывал затруднения при публичных выступлениях и т. д. После коррекции в этой зоне С. больше ни с какими жалобами не обращался: он научился самостоятельно и эффективно жить в том «жизненном пространстве», которое было дано ему природой (т. е., в даосских терминах, обрел состояние «юань»), причем жить полноценной жизнью «нормального» человека.

Этот пример очень показателен. Любой дефект связан с «личной историей», и очень часто психотравмы и соответствующие им травматические склейки образуют сложные конгломерации. Так, в случае Р. О. было обнаружено три одновременных психотравмы, связанных с одной и той же патологической стратегией. Структурные дефекты проявляются различно и по-разному «обрастают» контекстуальными привычками, периферическими феноменами, глубинными и убежденческими искажениями. В каждом конкретном случае приходится по-новому строить тактику терапии, используя техники как строительный материал в рамках общих методических, методологических и концептуальных схем – и при этом опираться на раппорт и калибровку, как на единственные источники текущей информации о происходящем. Третья позиция терапевта должна распространяться и на его собственные навыки и умения – необходимо постоянно, непосредственно в процессе работы анализировать собственные действия и двигаться не «по интуиции», а подобно первооткрывателю на вновь открытом континенте. Таким образом, техникам структурной психосоматики нельзя научиться как операционным схемам с четкой последовательностью шагов – это всего лишь элементы, базирующиеся на более глубоком фундаменте, который и необходимо усвоить в первую очередь. Техники здесь – это, если следовать предложенной нами метафоре – умение ориентироваться по компасу, составлять карту, ставить палатку и т. д. Но суть действий путешественника в другом – он исследователь. Другое сравнение: элементы техники боксера – это только средства, над которыми тактические и стратегические расчеты, а далее – жизненные цели спортсмена. Исходя из сказанного, в этой части настоящей книги мы будем описывать технические приемы не только как таковые, но и, главным образом, как дидактический материал, позволяющий передать методику, методологию и концепцию структурной психосоматики как подхода к человеку во всех аспектах, в т. ч. и терапевтическом.

В заключении этой главы поставим следующую проблему: если «внутренние», глубинные дефекты (те же травматические склейки) порождают периферические проявления (телесные зажимы, соматические недуги, поведенческие аномалии), то может ли быть и обратное – могут ли перенесенные травмы вызывать соответствующие отклонения на уровнях психе и духа? Из общих соображений мы должны ответить утвердительно, однако, не всегда общие соображения справедливы. Возможен ли, в частности, такой механизм образования патологической стратегии: перенесенная тяжелая телесная травма вызывает искажение карт, далее – травматическую склейку, и это приводит к убежденческому и более глубоким дефектам, которые потом уже сказываются в новой зоне периферии?

В плане поставленного вопроса была очень интересна работа с П., ветераном-афганцем, который перенес несколько тяжелых ранений и других травм. На первом же этапе были выявлены чрезвычайно устойчивые патологические стратегии (по поводу их проявлений, более в пояснице, головных болей и бронхиальной астмы, он и обратился к терапевту). Очень скоро они стали складываться в общую картину, неожиданную для терапевта. На первый план вышли поведенческие аномалии П., дальнейшее исследование которых заставляло сделать вывод: по крайней мере, часть дефектов П. порождена не психотравмами, а соматическими повреждениями, повлиявшими на глубинные уровни структуры и через них вернувшимися на периферию в иных телесных зонах. Как работать с подобными искажениями? В этом и многих других случаях телесная работа должна сопровождаться совершенно иными терапевтическими техниками, центральным понятием которых является понятие неконгруэнтностей.

Глава 3

Введение в техники телесной работы

С каждым годом в разных странах возрастает интерес к различным (и старым, и новым) направлениям телесно-ориентированной терапии – это и рольфинг⁹⁵, и полярная терапия, и холистический массаж, методы Фильденкрайза и Александера и многие другие.

⁹⁵Техника названа по имени основателя направления – ученицы Ф. Перлза, Иды Рольф.

В нашей стране, к примеру, Е. И. Зуевым был создан метод БЭСТ (биоэнергосистемотерапия). Такое разнообразие, безусловно, не случайно. Все больше людей, и не только психологов, врачей, философов, ищут ответ на вопрос: как совместить достижения современной технократической цивилизации и глубокую потребность человека во внутренней свободе, как преодолеть нарастающую механистичность жизни? Обращение к проблемам телесности в такой ситуации неизбежно.

Однако, как и всякая общественная тенденция, устремленность к «новой телесности» имеет две стороны – одна связана с усилиями серьезных специалистов, другая – составляющая часть поп-культуры.⁹⁶

⁹⁶Мы ничего не имеем против поп-культуры как таковой. Очень часто именно явления, относящиеся к ее сфере, последующими поколениями воспринимаются как высшие достижения эпохи. Так было с японским искусством стиля «кириэ» (известного, в частности, по гравюрам наших мастеров, как Хокусай и Хиросигэ), рыцарскими романами, джазом. Вообще, поп-культура образует общий тон эпохи, «вкус» времени. Здесь речь идет о другом – о суррогате или, если воспользоваться термином из области эстетики, киче. Многие аспекты «новой телесности» в этом смысле подобны пресловутым лебедам на ковриках. Они плохи не потому, что ориентированы на «массы», а потому что лишены мастерства.

Некоторые из перечисленных методов, например, холистический массаж, склоняются ко второму. Само по себе обращение к телесности, распространение телесных методов работы не решает и не может решить никаких проблем ни общества в целом, ни конкретного человека.

Комплексная техника телесной работы, претендующая на серьезные результаты, должна включать:

- * теоретическую модель человека как целостной иерархической системы, объединяющую все уровни вертикали «тело-душа-дух» и проясняющую механизмы отражения-отреагирования;

- * методы анализа и исследования структуры конкретного человека, которые бы давали возможность осуществлять целенаправленную индивидуальную ориентированную коррекцию;

- * техники коррекции, достаточно разнообразные для использования в разных конкретных случаях.

Именно к этому идеалу стремилась система выдающегося психолога и психотерапевта Вильгельма Райха. Его деятельность отличалась еще одной важной особенностью: он смело обращался к традиционным техникам, методам и к «пограничным» областям знания, экспериментируя, в частности, в области парапсихологии. Все это происходило в первые послевоенные годы, когда такое обращение со стороны представителя «университетской» культуры, одного из учеников Фрейда, казалось странным. Что же касается самой парапсихологии, то мы уже высказывались по существу этого явления, обозначая его и «ниже с ним» термином «экстрасенсорика». Говоря об интересе Райха к такого рода феноменам, мы хотели лишь подчеркнуть, что он (подобно другому ученику Фрейда – Юнгу) в числе первых постулировал необходимость серьезного отношения официальной науки к «пограничным» знаниям и традиционным системам. Несмотря на то, что превратности личной судьбы Райха на долгие годы отодвинули в тень его личность и связанные с его именем достижения, именно разработанные им методы можно считать источником современных телесно-ориентированных практик.

Структурная психосоматика не выделяет телесные методы работы отдельно – они составляют часть ее практических подходов и неотделимы от т. н. «психотерапевтических» и суггестивных практик, которые лучше бы назвать структурными. Все-таки условно мы можем рассмотреть их отдельно, прослеживая при этом, главным образом, те аспекты, которые интегрируют «массаж» в общую систему работы. Пристальный анализ показывает, что нет никакой разницы между теми или иными структурными методами – телесная работа отличается лишь тем, что воздействие идет по кинестетическим каналам через кинестетический анализатор.

Если считать, что предварительные этапы пройдены (терапевт уже включился в работу с пациентом и выбрал телесную технику или перешел к ней после применения других техник), дальнейшая работа может быть разделена на несколько уровней.

Первый уровень работы – уровень глубокой психофизической релаксации, наведение кинестетического транса. Важно, что все суггестивные техники могут проводиться невербально, за счет одного только кинестетического контакта. Основа всякой суггес-

тии, транса достигается путем глубокой релаксации пациента. В структурной психосоматике разработаны специальные приемы такой работы. В этой главе мы опишем некоторые конкретные техники, и отметим, что добиться такого уровня релаксации, который возникает в телесной терапии, невозможно какими-либо известными нам методами. Он подобен такому, которого достигают квалифицированные мастера йоги или цигуна после длительной практики с применением специальных упражнений.

Великий психотерапевт Милтон Эриксон, оказавший огромное влияние на суггестивные техники нашего времени и, более того, совершивший в отношении них подлинный «переворот сознания», утверждал, что состояние транса само по себе полезно. Мы знаем, что это действительно так, ведь транс – это погружение центра осознания на глубинные логические уровни, и, чем он глубже, тем более общие, базисные структуры становятся доступными освоению и структурированию. Важно и то, что в состоянии транса начинают проявляться психосоматические эффекты феномена времени, что приводит к вычленению конфликтных зон и осознанию их в виде телесных метафор.

Вильгельм Райх считал, что в состоянии расслабления «мышечной брони»⁹⁷ высвобождается большое количество энергии, свободно распределяющейся в организме.

⁹⁷Райх, выделивший на теле человека «поля зажимов» (анатомически они совпадают с чакровыми зонами), указывал, что личностные проблемы, подавление желаний и т. д. приводят к спазмированию мышц, которое у взрослого человека образует неподатливую «мышечную броню». Эта «броня» оказывает обратное воздействие, подавляя уже, в свою очередь, личность, которая оказывается как бы заключенной в затвердевшую жесткую корку. Очень хорош и очень точен образ, созданный А. П. Чеховым, — человек в «футляре». Такой футляр, по Райху (и в этом структурная психосоматика придерживается сходного мнения), носит, прежде всего, телесный характер, — таким образом, решение психологических проблем должно начинаться с телесной составляющей человеческого существа.

Мы уже говорили об истинном смысле понятия «внутренняя энергия» и подобных ему применительно к психосоматическим феноменам. С точки зрения структурной психосоматики, утверждение Райха означает, что погружение центра осознания на глубинные логические уровни, к базовой матрице, вызывает переуплотнение человеческого существа, в ходе которого, в частности, возникают феномены, субъективно воспринимаемые как «потоки энергии», «перераспределение энергии» — («на самом деле»), это снятие зажимов и блоков, выравнивание скорости прохождения ощущений и, в конечном счете, переход к более сущностной структуре (что всегда выглядит как оживление связей, согласование информационных «потенциалов» тела).

Но, может быть, ключевым моментом является то, что человек начинает осознавать свое тело как определенный внутренний космос, пространство со своими законами, ощущениями, взаимосвязями. Этот опыт сам по себе бесценен. Он базируется на перемещении центра осознания вглубь (на пятый-шестой уровень) вкупе с осознанием всего своего тела в качестве некоторой тотальной телесной метафоры. Субъективно такой опыт переживается как состояние «внутреннего безмолвия». О нем говорят мистики всех времен — от йогов до Кастанеды. Как уже многократно подчеркивалось, такое состояние не имеет ничего общего с «вытеснением» мыслей, «пустотой пустоты» и т. д. — это туньята, «пустота переполненности». «Внутренняя болтовня», т. е. разделение и вербализация отдельных фрагментов текущего опыта, уступает место целостному переживанию собственного бытия, интегрированного в поток бытия Вселенной (или, мы бы сказали — в Глобальном взаимодействии). Именно в этом состоянии, в силу переструктурирования, включаются различные механизмы внутренней психосоматической саморегуляции, восстанавливается единство человека на всех его уровнях.

Итак, релаксация — это весьма ценное состояние. Но дело в том, что глубокое полноценное расслабление недоступно большинству современных людей. Система ограничивающих убеждений, структурно представимых как карты четвертого логического уровня, а генетически представляющих собой социальные и культуральные стереотипы, записанная в теле, слишком сильна. «Мышечный панцирь» буквально не дает расслабиться, он блокирует большинство сознательных попыток такого рода. Примером являются столь популярные в наше время системы аутотренинга и саморегуляции.

Идея, что ресурс и сила заключаются в самом человеке, а не только и не столько во враче или лекарстве — это уже огромный шаг вперед, переход на третий логический уровень, с точки зрения постановки проблемы. Но, к сожалению, позанимавшись некоторое время по этим системам, многие не получают ожидаемого результата. Почему-то не появляются тепло и расслабление или, появившись в какой-то зоне тела, исчезают вновь. И, что самое главное, невозможно отключить «внутреннюю болтовню».

Но и те, кому это удастся сделать, приложив значительные усилия и время, понимают, что некоторые участки тела невозможно не только самостоятельно расслабить, но и самостоятельно осознать. Необходима помощь извне, нужен партнер, который мог бы помочь достичь расслабления. Именно поэтому многие обращаются к помощи специалистов в разных видах массажа, мануальной терапии и т. д.

Некоторые получают то, что они хотели, но многие — нет.

Причина кроется в самой структуре применяемых подходов: приемы телесной работы делаются быстро, поверхностно, разорвано, но, самое главное, такая работа не основывается на достаточно разработанных принципах, представляющих человеческое существо как единое целое — если проминается мышца, то работа и адресуется мышце, те организационные уровни, которые стоят «за поверхностью», не только не рассматриваются и не задействуются, но и не учитываются. Их будто бы и вовсе нет. В результате человек испытывает только внешнее ощущение тепла, давления, боли, иногда некоторого расслабления. Проходит полчаса — и он забывает, что с ним вообще что-то делали. С точки зрения структурной психосоматики, такая работа чисто линейна, это «мануальное выражение» линейного мышления. Поскольку отдельные приемы не увязываются между собой на более глубоком уровне, не образуется даже «плоскость представлений», не говоря уже о более совершенных многообъемных подходах.

Сопоставление отдельных ощущений в локальной телесной метафоре образует то, что мы называем «псевдоплоскостью». Ориентированная на такую структуру работа должна иметь, по крайней мере, технологию того же порядка. Тотальная телесная метафора многопространственна. Но даже серьезная работа, ориентированная на один-единственный телесный дефект, не может быть линейной по содержанию. Допустим, терапевт корректирует смещение позвонка. Глубокое силовое воздействие, принятое в некоторых школах мануальной терапии, не только опасно, но и малоэффективно. Во-первых, мышцы, поддерживающие позвоночник, спазмируются в ответ на ту или иную системную проблему, на патологию того или иного внутреннего органа — они-то, между прочим, чаще всего и смещают позвонок в ту или иную сторону, во-вторых, влияние оказывает и общее состояние позвоночника в целом. Рассмотрим, для примера, простейший случай. Терапевт обнаружил смещение на уровне второго-четвертого грудных позвонков. Это сопровождается повышенным мышечным тонусом и болевой чувствительностью в зоне между правой лопаткой и позвоночником. Такой дефект говорит о патологии желчного пузыря, которая должна быть исследована. В свою очередь, желчный пузырь относится к тем внутренним органам, которые легче всего поражаются в результате психо-эмоционального стресса — спазмируются желчные протоки и сфинктер Одди, что приводит к нарушению оттока желчи, венозным застоям, воспалительным явлениям с последующей инфекцией. Таким образом, терапевт, работающий в техниках структурной психосоматики, столкнувшийся с подобной проблемой, на структурном уровне будет искать источник травмирующего стресса, а на телесном — начнет с полной релаксации (иначе и невозможно дальнейшая работа с позвоночником), затем проработает в висцеральных техниках сам желчный пузырь (подобные техники известны в древнекитайском массаже, описаны в работах Г. А. Захарьина и т. д.), хорошо проработает спазмированную зону в области правой лопатки, «разогреет» грудной отдел позвоночника, и только после этого вправит смещенный позвонок. Одновременно нужно будет исследовать и «протянуть» позвоночник в целом, а также обратить внимание на возможные зажимы на предплечье левой руки, на правой передней наружной поверхности голени (эти зоны также связаны с желчным пузырем), на возможное развитие патологии в сторону печени, тонкого кишечника, поджелудочной железы и желудка и т. д. Таким образом, один-единственный дефект

оказывается узлом целого комплекса проблем, не разрешив которые, нельзя провести полноценную коррекцию.

Итак, структура человеческого существа, как правило, неоднородна и несовершенна. Зоны искажений и «пустые», «отключенные» зоны проецируются и в теле, точнее, имеют собственное телесное представление. «Сознательные попытки» расслабиться в таком неструктурированном состоянии потому и тщетны, что сознание не находит пути в непроработанные зоны, добиться устойчивого положения центра осознания в них принципиально невозможно. «Внутренняя болтовня» — это прорывы внешних логических уровней во время работы с картами. Она возникает неизбежно, когда весь четвертый уровень представляет собой нечто вроде изрытой колдобинами дороги. Невозможность расслабить некоторые участки тела и даже осознать их — это следствие тех же причин. Здесь и нужен партнер «извне», причем партнер, знающий «дорогу» в заблокированные участки, умеющий разделить служебные пересеченные карты и далее синтезировать их в новую общность. Выясняется, что это можно делать и невербально — за счет кинестетического контакта.

Как это делается?

Сперва сформулируем основные рабочие правила, позволяющие терапевту действовать максимально эффективно и экологично для самого себя:

1. Никакое движение или прием не делаются только руками. В любом движении принимают участие крупные мышцы корпуса и ног, а через руки усилие только передается.

2. Любое движение должно быть целостным, начиная с подошв, и через систему рычагов, роль которых в теле выполняют кости и суставы, плавно передаваться в кисти. Это можно назвать «перетеканием» усилий снизу вверх.

3. Все лишние усилия исключаются таким образом, чтобы не участвующие в движении мышечные группы были постоянно расслаблены.

4. Стойка во время работы максимально удобна и устойчива: ноги расставлены широко, слегка согнуты в коленях, стопы чуть сведены внутрь. Найдите свою позу. Для этого сперва почувствуйте подошвы ног, покачавшись вверх-вниз; подберите такое положение позвоночника (у каждого — свое), чтобы при таком раскачивании вибрировало все тело — от макушки до центров подошв. При этом должно возникнуть ощущение, что кости черепа, позвоночник, крестец, кости таза и ноги составляют единое целое, а мышцы плечевого пояса и лица расслаблены. При переносе веса тела с одной ноги на другую ощущение целостности должно сохраняться.

Мы хотим еще раз подчеркнуть: психосоматическая структурная работа — единый процесс и для пациента, и для терапевта. Никому еще не удавалось успешно погрузить партнера на глубинные логические уровни, не находясь лично в той же зоне, причем предельно уверенно. Если вдуматься в смысл четырех сформулированных пунктов, то они сведены к тому, что терапевт должен во время работы осознать свое тело как определенную тотальную телесную метафору, совершенный «инструмент» воздействия. Только обретение такого осознания гарантирует успех. Здесь недостаточно «знания» или «понимания» — необходимо «умение», «мастерство», в смысле, который китайцы вкладывают в термин «кунфу»⁹⁸.

⁹⁸Мы обычно связывали это понятие с мастерством в том или ином стиле ушу, но кунфу — это мастерство «вообще»; скажем, мастерство гончара или ткача — это тоже «кунфу».

Когда такая тотальная телесная метафора обретена, когда она увязана с навыками установления раппорта, текущей калибровки и когда, наконец, мышление привычно оценивает происходящее с третьей позиции, многое становится ясно и без объяснений — отдельные приемы легко увязываются между собой, отбираются «без объяснений» те из них, которые нужны в данном конкретном случае, направление работы становится ясно «само собой».

Мы привыкли считать, что самое сильное воздействие и есть самое глубокое. Но это совершенно не так. Вспомните, когда вы были влюблены, и любимый человек едва прикасался к вашей

руке: почти незаметное прикосновение — а сколько ощущений и эмоций, глубоких переживаний!

В релаксационных практиках действует то же, на первый взгляд, парадоксальное правило: чем медленнее и мягче проводится техника, тем она лучше, тем выше эффект релаксации. Именно такие движения вызывают разнообразные ощущения внутри тела, которые начинают осознаться вашим партнером как телесная метафора.

Некоторые, на первый взгляд, очень простые техники на практике очень сложны. Они требуют участия сознания и, более того, включения в зону своего осознания партнера, его телесных метафор и всей целокупности его существа.

В традиционных школах телесной работы, например, китайских или индийских, существует правило: концентрация важнее усилия. Это перенос своего внимания (зоны осознания) на ощущения под руками, на тело другого человека. Это, своего рода, случай «разделения внимания» — одна часть направлена на партнера, на отслеживание его невербальных реакций и ощущений под руками; вторая — на ощущения внутри собственного тела, которые и являются главным критерием правильности вашей работы. Здесь очень важно усвоить следующие моменты:

* терапевт не просто выслушивает сообщения пациента о переживаемых последним телесных метафорах — ощущения под руками позволяют сформировать свои собственные телесные метафоры, синтезирующие на образном уровне телесные проблемы пациента; далее очень важно сравнивать первые и вторые между собой. Зажимы воспринимаются терапевтом также в очень разных, соответствующих особенностям его собственной структуры, образах. Не следует интерпретировать их символическую сторону — важнее сосредоточиться на субстанционных и динамических характеристиках, а также на связи локального зажима с другими участками напряжений;

* дальнейшая работа представляет собой, по сути дела, взаимодействие двух телесных метафор — собственной метафоры пациента (параллельно ощущаемой на уровне комплексного образного представления и терапевтом) и собственной тотальной метафоры терапевта, возникшей в момент начала сеанса; относительно последней и «градуируется» работа, а показателем служат тенденции, ощущаемые через раппорт — в каком направлении, от какого начального образа к какому последующему сдвигаются взаимодействующие телесные метафоры;

* коль скоро терапевт ощущает и осознает не только собственную телесную метафору, но и телесную метафору пациента, причем, оба находятся в состоянии раппорта, пациент также ощущает (хотя и не обязательно осознает) телесную метафору терапевта — она может восприниматься как определенная нормализующая сила или как определенный психо-эмоциональный фон работы. Его можно назвать базовым резонансом.

Именно умение входить в такое состояние и длительное время удерживать его является главным рабочим инструментом терапевта, а техника без этого состояния — лишь ничем не наполненная физическая оболочка. Это состояние «разделенного внимания» сначала трудно удерживать даже несколько секунд, требуется долгая целенаправленная практика для того, чтобы научиться управлять им. Дело в том, что абсолютно бесполезно пытаться вызвать его у себя и, что главное, пытаться осознанно овладеть им, пока, во-первых, собственный пятый логический уровень терапевта не структурирован (лишь на нем формируется тотальная телесная метафора), и пока, во-вторых, центр осознания терапевта не получит возможность самопроизвольно погружаться на шестой логический уровень (только с него собственная тотальная телесная метафора устойчиво обозрима).

Состояние во время работы в паре — это всегда взаимный процесс. Не бывает так, что один человек слушает болтовню в своей голове, находится в дигитальном состоянии, а другой — в состоянии глубокой релаксации и кинестетического трансa. Если это наблюдается, значит, раппорта нет, а трансовое состояние только имитируется. Именно погружая центр осознания на глубокие логические уровни терапевт, находящийся в состоянии раппорта с пациентом, способен повлиять на осознание последнего ранее недоступных для него зон.

Речь идет, по сути дела, о существенно новой парадигме терапии (новой для современной официальной медицины, а не для врачебного искусства, в целом). Эволюция западного общества привела к повсеместному господству идеи воздействия: на природу, социум, отдельного человека. В рамках такого подхода процесс представляется, во-первых, однонаправленным (если А – источник воздействия и В – объект воздействия), его можно изобразить формулой:

$$A \rightarrow B$$

а, во-вторых, оператор оказывается чем-то внешним по отношению к операционному полю. Формула такого процесса:

$$\begin{array}{c} \text{Оператор} \\ \downarrow \\ A \rightarrow B \end{array}$$

где окружности обозначают локусы А и В, и они разделены.

Весь ресурс сосредоточен в одних руках – медика, педагога, руководителя и т. д., другой участник этой пары абсолютно пассивен, «послушен», зависим от первого.

Продолжая ряд формул, это массовое убеждение можно изобразить так:

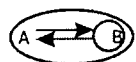
$$\begin{array}{c} \text{Оператор} \\ \downarrow \\ A \rightarrow B \end{array}$$

Представления подобного рода до сих пор пронизывают и медицину, и педагогику. Одна сторона владеет «научным знанием», «искусством врачевания» и т. д., другая обязана послушно воспринимать это знание, быть примерным объектом манипуляции, лечебного воздействия и т. д. Передаточным механизмом служат всевозможные методики. Но вот беда: ученики не хотят учиться, больные – поправляться, клиенты психотерапевта – решать свои проблемы. Начинаются разговоры о разных степенях обученности, гипнабельности, о проценте излечения, на помощь приходит статистика, как будто она объясняет или предопределяет что-то, а не является просто формой подсчета удач и неудач.

Действительно, очень удобно рассуждать следующим образом: если, в среднем, скажем 10% детей необучаемы, то наличие 10 «неподдающихся» двоечников из 100 в конкретной школе вполне приемлемо – учитель здесь ни при чем. Тем более он здесь ни при чем, если данный конкретный ученик не успевает по его предмету. Между тем, стоит прийти в школу новому педагогу, любящему свой предмет и способному установить неформальный контакт с детьми, как происходит разительная перемена: самые «тупые» и ленивые вдруг начинают успевать в этой области знаний, которую преподает любимый учитель. Другой пример: у великого гипнотизера и терапевта Милтона Эриксона не было ни одного из сорока тысяч клиентов, кто бы не погрузился в состояние транс. У него почему-то все были гипнабельны. Новая парадигма, присущая структурной психосоматике (и не только ей), отвергает принцип воздействия и противопоставляет ему принцип взаимодействия: оператор и операционное поле в равной степени влияют друг на друга, причем их локусы объединены. Формальное изображение этой модели можно представить так:

$$A + \bar{A} \xrightarrow{\text{взаимодействие}} (A - \bar{A})$$

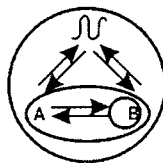
Все же один в этой паре может быть ведущим, а другой – ведомым. Это определяется не авторитетом, не должностью или назначением, и даже не ситуацией, а лишь полями осознания обоих, относительным положением центров осознания. Если мы ущем, что более глубокое расположение такого центра соответствует большему полю осознания, взаимодействие может быть изображено следующим образом:

локус операционного поля включен в локus оператора, составляет его часть.

Здесь возникает еще одна очень важная проблема – истинности самого оператора. Можно добиться резонансного соответствия локусов партнеров, однако насколько такой резонанс продуктивен для обоих или, что то же самое, чем измеряется истинность взаимодействия, эволюция в такой паре? Ответ очевиден, хотя и вы-

зывает чувство отторжения у многих. Для того, чтобы взаимодействие было истинно, оба партнера должны быть «синхронизованы» с некоторой высшей точки отсчета, как бы она ни называлась – Бог, Базовая матрица, уровень «+0», «высший» мир и т. д. Если такую «высшую» точку мы обозначим через А, (алеф), то вся на ша схема приобретет вид:

6

В этом из заключается формулирующийся в христианской традиции принцип «синергии», сотрудничества человека и Бога. С точки зрения этого принципа, лечение – это «дело троих»: врачевателя, больного и Бога, которому оба себя препоручают. Одна из задач терапевта – синхронизовать «вибрации» пациента с этим первичным «генератором ритма». Но для этого необходимо «синхронизироваться» с ним самому.

Основой раппорта, является присоединение. Его суть – в достижении определенного соответствия между партнерами; такое соответствие может быть физиологическим – по позе, темпу речи, тембру голоса и т. д. Вот описание техники присоединения по дыханию, которая наиболее подходит к техникам телесной работы.

Пациент лежит на спине, руки вдоль тела. Медленно и мягко положите расслабленные ладони на область темени. Перенесите все внимание на ощущения под руками.

Внимательно следите за дыханием вашего партнера. Постарайтесь определить тип дыхания – грудное, диафрагменное или брюшное. Для этого определите то место тела, которое наиболее активно приподнимается. Не всматривайтесь пристально, смотрите как бы «сквозь» партнера, расфокусируйте взгляд. Именно это позволяет видеть всю картину в целом, а не отдельные фрагменты. Теперь постарайтесь дышать с той же частотой, амплитудой, тем же спос обом, что и ваш партнер – это называется подстройка. Если вы все делаете правильно, возникает «раппортное» состояние, и вы можете заметить, что ваши руки уже не лежат на голове партнера неподвижно, а совершают легкие, почти незаметные движения с определенной частотой и амплитудой. Позвольте вашему телу очень медленно раскачиваться в такт движению рук, установите общее динамическое взаимодействие.

Можно в этот момент спросить у партнера, что он чувствует, задавая вопросы типа: «Какие ощущения возникают в теле? Есть ли различия между правой и левой сторонами тела? Заметно ли различие по цвету, размеру, плотности разных частей тела?». Многие в ответ расскажут об ощущениях тепла или жара в лице, о теплых или холодных вибрациях, идущих в руки и ноги. В каких-то участках тела ощущения могут свободно проходить, в других может возникнуть напряжение. Не следует интерпретировать эти ощущения, важно помочь партнеру перенести внимание вглубь тела, помочь осознать свое тело как некую «голографическую» объемную структуру.

Можно ничего не спрашивать у партнера, просто предложить ему понаблюдать за своими ощущениями.

В любом случае, через собственные ощущения по невербальным реакциям партнера необходимо определить, чего хочет другой человек. Но одних «внешних» ощущений недостаточно. Необходимо постоянно обращаться к своему внутреннему состоянию. Если есть раппорт, терапевту не может быть комфортно, когда плохо пациенту.

Итак, раппорт установлен, установлено парное взаимодействие, но «задает тон» в этой паре, разумеется, терапевт. Следующим этапом после присоединения является ведение – плавное изменение собственного состояния, и, вследствие этого, изменение состояния партнера. Это нахождение такого совместного состояния, которое комфортно, экологично для обоих участников взаимодействия. Присоединяясь к напряженному партнеру, терапевт и сам испытывает напряжение. Но, меняя свое состояние и расслабляясь, он поведет за собой и клиента. Многие терапевты присоединяются к пациенту, полностью ассоциируясь с его состоянием. «влезая в его шкуру». Неизбежно возникает вопрос о защите – энергетической, психологической и т. д. Но ассоциированное состояние и раппорт – совер-

шенно разные вещи. Рапортное состояние объемно, т. к. внимание в этом случае разделено. Это позволяет свободно входить в позицию наблюдателя, видеть процесс взаимодействия со стороны.

Вместе с тем, проблема «защиты» существует. Она тем острее, чем более «контактен» метод лечения. Во всех техниках, основанных на идее взаимодействия, эта проблема вполне актуальна. В традиционных системах – древнекитайской, Аюрведе и т. д. – «защите» будущего врача учили специально. Меры безопасности сводятся к трем моментам:

ГЛАВА III Ч. 2

* врач должен находиться в хорошем психосоматическом состоянии и все время заниматься собой. Скажем, упомянутые нами выше носители традиционной культуры, мастер шигуна Суй Минтан, врач-пнотерапевт У Вэй Синь, потомственный знахарь И. Сипягин, практикуют специальные физические, дыхательные и медитативные упражнения до нескольких часов каждый день; после лечебных сеансов необходимо отдыхать, полноценно расслабляться и восстанавливать силы; это вовсе не значит «мало работать» (тот же У Вэй Синь принимает по пятьдесят пациентов в день) – это значит «уметь работать» и «уметь отдыхать»;

* следует учитывать особенности собственной психосоматической конституции и фазы собственных структурных ритмов;

* необходимо соблюдать определенную дистанцию, которую мы описали как отличительную особенность рапорта по сравнению с ассоциированным состоянием.

Иными словами, если терапевту в ходе работы становится плохо, значит, он делает что-то не так. При этом встречаются иногда реплики типа: «Я работаю на износ, поскольку работаю ради больных. Мое собственное здоровье не имеет значения.» и т. п. Это абсолютно несостоятельно. В техниках структурной психосоматики (по большому счету, в любых врачебных техниках) больной терапевт ничем не сможет помочь пациенту. Вспомним старое русское выражение: «Врачу, исцелися сам.». Ссылки на загруженность, ориентацию лишь на проблемы больных в ущерб себе всего лишь маскируют другое: неумение восстанавливаться, создавать экологичные условия работы, потерю контроля над собственным состоянием, а иногда – просто лень, и очень часто – отсутствие навыков культуры телесности.

С одним из авторов книги произошла следующая история. Он начал работать с пациентом П. Условия работы были сами по себе достаточно тяжелыми и исключали многие приемы восстановления. Кроме того, случай П. был очень трудным, требующим большой концентрации волевых, психологических и даже физических сил. Некоторые особенности состояния П. были новы для терапевта, что, вкуче с ответственностью работы, внесло дополнительную нервность.

На первом этапе терапевт начал замечать, что буквально болеет после каждого сеанса. Ему даже пришлось обратиться к коллеге и восстанавливаться средствами телесной терапии. Далее он проанализировал собственное состояние, техники, условия работы и обнаружил ряд ошибок, после чего скорректировал режим дня во время работы с П., добавил в обычно выполняемый комплекс упражнений некоторые (на релаксацию и восстановление позвоночника) и, что особенно важно, сосредоточил свое внимание на строгом соблюдении третьей позиции. В результате, болезненные проявления не только прошли, но после работы с П. терапевт ощущал общий прилив сил, состояние подъема и даже смог увеличить общую рабочую нагрузку в эти дни. Соответственно и результаты терапии улучшились.

Травмоопасна для терапевта и ситуация, когда он действует в случаях, «превышающих его силы», требующих знаний, навыков, опыта, которых у него нет. Так было с одним из авторов во время работы с У., у которой в его присутствии развился «статус эпилептикус» (это не было связано с какой-либо терапевтической процедурой и происходило вообще вне контекста терапии). В таких случаях есть только один выход – обращаться за помощью к тому, кто может ее оказать, а в ее ожидании делать то, что возможно. Нет ничего стыдного в малоопытности или в недостатке знаний, практики и т. д., если все это сознается, определяются пределы собственных возможностей, и ведется работа по устранению недостатков. Лучше передать пациента другому, чем, переоценив себя,

причинить вред и ему, и себе. В случае с У. терапевт обратился за срочной помощью к коллеге, а до его прихода «удерживал позицию». В следующий раз, используя полученный опыт, когда в его присутствии у человека развился «статус эпилептикус», терапевт смог самостоятельно вывести его из такого состояния без применения медикаментов.

Базовые принципы работы с телом легко перевести на язык строгих теоретических схем. Подготовка терапевта к началу сеанса, осознание своего тела в качестве тотальной телесной метафоры, погружает его центр осознания на глубинный логический уровень. Медленное прикосновение к партнеру – это начало включения его существа в зону своего осознания. Дыхание, относится к базисным характеристикам, глубинным по своему содержанию. Присоединение по дыханию позволяет терапевту сразу же «вступить» в «святая святых» структуры партнера. Наблюдение за дыханием, за своими ощущениями под руками – это и калибровка, и первый шаг к формированию телесной метафоры партнера. Обращение к нему, направление вектора его внимания на собственное тело, вопросы, предполагающие образное осмысление кинестетического опыта – путь к формированию телесной метафоры у партнера. Наконец, выравнивание собственного состояния и состояния партнера, а затем продвижение своего состояния «к норме», а вместе с ним – и состояния партнера – это и есть взаимодействие двух телесных метафор.

Можно сказать, что терапевт помогает пациенту осознать себя через свои желания, а пациент своими вербальными и, самое главное, невербальными реакциями направляет терапевта к правильным действиям. Каждый обращается к структуре другого. Происходит постоянный информационный обмен. Важно, что этот обмен, главным образом, невербален. Нет необходимости ни вербализовать передаваемые структурные представления, ни даже анализировать их. Прикасаясь к телу партнера, мы имеем замечательную возможность посылать и получать некие комплексные сообщения, передать свое понимание, свою структурную формулировку, не разделяя ее на линейные члены, которые всегда примитивнее целостного, переживаемого нами состояния⁹⁹.

*Релаксационный комплекс.

В качестве практической иллюстрации приводим одну из базовых телесных практик структурной психосоматики – релаксационный комплекс. Он удобен как для обучения телесным практикам, так и для овладения такими важнейшими навыками, как присоединение, ведение, установление рапорта, калибровка.

Это та «сумма технологий», которая позволяет достичь партнеру состояния глубокой психофизической релаксации, кинестетического транса и на этом фоне проводить глубокую структурную работу. Безусловно речь идет не о жесткой последовательности приемов – это всего лишь рабочая схема, удобная для обучения методу и показавшая высокую эффективность на практике.

Отчасти описанные приемы телесной работы восходят к китайской и индотибетской традициям (различные виды «восточного» массажа), отчасти – к традициям практической каббалистики (особенно это касается работы с зонами головы).

В традиции главное внимание уделялось не поверхностной, а глубинной работе, особенно по снятию напряжений с зон надкостницы и глубоких напряженных участков позвоночника и живота.

В релаксационном комплексе сочетаются приемы медленного мягкого натяжения, техники ритмичного покачивания и глубокого давления. Все приемы и принципы их выполнения подбирались так, чтобы создать у партнера ощущение объемной работы, вызвать иллюзию проникновения рук терапевта вглубь тела.

Технически релаксационная работа проводится сверху вниз, от головы – к стопам. В Райх справедливо считал, что релаксация нижних сегментов невозможна без расслабления верхних участков, особенно зон головы и шеи. В структурной психосоматике принята следующая последовательность действий: зоны голова-шея-грудь, живот-передняя поверхность бедер-стопы-кисти рук-трапециевидные мышцы-паравертебральные зоны-область таза и крестца-задняя поверхность бедер. По времени эта часть занимает 50–60% общей продолжительности релаксационной работы.

РЕЛАКСАЦИОННЫЙ КОМПЛЕКС

После присоединения по дыханию и создания устойчивого рапорта с партнером начинаем релаксацию зон лба.

Эта область относится к важнейшим психоэмоциональным зонам. Любое эмоциональное напряжение буквально накапливается в этой области, выражаясь крайне напряженными и болез-

ненными точками и зонами. Чаще всего это напряжение не осознается, а понимается только в процессе работы.

1. Мягко, но плотно положите свои руки на лоб партнера, так, чтобы большие пальцы соприкасались друг с другом в центре лба.

Немного наклонитесь вперед, медленно перенося на руки вес своего тела. Используя усилия мышц ног и спины, совершите очень медленное, глубокое, плавное движение ладонями в стороны. Основное усилие приходится на боковую поверхность больших пальцев, которые остаются параллельными друг другу. В процессе движения можно заметить, что структура тела неоднородна? в каких-то участках движение проходит свободно, а где-то «застревает». Структура соединительной ткани в этих участках похожа на плотную ткань или резину. Особенно концентрируйте внимание на этих зонах.

Ослабьте силу давления у висков и мягко закончите движение, соединяя большие и указательные пальцы. Повторите движение несколько раз. У партнера часто возникает ощущение, что вы что-то снимаете с головы – резину, глину, грязь и т.д. Описываются ощущения легкости, освобождения, света перед глазами. Найдите с помощью партнера ту интенсивность движения, которая ему наиболее комфортна. Часто это очень тонкая грань между приятными и болевыми ощущениями – «приятная боль». Именно такие ощущения часто ведут к быстрой и глубокой релаксации.

2. Следующий прием для расслабления зон лба проводится так:

Начальная позиция рук такая же, как и в предыдущей технике. Мягко, но очень плотно захватив голову руками, начните медленно и плавно сдвигать руки вверх, в сторону макушки. Медленно, без рычков и пауз, захватите волосы партнера и, слегка потягивая, двигайтесь к кончикам волос. Это похоже на снятие невидимой шапочки с верхней части головы. В этом движении принимает участие вся кисть, особенно делайте акцент на подушечки пальце. При правильном выполнении это очень «объемное» ощущение. Партнеру часто кажется, что через волосы вытягивается напряжение из его тела. Область лба и корни волос – это важнейшие психоэмоциональные зоны, «сухожильно-мышечный шлем» головы, огромный аккумулятор напряжения. Во многих случаях причина болей в шейно-грудном отделе позвоночника лежит выше – в напряженных точках и зонах головы. Ослабление зажима на лбу часто приводит к расслаблению нижележащих областей – например, мышц таза и бедер. Если перед началом работы вы внимательно посмотрите на лежащего на спине пациента, то заметите, что относительно центральной оси симметрии его тело несимметрично: часто одна сторона напряженнее другой. Особое внимание уделите положению стоп: параллельные или даже сведенные внутрь стопы говорят о сильном зажиме в области таза и внутренней поверхности бедер.

Довольно часто одна стопа развернута наружу, а другая – нет, или развернута очень слабо. Одна половина тела может быть выше приподнята, другая, более расслабленная – лежать ниже, занимая большую площадь. Можно заметить асимметрию мимических мышц лица.

По мере проработки зон головы стопы постепенно начинают разворачиваться наружу, тело как бы размягчается, «растекается» по кушетке.

3. Еще более глубокое воздействие оказывает следующий прием:

Начиная от наружного угла брови медленно «продавливаем» встречным движением больших пальцев каждый участок лба по трем линиям. Это движение следует выполнять особенно аккуратно, концентрируя внимание не только на поверхностных тканях, но перенося его на зоны надкостницы. В некоторых случаях обнаруживаются фасолеобразные небольшие уплотнения в мышцах или надкостнице. Тщательно, глубоко и мягко проработайте эти зоны, старайтесь не переходить уровня «приятной боли». Часто при работе с этими зонами партнер осознает их как «телесные метафоры» гвозди, шары, кнопки и т.д. Часто они трансформируются или исчезают, «растекаясь» по телу теплой волной или вибрациями, вызывая расслабленность и покой.

4. Расслабление области глаз и мимических зон лица.

Это зона не менее важна, чем предыдущая. Отметим, что у людей, тяжело больных или находящихся в состоянии глубокой депрессии, почти отсутствуют глазодвигательных реакции и движения мимических мышц лица. Лицо как бы превращается в застывшую маску. Напряжение мимических мышц практически невозможно осознать самостоятельно. Только в процессе работы партнер часто начинает воспринимать свое лицо как некую пластилиновую или резиновую структуру, словно приклеенную, приросшую к настоящему лицу. Так пациенты начинают осознавать несущностные элементы собственной структуры.

Положите расслабленные руки на глаза партнера так, чтобы центр вашей ладони совпал с проекцией глазного яблока. Прочувствуйте те, почти незаметные колебательные микродвижения, которые совершают ваши руки. Они не появятся сразу, обычно это происходит через 30–60 сек. Вы должны установить со своим партнером общий ритм, раппортный резонанс. Руки могут совершать медленные вращательные или поступательные движения; тело также будет раскачиваться в такт этим движениям. Клиент при этом часто описывает ощущения глубокого тепла, идущего вглубь головы или растекающегося по телу. Обычно это приятно, вызывает расслабление, но иногда это не так. Постарайтесь найти вариант, удобный для вас обоих. Эта техника очень хорошо расслабляет круговые мышцы глаз.

После этого очень мягко, медленно, немного натягивая кожу и мышцы, пройдите большими пальцами по следующим зонам. Постарайтесь перенести внимание на зоны надкостницы, прощупывая мельчайшие уплотнения. Важно не скользить по коже, а растягивать ее и нижележащие мышцы и фасции, как будто вы снимаете с лица тонкий слой глины или пластилина.

Затем перейдем к расслаблению зон затылка и работе с челюстным зажимом.

5. Начнем с расслабления зон затылка – основания затылочной кости и сосцевидных отростков.

Именно в этих местах чаще всего блокируются фасции. Очень важно проработать и места прикрепления мышц – грудно-ключично-сосцевидной и трапециевидной (рис. 69). Для этого положите руки на область затылка так, чтобы большие пальцы находились над ушной раковиной, а остальные плотно охватывали основание затылочной кости и область сосцевидных отростков. После этого мягко подтягивайте кончиками пальцев и всей ладонью мышцы и фасции, совершая медленные круговые движения. Очень важно работать телом, «тянуть» не руками, а корпусом, слегка отклоняясь назад. Это вновь связано с нахождением общего ритма с партнером. По мере его расслабления амплитуда ваших движений увеличивается, а руки движутся более свободно. При правильном выполнении тянется не только шейный отдел позвоночника, но и грудной, поясничный отделы, крестец и ноги. Это волнообразное целостное движение и ощущение. Делайте это движение не менее 2–3 минут.

Особенно концентрируйте внимание на зонах надкостницы, немного меняйте положение пальцев, чтобы проработать болезненные точки.

На «челюстном зажиме» остановимся подробнее. Не секрет, что именно эта зона – одна из самых напряженных. Чаще всего

Рис. 69 Проработка ГКС и трапециевидной мышцы

это напряжение, в отличие от связанного с другими зонами лица, человеком осознается. Испытывая эмоции сдерживаемого гнева и агрессии, мы непроизвольно сжимаем челюсти. В результате формируется очень стойкий и болезненный мышечный блок, который крайне тяжело расслабить. Челюстные мышцы затвердевают, как камни, становятся ригидными и малоподвижными. Этот «застывший гнев» становится источником внутреннего беспокойства, мешает осознать свое тело ниже головы, разделяет голову и тело. Без релаксации челюстного зажима очень трудно расслабить и шейный отдел позвоночника.

ГЛАВА III Ч. 2

6. Положите руки таким образом, чтобы кисть плавно охватывала нижнюю челюсть, а большие и указательные пальцы смыкались в центре подбородка (рис. 70).

Рис. 70 Работа с мышцами челюсти

Усилием всего тела, плавно отклоняя корпус назад, потяните партнера на себя. Движение длится не менее 10-15 сек. Затем, переместив усилия в область тенара (мякоть ниже больших пальцев), плавно совершите движение в обратном направлении, отжимая нижнюю челюсть от себя. Прodelайте движение несколько раз, пока челюстные мышцы не начнут расслабляться и амплитуда движения не увеличится.

7. Верните руки в исходное положение предыдущего приема и сложив вместе большие и указательные пальцы, начните подушечками очень медленное, глубокое «щипцеобразное» растирание от середины подбородка по скуловой дуге по направлению к ушной раковине (рис. 71).

Рис. 71 Работа с мышцами челюсти

Все внимание сосредоточьте на надкостнице. Скорее всего, вы встретите много уплотнений, похожих на маковые зерна или ступки клея. Двигайтесь в этих зонах особенно медленно и сосредоточенно. Повторите это движение не менее 5-7 раз.

8. Подушечками больших пальцев проделайте прессию точек по границе скуловой дуги от центра подбородка к ушной раковине.

Тщательно проработайте эти зоны, в болезненных точках остановитесь подольше. Перенесите на пальцы вес тела, как будто вы вдавливаете кнопку. Длительность усилия 3-5 сек. Помните, что концентрация важнее усилия, найдите оптимальную силу прессации.

После этого можно еще несколько раз повторить приемы работы со лбом. Ориентируйтесь на состояние партнера, спрашивайте его, в каких зонах еще поработать.

Релаксация мышц шеи.

На шею находятся более 60 биологически активных точек различных энергетических меридианов. Напряженная шея как бы разделяет голову и тело. Но расслабление шейного отдела – задача непростая. Эта область весьма болезненна и травмоопасна, здесь большое количество крупных сосудов и нервных окончаний. Важно использовать мягкие и щадящие, но одновременно глубокие и эффективные приемы релаксации.

9. Техника мягкого растяжения шейного отдела:

Накладываем руки таким образом, чтобы ладонь плотно охватывала заднюю поверхность шеи, пальцы смыкались на позвоночнике, причем указательные соприкасались друг с другом в районе седьмого шейного позвонка (рис. 72). Большие пальцы лежат

Рис. 72 Растяжение шейного отдела

вдоль грудино-ключично-сосцевидных мышц, не нажимая на них, а лишь плавно фиксируя.

Очень медленно и плавно, буквально по миллиметру, начинаем отклонять корпус назад, создавая у партнера плавное натяжение в шейном отделе. При правильной технике у партнера часто возникает ощущение, что поэтапно растягивается все тело – от шейного отдела до копчика и пальцев ног.

Ладони могут немного сдвигать и растягивать ткани задней поверхности шеи. Это усилит эффект растяжения. У самого работающего при правильном выполнении возникает ощущение, что он растягивает резину или ткань.

Релаксация – это не линейный, а волнообразный процесс. При растяжении вы можете почувствовать, что тело партнера не растягивается, а даже чуть сжимается обратно. Следуйте руками за эти сжатие. Стоит немного подождать – и опять последует растяжение и т.д. Это ступенчатый процесс релаксации меняет структуру тела под руками – из жесткой, твердой и напряженной она становится почти пластилиновой, даже желеобразной.

Можно наблюдать признаки углубления кинестетического транс – появление румянца, углубление и урежение дыхания, быстрое «дрожание» мышц лица и кончиков пальцев.

После растяжения так же медленно и плавно опустите шею.

Обратите внимание, что в некоторых участках растяжение как бы «застревает», не проходит. Как правило, это свидетельствует о значительной напряженности этих зон или блокировках соответствующих отделов позвоночника.

Повторите движение не менее 3-5 раз.

10. Подложив ладони под затылок партнера, медленно начните растяжение (рис. 73 а, б).

Как только ладони станут двигать волосы и ткани головы, начинайте медленно приподнимать голову, одновременно разворачивая ладони наружу.

Это движение похоже на распускание цветка. Когда угол между шейным отделом и поверхностью кушетки составит около 45 градусов, прижмите локти к животу, постепенно наклоняясь вперед. Тем самым вы продолжите движение головы партнера вперед-вверх, используя силу крупных мышц. Делайте движение до тех пор, пока оно комфортно для партнера.

Важно очень медленно опускать голову, все время чувствуя ее тяжесть. Ваш партнер все время должен ощущать надежную опору и вашу уверенность – руки плотно и надежно держат голову.

Повторите движение несколько раз, добываясь все большей амплитуды движений в шейном отделе. Можно совершать медленные и плавные покачивающие движения, перенося вес головы с ладони на ладонь.

Проработка паравертебральных зон.

В паравертебральных (околопозвоночных) зонах от 1-го до 7-го шейных позвонков вы можете найти большое количество болезненных уплотнений и спазмированных участков мышц, которые держат в напряжении многие отдаленные участки тела – например, руки и поясницу.

11. Расположите средние пальцы навстречу друг другу так, чтобы их подушечки находились примерно в сантиметре от остистых отростков позвонков.

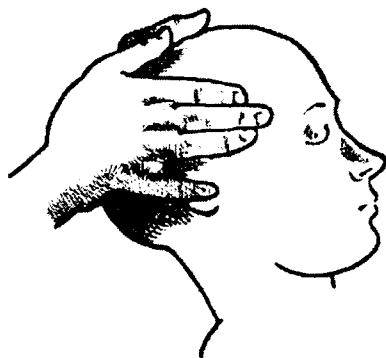
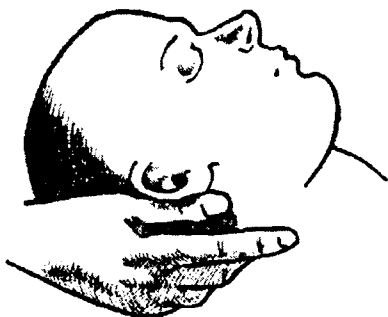

Рис. 73(а,б) Работа с шейным отделом

Начиная с 1-го шейного позвонка, начнем ритмичное поочередное надавливание подушечками средних пальцев по направлению к позвоночнику и вглубь, постепенно спускаясь к 7-му шейному позвонку, затем медленно поднимемся вверх и т.д.

Здесь необходимо найти общий ритм «раскачивания», при котором ваше волнообразное движение, осуществляемое всей кистью, через некоторое время передается всему вашему телу.

12. Расслабление грудино-ключично-сосцевидных мышц (ГКС) (рис. 74):

Захватите ГКС у мест прикрепления в районе сосцевидных отростков большими и указательными пальцами. Делайте по-

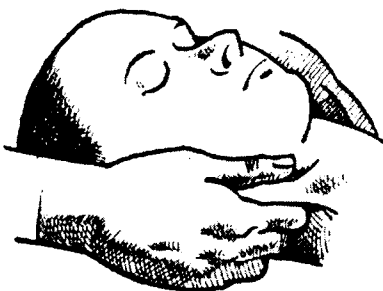

Рис. 74 Расслабление ГКС

ременные движения правой и левой рукой таким образом, что, когда большой палец правой руки надавливает сверху на одну ГКС, указательный палец левой руки мягко приподнимает другую ГКС снизу; затем сверху давит большой палец левой руки, а указательный палец правой руки приподнимает другую ГКС. Разминая таким образом мышцы, легко раскачивайте шейный отдел позвоночника, медленно спускаясь вниз к местам прикрепления ГКС у грудины, тщательно проработайте их, медленно поднимитесь вверх и т.д. Движение должно выполняться целостно, без разрывов и пауз, особенно тщательно проработайте места прикрепления мышц и болезненные участки. Избегайте боли и сильного давления в этих зонах.

В заключение можно вернуться к медленному растяжению шейного отдела позвоночника.

Релаксация зон груди, живота, бедер

Эти техники направлены не только на расслабление, они помогают партнеру осознать свое тело как целостность, «воссоединить» голову с телом.

Действительно, мы зачастую совершенно неадекватно осознаем себя, ассоциируясь исключительно с собственной головой. Спросите партнера, когда его глаза закрыты, каковы его субъективные размеры головы по отношению к телу? Ответы могут удивить вас: у многих голова занимает не менее трети, а у некоторых – больше половины всего тела. Кто-то будет говорить о тяжелой, перегруженной голове и легком, аморфном теле и т.п.

Очень важно, что само осознание в процессе работы таких проблем и искажений восприятия внутреннего пространства для многих является открытием, пусть и не всегда приятным, но позволяющим осознать собственные структурные дефекты.

Расслабление зон живота.

13. Плавно положите одну ладонь (правшам удобнее левую) на лоб партнера, а другую на – на низ живота, на несколько сантиметров ниже пупка (рис. 75).

Центры ладоней совместите с осью симметрии тела. Сразу появится ощущение объема, притяжения рук к телу. Попросите партнера, не задумываясь, указать середину расстояния между вашими руками. Достаточно редко она будет совпадать с истинной серединой этого отрезка. Очень часто в качестве середины будет указана область эпигастрия и диафрагмы, а иногда даже – пупок. Как правило, в трансовом состоянии партнер указывает зоны максимального напряжения, один из «райховских зажимов».

Затем начните медленное и плавное движение рук в стороны, растягивающее мягкие ткани без скольжения ладоней по коже. Зафиксируйте это положение на несколько секунд. Обычно партнер ощущает растяжение тела. Можно спросить, холодные или теплые потоки идут между ладонями, насколько увеличилось тепло, насколько приятны эти ощущения и т.д.

Затем мягко сдвигайте руки навстречу друг другу, создавая при этом напряжение между ладонями и концентрируя внимание на центрах ладоней и в точках Лао-гун. Обычно возникает ощущение сжатия тела. Спросите, какое состояние партнеру больше нравится – «сжатое» или «растянутое». Повторите цикл движений несколько раз, можно на несколько секунд фиксировать наиболее приятные состояния.

Затем начните мягкие покачивания низа живота. Для этого сперва перенесите вес тела на основание ладони и сделайте плав-

Рис. 75 Расслабление зон живота

ное, «толкающее» движение. Затем, «поймав» обратное движение тела партнера, всей ладонью потяните его на себя. Потом повторите первое движение и т.д.

Ваша задача – найти общий ритм раскачивания вместе с партнером. Достаточно выполнить 3-4 покачивания – затем это движение поддерживается автоматически.

Работайте всем корпусом, добываясь целостного плавного, «текущего» движения. Выполняйте прием столько времени, сколько хочется вам и вашему партнеру.

ГЛАВА III Ч. 2

Расслабление области груди и бедер

14. Положите одну руку на ближнее к вам плечо партнера, а другую – на противоположный (дальний от вас) гребень подвздошной кости.

Начните ритмичное раскачивание тела двумя руками, постепенно продвигаясь вниз по ноге до коленного сустава и расслабляя четырехглавые мышцы бедра (рис. 76). Дойдя до колена, двигайтесь снова вверх по бедру, тщательно прорабатывая каждый напряженный участок. Другой рукой проработайте плечевой сустав и подключичную зону. Принципы выполнения те же, что и для предыдущего приема. При правильном исполнении мышцы бедра «перекачиваются» под руками и все тело партнера движется в общем ритме.

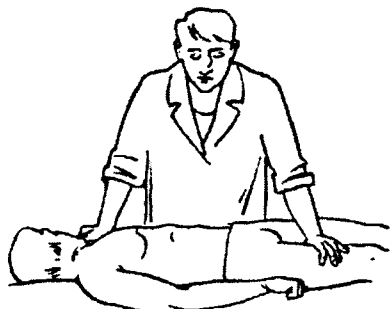

Рис. 76 Расслабление четырехглавой мышцы

Обойдите вашего партнера и выполните прием с другой стороны.

Затем плавно перейдите к раскачиванию живота – одна рука на эпигастральной области, другая – внизу живота. Во время раскачивания медленно передвигайте руки на боковые поверхности так, чтобы все участки живота были охвачены вашей работой. Это движение напоминает раскатывание теста.

Выполняйте прием несколько минут.

Снятие напряжений с суставов.

15. Начнем с области голеностопа (рис. 77 а, б).

Встаньте у правой ноги партнера, левой рукой плотно захватите пяточную кость, а основанием правой ладони упритесь в вер-

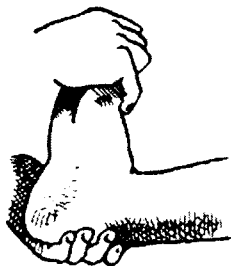
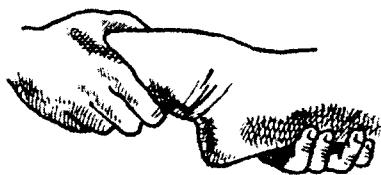

Рис. 77 а, б Снятие напряжений с суставов

хнюю часть подошвы. Локоть правой руки упирается в гребень подвздошной кости. Плавно перенося на правую руку вес всего тела, начните движение от себя, максимально растягивая ахиллесово сухожилие. Лучше это делать не медленным статичным сдавливанием, а с помощью ритмичного покачивания. Дойдя до предельной амплитуды движения, зафиксируйте крайнее положение стопы на 3-4 сек, а затем, положив ладонь правой руки на верхнюю часть свода стопы, начните плавное движение на себя, максимально растягивая голеностоп в другую сторону. Если вы все делаете правильно, то амплитуда движений в голеностопном суставе с каждым разом будет немного увеличиваться. Некоторые клиенты описывают ощущения «резиновых» суставов, иллюзии сильного растяжения и сжатия всей ноги. Перейдите к другой ноге.

16. Одну руку положите на плечевой сустав сверху, а другую – на верхнюю часть подошвы (рис. 78 а, б).

Для этого встаньте удобно, наклонитесь с прямой спиной и широко разведите руки. Медленно и плавно, за счет силы ног и спины, начните движение рук навстречу друг другу. Партнер часто испытывает ощущение сжатия в этой стороне тела. Плавно поменяйте положение рук: теперь одна рука покоится на верхней части свода стопы, другая основанием упирается в плечевой сустав снизу. Начните медленное движение рук в стороны; дойдя до физиологического предела, вновь перейдите к сжатию и т.д. Вы должны добиться единого волнообразного движения, ритмичного сжатия-растяжения. У каждого партнера вы найдете индивидуальный волнообразный ритм, лучше всего помогающий релаксации. Ваша задача – следовать этому ритму, присоединиться к нему. Постарайтесь зафиксировать ту степень растяжения или сжатия, которая наиболее комфортна.

Выполните прием с другой стороны.

Часто у партнера ощущение изменения длины сопровождается иллюзиями изменения формы и веса тела. Постарайтесь больше работать с более напряженной стороной, выравнивая ощущения в правой и левой половинах тела.

17. Проработка кистей рук (рис. 79).

Плотно захватив между средним и указательным, либо большим и указательным пальцами своей руки поочередно каждый палец партнера, начиная с мизинца, весом всего тела потяните за него, плавно скользя от основания к концу и растягивая мягкие ткани и суставы. «Соскользнув» с пальца, поймайте расслабленную руку партнера другой рукой. Проработайте таким образом сперва боковые поверхности пальцев, а затем ногтевые. Очень эффективны вращательные, винтообразные движения. Ваш партнер может чувствовать растяжение всей руки, часто возникает ощущение «снятия перчаток» и легкости головы. Завершите прием потряхиванием расслабленной руки. Перейдите к другой руке.

Релаксация мышц спины и задней поверхности бедер.

Попросите партнера перевернуться на живот и найти удобную позу.

Расслабление трапециевидных мышц (ТВМ). Это важнейшая психоэмоциональная зона, любой эмоциональный стресс вызывает зажатость ТВМ. В глубине мышцы можно найти большие фасолеобразные уплотнения, которые крайне болезненны и очень редко прорабатываются в техниках евро-американского массажа. В китайской школе Туйна существует техника «Когти тигра», которую мы используем (рис. 80).

18. Лучше, если руки партнера подняты вверх.

Плотно наложите кисти на ТВМ партнера так, чтобы большие пальцы соприкасались в области 7-го шейного позвонка, а остальные охватывали верхний край ТВМ.

Медленно начинайте встречное движение больших пальцев и ладоней, как бы «отжимая» мышцы вперед-вверх. «Отжав» мышцы, глубоко разомните их ритмичным встречным движением большого пальца, основания ладони и остальных пальцев. Это своеобразное «пережевывание» ТВМ. Под средним и указательным пальцами в надключичной зоне, как правило, обнаруживаются болезненные уплотнения. Тщательно их проработайте, перенося внимание на эти зоны. При правильном выполнении приема эти болезненные участки как бы растворяются, «истаивают», как кусочки

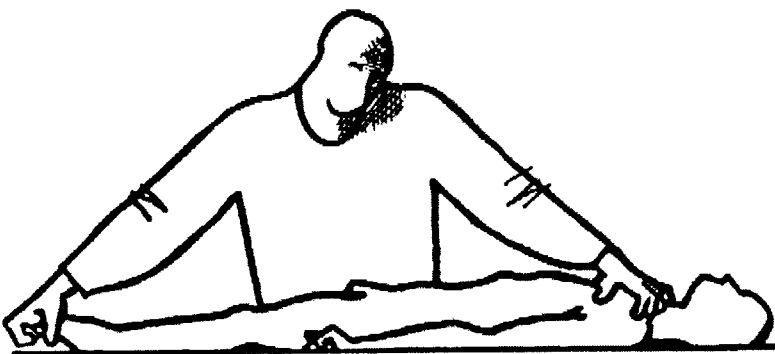

Рис. 78а,б Ритмичное растяжение-сжатие

льда. Обычно это сопровождается ощущениями тепла или вибраций, спускающихся вниз по телу.

Выполняйте прием не менее 2-3 мин.

Релаксация области таза, поясницы и задней поверхности бедер.

19. Одну руку мягко положите на основание затылочной кости, другую – на область крестца.

Медленно и плавно разведите руки в стороны, растягивая мягкие ткани так, чтобы ладони не скользили по коже. После этого проведите растяжение-сжатие, аналогичное технике релаксации живота. Точно так же выполняется ритмичное покачивание таза. Рука плавно перемещается по гребням подвздошных костей. Очень важно тщательно проработать зону таза – седьмой сегмент «мышечно-панциря». Часто он блокирует подавленную сексуальность, ста-

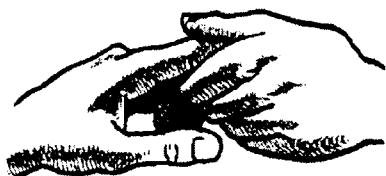

Рис. 79 Проработка кистей рук

новится плотным, спазмированным. У многих этот участок тела «мертвый», малоподвижный, напряженные ноги как бы «приклеены» к телу. Необходимо «оживить», «раздвинуть» эту зону.

Затем для расслабления длинных мышц спины проведите ритмичное покачивание паравerteбральных зон, медленно продвигая руки к середине спины навстречу друг другу и «отжимая» длинные мышцы к позвоночнику. Когда руки сойдутся, раздвигайте их от грудного отдела к затылку и крестцу. При этом вы сможете заметить, что тело партнера совершает волнообразное ритмическое движение, колеблется, как струна. Выполняйте этот прием достаточно долго, особое внимание обращая на напряженные и болезненные участки.

20. Захватите одной рукой ближнюю к вам ТВМ, другую руку положите на дальний гребень подвздошной кости.

Сочетайте одновременно проработку ТВМ (как в приеме «Когти тигра») и ритмичное раскачивание ягодичных мышц и задней поверхности бедра, медленно продвигаясь вверх и вниз по ноге. Это сложная комбинированная техника, в которой необходимо поймать общий ритм движения – во время сжатия ТВМ проводите «толкающее» движение бедра другой рукой; когда же ТВМ расслабляется, «натяните» ногу на себя и т.д. Затем обойдите партнера и сделайте движение с другой стороны (рис. 81 а,б).

Заключительные движения

21. Для завершения комплекса мягко положите руки на голову партнера и плавно проведите несколько раз от макушки до кончиков ног, с каждым разом ослабляя силу прикосновения.

Последний раз выполните прием бесконтактно.

Это очень мягкое «отсоединение» от партнера.

Завершив работу, дайте ему возможность полежать, сколько он хочет, наблюдайте за своими ощущениями, запомните их.

Мы не регламентируем длительность работы, в нашей практике она занимает в среднем 45-60 минут. Комплекс можно проводить либо в полном объеме, либо сочетать отдельные приемы с другими техниками.

Во многих случаях можно ограничиться одной релаксацией. К концу выполнения комплекса транс пациента столь глубокий, а раппорт столь устойчивый, что возможна самопроизвольная

Рис. 80 «Когти тигра»

перестройка структуры. Не стоит только думать, что она произойдет мгновенно, что достаточно одного сеанса. Такое тоже случается, но обычно структурная работа требует времени и повторения. Структура, в том числе и ее несущественные элементы, весьма инертна, причем тело, «нижний» уровень вертикали, инертно и инерционно в наибольшей степени. Именно потому без телесной работы не обойтись – сдвиги на «верхних» уровнях вертикали будут тормозиться и проблемы – возвращаться. Попытка игнорировать телесную работу напоминает попытку бежать, не переставляя ноги – можно сдвинуть голову или корпус вперед, но если ступни при этом остаются на месте, ты, в лучшем случае, останешься на той же точке, а в худшем – упадешь.

ГЛАВА III Ч. 2

Если выявленные зажимы, сформулированные телесные метафоры требуют прицельной работы, терапевт переходит ко второму этапу – трансформации телесных метафор. Принципы этой работы должны быть ясны читателю из предыдущих глав – это предельно тщательная и глубокая проработка зон зажимов, которая проводится в глубоком транс после установления надежного раппорта. Техники воздействия выбираются в зависимости от зоны зажима и обстоятельств – важно одно: работа должна быть глубокой, ориентированной не на поверхностный слой, а на области фасций, надкостницу, иногда даже на костную ткань. Часто приходится прорабатывать зажим как бы слой за слоем – от разогрева поверхности в глубину. Второе важное обстоятельство – работа должна быть мягкой, плавной, медленной, не нарушающей взаимодействия в системе «терапевт-пациент».

Все принципы, справедливые для релаксационного этапа, сохраняют свое значение и при работе с зажимами. Обычно такая работа сопровождается диалогами типа: «Что ощущается под руками?» – «Камень.» – «Какой камень? Опишите, пожалуйста, более подробно.» После проработки: «Что происходит с камнем?» – «Он начинает размягчаться.» – «Что еще происходит?» – «Камень тает.» – «Что происходит с жидкостью?» – «Она течет в руки.» и т. д.¹⁰⁰ Такие или другие подобные формулы вербализации процесса обычны.

¹⁰⁰Конечно, в реальной практике речевые паттерны терапевта неизмеримо более сложны. Они включают самый широкий спектр недирективных гипнотических техник, в первую очередь, из арсенала Эриксоновской терапии.

Они служат двум целям: суггестивному укреплению телесных трансформаций на других уровнях вертикали и контролю взаимосвязи локальных телесных метафор между собой. Однако, трансформация телесной метафоры может производиться и в полном безмолвии – если установлен хороший раппорт, если между терапевтом и пациентом существует взаимопонимание и доверие, слова могут быть излишни.

Итак, базовые принципы второго этапа работы основываются на структурном анализе дефектов и искажений, присущих пациенту. Рабочие принципы – калибровка, раппорт, взаимодействие и т. д. – общи для всех уровней телесной работы, техники могут подбираться по обстоятельствам. Здесь трудно давать рекомендации на все случаи жизни, и успех в очень большой степени зависит от опыта.

По своей сути, трансформация телесных метафор – это кинестетический анализ структуры пациента, ее дефектов и искажений, подобный аналитическим техникам других структурных приемов работы (например, разделению травматических склеек). Естественно, работа должна завершаться общим синтезом – это

Рис. 81 а, б Комбинированная техника

третий уровень работы, уровень установления новой общности человеческого существа на новых структурных принципах, более сущностных, чем прежде. Эта работа проводится со всеми составляющими человеческого существа – об ее телесных аспектах мы расскажем одновременно с описанием других структурных техник, применяемых на этом уровне.

1. ТЕЛЕСНЫЕ МЕТАФОРЫ

Итак, мы называем телесной метафорой некоторое комплексное синтетическое представление, объединяющее в единый образ разрозненные телесные ощущения, т. е. обобщение кинестетического опыта. Этот феномен широко известен – именно его мы имеем в виду, когда говорим: «камень на сердце», «голова налита свинцом», «ватные ноги» и т. д. Может показаться, что телесная метафора – признак неблагоприятия. Это не всегда так. Образы такого рода характерны и для ресурсных состояний. В таких случаях мы говорим: «крылья за спиной», «легкость в членах», «огонь в душе» и т. д.

Телесные метафоры могут представлять собой образы разной степени сложности, охватывающие тело в целом или отдельные его части, быть в той или иной степени отчетливыми, включающими конструкты из других репрезентативных систем (главным образом, визуальные).

Очень интересно рассмотреть с точки зрения телесных метафор некоторые феномены традиционных культур. Известно, что

асаны хатха-йоги, как правило, носят образные названия (которые не обязательно сводятся к названиям животных типа «позы аиста» или «позы саранчи» – известны и такие, как «поза трупа», «поза мудреца» или «поза яйца» и т. д.). При поверхностном проникновении в смысл этой доктрины можно сказать, что такие названия даны по принципу внешнего сходства. Такое сходство есть, однако, как нам кажется, дело не в этом. Или не только в этом – практикующий йогу при выполнении асаны должен воплотить в себе ту или иную телесную метафору, воплощенную в названии позы. Практически это возможно, поскольку практикующий йогу всерьез находится на глубоких логических уровнях; что же касается названия асаны, то в нем содержится определенного рода подсказка. Скажем, Шавасана, «поза трупа» подсказывает, разумеется, не уподобление мертвому телу, но «замолкание» всей периферической динамики. Это асана на полное расслабление, высвобождение сознания из телесного «теплового информационного шума». Чтобы выполнить ее правильно, тело должно действительно стать «пустым» той пустотой, имя которой «абсолютная наполненность». Это прекрасная телесная метафора, ее понимает всякий, научившийся правильно выполнять Шавасану, но вербализовать такое ощущение очень трудно.

То же можно сказать о названиях упражнения цигуна и комплексов ушу – перевоплощение должно происходить на уровне телесных метафор, через которые передается, кроме всего прочего, конкретное психо-эмоциональное состояние, вполне определенное «фазовое» состояние сознания. Таким образом, динамическая медитация, каковой является любое упражнение кунфу, в расширительном смысле «телесного искусства» – цигун и ушу, приобретает четкую, повторяемую разными людьми, направленность. Скажем, упражнение цигуна «большое дерево» позволяет передать целый комплекс понятий именно через метафоричность образа – идею развития, увязанность «ци земли» (через ноги – «корни») и «ци небо» (через руки – «крону»), движение ци снизу вверх (от корней к кроне) и т. д. Так же во время выполнения упражнения название дает хорошую тему для медитации.

Очень интересно и еще одно явление, зафиксированное в Индонезии. На определенных праздниках практикуется обряд, в ходе которого участники, находящиеся в состоянии глубокого транса (иными словами, центр их осознания пребывает на глубоких логических уровнях), перевоплощаются в тех или иных животных – тигра, обезьяну и т. д. Мы интерпретируем это как воплощение той или иной заданной телесной метафоры.

Описанные явления очень интересны, прежде всего, потому, что подчеркивают «привязанность» телесных метафор к измененным состояниям сознания (которые, «на самом деле» даже более обычные, чем «неизменные»), состоянию транса – для того, чтобы человек был способен ощутить опыт такого рода, необходимо, чтобы центр его осознания переместился на четвертый и более глубокие логические уровни. Четвертый уровень – уровень карт – позволяет оформить локальную телесную метафору (типа «ватные ноги»), пятый и более глубокие – тотальную, описывающую все тело в целом («за спиной выросли крылья»).

С точки зрения «происхождения» подобного опыта, он, как видим, может быть индуцированным и самостоятельным. Индуцированная телесная метафора – это переданный образ типа асаны или упражнения цигуна. Он может, и очень качественно, использоваться для передачи информации («знания»), а также в дидактических целях¹⁰¹ – там, где вербализация очень сложна или принципиально невозможна.

стратегии и карты – и так обретает ту часть «знания» или «искусства», которую не передаст никакой учебник.

Самостоятельные телесные метафоры (именно они интересуют нас в первую очередь) представляют собой осознание собственных, характерных для того или иного состояния, комплексов телесных ощущений. Это происходит по схеме (рис. 82):

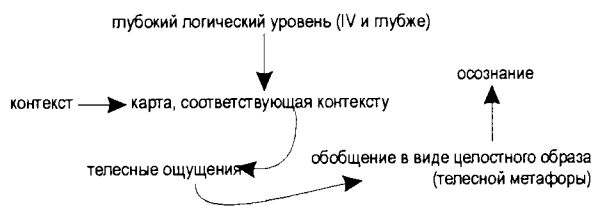

Рис.82 Осознание телесной метафоры

Таким образом, для осознания телесной метафоры, для ее формирования, необходимо, во-первых, состояние транса, во-вторых, направленность внимания в область кинестетического опыта, в-третьих, вычленение и анализ модальностей и субмодальностей возникающего представления, его детализация. Во время сеанса терапевт должен помочь в этом пациенту. Последовательность его действий очевидна: установление раппорта, погружение пациента в состояние транса – постановка дальнейших вопросов типа: «Обратите внимание на ощущения в голове, руках и т. д.? На что похоже это ощущение – камень, металл и т. д.?» – еще дальше следуют уточняющие вопросы, раскрывающие все субмодальности телесной метафоры: «Это похоже на стержень. Какой? Из какого материала?» ... «Каменный стержень. Какой камень? Легкий, тяжелый? Теплый, холодный?» и т. д. Важно вычленить все субмодальности и все взаимосвязи, учитывая, что телесная метафора имеет три основные характеристики:

- * характер субстанциионного представления (твердое, жидкое и т. д.; холодное, теплое и т. д.; тяжелое, легкое и т. д.);
- * динамичность представления («течет», в каком направлении; отдает тепло, распространяет холод, куда и т. д.);
- * образное представление (стержень, колонна, канат, камень, ручей и пр.).

Анализ образованного в процессе сеанса представления может, до некоторой степени, служить диагностическим признаком. Субстанциионное представление служит здесь отправной точкой: чем легче, мягче, чище, светлее, теплее, комфортнее образ, тем состояние пациента лучше. Серьезные зажимы ощущаются, как правило, в виде жестких, тяжелых (давящих), холодных предметов – каменных, металлических, деревянных и пр. Способность перемещаться также важная характеристика, хотя и не столь четкая на первом этапе. Здесь принцип тот же – свобода и легкость лучше тяжести и обусловленности. Тепло, распространяющееся от осознаваемой телесной метафоры – хороший признак, холод – плохой. Сложнее всего интерпретировать образный ряд телесной метафоры. Априорно ясно, что существуют положительные и отрицательные символы. Скажем, гвозди, вбитые в тело, или железный обруч, сжимающий грудь, никак не могут интерпретироваться в положительном смысле, однако телесные метафоры могут выражаться в самых разных, иногда очень экзотических, символах, а символический ряд конкретной личности весьма специфичен – помимо родовых и этнических, глубинных и более или менее универсальных символов, существуют сугубо индивидуальные, интерпретация которых затруднена. Так, Р. О. описывал на одном из этапов работы следующую телесную метафору: тяжелое, черное, грязное автомобильное колесо (особенно подчеркивалось, что оно резиновое) наезжает на цветок. Терапевт на первых порах был склонен акцентировать свое внимание на этой угрожающей покрышке, однако оказалось, что в субъективном плане и с точки зрения работы важен был именно цветок – когда метафора динамически разворачивалась, такой «разворот» был получен, прежде всего, через комментарий пациента, получалось, что «покрышка» бессильна перед «цветком». Дальнейшая работа показала, в чем коренятся истоки личной символики Р. О. – образ «покрышки» и

¹⁰¹Один из авторов помнит, как его первый учитель музыки говорил, «ставя руку»: «Пусть рука прыгает как котенок. Знаешь, как он прыгает? Он весь собран в комочек, расслаблен и упруг. Пускай твоя рука превратится в такого котенка.». Подобные приемы довольно распространены при обучении игры на музыкальных инструментах и в спорте. Это в чистом виде индукция телесной метафоры.

Индукция ощущения, метафоры, карты коренным образом отличается от имплантации. Это не внедрение чужой структурной «детали», а порождение подобной, но идущей от сущности реципиента, структурной конструкции при помощи того или иного описания собственной. Учитель, который знает, что должно ощущаться при правильном выполнении приема описывает свои ощущения в виде телесной метафоры, ориентируясь на которую, ученик «подбирает» под перенятые ощущения соответствующие

рительных выводов. Первое: структурной перестройки на более сущностной основе не происходит. Второе: искажение зоны карт лишь усиливается – можно сказать, что в месте «убранного» дефекта они «схлопываются», как картонный домик, случайным образом. Третье: телесный зажим уходит лишь на короткое время – затем он возвращается в более выраженном виде. Четвертое: в целом такая работа приводит к усилению структурных дефектов, патологического реагирования и акцентуации. Она в большинстве случаев неэкологична для пациента. Пятое: только постепенная, поэтапная трансформация телесной метафоры позволяет переструктурировать пораженный сегмент структуры. Такая работа более сложна технически и методологически. Но только она приводит к надежным устойчивым результатам. На особенностях такого подхода мы подробно остановимся в главе «Структурная работа».

2. ТРЕТЬЯ ПОЗИЦИЯ

Понятие «третья позиция», одно из важнейших понятий структурной психосоматики в целом, было выработано в теории НЛП для определения одной из позиций восприятия реальности, или в более узком контексте, одного из вариантов межличностного общения. В этом случае директивная, подавляющая волю партнера позиция называется «первой», пассивная, подчиненная, уступающая давлению – «второй», а позиция нейтрального наблюдателя за процессом общения – «третьей». Такой трактовке соответствует следующая схема (рис. 84 а):

Рис. 84 а, б Третья позиция

Третья позиция может характеризовать и парное общение (рис. 84 б).

Как мы видим, первая и вторая позиции и третья принципиально отличаются с точки зрения структурной психосоматики именно тем, что воздействие сменяется взаимодействием партнеров. Строго говоря, любое общение всегда двусторонне, но для нашей классификации важно, как сама личность воспринимает такой процесс: как вектор, направленный от себя (директивность, первая позиция, – тогда партнер – объект манипуляции), как вектор, направленный к себе (пассивность, вторая позиция, тогда партнер – манипулятор), как двусторонне направленный вектор (равенство, третья позиция, тогда партнер – именно партнер и ничто более). Очень важно и то, что взаимодействие в третьей позиции само по себе подвергается отражению, оно подконтрольно и управляемо.

Уже самый беглый анализ показывает, что третья позиция невозможна для личности, пребывающей на первом или втором ло-

гических уровнях сознания. Дело в том, что на этих уровнях вектор внимания направлен исключительно вовне, а значит, собственная личность не осознается и не учитывается – в этом случае, во-первых, любое общение будет трактоваться только как воздействие (манипуляция или подчинение манипуляции), а, во-вторых, никакого сканирования общения происходить не будет – ведь для этого необходимо отслеживать и собственные реакции.

При этом оказывается, что третья позиция всегда предполагает самонаблюдение и самоконтроль, т. е. мы можем более точно изобразить ее в виде следующей схемы (рис. 85):

Таким образом, третья позиция характеризуется следующими особенностями: учетом обеих ветвей – центростремительной и центробежной – отражения-отреагирования (в данном случае – межличностного общения); обязательным параллельным отражением «внутренних» объектов, задействованных в отражении-отреагировании.

Это позволяет нам легко разобраться в содержательной, качественной характеристике третьей позиции – она объективна, сдержанна и сугубо нейтральна. Это позиция отстраненного анализа обеих ветвей процесса, балансировки их между собой и синтеза своей и партнерской позиций с целью обеспечения такой балансировки.

Учитывая изложенные особенности, выведем структурные психосоматические понятия третьей позиции за рамки межличностного общения на любое отражение-отреагирование вообще. Оказывается, что личность может иметь к любому «внешнему» или «внутреннему» объекту (а таковыми являются и предметы, процессы, явления «внешней» реальности, и различные жизненные контексты, вплоть до глобального, и «внутренние» объекты и проблемы, и собственная личность, и Глобальное взаимодействие, и даже Абсолют, уровень «+0») определенное отношение, которое может трактоваться как первая, вторая или третья позиция, причем только третья позиция лежит в рамках сущностной структуры и проликованной этой структурой модели отражения-отреагирования, деятельности, поведения.

Сказанное легко пояснить на основе уже рассмотренных нами примеров.

Проблемой С. Н. было отсутствие истинных (или сущностных) карт, соответствующих социальному поведению в условиях контекстов межличностного конфликта. В отношении собственной проблемы, а также всех связанных с ней обстоятельств – убежденческих схем, элементов космограммы, стратегий, смежных контекстов – его сознание всегда занимало первую, директивную позицию, что и сказывалось на всех уровнях – от декларируемой идеологии до агрессивного поведения.

Проблемой М. было отсутствие истинных (или сущностных) карт удовольствия. В отношении собственной проблемы и всех сопутствующих феноменов и обстоятельств он занимал вторую, пассивную позицию, что сказывалось и в поведенческих аспектах – избегании травмирующих контекстов, – и в соответствующих идеологических конструкциях, которые выдвигало его сознание для обоснования собственного образа действий.

Работа с С. на одном из этапов и сводилась к тому, чтобы существовавшую у него вторую (ступающую) позицию по отно-

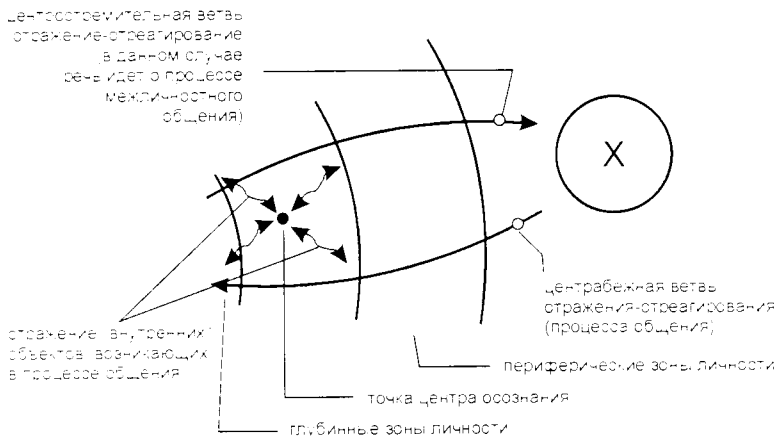

Рис. 85 Третья позиция всегда предполагает наблюдение и самоконтроль

шению к смерти вообще и к смерти матери, в частности, заменить на третью, которая только и позволяла ему жить, перед лицом «вдруг обнаружившейся» собственной смертности, спокойной и адекватной жизнью «нормального» человека.

Дело в том, что неверно, как мы видим, отождествлять третью позицию с равнодушием – но это, несомненно, состояние максимальной внутренней свободы, трезвости и объективности. Первая и вторая позиции предполагают априорность подхода, третья позиция – никогда. Это не значит, что находящийся в ней человек не имеет собственного взгляда, собственного мнения или собственного мировоззрения, но он полностью открыт для новой информации и всегда способен, во-первых, к корректировке собственной модели реальности в соответствии с вновь открывшимися обстоятельствами, а, во-вторых, готов к ее разумному согласованию с позицией партнера. Он плюралистичен и выбирает наиболее экологичный для себя и других план действий.

ГЛАВА III Ч. 2

Когда мы говорим о «воспитании третьей позиции» или о ее «формировании» и т. д., это не совсем точно. «На самом деле» обретение третьей позиции и формирование сущностной структуры личности – это едва ли не синонимичные понятия или, по крайней мере, понятия взаимосвязанные. На базе непроработанной, несущностной зоны личности никакая третья позиция невозможна. Невозможность занять, в том или ином вопросе, третью позицию как раз и свидетельствует о наличии здесь конфликта, внешнего проявления дефекта структуры. С другой стороны, структурализация определенной личностной зоны неизбежно ведет к такому свободному оперированию в ней, сопровождающемуся разделением внимания и внутренним наблюдениям, что третья позиция становится естественной и единственно возможной.

Из этого следуют два имеющих важное практическое значение обстоятельства:

* третья позиция образует у каждой конкретной личности многоуровневую иерархию: можно иметь устойчивую третью позицию на четвертом логическом уровне и не иметь ее на пятом; можно иметь ее в одних контекстах и не иметь в других; можно иметь третью позицию по отношению к собственной третьей позиции и т. д.;

* само по себе погружение на глубинные логические уровни третьей позиции еще не образует, хотя и является необходимым условием ее формирования; точно так же и рефлексия сама по себе не является третьепозиционной.

Очевидно, что любой терапевт, любой практик, работающий в техниках структурной психосоматики, должен находиться в третьей позиции и по отношению к своему пациенту, и по отношению к процессу работы, и по отношению к собственным практическим навыкам, знаниям, анализу и концептуальным предпосылкам. Таким образом, становится ясно, что подготовка терапевта начинается с «личной эволюции» – направленной и зрячей структурализации собственного существа; параллельно происходит формирование третьей позиции и обучение нелинейным способам мышления. Что касается таких профессиональных навыков как калибровка, присоединение, ведение, раппорт, суггестивные и телесно-ориентированные техники, то они важны, но производны. Можно научиться массажу или внушению, но, оставаясь на сугубо директивных позициях, не приблизиться ни к пониманию методов структурной психосоматики, ни, тем более, к практике в ее русле.

Как следует из всего сказанного в этой книге, структурная психосоматика придает огромное значение «личной эволюции» и нелинейным методам мышления. Разбирая эти вопросы, бывает трудно четко разграничить отдельные приемы и техники, отдельные феномены и этапы. Третья позиция относится, в этом смысле, к таким же сквозным, переплетенным с другими, понятиям, как, скажем, «экологичность», «метаязык», или «экскурсивность». При беглом знакомстве они кажутся очень простыми или даже тривиальными. Хорошо, если это действительно так, но очень часто представление такого «элементарного» понятия в разных ракурсах, с разных точек зрения открывает совершенно неожиданные и даже парадоксальные аспекты, которые отторгаются несущностным сознанием, включающим множество имплантированных культуральных и социальных стереотипов.

Именно такое представление, с разных позиций, и необходимо, чтобы личностью рано или поздно был пережит своеобразный культуральный шок, скачок понимания, свидетельствующий, в частности, о перестройке структуры. Данная книга имеет своей целью именно такое представление. Мы будем еще не раз возвращаться к понятию «третья позиция» – прежде всего, в главах о «личной эволюции», «методах мышления» и «знаковых системах»; можно сказать, что наше изложение, в целом, представляет собой своеобразный сеанс в техниках структурной психосоматики, цель которого – тот самый «скачок понимания».

Глава 4

От периферии к ядру. От ядра к периферии. Неконгруэнтности

Итак, дефекты ядра распространяются от зоны личности к периферии в виде патологических стратегий, в конце концов, выражающихся в виде тех или иных телесных, душевных, поведенческих отклонений, которые могут быть комплексно описаны в виде определенных симптомов, синдромов, акцентуаций и т. д. Структурная психосоматика говорит в этом случае о неконгруэнтностях. Это понятие значительно более широкое, поскольку неконгруэнтность может не иметь болезненного характера, может выражаться в достаточно тонких несоответствиях самого различного плана, может быть почти неощущаемой. С другой стороны, любое патологическое состояние, любая болезнь, любая поведенческая аномалия есть неконгруэнтность. В целом, неконгруэнтность — это свидетельство присутствия в структуре конкретного человека определенного дефекта, сущностного или несущностного конфликта.

Прежде всего, следует разобраться, о неконгруэнтностях между чем и чем идет речь, что берется за точку отсчета. В ИЛП, где был выдвинут этот термин, этот вопрос раскрыт далеко не достаточно. Между тем, естественным следствием строго психосоматического подхода является вывод: базовой характеристикой может быть только то, что дается нам генетически, т. е. сумма наследственных качеств и свойств. Однако, трансляция и развертывание целостного генома всегда сопровождается различными ошибками, искажениями, проблемами и другими нарушениями идеального хода этих процессов, которые, в конечном счете, представимы в виде определенных структурных дефектов.

Такие дефекты несколько упрощенно могут быть разделены на ряд самостоятельных групп (рис. 86); соответственно подразделяются и неконгруэнтности:

* целостный геном может быть оттранслирован не полностью (рис. 86, 1а), т. е. не все его зоны «раскрываются» и «работают» в структуре конкретного человека, такой дефект мы назовем сущностным дефектом трансляции; в данном случае, существует неконгруэнтность между целостным геномом и оттранслированным геномом, неполнота последнего;

* фенотип транслируется обычно не только не полностью, но и с определенными искажениями (которые могут быть формально представлены как зона Q=x); такой дефект мы назовем текущим дефектом трансляции; в данном случае, неконгруэнтность (рис. 86, 1б) возникает между фенотипом и геномом — первый и неполон, и содержит ошибки;

* развертывание фенотипа в текущую триаду также может сопровождаться определенными искажениями, которые порождают два рода близких дефектов и, соответственно, два рода неконгруэнтностей: здесь при классификации удобнее идти от последних — неконгруэнтности между сущностной и текущей триадами (рис. 86, 2а) связаны с сущностными дефектами развертывания; неконгруэнтности между фенотипом и текущей триадой, главным образом, между фенотипом и вертикалью (рис. 86, 2б) связаны с текущими дефектами трансляции;

* структура личности формируется в процессе отражения-отреагирования на базе вертикали «тело-душа-дух»; дефекты, возникающие на этом этапе формирования структуры, могут быть подразделены на междууровневые, порождающие междууровневые неконгруэнтности (рис. 86, 3), например, рассмотренные нами выше несоответствия между базовыми картами и патологическими стратегиями, и внутриуровневые, например, порождающие неконгруэнтности между группами карт (рис. 86, 4)¹².

¹²Выше нами была дана другая классификация дефектов структуры — эти два подхода никак не противоречат друг другу, но напротив, представляют как бы две стороны одной и той же медали. Суть обеих классификаций — не в их абсолютности и самоценности, а в том, чтобы помочь осознать такие явления как «структурный дефект», «структурный конфликт» и неконгруэнтность.

Важно помнить, и это очевидно следует из нашего описания, что любая неконгруэнтность есть следствие определенного рода структурного напряжения, свидетельство структурного конфликта.

При таком подходе понятие неконгруэнтности становится не просто интуитивно ясным, но хорошо работающим на практике инструментом. Мы всегда можем не просто зафиксировать некоторое несоответствие, но проследить его генезис, истоки, развитие и наметить пути возможной коррекции.

К примеру, вы наблюдаете человека плотного телосложения, с большой бородой, мощными руками и ногами (классический русский мужик»), одетого в скромный мешковатый костюм, который неожиданно заговаривает тонким высоким голосом, причем речь идет о концептуальных вопросах четвертого и пятого логических уровней. Он торопится, предьявляется масса лирической болтовни, сопровождаемой оживленной жестикой. Наличие неконгруэнтности, но какого рода? Выделенные нашим вниманием признаки по своей природе различны: это и особенности конституции (телосложение, голос, жесты), и эти

левые признаки (одежда, прическа), и особенности вербализации (речь) и т. д. Что взять за основу? Базовым несоответствием здесь представляется неконгруэнтность между кинестетическим телосложением и характеристиками голоса; другие важные моменты – неконгруэнтности между логическим уровнем, на котором, якобы, ведется беседа, и дигитальностью высказываний, оживленной жестикующей и т. д. В результате, мы можем предположить наличие глубинных несоответствий между сущностной и текущей триадами, а также конфликты на уровне космограммы и карт, карт и периферии и карт между собой.

Именно о такого рода структурных неконгруэнтностях мы и говорим.

Итак, неконгруэнтности могут быть отнесены к дефектам любого логического уровня. Все же на практике они чаще всего соотносимы с дефектами карт. Так происходит не потому, что дефекты карт преобладают над всеми другими или могут быть изолированы от других логических уровней – просто именно структура уровня убеждений в наибольшей степени ответственна за социальное поведение, «внешнюю» деятельность, вербализацию и т. д. На этом уровне вектор внимания равномерно разделен между «внешним» и «внутренним» пространством, и он представляет собой как бы центральный коммуникатор всей системы логических уровней сознания.

Здесь следует остановиться и разобрать некоторые важные вопросы.

Прежде всего, как мы отмечали выше, некоторые термины, связанные со структурой логических уровней сознания, употребляются нами как в специальном, так и в сквозном смыслах: мы можем говорить о картах, стратегиях, космограмме и т. д. как о специфических «внутренних» объектах, а также и в расширительном смысле, т. е., например, о какой-либо карте и всех базирующихся на ней стратегиях, их периферии, вплоть до уровня окружения и т. п. Более того, когда мы говорим, например, о патологической стратегии, то подразумеваем, что дефектна и связанная с ней базовая карта.

Сказанное приводит к неизбежному выводу, что локальных, ограниченных какой-либо одной стратегией или одной картой структурных изъянов просто не существует.

Действительно, человеческое существо реализуется в процессе «личной истории», который цикличен, причем и в том смысле, что периодически одни и те же группы контекстов, только в более общем виде, оказываются наиболее актуальны. При этом происходит расширение любой произвольно выбранной зоны карт (рис. 87). Это можно представить себе следующим образом: если мы рассмотрим проекцию оси «личной истории» на уровень карт, организованную таким образом, что она образует расширяющуюся спираль, и все циклически обусловленные повторы располагаются один над другим, то становится ясно, что некоторое искажение с каждым витком будет расширяться, травматический контекст – генерализовываться. Иными словами, на базе изначального ложного или непроработанного участка структуры (а именно на ранних стадиях жизни закладываются основы всех зон карт) невозможно сформировать участок сущностный – разумеется, без специальной работы по исправлению первичного дефекта.

Другой процесс делокализации изъяна – разрастание его «вширь» в рамках одного и того же логического уровня (уровня идеологии) был нами уже рассмотрен в предыдущих главах. Тогда же мы коснулись и углубления дефекта, его проникновения из зоны карт в зону космограммы, а иногда и далее – в зону самоидентификации.

Остановимся на этом подробнее. Особенностью логических уровней сознания является то, что они равно вовлечены и в отражение, и в отреагирование: «внешний» сигнал, последовательно обобщаясь, приобретает форму «внутреннего» опыта, на основе которого строятся, последовательно детализируясь, ответ: при этом вся «внутренняя» и «внешняя» – деятельность личности пронизана нормализующими вибрациями ядра, которые представляют собой не что иное как фрактальное повторение исходной формы базовой матрицы, распространяющееся от сингулярности «+0» к сингулярности «-0» (рис. 88). В очередной раз подчеркнем, что, во-первых, логические уровни не имеют телесной локализации, они отнесены к структуре вертикали в целом, а, во-вторых, вне зависимости от расположения центра осознания, в каждом акте отражения-отреагирования задействована вся структура личности – ее глубинные участки воспринимаются как бессознательная (или подсознательная) зона.

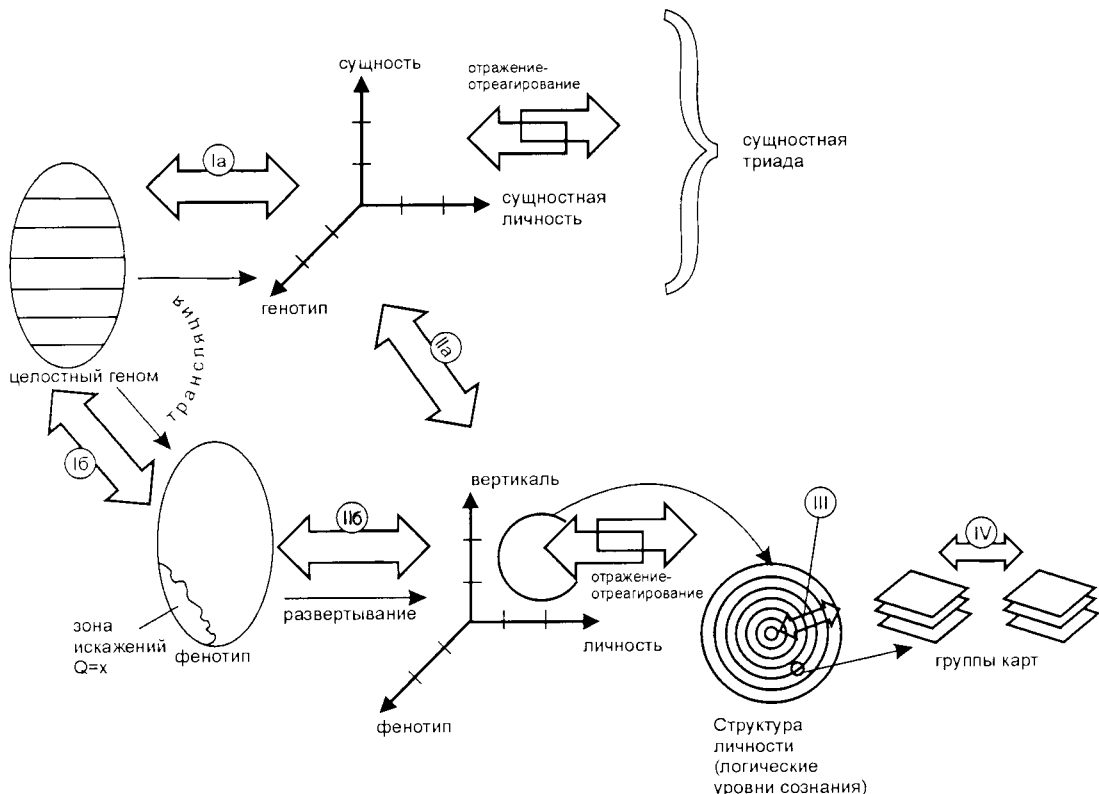

Рис. 86 Трансляция и развертывание. Дефекты и неконгруэнтности

Рассмотрим подробнее устройство карт. Под картой мы понимаем многофакторное описание некоторого контекста, в обязательном случае включающее в себя пространственно-временные и причинно-следственные привязки, а также элементы-коммуникаторы, связывающие одну карту с другими. Такое описание по неизбежности является многопространственным, но все же оно может рассматриваться как пакет псевдоплоскостей, каждая из которых представляет собой описание (или модель) части плоскости событий в данный конкретный момент (пережитый в ходе реального отражения-отреагирования или сконструированный при экстраполяции событий, фантазировании и т. д.). Совокупность сечений реальности плоскостями событий в определенном контексте и есть карта. Неизбежно включение в такое совокупное представление определенных служебных элементов, а также существование специальных служебных карт, позволяющих оперировать остальными. Таким образом, карты – понятие более широкое, нежели убеждение (а также «сценарий», «правила игры», «поведенческая схема» и т. п.) – во-первых, одна и та же карта может содержать множество убеждений, в общем случае, это их конгломерат, а, во-вторых, помимо модели того или иного контекста «внешней» или «внутренней» реальности, карта содержит и модели субъективного ответа на него, и технические средства построения такого ответа.

ГЛАВА IV
Ч. 2

Покуда карта не сформирована, ошибки легко внедряются в ее структуру – в дальнейшем этого уже не происходит, поскольку карта обладает определенной целостностью и укорененностью в других картах, что позволяет обнаруживать и отсеивать ошибки. С другой стороны, ложная, несущественная карта по тем же причинам искажает все отражение-отреагирование в зоне своего контекста.

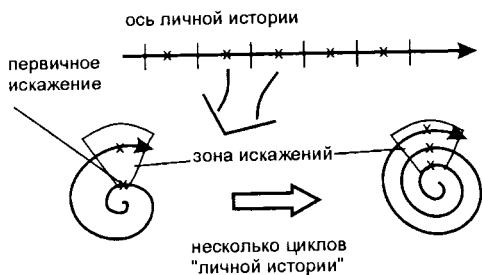

Рис. 87 Генерализация первичного искажения в ходе «личной истории»

Таким образом, формирование карты представляется чем-то вроде копирования всех доступных феноменов в определенной контекстуальной зоне плоскости событий. Служебные карты и служебные зоны карт образуются в ходе отражения-отреагирования, как бы протоколируя сам этот процесс. Это что-то вроде телеметрии, сопровождающей картинку, которую передает исследовательский космический аппарат: картинка отражает «внешнюю» реальность, телеметрия – состояние самого аппарата.

Разумеется, карт существует, в принципе, бесконечное множество, но этого нельзя сказать о зонах карт – число их ограничено, и все они могут быть перечислены. В первом приближении и весьма упрощая ситуацию, можно сказать, что существование многих (или всех) картовых зон в структуре человеческого существа генетически предопределено, но вот конкретная структура и содержание карт формируются в ходе «личной истории». Можно использовать такую метафору: от природы мы обладаем некоторым расчерченным полем кроссворда, которое в течение жизни заполняем словами; слова могут быть разные, но они неизбежно оказываются в границах клеток, имеют заданную длину и определенные точки пересечения с другими словами; кроме того, в разные моменты времени (или в разных строках кроссворда) мы обязаны соблюдать разную, но заранее заданную тематику слов. В нашей метафоре структура кроссворда – это генетически заданная и обусловленная базовой матрицей структура уровня убеждений, тематика слов задается закономерностями структурно-циклической «личной историей», а содержание слов, их конкретика – результат индивидуального опыта в отражении-отреагировании, собственно содержание личности в зоне четвертого логического уровня.

Добавим, что формирование карт – процесс встречный: частично, и в разных зонах – в разной степени он обусловлен не только отражением-отреагированием, но и наследственными причинами – тем, что иногда называют, в том числе, и родовой, генной памятью и т. п. названиями. Очевидно, что такие зоны карт, как восприятие пространства или сексуальное поведение имеют большую степень генной обусловленности, нежели, например, социальное поведение.

Дальнейшее обобщение результатов отражения-отреагирования и одновременное приближение их к собственному «я» человека, синтез карт в единую картину осуществляется на уровне космограммы. Это можно изобразить в следующем формальном виде:

♦ отражение-отреагирование как таковое:

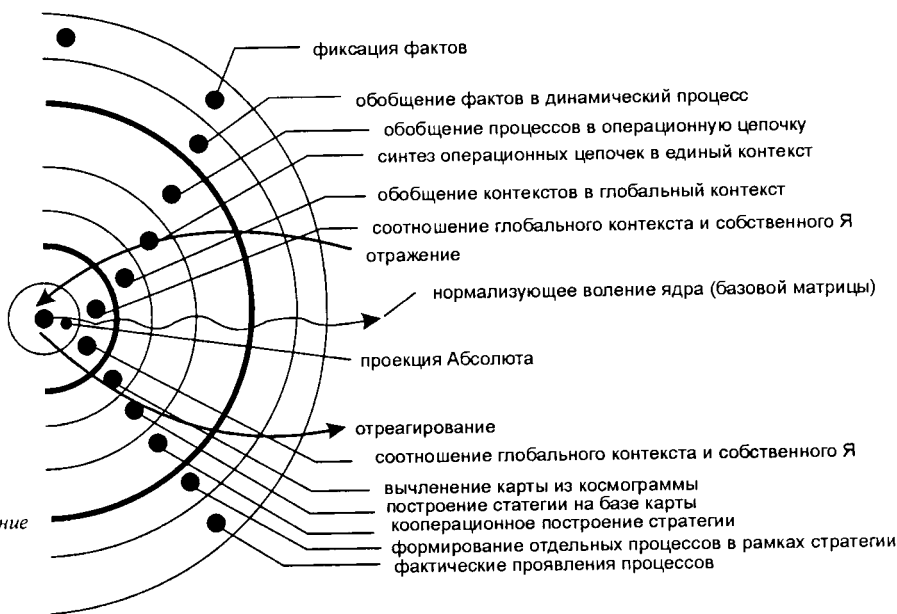
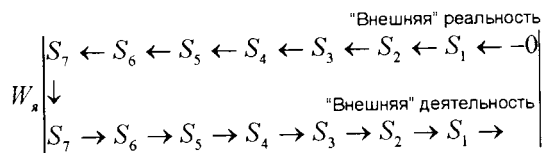

Рис. 88 Отражение-отреагирование в разрезе логических уровней сознания

вычленение карты из космограммы
построение стратегии на базе карты
кооперационное построение стратегии
формирование отдельных процессов в рамках стратегии
фактические проявления процессов

где W_n – волнения ядра, «+0» и «-0» – сингулярности, связанные с «высшим» и «низшим» по отношению к человеческому существованию, S_i – соответствующий структурный уровень сознания, ЦО – центр осознания – в нашем примере он расположен на пятом логическом уровне;

- ♦ отражение-отреагирование на конкретный сигнал:

$$W_n \left| \begin{array}{c} S_6^{\Delta} \leftarrow \delta^{\downarrow} S_5^{\Delta} \leftarrow \delta^{\downarrow} S_4^{\Delta} \leftarrow \delta^{\downarrow} S_3^{\Delta} \leftarrow \delta^{\downarrow} S_2^{\Delta} \leftarrow \delta^{\downarrow} S_1^{\Delta} \leftarrow \\ S_7 \\ S_6^{\Delta} \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_5^{\Delta} \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_4^{\Delta} \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_3^{\Delta} \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_2^{\Delta} \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_1^{\Delta} \rightarrow \end{array} \right|$$

где индекс n при членах S_i означает, что в отражении-отреагировании, в данном случае, задействована некоторая часть логического уровня, а не он в целом, члены δ^{\downarrow} есть операции перехода от периферии к ядру, а члены α^{\downarrow} – соответственно, операции перехода от ядра к периферии.

Для нас интересно рассмотреть, что представляют собой выделенные нами операции δ^{\downarrow} и α^{\downarrow} . Они распадаются на две составляющие: первые (δ^{\downarrow} , операции перехода от периферии к ядру) – на распознавание сигнала и его обобщение, вторые (α^{\downarrow} , операции перехода от ядра к периферии) – на построение модели ответа и ее детализацию. Подчеркнем, что операции δ^{\downarrow} и α^{\downarrow} осуществляются последовательно на всех логических уровнях сознания. Таким образом, при отражении происходит последовательные анализ и синтез на каждом уровне и в ядре личности – высшие анализ и синтез, а при отреагировании – последовательные синтез и анализ. Операции δ^{\downarrow} и α^{\downarrow} составляют, собственно, «внутреннюю» деятельность, которая может быть осуществлена и без «внешнего» сигнала, поскольку цепочки «внутренних» операций сами по себе оказываются предметом анализа и синтеза на различных логических уровнях. Таким образом образуются соответствующие циклы и цепочки внутри самой структуры человеческого существа, в его «толще»:

$$W_n \left| \begin{array}{c} S_6 \leftarrow \delta^{\downarrow} S_5 \leftarrow \delta^{\downarrow} S_4 \leftarrow \delta^{\downarrow} S_3 \leftarrow \delta^{\downarrow} S_2 \leftarrow \delta^{\downarrow} S_1 \leftarrow \text{сигнал} \\ S_7 \\ S_6 \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_5 \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_4 \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_3 \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_2 \rightarrow \alpha^{\downarrow} S_1 \rightarrow \text{ответ} \end{array} \right|$$

Наконец, на глубинных логических уровнях вибрации ядра, сингулярность «+0» и «высший» мир сами по себе являются объектом отражения, анализа и синтеза. В этот процесс по неизбежности оказываются вовлечены и периферические структуры.

Таким образом, любые периферические искажения, если они происходят в несформированной, неструктурированной зоне или зоне, чья структура несущественна, приведут к разрастанию такого дефекта вглубь – ложная операционная цепочка обобщится в ложную карту, ложная карта повлечет за собой при синтезе космограммы искажение ее зоны и т. д. С другой стороны, искажение глубинных уровней влечет за собой неизбежное искажение основанной на них периферии. Как это происходит, мы подробно рассмотрели на примере формирования патологических стратегий. Наконец, искажение волнений ядра, вызванное существенными зонами глубинных искажений, приводит к фрактальному разветвлению заведомо ложной структуры. Все эти процессы происходят не одномоментно, а в условиях «личной истории» и связаны с циклическими закономерностями роста и развития человеческого существа.

Как мы видим, структурный дефект не является неким статичным и изолированным образованием – он склонен жить собственной жизнью, расти и развиваться; причем, эти рост и развитие также происходят в рамках и по закономерностям «личной истории», поднимаясь их циклам. Сказанное справедливо не только для человеческого существа, но и для любого структурированного образования – например, малой группы или человеческого общества в целом. Сказанное подтверждает анализ множества исторических примеров. Наиболее интересен он в тех случаях, когда рассматриваемое социальное образование, казалось бы, чрезвычайно структурировано и стабильно. Достаточно вспомнить Спарту в период от Персидских до Пелопонесских войн, или гибель цивилизации Хайан в Японии с последующими многовековыми ирайданскими войнами вокруг сегуната.

Рассмотрим некоторые конкретные случаи.

На одном из семинаров по структурной психосоматике А. С., 36 лет, учащаяся института психотренинга, предъявила следующую проблему: ее очень раздражал тон высказываний ведущего в плане оценок современного состояния терапии. Когда приводились конкретные примеры некорректной работы практиков, например, С. К – цы в техниках НЛП, она особенно напряглась и спросила, на чем основано такое мнение. Было отвечено, что он работает неэкологично, пытается научить человека, не изменив его, и что такая работа, в конечном счете, не поднимается выше третьего, а то и второго логического уровня. Более всего она похожа на кодирование, хотя и более изощрена в технологическом плане. После этого последовал пространственный экскурс в тему о роли терапевта в структурной психосоматике, объемной видении проблем пациента, третьей позиции и важнейшей роли контекстуальной работы.

Реакция А. С. была следующей: «Если бы то, что вы говорили, было действительно так. Если вы реально так работаете, то это то, что я очень давно ишу». При этом, она была полностью конгруэнтна, «включена» в работу.

Далее на семинаре обсуждались проблемы истинного и ложного, с привлечением обширного культурологического материала освещалась история возникновения идеи толерантности (у французских просветителей) и ее совместности с отставанием собственных ценностей, отвержением ложного несущего опыта и т. д.; приводились примеры подлинной терпимости и сектантского сознания, к которому был отнесен и целый ряд современных психологических, психотерапевтических и психоаналитических школ.

После этого А. С. сказала: «То, что вы говорите, очень глубоко меня интересует. Я была на семинаре у С. К – цы и предъявила свою проблему. Он ее решил, и я ушла в состоянии легкости и эйфории, но на следующий день я пришла в глубоко нересурсное состояние». А. С. сказала тогда С. К – це: «Верните все обратно, если можно. У меня ощущение, что я не знаю, что дальше делать и как жить. Вы сняли жаким в области диафрагмы – повязку – и завязали ее мне на глаза!». А. С. была убеждена, что, сняв один блок, К – ца создал, не выявил, а именно создал другой, гораздо более сильный и глубокий на другом логическом уровне.

Остановимся здесь и разберем сперва, почему столь подробно описали ход семинара, предшествовавший работе собственно с А. С. Дело в том, что на самом деле работа с ней уже велась – семинары, подобные описанному, и представляют собой определенную групповую работу, часто весьма эффективную. В случае А. С. был затронут убежденческий уровень, что и повлекло за собой ее резкую реакцию, а затем – полное включение в процесс. Во время семинарской формы работы задача терапевта и заключается в том, чтобы «защепить» слушателей, проявить их неконгруэнтности, заставить уровень убеждений резонировать и далее мотивировать их на активную работу. Дальнейшее обсуждение важных проблем, связанных с третьей позицией, методами мышления и т. д., причем проводимое максимально наглядно, с множеством разноплановых примеров – это уже определенное корректирующее воздействие, после которого удобно переходить к индивидуальной работе.

Итак, А. С. пришла на семинар с определенной проблемой, в т. ч. и телесного плана: Проблема, на первый взгляд, была снята, но на другой день проявилась новая (а точнее, как мы увидим, та же самая, но развившаяся к периферии по новому руслу и проявившая всю свою глубину). Для нас абсолютно неинтересны конкретные техники, в которых работал С. К – ца (вероятно, это были вариации субмодальностей техник) – важно проследить методологию его работы, ее структурную ориентацию, а точнее, отсутствие таковой.

Конкретно А. С. предъявила следующие проблемы (поскольку семинар был по НЛП, они и формулировались в рамках психологической составляющей человеческого существа): страх забыть или не вынести с семинара, из прочитанной книги и т. д. всей полезной информации; еще более актуален страх невозможности адекватной передачи своих знаний (особенно психологических) собеседнику. По мнению А. С., вторая проблема напрямую вытекала из первой, все это сопровождалось сильнейшими спазмами в руках.

Итак, проблема была сформулирована на третьем логическом уровне, и на нем же воспринята терапевтом (когнитивные вопросы: как? каким образом?). Был поставлен вопрос: «Что вы хотите

вместо этого?». Получен ответ: «Я хочу спокойно и свободно передавать информацию и т. д.». Таким образом вся проблема была сведена к отсутствию определенных навыков (третий логический уровень), и дальнейшая работа терапевта организована соответствующим образом. Была сформирована картинка, где А. С. легко и свободно общалась, все запоминала – эта картинка, с помощью соответствующих приемов, наложена на нересурсное состояние. Наложение произошло вполне успешно – налицо «эффект исцеления». Была даже проведена экологическая проверка: «Представьте, что вы уже обрели желанный навык, какие ощущения в теле и т. д.». Возникла даже иллюзия конгруэнтности (такого рода конгруэнтность можно назвать «ложной», наподобие ложных грибов, похожих на съедобные). Однако на следующий день возникло мощнейшее нересурсное состояние, которое терапевт не смог ни объяснить, ни снять.

Очевидно, что неудача связана с тем, что коррекция была ограничена третьим логическим уровнем сознания, и не были вскрыты причины, почему у А. С. отсутствуют соответствующие навыки, почему она не может сформировать их у себя самостоятельно.

Любая стратегия базируется на картах – переход к этому уровню и был осуществлен в случае А. С. терапевтом, работавшим в методиках структурной психосоматики. Был поставлен вопрос: «Почему для вас так важно научиться запоминать информацию и передавать ее?». Затем был предельно уточнен контекст, в котором возникает проблема: «Кому особенно вы хотите передать свои знания? Что конкретно вы хотите передать?».

Работа в этом направлении привела, на первый взгляд, к неожиданным результатам. Изначальная постановка проблемы была изменена до неузнаваемости. Были сформулированы две новые проблемы:

- ♦ очень хочется помочь сыну (14 лет) с помощью психотехник лучше играть в теннис (он им профессионально занимается);
- ♦ низкая самооценка («Я дура, необучаемая и т. д.») в сочетании с неверием в психологические техники («Все это глупость, обман и т. д.») и при этом огромное желание измениться.

Наконец, обе проблемы были сформулированы в виде единой вербально-логической конструкции: «Если бы я смогла заинтересовать сына (или хотя бы установить с ним неформальные отношения), я бы поняла, что я чего-то стою, что я реально могу измениться.».

Таким образом, проблема, на первый взгляд связанная с навыками обучения и коммуникации, оказалась на поверку значительно глубже и отнесена была совершенно к иным контекстам. На уровне самоидентификации А. С. демонстрировала явную неадекватность самооценки и, кроме того, непроработанность карт родительского поведения, причем второе было непосредственно связано с первым. К чему, в результате, могла привести и привела работа по имплантации в эту зону навыков, не укорененных в сущностной структуре А. С.? Только к обострению.

Почему? Мы можем изобразить ситуацию А. С. схематически (рис. 89). Поначалу существовала целая деформированная зона, восходящая к уровню самоидентификации и связанная, во-первых, с непроработанностью карт родительского поведения, а, во-вторых, с неадекватной самооценкой. Возникновение этой зоны в ходе «личной истории» прослеживается достаточно ясно: в основе лежит именно несформированность родительского поведения. Когда А. С. оказалась в контекстах, потребовавших участия именно этих карт (общение с сыном), собственная неспособность действо-

вать привела к распространению дефекта, вплоть до уровня самоидентификации. Разумеется, дефекты имели и периферическое выражение в виде патологических стратегий (о чем свидетельствует, в частности, зажим в области рук – он связан с Вишудхой), причем развитие дефекта достигло такой стадии, что появились заместительные ветви, обходные пути, идеологические объяснения проблем (неумение обучаться и передавать полученный опыт) – рис. 89, а. Работа С. К – цы свелась к двум последствиям – торможению предъявленных патологических стратегий и имплантацию в зону искажений несущественных карт со своей периферией, что воспринималось в ходе сеанса как обретение искомого навыков. Естественно, что экологическая проверка в рамках все того же контекста (ведь он не изменился), т. е. контекста работы с проблемой на семинаре, дала видимый положительный результат (рис. 89, б). Однако, как только контекст сменился, выяснилось, что сам дефект не исчез – исчезли некоторые его периферические проявления. Это привело к резкой его активизации, и (поскольку заместительные стратегии и убеждения были разрушены) А. С. оказалась «перед лицом бездны», в полном смятении – она буквально не знала, как ей жить дальше перед лицом собственной неадекватности (рис. 89, в).

Выявив суть проблем, терапевт, работавший по методикам структурной психосоматики, выделил два аспекта, на которые и направил работу. Сформулируем их с точки зрения А. С.:

* какой я хочу быть, что со мной произойдет (в смысле общего позиционирования в Универсуме), когда я решу проблему отношений с сыном в желательной для меня форме;

* какие конкретно я хочу установить с ним отношения, как они будут организованы; в каком состоянии я буду находиться?

Первый аспект связан с корректировкой уровня самоидентификации, второй – с проработкой зоны инфантильности родительского поведения – соответствующих карт и их периферии.

Естественно, и работа была спланирована таким образом, чтобы сначала решить первый вопрос. Терапевт предложил следующую технику – воображаемая съемка максимально подробного фильма о А. С., какой она будет через год после начала изменений, желательных для нее. При этом тщательно отслеживались все значимые невербальные реакции, все возможные изменения в самых разных контекстах – личных, деловых, семейных и т. д.

Гораздо сложнее проходила работа по структурированию карт родительского поведения. Это и понятно – ведь именно в этих контекстах А. С. была инфантильна, здесь была зона первичного искажения и, соответственно, вся периферия этой зоны была неадекватной. Работа велась при помощи режиссерских метафор – воображалась постановка пьесы на тему организации отношений с сыном. Многократно уточнялись побочные контексты, правила игры, совершенствовалась третья позиция и т. д.

В результате, было достигнуто адекватное внутренне состояние – как только это случилось, пошла структурная перестройка, внутренняя пересборка на всех уровнях. В тот же день у А. С. произошло несколько инсайтов, изменилась структура ее убеждений и в других контекстуальных зонах.

Случай А. С. интересен еще и тем, что здесь мы сталкиваемся с весьма важной разновидностью искажения уровня убеждений – пробелом. Вообще, типов таких искажений в первом приближении можно выделить всего три. Это дефект в виде зоны ложных несущественных карт (в том числе всевозможные пересечения и т. п. искажения, рассмотренные в главе о патологических стратегиях),

Рис. 89 а, б, в Обострение проблемы в случае с А. С.

имплантация и пробел. Последние два типа связаны с тем, что в ходе «личной истории» человек может просто оказаться изолированным от определенных жизненно важных контекстов, в результате чего целые зоны карт оказываются не сформированными. Это «пустота» может быть заполнена со стороны, действующими в обществе социальными и культуральными стереотипами или иными сторонними убеждениями – это и есть имплантация. Однако, такое заполнение может и не произойти. В этом случае мы встречаем либо полное отсутствие моделей реальности в целой контекстуальной зоне, либо заполнение уровня убеждений, соответствующего этой зоне, некоторой аморфной деструктурированной активностью. Все это выражается в виде очевидных неконгруэнтностей, которые могут быть определены как «неумение жить». Это и есть пробел. Очень часто пробелы встречаются в области карт, ответственных за сексуальное или семейное поведение (как в случае А. С.). Это следствие воспитания в неполных семьях или в атмосфере изоляции от жизненно важных тем (представьте себе мальчика, который воспитывается без родителей – скажем, пуритански настроенной теткой, ограждающей его от «распутных женщин» – можно себе представить, какого рода пробелы будут иметь место в структуре его четвертого логического уровня; авторам приходилось встречаться с такими случаями). Так же часты случаи пробелов в области деловых контекстов, связанных с «технологией успеха» – умением добиваться своего, достойно продавать свой труд и т. д. (вспомните случай С.).

Пробел приводит к тому, что человек просто не знает как ему быть, что делать и совершенно теряется. Замечательно точно изобразил это искажение А. Милн в «Винни-Пухе». Помните Тигра, который знал, что нужно наскокивать, а что делать дальше, не знал, поскольку мама не успела его научить? Любопытно, что в природе так и бывает – котенок, слишком рано оторванный от матери не умеет ловить мышей. Только на практике такое «неучение» или его отсутствие может возникать более сложным образом.

Так, в случае О.¹⁰³ терапевту пришлось столкнуться с неожиданной проблемой.

¹⁰³Случай из практики Д. Атланова.

Это была молодая симпатичная женщина, которая никак не могла образовать устойчивую семью. Ее романы всегда развивались по одному и тому же сценарию: период до заключения брака и примерно полгода совместной жизни отношения развивались вполне нормально, затем ситуация резко менялась – начинался разлад, причем (и О. к моменту ее обращения к терапевту это было совершенно ясно) источником конфликтов выступала она сама. Ее поведение иначе как провокационным назвать невозможно – все сводилось к формуле «все мужчины – скоты, и ты, милый, такой же». Чем дальше, тем больше становилось ссор, пока отношения не превращались в сплошную ссору – и следовал разрыв, как бы подтверждающий основную посылку («все мужчины – скоты»).

О. обратилась за помощью в период своего третьего брака, который уже склонялся к заключительной фазе. Она, однако, обладала в остальных аспектах настолько здоровой структурой, что сохранила критическое отношение к самой себе, и поэтому в себе самой искала причину. Кроме того, в этом случае мотивация (любовь к мужу¹⁰⁴) была значительной.

¹⁰⁴Хорошо известно, что это чувство само по себе не генерирует благополучной семейной жизни, что и понятно – ведь карты сексуального и семейного поведения относятся к разным зонам уровня убеждений и даже величинной истории формируются на разных этапах.

Анализ показал, что в основе проблем О. лежит изоляция от ряда жизненно важных контекстов в самом раннем детстве. Она выросла в неполной семье, причем отец оставил ее мать, когда девочка еще не родилась (примерно на шестом месяце беременности), и больше никогда не появлялся. Таким образом – в данном случае отражение шло через мать – с точки зрения О. мужчина просто должен был исчезнуть через полгода, дальнейшее его присутствие в ее модели реальности не было представлено. Разумеется, к моменту встречи с терапевтом этот пробел, т. е. отсутствие карт семейного поведения, заполнялся аморфной смесью убежденческих схем (о женской доле, непорядочности мужчин и т. д.). Терапия, в данном случае, должна была включать индиви-

дуальную работу и обязательную работу с социальным окружением (тому же мужу пришлось объяснить суть дела и помочь спланировать его собственное поведение, которое позволило, вкупе с усилиями терапевта, откорректировать искаженный участок структуры).

Чем же отличается имплантация карты от аморфного заполнения пробела? Тем, что в первом случае мы встречаемся с целой системой убеждений, часто очень стройной и последовательной, но, тем не менее, несущей. Именно таковы сектантские и партийные убеждения. Опять-таки, мы не высказываем никаких содержательных соображений относительно того или иного политического или религиозного феномена – речь идет о фанатических приверженцах любой идеологии, не способных ни на терпимость, ни на самокритику, ни, как следствие, на какую-либо «личную эволюцию». Интересно при этом, что имплантированные карты легко замещаются на другие, что особенно заметно в области моды, идеологических и религиозных воззрений и т. д. Будучи несущими, идеологические схемы легко замещаются одна другой. Сегодня мы очень часто наблюдаем в области «новых сект» – существует целый слой людей, которые переходят из одной секты в другую, становясь то кришнаитами, то иеговистами, то последователями Сахаджа-йоги или дианетики, всякий раз демонстрируя как бы полную приверженность очередному учению и даже фанатизм. Это, так сказать, фанатики по преимуществу. Это же мы наблюдаем и в области экстремистского политического сознания. Во всех этих случаях ведущий мотив – «поиски истины» или «поиски справедливости» и т. д. – состояние глубокой личной неудовлетворенности, связанное с несущностью очень важных для любого человека зон уровня идеологии. Напротив, сущностные карты крайне неохотно подвергаются замещению, можно сказать, что этого не происходит вовсе, про такие убеждения говорят, что они «выстраданы», т. е. подчеркивают их укорененность в величинной истории и опыте. Это вполне естественно, поскольку собственное отражение-отреагирование всегда связывает карты между собой (ведь в одно и то же время присутствуют различные контексты).

Приведенные примеры позволяют нам вновь вернуться к проблеме неконгруэнтности. Действительно, в случае А. С. ее неумение установить отношения с сыном само по себе было неконгруэнтно, но и периферические проблемы – неспособность обучаться и передавать опыт, а точнее, страх перед тем и другим, так же могут рассматриваться как классические комплексные неконгруэнтности. Вообще страх, как таковой, всегда неконгруэнтен, в особенности страх перед какой-то деятельностью или ответственностью в рядовой житейской ситуации. В этом смысле следует четко различать страх (неконгруэнтное, нересурсное состояние) и ощущение опасности (состояние вполне конгруэнтное и ресурсное).

Точно так же неконгруэнтно поведение О. в семье, провоцируемые ею ссоры. Это вовсе не значит, что любой конфликт неконгруэнтен, но явно неконгруэнтен немотивированный конфликт, конфликт как состояние, как отношение к человеку, группе людей, обществу и т. д. Именно в этом смысле неконгруэнтно т. н. «революционное сознание».

Неконгруэнтной была постоянная агрессивность С. Н., неконгруэнтным – обликнищего поэта» К., неконгруэнтным – отношение И. к своей супруге. Важно отметить, что в случае всех этих комплексных неконгруэнтностей можно было зафиксировать и неконгруэнтности базовые.

Так, в случае И. терапевт обратил внимание, что этот, по всем прочим параметрам визуальный человек имеет телосложение кинестетика. Мы уже отмечали, что до определенного возраста он и конституционно напоминал визуала, но затем ситуация изменилась. Это не было только спонтанной возрастной метаморфозой – И. стал целенаправленно заниматься бодибилдингом и в этом отношении «перевоспитал» себя. Любопытно, что центр тяжести его личностных и семейных проблем лежал в области гипертрофированного «мачизма», формулировок типа «мужчина – хозяин в доме», «жена может все, но только если я ей это позволю», «я содержу ее, а она должна обо мне заботиться» и т. д. Таким образом, занятия бодибилдингом приобрели для него знаковый характер, они как бы предвараляли этот сектор зоны убеждений, основываясь на формуле: «я выгляжу недостаточно мужественно, но могу это исправить».

Следует особо подчеркнуть, что авторы ни в коем случае не против занятий физкультурой и спортом ни в данном конкретном

случае, ни вообще, но дело в том, что гипертрофия проблемы внешнего облика – это тоже неконгруэнтности, признак неадекватности самооценки. Действительно, есть большая разница между формулировками: «я тренирую мышцы, чтобы быть здоровым, стать сильнее, обрести хорошую фигуру» и т. д., и: «я качаюсь, а это само по себе решит все мои проблемы».

ГЛАВА IV Ч. 2

В случае И. организация его уровня убеждений не была столь примитивной, но, тем не менее, как мы убедимся ниже, разные группы карт находились в явном противоречии, а в глубине лежали проблемы неадекватности самооценки, возникшие из несущественных искажений того сектора карт, которые мы условно можем назвать картами «половых признаков» (они рисуют модель «классического» мужчины и «классической» женщины в сознании человека). Свою лепту в развитие ситуации внесли и аналогичные по сути структурные проблемы его супруги.

Мы видим, что различные неконгруэнтности – от базовых до стилевых – как бы ложатся на одну линию, а точнее, в один сектор круговой диаграммы, подобной диаграмме на рис. 89 – они как бы обозначают ту трещину в структуре конкретного человека, которая и создает все его периферические проблемы. Мы можем отнести неконгруэнтности разного рода к разным уровням диаграмм, т. е. к разным логическим уровням сознания, но опереться мы все же должны на базовые неконгруэнтности или, по крайней мере, ими проверить свои выводы, особенно в процессе работы – ведь более тонкие, производные, комплексные, могут быть по-разному истолкованы в разной социальной или культуральной среде.

Действительно, трактовка поведения К. (образ «нищего поэта»), С. («неумение делать карьеру» и продавать свой труд) и даже С. Н. (повышенная агрессивность) как неконгруэнтного целиком, базировалась на структуре собственных убеждений терапевта и может быть оспорена. Другое дело – их базовой неконгруэнтности и телесных проблем. Уже сопоставление их с неконгруэнтностями комплексными позволяет показать, что все это проблемы одного рода, связанные с одними и теми же структурными дефектами. Действительно, мнение, что деятель искусства должен быть нищ и социально дезадаптирован, достаточно распространено, оно появилось в России достаточно поздно, а далее укрепилось под воздействием мифологизированных образов деятелей авангарда (которые, преодолев «возраст признания», демонстрировали затем вполне адекватное социальное поведение, разумеется, в рамках своего имиджа – и Пикассо, и Дали, и пр.). Определенный оттенок привнес в проблему и советский период, когда успешный деятель искусств должен был демонстрировать идейно-политическую ангажированность вполне определенного рода, а многие талантливейшие люди испытывали гонения. Разбирая, однако, случай К., мы должны подчеркнуть, что это принципиально разные ситуации (и, соответственно, принципиально разные идеологические схемы): быть аутсайдером в силу внешних причин и сознательно стремиться к отверженности как к атрибуту таланта.

Аналогично можно высказаться и о случае С. Приходится признавать, что образ честного, «непробивного» и не умеющего устроиться врача в нашей культуральной среде весьма популярен. Здесь мы, опять-таки, видим подмену понятий – предполагается, что честный человек не может быть социально успешен. Это явное смешение контекстов.

Мы видели, что конгруэнтность социального поведения может быть по-разному прочитана, в зависимости от социальной, культуральной и исторической среды. Даже агрессивность С. Н. выглядела бы «нормально» среди аргентинских «поножовщиков», какими их изображает Борхес. Именно поэтому нам и необходим такой ориентир, как «принцип экологичности» или «тип Адама».

Таким образом, социальная, историческая, культуральная обусловленность комплексных неконгруэнтностей ставит нас перед сложной проблемой и теоретического, и практического характера. Мы считаем, что выход из нее один – принципиальный отказ от каких-либо идеологических, в том числе, и моральных, оценок содержательной стороны проблем пациента и замена их принципом экологичности, проводимым в рамках последовательной третьей позиции.

Подытожим. Неконгруэнтности служат основным ориентиром в работе терапевта, однако, для того, чтобы верно анализировать суть проблем пациента, точно этапировать коррекцию, отслеживать ее ход или, хотя бы, интерпретировать фиксируемые несоответствия, недостаточно просто научиться калибровке – свои построения не-

обходимо все время соотносить с представлениями о принципах структурной организации человеческого существа на фоне последовательного проведения принципа экологичности, и в рамках безусловного третьепозиционного подхода. В этом смысле всегда полезно проследить весь цикл процессов и феноменов вдоль ветвей отражения и отреагирования, располагая неконгруэнтности относительно них, т. е. терапевт сам должен погружаться от периферии к ядру структуры пациента и далее проследить ответ от ядра к периферии, не упуская при этом из виду контекстуальную обусловленность изучаемых явлений.

1. НЕКОНГРУЭНТНОСТИ И КАЛИБРОВКА

Как уже отмечалось, со структурной точки зрения любые отклонения являются неконгруэнтностями – это и несоответствие одним невербальным реакциям другим, и невербальных реакций – способу и содержанию вербализации, и поведения – контексту и т. д. Любая патологическая реакция неконгруэнтна базовым картам и породившим их контекстам, можно сказать, что любая болезнью неконгруэнтна сущностной триаде человека. Здесь необходимо сделать определенное и очень существенное уточнение. Такие комплексные болезненные реакции, как воспаление, лихорадочное состояние и т. п., представляют собой естественные организационные реакции на травмирующий фактор (инфекция, рана и т. д.). Современная официальная медицина уже в том не права, что подавляет их. Разумеется, чрезмерные реакции такого рода опасны (например, очень высокая температура, отек, мешающий дыханию и пр.), однако умеренные ведут как раз к восстановлению равновесия и подавлению недуга. Таким образом, говоря о неконгруэнтности болезни, мы имеем в виду, прежде всего, хронические недуги. Далее к этой группе должны быть отнесены «привычные» заболевания и травмы (мы уже обсуждали, почему это – через поведение – связано с нарушениями структуры), за которыми обязательно кроется какая-нибудь регулярная причина. Острый ответ человеческого существа на травмирующий фактор, в том числе и психологический, поведенческий, духовный ответ, граничащий с аномалией, должен признаваться нормальным и естественным, но, если подходить к вопросу достаточно строго, придется признать, что причины большинства даже инфекционных заболеваний и разовых травм содержат в себе элементы поведенческой ошибки. Это было хорошо известно врачам традиционных школ – аюрведической, тибетской, таджико-персидской и т. д., – которые полагали, что терапевт, в первую очередь, должен проанализировать образ жизни больного и откорректировать его – часто этого уже достаточно. Среди современных направлений медицины особое значение фактору образа жизни придает натуропатия. Удивительные примеры подобного рода исцелений мы находим в практике известного московского врача прошлого века Федорова. Так, однажды к нему обратился купец, державший лавку на Красной площади и страдавший сильными головными болями. Дело было зимой, во время морозов. После быстрого осмотра больного Федоров уточнил, каким именно путем купец ездит в лавку. Оказалось, что мимо чудотворного образа Иверской Божьей Матери. «Ездите другой дорогой,» – посоветовал Федоров и больше не сделал никаких назначений. Пациент вернулся через две недели исцеленным. А дело было в том, что, проезжая мимо чудотворной иконы, купец снимал шапку и крестился – его болезнь была вызвана воспалением корней волос, и, как только травмирующий фактор был исключен, патологические проявления прекратились. Сказанное касается и других, казалось бы независимых от человека, событий. Так, американские криминологи (см., например, Э. Шур «Наше преступное общество») указывают, что более 90% преступлений против личности, таких, как изнасилование, убийства, тяжкие телесные повреждения и т. д., в той или иной степени спровоцировано поведением жертв.

Именно в этом смысле мы и говорим о неконгруэнтности любой болезни или, шире, любого травматического повреждения структуры человеческого существа, хотя на практике имеем в виду, в первую очередь, хронические болезни и «привычные» травмы. Таким образом, понятие неконгруэнтности представляет собой основу основ и концепции, и практики структурной психосоматики. В связи с этим важнейшее значение приобретает калибровка неконгруэнтностей.

В этом разрезе первое место по степени важности занимают неконгруэнтности между конституцией и типом дыхания. Тесно связаны с ними неконгруэнтности между сложением, дыханием, голосом, темпом речи и привычной позой. Если они присутствуют, то становится ясно, что в структуре человека в определенной контекстуальной зоне наличествуют несущественные карты, что уровень убеждений конфликтен, что конфликтна сама космограмма, а иногда и уровень самоидентификации, т. е. человек неадекватен-чен самому себе, текущая триада неконгруэнтна сущностной.

В понимании этого факта существует определенная сложность. Говорят: «Просто у него такой голос.» или: «Просто он выработал такую осанку.» Дело, однако, в том, что разные характеристики вертикали увязаны между собой и физическими, и структурными закономерностями. Никого не удивляет, что, скажем, фаягот имеет более низкий диапазон звучания, чем флейта пикколо. Подобное же справедливо для соотношения конституции человека и его голоса, а также для всех телесных соответствий, психических и духовных особенностей. Что же касается замечаний о воспитании или перевоспитании, направленном против природных склонностей, то их целесообразность не просто сомнительна, но явно ложна. Пример переученных левшей сегодня общеизвестен – слава Богу, педагогика уже избавилась от представления, что левшизм должен быть обязательно искоренен (хотя многие учителя на местах и очень многие родители все еще придерживаются старой практики, травмирующей ребенка). Вредность перевоспитания в других случаях менее очевидна, однако строгий анализ убеждает в ней. Стоит ли прививать кинестетику позу визуала или пытаться человеку эндоморфному навязать сложение человека эктоморфа? Это не пройдет безнаказанно, выразится обязательно и в телесных расстройствах, и в имплантации ложных карт. Одному из авторов довелось в течение ряда лет наблюдать большую группу бывших спортсменов. Когда-то эти люди достигли заметных успехов (уровень не ниже мастера спорта), от момента их отхода от профессионального спорта прошло 10-20 лет. Поразителен был тот факт, что некоторые сохранили прекрасное здоровье, а некоторые, что называется, расплылись и страдали рядом характерных недугов. Сравнение природных задатков и выбранного вида спорта, убедило в том, что, когда первые и вторые совпали – все обстояло прекрасно, а профессиональные же занятия спортом, не соответствующим природным склонностям, даже если были достигнуты высокие результаты и, казалось бы, произошла адаптация, действовали разрушительно. Это и значит, если говорить в терминах китайской традиции, что человек должен вернуться к своему юаню, т. е. раскрыть свою природную склонность. Разумеется, человек, склонный к полноте, не должен потакать себе, но если он будет все-таки полнее «средней нормы», это в данном конкретном случае должно признаваться нормальным. Именно поэтому несоответствие между базовыми признаками приходится считать свидетельством явной и серьезной неконгруэнтности, простирающейся весьма глубоко, часто до уровня самоидентификации. Действительно, если, к примеру, полный от природы человек не может считать полноценным и всеми силами стремится приобрести фигуру модели, это часто приводит к тяжелым соматическим и психическим расстройствам и, уж во всяком случае, говорит о полном отсутствии самодостаточности.

Очень важными являются неконгруэнтности, которые удается выявить между образным и логическим мышлением, в одной и той же контекстуальной зоне. Существуют специальные приемы, которые позволяют проявить их. Самый простой – поставить перед партнером одну и ту же задачу двумя способами, так, чтобы ответ формулировался в виде вербальной логической конструкции и в виде какого-нибудь рисунка. Очень интересно, что неконгруэнтность, если она имеет место, проявляется даже не только в содержании ответов, но и в невербальных реакциях, сопровождающих их подготовку (например, логическая конструкция параллельна чисто вербальной жестикуляции, сопровождаемой такими же предикатами, позой, глосидигательными реакциями, а образное представление переводит человека в кинестетическую модальность текущего опыта).

Во время работы с А. некоторые базовые неконгруэнтности были очевидны для терапевта с самого начала. Они заключались, прежде всего, в несоответствиях между кинестетическим сложением и невербальными реакциями и предикатами визуального и аудиального типа. Любопытно, что при этом А. от рождения страдал нарушениями зрения и слуха.

Для того, чтобы уточнить суть проблем, в самом начале сеанса перед А. была поставлена простейшая задача – нарисовать любой прямоугольник, такой, какой ему нравится. Затем последовало следующее:

Терапевт: «Представьте себе, что этот прямоугольник изображает собой весь наш мир, всю Вселенную. Поставьте точку, которая изображает вас самого, расположив ее так, как вы представляете себе свое место в мире.»

Очень важно отслеживать глубину транса и адекватность ее поставленным вопросам (здесь приходится четко для себя переводить задачу в модальность когнитивных вопросов). В данном случае вопрос ставился на уровне позиционирования себя самого относительно других феноменов Вселенной, т. е. на уровне самоидентификации или, по крайней мере, на уровне космограммы. Не для каждого партнера сразу же доступен такой уровень – для этого необходимо иметь опыт устойчивого пребывания центра осознания в данной зоне. В случае А. такая постановка вопроса была возможна. Часто приходится погружать пациента на глубинные логические уровни постепенно. Это делается при помощи специальных техник, которые подробно будут рассмотрены ниже.

Несоответствие глубины транса или, что то же самое, положения центра осознания когнитивному вопросу, содержащемуся в поставленной задаче, всегда легко ощущается – например, по скорости реакции и другим характеристикам, сопровождающим вербализацию ответа. Например, некоего психотерапевта, ведущего беседу по вопросам сексопатологии, в телесэфире спрашивают: «А у вас были когда-нибудь сексуальные отношения с вашими пациентами?» – и он, человек по преимуществу кинестетический, очень быстро и очень резко изменившимся голосом отвечает: «Нет! Никогда!» – сопровождая свои слова резким жестом. Это явная неконгруэнтность, свидетельствующая даже не столько о сознательной неискренности говорящего, сколько о базовых структурных конфликтах, скрывающихся за такой неискренностью.

Поясним. В данном случае такой быстрый, почти автоматический ответ, требующий определенного размышления (действительно, необходимо хотя бы уточнить для себя, что такое «пациент», «врач», в каких контекстах присутствуют профессиональные отношения, а в каких – чисто человеческие, т. е. четко разделить контексты, а это работа на четвертом и, отчасти, даже на пятом логическом уровне), означает, что он сформулирован в зоне проявления личности, т. е. дигитален по самой своей сути. Для нас интересно, повторим, не то, что человек неискренен, и даже не то, правду или неправду он сказал в данном конкретном случае, но почему погружение центра осознания на глубинный логический уровень, соответствующий вопросу, не происходит. Почему, например, сама возможность половой связи между врачом и больным в любом контексте для личности неприемлема или неприемлемо признание такой возможности. Анализ такой неконгруэнтности, даже только ее фиксация уже много говорит о структуре уровня убеждений. Отметим, что терапевту одинаково интересен любой ответ пациента, в том числе, и уклонение от ответа. Лживые высказывания, уклонения, умолчания, оговорки, реакция в виде дигитальной болтовни, различные иносказания и заместительные словесные конструкции – все это может служить материалом для анализа, маркером того или иного структурного дефекта.

Вернемся к разбору случая. После некоторого раздумья А. поставил точку в левом нижнем углу вытянутого прямоугольника. Все это время он вел себя вполне кинестетично. Предложение обозначить точкой свое местоположение в мире погрузило А. в состояние достаточно глубокого транса, о чем свидетельствовали все невербальные реакции.

Затем листок с рисунком был отложен, и А. было предложено дать самооценку относительно среднего уровня: насколько он умен, здоров, эмоционален, благополучен, обеспечен и т. д. Обсуждение этих вопросов велось примерно 5-10 минут, в течение которых А. полностью преобразился – его речь оживилась, появилась жестикуляция, поза из расслабленной стала более напряженной, с наклоном в сторону партнера, в речи появились предикаты типа: «если посмотреть на это со стороны», «я вижу себя вполне благополучным человеком» и т. д., т. е. визуального и аудиального типа. При этом А. был весьма многословен и по всем признакам склонялся в дигитальную болтовню, чувствовалось, что он отвечает привычными формулами, не задумывается над содержанием воп-

росов и ответов. Суть его высказываний сводилась к тому, что он считает себя во всех отношениях человеком средних способностей и достижений.

Затем терапевт вновь положил перед А. листок с рисунком и попросил интерпретировать его: почему прямоугольник вытнут из верх, почему точка, изображающая А., расположена так далеко от центра и т. д. Реакции А. вновь стали кинестетичными, темп речи замедлился, и сама вербализация затруднилась. Буквально через несколько минут А. погрузился в глубокий транс.

ГЛАВА IV Ч. 2

Заметим, что терапевт работал в технике знаковых систем, которая будет подробно рассмотрена нами ниже. Опыт показывает, что, чем прямоугольник ближе к квадрату, тем внутреннее состояние пациента более сбалансировано; расположение точки ближе к центру фигуры говорит о более адекватной самооценке. Однако – и это очень важно – терапевт не должен на этом этапе давать никаких собственных интерпретаций – пациент должен сам перевести пиктограмму в некоторую систему знаков, каждый из которых каким-то образом раскрыть, вербализовать, осмыслить.

Через несколько минут работы А. в замешательстве признал, что вовсе не считает себя благополучным и средним человеком, что глубоко неудовлетворен своим состоянием, положением в мире, жизнью и т. д. Он не мог объяснить, почему чуть раньше оценивал себя совершенно иначе. Он действительно не понимал, почему на одни и те же вопросы дает разные ответы.

В дальнейшем работа шла в русле анализа выявленной неконгруэнтности, определения скрытых за ней структурных дефектов, коренившихся на уровне самоидентификации и связанным с детским травматическим опытом.

Подобного рода неконгруэнтности можно считать комплексными, суммарно слагающимися из ряда наблюдаемых фактов, неконгруэнтностей более простых, если можно так сказать, единичных, элементарных. Выявление их – это следующий шаг в работе. На этом этапе важно обобщить разрозненные несоответствия в некоторый образ, подобно тому, как при телесной работе разрозненные телесные ощущения должны быть обобщены в телесной метафоре. Такой образ необходимо сформировать и в своем сознании, и в сознании партнера. Когда он начинает складываться, осознаваться пациентом как некоторая знаковая система (или, точнее, на этом этапе как элемент знаковой системы, ее часть), полезно обратить его внимание на телесные ощущения – выявленные неконгруэнтности всегда будут сопровождаться их разнородным (легкость в груди «ватные» ноги, тяжесть в голове и тепло в руках и т. д.). В случае А. именно так и было. Одной из особенностей возникшей у него телесной метафоры была полная оторванность головы от тела – он не мог осознать тело целиком, в некоторых случаях (когда склонялся к образному описанию) ощущал лишь корпус ниже шеи и не ощущал голову, в других (когда склонялся к логическим конструкциям) – осознавал только голову, тело при этом будто бы не существовало. Интересно отметить, что телесные проблемы А. были связаны с шейным отделом позвоночника, здесь же коренились и его слуховые и зрительные расстройства.

Таким образом, во время работы необходимо учитывать неконгруэнтности самого разного рода – они приобретают смысл маркеров, указывающих направление движения в ходе терапии (усиливается разнородность – значит, мы приближаемся к зоне конфликта), а также демонстрируют структурный дефект с разных позиций, под разными углами зрения. Дело в том, что структурный дефект никогда не бывает точечным, он всегда представляет собой некоторую зону, которая расширяется в ходе «личной истории» – ведь над глубинным искажением формируется в соотнесенных с ним контекстах целая область личного опыта, несущественных карт, патологических стратегий, их периферических проявлений и т. д. Это подобно одежде не по росту или дому, выстроенному на неподходящем фундаменте. (Кстати, то, как человек организует среду своего обитания, например, в собственной квартире, тоже может служить конкретным маркером внутренних структурных конфликтов.) Интересный материал для анализа представляет, к примеру, тюремный быт. Разные люди, поставленные в унифицированные условия жестких ограничений, ведут себя по отношению к этим условиям по-разному: одни стремятся как-то облагородить место своего вынужденного пребывания, создать, по возможности, некоторый уют (такая тенденция выражается формулой: и в недо-

стойном месте надо жить достойно); другие не только не делают этого, но, напротив, опускаются, говоря тюремным языком «чертенеют», перестают следить за собой и т. д. Это тем более любопытно, что первая категория вынуждена часто идти на нарушения режима содержания, вступать в конфликт с администрацией, рискуя быть наказанным карцером, прилагать массу усилий для добывания различных запрещенных предметов и их скрывания в случае обысков и т. д., а вторая – испытывает давление со стороны заключенных, в среде которых неоприятность не поощряется, и даже согласна в результате переместиться в один из нижних слоев тюремного общества. Однако, и первые, и вторые упорно следуют своим наклонностям, которые обусловлены глубокими структурными причинами, по крайней мере, на уровне убеждений.

Комплексные неконгруэнтности воспринимаются любым человеком. В культурной среде они обозначаются определениями типа: «странный человек», «нелепый человек», «чуждак», «дурак» и т. д. Одним из культуральных стереотипов является утверждение, что гений или человек высокой степени реализации (т. е. совершенной структуры) странный. Разберемся в этом вопросе повнимательнее. Здесь существует несколько возможных вариантов. Во-первых, человек, гениальный в какой-либо области, вовсе не обязательно хорошо и сущностно структурирован в других. Мы знаем множество примеров такого рода. Здесь неконгруэнтность является именно свидетельством дефектов структуры, и мы должны четко заявить: идеалом структурной психосоматики как концепции развития и реализации личности, личной эволюции, является не однобокое воспитание каких-либо отдельных свойств, качеств, способностей, но только целостный рост, целостное совершенствование структуры, гармонизация всех составляющих человеческого существа. Вместе с тем, мы часто встретим противоположное состояние «продвинутой» личности, ее полную конгруэнтность и оттого, на первый взгляд, невыделенность среди прочих людей. Так, суфийские мастера специально уделяют внимание обыденности своего облика и поведения, и какой-либо ткач, садовник или даже мясник вполне может оказаться дервишем высокой степени посвящения в одном из орденов. Евангелия также дают нам прекрасный материал для анализа. Всячески подчеркивается, что Иисус Христос ведет жизнь обычного человека, полностью конгруэнтен своему времени и среде. Именно это и является многих усомниться в его мессианской роли – ведь он являлся не «в силе и славе», а «в простоте». Одновременно, в ряде случаев Иисус как бы «странный», но и эта «странность» кажущаяся. К примеру, он изгоняет торговцев из храма. Если разобраться, именно его поведение в данном случае конгруэнтно, а привычка смешивать торгашество и служение Богу неконгруэнтна по своей сути, представляет собой неконгруэнтный, несущественный стереотип, который не становится более сущностным от того, что широко распространен. Здесь мы можем говорить уже о структурных дефектах той или иной культуры, той или иной цивилизации. На их фоне именно конгруэнтность, сущностность реализованной личности может выглядеть «странностью» или «чуждачеством». Наконец, «странностью» или «чуждачеством» могут выглядеть какие-то особые свойства и качества продвинутого человека. Например, Рамакришна, погруженный в состояние самадхи, «странный» по сравнению с человеком, не способным на это. Но он полностью конгруэнтен самому себе. Для того, чтобы различать такие нюансы, терапевт должен обладать четкой, последовательной и глубокой третьей позицией – и к пациенту, и к самому себе, и, более того, к привычной для себя социальной и культуральной среде. Таким образом, третья позиция – это никак не безразличие, а конгруэнтность и поведенческая «нормальность», никоим образом не является приспособленчеством. Это становится особенно ясно, если мы вспомним, что точкой отсчета служит природная данность самого индивида, реального и неповторимого человеческого существа, а вовсе не социальная или культуральная «норма». Тем не менее, в ряде случаев, в подавляющем их большинстве бытовое ощущение «чуждачества» или «нелепости» поведения свидетельствует о той или иной неконгруэнтности. Таковы все отклонения от базовых человеческих потребностей, какой бы идеологией они не обосновывались. Попробуем, например, отринуть бытовую бренный оттенок, разобраться в сути понятия «дурак». Очевидно, что дураком может быть и умный человек, это скорее определение комплексной поведенческой аномалии, чем характеристики умственных способностей. Интересно, что само слово появилось в Севе-

ро-западной Руси (в Новгородской земле) и первоначально обозначало человека необстоятельного, недомовитого, что называется «непутевого». Аналогичное противопоставление «обстоятельного» и «непутевого» человека существовало в другой городской общине – в древних Афинах, где человека, не участвующего в социальной жизни (что в условиях холода, разумеется, неконгруэнтно) называли «идиотик», в отличие от «нормального» гражданина – «политика». Будучи сами включены в ткань культурной традиции, мы прекрасно понимаем подобные определения, но с большим трудом можем поэлементно описать их суть.

Точно так же и терапевт на практике редко отдает себе отчет, по каким именно признакам произошла первичная калибровка неконгруэнтности, из каких именно элементов составилась ее комплексный образ. Возникает ощущение: что-то не так. За ним следует более пристальное наблюдение, так сказать, сканирование, постановка вопросов (не обязательно в вербальной форме), анализ. Кому-то легче идти от телосложения, позы, дыхания, кому-то – от глазодвигательных реакций, предикатов, неконгруэнтностей между образным и логическим мышлением, между эмоциональной и интеллектуальной сферой и т. д. Здесь большое значение имеет преобладающая модальность собственного внутреннего опыта терапевта. Но после первичной калибровки необходимо четко поставить вопрос, вынесенный в начало этой главы: между чем и чем, собственно, мы чувствуем несоответствие? И вопрос второй: в каком контексте оно возникает?

Лишь после этого удастся уверенно определить базовую позицию, точку, от которой следует строить дальнейшую работу. Эту точку и позволяющие найти структурно и контекстуально позиционированные неконгруэнтности, которые здесь выступают как знаки зон напряжения, а значит, конфликта. Причем, те неконгруэнтности, которые мы можем охарактеризовать как более мелкие, тонкие, вторичные или комплексные (здесь уместно говорить о неконгруэнтностях поведения, текста, стиля и т. д.), часто играют даже большую роль, нежели базовые, «тотальные» – ведь они более специфичны. Анализ этих тонких и разнообразных неконгруэнтностей может говорить о самых разных изъянах структуры. Так, неумение одеваться или вести себя в определенных контекстах может говорить о непроработанности соответствующих карт, а нарочито несоответствие стиля, текста, поведения ситуации – о несущностных искажениях уровня убеждений, имплантации ложных карт.

Исследованные еще Фрейдом оговорки, речевые ошибки и «забывания» могут служить простейшим примером неконгруэнтностей такого рода. Основатель психоанализа справедливо полагал их маркерами внутренних конфликтов. Действительно, чаще всего символика неконгруэнтностей свидетельствуют о дисбалансе карт, о нарушении отношений между элементами четвертого логического уровня, когда установление взаимосвязи между «внутренними» объектами происходит по ошибочным причинам (оговорка), или же вербальный ряд обрывается, попадая в зону непроработанных карт («забывание»). Очевидно, что здесь могут иметь место и смещение карт, и нарушения в области служебных карт, и дефекты космограммы.

Прекрасные примеры текстовых и стилевых неконгруэнтностей мы находим в периодической печати. Их даже не нужно специально искать – любая газета буквально пестрит ими. Вот несколько примеров, которые мы приводим без комментариев (таллиннская газета «Вести – неделя плюс», 06. 02. 99).

Заголовок: «Павел Старостин – не инопланетянин и не типичный чиновник».

Рекламное объявление: «Международной категории экстрасенс-инструктор. Предсказание – прошлое (!) – настоящее – будущее – диагностика и по фото снятие порчи. Удача в коммерции – супружестве – любви – тайна любви. Эликсир молодости – помощь измученным и кому медицина не смогла помочь. Оздоровительные сеансы.»

Начало статьи: «Началась эта история банально, но хорошо.»

Еще одно рекламное объявление: «Су Джок акупунктура. Диагностика по методу Фолля. Оказание своевременной помощи при болезнях почек, печени, сердца, аллергии, рожи, рака, гинекологических заболеваний, импотенции, алкогольной зависимости с использованием гомеопатических средств.» (обращает на себя внимание нарушение согласований).

Косноязычие бывает разного рода, и далеко не всегда его можно считать следствием общей малограмотности. Чаще всего оно связано с затруднением вербализации в конкретной контекстуальной зоне. Если нечего сказать или человек не может, в силу структурных причин, высказаться по тому или иному вопросу, неизбежно возникают в речи всяческие несурзности, невнятица, разного рода «красивости», вычурные метафоры и дигитальная болтовня.

В завершение необходимо подчеркнуть два момента:

* любые несоответствия частей к целому или противоречия их между собой – в поведении человека, его облике, речи, любой деятельности и т. д. могут быть использованы в качестве материала для анализа и как ориентиры во время практической работы;

* терапевт должен воспринимать своего партнера не как совокупность стандартных симптомов и жалоб, а как сугубо индивидуальное существо в конкретном единстве облика, деятельности, окружения, мировоззрения и т. д., причем каждая деталь может оказаться важной (даже такая, которая, на первый взгляд, не имеет никакого отношения к сути предъявленных проблем), но только при ее сопоставлении с суммой прочих деталей и фактов. Работа терапевта здесь напоминает работу настройщика рояля, который ловит фальшь, несоответствие между частотами отдельных звуков, нарушение гармонии. С точки зрения практической техники, лучшее состояние при этом – все то же распределение внимания при четком соблюдении третьей позиции. «Внешние» ощущения должны сопоставляться с «внутренними», вектор внимания – быть максимально рассредоточенным, обращенным «сквозь» и «к горизонту», не сфокусированным на детали, а ориентированным на ситуацию и структуру в целом. Третья позиция должна выдерживаться не только в отношении партнера, но и своего собственного состояния и анализа. Особое внимание должно быть обращено на признаки транса.

И. Сеченов в «Рефлексах головного мозга» утверждает, что мысль есть рефлекс, более или менее заторможенный в своей последней, двигательной части, т. е. рефлекс с ослабленным концом. Суть представлений структурной психосоматики совпадает с этим мнением. Действительно, отражение-отреагирование может быть описано как рефлекторная дуга. Что же касается торможения завершающей части рефлекса, ветви отреагирования, то оно тем сильнее, чем глубже расположен центр осознания. Иными словами, при погружении от периферии к ядру мы наблюдаем переход от двигательной активности к чистой «мысли». Такой переход постепенен, и именно потому углубление транса сопровождается снижением моторики. И все же, можно ли здесь говорить о торможении как таковом? Мы считаем, что речь идет о переключении отреагирования с «внешней» деятельности на деятельность «внутреннюю».

При таком подходе мы не задаемся никакими априорными универсальными схемами. Мы не говорим о неизбежном возникновении одинаковых для всех напряжений в теле, наподобие райховских поясов. Каждый человек индивидуален – соответственно, индивидуальна и его структура. Только по отношению к ней, точнее, по отношению к ее сущностной составляющей и наследственному ядру, мы можем калибровать возникшие в процессе роста и развития (травмирующего воздействия, воспитания и перевоспитания)¹⁰⁵ отклонения и фиксировать соответствующую систему неконгруэнтностей, проявляющуюся в том числе и в виде телесных феноменов – спазмов, зажимов, недугов.

¹⁰⁵Если понимать воспитание и перевоспитание в смысле, рассмотренном выше в этой главе. Адекватное воспитание в идеалах структурной психосоматики – это, прежде всего, развитие структуры, конгруэнтной сущности, выработка третьей позиции и обучения нелинейным методам мышления, т. е. раскрытие природных свойств человека (юань) и дальнейшая «личная эволюция» к уровню «+0» (ян).

Перед нами всегда предстает не человек вообще, а конкретный человек с комплексом конкретных, присущих только ему проблем.

Конечно, разные случаи имеют сходные черты и, разумеется, типизация и классификация неконгруэнтностей и возможна, и полезна, но она носит, по преимуществу, структурный характер, базируется на первичных структурных сходствах любого Homo sapiens, на универсальных закономерностях развертывания базовой матрицы. При этом, важно помнить, что неконгруэнтности как таковые не могут быть отнесены к какому-либо элементу структу-

ры или какому-либо логическому уровню— это сквозной элемент анализа, а не принадлежность структуры, градиент поля, а не само поле, разность потенциалов, напряженность, а не потенциал как таковой. Говорить о них имеет смысл только в том случае, если четко осознается привязка к ситуации, в которой они проявляются (т. е. привязка контекстуальная), и определено, если выражаться в терминах нашей метафоры, между какими точками поля наблюдается градиент, между чем и чем выявлено несоответствие.

ГЛАВА IV

Ч. 2

Мы уже писали, что абсолютный баланс, гармоничность структуры может быть определен как нулевая векторная сумма всех разнонаправленных процессов и проявлений человеческого существования:

$$\sum_{i=1}^n \vec{x}_n = 0, \text{ где } \vec{x}_n$$

- некоторая тенденция или процесс.

В таком случае, наличие неконгруэнтности соответствует ситуации, когда

$$\sum_{i=1}^n \vec{x}_n \neq 0$$

Задача терапевта заключается в том, чтобы, во-первых, выделить контексты, в которых возникает такой дисбаланс, т. е. разделить сумму проявлений на две составляющие:

$$\left\{ \begin{array}{l} \sum_{m=1}^{m_{k1}} \vec{x}_m = 0 \div K_1 \\ \sum_{i=1}^{i_{k2}} \vec{x}_i \neq 0 \div K_2 \end{array} \right.$$

где индексы K_1 и K_2 указывают, соответственно, на нетравматические и травматические контексты, а затем вычленив те члены \vec{x}_n , которые не компенсируются и определить точки приложения этих векторов. Они-то и будут находиться в зоне конфликта, в зоне структурного дефекта. И поскольку человеческое существо едино по вертикали, его периферические проявления, связанные с одними и теми же глубинными элементами структуры, разноплановы и многообразны, не представляется важным, какую именно область неконгруэнтностей — поведенческую, телесную, стилевую и т. д. — мы исследуем в первую очередь: в ходе работы будут выявлены все составляющие и все периферические следствия дефекта (или, по крайней мере, должны быть выявлены). Важно лишь, во-первых, не упускать из виду контекстуальную привязку проблемы и, во-вторых, помнить, что, в конечном счете, точкой отсчета может быть только природная данность, сущность человека.

2. ПРИНЦИП ЭКОЛОГИЧНОСТИ

Перед нами неизбежно возникает проблема, которую мы были бы рады обойти молчанием, соблюдая декларированный неоднозначно принцип избегания содержательных оценок убеждений любого рода — моральных, философских, культуральных, социально-политических, религиозных и т. д. Однако, это неприятная тема нуждается в освещении, причем твердом и недвусмысленном. Причина заключается в том, что она имеет и другой, практически важный аспект — это критерий истинности и ложности, а также точка отсчета, от которой мы можем оценивать качество работы терапевта и направление проведенной им коррекции.

Вспомним рассмотренные нами выше примеры. Всякий раз, когда мы сталкиваемся с определенным мировоззрением или с его фрагментами (картами), даже самыми элементарными, когда мы вынуждены определять их как сущностные или несущностные, истинные или ложные, когда в результате структурной работы содержание уровня убеждений меняется (а это неизбежно происходит), названная проблема возникает перед нами.

Разумеется, мы всячески стремимся уйти от содержательной стороны убеждений, сосредоточиваясь на структурных моментах. Разумеется, терапевт в идеале, представляя собой лишь зеркало, в котором пациенту становятся очевидными его собственные некон-

груэнтности. Как мы увидим ниже, иногда, для того, чтобы получить хороший терапевтический эффект, можно даже и не знать о содержательной стороне проблем, с которыми работаешь. Но ход и результат терапии в любом случае необходимо отслеживать, в любом случае надо по каким-то параметрам знать, что коррекция произошла и что она ко благу.

Конечно, единство человеческого существа по вертикали позволяет твердо опираться на телесные признаки — если удалось снять зажим, если недуг отступил, значит работа выполнена правильно. Другой верный признак — неконгруэнтности. Они носят структурный характер, и переход от состояния, в котором пациент демонстрирует больше неконгруэнтностей, к такому, в котором их фиксируется меньше, — это хороший признак. И все же — и пример А. С. здесь показателен — мы должны иметь и еще какой-то базовый принцип.

Дело в том, что, структурные дефекты сложно устроены, простираются и в глубину структуры человеческого существа, и вдоль его уровней, могут в разных контекстах — по-разному. Кроме того (это подробно было раскрыто в главе о работе с патологическими стратегиями), коррекция лишь одной составляющей психофизического единства человеческого существа не дает и не может дать результата. Снятие зажима еще не гарантирует исцеления — он может вернуться, а может быть и хуже: проблема проявится в другой зоне, иногда более остро и тяжело. Таким образом, мы неизбежно приходим к содержательному анализу убеждений и более глубинных логических уровней сознания.

Оказывается, однако, что многие убежденческие схемы, многие карты социально, культурально и исторически обусловлены. То, что конгруэнтно в одной среде и одном обществе, неконгруэнтно в другом обществе и другой среде. Это вполне очевидно, если мы мысленно сравним две какие-нибудь поведенческие модели: скажем, индейца из племени черноногих и современного англичанина. Часто одно противопоставляется другому, и при этом делается вывод, что какое-то поведение более естественно, чем другое (вспомним Руссо и Эмерсона или, как их противоположность, идеологию футуризма или техно-попа).

Мы глубоко убеждены, что это неверная формулировка проблемы. Говоря о неконгруэнтностях, мы уже частично касались этой проблемы, но несколько с другой стороны — мы говорили о некоторых постоянных свойствах человеческого существа и о том, что один-единственный человек может быть в чем-то вполне конгруэнтен, а все общество в этом же — неконгруэнтно. Рассмотрим другую сторону, отталкиваясь от основы — отражения-отреагирования.

Кроме постоянства (в пределах индивидуальной изменчивости) природы человеческого существа, очевидна изменчивость окружающей его среды. Причем, эта среда не только природная, но и социальная, культуральная, историческая. Что касается первого, то это достаточно ясно — никто не будет спорить, что принципы поведения эскимоса и готтентота во многом не совпадают друг с другом, но вот относительно социального, культурального, исторического окружения, мы обычно склонны ошибаться в том смысле, что считаем их производными от человека. А это верно лишь в суммарном смысле — они производны от человеческого общества, от той общности, в которой действуют; что касается конкретного индивида, то он произведен и зависит в значительной степени от этих факторов, а это значит, что многие карты в разном общественном окружении, будут различны и при этом — истинны. Конкретный человек, как фрактальный элемент различных человеческих сообществ, от семьи до человечества, должен быть адекватен (и конгруэнтен) им. Этот принцип может быть сопоставлен с упомянутым нами принципом дхармы. Должное в смысле дхармы целиком зависит от конкретных условий. Не может быть дхармы вообще. «Махабхарата» рассказывает о царе-основателе Лунной династии, великом аскете, который, в соответствии с принятым обетом, не имел супружеских отношений. В этом смысле его поведение, казалось бы, вполне соответствовало дхарме, но в результате его род должен был пресечься, а это уже было бы нарушением дхармы. Когда чудесным образом, как и подобает в эпосе, царь осознал это противоречие, он обзавелся женами (что, вроде бы, нарушало дхарму аскета) и стал отцом сто одного сына. Традиция оценивает такое поведение как должное.

Тот же источник рассказывает о другом мудреце, одном из двенадцати риши, который во время наводнения питался собачатиной, тем самым дважды нарушив законы Ману, т. е. поступив про-

тив дхармы (один раз, поскольку был брахманом, который вообще не может есть мяса, а второй раз, поскольку собака – животное, ритуально нечистое). Однако традиция признает и этот поступок должным, поскольку сохранить жизнь важнее, чем ритуальную чистоту. Более того, в исключительных условиях поступайший, казалась бы, против закона ради того же сохранения жизни, ритуальной чистоты не теряет.

Может показаться, что такой подход лишь осложняет дело. Как увязать личное и общественное, индивидуальное и универсальное, и как из всего этого вывести некоторые приемлемые принципы, применимые к практике терапевта, вынужденного так или иначе оценивать содержательную сторону убеждений, так или иначе ориентироваться в собственной практике? На самом деле, как нам кажется, выход достаточно прост – необходимо лишь обратиться, как мы это и делаем всегда, сталкиваясь с той или иной проблемой, к первооснове человеческого существа, его природной данности.

Тогда мы можем вынести моральные, философские и прочие оценки за скобки, заменив их принципом экологичности. Как мы помним, базовым структурным импульсом, нормализующей и образующей вибрацией является ядерное воление, которое мы можем интерпретировать в форме: «Я хочу быть!». Экологичность – это пифагорейское проявление такого воления, она может быть сформулирована достаточно просто: это та «внешняя» и «внутренняя» деятельность, которая способствует нормальной жизнедеятельности человека, т. е. реализации глубинного воления «Я хочу быть!» на всех уровнях организации – от уровня окружения до ядра личности и от индивида до человечества в целом.

Таким образом, экологично то, что способствует жизни, здоровью и благополучию, то, что ведет к стабильности и постоянству. Этот принцип может быть равно отнесен и к любым содержательным убежденческим, мировоззренческим и т. п. конструкциям, и к результатам работы терапевта, и к самой этой работе. В идеале она должна быть равно экологичной и для терапевта, и для пациента.

Лишь при невнимательном взгляде экологичность может показаться в чем-то тождественна эгоизму. Даже с точки зрения индивида, существует огромное множество ситуаций, когда несоблюдение общественных интересов ведет к прямому ущербу и для него самого. Можно сказать и определеннее: человек всегда кровно заинтересован в соблюдении общественных правил игры и status quo – их нарушение может, на первый взгляд, принести и какие-то другие плоды, но неблагоприятные моменты все же всегда мощнее. Нарушение дхармы оборачивается неблагоприятной кармой. Нарушение дхармы потому и вызывает кармические последствия, что такой поступок идет против коренных законов мира и ставит совершившего его в неблагоприятные условия. Традиция утверждает, что всякое действие порождает карму, которая может быть благоприятной и неблагоприятной. В этом смысле дхарма – это деятельность, соответствующая структурно-циклическим закономерностям Универсума или, иными словами, деятельность экологичная, а карма – конус возможных событий, формирующийся после очередного поступка, очередного выбора. Этот конус может иметь благоприятное или неблагоприятное направление. Поведение С. Н. – прекрасный пример. Его агрессия позволяла избегать некоторых неприятных последствий, но, будучи антисоциальной, являясь и неэкологичной – и страдал от нее он сам, в первую очередь (это, в частности, несколько раз приводило его в тюрьму).

Вместе с тем, мы должны четко осознавать, что в целом ряде контекстов интересы сообщества людей преобладают по сравнению с индивидуальными, причем существуют генетические механизмы, обеспечивающие соблюдение таких предпочтений. Такую тенденцию мы можем проследить даже на уровне одноклеточных существ¹⁰⁶, что же касается людей, то вот простейший пример: зависимость рождаемости от средней продолжительности жизни и фиксируемые колебания процентного соотношения рождающихся мальчиков и девочек в случаях массовой гибели, например, во время войны.

¹⁰⁶Известно, что, например, кокки, образующие организованные колонии, проявляют довольно сложное групповое поведение. Так, в случае нехватки питательных веществ, часть из них саморазрушается, а высвободившаяся цитоплазма служит питанием для остальных членов колонии. Это саморазрушение обеспечивается специальными химическими агентами, чье действие генетически обусловлено.

Таким образом, принцип экологичности объединяет две стороны человеческого существа – его природность и его социальность, его индивидуальность и его общественную обусловленность. Экологично то, что позволяет в конкретных обстоятельствах места и времени, природных, социальных, культуральных, исторических условий, обеспечивать максимальное качество жизни как отдельного индивида, так и любого человеческого сообщества. Здесь одна сторона – человеческое существо как таковое, в своей видовой данности – то человеческое существо, которое отвечает типу Адама с его естественными жизненными потребностями (не очень точно, но интуитивно ясно определяемыми как «простое человеческое счастье»), а другая сторона – конкретная ткань человеческой жизни, диктующая условия и возможности реализации этих потребностей, причем так, чтобы это не входило в противоречие с писаными и (что еще важнее) неписаными законами общества.

Вернемся к нашим примерам. Экологична ли агрессивность С. Н.? Разумеется, нет. Экологичны ли убеждения К., не позволяющие ему быть социально успешным, и С., мешающие «продавать свой труд»? Также нет. Экологична ли работа терапевта, который, сняв телесный зажим, «наградил» пациента мощным нересурсным состоянием, потерей жизненных ориентиров? Нет.

Такая позиция может показаться кому-то холодной, имморальной, даже циничной. Она действительно лишена сентиментальности, но мы бы предпочли бы охарактеризовать ее как последовательно третьепозиционную.

3. ИМПЛАНТАЦИИ: СЕКТАНТСКОЕ СОЗНАНИЕ

И. С., 37 лет, одна из участниц семинаров по структурной психосоматике, в ходе индивидуальной терапии предъявила следующую проблему: почти полный разрыв внутрисемейных связей, сложные взаимоотношения с родственниками (особенно с матерью и мужем), которые неодобрительно относятся к ее занятиям некоторой новой системой психотехнической коррекции (будем дальше для краткости называть ее Технологией), которым она отдает все свои силы в течение последних трех лет. Дальнейшие расспросы выявили следующее: некогда деятельная и активная женщина, И. С. практически забросила все семейные и домашние обязанности, посвящая все свободное время (в том числе и ночи) чтению сочинений основателя Технологии К-ва и тренингу по его методу. Результатом явилась почти полная социальная дезадаптация, разрыв всех социальных, прежде всего, семейных связей, а также серьезные телесные проблемы, в т. ч. большая киста правого яичника (с И. С. в качестве терапевта работал ближайший ученик К-ва Н-в).

Начальный этап работы с И. С. был построен на очень подробно, детально и четком выяснении вопроса: что именно она хочет получить от занятий, которым отдает все силы и время. Одновременно проверялось, известны ли ей «правила игры» при такого рода практиках и критерии правильности движения, действительности достигнутых результатов. Была выявлена полная непроработанность карт этой зоны, инфантильность ее структуры – именно то, что мы называем «пробелом». Там присутствовал некоторый аморфный конгломерат, не содержащий даже никаких реперных точек, никаких сколько-нибудь проработанных вербальных конструкций, даже чисто дигитальных. Следовали самые общие ответы типа: «Я хочу стать спокойнее, гармоничнее.» Или: «Я хочу внутренне вырасти, поверить в собственные силы.» При этом физиология падала, проявлялись сильнее базовые неконгруэнтности и возникало ощущение холода и сжатия в нижней части живота.

Здесь мы прервемся и разберем сказанное. Случай И. С. весьма характерен – это имплантация сектантского сознания, целой группы несуществующих карт в зону, где собственная структура И. С. в силу обстоятельств ее «личной истории» оказалась несформированной. Он типичен и представляет для нас ценность потому, что авторам знаком и личность К-ва, и суть созданной им Технологии, и история перерастания организованного им семинара в настоящую секту¹⁰⁷, со всеми вытекающими последствиями – в том числе, и появлением приверженцев типа И. С., носителей несущего сектантского сознания. Разбирая этот пример с двух сторон – со стороны самой И. С. и со стороны практики К-ва – мы можем лучше понять сам феномен и на основе него разобраться в столь важном явлении, каковым является имплантация ложных элементов структуры.

¹⁰⁷Здесь мы используем термин «секта» расширительно и, более того, несколько сгущаем краски – семинары К-ва и вся его активность и его учеников вокруг Технологии еще не переросли в секту, но, к сожалению, мы можем констатировать явную тенденцию такого перерастания, причем эта тенденция становится со временем все более определенной. Интересен и другой момент. В период работы над книгой авторы дали прочесть эту главу нескольким своим знакомым – как последователям К-ва, так и людям, занимающимся у других «учителей» и совершенно незнакомым ни с К-вом, ни с его «технологией». Тем не менее, каждый «узнавал» в К-ве своего «учителя», в портретах «учеников» – своих знакомых, а в описании структуры секты – именно свою организацию или движение. Характерны и общие для всех этих людей серьезные структурные дефекты.

ГЛАВА IV Ч. 2

Несколько слов о К-ве и его Технологии (хотя, как мы увидим ниже, их можно было бы и опустить). К-в – успешный терапевт, работающий своим собственным методом и имеющий хорошие результаты. С некоторого времени он ведет постоянный семинар по своему методу, пишет и публикует работы, которые распространяются, главным образом, среди его учеников. Что касается осмысления практики, то здесь все не так просто – книги К-ва вызывают ряд вопросов. Так или иначе, Технологии как совокупность приемов работы существует. Для нас абсолютно неважно, насколько эти приемы эффективны, новы и т. д. – это можно было бы обсуждать в другом месте и при других обстоятельствах; нам также неважно содержание этих приемов, их технические особенности и теоретические основания – достаточно сказать, что большое значение в подготовке своих учеников К-в уделяет, в том числе и специальным медитативным практикам. А вот как раз ученики нас интересуют в первую очередь.

Первое, что бросается в глаза, – учеников, как таковых, у К-ва нет. В любом значении этого слова – «западном», поскольку никто из них не работает на уровне хоть сколько-нибудь сравнимом с уровнем учителя, «восточном», поскольку отношения между учителем и учениками не строятся по принципу «гуру – шишья парампара» и никакой передачи традиций не происходит. Ее не происходит хотя бы потому, что и самой традиции нет. Есть некоторая информация, исходящая от учителя и носящая характер непререкаемой истины. Есть также отрицание всякого прочего опыта или, по крайней мере, умаление его значения как «неполного», «недостаточного», «не соответствующего современным условиям» и т. д.

На этом фоне семинар К-ва постепенно превратился в некий зародыш своеобразной секты: в центре учитель, основатель нового «провозвестия», который «творит чудеса», владеет «ключом от всех знаний» и черпает эти знания из «тайнственных источников»; рядом – апостолы (такие, конечно, появились взамен учеников – тот же упомянутый Н-в и пр., которые претендуют на особую близость к учителю и особое право толковать его слова и высказываться от его имени; далее фанатичные последователи, которые не станут с тобой разбирать суть проблем, связанных с учением, его истинностью, оригинальностью, истоками и т. д., их интересует только одно: веришь ли ты слепо в личность учителя и его Технологию или нет – по этому принципу происходит разделение на «свой» – «чужой»), и отношение к этим двум категориям разное: к первой – до некоторой степени доверительное («мы посвящены в общую тайну») и, одновременно, ревнивое («я понимаю это лучше тебя, мне учитель кивнул, а тебе нет и т. д.»), ко второй – снисходительно-спесивое. Вокруг этого мира искусственно возводится идеологическая стена: подчеркивается избранность «призванных», исключительность проповедуемого учения, его превосходство над всем, что было прежде, и независимость от предыдущего человеческого знания. Раздаются уже и вовсе нескромные, но закономерные речи о Христе, Будде и других Учителях с которыми все смелее сопоставляется учитель. В связи с этим подчеркивается и то, что его многие «не понимают» и «отвергают» – это тоже признак избранности, содержащий к тому же заманчивый «крючок»: «Они все не поняли и отвергли, но ты-то понял и принял – значит и ты – избраннык.»

К этому добавляется возможность постичь нечто действительно высшее, причем такое, что позволит понять и устройство Мiroздания, и человека, овладеть способами воздействия на себя, людей, общество, предметы и явления – пределов возможностей Технологии не существует. Разумеется, говорится, что для этого придется приложить определенные усилия, но говорится достаточно вскользь: т. е. да, надо трудиться, но, во-первых, все необходимые знания можно получить в книгах и на семинарах учителя,

а прочие знания и не важны, а во-вторых, именно учитель, его личность, его воздействие на семинарах, добросовестное изучение его трудов, и следование его рекомендациям – вот путь. При этом в скобках (пусть даже сам этого сам и не скажет или даже будет возражать против такой формулировки) предполагается: учение или, лучше сказать, применение самого качества личности в сторону овладения Технологией может произойти и очень быстро, и легко – все зависит от преданности, увлеченности и т. д.

Может показаться, что в чем-то это подобно традиционным школам – тот же авторитет учителя и т. д., но это не так. Традиция, если только это не сектантская традиция, всегда честно обозначает трудность учения. Успех многих современных «невосточных» сект в том и заключается, что они обещают очень быстро и очень просто то, что другие даже не обещают, а только указывают как возможный результат целого жизненного пути.

Сравним, например, путь врача (или целителя, или специалиста в области Технологии, ведь последняя и возникла как некая врачебная система) с точки зрения «восточной», «западной» и сектантской. Тибетскому врачу предлагается на многие годы (15-16 лет) удалиться от мира и все это время, каждый день не менее, чем по 8-10 часов, изучать огромный свод медицинских, философских, психологических и др. знаний и, одновременно, работать над собой – тренировать и физические, и ментальные, и психологические возможности, совершенствоваться морально и культурно (отсюда занятия ушу, каллиграфией, музыкой, стихосложением и т. д.). Эта практика начинается в раннем детстве (в возрасте 4-7 лет) и вовсе не обещает обязательного успеха. Западный врач должен получить твердые знания хотя бы по базовым школьным предметам. Затем достаточно долго учиться в институте и ординатуре, он должен практиковаться, а затем в течение всей жизни проходить переподготовку; если он хочет стать специалистом, то его ученичество также будет длиться более десяти лет. От сектанта не требуется никаких базовых знаний, более того, можно предположить даже, что они вредны (ведь все предшествующее Технологии, с ее появлением потеряло свое значение), от него не требуется также определенно долгого учения – ему противопоставляется неопределенно долгое следование учителю, подчинение ему и его авторитету. Все, что необходимо делать сектанту – посещать регулярно семинар, изучать труды учителя, заниматься (очень недолго по традиционным меркам) по его методике медитации и, самое главное, верить. Последнее принципиально.

Рассмотрим теперь, чему и как учит К-в, рассмотрим опять-таки, не вдаваясь в содержательную сторону учения. Это вполне возможно – ведь мы подходим к вопросу структурно. Здесь мы замечаем несколько особенностей. Первая: К-в полностью опускает корни своего учения, и в смысле собственного опыта (т. е. не раскрывает, каким образом пришел к нынешним взглядам), и в смысле оснований, и в смысле подготовительных практик (например, предварительных медитативных практик, которыми сам, разумеется, занимался). Таким образом, он предлагает своим ученикам начинать, если не с конца, то с последней главы (используем такую метафору: летописца, который вслед за своими предшественниками, веками ведущими хронику, также написал пару страниц, а затем начал учить всеобщей истории, предлагая ученикам читать лишь с того первого слова, которое написал сам, и при этом еще не обучил их чтению). Второе: К-в не излагает своего учения сколько-нибудь последовательно. Всякий посетитель его семинара (и даже читатель отдельных книг) выносит впечатление довольно разрозненных, хотя и пространных, размышлений обо всем, а не цельного курса. Этому способствует несколько личных причин, существует и причина объективная. Личные: непроработанность системы как таковой, ее становление в момент произнесения, и незаинтересованность К-ва именно в обучении своих учеников. В личных беседах он этого не скрывает, и за этим стоит объективная, структурная причина: обучение не есть цель секты – она иная; рекрутизация последователей, объединенных не по принципу «ученики – учитель», а по принципу «паства – пастырь». Имеется в виду, прежде всего, суть «условий игры»: отношения «ученик» – «учитель» содержательно совершенно иные, чем «паства» – «пастырь», даже если «учитель» воспринимается как провозвестник некой «высшей силы». Дело в том, что контекстуально эти отношения различны, они даже относятся к разным, хоть и смежным контекстуальным зонам: зона «школы» (где даже непререкаемый авторитет учителя не приобретает сакрального смысла) и зона «хра-

ма» (где сакральный смысл сохраняется, даже если «пастырь» теарет авторитет как конкретная личность).

Итак, какова же паства? Авторы достаточно близко знают некоторых из последователей К-ва, помимо И. С., и могут дать ряд портретов, а далее типизировать некоторые отдельные черты.

Итак, Н-в, претендующий на роль ближайшего ученика ипервоапостола». Человек, демонстрирующий множество явных структурных неконгруэнтностей, при этом категоричный, нетерпимый, фанатичный. Впрочем, он фанатичен не «потому что», а «для того, что». Как истинный «ученик чародея», он ищет именно такой власти (и за счет структуры секты, и за счет мастерства, которое надеется обрести), которая позволила бы ему реализовать собственные немалые амбиции. Технология – далеко не первая попытка Н-ва обрести искомую позицию. Конечно, он верит в метод, хотя и не понимает его (однако, при этом старается слепо следовать приемам учителя, практикуя и ведя собственные семинары), и верит в личность К-ва. Вместе с тем, он очень полезен: ведет все дела, организует семинары, занимается издательской деятельностью и т. д. Таким образом, он не фанатик, а прагматик.

В. Б. Это совершенно другой тип. Он дипломированный врач, человек достаточно высокой культуры и образованности. Однако, пройдя институт, ординатуру, поработав некоторое время практическим терапевтом-специалистом, В. Б. понял только, что не владеет «волшебным словом» и «волшебным взглядом», не видит за суммой симптомов причин проблем пациента и не может уверенно находить пути к исцелению. Одновременно он воспринял К-ва, который проделывал у него на глазах как раз то, что В. Б. никак не мог научиться делать. Действия К-ва сопровождалась соответствующими «объяснениями». И В. Б. решил – вот искомое, стоит лишь овладеть Технологией, научиться ей – и все будет в порядке. Он достаточно фанатичен, склонен игнорировать факты и аргументы, так или иначе свидетельствующие пусть не против Технологии, а хотя бы против ее интерпретации. Вместе с тем, он достаточно критичен – его вовлеченность в действие не распространяется так далеко, как у других – он не испытывает личной привязанности к учителю, готов видеть его недостатки, но рассуждает здесь просто: «Пусть К-в плох, но Технология-то хороша, она работает, а значит, ее можно освоить. Не стоит ставить знак равенства между методом и автором метода». Впрочем, это лишь одна сторона медали. На самом деле В. Б. глубоко инфантилен в одной из важнейших контекстуальных зон. Это тип «вечного студента», человек, который не потому стремится как можно дольше оставаться в «подмастерьях», что не способен или жаждет новых знаний (всякий нормальный специалист учится всю свою жизнь), а потому, что не умеет быть самостоятельным и боится ответственности, связанной с самостоятельностью. Он никак не может переступить ту грань, когда человек должен перейти от изучения чужого опыта к накоплению своего. Это явный дефект социализации, дефект «личной истории». Авторам приходилось общаться с В. Б. в совершенно ином контексте – совместной профессиональной деятельности. И здесь проявлялась та же инфантильность – неумение и нежелание брать на себя ответственность, страх перед последствиями самостоятельных поступков. Рядом с такой личностью, как К-в., можно до смерти сохранять такую позицию, при этом утешая себя тем, что добросовестно стремишься к знанию, вот только «что-то ускользает», «что-то не получается».

Еще один случай – Н-я. Это женщина около 40 лет, напоминает И. С. К-в вывел ее дочь, и это убедило ее в силе Технологии. Однако и прежде, и теперь Н-я увлечена целым рядом эзотерических направлений и практик: она перепробовала многие из них, продолжает пробовать и сегодня. Ее убеждения фрагментарны и не целы – они включают в себя и православие, и телесные практики (типа цигуна), и Технологию, а сознание даже не пытается как-то увязать противоречия в ней самой, что и неудивительно, поскольку центр ее осознания не углубляется до пятого логического уровня (уровня космограммы). Одна из личных проблем Н-я – неполная семья. На этом фоне она демонстрирует целую гамму неконгруэнтностей, которые особенно заметны в области стиля, речи, поведения. Это, безусловно, честный человек, причем ищущий возможности нести пользу людям, «сделать свою жизнь осмысленной». Она действительно хочет овладеть Технологией и с ее помощью исцелять страждущих. При этом, она безусловный фанатик: с ней просто невозможно содержательно говорить о Технологии и К-ве – она не слышит ваших слов и повторяет формулы и

термины учителя, которые употребляет к месту и не к месту. При более глубоком общении выясняется, что Н-я «не владеет вопросом», не разбирается в тех вопросах терапии, философии, религии, эзотерики, которые необходимы для осознания истоков, особенностей, методов и перспектив Технологии – к учению, личности учителя и всей активности, связанной с этим, она абсолютно не критична. Здесь мы имеем дело с глубоким конфликтом в области смысла жизни и самоидентификации, так сказать, с инфантильностью смысла жизни, – пробел заполняется участием в таком очень важном и очень особенном, «избранном» деле (в данном случае – деле становления и дальнейшего – предположительно – торжественного шествия Технологии). Таким образом (учитывая ее постоянные попытки такого рода), Н-я – «фанатик по способу существования», точнее, один из двух видов такого рода людей.

Другой тип фанатиков, которые и составляют большинство последователей К-ва – это люди, для которых само учение в действие, «приобщении к тайне», заполнение при помощи близости к ней и соответствующих идеологических схем структурных пустот, стало своеобразным «наркотиком». Они ходят на семинары, читают книги, общаются и медитируют, чтобы соответствующим образом «взбодриться». Так можно ходить на корриду или сеансы Кашпировского. Эти люди потакают своим структурным дефектам. Они вовсе не хотят чему-либо научиться – им это не надо, – сфера их потребления – сектантская идеология и практика как таковая, так сказать, не «учение», но «обряд». Это, в большинстве своем, глубоко больные люди, весьма неконгруэнтные во всех составляющих вертикали.

Итак, в центре – учитель, действительно или мнимо владеющий знанием, рядом – ближайшие ученики, «апостоль», толкователи его слова и воли. Но между ними – та интерпретация истины (опять-таки, истинной или мнимой – неважно), которую учитель придал ей. Дальше – круг жаждущих учения, еще дальше – те, кому нужен обряд. За пределами структуры – окружение: слухи, пресса, любопытствующие, среди которых тоже потенциальные сектанты. Что делает эту структуру сектой? Модальность образующего импульса, исходящего из центра. Мы попытались описать эту модальность, рассказывая, как и чему учит К-в. Можно остановиться и на его целях – они не имеют ничего общего с «просвещением», «развитием» и т. д. Семинары, которые он ведет, это и метод работы с собой, и способ удовлетворить свою жажду власти, и, наконец, просто источник денежных средств. Необходим ли для существования подобной структуры учитель? Необходим – в принципе, т. е. его существование должно подразумеваться – в прошлом, настоящем или будущем, в нашем мире или мире ином. Это может быть историческая, легендарная или мифическая личность, попусторонний оракул или ожидаемый грядущий мессия. Если его нет в реальности (здесь и сейчас), ученики первого круга смогут прекрасно поддерживать существование структуры, выступая от его имени.

Сущностна ли такая структура? Разумеется, нет. Об этом можно судить по результатам ее деятельности. Например, по случаю И. С. Но, в таком случае, является ли учитель истинной базовой матрицей? Если анализировать секту как явление методами структурной психосоматики, то мы можем уверенно сказать: нет. На уровне «+0» этой структуры лежит некоторая реальность (если, разумеется, мы не имеем дело с полной мистификацией и профанацией, но давайте рассмотрим другой случай: «чудо» действительно есть – что же делается с этим «чудом»?), но между этой реальностью и паствой стоит «учитель», а иногда и некоторый круг «пастырей», на уровне которых и происходит (если происходит) искажение. Все периферические по отношению к искаженной зоне уровни заведомо не могут быть сущностными – они дефектны изначально и несут дефектное мировоззрение вовлеченным в них людям.

Что это значит? Прежде всего, то, что на базе любой истинной, в принципе, системы может возникнуть секта, несущая структурную деформацию, например, христианство. Его история дает нам множество самых разнообразных сект, объединяющих несомненных носителей сектантского сознания (таковы в наши дни, например, мормоны и Свидетели Иеговы), но значит ли это, что изначально «благая весть» ложна? Ни в коей мере.

Второе. Искажение, структурный дефект может возникнуть на любом уровне организации. Рассмотрим, опять-таки, историю Церкви. Нетерпимость изначально вовсе не является атрибутом учения, для которого «нет ни эллина, ни иудея», однако именно

нетерпимостью, неприятием чуждой идеологии, которая распространяется вплоть до физического уничтожения инакомыслящих, отмечены многие страницы церковной истории. Опять-таки, говорит ли это о ложности Нагорной проповеди? Конечно, нет. Искажение произошло на уровнях трансляции базовой матрицы к периферии.

Здесь мы подходим к очень важному обстоятельству. Признаком несущности сектантского сознания является его безальтернативность, не критичность и безапелляционность, т. е. отсутствие третьей позиции и линейности мышления. Ниже, когда мы будем говорить о методах мышления, это обстоятельство еще раскроется в полном своем значении.

ГЛАВА IV Ч. 2

Именно фанатизм, ксенофобия, отсутствие третьей позиции и отрицание общего корня со всеми предшествующими культуральными реалиями и является отличительной чертой сектантской идеологии. Но именно поэтому она и внедряется, имплантируется столь просто. Сектантское сознание агрессивно, оно не образует многочисленных связей вокруг себя и, значит, ограниченно, замкнуто. В таком «компактном» виде оно не требует от адепта ни готовности принять знания (структурной подготовленности), ни личной тяжелой работы по собственному структурированию, познанию суммы культурных знаний, «личной эволюции» и т. д. Сектантская идеология проста: некоторый (весьма ограниченный) набор терминов и формулировок, несколько непререкаемых постулатов, отрицание всего альтернативного и слепая вера в слово и волю учителя или лиц, его представляющих. Приняв этот имплантант, адепт может заполнить брешь в собственной структуре, не прилагая усилий по ее развитию, коррекции, нормализации. Имплантант действует подобно пробке или протезу, не срастающемуся с прочей структурой, но внедренному в нее. Только это активное включение – подобно раковой опухоли, оно способно разрастаться и виришь, и вглубь, оставаясь при этом чуждым человеческому существу, в структуре которого паразитирует.

Активность и авторитарность секты, с ее ведущей модальностью центрального волеия «Надо!», наличие в структуре конкретного человека пробелов, аморфных и несущественных зон и компактность, замкнутость имплантанта – сектантского сознания – все это и делает возможным легкое внедрение соответствующей идеологии.

Отметим, что сказанное является верным не только в отношении сектантской идеологии, но и вообще, в отношении всяких и всяческих социальных, культуральных, словесных и пр. подобных стереотипов. Здесь структуру секты заменяет соответствующая среда – семья, общественная группа, страна, государство и т. д., а структура самого имплантанта – его компактность, «простота», ограниченность, замкнутость – и структура человека, воспринимающего его (инфантильность, несущность некоторых структурных зон) – те же. Стереотипы-имплантанты могут быть очень просты и касаться самых разных сфер (например, «есть лягушек могут только «чужие» (французы)», «только некультурные варвары носят штаны» (помните, у древних греков?), «мужчина – глава семьи» и т. д.), они могут быть и очень сложны – например, некоторые политические или расовые системы. Как и в случае сектантских идеологий, разного рода стереотипы могут отражать (и отражают) определенного рода истину, но истину деформированную и несущую все те же черты безапелляционности, агрессивности и ксенофобии (действительно, лягушки входят в состав французской кухни, но не потому, что они «гадость», а совершенно по другим причинам).

Три перечисленные особенности имплантаций любого рода – активность внедрения, компактность и замкнутость имплантанта, инфантильность структуры в зоне имплантации – порождает два феномена, связанных с имплантацией: достаточно легкое замещение одного имплантанта другим и невозможность осуществить устойчивую имплантацию в зоне сущностной, проработанной структуры. О смене идеологий мы уже писали – это известный феномен, но вот интересный пример попыток имплантации, который наблюдался одним из авторов.

З., психотерапевт высокого уровня, владеющий, в частности, суггестивными техниками НЛП, вместе с тем, является «убежденным гомосексуалистом», т. е. подобная сексуальная ориентация для него не просто факт собственной личной жизни, но целая философия, включающая убеждения, что во всех отношениях однополая любовь превосходит двуполовую. Наблюдалось, как он пытается время от времени склонить к «своей вере» людей, с которыми имеет профессиональные и деловые контакты. Речь идет не о попытках завязать с ними сексуальные отношения, но, что называ-

ется, пробудить у них «вкус к мальчикам». Это проделывалось очень тонко, с применением всего профессионального искусства. Интересно было наблюдать, как такие попытки предпринимались в отношении человека, чья структура карт в области секса вполне оформлена и гиперсексуальна, но структура, в целом, не слишком развита и допускает, в принципе, сторонние воздействия типа имплантации. В таком случае З. удавалось на какое-то время вызвать у объекта своих манипуляций соответствующий интерес, но очень быстро (в течение часов или считанных дней) обычная структура карт этой зоны вытесняла имплантированный фрагмент – сколь-нибудь серьезно и сколь-нибудь надолго поколебать сформированную сущностную структуру не удавалось. (Здесь мы не рассматриваем феномен гомосексуальности как таковой – его генезис, природу и т. д. – это предмет отдельного разговора, отметим лишь, что это явный и очень глубокий дефект структуры.)

Еще одно замечание: не следует путать имплантант – например, на уровне карт – и несущностную зону тех же карт, имеющую глубинную структурную природу: имплантация может, скажем, быть полностью изолирована от проблем уровня самоидентификации, хотя и базироваться на слабости этого уровня – несущностный дефект, связанный с глубинными проблемами генетически, является их частью. Иногда содержательная сторона такой дефектной идеологии позаимствована из социальной или культурального окружения (так было в случае С. Н. – он позаимствовал «философский базис» своей агрессивности у одного из знакомых), но это лишь внешность – сущность проблемы глубже (агрессивность С. Н. не была имплантирована, лишь идеологическое оправдание поведенческой аномалии было воспринято со стороны, а не сама аномалия как таковая).

Сказанное дает повод высказаться и по поводу обучения. НЛП говорит очень часто о формировании у человека эффективных навыков, калькированных с подобных навыков, заведомо успешных в данной области людей. Несколько утрируя проблему, можно сказать, что речь идет о перенимании чей-то удачной стратегии. С точки зрения структурной психосоматики, это ложный путь, имплантация. Можно перенять какие-то стратегии Моцарта, но Моцартом от этого не станешь – для этого необходимо обладать всей структурой этого гения. Таким образом, обучение (или, лучше, формирование) должно вестись не извне (от стратегий) вовнутрь, но изнутри (от природных задатков) вовне – от верной самоидентификации, истинной космограммы, сущностных карт. Такой путь сложнее, но только он надежен.

Вернемся, однако, к случаю И. С. (рис. 90) Он достаточно прост. Проблемы И. С. проявились в период «четвертой социализации», когда личность становится вполне самостоятельной. В плане 7-го цикла «плоского фрактала» это стык «раскрытия» Муладхары (проблема перехода от сознания особи к сознанию индивидуальной личности, достижение силы, стабильности, уверенности) и «раскрытие» Свадхистаны (проблема перехода от индивидуального сознания к «семейному» сознанию, достижение жизненной силы, творчества); в плане 7-го «степенного» цикла – зона работы с Сахасрарой (реализация личности, проблемы достижения духовности, целостного мировоззрения, поиски Абсолюта и Бога). Очевидно, что эти проблемы как раз и присущи сознанию И. С., но они являются лишь «верхушкой айсберга». Законы «личной истории» заставляют нас обратиться к периоду предыдущей, «третьей» социализации, с которой связаны и зоны «созревания» Свадхистаны (физическое и умственное взросление, обретение силы, проблемы семьи (создания семьи), перенос центра тяжести отношений «Я – другие люди» в область «Я и ближние- другие люди») и «созревания» Муладхары (полное взросление, возможность дальнейшего развития и «личной эволюции»), установление связи и единства по вертикали «тело-душа-дух», осознание себя в качестве активной личности), и еще глубже – к первым двум годам жизни: зона «созревания» Сахасрары в 7-м цикле «плоского фрактала» (осознание Я, самоощущение) и зоны первичного формирования Муладхары и Свадхистаны. Важно, что и телесные проблемы И. С. (ощущение холода и сжатия в нижней части живота, киста правого яичника) связаны с телесными зонами Муладхары и Свадхистаны.

Таким образом, к возрасту 33-34 лет, когда она столкнулась с Технологией и К-вым, И. С. имела обширную зону инфантильности структуры. Часть проблем была заполнена соответствующими стереотипами, что и позволяло ей проявлять себя в качестве «хорошей хозяйки», активной личности и т. д., однако проблемы «четвертой социализации» активизировали общую неудовлетворен-

ность собой, поиск «смысла жизни» и т. д. Через этот пробел и произошла имплантация того, что мы называем «сектантской идеологией», «сектантским сознанием». В дальнейшем, имплантант, будучи сам по себе активным, а также подкрепленный воздействием семинаров и сочинений К-ва, распространился на всю непроработанную зону структуры, вытеснив прочие имплантанты и породив все периферические явления социальной дезадаптации, конфликтов в семье, телесных проблем и т. д. Его распространение шло каквширь (зона карт семейных отношений), так и вглубь (уровень самоидентификации). Мы можем изобразить весь этот процесс схематически, используя привычную для нас схему концентрических кругов – логических уровней сознания, и спиральную схему «личной истории».

В соответствии с особенностями проблем И. С. терапевтическое воздействие было разбито на несколько этапов.

Первый этап составлял единое целое с диагностикой, с зондированием зоны инфантильности И. С. Достигнув области, где начали проявляться сильнейшие неконгруэнтности вплоть до выраженных ощущений в области нижней части живота, терапевт комментировал все фиксировавшиеся невербальные реакции. При этом, последовательно по логическим уровням сознания, начиная от периферических, разрабатывалась проблема: «Каким образом, по каким именно признакам И. С. может узнать, что другие люди идут по пути развития, а не деградации?». Таким образом, проводилась работа в зоне инфантильности, в области первичного внедрения имплантанта, причем, благодаря постановке вопроса – внимание было обращено на других людей, включая К-ва, который для И. С. был естественным образцовым примером – для пациента было возможно установить третью позицию, сразу же ... присутствующие «сектантскому сознанию» не критичность и безапелляционность. Проблема подробнейшим образом ставилась последовательно в следующих ракурсах:

- * уровень окружения: гармонизация отношений в семье и ближайшем окружении (в случае К-ва – среди пациентов, слушателей семинаров и т. д.);
- * уровень поведения: разбирались вопросы эффективности и конгруэнтности социальной, культуральной, экономической деятельности личности;
- * уровень навыков: рассматривались вопросы возрастания эффективности преподавания, терапии, развития профессиональных способностей и т. д.;
- * уровень идеологии: акцент делался на синтез, взаимо-

действие, интеграцию мировоззренческих карт, карт социализации и т. д. и адекватность базирующихся на них стратегий, особенно касающихся межличностных и социальных отношений.

Было проведено последовательное структурное сравнение перемены, происшедших с К-вым за истекшие три года и с самой И. С., были выявлены ключевые различия на всех структурных уровнях. В ходе работы использовались различные исторические и культурологические параллели – метафора «пути» в йоге, буддизме, раннехристианской традиции, «четвертый путь» Гурджиева и др.

Таким образом, первый этап работы сводился к разделению сущностных и несущностных элементов в зоне инфантильности, структурализации реперных зон и формированию третьей позиции по отношению к проблеме в целом.

Далее были поставлены вопросы: «Что же именно И. С. хочет получить в результате своих занятий? Как практически она хочет применить полученные навыки?» – т. е. от отстраненного обзора был совершен поворот к ее личной ситуации. Эта работа велась строго контекстуально. Были определены как долговременные стратегические задачи – был «снят» воображаемый многоконтекстуальный фильм с И. С., какой она будет через 10 лет в случае благоприятного развития, – так и ближайшие тактические.

Наконец, в рамках третьепозиционной техники с использованием режиссерских метафор (постановки воображаемого спектакля на заданную тему), была разобрана проблема семейных отношений И. С. Проблема формулировалась следующим образом: «Как только мать начинает говорить мне определенным голосом о моих занятиях и моем здоровье, я испытываю страх, вся сжимаюсь и ощущаю холод внизу живота». В результате часовой работы была сформулирована третья позиция к проблеме и нейтральное (формальное) отношение к ней без выраженных ощущений в теле. Третьепозиционные техники, позволяющие взглянуть на себя со стороны тела и удобны, что позволяет снять внутреннее напряжение, эмоциональную окраску проблемы и тщательно структурировать инфантильные карты во всех контекстуальных зонах.

Таким образом, работа шла как бы по следу проникновения и разрастания в структуре И. С. имплантированной «сектантской идеологии» – из зоны «четвертой социализации» в зону «третьей социализации» (вширь) и самоидентификации (вглубь), а затем в смежную зону семейных отношений.

Однако, резкая перестройка структуры, вытеснение имплантанта, который успел уже проникнуть в разные зоны структуры и образы массы патологических стратегий, никогда не происходит мгновенно и абсолютно безболезненно. Обычно мы предупреждаем

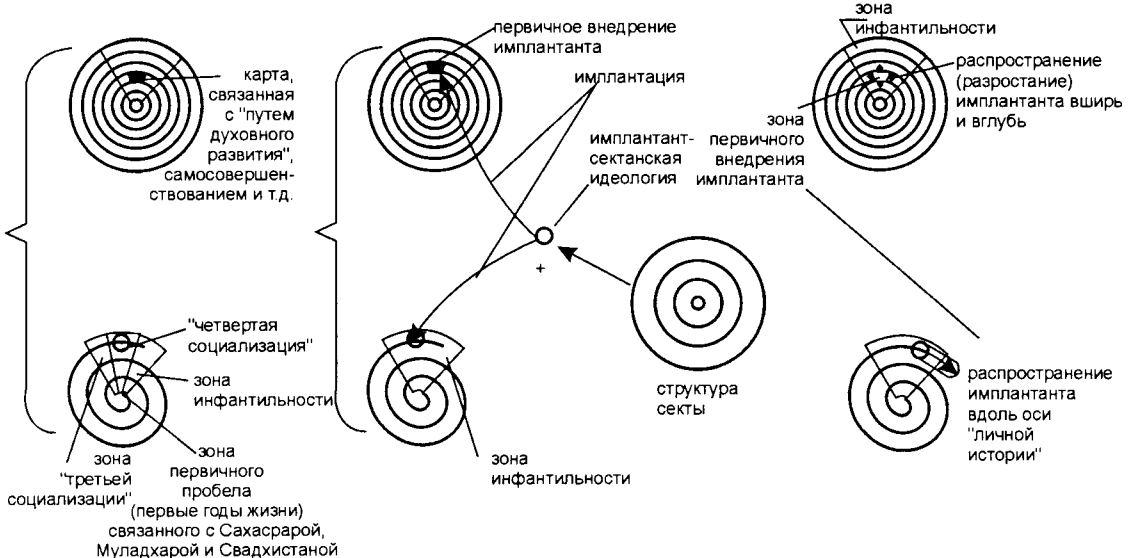

Рис. 90 Случай И. С. – имплантация сектантского сознания:

а) структура И. С. перед имплантацией

б) первичная имплантация

в) структура И. С. к моменту терапии методами структурной психосоматики

пациентов о возможном возникновении самых различных духовных, психических и телесных феноменов в ближайшие часы и дни после сеанса – это могут быть «волны» очень ярких воспоминаний, сопровождающихся «взрывами» эмоций («беспричинные» слезы, смех и т. д.), необычные по своей яркости сны или, напротив, бессонница, телесное ощущение типа «сдвига структур», «перестройки внутренней организации тела», потоков «энергии», тепла, холода и т. д.

ГЛАВА IV Ч. 2

Вечером того же дня, когда проводился сеанс (он занял несколько часов), И. С. позвонила терапевту и сказала, что ее состояние резко ухудшилось, появились сильные боли внизу живота, цистит, масса непонятных ощущений в теле и т. д. Стало ясно, что пришли в движение глубинные слои структуры, началась обшая пересборка инфантильной зоны на всех уровнях вертикали. И. С. было рекомендовано разделить внимание и наблюдать за собственным состоянием с третьей позиции, исследуя его,

как бы трудно ни было. Такая структурная перестройка продолжалась в течение 10-12 дней, после чего состояние (и физическое, и психологическое) значительно улучшилось. Важно, что это сопровождалось серьезным изменением внутрисемейных отношений. Любопытно, как это воспринималось самой И. С. – она сообщила, что ее мать изменилась и впервые за много лет стала прислушиваться к ее словам и воспринимать И. С. как самостоятельную личность. Воистину, чтобы решить проблему, надо изменить свое отношение к проблеме!

Изменение внутрисемейной ситуации И. С. для нее особенно важно потому, что это может служить комплексным маркером сдвигов во всей зоне ее структуры, где раньше фиксировались несущностная имплантация и инфантильность – изменилось само ее поведение и восприятие семейных отношений, т. е. качественно модифицировались обе ветви отражения-отреагирования в контекстах, бывших для И. С. источником патологических проявлений.

Глава 5 Структурная работа

Вернемся к истории К. Как мы уже говорили выше, после длительной терапии, когда, как казалось, все проблемы пациента были разрешены, он предъявил новую: «Я понимаю, что я здоров, но что-то во мне еще сидит, что-то еще мне мешает, и я хочу разобраться в этом.». Терапевт предложил следующий метод: «Мы не будем работать ни со стратегиями, ни с телесными метафорами. Понятно, что ваша проблема восходит к очень глубоким слоям личности, связанным с какими-то событиями детства. Когда эти слои активизировались, глубинные дефекты стали ощутимы – они так же мешают вам, как гвоздь в ботинке. Обратимся к этим глубинным слоям «личной истории». На что же похоже то, что вас тревожит?» – «Это какой-то страх...» – «Какой страх? Чего может бояться ребенок?». К. было дано указание письменно обрисовать все ситуации, в которых ребенок может испытывать подобный страх. Получился список примерно из пятидесяти таких ситуаций. После их анализа со стороны терапевта последовало: «Здесь нет еще одного, причем очень важно-го и часто встречающегося случая. Он описан во всех учебниках. Это сексуальное насилие со стороны взрослых.». После этих слов пациент сразу же вошел в тяжелейшее состояние, его начало буквально «крутить», что является одним из признаков структурной перестройки – в ходе дальнейшей работы выяснилось, что сексуальное насилие в его жизни было – со стороны отца.

Было проведено еще несколько сеансов, причем выяснилось еще несколько важных моментов, например, что К. – переученный левша. Когда это стало ясно, он приобрел способность к зеркальному письму и к зеркальному чтению и т. п. После этого вся симптоматика, все болезненные проявления исчезли полностью и окончательно.

Как мы видим, терапия шла от кропотливой телесной работы, продолжавшейся в течение года, к работе с патологическими стратегиями и телесными метафорами. Далее была проведена тщательнейшая проработка имплантата – культурального стереотипа (переученная леворукость) и дефектной зоны, связанной с детским травматическим опытом (сексуальное насилие). На каком логическом уровне велась работа в двух последних аспектах? Терапевт опирался на уровень самоидентификации, и отсюда, как бы с верхней точки, просматривался, анализировался и корректировался уровень убеждений. Важно, что на первом этапе работа была строго третьепозиционна (К. было предложено, в общем случае, т. е. как бы не применительно к себе самому, рассмотреть все возможные ситуации, которые могут вызвать у ребенка страх) и на протяжении всей терапии контекстуальна. Та-

кую работу сегодня мы называем структурной и готовы к ней с первого контакта с пациентом (напомним, что случай К. относится к моменту формирования концепции и метода структурной психосоматики как самостоятельного теоретического и практического направления). Очень важно, что в ходе терапии изменилась личность и вся текущая триада К., начиная от уровня убеждений (так, самопроизвольно исчезли имплантированные стереотипы вроде: деятель искусств должен быть нищим, он не может быть успешен в социальном плане и др.) вплоть до уровня самоидентификации – изменились и его поведение, и сама его жизнь (сейчас это вполне успешный в жизненном плане человек, не только сохранивший все особенности своего таланта, но и открывший для себя новые сферы профессиональных интересов).

Рассмотрим еще один пример – случай Х. Ф. Это был крайне дигитальный человек с мощным понятийно-логическим аппаратом и устойчивыми стереотипами в области способов мышления, доведенными до автоматизма – кандидат философских наук, специалист по античной философии. Его проблема состояла в фобии, боязни общения с женщинами, которая возникла после развода, сопровождавшегося массой неприятных житейских моментов, дразг; разделом имущества и т. д. Само возникновение патологии на столь позднем участке «личной истории» говорит о непроработанности ряда важных карт в предыдущие этапы формирования этой зоны структуры, зыбкости космограммы и конфликтности уровня самоидентификации, т. е. наличия большой инфантильной зоны, пробела, частично заполненного всевозможными несущностными имплантатами, а частично – вовсе аморфного. Здесь мы не будем подробно анализировать структуру дефекта Х. Ф., его генезис и динамику – в общих чертах на данной стадии изложения все это должно быть читателю достаточно ясно. Нас интересует техника терапевта и особенности использованных в терапии приемов.

Был избран метод достаточно жесткой работы в глубоком трансе, когда сам Х. Ф. понуждался к вычленению из потока собственных дигитальных высказываний подлинных внутренних конфликтов. Это возможно лишь при погружении пациента на шестой логический уровень, уровень самоидентификации, с которого ведется работа с космограммой и картами средствами этих уровней. По мере обнаружения дефектных участков использовались разные техники, например, разделение травматической склейки (в данном случае травматический опыт был связан не с эпизодом детства, а с историей развода Х. Ф.); привлекались куль-

туральные и личностные убежденческие схемы, причем их содержание структурно комментировалось и связывалось с ощущениями в теле (таковую связь Х. Ф., не имевший достаточного опыта устойчивого пребывания центра осознания на пятом-шестом логических уровнях, на первых порах категорически отрицал – для него ощущения представляли собой одну реальность, содержание проблем – другую, а культуральные стереотипы, имплантированные несущественные карты сомнению вообще не подвергались). Работа велась по четыре часа подряд, но после нескольких сеансов все заявленные проблемы Х. Ф. были решены.

Рассмотрев эти два примера (можно вспомнить и прочие, уже разбиравшиеся в этой книге), мы неизбежно должны задать вопросы: почему тактика терапевта различна? что объединяет между собой разные технические приемы? Иными словами, что мы называем системной работой?

Вернемся к телесным метафорам. Сегодня работа с ними стала общим местом телесно-ориентированной терапии. Имеет, однако, первостепенное значение то, о каких именно метафорах мы говорим.

Можно, используя достаточно простые приемы – скажем, ритмичные проработки определенных зон, сопровождаемые директивными вопросами (они дают лишь иллюзию выбора) типа: «Что это? Катание на лодке или ходьба?» – погрузить человека в состояние транса. Но это весьма и весьма поверхностный транс. Здесь, по большому счету, ничего не меняется – происходит лишь смена каких-то поверхностных образов. Пройдут минуты, а, в лучшем случае, часы или дни – и все вернется на круги своя. Ведь такая работа по концептуальным причинам не затрагивает зоны структурных дефектов, концентрируясь лишь на их периферии.

Можно, однако, задавая очень четко конкретизированные вопросы: «На что это похоже? Есть ли какие-нибудь ощущения в теле? Куда они распространяются? Как связаны с другими телесными зонами? Как меняются под воздействием той или иной манипуляции?» – и так, постоянно углубляя состояние транса, за счет все большего обобщения образа, добиться того, что пациент начнет осознавать все свое тело в виде некоторой голографической картинки, конкретной структуры, обладающей такой же степенью реальности, как и чувственный образ «внешнего» предмета. Так осуществляется переход к глобальной телесной метафоре, о которой мы уже говорили.

Здесь мы должны со всей определенностью подчеркнуть:

Такая телесная метафора действительно реальна, поскольку отражает реально существующие структурные особенности человека – дефекты, склейки, проблемы и т. д.; Подобно тому, как в анаграмме закодировано имя, в телесной метафоре закодирована структура человеческого существа и вся его «личная история». Если такая метафора связана с патологической периферией, то, соответственно, в ней находят свое отражение все структурные дефекты и, через них, травматический опыт.

В определенном смысле та или иная телесная метафора тождественна тому или иному структурному дефекту (зажим – травматической склейке, глобальная метафора – уровню самоидентификации со всей его периферией и т. д.). В основе травматического опыта лежит некоторое событие, реально произошедшее с человеком, он состоит из таких событий. Такое событие запечатлевается в виде травматической склейки, которая сама по себе не имела бы никакого значения, если бы не сопровождалась определенным позиционированием в структуре уровня убеждений, что связывает ее с рядом контекстов, и не развивалась к периферии в виде патологической стратегии, что реализуется в теле в виде того или иного напряжения, зажима. Патологические карты оказывают воздействие на глубинные слои структуры, вплоть до уровня убеждений. Таким образом, структурный дефект приобретает содержание, становится контекстуальным (он контекстуален изначально, однако, как мы показали выше, происходит обобщение, генерализация его контекстуальной базы). С другой стороны, телесные зажимы, образующие некоторую систему, также могут служить объектом отражения и обобщиться в виде телесной метафоры. Именно таким образом устанавливается тождество:

травматический опыт \cong структурный дефект \cong телесная метафора.

Точно также мы устанавливаем тождественность в любом другом случае, например, в арифметике. Что имеется в виду, когда мы записываем $2 + 2 = 4$? На одном конце тождества два числа, на другом – треть. Промежуточное звено, скрытое за знаком равенства (тождества) – действие сложения, имеющее свои определенные законы. Обе части арифметического выражения могут быть отождествлены благодаря наличию этих законов. Благодаря таким законам и их постоянству они и тождественны, т. е. в этом смысле являются одним и тем же.

Точно таким же образом – процессуальным – тождественны первый и последний шаги патологической стратегии, травматическая склейка – и ее периферия, травматический опыт и телесная метафора, содержание конфликта, дефект и его образное выражение в виде глобальной телесной метафоры и т. д. Сказанное справедливо не только для травматических склеек, но и для любых других дефектов, пробелов и т. д. Воздействуя на любую часть этого психосоматического тождества, мы воздействуем на другую – связующим звеном выступают структурные законы организации человеческого существа и отражения-отреагирования как такового.

Подобным же образом можно сопоставить любой травматический опыт (контекстуальный по своей природе), соответствующий ему структурный дефект и соответствующую телесную метафору.

Такой подход принципиально меняет содержание работы, поскольку он базируется не на автоматической эксплуатации разрозненных и хорошо известных каждому массажисту феноменов: если проработать определенные зоны, например, зоны живота, можно вызвать у человека «неизвестно откуда возникающие» воспоминания о детском травматическом опыте, что будет сопровождаться заметным эмоциональным всплеском, например, слезами – в телесном психоанализе это уже считается хорошим результатом, катарсисом, высвобождением «негативных энергий». Это представляется глубокой ошибкой. Такая работа подобна вычерпыванию воды из лужицы в тундре – через короткое время вода снова соберется. Да, мы снимем какие-то напряжения, перед сознанием человека промелькнут какие-то образы, но сам структурный дефект не претерпит никаких изменений, структурная перестройка не произойдет. Для того, чтобы это произошло, необходима работа, изначально ориентированная на все уровни вертикали – с телесными метафорами, субмодальностями, убеждениями, культуральными феноменами и т. д. Иногда такая работа может вестись только через тело, через медленную и постоянную проработку метафоры, иногда – только через содержание конфликта или через систему убеждений, укореженную в социальных и культуральных контекстах, чаще всего – через сочетание различных техник и методов. Важно другое – в основе такой работы лежит зримое и осознанное использование структурных представлений, четкая опора на психосоматическое тождество контекстуальных, содержательных, структурных, телесных и пр. составляющих конфликта. Это и есть структурная работа.

Но в таком случае, образ телесной метафоры любой степени сложности, вплоть до глобальной, может быть сформирован и не в ходе телесной работы, а под воздействием какой-либо другой техники, применяемой терапевтом осознанно, зряче и на основе четких структурных представлений. И это действительно так – в разобранных примерах мы упоминали об этом, специально не концентрируясь на этом вопросе.

Рассмотрим теперь какой-либо практический случай именно в этом аспекте, интересующем нас именно на данном этапе изложения. Очень показательна была работа с Р. О., целиком проходившая в технике малого семинара.

В начале работы Р. О., 22 года, предъявил ряд проблем, не имевших никакого телесного выражения и сформулированных на уровне исключительно духовных запросов. Он очень много занимался вопросами самосовершенствования, психологического и духовного развития, читая соответствующую литературу (психологическую и эзотерическую), контактировал с людьми, которые, как он предполагал, могут помочь ему, однако никаких изменений в себе, помимо накопления знаний, «мертвых», в силу отсутствия их практической реализации, не фиксировал. Его проблемы формулировались следующим образом: «Существует ли вообще какой-либо путь осознанного и управляемого психофи-

зического и духовного роста? Как такой рост может повлиять на содержание и смысл собственной жизни? Если самому никак не удастся сделать даже первый шаг на этом пути, то значит ли это, что он сам в чем-то ущербен или просто все разговоры о развитии личности суть шарлатанство?».

Здесь надо отметить, что Р. О. был настроен достаточно агрессивно (что, в целом, соответствует структуре его личности и содержанию жизненного опыта), сразу же заявил, что не любит сложные теоретические построения, специальную терминологию и попытки словесного «забалтывания». Он

должен во всем разобраться сам. По этой причине он даже не принял участия в первом семинарском занятии – придя на сеанс, он сразу же высказал свои проблемы, изложил свою позицию и попросил «что-нибудь почитать по теме, чтобы увидеть, есть ли в этом какой-то смысл». Ведущий семинара предложил для ознакомления статью «Психосоматика: структурный подход»¹⁰⁸, с которой начнутся, собственно, психосоматические публикации, предупредив, что статья специальная и вряд ли будет понята в полном объеме.

¹⁰⁸Статья «Психосоматика: структурный подход» авторов, размещенная в Internet'е на сайте Aires в мае 1998 года.

Р. О., однако, пришел на следующее занятие и не только принял участие во всем семинаре, но и результаты работы с ним были, пожалуй, наиболее удачны. Очень важно, что по ходу семинара Р. О. предлагал все новые и новые формулировки своей проблемы. Для всякого постороннего наблюдателя представлялось бы, что речь идет о разных проблемах, но Р. О. считал, что проблема все та же, и структурный анализ терапевта подтверждает это мнение. Итак, вслед за формулировкой, связанной со смыслом жизни, Р. О. повел речь о телесных проблемах, затем о некоторых детских воспоминаниях и, наконец, вновь о телесных проблемах, но только на сей раз они формулировались структурно и увязывались в его сознании и с воспоминаниями, и с задачей самореализации, и с конкретными жизненными планами.

Два семинара, в которых принимал участие Р. О., были организованы следующим образом: они проводились в малой группе (четыре – пять человек), каждый вечер, по два-три часа пять дней подряд с двухдневным перерывом; первый цикл продолжался две недели и второй – одну; групповая работа дополнялась индивидуальной. Содержательно занятия сводились к лекциям о структурной психосоматике, которые сопровождалась обсуждением, разбором примеров и вопросов, предлагаемых участникам, демонстрацией определенных техник, экскурсами в область приложений (рассматривались различные культуральные, исторические, социологические феномены, даже примеры из области истории искусства, экономики и т. д. – например, структура различных общественных формаций, примеры из произведений Л. Толстого и Ф. Достоевского (применительно к вопросу психосоматического содержания логических уровней сознания)¹⁰⁹, примеры из Евангелия (применительно к методам мышления), биографические примеры и т. д.

¹⁰⁹В частности, произведения Л. Толстого дают прекрасные примеры различных состояний сознания. Вспомним в «Анне Карениной» описание состояния Анны перед самоубийством и Левина в конце книги, когда он приходит к вере в Бога (центр осознания на внешних логических уровнях и в зоне ядра, соответственно) или внутреннюю динамику состояния литературного героя во время пути из дома на бастион в «Севастопольских рассказах» (переход от проявленной личности к ядру, с соответствующими изменениями направления вектора внимания).

Итак, после прочтения статьи Р. О. пришел на второй день семинара и сразу же включился в работу. Как и ожидалось, многое ему было непонятно, и он задавал массу вопросов. Речь шла о структуре логических уровней сознания, и по ходу семинара его участники погружались в достаточно глубокий транс. Реакции Р. О. соответствовали устойчивой работе на четвертом логическом уровне. Именно тогда он впервые заговорил о своих телесных проблемах: о родовой травме нижних конечностей, в результате которой первые годы жизни провел в гипсе, о неприятных ощущениях в нижней части живота, которые он, однако, затруднялся определить вербально. Именно тогда он впервые отметил, что ему легче нарисовать все образы, которые у него возникают и что речь идет о каких-то угловатых структурах, которые он как бы ощущает (или, лучше, осознает) внутри себя и несообразности таких структур внизу тела и в верхней его части.

Мы не будем подробно, день за днем описывать происходившие с Р. О. изменения – изложим общую канву событий. На третий день семинара Р. О. пришел с рисунками в руках – после сеанса он долго не мог уснуть и попытался изобразить суть своих телесных ощущений. Далее, уже во сне, он как бы вернулся в свое детство – во-первых, он вновь увидел сон, который был для него постоянным в возрасте 4-6 лет, во-вторых, некоторые события детства вновь всплыли в памяти. Свое детское видение Р. О. также изобразил графически.

В дальнейшем каждый раз Р. О. приходил на занятия с новой серией рисунков, которые обсуждал после окончания сеанса с терапевтом. В течение всего семинара основным содержанием размышлений Р. О. были события его детства, которые он связывал со своими планами на будущее. Переживания Р. О. концентрировались вокруг телесных метафор, приобретавших все более общий характер. От занятия к занятию телесная метафора трансформировалась, сперва постепенно охватывая все тело, а затем изменяя свою структуру.

Терапевт намеренно отказался от какой-либо телесной работы с Р. О. – было интересно проследить, каким образом при помощи чисто «психотерапевтической» техники происходит изменение комплекса телесных ощущений и всего соматического статуса пациента. За несколько дней до начала семинара Р. О. был осмотрен, и терапевт констатировал две характерные особенности его телесного состояния: зажим в нижней части живота, более мощный слева, и напряжение в области поясничного отдела позвоночника, которое особенно ярко проявлялось в том, что приложение вибрации к этой зоне не распространялось на ноги – они были как бы оторваны от остального тела. Расспросы показали, что Р. О. действительно как бы не чувствует свои ноги, кроме того, он жаловался на привычные травмы коленных суставов. Любопытно, что тогда он ничего не сказал о родовой травме, а во время повторного опроса, когда эти проблемы были предъявлены, с недоумением ответил, что «как-то «забыл» об этом». Тогда же, на первом семинаре, Р. О. упомянул о постоянных проблемах с горлом, хроническом фарингите. Впрочем, повторимся, он не придавал тогда своим телесным проблемам никакого значения, считая себя не только вполне здоровым, но и физически полностью благополучным человеком. На то у него были основания – Р. О. серьезно занимался разными видами спорта.

Телесная метафора, которую Р. О. изображал графически, сразу же поразила терапевта своей явной аналогией с чакровой системой человека. Основные этапы ее метаморфозы были следующими:

* сперва Р. О. изобразил в нижней части своего живота некое угловатое образование, отдаленно напоминающее треугольник с перекосом в левую сторону тела, от этого утолщения вверх поднималась «труба», имевшая перемычки на уровне нескольких последующих чакр и неопределенно теряющуюся в области чуть выше Анахаты; на вопрос: «Что больше всего беспокоит в этой картинке?» – последовал ответ: «Угловатость и неравновесие», – после ряда расспросов Р. О. охарактеризовал нижний «треугольник» как «металлический», «холодный» и неопределенного «дымного» цвета, затем добавил, что от него что-то пытается подняться вверх, но не может;

* терапевт включил в свои беседы с участниками семинара разбор традиционных схем чакрового строения и обсуждение традиционных техник работы с чакрами; в течение нескольких дней «картинка» менялась следующим образом: проявились все чакровые зоны вдоль центральной «трубы», затем «внезапно» (во время очередного занятия) Р. О. почувствовал, что равновесие внизу живота восстановилось, кроме того, нижняя «масса» утратила угловатую форму и соразмерно уменьшилась; также «внезапно» пациент начал ощущать перемещение теплого свящегося шара от Манипуры вверх до Анахаты (этим ощущением он сразу же научился управлять, вызывая его по своему желанию); шар воспринимался как образование размером с апельсин, чей цвет постепенно менялся в полном соответствии с обычными цветами, принятыми для чакр (любопытно, что это описание было дано до того, как этот вопрос разбирался на семинаре), однако выше Анахаты движение не распространялось – там оно превращалось во что-то подобное дыму и рассеивалось;

* наконец, была сформулирована такая проблема: «Я чувствую, – сказал Р. О., – что этот теплый шар не может под-

няться выше, потому что в горле трубка сужается, и я не знаю, что с этим делать».

Этот процесс продолжался чуть меньше двух недель. Параллельно менялось содержание детских воспоминаний, которые отражались и в снах, и в «картинках».

Первая из этих «картинок», связанная, как мы уже говорили, с детским сном, который Р. О. часто видел в детстве и который снова вернулся к нему, представляла собой изображение автомобиля на цветке. На этом сон обрывался, но Р. О. говорил, что сон хороший и не вызывает у него никакой тревоги, однако, ему хотелось досмотреть конец сна, который оставался как бы неуловимым.

Затем Р. О. стал рассказывать эпизоды из своего детства, которые приходили ему на память во время сеансов и по вечерам после сеансов, и далее, вплоть до следующего занятия занимали все его мысли. Первые были связаны с самым ранним возрастом, когда он был прикован к постели и носил гипсовый бандаж. Затем всплыли воспоминания 5-7-летнего возраста, когда Р. О. жил под присмотром старших сестер (он довольно долго беседовал с терапевтом по поводу воздействия на свою личность такого «женского» воспитания). Наконец, пришел черед воспоминаний, относящихся к возрасту 14 лет – речь шла о лете, проведенном в пионерском лагере. Р. О. подробно описывал обстановку, природу, чертил планы местности (лес, река, мост и т. д.). В самом конце и как бы нехотя он заговорил о девочке, в которую был влюблен и с которой случилось какое-то несчастье.

Наконец, наступил семинар, который оказался переломным. Речь шла о способах мышления. С самого начала занятия внимание терапевта было сосредоточено на Р. О. Уже несколько дней в его состоянии не замечалось никаких перемен, и предполагалось, что они могут произойти в любой момент – реальность, однако, превзошла ожидания: Р. О. погружался все в более глубокий транс, что легко фиксировалось по его невербальным реакциям; было замечено, что он слушает и, одновременно, поглощен внутренней работой, которая требует и сил, и внимания. И в какой-то момент начало происходить то, что мы определили в качестве структурной пересборки – в течение нескольких минут зримо изменились сами оси симметрии его тела, привычная поза, выражение лица и т. д. При этом было заметно, что для пациента это сопровождается очень простыми и неоднозначными переживаниями. К концу семинара, однако, состояние Р. О. стабилизировалось – ощущалось преобладание того, что можно было бы назвать «исследовательским интересом».

Только тогда терапевт обратился непосредственно к Р. О. и спросил его о том, как он воспринимал происходившее. Отметим здесь, что все занятия, хотя формально и адресовались всей группе и объективно были полезны для всех ее членов, планировались и велись в расчете на Р. О. и в соответствии с его реакциями (в этом и состоит одна из особенностей техники малых семинаров); терапевт имел представление о происшедшем – он определял его как преодоление второй барьерной мембраны, перемещение центра осознания на шестой логический уровень и стремительное пересоздание структуры под воздействием сущностной структуры, нормализующих волеий ядра.

Р. О. описывал свои ощущения следующим образом: с самого начала занятия он очень четко и зримо (напомним, что он, по преимуществу, визуал) ощутил уже привычную для себя глобальную телесную метафору и теплый шар, медленно поднимающийся от Муладхары вверх. Однако, на сей раз этот шар не рассеялся, миновав Анахату, а начал подниматься выше, пока не достиг «узости» в области Вишудхи, которая не пускала его дальше. Здесь, по словам Р. О., происходила какая-то «борьба», время которой он затруднялся определить. Это было не слишком приятное ощущение, малоконфортное. «Я испытывал какую-то агрессию, едва ли не ярость по отношению к причине, побуждавшей меня меняться, – объяснил Р. О., – но вдруг осознал, что ничто внешнее меня не побуждает меняться – изменения исходят именно от моего Я, а ярость и даже страх испытывает что-то постороннее, что находится во мне и прикидывается мною.» Именно в этот момент «узость» в горле «разорвалась» (причем Р. О. описывал, что субъективно это сопровождалось наполнением вдоль рук струй какого-то черного «дыма»), и шар прорвался в область Аджны – вслед за этим стремительно начала меняться вся телесная метафора Р. О., его общее состояние и поток ощущений. Последние он с трудом мог вербализовать, оп-

ределяя их как «тепло», «свет», «равновесие». Телесная же метафора характеризовалась, во-первых, абсолютной симметричностью и соразмерностью, а, во-вторых, одновременным осознанием всех чакровых зон от Муладхары до Аджны, соединенных между собой двойным встречным потоком света.

Р. О. Был полностью погружен в свои новые ощущения, и на этом распросы прекратились. Он, однако, заговорил о том, что его посетили совершенно новые мысли по поводу собственного будущего и личных планов – переместились точки отсчета, теперь он связывал эти планы не с собой как индивидуумом, а с определенным членом общества, который в наших терминах мы можем определить как «род».

Ночью после сеанса Р. О. неожиданно посетил терапевта и беседовал с ним около трех часов. Он не мог уснуть, и при этом перемены, начавшиеся на занятиях, продолжались (отметим, что прежде после каждого сеанса обязательно следовала внутренняя работа, выражавшаяся в воспоминаниях, ярких сновидениях, медитативных по своей сути попытках выразить их графически и т. д.). В ходе этой беседы многое из «недоговоренного» прежде было прояснено: связались воедино детские воспоминания, относившиеся к трем возрастным периодам, был восстановлен в памяти сон (его положительный заряд состоял в том, что «колесо» не могло повредить «цветок»: крышка наезжала на него, но он прорастал сквозь нее), Р. О. хорошо представлял себе, как и чем он будет жить дальше. Ему интересно было говорить именно об этом, прошлое и прошлые проблемы теперь воспринимались им лишь как базис настоящего и будущего. Он хорошо помнил, что произошло с ним, и какая работа в плане собственной «личной эволюции» ему еще предстоит. Осмотр показал полное исчезновение ранее фиксировавшихся телесных зажимов и напряженных зон.

На дальнейших занятиях интересы Р. О. были также сосредоточены на будущем и новых жизненных целях, к которым он теперь подходил предельно осознанно – в главе о «личной эволюции» мы еще раз проанализируем этот случай, а теперь отметим несколько крайне важных моментов:

* работа как таковая никогда не ограничивается только рамками семинара или сеанса – механизмы структурных изменений включены, они далее происходят все время, пока перестройка на данном этапе не завершится;

* духовные, душевные и телесные составляющие человеческого существа действительно едины, и правильное воздействие на любом уровне вызывает изменение их всех.

Можно сказать, что человеческое существо относительно вертикали представляет собой кольцевую структуру: уровню «сомы» предшествует сингулярность «-0», выше следуют «псиюше» и «пневма», за которой сингулярность «+0» – через эти две сингулярности, представляющие собой восстановление базовой матрицы, и происходит своеобразное замыкание. Работа с любым «концом» такого круга – это работа со всем кругом в целом.

Выбор терапевтической практики и даже конкретных технических приемов это следствие конкретных обстоятельств места и времени работы, причем, обстоятельства не только пациента, но и терапевта, а точнее, того единого целого, той единой системы, которая образуется как результат их рапортного взаимодействия в состоянии транс.

Когда мы видим состояние очень больших внутренних неконгруэнтностей и внутренней зажатости, без предварительной телесной работы не обойтись – хотя бы потому, что пациента необходимо как-то релаксировать и «отключить» от цифровой болтовни, на которую в противном случае натянутся любые суггестивные техники – как было в случае К.

С другими людьми на первых порах не проходят именно телесные техники. Такие пациенты хорошо отслеживают собственные ощущения и охотно идут на работу с метафорами, поскольку отгораживаются от их содержания; можно сказать, что они сами, или, точнее, что-то несущее в них, содержание боится. Речь идет о ложном ядре, о большой несущей зоне, которая узорпирует центральное положение в структуре человеческого существа. Очень часто это даже не страх, а разделенность в сознании области телесных ощущений и области личных и культуральных структур от уровня убеждений и глубже в их душевном и духовном выражении. Именно это наблюдалось в случае Х. Ф.

Конкретная техника работы, а чаще сочетание техник в некоторой последовательности также определяется подобными аргументами и предположками. Здесь следует учитывать и мотивацию пациента – так, в случае Р. О., его заинтересованность в учебе и мотивированность именно на такого рода деятельность естественно предполагала работу в малом семинаре. В других случаях –

ГЛАВА V Ч. 2

как в случае А. – легче начинать работу со знакомыми системами или с техниками сведения логических уровней. Часто мы вообще не можем определить каким-то однозначным образом технику, в которой работаем. В случае И. одной из таких «неопределимых» техник было обсуждение писем, которые И. получал от своей супруги и писал ей. Это обсуждение было предложено самим пациентом, который поначалу нуждался в одобрении собственной позиции, сомнительной для него самого. Терапевт же использовал создавшуюся ситуацию для отзеркаливания неконгруэнтностей И., используя написанные им тексты в качестве материала для своей работы. В результате, каждое письмо переписывалось по несколько раз, причем от варианта к варианту и содержание, и тон высказываний существенно менялись. Терапевт избегал, при обсуждении собственно писем, каких-либо моральных или иных идеологических оценок текста, сосредоточиваясь на неконгруэнтностях и способах мышления И. Параллельно шла работа на семинарах, которые, в той части, что была адресована непосредственно И., планировались с учетом обсуждения текста. Практика показала, что этот прием весьма эффективен и в данном случае принес желаемые результаты.

Таких примеров можно привести множество – создается впечатление, что конкретные приемы и техники могут «лепиться» из элементарных, «атомарных» навыков суггестивной, знаковой, телесной работы на основе базовых принципов третьепозиционности, раппорта, экологичности и при соблюдении общей психосоматической канвы терапии – «лепиться» под конкретный случай, под конкретного пациента. Говоря о каких-то техниках, мы, таким образом, даем иллюстративные, «установочные» примеры и, одновременно, указываем пути, которые в широком спектре терапевтических ситуаций будут вести к желаемому результату. Вместе с тем, даже в рамках «стандартизированных» приемов – разделения травматических склеек, работы с телесными метафорами, сведения логических уровней, различных третьепозиционных техник и т. д. – мы призываем не следовать приведенным примерам, как уставу Фридриха Великого – здесь необходима гибкость, не столько приверженность конкретной технике, сколько следование методологии и общим принципам структурной психосоматики при безусловном владении базовыми навыками суггестии, телесной работы, работы с убеждениями, знакомыми системами и т. д. Коль скоро мы отталкиваемся от четких структурных представлений, конкретные приемы работы носят подчиненный, служебный характер – важны не они, а общая методология, общие принципы анализа и коррекции, базовые состояния третьей позиции и раппорта, надежная калибровка и ориентация на сущностную триаду пациента, на его природную данность. Такое «гибкое» реагирование и есть, в конечном счете, структурная работа. Она также отличается от заученного применения конкретных техник, как блуждание в незнакомой местности пусть даже опытного путешественника от осознанного движения оснащенного картой и компасом.

Разумеется, структурная работа имеет свои правила. Во-первых, это уже упомянутые и описанные нами базисные условия всякого эффективного анализа и воздействия: третья позиция, калибровка, раппорт, разделение внимания и т. д. Во-вторых, это владение нелинейными методами мышления и анализа и ориентация на «личную эволюцию» пациента. В-третьих, положенный в основу всего принцип экологичности работы и коррекции. И, наконец, опыт, владение конкретными техниками, конкретными приемами, умение применить их и при необходимости заменить.

Что касается принципа экологичности, то в разрезе структурной работы он имеет свои дополнительные черты, о которых стоит упомянуть особо.

Прежде всего, это проблема катарсиса¹¹⁰.

мунда Фрейда, и в психоанализе стал пониматься как освобождение от невротического расстройства в результате повторного переживания травматического опыта, происходящего во время лечебного сеанса.

Отметим, что с одной стороны катарсис одномоментен и в этом смысле подобен озарению; с другой стороны, он должен быть именно очищением, освобождением, а не имитацией таковых. С последней, когда псевдокатарсис становится привычным отреагированием патологической личности, защищающейся от структурной перестройки, исцеления, встречаться приходится сплошь и рядом. Здесь псевдокатарсис – это тоже заместительное течение патологической стратегии, подобно агрессивности С. Н.

Подлинный катарсис – явление единичное. Конкретный человек может испытывать его в своей жизни считанное количество раз, под воздействием очень мощных переживаний и в благоприятный период «личной истории» (а может и никогда не пережить подобного обновления). В этом катарсис подобен религиозному опыту¹¹¹ и пересекается с ним.

¹¹⁰Многие религиозные переживания по своей сути катарсичны. Таково покаяние, таковы глубокие молитвенные состояния. Мы не касаемся здесь сакрального содержания таинства и молитвы, подчеркивая лишь их психосоматическую сущность.

Такой катарсис сам по себе неизбежно ведет к перестройке структуры, сущностному пересозданию текущей триады, более того, он является именно такой перестройкой, таким пересозданием, их первым шагом. Характерно, что о подобном опыте люди рассказывают неохотно и невнятно. Это связано с неоднократно отмеченной нами трудностью вербализации глубинных переживаний, с важностью их для личности, с тем фактом, что после катарсиса человек структурно меняется, ему уже трудно ощутить себя прежним.

Псевдокатарсис иной. О нем много и охотно говорят, используя, главным образом, визуальные предикаты, что неконгруэнтно в целом в данном контексте, им хвалятся, при помощи него заслуживают одобрения и добиваются некоторого положения в кругу учеников или пациентов. К нему привыкают, подобно истерической реакции он становится «громоотводом» на подступах к проблеме, новым руслом патологии, этакой «прелестью» (если использовать этот термин в православном смысле слова), подобной прелести спиритических сеансов или других запретных, и в чем-то даже стыдных, но «элитарных» занятий.

С другой стороны, среди участников психотерапевтических семинаров и пациентов врачей-психотерапевтов сегодня вряд ли встретишь много таких, кто не слышал бы ничего о катарсисе. Он сам по себе превратился в культуральный стереотип, элемент массового сознания. Известно, что в храме надо молиться – и человек зачастую имитирует молитвенное состояние, на похоронах надо скорбеть – и человек изображает скорбь, не испытывая никаких глубоких чувств к умершему. Точно так же на психотерапевтическом сеансе надо испытывать катарсис, это известно – и человек его демонстрирует, точнее, демонстрирует его признаки, разыгрывает псевдокатарсис. Речь идет вовсе не о притворстве, лицемерии, но о реализации еще одной культурально обусловленной не-сущностной поведенческой программы. Разумеется, это не и имеет ничего общего ни с исцелением, ни с пересозданием структуры на сущностной основе. И здесь терапевт не должен идти на поводу у пациента, даже если это льстит его самолюбию и случай можно было бы легко отнести к списку удач.

Именно поэтому так важно, когда в ходе сеанса мы приближаемся к травматическому опыту, к зоне первоначального структурного дефекта, не допустить «сваливания» пациента («в слезы и соплю», когда он буквально превращается в маленького ребенка – необходимо вывести его из этого состояния и обратить его энергию на конструктивную работу с собственной структурой, вернуть к содержанию проблемы: «А вас вообще-то интересует результат? Какой результат вы хотите получить? Давайте внимательно и спокойно посмотрим и разберемся.»). В противном случае, вместо пересборки структуры, терапевт имплантирует пациенту новую не-сущностную зону, на базе которой неизбежно образуется новый обширный структурный дефект со своей периферией в виде патологических стратегий и своим влиянием на уровень самоидентификации – так и было с А. С.

Здесь нам не избежать еще одного вопроса – о ценности личного человеческого опыта. Это положение стало расхожим мне-

¹¹⁰Этот феномен, впервые описанный еще Аристотелем, как душевная разрядка, очищение (греч. Katharsis – «очищение») в процессе сопереживания событиям театрального действия, лег в основу психотерапевтической практики Зиг-

нием современной психологии. Но эта аксиома неверна. И если по невербальным признакам или стилиевым несоответствиям видно, что человек, когда он рассказывает о своем глубоком, как он утверждает, опыте, неконгруэнтен, терапевт не должен признавать этот опыт таковым и изыскать возможность продемонстрировать это партнеру, продемонстрировать неконгруэнтность его высказываний – ведь они свидетельствуют о существовании структурного дефекта, несущностной зоны. Такая демонстрация часто приводит пациента в крайне нересурсное состояние раздражения, иногда даже агрессии. Здесь важно поймать этот момент и отзеркалить реакцию с нейтральной позиции: «Что же вы, только говорили о добре и любви к человечеству, а теперь хватаетесь за нож?». Именно таков опыт псевдокатарсиса. Он лишь подделывается под нечто ценное, но, составляя единое целое с породившим его дефектом, чужд человеческой сущности и сам по себе никакой ценности не представляет. Это болезненный симптом – не более.

Другое дело – опыт, приобретаемый в ходе серьезной внутренней работы (в том числе и опыт преодоления псевдокатарсиса), пересборка личности и всей текущей триады, опыт «личной эволюции». Ценен именно он, и именно к нему должен направлять терапевт пациента. Таким образом, наша работа не может ориентироваться на катарсис – если он происходит, если это действительно катарсис – что ж, очень хорошо, но ожидать и планировать следует длительную работу, некоторый путь, а не мгновенное перемещение из точки в точку.

В плане сказанного становится ясным, почему такое огромное значение в структурной психосоматике придается третьей позиции, третьепозиционным техникам и работе с убеждениями пациента, в том числе на базе различных исторических и культурологических примеров. Можно сказать несколько утрированно, но, вместе с тем, справедливо: третья позиция прежде всего. Даже и в практике работы мы советуем вводить дополнительный контроль этого состояния – наиболее удобной формой реализации любой техники для терапевта является работа вдвоем – один исполняет роль оператора, а другой – нейтрального наблюдателя, который как бы дублирует и подстраховывает третью позицию первого; после сеанса идет обмен мнениями и обсуждение результатов.

Обсуждая проблемы экологичности работы с точки зрения терапевта, мы должны затронуть еще один непростой вопрос: всегда ли и во всех ли случаях терапевт должен браться за лечение. С нашей точки зрения ответ однозначен: не всегда и не во всех случаях. И речь здесь идет не только о собственных силах и возможностях, не только о собственном состоянии, но и о тех ситуациях, когда терапия бесполезна или почти бесполезна в связи с особенностями личности пациента, когда его мотивация недостаточна или убежденческие позиции таковы, что не допускают ни благоприятной коррекции, ни «личной эволюции». Сказанное может показаться странным или аморальным, но, повторимся, мы выносим вопросы морали за скобки, впрочем, можно сделать и так, что неэкологичная работа, ведущая к пустой трате времени тем самым и аморальна. Так, в случае Ф. одному из авторов пришлось отказаться от работы, поскольку отношения терапевт – пациент были осложнены многочисленными, не относящимися к терапии контекстами. Этот вопрос – разделение контекстов в парных отношениях врача и больного, ведущего и слушателя семинара, учителя и ученика и т. д. – очень важен и непрост. Нормальным представляется отношение, когда в рамках сеанса осуществляются одни правила игры, а за его пределами – другие, однако это не всегда возможно, даже если терапевт предельно строг, корректен и бескорыстен. Хорошо известен и неоднократно описан феномен, когда пациент не может сохранять необходимую канву поведения – пытается привнести в терапию оттенок личных отношений или распространить доверительность, неизбежно возникающую в состоянии раппорта на личные отношения вне сеанса. Часто пациент влечет за собой возникновение той или иной зависимости пациента от терапевта – это может быть и любовь, и ненависть, и весь спектр промежуточных эмоций. Строго говоря, подобные чувства свидетельствуют об ошибках терапевта, нарушении им принципов экологичности в ходе работы, хотя избежать их очень трудно, а иногда и нет необходимости. Приходится мириться с тем, что излеченный тобой человек начнет избегать тебя как некое навязчивое напоминание о своих прежних проблемах, как нежелательного свидетеля. Это издержки профессии.

Следует, однако, отметить, что для опытного терапевта не представляет труда «привязать» к себе пациента своеобразной «васальной зависимостью», создать вокруг своей личности некий миниатюрный культ. Этот прием очень широко и злонамеренно эксплуатируется всевозможными гуру, «чудесными целителями», основателями лечебных методик и т. п. явными или потенциальными основателями сект. Вспомним описанный нами случай И. С., прочтем десяток-другой однотипных рекламных объявлений о «сеансах здоровья», которыми пестрит бульварная пресса и газеты бесплатных объявлений, освежим в своей памяти впечатление от теле шоу Кашпировского и иже с ним – и все станет ясно. Это глубокое нарушение принципа экологичности работы, аморальное также и с любой традиционной позиции.

Если же не обращаться к таким крайним примерам, то придется признать справедливость старого врачебного правила: близких не лечи. Впрочем, мы вполне можем представить себе ситуацию (более того, оказывались в такой ситуации), когда параллельно с отношениями терапевт-пациент, вполне формальными, возникают совершенно иные – дружеские, отношения учитель-ученик, любовные или даже неприязненные. Как быть в этом случае? Если это возможно, если такое допускает структура возникшей пары, строго разделить контексты, если же это невозможно, если смешение контекстов происходит, отказываться от терапии – дополнительный фактор способен исказить все ваши действия и намерения.

1. СЕМИНАРЫ И ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Современная психотерапия ввела в практику различные формы групповой работы. Отчасти это вызвано тем, что, вопреки мнению непрофессионалов, наведение группового транс достигается легче, чем при индивидуальной работе. Однако, эта работа абсолютно неприемлима. Поэтому структурная психосоматика с ее принципиальной ориентацией на конкретное человеческое существо, в целом, выступает против всевозможных массовых «оздоровительных сеансов», «групп психотренинга», «групповой психокоррекции» и т. д.

Вместе с тем, учебные и учебно-практические семинары стали основной формой обучения и пропаганды для всех новых медицинских, психологических и родственных школ и направлений. Так происходило и происходит с НЛП и различными телесно-ориентированными методиками. Так происходило и происходит и со структурной психосоматикой, начиная еще с того времени, когда только закладывались ее базовые положения, а самого названия не существовало.

В ходе таких семинаров обычно проводились показательные сеансы терапии, и было отмечено, что часто достигаются очень хорошие результаты. Так было в случаях К., Р. и многих других, которых мы касались или не касались в этой книге. Разумеется, такие показательные сеансы всегда были глубоко индивидуальной работой, которая проводилась публично, однако воздействие их и на других участников семинара было несомненным. Одновременно было замечено, что разъяснение базовых положений концепции и метода структурной психосоматики пациента благоприятно влияет на результаты работы.

Учебные и учебно-практические семинары всегда проводились в достаточно узком кругу – при десяти-пятнадцати участниках, однако их снижение до четырех-шести человек позволило придать им совершенно новое качество – групповой терапевтической работы, которая при этом сохранила все преимущества работы индивидуальной. Выяснилось, что при таком количественном составе, когда, кроме того, терапевт знакомится с проблемами и статусом участников до начала семинара, а во время него при необходимости проводит дополнительную индивидуальную терапию, именно коллективная работа в значительной степени способствует усилиям терапевта: она усиливает корректирующее воздействие, формирует благоприятную атмосферу, обеспечивает необходимую мотивацию. Более того, оказалось, что в рамках такого семинара часто нет необходимости использовать специальные техники – работу со знаковыми системами, телесными метафорам, сведение логических уровней и т. д., точнее такой семинар представляет собой самостоятельную технику работы.

Он строится как учебно-практическое мероприятие. Семинарским занятиям предшествуют индивидуальные собеседования

будущих участников с терапевтом, в ходе которых выясняются важные для дальнейшей работы обстоятельства: проводится первичная калибровка, выясняются проблемы пациента, его мотивация и желательные (ожидаемые) «правила игры»¹¹², его образовательный уровень, определяются и четко обозначаются рамки взаимоотношений в ходе семинарских занятий.

ГЛАВА V Ч. 2

¹¹²Для учебно-практических семинаров по психологии, психотехнике, эзотерике и т. д. весьма характерно, что подлинной мотивацией человека является не желание обучиться какому-то новому знанию или приобрести навык, а, прежде всего, разрешить свои личностные проблемы. Очень важно определить, от чего же он стремится исцелиться. Такие проблемы далеко не всегда носят характер какого-либо телесного или душевного страдания – очень часто они социальной или мировоззренческой природы. Это может быть конфликтность социальных связей человека, отсутствие смысла жизни, неудовлетворенность образом своей жизни и т. д. Таким образом, вопрос должен ставиться в следующих ракурсах: «Зачем человек хочет участвовать в семинаре? Почему он апеллирует к структурной психосоматике? В каком отношении он ставит свое Я и весь корпус психосоматических вопросов?».

Последнее очень важно: семинар не только выглядит как «нормальное обучение», но действительно является таковым; одна из целей терапевта – раскрыть суть концепции и метода структурной психосоматики, передать участникам новые для них методы мышления и тем самым способствовать их «личной эволюции». Эта цель ставится явно и ясно. Другая – коррекция, терапия как таковая – подразумевается. Разумеется, она понятна и пациентам, но присутствует как бы незримо. Это «дополнительная выгода» для них. «На самом деле» пациент часто с самого начала стремится именно получить терапевтическую помощь – в первую очередь, и лишь во вторую очередь – знания, однако он чувствует себя комфортнее в рамках сценария «ученик-учитель», чем в рамках сценария «больной-врач». Снятие запретов, внутренних ограничений, противояствия, продуктивных социальных и культуральными стереотипами, очень важно, и в этом случае достигается как бы «само собой». С другой стороны, именно при такой работе мы ясно видим, что задачи и конечные цели обучения и коррекции очень близки между собой, они едва ли не тождественны в том случае, когда речь идет о создании (педагогике) и воссоздании (терапии) полноценной человеческой личности, т. е. о «личной эволюции». Терапия или коррекция переходит в педагогику, а последняя из директивной указующей дисциплины превращается в наставничество (в истинном смысле этого слова), продуктивное и свободное обеспечение предпосылок личного развития, которое происходит не внешней силой, а волей и трудом самого человека. Мы имеем в виду отношения, в чем-то схожие с традиционной системой «гуру-шишья парампара». Эти отношения во многом неформальны и более свободны, чем «школьные», но при этом обладают собственной внутренней дисциплиной, собственной – и очень определенной – строгостью. Самое важное, что ведущий семинара ни в коем случае не «чиновник» (подобно школьному учителю) и не гипнотизер – «укротитель» – он помощник или, лучше сказать, проводник, так сказать, профессиональный егеря, помогающий профану «выследить зверя». Конечно, отношения внутри такого семинара в общем случае не достигают уровня «гуру-шишья парампара», в том смысле, что ведущий не берет на себя ответственность учителя (гуру) по отношению к ученику (парампара), а ученик, в свою очередь, не перепоручает всецело свою волю учителю. Такие взаимоотношения тоже могут возникнуть, но они вовсе не обязательны и не являются видовым признаком данной техники.

Здесь, в условиях малого семинара (когда «лечение» = «обучение»), явственно проявляется важнейшая терапевтическая установка структурной психосоматики: терапевт не может замесить своей волей волю пациента и не может подчинить своей работой его собственную корректирующую работу в процессе пересоздания структуры личности. Структурная психосоматика категорически выражает против традиционного сценария манипулирования, когда пациент рассматривается как абсолютно пассивная вещь, подлежащая ремонту. В ее представлениях терапевт – не манипулятор, не «часовщик», а проводник, учитель, даже «зеркало»... – его роль «только» в том, чтобы раскрыть перед пациентом его проблемы, указать путь их решения и помочь на этом пути, взять за руку и повести, но не насильно переставлять ноги. Таким образом мы и приходим к заявленному тождеству или «почти» тождеству «лечение=обучение». Разумеется, «лечение» и «обуче-

ние» представляют собой разные виды деятельности (наряду с такими видами, как «игра», «труд» и т. д.) – все же они очень близки, а в идеологии всех видов альтернативной медицины и педагогики почти тождественны. Действительно, здесь «лечение», «исцеление» – это, прежде всего, «обучение искусству быть здоровым», а «обучение» – «излечение», «исцеление» отношения от естественной данности. И в случае болезни, и в случае «незнания» или, точнее, «невежества» (т. е. «неоформленности», «неотесанности», «загрязненности сознания» и т. д.) состояние «инь», являющееся отклонением от природной предрасположенности, врожденных качеств, должно быть переведено в состояние «юань», а уже затем – личными усилиями – в состояние «ян». Для перехода от «инь» к «юань» необходим «создатель», «учитель», «наставник». Для перехода от «юань» к «ян» необходимыми уже не только собственные усилия – здесь никто не может помочь – возможно лишь указание направления движения.

В традиции все это понималось очень четко. Определение в Православии духовника в качестве «лекаря человеческих душ» не случайно. Очень любопытно описание начального периода жизни Парсифаля в романах Кретьена де Труа и Вольфрама фон Эшенбаха (связь между легендами о Граале и эзотерической традицией не подлежит сомнению). Парсифаль растет в «дикости» в полном смысле этого слова – мать, которая боится потерять его, искусственно изолирует сына от всего, что могло бы привести его на путь рыцарских подвигов, который предначертан ему по крови. Однако, Парсифаль, встретив в глухом лесу, где «воспитывается», рыцаря, отправляется в странствие, почувствовав глубочайшую внутреннюю тягу к этому. Однако он, в полном смысле слова, «невежественен» (в куртуазном лексиконе рыцарского романа это и определяется как «лишенный вежества»), что приводит его к ряду тяжелейших ошибок, чуть не ставших роковыми. В ходе странствий, своей авантюры, он должен сперва образовать самого себя, а затем уже он может проникнуть в волшебный замок св. Грааля Мунсельвеш. Этот замок и его хозяин, таинственный Король-рыболов, недостижимы не потому, что далеки (в первый раз Парсифаль встречает Короля-рыболова в самом начале своих странствий, но просто не способен осознать значение такой встречи), а потому, что сонскатель должен быть готов к достижению. Аналогичным образом в буддизме махаяны сансара (профанческий плен бытия) тождествен нирване (истинный его плен), и лишь «загрязненность» сознания не позволяет человеку переживать нирваничность окружающей жизни, он оказывается погружен в сансару, т. е. в «страдание».

Таким образом, «дикость», неоформленность, «невежественность» не могут быть, вопреки Руссо и прочим, рассматриваться как «естественность» – они должны быть «образованы» или «исцелены», «инь» должно перейти в «юань». Телесный недуг, душевная «детренированность» (невладение элементарными приемами самоконтроля и психотренинга), духовная невоспитанность – все это явления одного плана, которые должны быть преодолены путем «лечения=обучения». Здесь «лечение» суть дальнейшего развития принципа гигиены (от гигиены «внешней» чистоты к гигиене органов и систем организма и самого образа жизни), а «обучение» – та же гигиена психического и духовного уровней организации.

Итак, учебно-практический семинар оказывается одной из терапевтических техник. Содержание занятий сводится к изложению различных аспектов структурной психосоматики во всех ее преломлениях; оно примерно соответствует содержанию этой книги. Форма предельно свободная, но при этом ведущий не должен выпускать ни на минуту происходящее из-под контроля. Обычно каждое занятие начинается с краткого эксп-курса к предыдущим темам, когда необходимо установить, во-первых, степень погружения участников в материал, т. е. насколько они поняли уже пройденное и, что главное, насколько владеют им в практическом смысле (иногда следует отказаться от дальнейшего изложения, осветив пройденную, но не понятую и не воспринятую в виде навыка тему с другой стороны – лучше добиться хоть малого, но истинного успеха, чем удовлетвориться обилием информации, облетающей с умов слушателей как шелуха буквально через несколько часов после ее предъявления), а, во-вторых, выяснить, какой отклик в их собственной структуре возник в связи с этим. Это очень важная фаза. Иногда несколько слов, сказанных кем-либо из участников, меняют планы терапевта – теперь он ориентируется на высказавшего их человека и целенаправленно воздействует на него, уловив, что для этого наступил подходящий момент. Вслед за всту-

пительной фазой наступает фаза изложения нового материала. Здесь очень важно уметь преподнести каждую мысль с разных точек зрения и разных позиций, учитывая особенности всех участников – их модальность, жизненный опыт, структуру, склонности, образовательный ценз и т. д. Кто-то лучше воспринимает сказанное через формально-математическое представление (так было с И.), кто-то – через графическое (например, Р. О.), кто-то – через своеобразные формулы-афоризмы, через игру слов и т. д. Очень хорошо работают примеры из области культурального опыта человечества, из литературы, истории, биографические примеры, и передаче традиционных представлений с расширением их подобия друг другу и психосоматическим идеям. Приходится по несколько раз излагать одно и то же, но в разных видах – именно так мы строили и эту книгу. Скажем, излагая концепцию логических уровней сознания, необходимо ввести их, исходя из всех возможных предпосылок: через когнитивные вопросы, через физиологию и признаки транса, через графические представления, через модель Глобального взаимодействия, через феномены времени и скорости прохождения ощущений, через поднятия центра осознания и вектора внимания, через традиционное представление о чакрах и «телах» человеческого существа и т. д., наконец, через собственные ощущения участников – их необходимо «провести» по логическим уровням настолько глубоко, насколько это возможно в каждом конкретном случае. В этом, последнем, т. е. в приобретении собственного опыта и заключается видовая особенность учебно-практического семинара, его коренное отличие от лекции. Эта особенность и делает его не только учебным, но терапевтическим мероприятием.

Действительно, чего мы добиваемся и в ходе реализации других терапевтических методик? Во-первых, погружения человеческого существа на глубинные уровни, к истокам самого себя, к незамутненным и неискаженным волеиям ядра. Это само по себе способно привести к обновлению структуры на сущностных основах, к ее пересозданию. Если же и глубинные уровни (даже уровень самодентификации) содержат обширные зоны искажения, то мы, во-вторых, добиваемся исправления дефекта, заполнения пробела и т. д., т. е. проводим соответствующую коррекцию.

Это же самое происходит и на семинаре. Прежде всего, мы достигаем устойчивого раппорта, основанного на взаимодействии по сценарию «ученик-учитель», на совместном постижении нового. Во-вторых, мы погружаем участников семинара в глубокое трансовое состояние, даже когда речь не идет собственно о логических уровнях сознания, наконец, мы обучаем новым методам мышления, даем представления о структуре, структурных феноменах, «личной истории», «личной эволюции», о дефектах и принципах их коррекции. Все это, в целом, уже корректирует личность, даже без специальной целенаправленной работы, направленной на каждого конкретного человека.

Здесь имеет смысл подчеркнуть, что понятие «логические уровни сознания» является центральным во всем концептуальном корпусе структурной психосоматики и, соответственно, важнейшей практической целью семинаров в их «учебной ипостаси» – наличие участников погружаться на глубинные логические уровни и устойчиво пребывать на них, оперируя сознательно соответствующими категориями и приемами мышления. Уже это можно считать и предпосылкой коррекции, и в ряде случаев, коррекции собственно, однако условия работы в малых семинарах позволяют на фоне глубокого транса и готовности к терапевтическому воздействию (она формируется как результат практически закрепленного знания основ структурной психосоматики) провести индивидуальную работу, четко ориентированную на конкретные проблемы и особенности структуры данного человека.

Такая работа, как мы видим, может начинаться уже на стадии предварительного обсуждения пройденного, она может вестись во время изложения нового материала и ей, по большей части, посвящена третья, заключительная фаза семинарского занятия – свободное обсуждение темы занятия. В ходе такого обсуждения участники излагают свои мысли относительно услышанного, задают вопросы, приводят примеры, предъявляют примеры и т. д. Общение предельно свободно по форме, но должно быть, одновременно, предельно управляемо терапевтом по содержанию, по общему направлению и канве своего развития.

С точки зрения терапии, терапевт еще перед занятием обычно планирует корректирующее воздействие; он знает, кто из участников будет объектом индивидуальной работы, в чей адрес будут,

преимущественно, направлены все вербальные и невербальные воздействия. Семинар приобретает следующую структуру: терапевт-пациент (участник семинара, в отношении которого проводится целенаправленная индивидуальная работа) – аудитория (другие ученики; их роль не пассивна – они своим присутствием и своими реакциями усиливают воздействие терапевта, выступают как своеобразные редакторы). Однако, реальные условия терапии, конкретика человеческих обстоятельств и развитие процессов пересоздания структуры часто вносят изменения в планы терапевта – он должен, ориентируясь на реакции участников, выбирать момент воздействия и его форму оптимальным образом и работать с тем пациентом, кто наиболее готов к корректирующему воздействию. Такое воздействие, в данном случае, может осуществляться с применением элементов других техник – техники разделения травматической склейки, работы с телесными метафорами или со знаковыми системами – или через предъявление неожиданных примеров, новых мыслительных схем, разбор конкретных случаев, традиционных систем, культуральных реалий и т. д. В данном случае, само обучение, оставаясь таковым для других участников семинара, для адресата корректирующего воздействия становится терапией. Часто терапия не ограничивается и не может ограничиваться рамками собственно семинара – для завершения коррекции проводятся специальные индивидуальные сеансы, но и они не выпадают из общего контекста, из ткани семинарской работы и сохраняют черты сценария «ученик-учитель».

Итак, семинар позволяет провести более подробную калибровку пациента, детальный анализ его структуры в самых разных контекстуальных зонах, постепенно приучить его к операциям в состоянии транса, подготовить к техникам структурной психосоматики, ввести в круг ее идей, представлений и методов, научить ориентироваться в ее терминологии. Он обеспечивает благоприятную атмосферу взаимного доверия, а мотивация пациента поддерживается благожелательным отношением других участников. Все это позволяет работать в сложных случаях с высокой эффективностью. Однако, как и любая другая, техника семинара вовсе не универсальна. Она предъявляет определенные требования к пациенту (это, в первую очередь, способность работать в условиях учебно-практического мероприятия, определенный образовательный ценз, соответствующие мотивации и т. д.) и, разумеется, к терапевту.

Обратимся к конкретным примерам.

В случае С. Н. погружение в область структурного дефекта. Первичной травматической склейки произошло во время семинара, на втором занятии цикла. Терапевт планировал на этот день индивидуальную работу именно с этим участником группы, но его реакции были неожиданны. Речь шла о знаковых системах, о содержании этого понятия¹¹³, в качестве примера терапевт описал и продемонстрировал приемы работы с пиктограммами, с произвольным прямоугольником и точкой (как в случае А.).

¹¹³Последовательность изложения концепции и метода структурной психосоматики в каждой конкретной семинарской группе диктуется составом участников и задачами терапевта, и может не совпадать с принятой в этой книге, как было и в данном случае.

Внезапно С. Н. заметил, что вспомнил или, точнее, начал вспоминать обстоятельства своей детской психотравмы. Но он находился в это время в глубоком трансовом состоянии – на пятом логическом уровне.

Высказывания С. Н., казалось бы, не имели никакого отношения к теме занятия, но были вполне понятны терапевту и содержательно, и структурно. Этот пациент обращался за помощью в связи со своими телесными проблемами. В ходе первого ознакомительного сеанса были выявлены характерные зажимы в области низа живота и определен круг характерных личностных проблем: напряженные отношения с матерью, связанные с детским воспоминанием, которое все время ускользало от С. Н., аномальная агрессивность, подкрепленная соответствующими убежденческими схемами, которые декларировались даже с некоторым вызовом, наркомания. Одновременно выяснилось, что С. Н. интересуется вопросами психологии и традиционными психотехниками. Ему было предложено участвовать в семинаре – таким образом он и оказался в группе.

Итак, С. Н. заявил, что начинает вспоминать обстоятельства психотравмы: он вспомнил, как капризничал, как мать пыталась утихомирить его, а затем оставила одного среди незнакомых лю-

дей, вспомнил свой страх (позже он заметил, что подобные по силе эмоции не переживал больше никогда в своей жизни), затем следовал провал, и он помнил себя уже вместе с матерью, которая пыталась успокоить его. Это было через несколько часов. Эти часы все еще оставались вне зоны осознания и, вместе с тем, одна только мысль о них повергла С. Н. в панический ужас, в крайне нересурсное состояние.

ГЛАВА V Ч. 2

В этой ситуации терапевту пришлось менять свои планы. Он предполагал работать с С. Н., но в рамках знаковых систем, а теперь переключился на иную технику. Во-первых, было необходимо вывести С. Н. из нересурсного состояния, обратиться к конструктивной работе. Это было сделано очень быстро, когда терапевт отметил, что проникновение С. Н. в «темную зону» собственными усилиями – это большая удача, свидетельствующая, кроме всего прочего, о силе его характера и присущей ему жизненной активности – теперь необходимо идти дальше и выяснить все до конца. После этого С. Н. заявил, что он чувствует связь «темной зоны» с зажимом в области живота и своими частыми ангинами, хотя это и кажется ему странным и нелогичным. Здесь терапевту пришлось изменить тему занятия и перейти к травматическим склейкам. Дальнейшая работа велась в этой технике – зона первичной психотравмы была полностью вскрыта и проработана.

На этом этапе терапевт сосредоточился на детском травматическом опыте С. Н., его структурных последствиях – первичной травматической склейке, – и телесном выражении последней – зажим в области Манипуры. Работа с вторичными патологическими стратегиями, с повышенной агрессивностью С. Н. и несущностной зоной уровня убеждений, сформировавшейся вокруг них, проводилась на другом занятии. Оно было специально спланировано вокруг подробного и широкого обзора культуральных, социальных и исторических примеров, связанных с вопросами социального поведения, с проблемой «общество-личность». Упрощенно говоря, рассматривался вопрос, может ли быть успешной и эффективной позиция агрессивного одиночки, действует ли на практике схема «человек человеку – волк», достигает ли цели поведение, основанное на «праве сильного». Эти рассуждения велись в рамках общей темы занятия: «несущностные имплантированные карты и социальные стереотипы»; причем, формой занятия был открытый обмен мнениями. Работа продолжалась несколько часов, но своей цели терапевт достиг. Между прочим, в завершение сеанса С. Н. отметил, что «на самом деле» никогда до конца и не верил в правильность своих взглядов, но придерживался их по принципу: «пусть это ошибка, но моя ошибка; я так поступаю, и будь что будет». Теперь он понимал, что лежало «за» его поведением, что агрессия была защитной реакцией, не позволявшей развиваться первичной патологической стратегии, приводившей к тяжелому телесному страданию. Подобная реакция достаточно характерна. Сколь бы обширным ни был структурный дефект, даже если он приобретает характер «ложного центра», «ложного Я», воления ядра всегда ощущаются личностью наподобие некой «точки отсчета», «истинного горизонта». Все же, подобная интроспекция не должна вводить нас в заблуждение – если пациент заявляет, что «всегда знал» о неистинности собственных убеждений, то это лишь потому, что к моменту такого заявления терапия продемонстрировала ему чуждость этой зоны его структуры. Что же касается позиции «я так поступаю, и будь что будет», то она говорит о наличии в этой контекстуальной зоне пробела – человек не умеет пока поступать иначе, у него нет истинных карт, и, хотя ложность прежних очевидна, ей еще нечего противопоставить.

В ходе сеанса терапевт специально спланировал и спровоцировал межличностную конфликтную ситуацию, подобную тем, которые разрешались С. Н. раньше в русле встречной агрессии. Контекст семинара и отношения «учитель-ученик», а также готовность терапевта к возможной реакции пациента, отзеркаливание малейших изменений в его поведении, не позволили развиваться агрессивному ответу – тем не менее, никаких болезненных ощущений не возникло. В этот момент терапевт резко прервал ход дискуссии и обратил внимание С. Н. на это обстоятельство. Было подчеркнуто, что, поскольку первичная травматическая склейка разрушена, и вся патологическая стратегия, связанная с болезненным спазмом в области живота «вычищена» из его структуры, С. Н. лишен необходимости прибегать к каким-либо аномальным поведенческим ходам и должен теперь научиться жить нормальной социальной жизнью.

Здесь С. Н. и высказал свое давнее сомнение в справедливости собственных убеждений, добавив, что это сомнение побуждало искать его другой выход – и таким выходом были наркотики. Вопросу наркотиков было посвящено еще одно занятие, но в данном случае мы не можем утверждать, что был достигнут устойчивый успех – для этого слишком мало материала¹⁴.

¹⁴Вопрос терапии наркомании ставит перед нами очень сложные проблемы, связанные с критериями излечения этого страдания. Распространено мнение, что наркоман останется таковым до конца своих дней, даже если он больше никогда не употребляет наркотики. Мы бы предпочли говорить о излечении наркомании в том смысле, что удается преобразить структуру человека таким образом, что в дальнейшем он может свободно и в условиях свободного выбора обходиться без соответствующих одурманивающих веществ – упрощенно говоря, находясь рядом со шприцем, полным героина, он не протянет к нему руку и не под воздействием страха или какаго-либо искусственного блока (лекарственного либо психологического), а потому что «это ему не надо».

К моменту семинара С. Н. уже около девяти месяцев не употреблял никаких наркотических средств. Подобные ремиссии бывали у него и прежде, а общий «опыт» наркотической зависимости в данном случае составлял более десяти лет. Данное пристрастие также обставлялось в сознании С. Н. целым рядом убежденческих схем. Можно сказать, что он исповедовал «культурную наркоманию», как некоторые исповедуют «культурное пьянство»: следил за своим состоянием, за качеством потребляемых препаратов, время от времени ложился в частную клинику для гемосорбции и восстановительной терапии и т. д. Само потребление наркотиков обставлялось определенным ритуалом, причём С. Н. предпочитал считать себя не просто наркоманом (к таковым он относился отрицательно), а своеобразным исследователем «глубин психики». Отметим, что это характерно для большой группы наркоманов, так сказать «интеллектуального типа». Так, другой пациент, С. Г., говорил, что его привлекает не сам «кайф», а процесс приготовления «зелья» – по его утверждению, это «подлинная алхимия». На этом основывалось утверждение «да, я наркоман, но не такой, как большинство» и пренебрежительном отношении к потребителям готового героина. Истинный смысл любой эстетизации, героизации или интеллектуализации очевиден – это все те же имплантированные несущностные убежденческие схемы, обосновывающие для личности присутствие в ее структуре соответствующего дефекта – наркомании – и соответствующей патологической стратегии – наркотической зависимости. Все люди этой группы, известные авторам, пробовали самые разнообразные наркотические и психотропные средства, но предпочтение отдавали опиятам кустарного изготовления, т. н. «черному»¹⁵, неоднократно лечились и даже попадали в заключение в связи с «наркоманскими» статьями, но возвращались к наркотикам, оправдывая себя аргументами убежденческого характера.

¹⁵От китайского «хань – черный», т. е. опиум-сырец. Другое жаргонное название «ханка». Так называют и само сырье и самодельные препараты на его основе.

Опиаты представлялись им как «благородный кайф», «аристократическое занятие» и т. д. В последнее время стали предьявляться и аргументы, основанные на книгах Карлоса Кастанеды. Здесь неналого отойдем от основной темы и сделаем небольшое отступление.

Сторонники наркотиков и в особенности психотропных веществ, галлюциногенов читают Кастанеду только в этом контексте. Для них крайне привлекательной представляется концепция, проповедующая возможность «личной эволюции» путем применения микселина, дурмана и т. п. средств, хотя «учение донна Хуана» вовсе не сводится к этому.

Вместе с тем, мы должны констатировать, риска вызвать неудовольствие большого количества кастанедианцев, что учение их кумира вовсе не безопасно и в достаточной степени сомнительно в самых различных своих элементах. Его неустранимый недостаток – вырванность из общего контекста индийской культуры, механическое перенесение ее реалий в совершенно иные реалии – индустриального общества конца XX века. С точки зрения структурной психосоматики это та же имплантация, но не на уровне личности, а на уровне культуры современного западного общества.

Вот что пишет в своей статье о Карлосе Кастанеде известный современный философ-эзотерик Рам Тамм: «Основным качеством

работ Кастанеды, повсеместно признанных бестселлерами уже со времен выхода в свет его первой книги, является их большая суггестивность. Его книги буквально приковывают внимание читателя: взывая к самым естественным сантиментам, они, в то же время, предлагают как бы жемчужину эзотерической мудрости, по которой так толкует множество людей во всем мире. Более того, многие принимают работы Кастанеды как книги наставлений для использования этой мудрости на практике, надеясь с помощью чудотворной магии яки разрешить все жгучие проблемы человеческого существования. И венец всего — это то, что историю рассказывает не какой-нибудь индийский или китайский мудрец из забытого прошлого, а их современник, ученый, специализирующийся в антропологии. Он задает дону Хуану те же вопросы, которые хотел бы задать читатель, пытается критически анализировать свои переживания; он не верит, он рационалист и скептик; он все желает проверить на опыте, чтобы узнать действительную ценность того, через что ему приходится проходить. Однако со временем подобные попытки оканчиваются неудачей, и, в конце концов, мы видим, как прежде важничающий, позитивистски настроенный западный человек медленно превращается в колдуна яки, в «человека знания», для которого нет разницы между реальностью и сном, ... натурфилософские взгляды которого основываются, в первую очередь, на магической практике и силе суггестивного воображения. Это как раз та метаморфоза, которую хотели бы пережить многие западные люди, чтобы вернуться к гармоническому «золотому веку» ранней цивилизации, оставив позади все невзгоды и разочарования современного существования. Это то, чего многие в этом мире пытаются достичь с помощью религии, наркотиков, искусства, философии, различных социальных движений и даже насилия. И вдруг появляется живой пример (который, между прочим, так основательно «стер свою личную историю», что жизнь его уже стала мифом), и люди любой ценой стремятся поверить ему, как если бы это было их единственным «кубическим сантиметром шанса». В целом, книги Кастанеды оказались захватывающими, инакоборческими боевиками по отношению к западному позитивному стилю мышления, они в значительной мере помогли заполнить вакуум практического мистицизма, который в самом деле стал проблемой в западном мире. ».

Сказанное очень легко разобрать в терминах структурной психосоматики. Наличие в культуральной структуре западного общества существенного пробела (мы можем назвать это традиционным образом — «кризисом духовности») приводит к легкой имплантации в эту науку всевозможных несущественных конгломератов — социально-политических, поведенческих, псевдомистических и т. д. С точки зрения механизма такой имплантации содержательная сторона этих имплантантов не имеет значения — это может быть псевдоязыческая идеология нацизма, «культурная наркомания» или учение Кастанеды, причем, если некоторые из этих имплантантов в любых условиях несомненно несущественны, то другие, в другой социальной структуре в ряде своих элементов, могут оказаться вполне истинными.

Для индейца, живущего в условиях родового строя, поиски духа-помощника (сопряженные с огромными трудностями — постом, отшельничеством и т. д.) вполне естественны. Также естественно для обитателя мексиканской сьерры, например, современного индейца-ууголя, живущего по обычаям и укладу предков, совершать переходы до 500 км в поисках галлюциногенного кактуса пейотля, терпеть голод и жажду. Кактус нужен ему не для экспериментов над собой, не для заполнения душевной пустоты. Он используется один раз в году на священном ритуале в церемониальном центре племени (Тунике), куда за сотни километров стекаются все уголи. Здесь они становятся участниками сверхъестественной мистерии, цель которой — воссоздать, как они верят, обстановку, необходимую для обновления жизни на земле, дать новую жизнь богам и творимому — в который уже раз — или миру.

Согласитесь, что есть огромная разница между юношей-индейцем, который, истощенный многодневным постом, претерпевающий все трудности и опасности одиночества, всеми силами стремится обрести «тайного помощника», без чего не может стать «человеком», полноправным членом собственного народа, между паломником-ууголем, претерпевающим голод и жажду в пустыне в поисках «духовного сердца» не ради самореализации, но для того, чтобы его племя могло в очередной раз восстановить связь с Нашими Предками, в мистическом ритуале обновить дряхлеющую Вселенную, и

западным человеком, участником семинара по «магии древней Мексики». Он заплатил свои пятьсот долларов, принял ванну в гостиничном номере и только что съел гамбургер — теперь он впривае ожидать, что его научат, как «двигать точку сборки» и «стирать личную историю»... Он может позволить себе быть фанатиком.

Рам Тамм резюмирует: «Само учение профильтровано в книгах Кастанеды через традиционную привычку позитивного «опи-сания мира», и драматизм в большей степени возникает за счет эмоций и воображения автора. Поэтому этим писаниям нельзя доверять, как источнику оригинального учения или как практическому руководству по магии яки. Однако, многие читатели (особенно в Восточной Европе, где вакуум мистицизма ощущается особенно остро) склонны принимать книги Кастанеды как евангелие и, что еще хуже, — подвергаются соблазну потреблять наркотики в надежде на развитие магических сил. Из-за упомянутых выше причин результаты, как правило, бывают очень грустными, потому что максимум, чего западный человек сможет достичь такой практикой — это открыть себя всевозможным видам социальной психоза и встать на путь духовной деградации.»

Здесь следует отметить очень важный момент, свойственный имплантации на любом уровне — на уровне личности или общества, безразлично — имплантант по сравнению с исходной формой, сущностной для какой-то иной структуры, всегда профанирован, искажен. Это вполне естественно — ведь он вырван из структуры, лишен многочисленных связей с ней, а для лучшего «прижизнения» снабжен чуждыми себе элементами, которые могут помочь ему укорениться на новом месте. Он везде маскируется под что-то, чем на самом деле не является, он как кукушкино яйцо, подброшенное в чужое гнездо. Случаи излечения здесь единичны и весьма показательны — они связаны с «личной эволюцией» личности, с «внезапно» возникающим ощущением «мне это больше просто не надо». Л. именно так

и описывал свои переживания: «Однажды утром я понял, что это мне больше просто не надо.». Он неоднократно и безуспешно лечился, а после самостоятельно принятого решения не употребляет наркотики уже двадцать лет. Похожее переживание испытал и А. И., который отказался от наркотиков под воздействием личных мотивов — любовь и женитьба — и воздерживается от них уже пятнадцать лет. В обоих случаях «внезапное решение» явилось конечным результатом большой внутренней работы, повлекшей за собой качественный скачок. В терминах структурной психосоматики мы можем определить это как «личную эволюцию» и «структурную пересборку».

Как минимум, личности здесь необходимо заполнить пробел структуры, который прежде заполнялся наркоманией — заполнить сущностными убежденческими схемами. Разумеется, это редко можно сделать только путем личных усилий и никогда — только под внешним воздействием, без собственной внутренней работы.

В случае С. Н. терапевт постарался разрушить именно убежденческие схемы, сформированные вокруг наркотической зависимости и представляющие ее в качестве некоего «духовного деления», «странствия», «занятия для избранных». Работа велась, опять-таки, с привлечением обширного культурологического и исторического материала. Разбирались традиционные взгляды на проблему наркотиков и массовые стереотипы, существующие по поводу этих взглядов. Темой занятия было «чакровая система и измененные состояния сознания». Центральным тезисом был известный тезис авторитетов йоги: «наркотики действительно «раскрываются» те или иные чакры и открывают путь к другим планам существования, но это суррогатное средство, не сравнимое с путем духовного совершенствования и к тому же очень опасное»¹¹⁶.

¹¹⁶Наркотики мобилизуют чакры, забрасывают центр осознания на глубинные логические уровни, где личность не способна ориентироваться — она получает бессистемные ощущения, абсолютно бесполезный опыт, который, во-первых, способен существенно поколебать всю структуру личности (скажем, феномены пятого уровня воспринимаются как феномены первого или второго, «внутренняя» реальность — как «внешняя» и т. д.), при этом, во-вторых, разрушается и истощается вся чакровая система человека. Наркоман не может работать с чакрами в традиционных психотехниках — они для него и трудноисполнимы, и опасны.

В ходе занятия, которое также строилось как свободная дискуссия, С. Н. признал: «Да, действительно. Наркотики — это замена, паллиатив истинного развития, нет и не может существовать

«культурной наркомании»». Тогда он высказал следующее утверждение: «Я понимаю теперь, что просто обманывал себя, приукрашивая собственную слабость, но мне нравится наркотическое состояние, и поэтому я возвращаюсь к наркотикам вновь и вновь.»

Терапевт поставил перед С. Н. такой вопрос: «Кому нравится наркотическое состояние – вам или кому-то в вас?». В первый момент это повергло С. Н. в полное недоумение, но затем, после тщательного разбора субмодальностей, связанных с наркотиками и наркотическим опьянением, как все это воспринимается и переживается С. Н., он признал: «Да, у меня создается впечатление, что все это нужно не мне, а кому-то во мне.». Терапевт заметил, что состояния измененного сознания, доступные в ходе «личной эволюции», по своему качеству несравнимы с наркотическим опьянением, и С. Н. была дана возможность погрузиться в одно из них¹¹⁷.

¹¹⁷Традиция знает способы индуцировать переживания измененных состояний сознания, например, той или иной формы самадхи, в другом человеке. В данном случае, речь идет о самадхи, которая в традиции «Суварнапрабхасотамма-сутры» («Сутры золотого света») носит название реалидита («радость»). Сутра образно говорит, что переживающий это самадхи видит, что все миры «наполнены неисчислимыми (по количеству) сокровищами».

После этого терапевт сообщил С. Н., что его пристрастие к наркотикам полностью закрывает для него путь к таким состояниям, и он должен выбирать, что желает для себя: развития собственного Я или развитие «ложного Я» в себе, которому наркотики действительно необходимы.

После пережитого опыта С. Н. находился в полной растерянности. Он заявил, что происшедшее меняет в корне все его отношение к миру и собственной жизни, но он просто не готов ни оценить эти перемены, ни сделать какие-либо выводы. В данный момент он не знает, как будет жить дальше, что произойдет в плане его отношения к наркотическим средствам и т. д. «Действительно, – заметил он, – «естественные» измененные состояния сознания несравнимы с теми, которые дают наркотики», что он просто не знал, что делать со своим новым опытом. Невербальные реакции, происходившие в это время, свидетельствовали о начале структурной пересборки всего существа С. Н. – были заметны характерные «изменения осей симметрии» телесной структуры и т. д.

К сожалению, по житейским обстоятельствам дальнейшая работа с С. Н. была невозможна. По сведениям, которые есть у авторов, к моменту написания настоящей книги (спустя шесть месяцев после завершения работы) С. Н. к употреблению наркотиков не вернулся – таким образом, он воздерживался от них уже пятнадцать месяцев – это самая длительная ремиссия в истории его болезни. Вместе с тем, мы не можем утверждать, что здесь достигнуто излечение.

Приходится констатировать, что наркомания – это очень сложная терапевтическая проблема, требующая специальных исследований и специальных корректирующих средств. Она связана с феноменом «ложного Я», развивающегося в наркомане и подчиняющего себе все его существо, причем сама проблема носит трансперсональный характер, напрямую связана с социальными и культуральными реалиями. В связи с этим, она требует коррекции на уровне общества в той же мере, как и на уровне личности. В этих своих особенностях наркомания подобна гомосексуализму¹¹⁸.

¹¹⁸Феномен гомосексуализма требует отдельного анализа. В качестве гипотезы мы можем предположить, что природа его двойка – в некоторых случаях он связан с несущестными искажениями трансляции целостного генома, возможно, даже в предыдущих поколениях, а в других случаях это имплантированный несущестственный дефект, простирающийся от уровней окружения и поведения до уровня самоидентификации.

Мы можем сколько угодно проповедать свою «цивилизованность» и «просвещенность», демонстрируя терпимость к т. н. «сексуальным меньшинствам» и, тем не менее, никто не может доказать, что гомосексуальная ориентация имеет сущностный характер.

Признание несущестственности гомосексуализма и терпимость в отношении гомосексуалистов абсолютно совместимы между собой. Это разные проблемы или, по крайней мере, разные аспекты проблемы. Действительно, отношение к геям и лесбиянкам как к роду изгоев или даже преступников – это пережиток средневековья, следствие своеобразного социально-психологического

«отсечения» проблемы. Так некогда поступали с прокаженными: изгоняя их из общества, общество как бы защищает себя от проказы как таковой. Так сейчас поступают с инвалидами. Массовое сознание не хочет ничего знать об инвалидах, будто бы такое незнание способно защитить его носителя от несчастья случая и инвалидной коляски. Однако, случай гомосексуализма значительно сложнее. Здесь мы не можем констатировать болезнь в обычном смысле этого слова. Однако, мы можем констатировать несущестственность гомосексуального поведения. Действительно, оно противоречит волеию «Я хочу быть!» в его родовом и видовом выражении¹¹⁹.

¹¹⁹В случае несущестственных искажений генома на генетическом, передающемся по наследству, уровне гомосексуализм может в видовом смысле быть даже исполненным определенного «защитного» смысла – ведь таким образом несущестственная линия пресекается, не оставляя потомства.

Мы не беремся предсказывать, как будет развиваться общество в этом плане, однако заметим, что переход гомосексуализма из «первой сферы» в область «принятого и дозволенного» во все времена было неблагоприятным симптомом, предвестием краха очередной общественной формации. В этом легко убедиться на примере Спарты перед Пелопонесскими войнами или Римской империи периода упадка. В среде сокрушивших последнюю варваров гомосексуализм воспринимался как безусловная аномалия. Любопытно, что героизация, интеллектуализация и эстетизация «однополой любви» присуща среде гомосексуалистов в еще большей степени, чем подобные явления свойственны среде наркоманов, причем в качестве «прекрасного примера» очень часто обращаются именно к императорскому Риму и поздней Спарте. Разумный подход очевиден: человек в своей конкретике, как личность, как партнер в общении и т. д., должен оцениваться и восприниматься независимо от его сексуальной ориентации, при этом гомосексуализм как явление должен рассматриваться как отклонение, несущестственная аномалия, терапевтическая проблема. Вряд ли терапевт должен пытаться «лечить» гомосексуальность своего визави, однако он должен задумываться о возможности коррекции феномена возрастающего гомосексуализма на общественном уровне организации структуры антропосферы.

Подобным образом развивается и отношение общества к наркомании. Рассуждения о дозволенности «легких наркотиков» – это только первый признак возможных перемен. Мы, конечно, далеки от утверждения, что в грядущем общественная мораль полностью примет наркотики и наркоманию в качестве «нормальных» элементов социальной жизни, но такая возможность есть, и ее надо учитывать. По крайней мере, групповая мораль в различных слоях общества претерпевает здесь существенные изменения¹²⁰ – наркоманы входят в моду.

¹²⁰Речь идет не только о маргинальных и богемных сообществах, но и о таких слоях, как «университетская среда», «молодежная среда» и т. д. Даже в маргинальных секторах общества происходят здесь показательные изменения. Так, в уголовной среде в прошлом (еще лет двадцать назад) существовало категорическое правило: наркоман никогда не мог стать держателем («смотрящим») общака. Теперь это правило повсеместно нарушается.

Какие-либо «запретительные» или «разъяснительные» меры здесь малоэффективны, как и главные инвективы или высокомерные проповеди. Необходима сознательная коррекция в смысле структурной психосоматики на государственном и общественном уровнях, коррекция, структурная по своей сути. Однако, сегодня мы можем говорить только о необходимости такой коррекции, о ее теоретических и методологических основах – мы не знаем ни способов, ни средств, необходимых для ее осуществления, мы не располагаем и соответствующими возможностями. С другой стороны, мы должны констатировать, что структурная психосоматика способна предложить и способы, и средства – это вопрос соответствующих исследований, это же касается возможностей, но это вопрос государственной и политической воли. Не существует принципиальной разницы между структурами разных уровней организации – все они подчиняются одним и тем же законам. Более того, говоря о любой терапевтической работе строго, мы должны говорить о групповой структуре пары «терапевт-пациент», а не об одной лишь структуре пациента.

Возвращаясь к случаю С. Н. в плане техники малых семинаров, отметим, что здесь мы видим воздействие собственно семи-

нарского занятия, самого его процесса на структуру пациента: приближение к травматической склейке, не запланированное терапевтом, и запланированная им коррекция уровня убеждений – все это происходило без использования других технических приемов. И, вместе с тем, другие технические приемы использовались – по мере необходимости. Структурная работа тем и сильна, что не предполагает жестких технических рамок – ее жесткость в другом: в безусловном следовании концептуальным и методологическим основам с точки зрения планирования и проведения терапии и принципу «экологичности» – с точки зрения практики работы.

Случаи И. и Р. О. представляют собой еще большее переплетение и смешение техник. Здесь основные результаты были достигнуты во время семинарских занятий, и другие техники, в т. ч. применявшиеся во время индивидуальных сеансов, все равно проводились в общем контексте семинарской работы. В этом плане можно сказать, что семинар как таковой, не ограничивается рамками учебного занятия, теми несколькими часами, когда группа собирается вместе – его границы иные: уже подготовленная беседа с будущим участником, первичное общение, устанавливающее рамки сценария будущего «действия» представляет собой некую психологическую границу, пересекая которую, пациент вовлекается в терапевтическое мероприятие. И до тех пор, пока сохраняется взаимодействие «учитель-ученик», это мероприятие продолжается – иногда дни и недели спустя после формального завершения цикла. В этом смысле семинар можно рассматривать не как череду разных сеансов, продолжительностью три-четыре часа каждый, а как один сеанс, длящийся несколько недель. Изменения, которые происходят с пациентом, когда он остается наедине сам с собой, вообще очень важны в практике структурной психосоматики, однако в условиях семинара они приобретают первостепенное значение. Терапевт постоянно должен анализировать текущие телесные ощущения участников, их воспоминания, сны, направление их мыслей и деятельности (как «внешней», так и «внутренней»), поэтому опрос с целью выявления любой динамики в этой сфере необходим перед каждым занятием. Хорошо, если он ненавязчиво включается в начальную фазу. Тогда же выявляются все невербальные признаки, которые могут служить предвестием серьезных структурных сдвигов. Очень хорошо, если одновременно терапевт работает с членами группы в телесных техниках – пусть это даже простой релаксационный «массаж» безо всякой работы с телесными метафорами, и каких-либо суггестивных задач. Такая практика дает возможность наилучшим образом контролировать все нюансы статуса партнера, все метафоры его состояния и постоянно «возобновлять» присоединение на уровне тела, восстанавливать в своей памяти цельный образ психосоматики каждого участника группы.

Именно так проводилась работа в тех группах, членами которых были И. и Ф., и постоянные краткие сеансы телесной терапии в этих случаях очень помогли терапевту в других аспектах ее работы.

Выше мы подробно описали работу с Р. О. В этом случае особенности техники малых семинаров как метода коррекции особенно очевидны – необходимые изменения структуры пациента происходили под действием, казалось бы, чисто учебного мероприятия и часто в ходе него. Вместе с тем, они продолжались и между занятиями и требовали также индивидуальной работы вне временных и ситуационных рамок собственно обучения.

Отметим, что Р. О., когда работа адресовалась другому, был прекрасным помощником терапевта. Он в достаточной мере понимал направленность и характер воздействия терапевта, и своим поведением, вербальными и невербальными реакциями поддерживал его. Это же можно сказать об И. Вообще в малых группах такая ситуация весьма характерна – уже на втором-третьем занятии, когда участники начинают минимально ориентироваться в рамках структурной психосоматики, их поведение становится осмысленным и направляется к достижению общей цели. Это можно интерпретировать и так, что в данном случае мы имеем дело со структурной коррекцией трансперсонального уровня – такая группа обретает свою структуру и свой структурный и содержательный статус. Проблемы каждого приобретают общий характер, сущностные перемены, происходящие в каждом из участников, воспринимаются как общее достижение и вливают на всех.

Это действительно так и имеет огромное значение. В настоящий момент структурная психосоматика, в основном, ориентиро-

вана на индивидуальную коррекцию. Но ее концептуальная база, ее метод и методология позволяют работать с любыми уровнями организации антропосферы: с малыми группами, социальными и культуральными общностями и т. д. Пока подобная работа ограничивается исключительно анализом соответствующих феноменов и процессов. Но в ходе малых семинаров мы имеем дело с первыми систематическими попытками практической коррекции на трансперсональном уровне. Если быть предельно строгим, подобная работа встречается и при индивидуальной терапии, особенно когда дело касается детей – здесь почти невозможно эффективно воздействовать на пациента, не затрагивая уровень семейных отношений, не «пролечивая» одновременно родителей¹²¹.

¹²¹Практика (например, материалы, предоставленные Д. Атлановым) показывает, что часто по отклонениям ребенка можно диагностировать недуги родителей и особенности структуры их семьи. Конфликты на семейном уровне всегда «записываются» в теле и психике ребенка, а болезни родителей, часто помимо какой-либо генетической передачи, проецируются в его структуру. Первое достаточно ясно. Второе же можно понять через ряд упрощенных примеров. Действительно, укоренившееся в семье неправильное питание одинаковым образом скажется на состоянии желудочно-кишечного тракта и родителей, и ребенка. То же можно сказать и о других искажениях образа жизни и аномалиях среды обитания (к которым могут относиться и особенности бытовых условий, места жительства и т. д.). Однако интересно и то, что очень часто у родителей и детей встречаются одинаковые телесные зажимы. Это объясняется имплантацией в ходе «личной истории» ребенка соответствующих убежденческих схем, проявляющихся, в том числе, и телесно. Здесь важно подчеркнуть, что убеждения, т. е. карты четвертого логического уровня, совсем не обязательно должны иметь вербализованную, концептуально-логическую форму, т. е. они могут быть и вовсе «бессловесными».

Однако в этом случае групповая работа оказывается как бы случайным дополнительным фактором, отвлечением основной линии терапии. Происходит, так сказать, нормализация социального фона – и только. В случае работы в семинаре, если, разумеется, терапевт вполне осознает это обстоятельство, работа изначально ориентирована на трансперсональный уровень. Проводя коррекцию конкретной личности, терапевт работает с отдельными группами зажимов, отдельными зонами карт, отдельными патологическими склейками, однако успех в одной области сказывается на общем статусе пациента. Точно так же, работая в семинаре, терапевт воздействует на отдельных его участников – и, тем самым, воздействует на всю структуру группы и на каждого участника ее. Общее воздействие, адресованное равно всем («учеба»), оборачивается воздействием на каждого, индивидуальное воздействие («терапия») – воздействие на всех.

Так, стремительный прогресс Р. О. непосредственно сказался на ситуации И. и послужил «катализатором» структурных изменений последнего. Это было особенно заметно после занятия, на котором Р. О. преодолел вторую барьерную мембрану. Признаки глубокого трансa и пересборки всего существа Р. О. были очевидны не только для терапевта, но и для прочих участников семинара. Можно сказать, что все они – и терапевт, в том числе, – испытали сильнейшие переживания, в чем-то сравнимые с переживанием Р. О. Действительно, ведь и терапевт является такой же частью группы, как и пациенты. Его положение выделено, но все же он не расположен «вне» того социального образования, перестройка которого происходит, и мы должны констатировать, что результат такой групповой работы для ведущего иногда по ценности равен результатам, полученным его партнерами. Так, в случае Р. О. опыт, приобретенный терапевтом, был просто неоценим.

То же или почти то же было и в случае И. Его перестройка не была столь стремительной и столь последовательной, как перестройка Р. О., причем индивидуальная работа за пределами учебных занятий занимала больше времени. Она сводилась и к телесной терапии – в том числе, необходимой терапии привычных травм И., и к обсуждению его переписки с женой, и к свободной работе с различными убежденческими составляющими его структуры.

На первый взгляд, космограмма и уровень убеждений И. представляли собой противоречивое и странное соперничество трех «центров тяжести». С одной стороны, можно было констатировать гипертрофированный machизм, культ мужественности и целый ряд связанных с этим убежденческих схем патриархального толка. С другой стороны, И. всячески подчеркивал рациональность, современность и, так сказать, осознанную западную ориентацию своего мышления. Он говорил о правах индивидуальности, о личной инициативе, свободном предпринимательстве и т. д. Выделенность вербально-логических и формальных

конструкций в его сознании действительно имела место – еще до школы И. наиболее силен был именно в математике, а, скажем, даже физика, где формульных операций с некоторыми абстрактными объектами часто недостаточно и возникает необходимость осознания «физического смысла» математических выражений¹²², давались ему с трудом.

ГЛАВА V Ч. 2

¹²²Речь идет не о том, что математика «проще» физики, но, по крайней мере, на школьном уровне, эти науки требуют разного стиля мышления. Впрочем, и на уровне «высших достижений» это тоже так. Недаром такие гении физики XX века, как Эйнштейн, Бор или Гейзенберг в своих построениях часто шли не от математики, но от философии. Однако, и профессиональная математика далеко выходит за рамки умелого манипулирования формальными выражениями – здесь всегда нужно видеть цель такой манипуляции, т. е. выходить за рамки сугубо линейного формального способа мышления. Тем более это необходимо при сопоставлении различных по своему формальному отображению объектов, с чем всегда связан генезис новых математических концепций. Никакое «линейное» построение, никакая формально-логическая цепочка не могли бы привести Декарта к созданию аналитической геометрии, а Колмогорова – к аксиоматической теории вероятности. Очередь сугубо формального искусства оперировать знаками приходит лишь тогда, когда базовые положения новой концепции сформированы в сознании выдвинувшего их человека.

Это было специально проверено терапевтом и подтвердилось. Операции с формально-логическими конструкциями были для И. приятной и занимательной игрой, переход от них к содержательной стороне, конкретным объектам и явлениям, которые символизируются через абстрактный математический аппарат, представляли заметную проблему. Наконец, важной областью убежденческих конструкций И. было глубокое и, как показала работа, сущностное в своей основе, православное мировоззрение. Его религиозность была результатом сознательного пути и сформировалась уже в зрелом возрасте. Как всякая истинная в психосоматическом смысле этого слова убежденческая зона, православие И. было лишено фанатизма и ксенофобии – так, например, он с большим уважением отзывался об исламе и знакомых ему мусульманах, отмечая, в частности, искренность и силу их веры. Вместе с тем, он четко различал сущностные и несущностные религиозные убеждения других людей и прекрасно понимал опасность таких феноменов, как сектантское сознание, в том числе, и в православной среде.

В принципе, эти три группы убеждений не являются непримиримыми и антагонистическими – они могут при определенных условиях образовать продуктивный синтез, формируя целостную и сущностную космограмму. В данном случае было иначе: противоречия выражались в том, что в нескольких контекстуальных зонах И. одновременно давал несколько взаимоисключающих оценок, его поведение было противоречивым, целеполагание неопределенным. Наиболее уязвимой зоной была зона семейных отношений и, прежде всего, отношений с собственной женой. Здесь превалировали патриархальные установки, но одновременно декларировалось, что «женщина должна быть свободна», излагались вполне языческие взгляды на структуру семьи и при этом говорилось о священных основах брака, его «церковности», отрицалась возможность прощения (прежде всего, «неоляльность» в отношении мужа, малейшего «предательства» его интересов) и при этом говорилось о всепрощении и т. д. Важно, что это были не только слова – на практике И. действовал точно таким же образом. К примеру, он поощрял свою супругу проводить время вне дома, с подругами и без него (подкрепляя это «современными» взглядами на роль и права женщины), точно так же он поощрял ее учиться, делать карьеру и т. д., но, одновременно, когда в результате такой повышающейся социальной активности жены, какие-то мелочи бытового плана оказывались невыполненными, когда она задерживалась где-то, причем, по вполне объяснимым причинам и т. д., устраивал сцены; он делил обязанности на «женские» и «мужские», причем «зарабатывание денег» относил к последним, что называется «слышать не хотел» о «ее деньгах», «ее вкладе в бюджет семьи» и т. д.

Другой конфликтной зоной была зона личных жизненных целей и желательных достижений. Здесь и декларации, и поступки И. были столь же противоречивы. На вопрос: «Чего вы хотите? К чему стремитесь?» – он неизменно отвечал: «К успеху». Но вот сам успех... он формулировал то в плане чисто западной модели делового успеха, то совершенно иначе – в плане личного развития, причем, в различных областях – от чисто физического до психотехнического и духовного. Как мы понимаем, первое и второе

вполне совместимы между собой, но в сознании И. эти цели противопоставлялись. Даже декларируя свою «западность», он одновременно говорил о неприменимости таких «западных» норм к условиям России и особом избранном ее пути. Эта мысль также сама по себе может иметь вполне сущностную ориентацию, она вполне возможна как базис некоторого анализа и целеполагания, но в данном случае представляла собой сугубо негативную, отрицательную убежденческую конструкцию по принципу: «Это нельзя, это не так,» – вопросы «что можно?» и «что так?» просто не возникли, не говоря уже о вопросах четвертого логического уровня «почему это нельзя?» и «почему это не так?».

Третий конфликт лежал в области самооценки, формирования «идеального образа мужчины», которому он и хотел бы следовать.

Анализ всех этих противоречий показывал, что суть проблем И. коренится в его гипертрофированном мачизме, который, в свою очередь, был построен как «зеркальное отражение» образа и поведения его отца – «неудачника», «слабого интеллигента» и «алкоголика». Точно так же – «зеркальным образом», формировались и карты семейных отношений. Более того, его супруга имела сходные проблемы, и эта пара образовалась по принципу «взаимной дополнительности искажений», как в описанном выше случае Ж. М. Однако в семье И. «гармония недостатков» не установилась – по той причине, что оба супруга к моменту брака находились еще в середине собственной «личной истории» и сохраняли большой потенциал развития. Они менялись, пробелы в структуре заполнялись и конфликт из области возможности перешел в область реальности. Оба супруга желали измениться, измениться должна была и их семья, но на пути перемены встали структурные дефекты, принявшие форму обширных несущностных зон убежденческого уровня, искажений космограммы и уровня самоидентификации.

С точки зрения текущей темы изложения, важно отметить, что анализ проблем И. и вся корректирующая работа с ним проводилась в рамках малого семинара. Именно в этих условиях были реализованы стандартные техники – сведение логических уровней сознания, работа с телесными метафорами, работа со знаковыми системами – как «показательные сеансы». В чисто телесных техниках решались проблемы телесных зажимов и привычных травм пациента (и те, и другие, как отмечалось выше, коренились в дефектах уровня убеждений, в конфликтах контекстуальных зон семейных отношений, т. е. имели, с точки зрения ортодоксальной терапии, чисто психологические и социально-психологические причины). Прогресс был достаточно явным, но резкое изменение статуса И. было достигнуто, когда терапевт перешел к обучению нелинейным приемам мышления, т. е. к тому, что мы должны считать основой «личной эволюции». В данном случае И. был готов к ней и большая часть его структуры нуждалась в дальнейшем развитии, однако, обширные пробелы и зоны дефектов не позволяли подойти к порогу перемен собственными усилиями – терапевт своей работой, которая в данном случае наиболее точно воплощает тождество «обучения» и «лечения», позволил партнеру совершить решающий шаг.

В этом еще одна – и очень важная – особенность техники малых семинаров: они прекрасно подходят на роль инициации «личной эволюции», возможно, именно «личная эволюция» и является их истинной и конечной целью. Но в этом же заключено и естественное ограничение этой формы работы: тогда, когда цель «личной эволюции» по ряду причин не может быть поставлена в плане конкретной человеческой личности, когда для этого нет предпосылок, нет условий или нет мотивации, вместо семинарской работы значительно разумнее воспользоваться другой техникой и реализовать ее в ходе «обычной» парной терапии.

Таким образом, мы еще раз приходим к мнению, что «личная эволюция» является «конечной целью» структурной психосоматики, подобно тому, как психосоматический постулат является ее базовой концептуальной посылкой, структурный анализ – базовым методологическим приемом, логические уровни сознания – центральным понятием, Глобальное взаимодействие – общей моделью «личности-Универсума», а принцип экологичности – основой мировоззрения.

2. РАБОТА СО ЗНАКОВЫМИ СИСТЕМАМИ

Под знаковой системой мы понимаем совокупность символов любой природы, каждому из которых и всей совокупности в це-

лом придается некоторое значение. Важно, что такая совокупность некоторым образом структурирована, причем эта структура, равно как и отдельные знаки и их сочетания могут не иметь никакого предварительного смысла – такой смысл выявляется в ходе сеанса. Сказанное может показаться не вполне понятным, поэтому сразу же перейдем к рассмотрению конкретных примеров.

В качестве исходного набора знаков могут использоваться самые разные системы – буквы, цифры, руны, рисунки и т. д. Важно, чтобы, с одной стороны, они побуждали пациента означать себя, наделять некоторым смыслом, а с другой стороны, позволяли бы делать это в достаточно широких пределах. Удобной во многих отношениях являются карты Таро¹²³.

¹²³Речь идет о гадальной колоде Таро, история происхождения которой окутана флером легенд и преданий (иногда она возводится даже к Древнему Египту – к т. н. «табличкам Изиды Бемнос»). Все карты Таро (их еще называют «арканы» – «тайны») делятся на две части: старшие и младшие арканы (от младших арканов происходят современные игральные колоды. Ниже мы будем говорить о 22 картах старших арканов, каждая из которых имеет свой номер, название, традиционную изобразительную форму (собственно изображение может быть разным, но в нем должны присутствовать определенные символы, так, например, IV аркан «Император» помимо фигуры императора должен изображать трон на кубическом основании, знак созвездия Овна и т. д.) и пр.

Это достаточно древняя знаковая система, вызывающая достаточное уважение к себе и обладающая определенным ореолом таинственности, что в ряде случаев дает дополнительные преимущества. Для некоторых людей, в связи с их личностными особенностями и опытом, предпочтительно общение не с «врачом», а с «жрецом», «магом» и т. д. Терапевт должен учитывать это обстоятельство и использовать его для установления хорошего раппорта и доверительных отношений. Одновременно, каждая карта старших арканов может наделяться множеством смыслов, может сопоставляться с соответствующими буквами еврейского алфавита, знаками зодиака, цифрами и т. д.¹²⁴

¹²⁴Так, например, I аркан «Маг» сопоставляется с буквой «Алеф», цифрой «един», созвездием Овна и т. д. Его изображение должно содержать разложенные на кубическом алтаре меч, пентакль и кубок, сам маг должен держать в руке магический жезл. Помимо своих собственных значений, эти четыре предмета символизируют четыре масти младших арканов (в современных игровальных колодах мечи превратились в пики, пентакли – в бубны, кубки – в черви, а жезлы – в трефы). Точно так же любой из старших арканов, а также его изображения, имеют множество эзотерических соответствий в каббале, астрологии, нумерологии, алхимии и т. д.

Карты могут располагаться самым различным образом – например, по двенадцати домам Зодиака. Такое расположение также удобно, поскольку конкретное содержание проблем, связанных с тем или иным домом, допускает самые различные вариации, а сами дома охватывают всю совокупность ситуаций, присущих человеческой жизни, все группы контекстов. Карты располагаются по кругу, как и принято для Домов Зодиака (гороскопа). Самое общее значение домов следующее:

- ◆ Первый Дом, дом личности – жизнь, общая линия судьбы и т. д.;
- ◆ Второй Дом, дом богатства – материальное благосостояние, достаток;
- ◆ Третий Дом, дом братства – братья, сестры, близкие родственники;
- ◆ Четвертый Дом, дом родителей – отец, мать, домашний очаг;
- ◆ Пятый Дом, дом детства – дети и собственное детство;
- ◆ Шестой Дом, дом здоровья – болезни, общее состояние здоровья и т. д.;
- ◆ Седьмой Дом, дом брака – брак, супружеские отношения, партнер и т. д.;
- ◆ Восьмой Дом, дом смерти – смерть, суд, война, но и любовь;

◆ Девятый Дом, дом странствий – путешествия, интеллект, духовность;

◆ Десятый Дом, дом карьеры – социальные амбиции и общественный статус;

◆ Одиннадцатый Дом, дом дружбы – друзья и социальные связи, благоприятные воздействия на судьбу;

◆ Двенадцатый Дом, дом рока или вражды – враги, неблагоприятные влияния и т. д.

Как мы видим, совокупность домов действительно может описать все контексты человеческой жизни, при этом каждый из них может, в смысловом плане, претерпевать те или иные модификации. Конкретный контекст может быть также отнесен данной личностью к тому или иному дому. Например, контекст любовных отношений с определенным человеком может быть отнесен к Первому, Второму, Пятому, Седьмому, Восьмому, Одиннадцатому или даже к Двенадцатому Дому. Работа может быть отнесена к Первому, Второму, Восьмому, Девятому, Десятому, Одиннадцатому и Двенадцатому Дому и т. д. Такое отнесение очень много говорит терапевту о структуре уровня убеждений пациента, его проблемах, о его космограмме в целом.

Работа начинается с того, что терапевт определяет «правила игры», объясняет, что происходящее – вовсе не гадание, хотя для него и используются традиционно гадательные знаки. Здесь уместно рассказать о традиционном подходе к такого рода символическим системам¹²⁵, о Таро как таковом и т. д.

¹²⁵В частности, о том, что собственно гадание – будь то карты Таро, гексаграммы «Ицзинга» – это уже позднее извращение древних знаковых магических систем, которые изначально использовались для определения особенностей личности человека и работы с этой личностью.

Цель и содержание сеанса формулируются следующим образом: выяснить конкретное состояние дел партнера, поставив перед ним своеобразное зеркало, в котором он сам может лучше всех прощест свои проблемы. Терапевт говорит: «Я ничего не знаю о ваших проблемах и не могу о них судить – вы лучше все знаете сами. Я могу только помочь вам понять смысл соответствующих знаков, поскольку разбираюсь в этом деле. Я – посредник между знаками и вами.». Такую отстраненную позицию следует сохранять и дальше, постоянно возвращая партнера к нему самому, к его собственной ситуации и собственным интерпретациям таковой.

С точки зрения терапевтического содержания, первый этап преследует несколько целей:

- * первичная калибровка, которая нам более интересна, так как проводится в условиях, когда пациент, заинтересованный и заинтригованный предстоящей процедурой, раскрывается, снимает контроль;
- * установление раппорта;
- * наведение транса. Здесь хорошо работают сами условия сеанса: пациенты, включаясь в обсуждение эзотерических вопросов, в саму работу с «таинственными знаками», пересекают границу между обыденным и чудесным, между «обычным» и «измененным» состояниями сознания;
- * определение рамок дальнейшего взаимодействия.

Далее, подробно и не торопясь, пациента знакомят со всеми картами колоды, описывая их смысл предельно широко и вариативно. Это ознакомление обязательно должно происходить в форме диалога, чтобы позволить партнеру подчеркнуть те смыслы, а значит, и те контексты, которые для него наиболее важны, имеют первостепенное значение. Как уже отмечалось, карты Таро позволяют сделать это. Все реплики, вопросы, суждения пациента, все его невербальные реакции тщательным образом фиксируются и анализируются. Вслед за картами пациенту разъясняется, что они будут располагаться по кругу по Домам Зодиака, объясняется – опять-таки, предельно широко и вариативно – значение этих домов, и вновь, суждения партнера, его выбор аспектов, в которых

он предпочитает рассматривать ту или иную группу контекстов, подвергаются фиксации и анализу.

Этот этап работы может быть достаточно длительным. В ходе него мы фиксируем погружение пациента на четвертый, а далее – на пятый логический уровень, что и понятно – ведь и колода Таро, и зодиакальный круг представляют собой модели космограммы, отдельные карты колоды (арканы) и отдельные дома Зодиака символизируют те или иные группы контекстов. Этому же способствует и постоянное обращение пациента к его собственным оценкам и его собственной ситуации, т. е. перенесение вектора внимания вглубь его существования. Отслеживая невербальные реакции партнера, не следует забывать о его телесных ощущениях, все время обращаясь к ним в разных контекстуальных зонах. Таким образом, мы получаем своеобразную «спектральную карту» структуры партнера: представление обо всей его космограмме в целом, о той интерпретации, которую он даст тем или иным контекстам, о пробелах и инфантильных зонах, о неконгруэнтностях, проявляющихся в связи с названными контекстами и т. д.

Сложность этого этапа работы заключается в том, что объем предъявляемой информации огромен, а ее форма – знаковая, что требует от терапевта больших усилий, огромной собранности, надежного раппорта и совершенной третьей позиции. Одинаково пагубно навязывать пациенту собственные смысловые интерпретации предъявляемых знаков и идти у него на поводу, позволяя уклоняться от какой-либо группы контекстов, впадать в дигитальную болтовню или размывать содержание предъявляемых проблем. При этом, важно, чтобы высказывания пациента не носили характер жалоб, а были обращены на его личное осмысление предъявляемых символов, наполнение их содержательным смыслом.

Таким образом, второй этап работы представляет собой сканирование структуры пациента и анализ полученных результатов. Иногда, если ситуация не слишком ясна для терапевта или если объем информации слишком велик, что не позволяет «в уме» и «на ходу» провести достаточный анализ, на этом, собственно, работу можно закончить, проведя третий этап без терапевтической нагрузки¹²⁶ – техника позволяет в дальнейшем повторить работу с той же знаковой системой, с ее вариантами, с любой другой знаковой системой или вовсе перейти к другой технике работы.

¹²⁶Т. е. в какой-то степени «имитировать» обычную гадальную процедуру.

Существует множество различных способов расклада карт Таро, каждому из которых терапевт может придать смысл терапевтической, а не гадательной процедуры. Отметим, что работа с такой системой, как Таро, предполагает все же завершение полного цикла, так сказать, полное исполнение ритуала – в других случаях, например, при работе с пиктограммами, мы имеем возможность остановиться на любой стадии работы и далее продолжить работу с любого места (разумеется, при условии погружения пациента на соответствующий логический уровень и правильную его контекстуальную ориентацию).

На следующем этапе уже отчасти знакомые пациенту знаки – арканы и дома – сопоставляются между собой. Это знаки более скрупулезного анализа каждой контекстуальной зоны и соответствующей коррекции. Работа проводится на пятом, а, при правильном проведении техники, на шестом логическом уровне. Действительно, происходит не просто вычленение той или иной зоны реальности, но соотнесение личности партнера с этой зоной, т. е. его самоидентификация в ней.

На практике это происходит следующим образом: в каждый день выкладывается по одной карте, после чего совместно с пациентом производится интерпретация полученных значений. Может показаться, что, поскольку расположение карт случайно, никакой целенаправленной работы быть не может¹²⁷ – это не так.

¹²⁷Отдельно можно было бы поговорить о «случайности» расположения карт, о том, работает ли Таро и другие подобные системы в том смысле, в котором понимали эту работу древние мистики. Авторы убеждены, что работает – этот феномен можно подвергнуть интересному и глубокому анализу в категориях времени, фрактальности уровней развертывания Базовой Матрицы, Глобального взаимодействия и т. д. Здесь мы, однако, не коснемся этого сложного и

спорного вопроса, предпочитая показать, что в любом случае работа со знаковыми системами содержательно осмысленна и независима от своего, так сказать, «паранормального» аспекта.

Дело в том, что сами знаки, сами символы действительно не имеют решающего значения. Суть не в них, а в том смысловом содержании, которое им придется. Придается не одним терапевтом и не одним пациентом, и даже не их взаимообусловленной и взаимообуславливающей парой, а всей ситуацией работы в целом, в которой осуществляется и это парное взаимодействие, и проявляются личности партнеров, и высвечиваются структурные особенности организации пациента.

Некий аркан попадает в некий дом. Раньше была дана уже предварительная интерпретация и аркана, и дома – теперь возникает новая ситуация, их сопоставление. 22 старших аркана Таро и 12 Домов Зодиака представляют собой две классификации контекстуальных групп, две модели космограммы. Сочетание их между собой может порождать разную и, казалось бы, непредсказуемую игру смыслов, но дело в том, что организация структуры пациента в соответствующей зоне, содержание его проблем вполне определены – и интерпретация всегда будет зависеть от них. Терапевт всячески обращает пациента именно к его собственной интерпретации, предлагая лишь возможные альтернативные смыслы. Так постепенно очерчивается проблема, присущая соответствующей контекстуальной области, при этом выявляются соответствующие неконгруэнтности и дефекты. Далее начинается непосредственная работа с ними – она заключается в тщательном и строго контекстуальном разборе структуры убеждений, космограммы, личностных целей и установок. Способы такого разбора различны, но очень хорошо работает привлечение всевозможных исторических и культуральных схем, их анализ. Так последовательно прорабатываются все двенадцать Домов. При необходимости работа может быть перенесена вглубь контекстуальной зоны с ее последующим знаковым анализом и синтезом – средствами той же знаковой системы или с привлечением какой-либо другой. Мы можем «погадать» на конкретный аспект жизни пациента: в отношении его работы, детей, семьи и т. д. Самым простым методом расклада являются «три карты» – они последовательно выкладываются и символизируют прошлое (опыт), настоящее (сложившаяся ситуация, текущие проблемы и т. д.), будущее (надежды и ожидания) или «внешнее» (обстоятельства), «внутреннее» (отношение человека) и связь между ними (его действия, совершенные и планируемые) и т. д. Основное внимание терапевта на этом этапе должно быть направлено на системные и структурные аспекты убеждений и космограммы пациента, на признаки трансa, неконгруэнтности и телесные ощущения, а также их динамику.

Заключительная фаза работы – синтез или интеграция всех проработанных участков на новой, обретенной во время сеанса, основе. Для этого используется еще один аркан, который выкладывается в центр круга, а также все двенадцать остальных, которые берутся в их совокупности. Приемы работы и методы смыслового означения те же, но здесь в еще большей степени инициатива в присвоении знакам определенного смысла должна принадлежать пациенту – это он должен суммировать свое новое мировосприятие и, обращаясь к контекстуальным зонам, по-новому раскрыть их видение. Такая новизна проявляется лишь тогда, когда структурные изменения действительно произошли, когда имеет место подлинная работа, а не ее имитация.

В описываемой технике особенно важное значение приобретает хороший раппорт. Здесь он так же важен, как и при работе с телесными метафорами (между прочим, работу с телесными метафорами можно интерпретировать как вариант работы со знаковыми системами. Действительно, мы обобщаем телесные ощущения в определенные образы, а затем происходит означение их, сообщение им содержания и смысла). Присоединение должно быть столь же качественным, а разделение внимания столь непрерывным, что интерпретации пациента становятся интерпретациями самого терапевта – третья позиция при этом позволяет сохранить критичность и «взгляд со стороны». Именно третью позицию, в первую очередь, терапевт и должен передать своему партнеру, чтобы, опираясь на нее, подвергнуть коррекции несущностные убежденческие схемы и всю систему убеждений, в целом.

Итак, последний аркан интерпретирован, дана обобщенная оценка всего расклада, карты собраны и, казалось бы, работа за-

кончена, но часто именно тогда она только и начинается: пациент в это время находится на глубоких логических уровнях, его раппорт с терапевтом наиболее устойчив, а задача означивания символов отступила на второй план – в этот момент можно целенаправленно воздействовать на важнейшие контекстуальные зоны, где выявлены проблемы, в особенности, на зоны пробелов и несущностных имплантаций. Вообще, техника работы со знаковыми системами наиболее подходит именно для таких случаев. С другой стороны, наибольшие ее ограничения связаны с высокими требованиями к терапевту – его знаниям, эрудиции, способности к глубокому присоединению на момент проведения сеанса, – а также с готовностью пациента принять изначально предложенные правила игры. Впрочем, почти всегда можно найти такую знаковую систему, такую постановку проблемы, которая будет приемлемой для космограммы и основных убежденческих установок партнера. Если использование карт Таро, рун, натальной карты¹²⁸ или нумерологических схем придает всему происходящему несколько мистический и оккультный характер, что как раз желательно при работе с одними пациентами, то использованию пиктограмм можно придать характер тестирования и выдержать весь сеанс в рамках сценария «испытываемый- исследователь».

¹²⁸Составленной по правилам западной (гороскоп) или китайской (пентаграмма) астрологии. Натальная карта, т. е. карта рождения, интересна в двух планах: во-первых, она позволяет развернуть на своей основе терапевтическую работу, подобно картам Таро, а, во-вторых, благодаря своему структурно-ритмическому содержанию, позволяет раскрыть многие объективные качества пациента – его склонности, сильные и слабые стороны и т. д.

Точно так же мы легко можем модифицировать эту технику таким образом, чтобы действовали отношения «больной-врач», «ученик-учитель», «младший-старший», двое друзей, двое коллег и даже двое профанов и т. д. Опытный терапевт должен владеть всеми этими сценариями, а также другими, используя их в зависимости от особенностей личности пациента и терапевтической ситуации. Контекстуальные особенности каждого сценария позволяют сконцентрировать терапевтическое воздействие в наиболее желательной зоне и преодолеть сопротивление пациента, его противодействие или неверие в возможность исцеления. Правильность выбора «правил игры» зависит, разумеется, от точности каллиграфии, опыта терапевта и его способности к эмпатии.

Как это выглядит на практике?

Во время работы с О. А. использовались именно карты Таро. Эта молодая женщина (23 лет) обратилась в связи с многочисленными телесными проблемами, но ее психологический и житейский статус привлекли внимание терапевта даже в большей степени, чем зажимы и патологические проявления. Было ясно, что здесь имеет место обширный структурный дефект, сказывающийся на периферии в самых разных областях – от соматических страданий до поведенческих аномалий.

О. А. страдала постоянными судорогами ног. Этот симптом показался терапевту вполне конкретным, и дальнейшие расспросы, а также диагностические процедуры показали патологию в области почек и, в особенности, мочеточников. Другими проблемами были ярко выраженная аритмия, привычные головные боли и гастрит. Осмотр выявил спазмированность области живота и верхнего плечевого пояса. Углубленное изучение причин, порождающих проблемы с желудком, выявило спазмированность желчевыводящих каналов, резкое сужение их просвета, что естественным образом переключило внимание на неврологический статус¹²⁹.

¹²⁹Желчевыводящие протоки весьма подвержены спазмированию под воздействием нервного стресса. Спазм может привести как к их расширению, так и к сужению. Соответственно, истечение желчи в двенадцатиперстную кишку в этих случаях начинает превышать норму или не достигать ее. Это влияет на баланс «кислота-щелочь» во всем желудочно-кишечном тракте (напомним, что желчь имеет щелочную реакцию, а желудочный сок – кислотную). Смещение такого баланса приводит к гастритам и колитам, а далее к язвам желудка и двенадцатиперстной кишки.

Головные боли были связаны с напряжением в области верхнего плечевого пояса и шеи.

Прочие неконгруэнтности проявлялись в самых разных областях. Наиболее явственными из них были те, которые мы отнесли к разряду стилевых и поведенческих. Они сказывались в речи –

нарочито грубой и часто неправильной, при том, что более близкое знакомство показывало довольно высокий образовательный ценз, и в некоторых контекстах лексика и даже манера строить фразы, сам голос и тон О. А. разительно менялись: когда она говорила о музыке и литературе, все обшались как будто с иным человеком, тонким, умным и хорошо воспитанным. Другая особенность заключалась в агрессивности О. А. – она проявлялась по любому поводу, а иногда и без повода, с другой стороны, она могла оставаться довольно спокойной в ситуации, достаточно провокационной для другого человека. Эта агрессивность выражалась и в крайних формах – например, О. А. была стекла, ломала вещи, – но при этом она не расценивала свое поведение как аномальное. Дом О. А. демонстрировал полнейший хаос – у нее была манера убирать раз в неделю, сваливая все разбросанные вещи в одну кучу, а потом разбирая их. Это происходило не из-за отсутствия у нее соответствующих хозяйских навыков, а по другим причинам. Сама она говорила, что ей «все равно», что у нее «не лежит душа». Такое же пренебрежение она демонстрировала и к своей одежде и внешности. Здесь это проявлялось не как неряшливость, а как полное отсутствие желания выглядеть хорошо и привлекательно.

Знакомство с историей жизни О. А. в том изложении, которое она давала в самом начале работы, склоняло к выводу: она всеми силами стремилась разрушить свое благополучие и осложнить свою судьбу. О. А. родилась в достаточно обеспеченной интеллигентной семье в одном из промышленных городов страны, однако, когда ей было около семи лет, родители развелись, отец уехал на заработки на Север. Позже он вернулся, вторично женился и поддерживал хорошие отношения со своими детьми от прежней супруги (их было трое), но не с их матерью. Здесь возникла довольно сложная, но, к сожалению, обычная ситуация, когда взрослые пытаются выяснять свои отношения используя детей, наставляя их друг против друга при помощи то оговоров, то запретов, то подачек. В конце концов структура отношений установилась следующим образом: старшая дочь перебралась к отцу, младший сын целиком остался под влиянием матери, а младшая дочь (О. А.) общалась с обеими сторонами.

В отсутствие кормилицы семья не испытывала материальных трудностей – мать хорошо зарабатывала, и помогал дед, имевший, кроме всего прочего, большой дом и фруктовый сад. Мать не завела новой семьи, более того, она не интересовалась больше мужчинами и высказывалась о них крайне негативно – все ее интересы занимала теперь религия, и воспитывала она своих детей соответственно: в строгих правилах. Она постаралась дать им хорошее образование – в частности, О. А. училась в музыкальном училище.

Все в ее жизни шло вроде бы спокойно, но вдруг она бросила учебу и, вопреки воле матери, уехала в Петербург, где поступила работать на завод, стала жить в общежитии, а затем высочила, буквально за первого встречного, замуж. К этому времени на работе у нее пошло все вкривь и вкось, причем до такой степени, что только чудо помогло ей избежать увольнения по статье. С мужем, который пил и вообще вел довольно рассеянный образ жизни, она разошлась через два года, оставшись с ребенком на руках. После этого ее жизнь приняла уже полностью бессистемный характер – она постоянно меняла работу, нигде не задерживалась подолгу не из-за лени или неумения работать, а из-за личных конфликтов с сослуживцами, и жила, главным образом, благодаря поддержке матери, с которой, тем не менее, находилась в ссоре.

При первичном обращении никакая работа с О. А. не проводилась, а повторная встреча с терапевтом произошла, когда у нее был сильный приступ почечной колики, поэтому первый этап работы был связан с мануальными мероприятиями по снятию болевых ощущений. Работа проводилась в технике висцеральной хиропрактики (мануальной терапии внутренних органов – см. А. Огулов «Висцеральная хиропрактика в старорусской медицине», М., 1994). Затем был проведен сеанс работы со знаковыми системами с использованием карт Таро.

Сканирование и анализ отдельных структурных зон уровня убеждений и космограммы в целом выявил несущность карт, связанных с контекстами родственных отношений, семьи и семейных отношений, сексуальных отношений и брака, кроме того, обозначилась глубокая неадекватность самоидентификации.

Уже обсуждение проблематики Первого Дома Зодиака привело к тому, что О. А. заявила, что «ненавидит себя», что всегда

ожидала для себя только самого худшего; обсуждение Третьего Дома (дома Братства) привело к тому, что она призналась, что не понимает смысла родственных отношений и не ждет от своих брата и сестры ничего, кроме зависти и каких-то интриг с целью заполучить то, что принадлежит лично ей; обсуждение вопросов общественных отношений (Десятый и Одиннадцатый Дома) выявило, что они представляются ей исключительно как конфликт, «лежит пирога, которого всегда не хватает на всех». Обобщая представления О. А. о любых межличностных отношениях, можно указать, что они виделись ею как неприкрытая агрессия, посягательства на ее личность, при этом она вовсе не считала свою личность достойной уважения, но просто была готова отстаивать ее потому, что «другой не имеет».

ГЛАВА V Ч. 2

Разбор этих картовых зон сопровождался активизацией целой системы зажимов – мы их уже описали выше. Эти зажимы были связаны, главным образом, с чакровыми зонами Свдхистаны, Манипуры и Вишудхи (с Манипурой, задним дантьянем, если следовать традиции, связываются и проблемы почек).

Особенно острые несоответствия и конфликты проявились при работе с зонами сексуальных отношений и брака. При первом знакомстве с арканами Таро и Домами Зодиака здесь были отмечены сильнейшие неконгруэнтности – пациентку буквально «вело»; на вербальном уровне она призналась, что не испытывает оргазм и считает себя не способной на него.

На третьем этапе работы – О. А. в это время находилась в состоянии глубокого транса – она вдруг, с трудом подбирая слова и путаясь, заговорила о какой-то личной катастрофе (здесь произошло сопоставление Восьмого Дома, дома смерти, суда, войны, но и любви, и аркана «Башня», символизирующего всевозможные жизненные крушения). На этом этапе терапевту пришлось остановиться и, используя все те же арканы, но в других вариантах расклада¹³⁰, преодолеть психологический барьер, не позволявший О. А. обращаться к этой зоне своего опыта.

¹³⁰Т. е. избирался некоторый конкретный контекст, например, отношения с родителями или с бывшим мужем О. А., в рамках которого и раскладывались карты по одной из существующих схем. Разумеется, процедура имела не «гадательное», а аналитическое содержание.

Постепенно выяснилось, что она трижды в своей жизни подвергалась сексуальному насилию: первый раз в возрасте четырнадцати лет со стороны соседа по дому, второй раз – со стороны друга своего мужа при попустительстве последнего и, наконец, совсем недавно, со стороны двух незнакомых ей мужчин.

На этом этапе работы перед терапевтом возникло сразу несколько задач:

- ♦ снять крайне тяжелое психологическое состояние, в котором в этот момент находилась О. А.;
- ♦ корректировать соответствующие зоны карт;
- ♦ разобраться в глубинных причинах происшедшего с О. А.

Первое было достигнуто релаксационной работой с зонами зажимов в области верхнего плечевого пояса и шеи. Второе – после длительного разбора содержательной стороны отношений мужчины и женщины и модификации смыслового содержания аркана «Башня»¹³¹, третье оказалось наиболее сложным.

¹³¹Аркан «Башня» может означать не только грядущее несчастье, но и текущее, беду, которая вот-вот минует. Такая инверсия возможна и в отношении других арканов.

Терапевту было ясно, что повторяемость насилия в жизни О. А. не может быть случайной, кроме того, пристальное знакомство с конкретным ходом событий при этих эпизодах показывало, что поведение пациентки во всех случаях несло в себе элементы провокации. Мы уже писали, что криминологи отмечают спровоцированность многих преступлений против личности. При этом, мы, разумеется, не утверждаем, что в своем несчастье виновата жертва преступления – просто ее поведение создавало условия для совершения такового. В случае О. А. дело обстоит сложнее – во всех трех случаях насилия ее действия простирались далеко за рамки

обычных. Например, в третьем случае она посреди ночи села в машину с двумя незнакомыми мужчинами. Это происходило возле ее дома, и у О. А. не было никакой необходимости куда-либо ехать. Она объяснила свой поступок тем, что ей «просто хотелось покататься». Создавалось полное впечатление, что О. А. просто стремилась стать жертвой преступления на сексуальной почве. Так, в общем-то, и было. Опять-таки, сказанное вовсе не оправдывает насильников. Провокационными были действия О. А. и в первых двух случаях. Кроме того, ощущалась связь, сперва неопределенная, между этой частью опыта О. А. и ее отношениями с родителями, в особенности, с матерью. Последние характеризовались своей противоречивостью. С одной стороны, О. А. с большим уважением отзывалась о «твердости характера» матери, о ее качествах хозяйки и говорила о своей благодарности за помощь («Без этого мне было просто не прожить»), с другой стороны, она обвиняла мать в том, что именно она виновата в неудачной судьбе своих детей, она просто не могла говорить о матери спокойно.

Потребовалось более часа работы, чтобы прояснить ситуацию. В глубине всех проблем, всех структурных дефектов О. А. лежал детский травматический опыт, связанный с ненормальной ситуацией, сложившейся в семье ее родителей. Ее мать вышла замуж, когда ей было восемнадцать лет, в девятнадцать она родила первого ребенка – старшую дочь, в двадцать семь – О. А., в тридцать один – младшего сына. Роды были очень тяжелыми. Это ли обстоятельство или какое-то другое послужило причиной, однако после возвращения из роддома мать О. А. полностью прекратила супружеские отношения с ее отцом. В нашу задачу не входит разбирать структуру ее уровня убеждений, но ясно, что проявившаяся в это время крайняя набожность явилась убежденческим оправданием своего отказа от половой жизни. Все это сводилось к формуле: «Секс – это грязь. Я не могу жить в грязи, с неверующим человеком». Ложность такого убеждения доказывается и тем, что мать О. А. ни в какой мере не хотела распада семьи в качестве, так сказать, «социальной единицы». Иными словами, она старалась удерживать мужа возле себя и через некоторое время изыскала для этого способ, уже никоим образом не совместимый с христианской моралью – она постаралась сделать так, чтоб в постели ее заменила старшая дочь, которой к этому времени исполнилось четырнадцать лет. Разумеется, это не выставлялось напоказ, но, так или иначе, стало известно О. А., на глазах которой происходили, в том числе, и самые интимные сцены. Инцест продолжался около года, после чего отец О. А. все-таки оставил семью.

Читатель может сам представить себе, к каким искажениям обширнейших участков структуры О. А. привели все эти обстоятельства. Этим и объясняются все ее дальнейшие проблемы – от телесных до поведенческих, в т. ч. и противоречивое отношение к сексу, собственной семье и собственному ребенку. Материнское поведение О. А. было, мягко говоря, неадекватно. Ее ребенок представлял собой, одновременно, избалованное и угнетаемое существо; кроме того, он страдал бронхиальной астмой. В высказываниях О. А. преобладали сопоставления с образом действий ее матери в аналогичных ситуациях. Она говорила: «Уж я-то поступлю иначе. Уж я-то сделаю для своего ребенка все по-другому». Ребенок одновременно тяготил ее и был чем-то вроде «живой мести» собственной матери, определенным «альтернативным вариантом» собственной «личной истории».

После того, как проблема обозначилась, последовала работа со всем уровнем убеждений и с космограммой в целом. Используя сложные образы-метафоры, которые позволяют всегда сформулировать колода Таро, терапевт добился осознания О. А. сути ее неконгруэнтностей и начала структурной перестройки – это наглядно прослеживалось в том, что мы уже определяли как изменение самих осей симметрии тела.

В последующие несколько дней О. А. находилась почти постоянно в состоянии переосмысления прожитого и пересоздания собственной структуры – воспоминания по яркости были на грани видений, а сны обращались к событиям детства. Потребовалось еще несколько сеансов в телесных техниках и технике разделения травматической склейки, но основы всей терапии, ее начало были целиком проведены при помощи работы со знакомыми системами – этим данным случай нам сейчас и интересен.

Общие же результаты работы следующие: полностью изменился жизненный и поведенческий статус О. А., она смогла со-

здать новую семью с нормальными супружескими отношениями (в т. ч. она стала испытывать и оргазм), ее агрессивность в отношении других людей исчезла. Одновременно удалось убрать и отмеченные телесные зажимы; в течение продолжительного срока каких-либо неприятных проявлений со стороны почек и сердца не замечалось. Изменилось и материнское поведение О. А. Срок, прошедший с момента окончания терапии еще недостаточен, однако, за это время приступов бронхиальной астмы у ее ребенка не наблюдалось.

Как уже говорилось, жесткие знаковые системы, типа колоды Таро, не единственные возможные. Система не только в смысле содержания, но даже как совокупность знаков, может формироваться в ходе сеанса. Такова работа с пиктограммами. Примером ее может служить случай А. Выше мы описывали начало работы с ним, когда терапевтом был предложен для осмысления пациентом универсальный символ – произвольный прямоугольник, означающий в данном контексте Вселенную, с расположенной внутри него в произвольном месте точкой, означающей, соответственно, самого А. Пропорции и параметры прямоугольника и месторасположение точки внутри него определялись самим пациентом – и то, каким именно образом он графически выражал свое представление о Мироздании и своем позиционировании в нем, служило отправной точкой анализа. Далее работа шла в направлении выявленных неконгруэнтностей и составления вербальных и образных представлений А. в тех или иных контекстуальных зонах.

Технически это выглядело следующим образом – разбив глобальный контекст на контекстуальные зоны (подобно тому, как его разбивают Дома Зодиака), терапевт предлагал пациенту выразить свое отношение к ним как в вербально-логической форме, так и в виде произвольного знака. Далее эти представления конкретизировались и сопоставлялись – выявленные неконгруэнтности предъявлялись А. и подвергались дальнейшему совместному анализу. Такой работе способствовало то, что А., человек с философским образованием, имевший навыки в психотерапевтической работе, в т. ч. в техниках телесно-ориентированного психоанализа, легко отслеживал обычные в суггестивной практике приемы и мог отреагировать на них таким образом, что несущественные зоны маскировали себя, иными словами, он знал, какие его реакции будут отнесены терапевтом к «нормальным», а какие – к «аномальным». Работа же в технике знаковых систем явилась для него неожиданностью – его «ложное Я» не знало, какие реакции здесь могут интерпретироваться как «правильные», а какие – как «неправильные». С другой стороны, он был склонен к обобщениям, что позволяло достаточно легко работать с ним при помощи пиктограмм. При обращении к рисункам задача ставилась перед пациентом не явным образом, а при обращении к вербально-логическим конструкциям – явным.

Например, исследуя структуру зоны карт супружеских отношений, терапевт обратил А. к тому периоду его «личной истории», когда он был женат, и попросил изобразить этот временной отрезок в виде какого-нибудь произвольного знака. Пациент нарисовал луну на ущербе. На этом этапе проблема собственно семьи и супружества и семья не поднималась. Далее она была поставлена в явной форме – и проблемы семьи, супружества, и отношений А. с его бывшей женой обсуждались на вербально-логическом уровне. Затем перед А. был поставлен вопрос: «Почему он изобразил именно луну? Почему именно луну на ущербе? Какой смысл он вкладывает в этот знак?»

Таким образом, работа со знаковыми системами в технике пиктограмм строится следующим образом: от предъявления некоторого универсального символа (тот же прямоугольник с расположенной в нем точкой является очень удобным знаком) к символам, которые предлагает сам пациент в той или иной контекстуальной зоне. Принципы анализа, коррекции и основные этапы работы остаются теми же, что и при использовании карт Таро: определяют «правила игры», проводится первичный анализ и «втягивание» партнера в работу, далее анализ конкретизируется и проводится коррекция; обычно работа продолжается и тогда, когда сами знаки «отложены в сторону».

Как уже говорилось, для такой структурной работы может использоваться любая основа, любая знаковая система¹³² – ведь дело не в знаках как таковых, а в их смысле и тех структурных отношениях, связанных со структурой пациента, моделирующих ее, которые проявляются в ходе работы: структура пациента организует структуру знаковой системы, придает ей смысл, и далее терапевт,

воздействуя на эту вторичную структуру, на смысл знаков, тем самым воздействует на структуру первичную, структуру человеческого существа своего партнера.

¹³²Используя изложенные принципы, читатель может, например, составить собственную схему работы на основе восьми триграмм ба-гуа, годятся и любые другие знаковые системы, обладающие следующим качеством: их элементы могут быть сопоставлены с контекстуальными зонами, в сумме образующими Глобальный контекст, при достаточной гибкости и возможности следующего от личности пациента осмысления и означения.

Это возможно благодаря установленному раппорту, глубоко-кому трансовому состоянию пациента и тому обстоятельству, что использованные символы осмыслены и означены, т. е. установлена однозначная связь между ними и «внутренними» структурами человека. Человеку свойственно переносить на «внешний» предмет некоторые особенности собственной «внутренней» структуры. Замечательные примеры этого феномена дает мировая литература. Вспомним «Шагреньевую кожу» О. де Бальзака, «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Аленький цветочек» А. Аксакова. Здесь это явление приобретает фантастический характер и используется как обобщенная художественная метафора. Известный рассказ В. Гаршина «Красный цветок», повествующий о душевнобольном, для которого все мировое зло сосредоточилось в некоем красном цветке – также очень хороший пример. Что же касается работы терапевта в технике знаковых систем в целом, то она подобна «игре в бисер», расположенной в центре повествования одноименного романа Г. Гессе. Любопытно, что и отмечает Г. Гессе в конце своей книги, что *master ludi* означает и «мастер игры», и «школьный учитель». Любопытно также сопоставить технику работы со знаковыми системами и эстетику постмодернизма, его отражение, например, в романе У. Эко «Имя розы». Такое сопоставление, заметим в скобках, является не просто праздным замечанием, а, с точки зрения структурной работы, привлечением некоторой системы знаний – в данном случае, культуральных.

Внимательный читатель, конечно, уже понял, почему и в каком смысле мы назвали эту главу работой со знаковыми системами – здесь раппорт устанавливается между авторами и читателем, а знаковой системой выступает сам текст и те образы, которые мы используем, с разных позиций изображая одно и то же – при помощи математических конструкций, традиционных систем и примеров, психологических рассуждений, иллюстраций из области терапевтической практики и т. д. Цель нашей работы – раскрытие метода структурной психосоматики, ее концепции и присущих ей приемов мышления, а в конечном счете – «личная эволюция» читателя.

3. СВЕДЕНИЕ ЛОГИЧЕСКИХ УРОВНЕЙ СОЗНАНИЯ

Как и многие другие, техника была разработана в НЛП и применяется в рамках этой системы для обучения стратегиям эффективности. Предлагаемый вариант модифицирован в соответствии с концепцией структурной психосоматики и применяется несколько в иных целях.

На практике в самом упрощенном виде это выглядит следующим образом (рис. 91). Пациенту предлагается представить себе ситуацию, в которой он играет роль лидера. Допустим, это его служебное положение. Далее мы при помощи соответствующих когнитивных вопросов постепенно движемся вглубь по логическим уровням сознания, тщательно отслеживая все реакции, все признаки транса и телесные ощущения.

Первый уровень. Задается вопрос типа: «Представьте себе ситуацию на вашем рабочем месте, в вашей кабинете. Как все это выглядит?». Сразу же возникает вполне определенный зрительный образ, определенные аудиальные и телесные ощущения. Пациент охотно излагает их, иногда, впрочем, испытывая некоторые затруднения, связанные с тем, что все для него слишком привычно, он не всегда понимает, почему нужно говорить о тривиальных вещах. Это хороший повод объяснить ему, что для терапевта особенно ценна не экзотика, а именно тривиальное и обычное, о чем часто умалчивают от непонимания ценности такого рода информации. То, что для одного из партнеров очевидно, для другого ново. Все предъявленные факты, все невербальные реакции выявляются, отслеживаются и калибруются. Обычно мы не встречаем здесь никаких не-

конгруэнтностей, но торопиться не следует – на этом этапе происходит втягивание в работу и терапевта, и пациента, и уточнение первичной калибровки, и установление раппорта и т. д.

На втором логическом уровне задается вопрос: «А что конкретно вы делаете? Как это происходит? Из каких действий складывается ваша деловая активность?». Внимание фокусируется на отслеживании самых простейших и элементарных вещей: тембра голоса при разговорах с подчиненными, манеры фиксировать какие-то сведения в памяти, других привычных действий, т. е. акцент на том, что именно делает пациент.

ГЛАВА V Ч. 2

При этом происходит некоторые изменения реакций, но и здесь мы редко встречаем несоответствия: поведенческие приемы, связанные со вторым логическим уровнем, относятся к легко воспринимаемым качествам. Кроме того, вектор внимания обращен вовне, и личность остается не вовлеченной в работу. Можно сказать, что дефекты остаются не вовлеченными в ее толще и никак не проявляют себя. Единственные негативные реакции, которые он может испытывать – это скука и недоумение, зачем терапевт ведет разговор в таком русле, которое никак не связано с его проблемами. Опять-таки, не следует торопиться, но определенная динамика, напор необходимы, чтобы партнер не утратил рабочего состояния и не пришлось прикладывать дополнительных усилий для возвращения его к нему.

На третьем логическом уровне все существенно меняется. Так и должно быть – ведь мы пересекаем первую барьерную мембрану, вступаем в зону собственной личности. Вектор внимания разделяется, появляются первые признаки трансa. Их появление – маркер правильности направления работы, их отсутствие – признак того, что ничего не выходит, мы столкнулись с завесой дигитальной болтовни, погружение на третий логический уровень не совершилось. Впрочем, такое происходит крайне редко, поскольку привычное присутствие центра осознания на третьем логическом уровне присуще подавляющему большинству людей.

Следует примерно такой диалог: «А какие у вас есть качества для того, чтобы быть лидером в своей области (хорошим специалистом, классным менеджером, опытным руководителем и т. п.)?». Пациент начинает описывать свои навыки: умею то, умею это. Дав ему достаточно выговориться и втянуться в подобный разговор, а также получив достаточный материал для калибровки на этом этапе, терапевт совершает очень важный поворот сюжета – говорит: «Это хорошо. А каких качеств вам не хватает? Чем еще вы хотели бы обладать, чтобы быть не просто лидером, а идеальным лидером?». Следует ответ: «Да, я хотел бы уметь это, это и это.» – «Представьте себе, что у вас все это есть. Вы проснулись завтра утром – и все это у вас уже есть. Что будет тогда? Что изменится в вашей жизни, положении и пр.?». Человек легко входит в ресурсное состояние и отвечает: «Ну, тогда все было бы очень здорово...» – «А какие ощущения в теле?». Здесь все и начинается. Мы получаем комментарии типа: «Я ощущаю приятное расширение в груди, но вот почему-то начало сводить икроножные мышцы...». Или: «Очень хорошее состояние, но почему-то пальцы скрючивает...» и т. п. Речь идет, об одновременной активизации разных стратегий, о разное в ско-

рости прохождения ощущений, что может быть в разных терминах интерпретировано как структурный дефект, смешение контекстов и карт на более глубоком четвертом уровне, внутренний конфликт.

Почему, двигаясь, казалось бы, в самой благоприятной контекстуальной зоне, мы оказываемся в области структурного дефекта и сталкиваемся с явными неконгруэнтностями? Дело в том, что те навыки, которые человек хотел бы иметь, но не имеет, по каким-то причинам недоступны ему. Происходит инверсия – благоприятная зона противопоставляется всем прочим и сопоставляется с ними. Таким образом, мы как бы моментально просвечиваем всю структуру пациента, и в ней неизбежно обнаруживается несущественная зона, коль скоро таковая существует. Попытка представить обладание недостающими качествами активизирует область дефекта, что проявляется через соответствующие стратегии на периферии, как некие неприятные ощущения на общем благоприятном фоне.

Выявив эти первые неконгруэнтности, мы переходим к четвертому логическому уровню и предъявляем вопрос: «А для чего вы вообще занимаетесь этой деятельностью? Почему это вам надо?». Обычно следует дигитальный ответ, человек выходит из ресурсного состояния и заявляет что-нибудь вроде: «Ну как – почему? Потому что это важная работа, престижное дело и т. д.». Либо он выдвигает ряд идеологических причин: «Это важно для общества. Я считаю, что тем самым способствую прогрессу, развитию общества и т. д.». Мы не слышим только одного: «Мне это интересно. Я получаю от этого удовольствие...» (Сказанное не значит, что такое объяснение никогда не возникает. Если человек именно так отвечает на поставленный вопрос, приводя прочие – идеологические – аргументы как дополнительные, значит, он действительно занимается своим делом, и здесь не возникает внутреннего конфликта¹³³).

¹³³Иллюстрацией сказанному может служить отрывок из интервью с гонщиком Формулы-1 Френтценом: корреспонденты спросили его, что же заставляет его заниматься этим делом, предложив ряд вариантов ответа, идеологических по своему содержанию. В русле данной постановки вопроса пилот сказал, что им движет желание побеждать, но затем признался, что настоящий мастер должен обладать «жаждой скорости» (need for speed). Последняя формулировка тождественна утверждению «это мне нравится, я получаю от этого удовольствие» – таким образом, Френтцен продемонстрировал сущность своей деятельности в этом контексте, ее адекватность своей структуре. Однако, адекватность структуре какой-либо конкретной деятельности не обязательно предполагает полную адекватность, полную конгруэнтность всего человеческого существа во всех актуальных для него контекстуальных зонах.

Мы можем попробовать повторить работу в другой контекстуальной зоне или использовать другую технику – дело в том, что нас интересуют именно неконгруэнтности, маркеры структурных нарушений, если таковые имеют место.)

В нашем случае, т. е. в случае наблюдаемых неконгруэнтностей, фиксируются выраженные телесные феномены, которые могут быть описаны как система глубоких внутренних асимметрий: где-то зажалось – в другом месте ощущается расслабление: ноги «как ватные» или, наоборот, «налиты свинцом» – руки очень легкие; голову стягивает «железный обруч» – в груди ощущается расширение и т. д.

Рис. 91 Сведение логических уровней сознания

Терапевт не комментирует происходящее – он просто тщательно отслеживает его и рассказывает пациенту о наблюдаемом: давайте посмотрим вместе, что происходит с вами, какие вещи наблюдаются, – и перечисляет их. Происходит постепенное обобщение телесных метафор и переход от модальности: «В чем смысл вашей деятельности?» (т. е. почему эта деятельность важна) к модальности: «В чем смысл вашей деятельности лично для вас?» (т. е. почему эта деятельность важна именно для вас), что знаменует переход на пятый логический уровень.

Проникновение на пятый логический уровень часто не требует дальнейшей постановки конкретных когнитивных вопросов – дальнейшее углубление происходит «автоматически» в ходе работы с проявившимися неконгруэнтностями. Но если дигитальные высказывания продолжаются, следует: «Давайте остановим эту болтовню. Скажите лучше, чего бы вы на самом деле хотели? Чем бы вы хотели заниматься? В чем ваши подлинные желания, заветные мечты?». Таким образом, пациент обращает к самоидентификации, шестому логическому уровню. Здесь возникает очень интересное состояние – пациент говорит: «Ну конечно, если бы я был свободен, если бы я не был должен то-то и то-то, я бы занимался совершенно другим делом. Я мечтал заниматься им с самого детства...»

Это состояние опирается на воление «Я хочу!», оно сущностное по своей природе и, соответственно, связано с сущностными структурами. Таким образом, мы можем дальше развивать это состояние, двигаясь к ядру личности. Здесь проявляются глубокие трансовые феномены. Как правило, человек уже ничего не говорит – он весь погружен в свои ощущения. И терапевт может также абсолютно без слов работать с телом или использовать иные – суггестивные, третепозиционные и т. д. – техники.

Как результат, через несколько дней или несколько часов с человеком происходят глубокие и сильные изменения (рис. 92). Они касаются не только заявленных проблем, не только явных патологий, но и самых различных убежденческих конструкций, поведения, самоидентификации и т. д. Дело в том, что происходит пересоздание дефектной зоны на сущностной основе, и при этом затрагиваются глубинные составляющие человеческого существа, которые в содержательном плане могут быть определены как изменение цели. Структурно они принадлежат очень глубоким уровням – самоидентификации и даже проекции Абсолюта и определяют сущность космограммы. Мы уже отмечали, что процесс картирования реальности принципиально бесконечен – всегда находятся контексты, которые редки или никогда не встречаются в жизни конкретного человека, непроработанные места или целые участки реальности, «выпавшие из поля зрения». Также обычны случаи, когда те или иные карты строятся не на базе непосредственного опыта отражения-отреагирования соответствующего контекста, а по образу других, подобных карт. Только сущностная космограмма может при этом обеспечить истинное картирование и дать критерии, при которых та или иная карта признается личностью истинной или ложной. Важно понимать, что, подобно тому, как «истинность» карты вовсе не означает ее «правильности», «истинность» космограммы должна рассматриваться лишь в структурных, а вовсе не в мировоззренческих категориях. С точки зре-

ния Глобального взаимодействия может существовать множество истинных космограмм, т. е. подобных по структуре, но терминологически различных моделей тех аспектов реальности, которые отражаются на уровне парадигмы. Более того, мы знаем примеры людей, в чьем сознании сущностно присутствовали разные космограммы – это те люди, для которых привычным является пребывание центра осознания на шестом логическом уровне сознания и даже на уровне проекции Абсолюта. Таким человеком был Рамакришна, который, будучи по рождению индустом и жрецом храма Кали, далее естественным образом принял самые различные космограммы – от других вариантов индуизма до буддизма, ислама и христианства. Он вовсе не пытался создать некий конгломерат этих парадигмальных систем или некий их синтез (такой синтез в рамках самого уровня парадигмы возможен лишь ценой профанации), подобно тому, как это делали и делают теософы и другие приверженцы идеи «единой религии» – он утверждал лишь, что все религии тождественны на некотором, более высоком уровне знания. Действительно, все истинные космограммы (несводимые друг к другу на уровне парадигмы) тождественны на уровне Глобального взаимодействия, а все варианты самоидентификации – на уровне Проекции Абсолюта. Обсуждая эти вопросы, мы неизбежно приходим к проблеме эффективности. Существует эффективность внешняя и внутренняя. Первая связана исключительно с социальным и деловым успехом и не может считаться достаточной. Какой человеку прок, если он оплачивает свою карьеру и внешнее благополучие внутренними конфликтами и, как следствие, множеством тяжелых психосоматических расстройств? Другое дело эффективность внутренняя, которая возможна лишь тогда, когда убеждения и цели соответствуют сущности человека, его ядру. Такая позиция вовсе не означает асоциальности – просто одному человеку хорошо заниматься одним делом, а другому – другим. В тех же случаях, когда социальные условия требуют определенных действий, необходимо уметь выработать к ним «третью позицию» – то, что, скажем, в индуистской традиции называлось недеяньем или карма-йогой (действие, необходимое по социальным условиям, и потому дхармическое, но при этом не затрагивающее подлинного Я человека, его Атмана, который остается незаинтересован в плодах такой деятельности, и потому никак не сказывающееся на карме).

Характерным примером работы в технике сведения логических уровней сознания может служить случай исцеления тяжелой онкологической патологии (гистологически подтвержденная опухоль гипофиза, II стадия, была назначена срочная операция), который наблюдался на семинаре в Москве. Интересно и то, что перед сеансом пациентка Р. не сообщила терапевту о содержании своих телесных проблем. В процессе работы выявились сильнейшие неконгруэнтности, которые были тщательно проработаны – вплоть до прояснения ложных и истинных целей. Далее работа велась с телесными метафорами, производилась их трансформация. В результате, через месяц Р. сообщила, что повторное обследование показало полное отсутствие патологии – врачи просто не могли поверить в это. Другой результат – развод с мужем. Р. стало ясно, что ее семья – следствие реализации в поведении имплантированного социального стереотипа, а не собственных желаний.

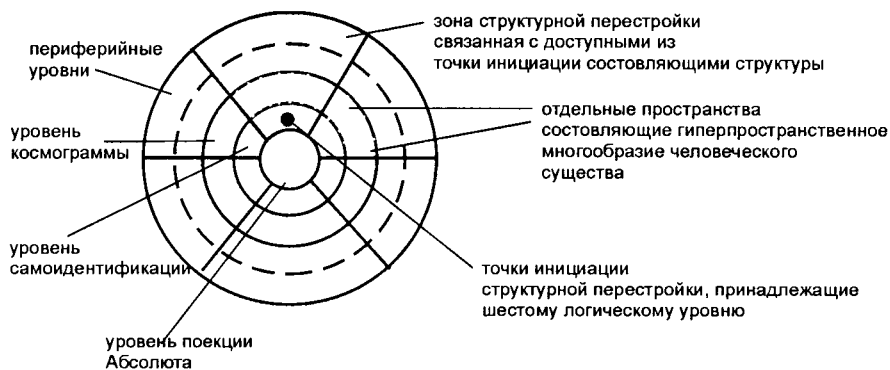

Рис. 92 Пересборка

Такое подобное поведенческое следствие структурной работы очень типично. Мы уже говорили об этом и объясняли подобное явление обширностью зоны перестроенного дефекта, которая может затрагивать различные группы карт, в том числе и весьма далеких от первоначального направления работы.

В случае Р. особенно важны два момента:

ГЛАВА V Ч. 2

* иногда (в частности, это можно сказать о технике сведения структурных уровней) структурная работа не требует знания содержания проблем пациента – оно абсолютно не важно, поскольку терапевт ориентируется только на неконгруэнтности и в подлинном смысле слова играет роль своеобразного зеркала, в котором пациент лучше него самого видит свои несоответствия; терапевтическую роль исполняет собственная сущностная триада человека, когда при погружении на глубинные логические уровни сознания удается сопоставить с ее текущей, как бы на какое-то, пусть даже непродолжительное, время снять завесу, отделяющую ядро от периферии – коль скоро это произошло, фрактальные законы строения структуры человеческого существа вступают в свои права: сущностная триада сама перестраивает дефектную зону, человеческое существо само себя исцеляет;

* мотивация играет огромную роль в терапевтической работе: Р. была очень сильно замотивирована на исцеление, и поэтому работа с ней потребовала столь непродолжительного времени; иногда же приходится тратить недели и месяцы, прежде всего, на мобилизацию волевой составляющей человеческого существа и направление его волевых усилий в нужное русло; но любое волевое усилие, направленное даже против действий терапевта, все же лучше апатии и безволия – в последнем случае редко что удастся сделать.

Один из этапов работы с И. также проводился в технике сведения логических уровней. Был выбран контекст его занятий бодибилдингом – здесь И. чувствовал себя уверенно, имел многолетний опыт занятий, хорошие результаты и будучи в течение нескольких лет действующим тренером по этому виду физической культуры. Сеанс проводился в условиях семинара, когда терапевту по результатам индивидуальной и групповой работы были уже ясны многие структурные проблемы пациента и их примерная контекстуальная привязка.

Погружение на третий логический уровень происходило быстро и без каких-либо неожиданностей, что и не удивительно, поскольку партнеры уже хорошо знали друг друга. На уровне навыков начали проявляться первые неконгруэнтности, вообще характерные для телесного статуса И. – он чувствовал «расширение в груди» и одновременно «скованность ног». На четвертом логическом уровне система присущих ему асимметрий дополнилась неприятными ощущениями в области плечевого пояса, начиная от грудинно-ключично-сосцевидных мышц вплоть до локтевых суставов. Любопытно, что и присущая И. привычная травма, о которой мы упоминали выше, была связана с этой зоной. Уровень напряжений в выявленных неконгруэнтных зонах был столь велик, что И. испытывал боль, как при растяжении связок.

В содержательном плане фиксировалась следующая динамика: на вопрос: «Чего вам не хватает, чтобы добиться больших успехов?» – И. заговорил о проблемах рационального питания, что его образ жизни не позволяет придерживаться желательной диеты и т. д. Предложение представить себе, что желаемое осуществилось, вызвало ожидаемую ресурсную реакцию, сопровождаемую первыми

признаками описанных телесных неконгруэнтностей. Дальнейшая работа по схеме: «В чем смысл вашей деятельности?»... – «В чем смысл вашей деятельности лично для вас?»... – «Чего вы на самом деле хотите?» – обратила И. от дигитальных рассуждений о физическом здоровье. О мужественности и образе «настоящего мужчины» к детским воспоминаниям – свое подлинное желание И. сформулировал, казалось бы, неожиданным образом: «На самом деле я никоим образом не хочу походить на своего отца.»

По опыту предыдущей работы с этим пациентом и по ряду других признаков терапевт предполагал наличие подобной проблематики, но разбор всех связанных с ней дефектов и пробелов в структуре И. потребовал еще многих усилий и применения других техник. Этот же сеанс – в технике сведения логических уровней – дал свои плоды: дальнейшая работа на уровне самоидентификации позволила снять некоторые телесные проявления, и все же окончательная коррекция не была достигнута. Почему? Может показаться, что техника сведения логических уровней универсальна и, коль скоро удастся вовлечь пациента в заинтересованный диалог на первых этапах работы¹⁴, переход к шестому логическому уровню и «прикосновение» здесь к сущностной триаде автоматически разрешает все проблемы – следует спонтанная перестройка текущей триады во всех несущностных зонах.

¹⁴Бывают случаи, когда такое вовлечение очень затруднено, поскольку человек либо слишком пассивен, либо его самооценка настолько неадекватна, что он не может предложить контекст, в котором чувствует себя комфортно. Существуют и другие причины, которые делают применение техники сведения логических уровней затруднительным.

Однако это не так. И этому есть две очень существенные причины.

Во-первых, топологическое строение структуры человеческого существа на глубинных логических уровнях можно определить как некоторое гиперпространственное многообразие. Спонтанная перестройка структуры, возникающая, как следствие проникновения на шестой логический уровень в технике сведения логических уровней, действительно затрагивает многочисленные несущностные зоны, но далеко не всегда во всех составляющих этого многообразия. Можно сказать, что сущностное обновление затрагивает только некоторые пространства, доступные из точки перестройки, в то время как остальные оказываются незатронутыми. Сказанное можно иллюстрировать упрощенной графической схемой (рис. 92): действительно, единственной зоной, откуда доступны все структуры человеческого существа, является уровень проекции Абсолюта – шестой же уровень сам по себе разделен на ряд зон, каждая из которых имеет свою периферию. Отсюда становится понятно, почему, работая в данной технике, при постановке вопроса о сущности деятельности пациента в исследуемом контексте можно обнаружить ее полную конгруэнтность, при том, что в структуре в других контекстуальных зонах будут присутствовать обширные дефекты.

Во-вторых, техника сведения логических уровней не может задействовать неразвернутые зоны генома и, тем более, откорректировать ошибки трансляции – для этого необходимы совершенно иные методы.

Приходится признать, что универсальных техник не существует, да и не может существовать. Именно поэтому мы понимаем структурную работу как свободное и творческое сочетание техник на общих концептуальных и методологических основах.

Глава 6

«Личная эволюция» и методы мышления

Представления о возможности «личной эволюции» и достижимости некоторого «высшего» состояния, по сравнению с «обычным», путем определенной практики, присущие всем религиозным системам¹³⁵, в XX веке стали достоянием и сугубо научной мысли – преимущественно психологической.

¹³⁵Вспомним о христианском пути обретения образа Господня, о суфийском идеале «мастера», о буддистских эволюционных схемах, ведущих к археопству (в хинаяне) или состоянию бодхисаттвы (в махаяне), об индуистском пути йога и т. д. Во всех случаях речь идет о переходе к «высшему» по отношению к «обычному» состоянию, а на самом деле – о реализации потенциально заложенной в человеческом существе возможности вступить в зону «сянь» (этот термин, напомним, бытует в даосской традиции).

Так, например, А. Маслоу, основатель т. н. «гуманистической психологии», выдвигает идеал «самоактуализации», он определяет т. н. Б-ценности (бытийные ценности)¹³⁶, которые для человека выступают как метапотребности, т. е. потребности «высшие» по сравнению с «обычными», например, физиологическими.

¹³⁶Подробное определение и описание Б-ценностей см. в работе А. Маслоу «Religions, Values and Peak Experiences» (1964).

Реализация метапотребностей, обретение Б-ценностей и есть самоактуализация. А. Маслоу определяет и пути достижения этой цели:

- * полное живое и бесконечное переживание с полным сосредоточением и погруженностью; – представление о жизни как о процессе постоянного выбора;
- * прислушивание к голосу импульса, предоставление возможности проявления собственного «Я»; – принятие на себя ответственности;
- * неконформизм: «быть смелым вместо того, чтобы бояться»;
- * процесс актуализации своих возможностей;
- * высшие переживания;
- * разоблачение собственной «патопсихологии».¹³⁷

¹³⁷См. Маслоу А. «Самоактуализация» – в кн. «Психология личности. Тексты». М., 1982.

Приведенный пример характерен. Тут, казалось бы, и нечего возразить, но все как-то неконкретно, нечетко и, кроме того, сформулировано под знаком «исключительности» «продвинутого» состояния человеческого существа – оно предполагается чем-то «сверхъестественным», в то время как «естественное» состояние априорно полагается «низшим».

Мы уже говорили, что структурная психосоматика ставит эту проблему совершенно в ином ракурсе. То, что представляется Маслоу метапотребностью является на самом деле самой обыкновенной потребностью, неразрывно связанной с базовыми физиологическими и психологическими актами человеческого существа. Более того, только переход в «высшее» по сравнению с «обыкновенным» состоянием может обеспечить полную эффективность психосоматического единства индивидуума во всех его элементах. Иными словами, «высшее» состояние и является «нормальным».

Что же, в таком случае, мы понимаем под «личной эволюцией»? Во-первых, это предварительная коррекция структурных дефектов, возникших в ходе «личной истории», а иногда и раньше – при трансляции генома. Такая коррекция позволяет достигнуть состояния юань, природной данности человеческого существа. Во-вторых (и эта группа мероприятий относится уже собственно к «личной эволюции»), необходимо задействовать все юаньские качества и возможности, «включить» не задействованные зоны генома и овладеть глубинными уровнями сознания и связанными с ними принципиально нелинейными методами мышления. Такая работа производится возле второй барьерной мембраны и связана с овладением чакровой системой, структурированием пятого, а затем шестого логических уровней сознания, подключением третьей, четвертой, пятой и шестой зон генома. Сознание приобретает множество новых качеств – овладевает содержательной логикой, методами снятия оппозиций, метаязыка, замены динамического элемента структурным, принципом иерархии, экскурсивным мышлением, приобретает опыт переживаний, которые Маслоу называет в приведенном отрывке «высшими» и которые мы бы назвали «неомраченными».

Все это означает переход к состоянию ян и работу с ним, которая, в конечном счете, сводится к овладению седьмым логическим уровнем сознания, высшими чакрами и к приближению сознания к сингулярности («+0»). Это и есть предельная точка «личной эволюции» человеческого существа, в структурном плане характеризующаяся развертыванием полного генома, вплоть до зоны Адама и построением на его основе сущностной текущей триады – т. е. тем, что мы выше назвали достижением состояния полностью реа-

лизированной сущностной личности. Дальнейший путь выходит за рамки нашей темы, поскольку собственно к человеческому существу отношения не имеет. Мы видим в этом неизбежное и естественное ограничение области структурной психосоматики как доктрины рационалистического характера, направленной не на некое «новое провозвестие», а на практическую работу.

Рассматривая круг этих вопросов, мы неизбежно оказываемся в области, издавна контролируемой традиционными системами психофизического воспитания или, как можно было бы еще сформулировать их направленность, практической философии. Это различные школы буддизма, йога, цигун, суфийская традиция, умное делание Православия и т. д. Нам не должно смущать это обстоятельство, более того, опыт, накопленный в различных традиционных школах, может быть осмыслен и использован – естественно, при условии подхода к нему с позиций содержательной логики. Во всяком случае, разговору о «личной эволюции» можно было бы предпослать цитату из авторитетного ламаистского трактата «Тонилху-ийн чимэг» («Украшение \путя\ освобождения»): «Но знание без методов как будто сковано. Методы без знания как будто скованы. Знание без методов привязано к нирване, методы без знания привязаны к сансаре. Поэтому знания и методы должны сочетаться. Образно это можно выразить так: чтобы дойти до конечной цели, нужны глаза, которые намечают путь, а для сокращения расстояния – ноги. Точно так же для того, чтобы дойти до города Нирвана, нужны знания-глаза и методы-ноги.»

Учитывая сказанное, необходимо, прежде всего, отметить, что структурная психосоматика ни в какой мере не претендует на роль новой религии или даже методологической базы религиозного толка, подобно саентологии или дианетике – это сугубо рациональная концепция, предназначенная, прежде всего, для коррекции структурных дефектов психосоматического единства человеческого существа, для анализа структурной организации человека и различных феноменов социального плана и, как следствие, для выработки средств и техник «личной эволюции». Последнему понятию мы не присваиваем какого-либо сверхъестественного или мистического значения, имея в виду, что высокий уровень организации структуры не только вполне доступен большинству людей, не только в современных условиях представляет собой естественный идеал индивидуального развития, но и достижим исключительно рациональными средствами, которые в этом смысле подобны средствам педагогики, терапии и тренинга и могут быть рассмотрены как их естественное развитие. Важно и то, что, говоря о «личной эволюции», структурная психосоматика не ставит перед собой никаких конкретных религиозных задач: ее цель – раскрытие возможностей человеческой личности, в плане овладения всей совокупностью своего психосоматического единства. Достигнув этого, каждый человек может действовать в рамках присущего только ему мировоззрения, в том числе и религиозного, но действовать при этом максимально эффективно.

Более того, заявленный нами выше сознательный идеализм концепции структурной психосоматики в достаточной степени полемичен. Мы высказали подобное утверждение, причем в категоричной форме, по двум причинам: чтобы сразу же отвести придиричи т. н. «материалистов» к тем аспектам излагаемой доктрины, которые явно противоречат их ориентированному на периферию взглядам и, поскольку эти аспекты, рассматриваемые в отношении внешних структурных уровней и изолированно от прочих, действительно могут быть отождествлены с идеалистическими. Однако, «на самом деле» мы не считаем нашу концепцию, с точки зрения ее философского содержания, ни материалистической, ни идеалистической – назовем ее «реалистической», учитывая, что так и называли известные в истории философии концепции, пытавшиеся преодолеть дуализм «материализм-идеализм».

Последнее утверждение требует пояснения. Во-первых, точно так же, как структурная психосоматика не претендует на религиозное содержание, она не является и философской доктриной. Она лишь предполагает наличие некоторой философской позиции, которая при желании может быть разработана. Определение «практическая философия», которое мы давали своим взглядам, и выражает сказанное.

Во-вторых, сингулярная логика позволяет нам утверждать, что «материализм» и «идеализм» являются, всего-навсего оппозиционной парой, реализуемой на шестом логическом уровне и

подчиненных ему логических уровнях сознания. На седьмом логическом уровне эта оппозиция может быть снята и снимается. Более тонкий анализ показывает, что пять внешних уровней допускают формулировки в смысле субъективного идеализма («все есть сознание») или вульгарного материализма («все есть материя»), а шестой логический уровень – объективного идеализма («сознание первично») или диалектического материализма («материя первична»), однако седьмой логический уровень, где нет дихотомии «Абсолют»-не-Абсолют, таких формулировок не приемлет. Выражаясь в терминах, к которым мы привыкли со школьной скамьи, концепция структурной психосоматики в своем предельном выражении на глубинных логических уровнях принимает форму «дух»-и-«материя», где «и» связано как с представлениями о Глобальном взаимодействии, так и с Базовой матрицей антропосферы, которая и есть причина всего остального, в т. ч. «материи» и «духа».

Кто-то может сказать, что это ничего не меняет, поскольку названная первопричина, т. е. Базовая матрица, представляет собой нематериальное, т. е. духовное, образование. На это можно возразить, что мы ничего не знаем о природе Базовой матрицы – ничего не знаем в рамках структурной психосоматики – ничего не знаем и не пытаемся строить никаких гипотез. В этом заключается другой аспект высказанного выше самоограничения. Базовая матрица может быть и «материальна», и «не-материальна», а, скорее всего, она не «материальна» и не «не-материальна» – ведь эти категории присущи именно антропосфере и могут просто не иметь смысла в другом мире фрактального развертывания Точки Абсолютного Нуля.

Здесь же возникает вопрос: материальна ли структура? Как таковая, конечно, нет. Однако, она может иметь свое выражение как в «материальных», так и в «не-материальных» объектах.

Итак, концепция структурной психосоматики последовательно «монистична», т. е. «не-дуальна», «не-дихотомична» (адвейя), что, между прочим, и приводит к психосоматическому постулату, который может быть выражен и следующим образом:

Мы не можем какими-либо доступными нам средствами (а таковые всегда относятся к механизмам отражения-отреагирования) выделять в единстве человеческого существа какие-либо проявления, реакции, феномены и т. д., которые могут быть изолированно интерпретированы как чисто духовные, чисто душевные или чисто телесные. При этом, мы осознаем, что духовный, душевный и телесный уровни в структуре человека присутствуют и не смешиваются, но они всегда проявляются как единое целое и составляют разные аспекты одних и тех же феноменов.

Теперь мы можем в общих чертах сформулировать принципы и средства «личной эволюции», какими они представляются с точки зрения структурной психосоматики. Здесь несколько условно и упрощенно мы можем говорить о трех периодах и четырех основных направлениях работы. Эти направления:

- ◆ формирование третьей позиции;
- ◆ формирование принципа экологичности;
- ◆ научение принципиально нелинейным методам мышления;
- ◆ сущностное структурирование всех логических уровней сознания и структуры, в целом.

Три периода, о которых идет речь – это:

- ◆ устранение структурных дефектов;
- ◆ преодоление второй барьерной мембраны;
- ◆ овладение логическими уровнями ядра.

Учеба, коррекция, личная практика – вот средства, которые позволяют пройти все три этапа, а что касается средств, то различные методы коллективной и индивидуальной работы составляют их арсенал. Все это было уже достаточно подробно описано – точнее, настолько подробно, насколько это возможно в рамках настоящей книги. Все же необходимо обратить внимание на некоторые существенные моменты.

Прежде всего, опыт показывает, что мы не можем разделить терапевтическую практику и «личную эволюцию». Занимаясь коррекцией различных психосоматических страданий, мы обнаружили, что приобщение пациента к идеям, являющимся основой концепции структурной психосоматики, само по себе носит терапевтический характер, создает необходимые предпосылки для исцеления. Сознание, приобретающее новую направленность, а затем — и новые качества, легче справляется с задачей исправления структурного дефекта. Это и заставило нас перейти к учебно-практическим семинарам и даже в индивидуальной работе широко использовать обучение как таковое, достаточно подробно раскрывая суть применяемых методик и их теоретическую основу.

ГЛАВА VI Ч. 2

Так, П. Т., 24 лет, обратился в связи с патологией органов пищеварения и мочеполовой системы. Первичный осмотр обнаружил, что основные проблемы были связаны с поджелудочной железой и мочевым пузырем. Кроме того, диагностировалась дискенизия кишечника и недостаточность функции левой почки. При осмотре позвоночника были выявлены патологии в области позвонков. Был также обнаружен обширный зажим в области верхней части живота.

Учитывая особенности структуры П. Т., его личности и личного опыта (этот человек был абсолютно не подготовлен для восприятия каких-либо сложных концепций психологического или философского характера), на первом этапе работы длительностью в одну неделю терапевт работал только в телесных техниках. Использовались методики мануальной коррекции позвоночника, мануальной терапии внутренних органов, о них мы писали выше, а также воздействие на точки чжэнь-цзю и фитотерапия, в соответствии с канонами китайской медицины. Одновременно на каждом сеансе проводился полный релаксационный комплекс и велась целенаправленная работа с зажимом в области верхней части живота.

Никакого психотерапевтического воздействия, казалось бы, не проводилось, однако, как мы знаем, уже сама релаксационная техника и, тем более, целенаправленное «массажное» воздействие на телесный зажим носят психотерапевтический характер. Но, кроме того, терапевт подробно объяснил пациенту суть проводимых им действий. Сперва речь шла о принципах китайской медицины, а далее перешла на единство человеческого существа и базовые идеи структурной психосоматики. Такие беседы велись в состоянии достаточно глубокого транса — он сопровождает и телесные техники и, кроме того, характерен для любой работы по точкам¹³⁸.

¹³⁸Работа в техниках иглорефлексотерапии может рассматриваться как еще один приемлемый метод «телесного транса» в рамках терапевтической практики структурной психосоматики. Работа по точкам всегда сопровождается погружением пациента на глубинные логические уровни. Кроме того, она предполагает подробную калибровку, установление раппорта и разделение внимания и вполне соответствует принципу экологичности. Следует только учитывать, что сама по себе она недостаточна, поскольку способна структурировать человеческое существо лишь «с одного — соматического — конца».

К концу первой недели терапевтом был достигнут заметный успех — удалось в значительной степени нормализовать работу внутренних органов, что было очевидно и для самого пациента: исчезли боли, пропало патологическое вздутие кишечника, прошли проблемы, связанные с мочеиспусканием, был снят блок в области позвонков. Одновременно пациент стал проявлять все больший интерес к проблемам человеческой природы, к структуре человеческого существа и своим личным проблемам. Его внимание обратилось к себе самому. Он чаще стал говорить о личных воспоминаниях и следующим образом сформулировал свое основное желание: «Я бы хотел разобраться в себе и обрести спокойствие».

«Внезапно» на восьмой день работы П. Т. пришел к терапевту в неурочное время и в состоянии крайней взволнованности. Он сказал, что все эти дни пытался понять смысл тех идей, которые высказывались терапевтом, но большей частью безуспешно, но вот сегодня он понял основное, и понял также, что это имеет прямое отношение к нему, к его собственной жизни. Речь шла о принципе логических уровней сознания, о травматическом опыте и дефектах структуры. П. Т. рассказал, что ощущает зажим в области верхней части живота, и что этот зажим связан с другим — в области груди, активизация которого вызывает у него ощущение удушья (об этих зажимах, уже известных терапевту, речь зашла впервые, а связь между ними стала очевидна

пациенту только теперь). Это сопровождается сильнейшим смятением и как-то связано с целым рядом детских воспоминаний. Так и сегодня, пытаюсь «разобраться в себе» и вспоминая некоторые моменты, связанные с семи-восемилетним возрастом и более ранними периодами, он ощутил сильный спазм в животе, сдавленность в груди и беспричинное волнение. Все это очень волновало его — и теперь он понимал, что именно в травматическом опыте коренится первопричина его телесных страданий и личностных проблем. Кроме того, он «вспомнил», что после семи лет страдал заиканием, которое проявлялось, как он сам определил, в ситуациях, которые требовали от него «ответственности».

Именно после этого дня стала возможна структурная работа, которая быстро принесла результаты. В данном случае, мы видим, что именно приобретение определенного знания и качественный скачок, вызванный осознанием его, оказался предпосылкой терапевтического успеха как такового.

В других случаях — например, с И., Р. О. и другими — мы наблюдаем, что препятствием к дальнейшему развитию личности являются структурные дефекты, и только их коррекция позволяет достигнуть результата.

В большинстве случаев очень важна роль терапевта. Нам известны отдельные случаи, когда структурная перестройка происходила в результате собственных усилий человека, но они единичны и не представляют общего правила¹³⁹.

¹³⁹Можно вспомнить, что и в традиции путь «шраманья» или «шраваки» представляется исключительным. Признается, что существуют люди, способные развиваться самостоятельно, самостоятельно добиться «просветления», но их никогда не бывает много. Поэтому любая доктрина, ориентированная на «личную эволюцию», должна быть направлена, в первую очередь, не на них, а на техники передачи опыта от учителя к ученику — непосредственно или, учитывая особенности западной цивилизации, при помощи книг. Все же первый способ передачи во всех отношениях предпочтительнее.

При этом терапевт (или, лучше сказать, ведущий партнер) ни в коем случае не должен быть директивен, он не может позволить себе поучать — его задача в другом: создать необходимые условия пересоздания структуры, дать нужные знания и навыки и контролировать до поры до времени ход «личной эволюции».

Именно до поры до времени, поскольку в разные периоды «личной эволюции» роль терапевта различна. Сперва она имеет определяющее значение, поскольку происходит коррекция и передача основных концептуальных идей. Можно сказать, что здесь терапевт — поводырь при слепом или педагог — в буквальном значении этого слова¹⁴⁰.

¹⁴⁰Т. е. «педагог» — др. греч. «ведущий детей».

Затем он становится проводником и советчиком, который лишь помогает и указывает путь, возможные препятствия на нем и т. д. Наконец, он — только спутник, равный подле равного. Можно еще раз вспомнить как параллель индийскую систему ашрменов: первого — брахмачарья — ученичества (отношения ученик-учитель), второго — грихастхи — самостоятельной жизни (отношения старший, опытный — младший, начинающий), третьего — саньясы — «отшельничества» или «мудрости» (отношения равных).

Перечисленные нами четыре основных направления работы в разных случаях могут играть несколько разную роль — иногда ведущими выступают одни, иногда — другие.

В случае И. это было научение принципиально нелинейным методам мышления, а в случаях Р. О. и У. — переживание феноменов глубинных логических уровней, т. е. собственно структурная работа.

Точно так же очень по-разному происходит и переход от первого периода работы ко второму, т. е. преодоление второй барьерной мембраны. Напомним, что в случае Р. О. это было связано с глубокими и очень острыми переживаниями, в буквальном смысле возвратившими его в детство. При этом происходила активизация не задействованных прежде зон генома.

В случае И. все происходило менее заметно и проявлялось скорее в интеллектуальной, чем в эмоциональной сфере, однако и здесь подобный анализ показал, что база фенотипа вне всяких сомнений расширилась.

В случае У. преодоление второй барьерной мембраны было связано с нетривиальным опытом глубоких трансовых переживаний, измененных состояний сознания, однако, и в этом случае про-

изошел переход от «индивидуального» и «семейного» сознания к его более общим аспектам.

Мы должны констатировать, что «расширение» сознания, расширение базы фенотипа, т. е. подключение спящих зон генома всегда сопровождается процесс «личной эволюции», что он просто немислим вне этого явления. Даже с точки зрения довольно поверхностного анализа содержания логических уровней сознания это представляется очевидным: структура (и сознание) «особи» может обслуживать лишь периферические уровни проявлений личности, структура индивида – третий логический уровень, уровень навыков, уже четвертый логический уровень требует подключения семейной и родовой зон генома, а глубинные логические уровни, в особенности седьмой, могут структурироваться лишь на базе полного генома. Разумеется, мы говорим только о полной и сущностной структуре того или иного логического уровня. Те же карты могут оформляться и при фенотипе особи, могут и оформляться, но в этом случае уровень убеждений будет полон пробелов – ведь ни «особь», ни «индивид» не способны к сущностному формированию карт, соответствующих социальным контекстам.

Наконец, следует сказать несколько слов о значениях чакровой системы. Во всех описанных нами случаях – и в случае И., и в случае Р. О., и в случае У. – чакровые феномены имели огромное значение. Наблюдалось то, что в оккультной литературе называют «раскрытием чакр». Если «личная история» предполагает «созревание» чакр, их подготовку и развертывание всех соответствующих структурных связей, то «личная эволюция» – дальнейшую работу с этим интегративным аппаратом человеческого существа. Впрочем, описание этих феноменов и техник выходит за рамки нашего изложения – мы хотели лишь подчеркнуть их обязательное возникновение на некоторой стадии развития личности.

Таким образом, мы видим, что «личная эволюция» может быть названа «сверхзадачей» структурной психосоматики лишь в самом первом приближении. На самом деле она – закономерный итог серьезной терапевтической работы. Можно сказать, что успешная терапия неизбежно порождает «личную эволюцию», ведь полная коррекция – это уже, как минимум, осуществленный первый период этого процесса. Как минимум, потому что, как мы видим во многих разобранных примерах, устранение глубинных структурных дефектов, связанных с уровнем самоидентификации, требует от личности преодоления второй барьерной мембраны. Из сказанного следует неизбежный вывод: «личная эволюция» является итогом не только успешной терапии, но без сознательной ориентации на нее терапевт не может добиться решительного успеха. Иными словами, суть терапии, как ее понимает структурная психосоматика, сводится, в конечном счете, к совершенствованию конкретного человеческого существа, а далеко не к протезному замещению расстроенных функций, к структурной работе, а не к внешней по своему содержанию компенсации, которая свойственна современной официальной медицине. Но так только и может быть, если декларированный нами принцип экологичности будет применен к практике самой структурной психосоматики достаточно полно и последовательно.

1. УРОВЕНЬ ЗНАЧЕНИЯ И УРОВЕНЬ ВЫРАЖЕНИЯ (СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ЛОГИКА)

Когда мы говорим о реальности любого рода, о любом объекте или явлении реальности, о любой группе объектов или явлений; когда мы исследуем реальность с позиции любого логического уровня сознания, значит ли это, что сама реальность присутствует в наших словах и построениях? Мы должны четко различать три уровня, неизбежно возникающие вследствие самой природы отражения-отреагирования. Это:

- * уровень значения (означаемое или денотат);
- * уровень выражения (смысл или коннотат);
- * связанный с последним знак или совокупность знаков (знаковая система).

Иными словами, когда некоторая реальная «вещь» называется, обозначается любым образом, то это не имеет отношения к ней как к «вещи в себе», не является присущим ей изначально свойством. Все названия, все обозначения и, тем более, все дальнейшие операции с этими названиями и обозначениями представляют собой всего лишь ментальные контрукты, а отнюдь не саму реальность. Любая попытка связать выражение или коннотат (то, о чем говорят или мыслят как об [A])¹¹ со значением или денотатом (это есть «A») должна быть всегда очень строгой и очень осторожной.

¹¹В данной главе, говоря о денотате, мы будем использовать обозначение « », говоря о коннотате – обозначение [], говоря о знаке – обозначение < > .

Тем более, когда мы имеем дело с сопоставлением разных представлений, разных знаковых систем, разных систем коннотации. Между тем, подобная операция сопутствует почти любому ментальному акту. Обыденное сознание и даже сознание многих людей, считающих себя в достаточной степени профессионалами в разных областях мыслительной деятельности, склонно здесь

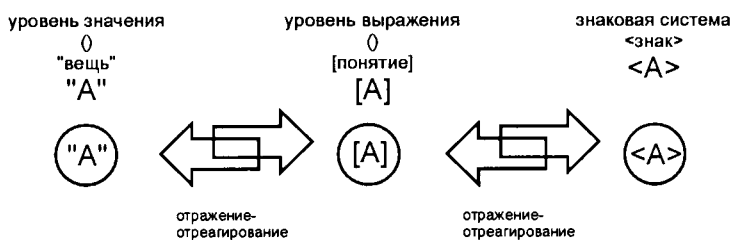

Рис. 93 Коннотат, денотат, знак

ошибаться, подменять реальную «вещь» ее названием и судить о свойствах реальности, исходя из свойств привычной или удобной системы коннотации, а то и связанной с ней знаковой системы. Это приводит к огромному числу заблуждений, к весьма непродуктивному состоянию, называемому в некоторых традициях «омраченным». Буддистская психология и философия подробно рассматривают «омраченность» такого рода, ее генезис, характер и методы преодоления. Этому посвящены т. н. праджияпарамитские (от санскр. «праджия» – мудрость) тексты буддизма махаяны, такие как «Ваджреччхедика-праджияпарамита-сутра», «Праджияпарамита-хридал-сутра» и др., связанные с ними трактаты-шестеры и комментарии. Термин «праджияпарамита», характеризующий противоположное «омраченному» «просветленное» сознание, имеет несколько значений:

- * наивысшая монистическая мудрость, персонафицированная как Будда в его космическом теле (Дхармакая) и свободная от разделения на субъект и объект;
- * путь, ведущий к достижению этой мудрости;
- * тексты, ведущие к достижению соответствующего состояния сознания.

Основные идеи праджияпарамитской литературы сводятся к тому, что:

- * никакая субстанционная единичность не является самосущей, т. е. вычленение «вещи» из общего контекста реальности представляет собой уже произвольный ментальный акт;
- * все отраженные субстанционные единичности, «вещи» с точки зрения отражения-отреагирования представляют собой лишь представление понятия (санскр. «самджна»), т. е. отражение-отреагирование неразрывно связывает объект и субъект в некотором едином взаимодействии;
- * все эмпирическое познание имеет своим объектом только эти представления-понятия, а не истинно сущее;
- * переход к сознанию или, лучше сказать, психическому состоянию праджияпарамиты (оно и есть состояние бодхисаттвы) осуществимо лишь через переживание соответствующего опыта.

Мы не будем как-либо комментировать изложенные здесь воззрения – в том числе и по причинам, раскрываемым далее в этой главе. Отметим лишь, что концепция праджняпарамиты должна рассматриваться только как элемент концептуальной общности выдвинувших ее школ (гань, тянтай и другие школы «северного» буддизма).

ГЛАВА VI Ч. 2

Любой, даже самый простой, даже самый очевидный объект отражения может быть означен бесчисленным множеством способов. Например, «вещь» «человеческое существо» (в данном случае, будем считать это именно «вещью», денотатом) может быть означено как <человек>, <human being>, <homo sapiens>, <dee mensh>, <жэнь> и т. д. Оно может быть означено и нетрадиционным образом, например как <двуногое без перьев> или каким-либо абстрактным образом – числом <1>, <знаком пентаграммы> и т. д. При этом, суть самой вещи никак не изменится. Все умозаключения, связанные со свойствами использованного знака и связанного с ним коннотата, будут иметь отношение только к свойствам самой знаковой системы и системы коннотации, а никак не означенной «вещи в себе». Мы можем рассуждать, почему для означения «человеческого существа» выбрана «пентаграмма» или число <1>, мы можем говорить, что немецкое слово в нашем примере содержит артикль, а русское – нет, или о том, что китайский иероглиф отдаленно напоминает пиктограмму человека. Все эти суждения и мысли будут иметь отношение только к соответствующему образу и свойствам соответствующей отражающей структуры (в данном случае – той или иной культуры).

Таким образом, возникает ряд:

«вещь» ментальный конструктор обозначение уровень значения
уровень выражения знак (обозначаемое → (смысл или денотат) → коннотат) <A> → [A] → <A>, («вещь» «A») (понятие[A]) (знак <A>)

При этом знаковая система всегда организуется в некоторую структуру, обладающую определенным синтаксисом, т. е. правилами сочетания, чтения и т. д. Опираясь на них, мы можем производить различные действия и получать результаты, которые всегда соблазнительно распространить на уровень коннотата и приписать денотату. Система коннотации также имеет свой синтаксис, который далеко не всегда адекватным образом сводится к синтаксису знаковой системы. Но даже если операции с коннотатами реальных «вещей» проводятся в соответствии с законами этого уровня, их результаты, будучи перенесенными на уровень «вещей в себе», могут оказаться ошибочными.

Однако, суть этой ошибочности, в большинстве случаев, сама по себе нетривиальна.

Рассмотрим достаточно простой пример. «Вещь» «точка» может быть описана в терминах и методами аналитической геометрии. Уровень коннотации этого объекта определяется в обоих случаях общими концептуальными и методологическими посылками обеих теорий. Знаковая система будет, в первом случае, выражаться в виде обозначения < | · | >, а в другом случае – в виде числовых значений координат, например, в случае двух координатных осей – в виде пары чисел <(x, y)>.

Казалось бы, поскольку объект отражения – «вещь» «точка» – в обоих случаях один и тот же, а «за» аналитической геометрии стоит алгебра, мы можем попытаться отождествить всю геометрию с арифметикой или теорией чисел¹⁴², свести первую ко второй.

¹⁴²Алгебра может быть сведена (по крайней мере, элементарная алгебра) к арифметике, высшим представлением которой и является теория чисел.

Такова и была идея великого математика и философа Бертрама Расселла. Как мы уже говорили, невозможность ее реализации была доказана Куртом Геделем при помощи его знаменитой теоремы.

Возникающая ситуация парадоксальна: и аналитическая, и классическая геометрия являются отражением одного и того же аспекта реальности, причем «истинным» отражением, поскольку дают регулярно верные, предсказуемые и предсказательные результаты, однако эти две системы несводимы друг с другом. Как это может быть?

Отметим, во-первых, что тот же исходный объект отражения, та же «вещь» «точка» может быть означена и в других коннотатах и знаковых системах – например, в терминах проективной геометрии, топологии, теоретической механики и т. д. Смысл понятия (точка) (во всех этих системах будет близок, но не тождественен. При этом, реальная «вещь» «точка» ни в коем случае не будет

тождественна любому из своих теоретических коннотатов, а тем более относящихся к ним знаков. Во-вторых, само вычленение объекта или «вещи» «точка» из ткани реальности не имеет ничего общего со свойствами реальности как «вещи в себе».

Сказанное будет достаточно ясно, если мы вспомним, что выделенные нами уровни разделены ни чем иным как отражением-отреагированием. Действительно, коннотат есть образ денотата как объекта отражения, а знак – образ коннотата как объекта нового отражения. Отражение-отреагирование не пассивно – его акт привносит в получаемый результат нечто от самого механизма и субъекта, вовлеченного в это взаимодействие. Сказанное верно и если таким субъектом является человеческое существо, и если им является некоторое трансперсональное образование – группа, культура, человечество в целом.

Один из аспектов этого факта достаточно очевиден: любое понятие, любая концептуальная схема всегда отражает только часть свойств «вещи» и, кроме того, содержит в себе структурные особенности, присущие не «вещи в себе», а субъекту, означившему ее. Поэтому сведение одной коннотации к другой средствами присущего только одной из них синтаксиса и невозможно. Да, они действительно связаны с одной и той же «вещью», но связаны различными взаимодействиями – разными актами отражения-отреагирования.

Нас, однако, в данном случае интересует другой момент – вопрос «истинности» той или иной коннотации, той или иной коннотантной системы, который может ставиться в двух ракурсах: в плане работы со знаковым и понятийным материалом, имеющим различное, в смысле отражения-отреагирования, происхождение и, соответственно, разный синтаксис; в плане «истинности» и «ложности» убеждений и космограмм. Первый ракурс имеет прямое отношение к методам мышления, а второй связан с важной в теоретическом и практическом планах психосоматической проблематикой, рассмотрение которой также, как мы увидим, приводит нас к принципиально нелинейным ментальным актам.

Большая часть коннотаций и знаков, с которыми мы имеем дело, носит, в той или иной степени, коллективный характер, является элементом культуры. Что мы понимаем под этим термином, применительно к цели нашего изложения? Это та часть культуры той или иной человеческой общности, которая определяет характер отражения-отреагирования и представляет собой совокупность ментальных конструкций уровня выражения и связанных с ними знаковых систем.

В рамках одной и той же культуры мы наблюдаем определенную гомогенность коннотантов и знаков, разные же культуры демонстрируют гетерогенность этих структурных элементов. Однако, культура никогда не бывает, во-первых, абсолютно однородна, а, во-вторых, абсолютно чужда другим культурам. Кроме того, это живой, постоянно развивающийся и меняющийся феномен.

Простейший и очевидный пример – язык. Скажем, английский текст не может быть адекватно переведен на русский язык, если к его синтаксису подходить, как к синтаксису русского языка. Прямой перевод значений одних только слов недостаточен. Вместе с тем, английский язык лондонца отличается от английского языка жителя Австралии, выпускника Оксфорда – от языка эмигранта из Вест-Индии и т. д. Язык викторианской эпохи отличается от современного. С другой стороны, английский и русский языки ближе между собой (поскольку принадлежат к индоевропейским языкам), чем английский и арабский и т. д.

Мы можем и дальше анализировать этот момент и найдем здесь много подобных структурам и структурной организации человеческого существа как отдельного индивида, однако, не это является нашей целью. Важно другое – любой человек, даже полностью находящийся в рамках одной культуры, постоянно оказывается в ситуации сопоставления и одновременного использования различных коннотантных систем. Это вносит дополнительное замешательство в состояние сознания, которое и без того, спутав значение и смысл, наделяет «вещи» свойствами [понятий] и даже, <знаков>. Теперь же оказывается, что одна и та же «вещь» имеет противоположные и, на первый взгляд, противоречивые свойства – мир распадается на ряд не связанных между собой фрагментарных качеств, формирование целостной картины оказывается принципиально невозможным, либо оно достигается ценой отторжения большинства культурных фактов и большинства результатов собственного непосредственного опыта.

Хорошим примером может служить религия. Мы знаем множество религиозных систем, множество школ внутри отдельных конфессий, множество толкований внутри каждой из школ. Каждый человек, включая атеиста¹⁴³ и человека, равнодушного к теологическим вопросам¹⁴⁴, обладает и собственным религиозным опытом.

¹⁴³Атеизм представляет собой такую же религиозную систему, как и все остальные. Это религия, организованная по принципу отрицания.

¹⁴⁴Т. н. «равнодушное» отношение к религии также представляет собой религиозную модель — некую весьма примитивную и всегда индивидуальную «смутную веру» или «смутное неверие».

Каким же образом решает сознание проблему видимой несводимости коннотационных систем, связанных с религиозными вопросами, друг с другом — причем, в тех многочисленных случаях, когда избежать противоречий просто не представляется возможным, например, в вопросах жизни и смерти¹⁴⁵?

¹⁴⁵Согласитесь, что религиозное представление о том, что жизнь и смерть «в руке Божией» видимо противоречит, например, обращению к медицинской помощи ради спасения жизни. Если быть вполне ортодоксальным, то следует только молиться, полагаясь на волю Божию. С другой стороны, медик как бы вмешивается в пути Провидения и религиозным человеком быть просто «не должен».

Здесь существует несколько возможностей:

* фрагментарное сознание; личность в этом случае даже не пытается примирить противоречивость собственного мировоззрения — различные коннотатные схемы используются *ad hoc* — это сделать, в данном случае, тем более просто, что сознание редко погружается глубже третьего логического уровня, и противоречивость уровня убеждений не только не осознается, но даже не ощущается (в одних случаях можно отправлять православный обряд, а в других — обсуждать с сослуживцами «Диагностику кармы» Лазарева и заниматься «кармическими чистками» и т. д.);

* фанатическое сознание; «свой» коннотат и «своя» знаковая система объявляются единственно истинными, а все прочие — ложными, поскольку даже в рамках одной и той же конфессии всегда присутствует множество разнящихся по своему содержанию толков, последовательное фанатическое сознание неизбежно впадает в сектанство и далее оказывается на позициях полнейшего эгоцентризма (оказывается, что только носитель такого сознания полностью «правовверен», а все прочие — еретики);

* эклектическое сознание; все системы являются абсолютно тождественными и далее предпринимается попытка примирить их на базе синтаксиса одной из систем (например, все свести к христианскому или атеистическому мировоззрению¹⁴⁶) или синтезировать некий «универсальный» синтаксис, допускающий противоположные утверждения; по сути, именно такие попытки предпринимались различными творцами теологических и оккультных учений; это же пытался сделать Бертран Рассел применительно к математике.

¹⁴⁶Тут возможно множество самых разных вариантов. Возникают, например, утверждения «воинствующего атеизма», что «на самом деле» все священнослужители — тайные атеисты и обманщики.

Все перечисленные варианты равно непродуктивны, они возникают как следствие смешения денотата и коннотата и непонимания факта принадлежности синтаксиса уровня коннотации и знаковой системы культуры, а не «внешней» по отношению к ней реальности. Альтернативу рассмотренным вариантам представляет такое сознание, которое, разделяя значение и выражение, не озабочено сравнительной «истинностью» или «неистинностью» коннотата, но обращается к денотату, к «вещи», которая, несомненно, существует в реальности сама по себе, через призму породившей коннотацию и соответствующий знак культуры. Именно так в вопросах религии поступал Рамакришна. Он становился буддистом, практикуя буддизм, христианином — практикуя христианство, мусульманином — практикуя ислам (ел, например, мясо, что для индуса просто неприемлемо).

Очевидно, что сказанное может быть отнесено к любой «вещи», самой простой и самой сложной. Уровень бытового по-

ведения, например, проблемы питания¹⁴⁷, демонстрирует все те же варианты мышления — от фрагментарного до синтаксического (термин условен).

¹⁴⁷Здесь нет необходимости подробно развивать эту тему — каждый может вспомнить своих знакомых, реализующих в собственном сознании ту или иную модель (от фанатиков «раздельного» питания, до тех, кто не придерживается в этом вопросе никакой осознанной схемы — это пример фрагментарности).

Последнее, между прочим, невозможно без выработки третьей позиции достаточно высокого уровня, поскольку предполагает самую широкую плюралистичность взглядов и полное отсутствие предвзятости и ксенофобии.

При этом, речь идет вовсе не о том, что любое высказывание истинно, что любая коннотация допустима. Анализируя высказывание средствами гомогенного ему синтаксиса как теорему некоторой коннотационной или знаковой системы, мы можем выделить «истинные» и «ложные» теоремы, «истинные» и «ложные» высказывания. Однако, полярное сравнение гетерогенных коннотаций возможно лишь при обращении к денотату. И здесь выясняется, что разные и внешне противоречивые коннотации отражают несколько разные свойства одной и той же «вещи». С некоторого, более высокого уровня обозрения они представляются равно истинными, равно справедливыми.

С точки зрения концепции логических уровней сознания структурной психосоматики и проблемы «истинности» тех или иных структурных элементов (карт, космограмм и т. д.), можно констатировать следующее:

* «истинными» являются те коннотаты (а именно ими являются и карты, и космограммы), которые гомогенны структуре в целом, механизмам отражения-отреагирования; таким образом, проблема «истинности» приобретает сугубо генетический характер: «истинные» коннотаты человеческого существа должны соответствовать его геному, природной данности (юаню), «истинные» коннотаты той или иной культуры — соответствующим характеристикам породившей ее человеческой общности;

* вместе с тем, при развитии сознания (или культуры) возникает возможность преодоления единственности (или единичности) «истинных» коннотаций — если центр осознания расположен на пятом логическом уровне, и соответствующая структура — космограмма — «истинна» и проработана, она допускает оперирование любыми убеждениями, любыми картами вне зависимости от их культурного происхождения — по принципу синтаксического мышления; точно так же проработанность шестого логического уровня допускает оперирование разными космограммами, а седьмого — разными моделями Глобального взаимодействия. Оказывается, что с точки зрения денотата и проработанной космограммы все «истинные» в своих коннотатных системах убеждения тождественны между собой, а точнее, отражают взаимодополнительные или взаимопересекающиеся аспекты одной и той же «вещи». То же самое можно сказать о всех «истинных» космограммах — относительно проработанной модели Глобального взаимодействия, всех «истинных» моделях Глобального взаимодействия — относительно «истинной» проекции Абсолюта, всех «истинных» проекциях Абсолюта с точки зрения уровня «+0», состояния саян. Именно в этом смысле можно говорить, что Бог всех религий один и что все они говорят об одном и том же. В разрезе культурного анализа это можно сформулировать следующим образом: каждой культуре «дается» свое провозвестие, соответствующее ее содержанию, структуре, «зрелости» и т. д.

Итак, одним из принципиально нелинейных видов мышления (назовем его «содержательным», поскольку логика строящихся в рамках его высказываний зависит от содержательной стороны синтаксиса соответствующей коннотатной и знаковой системы) мы назовем такое, которое:

* осознанно разделяет уровни денотата («вещь»), коннотата (понятия) и («знака»);

* рассматривает знаки, исходя из синтаксиса соответствующей знаковой системы, коннотации — исходя из синтаксиса соответствующей коннотатной системы, т. е. и то, и другое в контексте соответствующей культуры;

* использует различные по своему синтаксису и генезису коннотации для дополнительного описания денотата – с позиций «высшего» по отношению к уровню коннотации логического уровня сознания. Отметим, что это мышление недоступно без овладения глубокими логическими уровнями сознания и «истинного» структурирования их, однако, это лишь необходимое условие такого рода «просветления»⁴⁸, но отнюдь не достаточное.

ГЛАВА VI Ч. 2

¹⁴⁸Праджняпарамита составляет суть концепций таких школ как ченъ (дзен) или тяньтай (тендай). На самом деле, утверждают они, мир всегда один и тот же, нирвана осуществляется не в другом месте, а в другом состоянии сознания. Сансара (профанический, «омраченный» план) тождественна нирване, но эта тождественность осуществляется через психологический, или, лучше сказать, психосоматический скачок. С точки зрения структурной психосоматики этот скачок осуществляется переходом на глубинные логические уровни и соответствующим мышлением, позволяющим воспринимать структуру Глобального взаимодействия. Это же утверждение может быть сформулировано и средствами коннотатных и знаковых систем других культурных традиций – христианской, ведической, ислама и т. д. Читатель может сделать это самостоятельно в качестве упражнения в «содержательном» мышлении.

Смещение денотата и коннотата возможно и здесь – вплоть до шестого логического уровня. Вместе с тем, преодоление второй барьерной мембраны, устойчивый переход центра осознания на уровень Глобального взаимодействия просто невозможен без овладения «содержательным» сознанием и соответствующей «содержательной» логикой. В нашу задачу не входит рассмотрение последней – приведем для примера лишь одну (простейшую) формулу: «А» не есть [А], это и называют <А>⁴⁹.

¹⁴⁹Термин «содержательная логика» был предложен Е. А. Торчиновым (см. статью «О психологических аспектах учения праджняпарамиты (на примере «Ваджрачхадика – праджняпарамита – сутры»)» – в сб. «Психологические аспекты буддизма», 1986). Наша трактовка этого понятия имеет ряд существенных отличий. Что касается логики «Ваджрачхадикки», то вот некоторые примеры: «Так Приходящий (санскр. «тагхагата», эпитет Будды) проповедовал, что первейшая парамита не есть первейшая парамита. Это и именуют первейшей парамитой»; «Когда Будда проповедовал праджняпарамиту, то тогда она уже не была праджняпарамитой»; «Когда Будда проповедовал о скоплениях пылинок, то это были не-пылинки. Это и называется скоплением пылинок.»

2. СНЯТИЕ ОППОЗИЦИЙ (СИНГУЛЯРНАЯ ЛОГИКА)

Мы уже писали о полюсном восприятии мира, присущем нашему по преимуществу аналитическому мышлению. На каком-то этапе отражения-отрагирования предпочтительно разделение «вещей» или, точнее, их коннотатов по принципу различия и дальнейшая классификация таких различий не только полезна и продуктивна, но и единственно возможна. Картирование реальности вне оппозиционного мышления, вносящего, помимо полюсных по своему содержанию характеристик пространства и времени, полюсные же «координаты» причинно-следственных связей, неосуществимо. Но далее, когда наступает очередь синтеза, когда карты объединяются в карты высшего порядка, а те – в космограмму, когда, наконец, происходит синтез на уровне Глобального взаимодействия и, тем более, проекции Абсолюта, ведущим становится не «различение», а именно «не-различение». Вопрос, однако, заключается в том, каков характер этого «не-различения», этого монизма – того, что традиция называет адвая, т. е. «не-двойственность». Следует понимать, что «монизм», «не-дуальность», «не-

двойственность» здесь возникает в особом смысле – не в смысле «одного», «единого» или «единственного». Суть в том, что категории «единственности» и «множественности» должны быть отвергнуты вовсе. Оппозиционные прежде «вещи» не исчезают – они становятся адвая (advaya), «не-дихотомичными», но и не сливаются в «одно». Переход от аналитически разделенного к синтезированному не может быть механическим и «линейным» – он всегда привносит новое качество, новое содержание. Так происходит переход от северного и южного полюсов магнита к единному магнитному полю.

Снятие оппозиции не означает смешения. Говоря образно, если утверждается, что «нет ни черного, ни белого» это не означает, что существует «серое», т. е. механическое смешение ранее выявленных различий, а, напротив, «и черное, и белое существует одновременно», более того, «без черного не существует белого, без белого не существует черного, возникновение черного порождает белое, а возникновение белого порождает черное».

Но и при такой формулировке не до конца ощущается суть описываемого мыслительного акта. Снятие оппозиций – это всегда шаг от абстрактного ментального концепта к «реальности как таковой», к «такости»¹⁵⁰, предпринимаемый по провозглашенному Аристотелем принципу «целое есть больше, чем сумма его частей».

¹⁵⁰В буддизме этому термину соответствует термин «тагхата» (букв. «такость»). Полное постижение истинной реальности («бхута-тагхата», «полная такость») есть скорее полное слияние, единение с ней, так как в некотором смысле «бхута-тагхата» тождественна «тагхачета-чербхе», «неомраченному» сознанию. Цзунми в «Юань жэнь лунь» («Трактате об истинной природе человека») пишет: «Изначально имеется единая истинная и духовная природа, которая никогда не рождается и не исчезает, не увеличивается и не уменьшается. Она не подвержена ни изменению, ни разрушению. Однако живые существа, с незапамятных времен погруженные в грезы сновидений, не осознают ее существование. Поскольку она скрыта и омрачена, она называется тагхачета-чарбхой.»

С точки зрения структурной психосоматики речь идет о том, что изначальная матричность антропосферы претерпевает качественные изменения в своем развертывании от уровня «+0» к уровню «-0». В высшем же своем представлении она тождественна и матричности Универсума, и материальности сознания человеческого существа, т. е. в этом смысле «истинная (т. е. соответствующая базовой матрице) реальность» тождественна «истинному (т. е. также соответствующему базовой матрице) сознанию».

Так и происходит, когда северный и южный полюса синтезируются в «северный-и-южный» – возникает понятие единого по своей природе поля, порождающего дуальную пару.

Уместно привести следующую метафору. Анализируя аквариум с рыбками, мы найдем в нем два объекта: «воду» и «рыбок». Снятие этой оппозиции при правильности такого акта должно жать именно «аквариум», а не «воду+рыбок».

Таким образом, снятие оппозиции можно было бы изобразить формально не в виде линейно следующего действия (рис. 94):

$$A + \bar{A} \xrightarrow{\text{снятие оппозиций}} (A + \bar{A}),$$

где A и \bar{A} – пара оппозиций, но в виде качественного уровня невого перехода:

$$A' = (A\bar{A}) \text{ – уровень «не-различения»}$$

снятия оппозиции

уровни существования оппозиции: $A + \bar{A}$

Здесь A' – некий «высший» объект (который тоже может иметь свою «оппозицию» A' , снимаемую при следующем переходе и т. д.), а T – внутренний закон композиции, устанавлива-

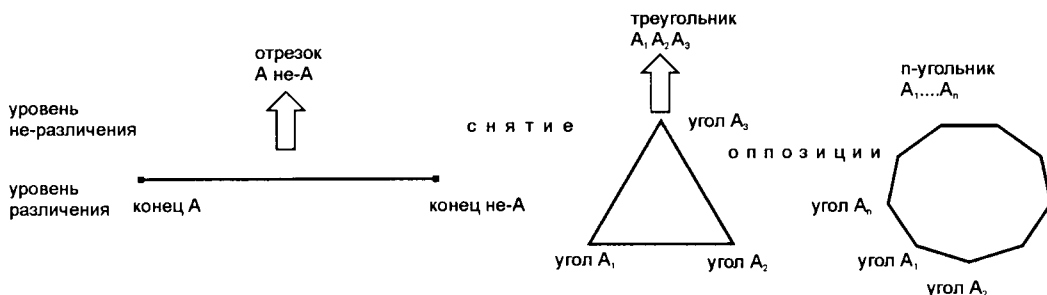

Рис. 94 Снятие оппозиции

ющий связь, взаимоотношения и общность прежде разделенных сознанием «вещей».

Неопозиционное мышление особенно замечательно некоторыми аспектами присущей ему логики. Обозначим «отрицание А» через \bar{A} , в отличие от его оппозиции \bar{A} («не-А»). С точки зрения обычной двузначной формальной логики «отрицание А» и есть «не-А», т. е. (???) С точки зрения неопозиционной логики это не так. Результатом такого действия не будет и отрицание обеих частей оппозиции, т. е. «отрицание А» не есть «не-А» и «отрицание А» не есть «не-А и не-не-А»:

$A \quad \bar{A}$
и

...

Действие отрицания приводит нас на новый уровень – уровень «не-различия», трансцендентальный по отношению к уровню «различия», оно заставляет нас сделать качественный уровеньный переход, преодолеть межуровневую сингулярность. В этом смысле

...

откуда «отрицание А» тождественно «отрицанию не-А»:

...

Такая логика не двузначна, не является она и многозначной. Ее можно было бы назвать «сингулярной» логикой (термин условен), логикой качественных превращений смысла.

При всей своей видимой парадоксальности, она ни в чем не расходится со здравым смыслом. Действительно, оппозицией северному полюсу является полюс южный, но отрицание северного полюса приводит не к отрицанию обоих полюсов, не к противопоставлению их, а к возникновению нового коннотата, объединяющего в себе и южный, и северный полюса, причем такое их объединение не отрицает разделного «существования» оппозиций на подчиненном, «нижнем» уровне.

Очень важно понимать и то, что дихотомическая оппозиция – это только один и самый простой случай аналитического «различения» реальности. В общем случае следует говорить не о дихотомии, двойственности, но о многовариативности.

Дихотомия или простейшая оппозиция возникает, скажем, тогда, когда мы «различаем» два конца одного и того же отрезка. Но если речь идет о треугольнике, мы имеем дело с трихотомией, четырехугольнике – тетрахотомией; n-угольник дает нам n-вариативность. Основной закон неопозиционной логики легко распространяется и на этот случай:

....., где A_1, \dots, A_n – вариации n-вариативной оппозиции.

Многие случаи «спонтанных» решений сложных задач, связанных с объединением оппозиций, полученных предшествующим анализом, на самом деле являются актом сингулярной логики, качественного уровня переход, снятия многовариативной оппозиции. Таковы открытие Кеккуле структурной формулы бензола и Менделеевым – периодического закона элементов, структурного по своему содержанию. Как мы помним, в последнем случае натрий оказывался аналогом калия, фтор – хлора и т. д. Важно, что результат ментального акта, предпринятого средствами сингулярной логики, всегда имеет структурный характер – именно структурные отношения являются той «добавкой» к первоначальному смыслу, которую мы имели на уровне оппозиционной вариативности.

Применительно к структурной психосоматике, мы должны отметить несколько важных обстоятельств, связанных с методом сингулярной логики:

* переход от структурных элементов одного логического уровня к структурным элементам другого всегда осуществляется в виде качественного уровня переход по законам сингулярной логики – именно так многовариативность стратегий синтезируется в карту; многовариативность карт – в космограмму; многовариативность космограмм – в модель Глобального взаимодействия;

* отражение-отреагирование, представляющееся во всех аспектах оппозиционным взаимодействием (субъект – объект, ветвь отражения – ветвь отреагирования, «внешний» объект – «внутренний» образ), при рассмотрении его по законам сингулярной логики становится единым феноменом, аспектом единого Глобального взаимодействия;

* видимая оппозиционность основных методов «личной эволюции» также снимается, если рассматривать их в рамках сингулярно-логического подхода.

О последней следует в рамках данной стадии изложения сказать особо. Если мы внимательно рассмотрим содержание этой части книги, то убедимся, что все нелинейные методы мышления ведут к двум как бы взаимоисключающим идеям: к «прекращению» аналитического «различения» реальности, переходу к целостному мировосприятию Глобального взаимодействия, но, одновременно, и к анализу элементов этого «высшего» уровня вплоть до сингулярности «-0» – иными средствами. Противоречия здесь нет, поскольку «на самом деле» первая «сторона» такой практики связана с устранением неизбежных ошибок, свойственным линейным методам мышления при работе с принципиально нелинейными сущностями, а «вторая» – с использованием полученных результатов. Любопытно, что традиционные системы также понимают эту особенность «искусных методов» (санскр. «упайя»), ведущих к «просветлению» – например, практик «шаматха» (кит. «чжи») и «винашьяна» (кит. «гуань»), воспринимавшихся не как две независимых техники, но как единое «средство» (кит. «фаибянь») «чжи-гуань» (по «Махаяна-Шраутхотпада-шастра») ⁵¹

⁵¹ «Шаматха» («прекращение», «остановка», кит. «чжи») означает «пресечение всех признаков внешних объектов», а «винашьяна» («чистое сознание», «чистое созерцание», кит. «гуань») – «ясный анализ причинно-обусловленных признаков», т. е. правильное знание, трансцендентальный анализ.

В соответствии с шастрой «чжи» и «гуань» – два вида медитативной практики. Суть первого – в нейтрализации действия всех «омрачающих» факторов на сознание человека. «Если кто-то хочет практиковать шаматху, он должен обитать в спокойном месте, сидеть прямо, упорядочив мысли. [Его внимание] не должно задерживаться ни на дыхании, ни на образах или формах, ни на пустоте или [четырёх первоэлементах] – земле, огне, воде и ветре. Оно не должно даже задерживаться на том, что он видит или слышит, ощущает или знает. Все мысли, как только они возникнут, должны быть отброшены, и даже сама мысль об искоренении мыслей должна быть изгнана...» Такое состояние должно продолжаться и в динамике. Однако, шастра предупреждает о вреде от одностороннего увлечения этим методом, ибо он отрывает от реальности. Поэтому надо практиковать и «винашьяну» – «ясное сознание», постоянный анализ сути и причинно-следственных связей всех вещей.

«Нужно постепенно, шаг за шагом культивировать эти два аспекта, – говорит шастра, – но не отделять их друг от друга, ибо они должны проявляться вместе.» И далее: «Если же они не практикуются совместно, в нераздельном единстве, то нельзя вступить на путь просветления».

Удивительно, как совершенно иная традиция – православная аскетика – утверждает то же самое. «Умное делание» предполагает и постоянное мысленное провозглашение «инусовой молитвы» («Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя»), и анализ всех проявлений тварного мира.

Наконец, опираясь на метод сингулярной логики, мы можем рассмотреть снятие оппозиций при погружении на глубинные логические уровни. Отметим, что она становится необходимой уже при осознанном оперировании на пятом логическом уровне (уровне космограммы). Впрочем, здесь личность может еще не формулировать для себя законы такого рода мышления и обращаться к их помощи сознательно. Другое дело при разрешении оппозиций «Я – весь мир» и «Я – Абсолют» («долгий мир – горный мир»). Здесь обычная линейная логика просто не действует. Анализируемые по ее законам утверждения типа «субъект и объект тождественны», «ты есть то» (ta tvam asi), «Атман тождественен Брахману», а также другие, подобные: «Все есть Будда», «все есть Бог», «предметный мир – иллюзия», «дхармы не существуют» и т. д. неизбежно понимаются неверно и трактуются то в рамках субъективного идеализма, то в рамках пантеизма, то еще каким-либо извращенным образом. Во всех этих случаях происходит логическая операция по принципам сингулярной логики, и такие утверждения нельзя понимать буквально, в формально-логическом плане. К сожалению, именно так они чаще всего и понимаются – и не только авторами атеистических листовок, но очень часто и адептами религиозных систем. Именно такое понимание – «непонимание» характерно для многих неовосточных культов. Причина его – в отсутствии подлинных переживаний глубоких трансовых состояний, в отсутствии собственного религиозного опыта.

Между тем, с точки зрения сингулярной логики все достаточно просто.

Снятие оппозиции объект-субъект, которое происходит на шестом логическом уровне, вовсе не означает отрицания существования субъекта и объекта, человеческого Я и Универсума, но

представляет собой качественный уровневый переход от раздельного их восприятия к целокупному – в рамках Глобального взаимодействия.

Очевидно, что в этом случае внутренним законом композиции выступает Глобальное взаимодействие или, точнее, его аспект – отражение-отреагирование.

ГЛАВА VI Ч. 2

Шестой логический уровень также содержит свою оппозиционную пару: «субъект» – «отражение-отреагирование» – «объект» и «Абсолют». Она снимается на седьмом логическом уровне. Если мы присвоим первой составляющей наименование «творение», а второй – «Творец», то единый объект приобретает форму «творение»-и-«Творец». Если мы используем другой способ композиции, например, «антропосфера» и «теосфера», то и вербальное выражение будет другим – «антропосфера»-и-«теосфера». Но напомним, любая коннотация ограничена рамками породившей ее культуры.

Важно, однако, что содержание связи, возникающей на любом уровне «неразличения» между прежде оппозиционными элементами проявляется лишь на более высоком логическом уровне, т. е. на уровне убеждений снимается оппозиционная вариативность страстей, но как это происходит, мы можем понять только с пятого уровня (уровня космограммы). Точно так же оппозиция «субъекта» и «объекта» («Я» и «Универсума») снимается на шестом логическом уровне в объекте «антропосфера», но суть возникающей связи – Глобального взаимодействия – становится доступной лишь с седьмого логического уровня. Точно так же на седьмом логическом уровне мы видим снятие оппозиции «антропосфера» – «Абсолют», но в рамках человеческого существования мы не можем сформулировать суть возникающего единства. В этом и заключается суть трансцендентальной непостижимости Бога, Абсолюта, Ади-Будды и т. д.¹⁵² – она может быть преодолена лишь вместе с преодолением третьей барьерной мембраны, сингулярности «+0», переходом в состояние «сянь».

¹⁵²Мы имеем в виду «Абсолют в себе», в непроявленном виде. Такова Троица христианства, Ади-Будда буддизма, Бхагаван (Патами-Шива, Вишну и т. д.) индуизма и т. д., т. е. собственно Абсолют, «находящийся выше» точки сингулярности «+0». Проекция Абсолюта, Бог воплощенный (Иисус, Будда, Шакьямуни, Кришна и т. д.) доступны если не вербально-логическому, то непосредственному познанию.

3. МЕТАЯЗЫК И МЕТАПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Мы уже достаточно писали об этом методе мышления. Можно сказать, что вся эта книга является примером такого рода подхода. Сам анализ логических уровней сознания и даже корректное введение этого понятия возможны лишь при последовательном использовании метаязыка применительно к психосоматическим и психофизическим (в принятом нами смысле этого слова) феноменам. Действительно, каждый последующий уровень представляет собой метапредставление структурных элементов предыдущего. Тем не менее, имеет смысл сделать еще несколько замечаний.

Прежде всего, переход от концепции к метаконцепции вовсе не означает смены знаковой системы. Это значит, что, говоря о метаязыке, мы имеем в виду не замену одних знаков другими, а переход от одних принципов коннотации к другим – более общим. В этом легко убедиться, представляя себе значение (это и есть коннотат) того или иного слова (т. е. знака), в зависимости от когнитивных вопросов, присущих разным логическим уровням сознания. Например, значение слова «жизнь» будет меняться от констатации некоторых внешних признаков к выяснению глубоких мировоззренческих и философских проблем.

Таким образом, знаковая система всегда лишь связана с коннотационной, а вовсе не порождает ее. Знак может быть использован для самых различных коннотаций, в разных культурных и познавательных контекстах. Последнее обстоятельство порождает очевидные трудности – изменение принципов коннотации может быть воспринято только сознанием, которое также осуществляет переход от уровня концепции к «следующему» уровню – метаконцепции. Путаница между разными коннотациями, а точнее, разными уровнями коннотации, которые определяются одним и тем же словом, приводит к тому, что иногда проще ввести

новый термин (т. е. новый знак), чем постоянно разграничивать смысловые контексты одного и того же термина.

С другой стороны, часто приходится слышать о «девальвации» тех или иных понятий, тех или иных слов. На самом деле, здесь речь идет об использовании массовым сознанием этих слов (знаков) применительно к самому примитивному уровню коннотации, связанному с внешними логическими уровнями сознания. Напротив, слова, связанные с коннотатами, возникающими на глубинных уровнях, всегда исполнены смысла и значения – в буквальном смысле этого слова, поскольку они максимально приближены к денотату (уровню значения), собственно к «вещи». Возникает впечатление, что слова рождаются в момент произнесения, что их никогда прежде не было: знаковая система все та же – коннотация другая.

Операция перехода от представления к метапредставлению всегда связана с радикальным расширением поля зрения. Имея дело с экономическими представлениями, мы, вместо экономики конкретного предприятия, рассматриваем его связи и положение в макроэкономической структуре; рассматривая живое существо, переходим от его физиологии к экологическим взаимодействиям внутри связанного с ним биосенноза; рассчитывая конструкцию механизма, движемся не от отдельного узла, а от параметров машины в целом. При этом, метаконцепция совсем не обязательно означает переход от одних объектов к другим – более крупным, включающим первые. Переход от натуральных чисел к рациональным и далее – к действительным вовсе не означает смены денотата, объекта отражения – изменяется только коннотация: сперва «числом» считается только целое число, затем – такое, которое может быть корнем уравнения первой степени, затем – любое число на числовой оси. Здесь мы имеем дело с обобщением, с включением в поле зрения существенно большего числа аспектов изначально-го объекта отражения, реальной «вещи», а не с изменением самого объекта. Переход от разрозненного изучения и описания отдельных химических элементов к периодической системе элементов Менделеева также демонстрирует нам движение от языка к метаязыку. Опять-таки, сами объекты остаются теми же – это химические элементы, но прежде они представлялись не связанными между собой, а после перехода к метаязыку стали представляться аспектами одного и того же явления.

Последнее очень важно. Переход от концепции к метаконцепции всегда происходит таким образом, что известные первой феномены оказываются следствиями феноменов более «высокого» порядка, о существовании которых концепции неизвестно, и которые «возникают» только на метауровне описания. Формально это можно было бы изобразить следующим образом:

$K_n = \{a_1, a_2, a_3 \dots a_n\}$, где a_1, \dots, a_n – объекты, которые рассматривает концепция;

$K_{n+1} = \{A_1 \Rightarrow (a_1, a_2, a_3 \dots a_n), A_2, A_3 \dots A_m\}$, где $A_1 \dots A_m$ – объекты, которые рассматривает метаконцепция. Здесь, соответственно, K_n – концепция, K_{n+1} – метаконцепция, а содержание фигурных скобок – присущие им коннотационные системы, их язык и метаязык.

При этом, оказывается, что переход от концепции к метаконцепции позволяет связать воедино несколько концепций «ниже» уровня. Действительно:

$$K_{n1} = \{a_{11}, a_{21}, a_{31} \dots a_{n1}\}$$

$$K_{n2} = \{a_{12}, a_{22}, a_{32} \dots a_{n2}\}$$

...

$$K_{nm} = \{a_{1m}, a_{2m}, a_{3m} \dots a_{nm}\}$$

и:

$${}^n K_{n+1} = \{A_1 \Rightarrow (a_1^1, a_2^1, a_3^1 \dots a_{n1}), A_2 \Rightarrow (a_2^2, a_2^2, a_3^2 \dots a_{n2}), A_3 \Rightarrow (a_3^3, a_3^3, a_3^3 \dots a_{n3}), A_m \Rightarrow (a_{1m}, a_{2m}, a_{3m} \dots a_{nm})\}.$$

На практике переход от концепции к метаконцепции осуществляется, как правило, по следующей схеме:

концепция → обобщение → метаконцепция
(группа концепций) (метапереход)

С этой точки зрения концепциями, предшествовавшими периодическому закону Менделеева, как метаконцепции, являются химии отдельных элементов («химия водорода», «химия кислорода» и т. д. – они и сейчас являющиеся отдельными главами общей химии, а «химия углерода» вообще превратилась в отдельную отрасль науки – органическую химию). Метапереход от натуральных чисел к рациональным позволил «объединить» ариф-

метрику и геометрию¹⁵³, а переход от рациональных чисел к действительным – алгебру и анализ¹⁵⁴.

¹⁵³Дроби, а они и являются «добавкой», дополняющие натуральные числа до рациональных, возникли как результат геометрических операций и первоначально (в древней Греции) не считались «настоящими числами».

¹⁵⁴Анализ основан на исчислении бесконечно малых, которое через понятие предела приводит к иррациональным числам, дополняющим рациональные числа до вещественных. Они могут быть определены лишь через некоторый процесс, как результат исчисления некоторого предела – таковы, например, числа ЦЗ, d (постоянная или число Фибоначчи), р и т. д.

Применительно к практике структурной психосоматики, это значит, что для разрешения какой-либо проблемы, кажущейся неразрешимой на данном логическом уровне, необходимо перейти к следующему логическому уровню – к метапонятию и метаязыку.

В практике терапии это выражается в том, что работа с патологическими стратегиями требует перехода к уровню карт, а с искаженными картами – к уровню космограммы. Точно так же разрешение личных проблем человека требует обращения к его сознательному и семейному окружению, к культуральным и общественным структурам, в которые он вовлечен, а определение текущего психосоматического статуса и состояния – исследование его «личной истории» и соответствующих структурно-циклических параметров.

С точки зрения анализа – безразлично, касается ли это отдельной личности или каких-либо общественных институтов – это значит, что, исследуя вопрос, лежащий в плоскости какого-либо когнитивного вопроса, мы должны ставить другой вопрос – на следующем логическом уровне. Т. е. если, например, проблема формулируется в разрезе вопросов: «Каким образом это происходит? Каким образом на это воздействовать? Как этого добиться?» – должны формулироваться «более глубокие» вопросы: «Почему, зачем это происходит? Почему, зачем на это необходимо воздействовать? Почему, зачем этого необходимо добиться?» и т. д. Эти вопросы неизбежно приводят к радикально более широкому взгляду на проблему, и к выходу на уровень метапонятия, метаязыка.

4. ДИНАМИКА И СТРУКТУРА

Как было показано выше, динамические (или энергетические) проявления нарастают по мере развертывания базовой матричности от уровня «+0» к уровню «-0». Отсутствие внешней динамики, то, что мы воспринимаем как статику или иногда «пустоту»¹⁵⁵, на самом деле, представляет собой возрастание значения структуры, ее качество.

¹⁵⁵«Шуньяту» буддийской психологии, абсолютную наполненность всего, нераздельность на атрибуты.

Вместе с тем, динамический элемент Универсума и человеческого существа всегда может быть представлен как структурный. Мы показали это на примере феномена времени, которое при переходе на более высокие уровни организации, расположенные ближе к базовой матрице антропосферы теряет характеры самостоятельного физического процесса и оказывается всего лишь одним из аспектов структурно-ритмической природы Глобального взаимодействия. Другим, хорошо известным примером сведения динамики к структуре является теория гравитации Эйнштейна.

Чисто методически сведение динамики к структуре всегда возможно потому, что, во-первых, при переходе на следующий уровень организации мы всегда можем обнаружить элемент, дополняющий любой отдельно взятый динамический элемент до некоторого суммарного постоянства – «действие» действительно всегда имеет «равное ему и противоположно направленное противодействие». В этом суть и содержание всех законов сохранения и принципа причинности.

Иными словами, обнаруживая в наблюдении некоторый динамический процесс или компонент, который всегда может быть выражен как некоторый вектор Z_n , мы, при метаанализе всегда можем выделить и другой вектор $(-Z_n)$, такой, что $Z_n + (-Z_n) = 0$. Это и приводит нас к мысли, что, в конеч-

ном счете, базовая матричная структура Универсума в векторном выражении имеет форму:

$$\sum_{i=1}^n Z_i = 0$$

Во-вторых, сам метапереход на следующий уровень структурной организации, где феномены предыдущего уровня оказываются следствиями более общих феноменов, т. е.

$$A \Rightarrow (?1, a2, a3...an),$$

означает неизбежную структуризацию коннотаций, присущих подчиненному уровню.

Преимущество структурного подхода очевидно на примере все тех же законов сохранения, которые позволяют переходить от слепой фиксации к констатации фактов («вещества стало больше», «вещества стало меньше» – если в качестве примера мы возьмем химию и закон сохранения количества вещества) к предсказанию возможных следствий и фактов, непосредственно не фиксируемых в первичном опыте (если «вещества стало меньше», значит, появилось какое-то новое вещество, которое можно обнаружить и выяснить его свойства). Нас же сейчас интересует другое.

Когда мы говорим о «периферичности» динамики, о возможности сведения динамики к структуре, это вовсе не означает, что динамика как таковой не существует, что она «нереальна». Наше утверждение следует понимать в плане сингулярной логики: если динамика это А, а «не-динамика» – \forall , то их объединение, которое мы и называем «структурой», есть объединение типа $A \& \forall$, т. е. структура – это «динамика» – «и» – «не-динамика», где «и» – внутренний закон композиции соответствующего структурного уровня, а отрицание динамики ведет все к той же знаковой формуле:

$$A = A = A' \Rightarrow (A \& A).$$

Это утверждение имеет очень важное значение для структурной психосоматики в плане предельной постановки проблемы: «Что такое сознание как таковое?». Читатель должен был заметить, что в настоящей книге мы нигде специально не рассматриваем конкретные психические (или физиологические) процессы. Это происходит потому, что для нас они сводимы к соответствующим структурным феноменам более высокого структурного уровня организации. Однако динамический непрерывный характер таких феноменов, как «сознание» или «жизнь» представляется интуитивно очевидным. Еще И. М. Сеченов писал: «Как основа научной психологии мысль о психической деятельности с точки зрения процесса, движения... должна быть принята за исходную аксиому, подобно тому, как в современной жизни исходной истиной считается мысль о неразрушимости материи. Принятая как проверочный критерий, она обязывает психологию вывести все стороны психической деятельности из понятия о процессе, движении.»

Однако, говоря о структурных феноменах психосоматики, сознания и жизни, мы все время подразумеваем, что эти категории применительно к конкретным их носителям предполагают постоянную метаморфозу, изменение или, лучше сказать, становление. Таков, в частности, смысл концепций «личной истории» и «личной эволюции».

Здесь важны следующие обстоятельства:

*

с точки зрения отражения-отреагирования как аспекта Глобального взаимодействия, любой конкретный уровень структурной организации представим в виде двух аспектов – динамики субъекта и «не-динамики» объекта¹⁵⁶.

*

с точки зрения предельного выражения субъективной процессуальности, при ее приближении к сингулярности «+0», мы можем выделить Абсолютную, «базовую» структурность сознания как первичного выражения базовой матричности – «не-динамику» – и приближающееся к ней индивидуальное сознание – «динамику»¹⁵⁷.

¹⁵⁶Так, традиция эзотерического буддизма в передаче Куналя (основателя школы сингон, посмертное имя Кободайси) рассматривает мир как совокупность принципа (ри) и совершенной мудрости (ти). «То, что осознает, – лишет Куналь в «Десяти ступенях развития сознания сокровенной мандалы», – есть мудрость; то, что осознается есть принцип. Названия разные, сущностная природа одна.» Таким образом, мудрость есть «динамизм» упорядочения, а принцип – «не-динамизм» потенции.

¹⁵⁴В буддизме ваджраяны это передается через описанное нами прежде приближение алаявиджняны (в своем «почти абсолютном» аспекте) к абсолюту татхачета-чербхи. Алая – воплощение «динамики» становления, а татхачета-чербха – «не-динамики» потенции, принципа.

Первое утверждение связано с устройством любого уровня относительно «высшего» по отношению к нему, а второе – со сквозным строением антропосферы, в котором базовая матричность представляет собой абсолютный аспект, а конкретное индивидуальное сознание – его относительное проявление. В этом смысле целью и идеалом «личной эволюции» и является приближение индивидуального проявления к универсальной первопринципе – «типу индивида» к «типу Адама».

Еще одно обстоятельство следует постоянно иметь в виду: когда мы говорим о том или ином уровне организации, о феноменах того или иного уровня – например, о логических уровнях сознания – это не значит, что существует или существует только этот избранный уровень: в реальной структуре Универсума или человеческого существа всегда присутствуют все структурные уровни, переход с одного уровня на другой – это вовсе не переход из одного мира в другой, а обретение нового состояния – и только. Это, во-первых, означает, что динамическая периферия равно присутствует в организации и «реализованной личности» – «сянь» – и человека, чей центр осознания всегда пребывает на первом логическом уровне. «Личная эволюция», во-вторых, сводится к тому, что благодаря осознанию глубинных логических уровней они приходят в соответствие с базовой матричностью антропосферы, происходит приближение относительного аспекта сознания к абсолютному¹⁵⁸.

¹⁵⁸Динамика сознания может быть представлена в целом ряде проявлений: как познавательная активность, «внешнее» отражение, как «внутреннее» отражение, как целеположение, как действие и т. д. Дальнейшая конкретизация может привести как к набору психических функций «научной» психологии, так и к любой другой классификации (например, буддистская классификация по 5 скандхам, 12 аятанам, 18 дхату; акорведическая классификация по индрия и шадиндрия и т. д.). Но «не-динамика» сама по себе еще не представляет собой структуру. Последнее – это именно сингулярное объединение – «динамика» – «я» – «не-динамика».

Таким образом, абсолютный аспект, состояние «сянь», «тип Адама», действительно не являются чем-то исключительным или недостижимым – в принципе, они доступны для каждого, хотя препоны на пути перехода центра осознания на глубинные логические уровни могут оказаться и очень существенными, трудно-преодолимыми, а иногда и непреодолимыми – ведь первый шаг к ним заключается в коррекции структурных дефектов, исправлении изъянов «личной истории» и даже врожденных генетических дефектов¹⁵⁹, а последующие шаги требуют большой личной работы, для которой чаще всего нет ни подлинного мотива, ни надлежащих условий.

¹⁵⁹Их-то сейчас частенько и называют «родовой кармой».

5. ПРИНЦИП ИЕРАРХИИ

Фрактальность организации Универсума, в целом, и человеческого существа как его составного элемента позволяет нам сформулировать еще один важный принцип – принцип иерархии. Он вытекает из того очевидного факта, что любой структурный уровень организации может быть подобным образом расчленен на подуровни и т. д., т. е.:

сингулярность «+0» сингулярность «n+0»

.....

n-ный уровень n, m-ный уровень

.....

сингулярность «-0» сингулярность «n-0»

К шагов

сингулярность «n, m... j+0»

.....

К шагов n, m... j-ный уровень

К шагов К шагов

сингулярность «n, m... j-0»

Здесь необходимо отметить несколько важных моментов, позволяющих, во-первых, использовать принцип иерархии в каче-

стве нелинейного метода решения самых разных задач, а, во-вторых, обсудить некоторые психосоматические аспекты фрактальной иерархичности мироустройства.

Разбивание данного уровня на подуровни «вниз», в принципе, может быть проведено до бесконечности. В разрезе структуры человеческого существа это значит, что в рамках любого логического уровня организации мы можем последовательно выделять его более «тонкие» аспекты, детально анализируя структуру отражения-отреагирования. К примеру, уровень карт может быть разбит на градации по степени общности соответствующих комплектов; далее такое разбивание может быть продолжено на сколь угодно большое количество шагов – к примеру, буддистская традиционная психология, склонная к выявлению тончайших нюансов психических состояний, выделяет 6400094080 подуровней¹⁶⁰.

¹⁶⁰В соответствии с раннебуддистской традицией абхидхармы. В более зрелый период центр тяжести исследований буддистской психологии был перенесен в область более общих вопросов – отношений субъекта и объекта, проблем «омраченности» и «просветления» и т. д.

У нас есть основания предполагать, что на «атомарном» уровне организации психосоматически представляет собой не-опозиционное единство дискретности и непрерывности, такое, что, во-первых, в пределе число подуровней бесконечно, а, во-вторых, между ними все-таки сохраняются сингулярные переходы.

Наличие этих сингулярных точек является вторым важным моментом. То, что сингулярности существуют и внутри уровней, приводит к простому выводу: любое «вертикальное» изменение состояния – психосоматики человека или произвольной организации структурного феномена Универсума – связано с рядом качественных скачков разной степени значимости. В конце концов, именно наличие таких сингулярностей позволяет говорить о различных стратегиях, различных картах и т. д. в том смысле, как это делается в настоящей книге: любой структурный феномен может разрастаться «вширь», вдоль занимаемого им структурного подуровня, но при этом он четко различим, поскольку «по вертикали» отделен от других сингулярными переходами¹⁶¹.

¹⁶¹В этой книге мы не задавались целью анализировать содержание подуровней логических уровней сознания – это задача дальнейших исследований. Из общих соображений представляется, что такой анализ уровня убеждений и, в особенности, более глубоких уровне может дать нетривиальные и практически значимые результаты.

С другой стороны, обобщение подуровней, т. е. переход «вверх» не может происходить неограниченное число раз. Такой переход ограничен, во-первых, сингулярностью «+0» данного мира (в том смысле этого слова, который мы определили в этой книге), а, во-вторых, числом возможных миров, ограниченным числом существующих фрактальных баз. Развертывание фрактала каждый раз происходит от базовой матрицы мира к периферии, а не наоборот – с полным повторением на каждом уровне и подуровне базового принципа развертывания. Например, в мире антропосферы мы всюду найдем семиричное строение уровней, причём общая закономерность такова, что сингулярные точки всегда открывают доступ «вверх» и «вниз».

С точки зрения человеческого существа, мы можем выявить только следующие «высшие» уровни: уровень семьи, уровень рода, уровень этноса, уровень Ното, уровень Активного Сознания¹⁶².

¹⁶²В том случае, если мы считаем, что человеческое существо обладает фенотипом индивида, а не более усеченным фенотипом особи. «Личная эволюция» предполагает, переход от одного фенотипа к другому, активизацию незадействованных зон генома – это означает также и иерархический переход. Человек, реализовавший в себе фенотип рода, соответственно, «становится» на уровень «родовых феноменов», а реализовавший в себе тип Адама – на уровень феноменов Активного Сознания – тогда для того и становится доступной антропосферная сингулярность «+0» и переход в «высший» мир, к состоянию сянь. Это замечание очень важно с точки зрения практики «личной эволюции».

Каждый из этих уровней имеет множественное разбивание, поэтому мы однозначно можем сказать, что точно так же, как существуют разные индивиды или разные этносы, должны существовать и разные носители Активного Сознания, отличные от вида Ното sapiens, но равные с ним с точки зрения базовой матричности того мира, который мы, в соответствии с нашим антропоцент-

ризмом, называем антропосферой. Биологическое происхождение здесь не является определяющим: два представителя равнозначных типов Активного Сознания могут быть совершенно различны биологически, с другой стороны, человек в состоянии «сянь» и «обычный» человек биологически, в смысле видового происхождения представляют собой «одно и то же». Разница иная – структурного порядка, и она определяет все.

Метод, базирующийся на принципе иерархии, в разрезе структурного анализа любых феноменов Универсума, достаточно прост – он заключается в выявлении «высшего» принципа при переходе к более общему уровню или в рассмотрении подчиненных феноменов с позиций закономерности уже известного уровня – в зависимости от задач, стоящих перед исследователем. Это значит, что человеческое существо как индивид следует рассматривать в контексте семьи, семью – в контексте рода и т. д. Человечество следует рассматривать в контексте Активного Сознания как такового, формой реализации которого оно является. С другой стороны, рассматривая подуровни, например, уровня карт, мы можем быть абсолютно уверены, что закономерности, справедливые для всех семи уровней сознания и для карт как таковых, будут справедливы и для любого подуровня, для карт любой степени общности (т. е. топологически, к примеру, они будут представляемы подобным образом, но при этом более общие карты будут нести черты в т. ч. и седьмого логического уровня – они связаны с отражением убеждений, отражающих аспекты Абсолюта, – а более конкретные в т. ч. черты и первого логического уровня – они связаны с отражением и обобщением единичных фактов).

Метод иерархического анализа применим и полезен всегда, но особенно он важен в двух случаях:

* как метод проверки концептуальных положений, выявленных на изучаемом уровне организации – так, если мы пришли к определенным выводам относительно природы человеческого существа как индивида, эти выводы должны следовать из «высших» иерархических уровней – уровня семьи, рода и т. д.: если при переходе к ним они «исчезают», то, значит, на уровне индивида являются всего лишь случайной флюктуацией; по сути, именно таким образом мы и можем отличить «патологию» от «нормы».

* как метод анализа «подчиненных» феноменов, которые в обязательном порядке должны сохранять видовые черты изученного уровня – если этого не наблюдается, то, либо наше наблюдение не точно, либо феномены, которые мы посчитали связанными иерархическими узлами, относятся, на самом деле, к разным структурным группам (например, мы приняли процесс за стратегию и т. п.).

6. ЭКСКУРСИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Выше мы уже несколько раз использовали термин «праджия». В литературе его обычно переводят словом «мудрость». Такого же толкования придерживались и мы. Характерно, однако, что, когда речь идет о практических аспектах праджии, о технике, ведущей к выработке этого качества, толкователи оказываются в затруднении. Они отмечают, что праджия противоположна дискурсии, и чаще всего говорят в том, что она тождественна интуиции. Дело, однако, в том, что метод мышления, противоположный формально-логической дискурсии, остается все же интеллектуальным актом, каковым интуиция, по крайней мере, в общепринятом, «западном», толковании этого слова, строго говоря, не является – она носит характер предчувствия и предвидения.

Механизм мышления, противоположного формально-логическому, иной – это обозрение проблемы с новой «высшей» позиции, когда рассматриваются не причинно-следственные связи, расположенные в плоскости проблемы, а вся она оценивается, что называется, «единым взглядом». Это мы и называем экскурсивной или экскурсивным мышлением.

На выработку его направлена, например, практика парадоксальных диалогов в секте чень (дзен) – вьнда (яп. «мондо») – и чаньских загадок. Вот пример: «Есть ли разница между Буддой и собакой?» – верным ответом будет: «Разницы нет,» – поскольку нет разницы между нирваной и сансарой – вторая иллюзорна и порождена «омраченным» сознанием. Как мы помним, с точки зрения буддизма махаяны, существует только нирвана – оппози-

ция нирваны и сансары снимается на глубинных логических уровнях. Другой пример: «Как звучит хлопок одной ладони?» – правильный ответ: «Точно так же, как и хлопок двух ладоней.»⁶³.

⁶³Мы приводим один из вариантов ответа.

Чтобы ощутить логику, приводящую к таким умозаключениям, необходимо понять, что здесь налицо переход от попытки дискурсивно, опираясь на выводы и контрвыводы, исследовать проблему, к решению ее «сразу», путем привлечения кардинально иного объема исходных данных и позиций более общих категорий. Для того, чтобы ответить на вопрос о Будде, необходимо перейти к уровню единства всего проявленного Универсума, т. е. в терминах структурной психосоматики – на шестой–седьмой логические уровни, вместо исследования периферических вопросов «что?» и «как?». Для того, чтобы ответить на вопрос о хлопке ладоней, необходимо шагнуть за рамки первоначальной постановки проблемы, вспомнить, что для хлопка необходимы две ладони, даже если мы условно сосредоточимся на одной.

Библейские и евангельские сюжеты также демонстрируют нам множество примеров экскурсивного мышления. Причем, оказывается, что иногда действие, невербальная реакция сильнее слов: так, у Матфея читаем (22, 16):

«15. Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах.

16. И посылают к Нему учеников своих с иродьянами, говоря: Учитель, мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице;

17. Итак, скажи нам: как Тебе кажется? Позволительно ли давать подать кесарю, или нет?

18. Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, маловеры?

19. Покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий.

20. И говорит им: чье это изображение и надпись?

21. Говорят Ему: кесарева. Тогда говорит им: итак, отдайте кесарево кесарю, а Божие Богу.

22. Услышавши это, они удивились и, оставивши Его, ушли.»

Очень интересно, что стих 18-й начинается с противопоставления «но» – действительно, фарисеи задали вопрос, который в рамках дискурсивного подхода предполагал два ответа, одинаково приемлемых для организаторов этой провокации – ответ: «Да, надо платить, потому что это кесарь,» – позволял обвинить Иисуса в нарушении Моисеева закона, а ответ: «Нет, не надо платить, потому что следует платить только храмовую подать,» – позволял обвинить его в неояльности к светским властям. Однако, Иисус перевел проблему в иную плоскость – разграничения мирского и небесного, дольного и горнего, кесарева и Божего, в рамках которой ответ оказался не только возможен, но и существенно значительнее вопроса.

Другой пример (Марка, 2, 23):

«23. И случилось Ему в субботу проходить засеянными полями, и ученики Его начали дорогою срывать колосья.

24. И фарисеи сказали ему: смотри, что они делают в субботу, что не должно делать?

25. Он сказал им: неужели вы никогда не читали, что сделал Давид, когда имел нужду и взял кол сам и бывшие с ним?

26. Как вошел он в дом Божий при первосвященнике Авиафере и ел хлебы предложенны, которые не должно было есть никому, кроме священников, и дал бывшим с ним?

27. И сказал им: суббота для человека, а не человек для субботы.»

И здесь вновь проблема переводится из области формально-логического обсуждения проблем закона в совершенно иную и «высшую» область – отношений человека и Бога, целей домостроительства Отца.

То же мы видим и во множестве других случаев. В особенности же замечательны так называемые «заповеди блаженства» (Матфея 5, 3):

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Божие.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедливо злословить Меня;

Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.»

ГЛАВА VI Ч. 2

Эти утверждения просто невозможно понять в рамках формально-логической дискурсии.

Впрочем, не следует думать, будто бы экскурсивное мышление может быть отнесено только к священным текстам и каким-то исключительным случаям. Всякий раз, когда, обсуждая какое-то предложение, мы вместо разбора его подробных обстоятельств говорим: «Так поступать нельзя, это неправильно», – или оцениваем собеседника по сумме признаков, которые по отдельности ничего не значат, да и не могут даже быть полностью перечислены, это тоже экскурсия.

Знаменитый конструктор Туполев говорил: «Хороший самолет должен быть красив», – и часто оценивал конструкцию именно по такому общему и нераздельному впечатлению от нее. Это и есть экскурсия. Висевший в его кабинете плакат с надписью: «По законам аэродинамики майский жук не может летать», – также был призывом именно к экскурсивному подходу.

Вот еще один характерный пример. Уравнение может быть решено путем перебора вариантов. Так и происходило в древности. Это дискурсивный подход. Затем появился алгоритм алгебраического решения. Переход к нему был экскурсивным шагом, само применение общей формулы вместо перебора – это экскурсия. Однако использование такого алгоритма в качестве заученного приема дискурсивно – сегодня это стандартное формально-логическое действие. Следовательно, когда экскурсивный результат достигнут и затем подвергнут анализу и переложен в русло формально-логических операций, он теряет свою трансцендентальность и становится еще одной дискурсивной операцией – мы на шаг переносим границу трансцендентального. Сама экскурсивная операция из ментального акта превращается во «внешний объект», присем.

Однако, во многих случаях экскурсивный мыслительный акт не может быть формализован – хотя бы потому, что он единичен. Что же характеризует его?

* во-первых, как мы уже сказали, это «взгляд сверху». Прежде всего, в том смысле, что постановка вопроса переносится на глубинные логические уровни сознания, где очевидными становятся общие закономерности, где они превалируют, а все прочие связи, включая конкретные причинно-следственные связи уровня карт, оказываются следствиями этих общих закономерностей;

* во-вторых, это «взгляд сверху» и в том смысле, что охват реальности значительно расширяется по сравнению с первоначальной зоной: объект, который интересует нас, охватывается в целом и, главным образом, с точки зрения своей вовлеченности в общую ткань мироздания, подобно прочим объектам того же класса – подобия или своеобразия;

* в-третьих, только разделение внимания способно обеспечить переход от дискурсии к экскурсии: действительно, формально-логическое мышление намеренно исключает из «системы координат» собственное Я, персональную позицию человека;

противоположный подход – последовательное восприятие реальности через себя, согласование хода отражения-отреагирования с глубинными структурами собственного существа и вынесения суждения «по внутреннему чувству».

Теперь мы видим, что экскурсивное мышление просто недоступно личности, чье сознание не способно оперировать на глубинных логических уровнях, начиная с пятого, свободно, чьи соответствующие структуры неистинны и не проработаны.

Вместе с тем, результат экскурсии – это часто еще не «полный результат»: ответ есть, но что делать с этим ответом? По «внутреннему чувству» конструктор «знает», что конструкция несовершенна (она «некрасива»), но это «знание» необходимо перевести в конкретику действий; или, окидывая поле предстоящей битвы, стратег мысленно «видит» ее будущий ход, но ему еще необходимо облечь свое «видение» в конкретику признаков; или, оценивая ситуацию, человек «чувствует», что «так не годится», но очень часто ему необходимо убедить в этом других, переложить свое «чувство» в слова. Это значит, что экскурсивный синтез (а экскурсивное мышление, в отличие от дискурсивного, иначе, чем синтезом не назовешь) должен сопровождаться анализом. Однако это анализ несколько иного рода, чем принято обычно (рис.) – суть заключается в том, что анализируются не составляющие объекта, находящегося в центре внимания, а его «внешние» связи, его место среди подобных и его отличительные признаки в общем ряду, т. е. в отличие от обыденного мышления, «высший анализ» следует за «высшим синтезом», а не наоборот. Такую совокупность, такую последовательность ментальных актов: «высший синтез» + «высший анализ» и можно соотносить с традиционным понятием «праджня» или «мудрость».

Мы видели также, что, говоря об экскурсивном мышлении, мы все время имели в виду некоторые точки отсчета, служащие основанием для его синтетических заключений. («Эта конструкция некрасива» (подразумевается некоторая общая «эстетика» эффективности). «Это не так, так не годится» (подразумеваются некоторые высшие «правила игры», представления о закономерностях мироустройства). «Что искушает Меня, маловеры?» – восклицает Христос (подразумевается наличие глубокого религиозного чувства, т. е. проработанность уровня проекции Абсолюта). Таким образом, праджня и «экскурсивное мышление», которое составляет часть нее («меньше» нее), соседствует с другими составляющими «истинного» сознания, переплетены с ними в неразрывное целое, как с точки зрения методов, так и с точки зрения оснований – с точек зрения той же школы дзен, эта составляющая суть: практика нравственности (шила), практика сосредоточения (самадхи), праджня, а в терминах структурной психосоматики – принцип экологичности и третья позиция, практика работы на глубинных уровнях сознания, принципиально нелинейные методы мышления. Таким образом, принцип экологичности и третья позиция обеспечивают мировоззренческие основы, практика работы на глубинных логических уровнях соответствует технике сосредоточения, а нелинейные методы мышления выступают аналогом праджни.

7. «ВЫСШИЕ» ПЕРЕЖИВАНИЯ

Состояния, характерные для глубинных уровней сознания, отличаются рядом особенностей, рассмотренных нами выше. Это:

- ◆ перенесение вектора внимания извне вовнутрь;
- ◆ изменение скорости прохождения ощущений и «внутреннего» течения времени;
- ◆ снятие глобальных оппозиций.

В связи с этим, большинство переживаний, присущих состояниям глубокого транса, принципиальным образом отличаются от подобных им, но характерных для уровней периферических. Однако, свойство нашего языка, как знаковой системы, не зависит от уровня коннотации, не указывая на него, создает особые трудности при попытках вербализации соответствующего опыта. Отсюда и возникла практика использования в отношении глубинных переживаний несколько высокопарного стиля, который может вызвать сомнения у человека, не имеющего собственного опыта подобного рода. Поэтому сразу отметим, что, когда мы используем определения типа «высший» или «неомраченный», по отноше-

нию к тем или иным психосоматическим феноменам, мы не имеем в виду ничего иного, кроме того, что эти феномены существенным образом отличаются от «обычных», в отношении которых принято использовать те же термины. При этом, в «высших» и «неомраченных» переживаниях нет ничего загадочного или недосягаемого – они просто иные.

Мы не можем не только специальным образом «назвать» их, но и адекватно описать – еще Лессинг заметил⁶⁴, что речь плохо приспособлена для передачи некоторых душевных движений.

⁶⁴См. «Лаокоон».

По сути, мы можем лишь намекнуть читателю о том, что он, скорее всего, и сам знает – ведь почти каждый из нас имеет хотя бы небольшой опыт пребывания на глубинных логических уровнях сознания (на «пиках» жизни, в моменты крайнего воодушевления, напряжения или опасности, вдохновения, озарения или сосредоточенного размышления), мы можем перечислить только некоторые присущие им «внешние» и далеко не самые существенные признаки.

Прежде всего, это необычайная четкость, яркость, острота и ясность всех ощущений. То, что происходит «вовне», столь же доступно и различимо, как и то, что происходит «внутри». Если речь идет о зрительном восприятии, то буквально каждый лист, каждая травинка, каждый лепесток в равной степени присутствуют в поле зрения, причем в каждый момент времени и при этом одновременно. Краски необычайно полны и богаты. Возвращение к периферическим переживаниям воспринимается после этого как «падение» в мир нереальных, тусклых и плоских предметов, напоминающих тени на стене. Если речь идет о слуховом восприятии, то точно такую же метаморфозу испытывает мир звуков. Телесные ощущения полны и различны, при этом само тело полностью управляемо и осознано. Мысли «удобным» образом выстраиваются в нужном направлении, каждая из них полностью ясна и может быть сознательно использована как база другой; не происходит ни перескока, ни прерывания течения ментального процесса, он не содержит «разрывов» и «темных» мест.

При этом, индивидуальной различимости каждого ощущения, каждого ментального акта, каждого воспоминания и т. д. сопутствует чувство единства, неразрывности и цельности бытия. Мир нерасчленим, он буквально представляет собой единое целое, «одну вещь». Эта «вещь» включает в себя и переживающую глубокий транс личность, которая одновременно «присутствует» и здесь, и всюду, становясь частью всех аспектов единой реальности, в которой «все – одно» или «все есть все».

Точно так же и время собирается в единый узел, где прошлое (и будущее? – ставим вопрос потому, что речь идет не о линии, не о некоей нерасчленимой пространственности) столь же реально, как и настоящее. Ощущение текущего момента не утрачивается, но радикально меняется. Можно сказать, что оно сплетается с ощущением вечности. Здесь применима такая метафора: если в «обычном» состоянии текущий момент равен точке, за пределами которой все воспринимается в некоем тумане или не воспринимается вовсе, то «высшему» состоянию присуще знание о сложной геометрии «пространства времени», вдоль линий которого эта точка летит. Эти линии столь же доступны, как и точка «сейчас», они даже более реальны, поскольку сказанная точка представляет собой лишь частную и ускользающе малую конкретизацию их.

Однако, все происходящее не воспринимается как чудо, греза или видение. Пожалуй, самое главное чувство, присущее «высшим» переживаниям – это ошеломляющее чувство абсолютной и конечной реальности и подлинности. Санскритское слово *tathata* (татхата) – «таковость», которое мы неоднократно уже упоминали, очень удачно передает суть этого чувства. Мир действительно предстает «таким», каков он есть, а не «почти таким», все воспринимается «именно так», а не «так как кажется». При своей одновременной цельности и детальности восприятие «не-двойственное», анализ и синтез абсолютно и одновременно и непротиворечивы, «поток сознания» недробен и не разорван, хотя и предстает не как линия, образованная отдельными точками – мигами, а как некий абсолютно четкий и кристаллически ясный симметричный объем.

Единство мира и собственного Я вовсе не означает отсутствие последнего. Когда, описывая высшие состояния, говорят обиллю-

зорности Я или о растворении Я в Универсуме, речь идет только о том полюсом Я, которое обычно присутствует на периферических уровнях. Оно отступает, «отваливается как маска», и обнаруживается, что эта бледная тень, эта «персона», ощущаемая обыденным понятием непосредственно и урывками, действительно в некотором смысле лишь иллюзия. Этому противостоит ощущение всепроникающего собственного присутствия, личной вовлеченности в феноменальную и ноуменальную реальность мироздания.

Глубина переживаний также ошеломляет. Главным образом, именно поэтому трудно сопоставить с глубинным опытом подобные состояния периферических уровней. Любая мысль, любая эмоция развиваются полностью до своего логического завершения, и в ходе такого развития абсолютно ясны, постижимы и доступны. В них не приходится сомневаться, гадать, «что это со мной?», «чего я хочу?» – они просто есть.

Последняя особенность, о которой хотелось бы вспомнить здесь, – это «свет». Содержание мыслей, их направление, предмет и обстоятельства могут быть самыми разными, но при этом в них никогда не бывает чего-либо «темного» или гнетущего, каково-либо страха, напряжения и неуверенности. Свет – яркий, «хрустальный», но при этом не режущий, и физически наполняет все «пространство бытия». Некоторые называют это «счастьем», некоторые – «неомраченностью», некоторые – «благодатью» и т. д. Между тем, любое название тускло и неопределенно. Оно и «меньше» истины, и «не попадает в цель».

Что касается содержания феноменов глубинных трансовых состояний, то мы могли бы говорить о «чувствах» (чем-то качественно «большем», нежели эмоции), «непосредственном знании», «мудрости» (праджня) и т. д., но не как о отдельных актах, а как о разных аспектах одного и того же акта – «на самом деле» все ощущения, все чувства, память, интеллект, интуиция – все это действует одновременно, слитно и неразрывно, и если что-то выступает на первый план, то лишь подобно тому, как какая-либо грань кристалла может оказаться в тот или иной миг на первом плане перед глазами ребенка, играющего камешком – однако, тем не менее, все прочие грани остаются «здесь», без них выделенная грань просто не существует. И, более того, – кристалл может быть по желанию повернут нужной гранью.

8. ТРАДИЦИИ: ВНЕШНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ

После всего сказанного не покажется странным утверждение, что все традиции по своей сути представляют собой одно и то же, говорят об одном и том же, ведут к одному и тому же. Они различаются внешним антуражем, который всегда имеет культурально обусловленный характер, терминологически, технически и т. д. Они представляют собой разные пути в гору, но гора, о которой мы говорим, всегда одна и та же.

Мы намеренно старались, во-первых, использовать материал разных традиций (хотя, конечно, далеко не всех⁶⁵), а, во-вторых, решительно разделить «внешнюю» и содержательную стороны этих систем.

⁶⁵В частности, в этой главе мы использовали преимущественно буддистскую традицию т. н. школ «северного буддизма» – махаяны и ваджраяны. Это делалось потому, что прежде, мы уже обращались к материалу других традиций – каббалы, йоги, веданты, а, кроме того, именно буддизм разработал одну из наиболее совершенных психологических доктрин за всю историю человечества.

Поэтому нас мало интересует то, что можно было бы назвать «этнографическим» материалом – обряды, одежды и ритуальные предметы, т. е. именно то, что более прочего интересует «обыденное» мышление.

Но даже при таком подходе, подходе сдержанном и трезвом, возникают три проблемы, по поводу которых необходимо высказаться отдельно.

Первая из них – это мировоззренческие идеалы различных традиций. На первый взгляд, они кажутся несовместимыми и даже противоположными. Каббала, основанная на иудаизме (и даже каббала средневековых европейских мистиков, основанная на странной смеси католицизма, язычества и утонченного исламского мистицизма арабского халифата), тибетский буддизм с его йогой лами¹⁶⁶

¹⁴⁷Т. е. «йогой учителя» – строгой дисциплиной ученичества и подчинения своей воле воле гуру.

и суровым нравственно-магическим обиходом, китайский, впитавший в себя тысячелетние противоречия Срединной империи, японский (в особенности это касается «модной» школы), неотделимый от самурайского бусидо и, пожалуй, наиболее экзотический и киногоеничный, йога, воспринимаемая современным человеком лишь как практика статических поз и совершенно непостижимая в своих проповедях отказа от Я, растворения в Абсолюте и т. д., цигун, восходящий, в конечном счете, к «немудрой мудрости» даосов, к их отказу от цивилизации, карьеры и даже маломальски обустроенного быта, ортодоксия Православия, с её жесткой аскетикой... Однако, уже это перечисление, абсолютно «внешнее», указывает на суть проблемы – и на суть ее решения. Повторим, но с других позиций. Кабала – мистицизм строгого единобожия, творения и фатализма; буддизм – религия, где Абсолют заключен в относительном бытии, как в темнице; йога – суровая практика распознавания в себе самой частицы Того, кто видит сон обывденной жизни; цигун, выявляющий в человеке ту сторону его природы, которая делает его одной из сил или стихий Универсума; христианство, требующее «простых» вещей – абсолютной ответственности, абсолютной свободы воли, «подражания Христу» и «сораспятия с Ним»...

Итак, на самом деле, все это достаточно «внешние» характеристики, обусловленные ни чем иным как способом коннотации, которые (как, впрочем, и соответствующие им «внутренние» учения) не могут быть ни поняты, ни восприняты вне соответствующего культурного контекста. Нельзя всерьез говорить о кабале, не становясь при этом хотя бы отчасти хасидским ребе или мистиком времен Агриппы Нестингеймского; нельзя рассуждать о буддизме вне ощущения условий, в которых складывались «три поворота колеса» учения¹⁴⁷;

¹⁴⁷Речь идет о разбивании текстов махаяны на три периода и три группы: дхарма – чакра – превартана. Первый период – это тексты абхидхармы, второй – праджняпарамиты и третий – ваджраяны.

нельзя судить о йоге, не испытав на себе жесткой дисциплины «шишь гуру парампары»; нельзя заниматься цигуном, отстранившись от всей совокупности культурно-исторических реалий Поднебесной; нельзя практиковать «умное делание», не будучи православным. Это не значит, что человеку дано следовать только одним путем, что он не может почувствовать «вкус разных источников» – просто он должен всякий раз погружаться внутрь традиции, а не «посещать» ее, как посещают туристы забытые храмы. Дело совсем не в том, что мировоззрение, присущее носителю разных традиций, разное. Дело в том, что необходимо пройти сквозь это мировоззрение к источнику, к содержанию, а возможно это именно лишь как движение «сквозь», а не прыжок «через». На седьмом логическом уровне оппозиции мировоззрений снимаются – все становится «ясно» и «одинаково», но только как разные следствия общей причины, все-таки разные и целостные во всех своих составляющих.

Проблема вторая – практика. Кажется, будто бы можно взять от одной из традиций одно, а от другой – другое, или сразу же приступить к высшим составляющим системы, минуя «понятные» или даже «тривиальные» шаги. Что, действительно, толку рассуждать о бытовом укладе, о морально-нравственных правилах, о мелких повседневных гигиенических процедурах, когда обещаны «чудеса» и «откровения»? Зачем практиковать, если мы говорим о йоге, яму и нияму, если можно сразу же сесть в позу лотоса и приступить к концентрации? Стоит ли утруждать себя всеми «мелочами» христианства, если существует аскетика, которая «сама собой» даст тебе мудрость и общение с Богом? Зачем забивать себе голову обширнейшими сведениями из области астрологии, языка, нумерологии и т. д., зачем изучать Библию, когда достаточно, прочитав Папюса, нарисовать пантакль – и желаемое исполнится? Но дело в том, что традиционные системы работают

только в своей целостности. Никакое упрощение, никакая адаптация здесь недопустимы. Это трудно, но это так. «В геометрии нет царских путей» – эти слова Эвклида тем более справедливы для предметов, многократно более сложных. Ведь все подготовительные ситуации – это своеобразная настройка, структурирование логических уровней сознания в последовательности от периферии к ядру, а иного пути не существует. Одно из правил китайской медицины гласит: «Не стоит красить мусорное ведро, если в нем содержится мусор». Применительно к традиционным системам «личной эволюции», этого не только не стоит делать, но это еще и опасно. Результат может оказаться противоположным искомому – недаром мы часто встречаем людей, повредивших свое психическое и физическое здоровье в результате бездумного и бессистемного практикования Йоги, каббалы, дзена.

И тут неизбежно возникает третья проблема – а стоит ли практиковать традиционные системы? Стоит ли вообще обращаться к ним и, если обращаться, то на каком уровне и в каком смысле? Конечно, здесь ответ всецело зависит от личной позиции конкретного человека, но мы рискуем дать наш собственный, основанный и на серьезных занятиях традиционными практиками, и на попытке создания современной системы «личной эволюции», каковой в одном из аспектов и является структурная психосоматика.

Каждое время, каждая культурная традиция предполагает свои методы и средства, свои пути к собственному Я. Средневековый город, тибетское высокогорье, замок японского князя-дайме, индийская глубинка, пусть даже и конца XX века, Россия, пусть даже конца XIX – все это не только разные социальные, культуральные и исторические среды, но они не имеют ничего общего с Европой, пусть даже это Россия на рубеже третьего тысячелетия. Мы убеждены – наше время требует новых средств и новых практик. Попыткой дать эти средства и эти практики и является «структурная психосоматика», если ее понимать не как терапию или метод анализа антропологических феноменов, а как «практическую философию».

Это не значит, во-первых, что занятия традиционными системами невозможны или бесполезны. Для кого-то только они и подходят, но все же практиковать их в полном объеме, живя современной жизнью, затруднительно и, можно сказать, излишне.

Это не значит, во-вторых, что к традиции не следует обращаться вовсе, ее вообще стоит забыть и отвергнуть. Напротив, мы считаем, что на уровне знания (или «джайянь») ¹⁴⁸, практикующий методы структурной психосоматики должен основательно разбираться и в традиционных системах – сквозь призму соответствующего культурального контекста.

¹⁴⁸Букв. «знания» – это слово имеет оттенок «специальное знание-умение или «знание-умение».

Мы даже используем такое знание как одно из средств достижения нашей цели – хотя бы потому, что культура настоящего и грядущего интегральна, но главным образом, потому, что не стоит «изобретать велосипед» – лучше, учитывая все особенности содержательной и сингулярной логики, пользоваться достижениями прошедших веков и открытиями нашей цивилизации.

Это не значит, в-третьих, что, вслед за отказом от традиционной практики, следует отказаться и от религии. Практики «личной эволюции» всегда только существовали на общем культуральном фоне, включающем и религиозное мировоззрение. Структурная психосоматика как метод «личной эволюции» допускает любую веру, любые религиозные убеждения – она предполагает и прямо утверждает идею Абсолюта, но ничего не может сказать о его характере, поскольку и не пытается проповедовать из-за сингулярности «+0», с уровня состояния «сянь», отсюда природа Абсолюта только и может быть каким-либо образом постигнута.

Это не значит, наконец, что как практика структурная психосоматика проще или допускает большую волюность – она включает в себя практически те же аспекты и ступени, как и любая традиционная система, и категорически утверждает: только полное и последовательное следование всем предписаниям может обеспечить условия успеха (хотя и не гарантирует его, поскольку, как и всегда, основное зависит от самого человека).

СОДЕРЖАНИЕ

Нелинейность и текст (вместо предисловия)	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: Базовые понятия. Методологические и философские основы подхода	
Глава 1 Предмет и доктрина структурной психосоматики	8
1.1 Вертикальные уровни организации	10
1.2 Логические уровни сознания	13
1.3 О феномене времени	19
1.4 Макрокосм - мистерия подобного в подобном	21
Глава 2 Структура и сущность. Ядерная зона	26
2.1 Прежнее и будущее небо	28
2.2 Структура генома	31
2.3 Образ и подобие	34
2.4 Человек и тень	37
Глава 3 Глобальное взаимодействие	40
3.1 Теорема Геделя	44
3.2 Фрактальные базы	46
3.3 Смыкание «личной истории»	48
3.4 Конусообразный спирализованный вектор	50
Глава 4 Интеграторная система	54
4.1 Структурные представления в древневосточной медицинской и эзотерической традиции	58
4.2 О феномене энергии	63
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: Методология и техника работы. Анализ терапевтических случаев	
Глава 1 Стратегии и карты. Психотравмы	70
1.1 Фатум и воля	77
1.2 Проблемы телесности - культуральные аспекты	80
1.3 Репрезентативные системы и калибровка	84
Глава 2 Работа с патологическими стратегиями	90
Глава 3 Введение в техники телесной работы	102
3.1 Телесные метафоры	112
3.2 Третья позиция	115
Глава 4 От периферии к ядру. От ядра к периферии. Неконгруэнтности	118
4.1 Неконгруэнтности и калибровка	124
4.2 Принцип экологичности	128
4.3 Имплантации: сектантское сознание	129
Глава 5 Структурная работа	136
5.1 Семинары и трансперсональные структуры	141
5.2 Работа со знаковыми системами	148
5.3 Сведение логических уровней сознания	153
Глава 6 «Личная эволюция» и методы мышления	158
6.1 Уровень значения и уровень выражения (содержательная логика)	161
6.2 Снятие оппозиций (сингулярная логика)	164
6.3 Метаязык и метапредставление	166
6.4 Динамика и структура	167
6.5 Принцип иерархии	168
6.6 Экскурсивное мышление	169